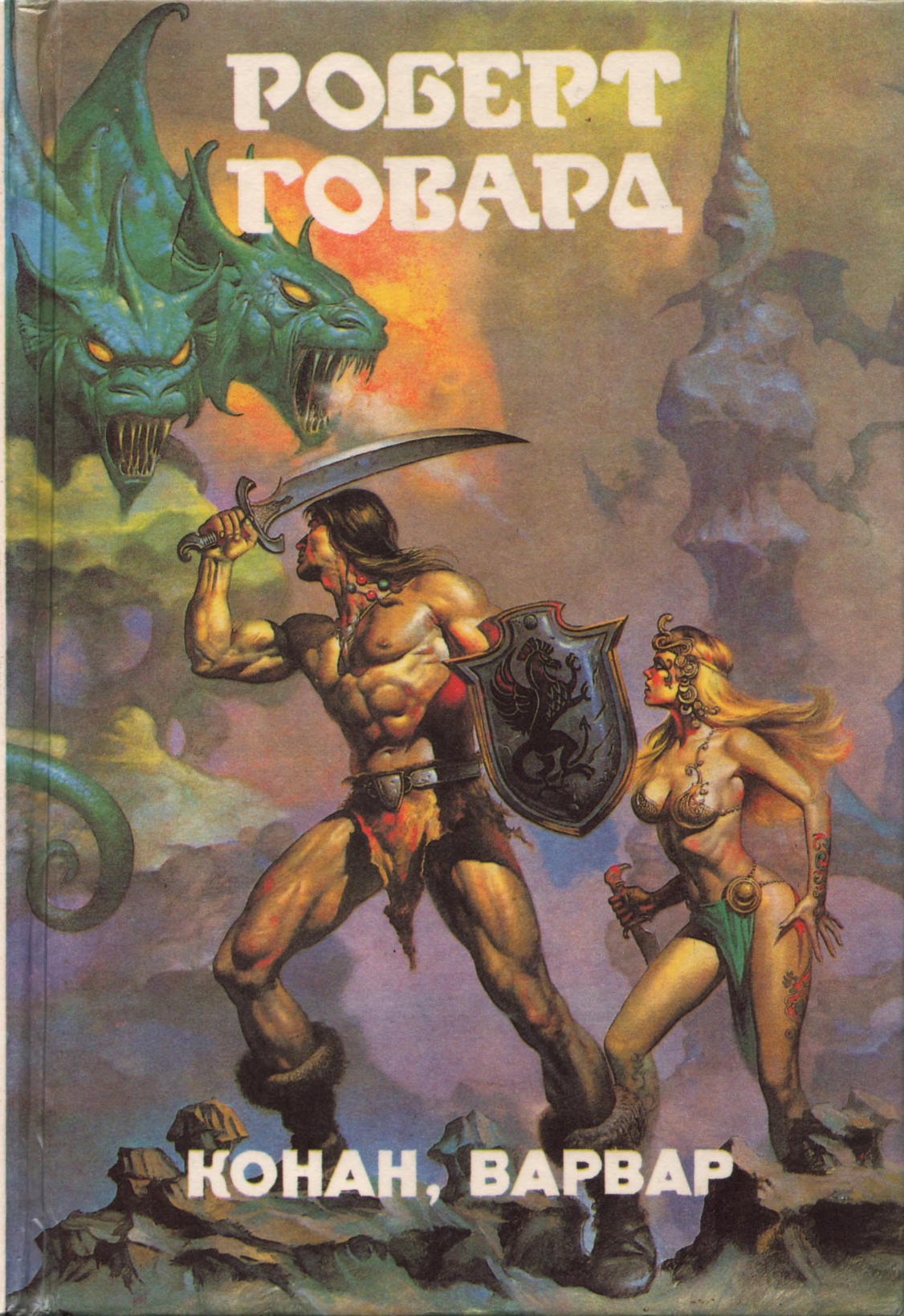
МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

МОСКВА
ГФ «ПОЛИГРАФРЕСУРСЫ»
ТОО «ТРАНСПОРТ»
1993

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ
8

РОБЕРТ ГОВАРД

КОНАН, ВАРВАР

КНИГА ВОСЬМАЯ

РОБЕРТ ГОВАРД
«КОНАН, ВАРВАР»
г. Воронеж. ТОО «Росма», 1993 г., 560 стр.

Серия романов Р. Говарда «Конан, варвар» написаны в стиле фэнтези. Это одно из лучших фантастических произведений американской фантастики. В романе присутствуют: магия, мистика, колдовские силы, средневековые замки, прекрасные принцессы и смелые обаятельные рыцари. Любителям фантастики роман знаком по видеофильмам «Конан, варвар» с участием Арнольда Шварценеггера.

ISBN 5-900372-04-9

© Выпуск осуществлен ТОО «Росма» с согласия «Сириуса» и «Транспорта»
© В оформлении обложки использованы работы американского художника Бориса Вакледто. 1993 г.

ГИБОРИЙСКАЯ ЭРА

ПРОЛОГ

Об эпохе, названной немедийскими летописцами Допотопной Эрой, мало что известно: пожалуй, с некоторой долей уверенности можно говорить лишь о ее последнем периоде, да и то эти сведения окутаны туманом легенд.

Самые ранние исторические свидетельства рассказывают об упадке допотопной цивилизации. Наиболее влиятельными в тот период были монархи Камелии, Валузии, Верулии, Грондара, Туле и Коммории. Народы этих государств говорили на одном языке, что свидетельствует об их общем происхождении.

Существовали тогда и иные державы с похожим уровнем развития, населенные другими народами, скорее всего, более древними.

Варварами же той эпохи были пикты, жившие на островах, расположенных в Западном Океане далеко от материка, атланты, населявшие небольшой континент между островами пиктов и Главным, или Туранским, материком, и лемурийцы, заселявшие архипелаг больших островов в южном полушарии.

И существовали также бескрайние просторы неизведанных земель. Цивилизованные государства, при всей их обширности, занимали весьма скромную часть земной суши.

Самым западным царством Туранского континента была Валузия, самым восточным — королевство Грондар. Жители Грондара были менее цивилизованы, чем их сородичи в других государствах. К востоку от Грондара простиралась бесконечная пустыня, безлюдная и дикая.

Там, где земля была более щедрой, в джунглях и отрогах гор, жили примитивные первобытные племена. Далеко на юге существовала таинственная цивилизация, не имеющая ничего общего с туранской,— скорее всего, дочеловеческая. Восточные побережья континента населяла другая раса, также нетуранская по происхождению. Время от времени с нею в контакты вступали лемурийцы; раса эта происходила, по-видимому, с загадочной, вечно покрытой туманом земли, лежавшей к югу от островов Лемурии.

Туранская культура клонилась к упадку. Армии Турана состояли по большей части из варваров-наемников. Полководцами, политиками, а нередко и правителями туранских государств были пикты, атланты и лемурийцы.

О междоусобицах и стычках, о войнах между Валузией и Комморией, о том, наконец, как атланты покорили часть старого ма-

терика и основали державу, легенд осталось куда больше, чем достоверных исторических свидетельств.

Пробил час, и катастрофа опустошила землю. Ушли на дно Лемурия и Атлантия; острова же пиктов, напротив, поднялись и стали горными вершинами нового материка. Исчезла в волнах большая часть Турана, затонули и некоторые области в глубине континента — на их месте образовались огромные внутренние моря и озера. Повсюду заклокотали вулканы, и чудовищные землетрясения превратили богатые города в груды развалин. Целые народы исчезли с лица земли.

Варварским племенам повезло больше, чем цивилизованным людям. Острова пиктов погибли, но большая колония пиктов, основанная на южной границе Валузии для защиты рубежей, не пострадала. Пощадил катаклизм и континентальную державу атлантов: тысячи их соплеменников прибывали туда на кораблях, покинув погружающуюся в океан отчизну. Многие лемурийцы спаслись на малозатронутом катастрофой восточном побережье Туранского континента. Там они попали под иго загадочного древнего народа. Их история на многие тысячелетия стала историей жестокого угнетения и рабского труда.

Изменившиеся природные условия в западной части континента привели к расцвету причудливых форм животных и растений. Густые джунгли покрыли равнины, бурные реки в своем стремлении к морю пробили глубокие ущелья, до небес поднялись горные массивы, а развалины древних городов, расположенных в цветущих долинах, очутились на дне озер.

Со всех сторон стекались к континентальной державе атлантов стаи зверей и первобытных людей, обезьян и человекообразных, спасавшихся из затонувших областей. В постоянной борьбе за существование атланты сумели, однако, сохранить остатки своей варварской культуры. Лишенные металла и металлических руд, они, подобно предкам, вернулись к обработке камня и преуспели в этом, но столкнулись с сильным народом пиктов. Пикты также занялись выделкой кремневых орудий, но их военное искусство развивалось быстрее, чем у атлантов. Пикты были расой многочисленной, хотя и примитивной,— не осталось от них ни рисунков, ни резьбы по кости,— только горы отличного каменного оружия.

Сшиблись в схватке эти народы каменного века, и после ряда кровопролитных войн пикты отбросили атлантов на уровень убогого варварства, хотя и сами остановились в развитии.

Спустя пять сотен лет после Катастрофы исчезли с лица земли королевства варваров. Остались от них вышеназванные племена — дикие и непрестанно враждующие. И числом, и организованностью пикты превосходили атлантов, распавшихся на роды, слабо соединенные племенными связями.

Таков был Запад в ту эпоху.

На Дальнем же Востоке лемурийцы, отрезанные от остально-

го мира гигантскими горными хребтами и цепями великих озер, продолжали влачить рабское существование под пятой древних аборигенов.

Отдаленные области Юга покрыты мглой тайны. Катастрофа их не коснулась, но еще не скоро эта земля сыграет свою роль в истории человечества.

Среди невысоких холмов Юго-Запада сумели выжить остатки народа невалузийского происхождения; люди эти называли себя «земри».

Тут и там были разбросаны по свету племена обезьяноподобных дикарей. Они и знать не знали о расцвете и гибели великих цивилизаций. Но далеко на Севере уже приближалась понемногу к барьеру, разделяющему зверя и человека, иная первобытная раса.

Во время Катастрофы небольшая группа дикарей, по уровню недалеко ушедших от неандертальцев, в поисках спасения бежала на Север. Там они нашли заснеженную страну, населенную лишь воинственными обезьянами — сильными, обросшими белой шерстью животными, вполне приспособившимися к здешнему климату. Пришельцы вступили в борьбу с ними и вытеснили обезьян за Полярный Круг — на верную, как им думалось, погибель. Но обезьяны и там приспособились и выжили.

После того, как войны пиктов и атлантов уничтожили то, что могло стать зачатком новой цивилизации, следующая, так называемая Малая Катастрофа, еще больше преобразила старый материк. Великие озера слились в одно континентальное море, отделившее Восток от Запада. Землетрясения, наводнения и извержения вулканов довершили гибель варваров — гибель, которую они сами уготовили себе во взаимных войнах.

Через тысячу лет после Малой Катастрофы Запад представлял собой дикую страну джунглей, озер и бурных рек. На Юго-Западе между лесистых холмов бродили кочевые племена человекообразных, не знавших ни речи, ни огня, ни орудий,— это потомки атлантов, погрузившиеся в бездну дикости, из которой с таким трудом выбрались их предки. Там же, на Юго-Западе, жили рассеянные племена выродившихся пещерных людей, говоривших на примитивном языке. Они по-прежнему называли себя пиктами, но теперь это слово означало просто «человек» — чтобы отделить себя от зверей. Только это имя связывало пиктов с древней историей их племени. Ни выродившиеся пикты, ни обезьяноподобные атланты не вступали в контакты с другими народами.

На Дальнем Востоке лемурийцы, доведенные почти до животного состояния рабским трудом, подняли восстание, перебили своих угнетателей и вернулись к первобытному образу жизни среди развалин загадочной цивилизации. Остатки их поработителей, спасшихся от возмездия, двинулись на Запад, напали на таинственное древнее королевство и установили там свою власть. Культура победителей под влиянием культуры побежденных претер-

пела значительные изменения. Так возникло государство, именуемое «Стигия». Известно также, что исконных жителей этой страны осталось в живых совсем немного, и завоеватели относились к ним с известным почтением.

О диких племенах, разбросанных по свету, ведомо лишь то, что они все больше приближались к людям. Но это и все.

Зато возросло могущество народов Севера. Они называли себя гиборийцами или гиборами. Богом их считался Бори — некий великий вождь, который, согласно легендам, правил ими еще до короля, приведшего их на Север в дни Катастрофы — во времена, память о которых осталась только в преданиях и легендах.

Гиборийцы распространились по северным областям и неторопливо перемещались к югу. До некоторых пор они не сталкивались с другими народами и воевали лишь между собой. Спустя полторы тысячи лет, проведенных в снежной стране,— это светловолосые высокие люди, вспыльчивые и воинственные. Уже на этой стадии развития их культуру отличала своеобразная природная поэтика и умение хорошо рисовать. Жили они, главным образом, охотой, но их южные племена уже сотни лет занимались скотоводством.

Только один случай нарушил полную изоляцию гиборийцев от других народов, когда вернулся с Дальнего Севера странник и принес известие, что ледяные пустыни вовсе не безлюдны — их населяют многочисленные племена человекообразных, происходящих, по его словам, от тех самых обезьян, которых прогнали предки гиборийцев. Странник утверждал, что следует послать за Полярный Круг вооруженные отряды и перебить этих бестий, пока они не превратились в настоящих людей. Над ним посмеялись. Только небольшая группа молодых воинов в поисках приключений двинулась за ним на север и пропала: ни один не вернулся. Гиборийцы же, по мере увеличения своей численности, продвигались на юг.

Следующее столетие было эпохой путешествий и завоеваний. По исторической карте мира текли реки племен, постоянно изменяя ее.

Поглядим на эту карту пятьсот лет спустя.

Отряды русоволосых гиборийцев продвинулись к югу и западу, покорив или уничтожив множество малых, неизвестных народов. Потомки первых волн переселенцев, смешавшись с побежденными, приобрели иной расовый облик. На них напирают племена чистокровных гиборийцев, сметая со своего пути все иные народы, словно щетка мусор,— в результате расы еще больше перемешиваются между собой.

До сих пор, однако, победители еще не сталкивались с наиболее древними расами.

Тем временем на Юго-Западе потомки народа Земри, в жилах которых также течет свежая кровь некоего таинственного племе-

ни, пытаются хотя бы отчасти возродить свою древнюю культуру.

На Западе начинают долгое и трудное восхождение обезьяноподобные атланты. Цикл развития для них замкнулся, давно уже забыли они, что их предки были людьми, и движутся сейчас без путеводной звезды — памяти о прошлом.

Живущие к югу от них пикты остаются дикарями. Нарушая все законы эволюции, они не развиваются и не деградируют.

Еще дальше на юг дремлет таинственное, древнее уже государство Стигия. На его восточных рубежах живут кочевники-номады, уже тогда известные как Сыновья Шем, или шемиты.

Под самым боком у пиктов, в цветущей долине Зингг под защитой высоких гор безымянное примитивное племя, родственное шемитам, сумело наладить развитое сельское хозяйство.

К мощному натиску гиборийцев прибавился еще один фактор: одно из племен овладело искусством возводить каменные постройки, и вскоре миру предстала первая гиборийская держава — дикое варварское королевство Гиперборея, начало которому было положено возведением примитивной каменной крепости для защиты от межплеменной розни. Люди этого племени быстро отказались от шатров из конских шкур и переселились в неказистые, но крепкие каменные дома. Укрепившись таким образом, они стали немалой силой в тогдашнем мире.

Немного было в истории переломных моментов, равных по значению созданию этого сильного и воинственного государства, жители которого внезапно отказались от кочевой жизни и возвели дома из неотесанных глыб, окружив из циклопическими стенами. И совершил это народ, только что вышедший из каменного века, по чистой случайности открыв основные принципы строительного искусства.

Рождение королевства Гиперборея подтолкнуло развитие многих гиборийских племен. Одни из них были побеждены в войнах, другие просто отказались от оседлости своих собратьев — и все они двинулись по дорогам, протянувшимся через полмира. И уже тогда выдвинувшиеся на север племена гиборийцев стали все сильнее ощущать напор светловолосых дикарей, недалеко ушедших в своем развитии от человекообразных.

Рассказ о следующем тысячелетии — это сага о нарастании мощи гиборийцев, воинственные племена которых подчинили себе весь Запад. Именно тогда начинают возникать первые примитивные королевства. Русоволосые захватчики столкнулись с пиктами и вытеснили их на бесплодные западные земли. Осевшие на северо-западе потомки атлантов медленно превращаются из обезьян в первобытных людей, не соприкасаясь еще с гиборийцами.

На Дальнем Востоке лемурийцы развивают свою собственную странную цивилизацию. Гиборийцы основывают на юге королевство Котх, граничащее с пастушеской страной, именуемой Земля Шем. Полудикое местное население постепенно отказывается от

варварских обычаев — отчасти благодаря контактам с гиборийцами, отчасти под влиянием Стигии, которая в течение столетий донимала пастушеские племена грабительскими набегами.

Светловолосый народ дикарей с Дальнего Севера так укрепился силой и числом, что северные гиборийские племена бросились на юг, сметая поселения своих сородичей. Одна из северных орд покорила древнюю Гиперборею, но название державы осталось неизменным.

На юго-востоке от Гипербореи из королевства Земри возникает государство по имени Замора. На юго-западе пикты вторгаются в плодородную долину Зингг, покоряют ее жителей и оседают там. Таким образом, возникает смешанная раса. Ее, в свою очередь, подчиняет одно из гиборийских племен, и, соединившись в одно целое, они дают начало королевству Зингара.

Пять веков спустя границы государств уже четко определены. В западной части мира преобладают гиборийские державы — Аквилония, Немедия, Бритуния, Гиперборея, Кохт, Офир, Аргос, Коринтия и Пограничное Королевство. К востоку от них лежит Замора, на юго-западе — Зингара. Их народы схожи только смуглой кожей да причудливыми обычаями.

Далеко на юге притаилась Стигия, еще свободная от иноземного ига, но уже значительно ослабленная, ибо шемитские народы сбросили стигийское ярмо, предпочтя ему менее тягостную зависимость от королевства Котх. Смуглолицые угнетатели отброшены за великую реку, именуемую Стикс, а также Нилус или Нил. Река эта течет на север из неведомых южных земель, потом поворачивает почти под прямым углом и несет свои воды на запад через щедрые пастбища Земли Шем прямиком в великий Океан.

Самое западное гиборийское государство — лежащая к северу от Аквилонии Киммерия. Дикие его обитатели не отказались от кочевой жизни. Это потомки атлантов. Благодаря связям с гиборийской культурой они развиваются куда быстрее своих извечных врагов — пиктов, населяющих джунгли на западе Аквилонии.

Спустя следующие пятьсот лет гиборийская цивилизация развита уже настолько, что ее влияние помогает диким племенам вырваться из бездны варварства. Самым могущественным государством становится Аквилония, а другие стараются сравняться с ней в богатстве и силе.

Гиборийская раса сильно изменилась из-за притока чужой крови. Наибольшей близостью к общим северным предкам могут похвастаться только обитатели Гандерланда — северной аквилонской провинции. Но чужая кровь не ослабила гиборийцев — они все еще решающая сила на Западе, хотя в степях неустанно растут и множатся новые племена и народы.

На Севере потомки арктической расы — русоволосые голубоглазые варвары — вытеснили племена гиборийцев, им противостоит только древняя Гиперборея. Родина этого северного племе-

ни зовется Нордхеймом, обитатели ее делятся на рыжих ванов из Ванахейма и белобрысых асов из Асгарда.

Тут на карте истории снова появляются лемурийцы — на этот раз под именем гирканцев. Многие века продвигались они на запад, чтобы осесть на южном побережье огромного континентального моря Вилайет и заложить там королевство Туран. Между морем и восточными границами местных княжеств лежит дикая степь, а к югу и северу — пустыня. Разбросанные в степи пастушеские племена — иного, не гирканского происхождения. О северной их ветви неизвестно ничего, южная же произошла от тамошних шемитов с небольшой примесью гиборийской крови.

В конце этого периода другие кланы гирканцев, продвигаясь на запад, заселяют северное побережье и сталкиваются с пришедшими на восток передовыми отрядами гиборийцев.

Теперь посмотрим на людей этого века.

Господствующие в мире гиборийцы, как уже говорилось, не сплошь светловолосы и сероглазы. У жителей королевства Котх мы обнаружим ярко выраженные шемитские и даже стигийские черты, как и у обитателей Аргоса, где еще сохранилась и зингарская кровь. Восточные британцы породнились со смуглыми жителями Заморы, а южные аквилонцы со стройными зингарцами до такой степени, что черные волосы и карие глаза преобладают в Пойнтайне, самой южной провинции. Древнее королевство Гиперборея лежит на самом краю цивилизованного мира, но в жилах ее подданных течет немало чужой крови из-за рабынь, которых привозят из Гиркании, Асгарда и Заморы.

Чистую гиборийскую кровь можно все еще найти в Гандерланде — не в обычаях тамошнего народа держать рабов.

Сохранили чистоту расы и варвары. Киммерийцы сильные и рослые, черноволосые, с голубыми или серыми глазами. Схожи с ними люди из Нордхейма, но кожа у них белая, глаза голубые, а волосы рыжие либо золотистые. И пикты не изменились — низкорослые, крепкие, очень смуглые, черноглазые и темноволосые.

Темнокожие гирканцы — народ худощавый и рослый, хотя все чаще встречаются среди них люди широкоплечие и раскосые,— это следствие похода в земли мудрецов, живущих в горах к востоку от моря Вилайет.

Шемиты чаще всего среднего роста, но и среди них попадаются богатыри. Глаза у них темные, носы крючковатые, волосы иссиня-черные.

Стигийцы смуглы, высоки, пропорционально сложены, черты их лиц просты и благородны — таков правящий класс, низшие же касты — сплошная смесь стигийцев с шемитами и даже гиборийцами.

К югу от Стигии лежат обширные государства чернокожих — амазонов, кушитов и атлайан, а также населяемая разными народами империя Зембанте.

Между Аквилонией и лесами пиктов расположено Боссонское пограничье. Его жители ведут свой род от местного племени, покоренного гиборийцами. Это люди среднего роста и сложения, глаза у них серые или карие. Живут они крестьянским трудом за крепкими стенами, подчиняются аквилонским королям. Их земля защищает королевство от пиктов и кимерийцев. Боссонцы чрезвычайно стойки в бою. За столетия войн с варварами они так научились держать оборону, что прорвать их строй прямой атакой невозможно.

Таков был мир, в который пришел Конан.

Легенды гласят, что самый могучий воин Гиборийской эры — тот, кто, по словам немедийского летописца, «ножищами, обутыми в грубые сандалии, попрал изукрашенные самоцветами престолы земных владык», появился на свет прямо на поле битвы, и этим, дескать, определилась вся дальнейшая его судьба. Дело вполне возможное, ибо киммерийские женщины владели оружием не хуже мужчин, и не исключено, что мать Конана, носившая его тогда под сердцем, устремилась вместе со всеми в бой, отражая нападение извечных врагов киммерийцев — злобных ванов. Но так или иначе, доподлинно известно, что все детство Конана в той или иной степени связано было с войнами, почти беспрестанно бушевавшими между киммерийскими кланами. Унаследовав от отца — знаменитого кузнеца и ювелира, богатырскую стать, он участвовал в битвах с того самого момента, когда впервые сумел поднять меч. Ему не было и пятнадцати лет, когда объединившиеся племена киммерийцев осадили, взяли штурмом и сожгли пограничный город Венариум, возведенный склонными к экспансии аквилонцами на исконно киммерийских землях. Конан был среди тех, кто в первых рядах ворвался в крепость, и его меч вдоволь напился тогда вражеской крови. С тех пор его имя все чаще и чаще звучало у костров соплеменников и на советах старейшин. После штурма Венариума Конан жил еще некоторое время в родном краю, но затем попал в плен к гиперборейцам, бежал и, вместо того, чтобы вернуться на родину, отправился на юг. На его пути оказался Аренжун — знаменитый заморянский Город Воров, где и началась его карьера профессионального вора и грабителя, длившаяся добрых несколько лет...

БАШНЯ СЛОНА

Тусклый свет факелов с трудом пробивался в узкие улочки квартала Мауль, где до рассвета пили и веселились воры и разбойники, собравшиеся со всего города. В Мауле они могли отвести душу — добропорядочные граждане обходили квартал стороной, а ночная стража, щедро подкупленная запачканными кровью деньгами, в их дела не вмешивалась. Из угрюмых закоулков то и дело доносились визгливый женский смех, шум пьяной драки или звон стали. Из широко открытых окон и дверей бесчисленных притонов тянуло кислым запахом вина и потных тел, слышался грохот кружек и кулаков по неказистым, но крепко сколоченным деревянным столам. В одном из таких притонов под низким бревенчатым потолком пировали проходимцы всех мастей: мелкие воришки, ловкие похитители женщин, опытные воры с отлично натренированными пальцами, хвастливые забияки со своими крикливо разодетыми, писклявыми девками. Большая их часть была выходцами из здешних мест — темнокожими, черноглазыми заморянами с кинжалами за поясами и вероломством в сердцах, но хватало и чужеземцев, приволокшихся в Аренжун, знаменитый заморянский «Город Воров», из многих других, неведомых цивилизованному миру, стран.

Среди них был молчаливый могучий великан: изгой-гиперборе[illegible] с широкой саблей у пояса — в Мауле оружие носили открыто. Был здесь и шемитский фальшивомонетчик с крючковатым носом и курчавой иссиня-черной бородой. На кол[illegible]х светлово-

лосого гандерландца — наемника и бродяги, дезертировавшего из какой-то разбитой армии, сидела бесстыжая британская девка. Тучный веселый головорез, шутки которого пользовались громадным успехом у окружающих, был профессиональным похитителем женщин, приехавшим в Замору из далекого Котха, чтобы показать здесь свое искусство. Бедняга не знал, что в этой стране грудные дети разбирались в таких делах лучше, чем он, обучавшийся своему ремеслу всю жизнь. Вот он, устав описывать прелести девушки, намеченной для очередного похищения, приложился пухлыми губами к огромной кружке пенящегося пива. Сделав глоток и смахнув пену с губ, толстяк заговорил снова:

— Да, клянусь Белом, богом всех воров и разбойников, я покажу им, как надо красть женщин. Еще до рассвета я умчу ее к границам Заморы, а там меня уже давно ждет караван. Царь Офира обещал мне три сотни серебряных слитков за молодую, ядреную британку благородных кровей. Сколько я скитался, переодевшись нищим, по пограничным городам, выискивая подходящую девушку! И ведь нашел-таки настоящую красавицу!

Он сладострастно причмокнул губами.

— Я знаю в Шеме немало людей, которые не сменяли бы ее даже на тайну Башни Слона,— закончил котхиец, возвращаясь к своему пиву.

Кто-то потянул его за рукав, и толстяк повернул голову, грозно морща брови. Рядом стоял высокий, атлетически сложенный юноша. Незнакомец выделялся среди здешней разношерстной публики, подобно серому волки в стае дворняжек. Дешевая туника скорее подчеркивала, чем скрывала его могучие мышцы, тесно обтягивая широкие плечи и массивный торс. С загорелого до черноты лица сквозь упавшую на лоб прядь темных волос проницательно смотрели голубые глаза. У пояса юноши висел длинный меч в потертых кожаных ножнах. Котхиец невольно отшатнулся — до сих пор ему не приходилось сталкиваться с людьми подобного типа.

— Ты говорил о Башне Слона,— сказал чужак, выговаривая заморянские слова с сильным твердым акцентом.— Я много слышал о ней. Что за тайна связана с этой самой Башней?

В поведении юноши не чувствовалось ничего угрожающего, а выпитое пиво и явная поддержка слушателей добавили котхийцу смелости — его прямо-таки распирало желание выговориться, убежденность в собственной значимости росла в нем с каждой минутой.

— Тайна Башни Слона? — переспросил он.— Ба, да ведь любой ребенок знает, что в этой Башне живет маг Яра, который владеет огромным драгоценным камнем, его называют еще Сердцем Слона, и что в колдовском этом камне заключены его сила и могущество.

Варвар задумался на секунду.

— Я видел эту Башню,— сказал он наконец.— Она стоит в са-

ду, сад окружен высокой стеной. Стражи там вроде нет, а через стену перелезть нетрудно. Так почему же до сих пор никто не стащил этот самый камень?

Котхиец разинул рот, пораженный простодушием собеседника, и взорвался издевательским смехом, к которому тут же присоединились все присутствующие.

— Да вы только послушайте! — проревел сквозь смех толстяк. — Он хочет украсть алмаз Яры! Послушай, парень,— обратился он к пришельцу,— ты, судя по всему, из какого-то варварского северного племени...

— Я киммериец,— ответил юноша холодно. И ответ, и тон, которым были произнесены эти слова, мало о чем сказали котхийцу, уроженцу королевства, расположенного далеко на юге у границ Шема.

— Ну, так навостри уши и слушай внимательно, приятель,— сказал он, тыча кружкой в грудь насупившемуся северянину.— Если бы простой смертный мог украсть камень, поверь — его давно бы уже украли. Говоришь — перелезть через стену. Перелезть можно, да только боюсь, что когда перелезешь, сразу же попросишься обратно. Это верно, в саду нет стражи, точнее говоря — люди там не сторожат, но в самой Башне, в караульном помещении, расположенном в нижней ее части, людей хватает. И даже если отобьешься от зверей, которых на ночь выпускают в сад, придется с боем прорываться в верхнюю часть Башни, ибо алмаз спрятан где-то там.

— Но если уж попал в сад,— настаивал киммериец,— так почему бы не попытаться проникнуть в Башню сверху?

У котхийца от такой наглости отвисла челюсть.

— Нет, вы только послушайте! — воскликнул он насмешливо.— Вы посмотрите на этого орла, который собирается вспорхнуть на башню высотой в полторы сотни футов. Или, может быть, ты муха и вскарабкаешься, перебирая ножками по гладкой, словно отполированной, стене?

Сконфуженный киммериец гневно оглянулся, когда слушавшие разговор гуляки одобрительно захохотали в ответ на последнее замечание. Он не видел в этом ничего смешного, и до него, еще не совсем освоившегося с манерами более цивилизованных людей, не доходило, что смеются именно над ним. Надо, кстати, сказать, что цивилизованные люди, как правило, позволяют себе вольностей заведомо больше дикарей только потому, что для них уже не существует опасности заплатить за неосторожное слово раскроенным черепом. Смутившийся юноша, несомненно, тихо отошел бы в сторону, но котхиец уже вошел во вкус.

— Так как? — крикнул он.— Расскажи-ка нам, растяпам, которые воровали уже тогда, когда тебя еще и на свете не было, как бы ты украл алмаз!

— Смельчак всегда найдет способ,— коротко ответил рассерженный киммериец.

Котхиец воспринял это как личное оскорбление. Его лицо побагровело от гнева.

— Что? — заорал он. — Ты смеешь учить нас и обвиняешь в трусости? А ну — марш отсюда, чтобы глаза мои тебя здесь не видели!

Выкрикнув эти слова, он резко толкнул киммерийца.

— Ах, ты так! — скрежетнул зубами варвар и отвесил обидчику изрядную оплеуху, повалившую того на стол. Из опрокинутых кружек полилось на пол пиво, а взбешенный котхиец схватился за меч.

— Ах ты, собака! — взревел он. — Да я из тебя сейчас за это сердце вырву!

Сверкнула сталь, зеваки бросились к выходу. Кто-то из них, убегая, бросил на пол единственную свечу, и все вокруг погрузилось во мрак. Слышался только топот ног, треск ломающихся лавок да сдавленные ругательства сталкивающихся друг с другом людей. Пронзительный крик, завершившийся хрипом агонии, словно ножом обрезал галдеж. Когда, наконец, снова зажгли свечу, оказалось, что большинство гуляк успели-таки выскочить через выбитые окна и двери, а те, что остались, спрятались под столами и за бочками с вином. Лишь котхиец тихо лежал в центре зала. Он был мертв — меч киммерийца нашел его и во мраке.

Мерцающий свет и пьяный гомон остались далеко позади. Киммериец сбросил порванную тунику, оставшись лишь в полотняной повязке на бедрах да ременных сандалиях на ногах. Он двигался бесшумно, словно огромный кот, и под его бронзовой от загара кожей играли стальные мускулы. Квартал, по которому он теперь шел, был кварталом храмов и святилищ бесчисленных таинственных богов Заморы. В слабом лунном свете отсвечивали белизной огромные мраморные колонны, тускло поблескивало золото куполов и серебро высоченных аркад. Юноша знал, что религия заморян, как и многое другое у этого древнего народа, была чрезвычайно сложной, запутанной и утратившей большую часть своей сути в лабиринтах определений и предписаний. Как-то раз он несколько часов кряду слушал дискуссию ученых мужей — теологов и философов — и ушел оттуда с головной болью и глубочайшим убеждением в том, что у них у всех тоже головы не в порядке.

Его религия была простой и легкой для понимания — Кром, вождь богов, живет на вершине огромной горы, насылая оттуда на людей несчастья и смерть. Молиться ему нет смысла, потому что он дикий, злой, мрачный и терпеть не может людей слабых и плаксивых. Однако при рождении человека он наделяет его храбростью, волей и ненавистью к врагам, а большего, по искреннему убеждению киммерийца, и нельзя требовать ни от какого бога.

Ноги варвара, обутые в сандалии, тихо ступали по мостовой. Стражи нигде не было видно — даже наиболее дерзкие воры ни-

когда не забредали в квартал храмов, где таинственная бесшумная смерть молниеносно карала святотатца, осмелившегося посягнуть на святыни. Вот, наконец, и Башня Слона. Юноша задумался на секунду над этим странным названием. Он никогда не видел слона, но смутно представлял себе некое огромное животное с хвостами спереди и сзади. Так, во всяком случае, ему рассказывал о слонах бродяга-шемит, клявшийся, что видел таких зверей тысячами в Гиркании. В Заморе же слонов не было. Стройная, строго цилиндрическая по форме, гладкая колонна Башни стрелой взмывала на полторы сотни футов ввысь в усеянное звездами небо, поблескивая усыпанной тысячами драгоценных камней верхушкой. У ее подножия раскинулся на нескольких террасах огромный сад, в котором во множестве росли плодовые деревья и экзотические кустарники. Сад окружала внешняя высокая стена, вторая — не менее высокая — отделяла Башню от сада.

Остановившись в густом кустарнике перед внешней стеной, киммериец поднял голову и посмотрел наверх. Высоко, но, подпрыгнув, он достанет пальцами до ее края. Подтянуться на руках и перемахнуть через стену труда не составит, он не сомневался, что так же легко преодолеет и вторую, внутреннюю стену. И все же он колебался: неведомая опасность, таившаяся в саду, смущала его. Он много слышал о тайнах западных королевств — Бритунии, Немедии, Аквилонии, но южане казались ему еще более загадочными и странными. Заморяне были чрезвычайно древним народом и, судя по тому, что он о них слышал, до сих пор поклонялись Злу.

Он подумал о Яре — жреце, живущем в этой, усыпанной драгоценностями, Башне, и по его спине пробежали мурашки, когда он вспомнил то, что услышал как-то в таверне от одного пьяного придворного. Тот рассказывал, как один из враждебно настроенных принцев преградил было Яре дорогу. Маг рассмеялся ему в лицо, затем протянул руку с камнем, излучавшим холодный свет, из которого ударило ослепительное пламя, охватившее несчастного. Принц пронзительно закричал и упал, а его тело съежилось в маленький черный комочек, который, в свою очередь, превратился в паука, бегавшего по комнате до тех пор, пока Яра не раздавил его каблуком. Маг постоянно жил в своей таинственной Башне и если покидал ее, то лишь для того, чтобы навлечь злые чары на того или иного из своих врагов. Король Заморы боялся его пуще смерти и, поскольку не мог переносить этого страха на трезвую голову, пил беспробудно. Яра был очень стар — люди говорили, что маг живет в Заморе уже многие сотни лет, и добавляли, что он, благодаря своему волшебному камню, называемому Сердцем Слона, будет жить вечно. Об этом камне никто ничего толком не знал, а название свое он получил по названию Башни, в которой хранился.

Внезапно какой-то новый звук долетел до ушей Конана, прервав его размышления, и варвар прижался ухом к стене. По саду

кто-то шел: отчетливо слышен был мерный топот и позвякивание стали. Значит, есть-таки в саду охрана! Киммериец напряженно вслушивался, пытаясь снова уловить звук шагов стражников, но безуспешно. За стеной царила глубокая тишина. В конце концов любопытство пересилило страх. Юноша подпрыгнул, ухватился за край стены и легким рывком взметнул тело наверх. Распластавшись на широкой стене, он осторожно осмотрел то, что открылось его глазам. У стены ни единого кустика, хотя вдали маячат несколько аккуратно подстриженных крон. В полумраке зеленеет густая трава, где-то поодаль шумит фонтан.

Киммериец спрыгнул вниз и вытащил меч, чутко оглядываясь по сторонам, готовый в любую минуту дать отпор врагу. Скользя вдоль стены и стараясь держаться в тени, он подобрался к деревьям и чуть было не упал, зацепившись ногой за что-то, лежавшее в кустах. Оглядевшись быстро по сторонам и не заметив ничего подозрительного, он наклонился и внимательно осмотрел неожиданное препятствие. Даже в этом слабом свете нетрудно было узнать серебристые доспехи и гребнистый шлем воина заморянской королевской гвардии, неподвижно лежавшего на земле. Щит и копье валялись рядом. Конан бегло осмотрел труп, убедился в том, что гвардеец задушен, и снова огляделся по сторонам. Ясно было, что только что он слышал шаги именно этого стражника. Несколько минут назад чьи-то руки протянулись во тьме и бесшумно отправили на тот свет дюжего гвардейца.

Несмотря на густой мрак, киммериец, напрягая зрение, все же заметил, как шевельнулась листва в зарослях у стены. Сжав сильнее рукоять обнаженного меча, он метнулся в ту сторону. Хотя при этом он производил шума не более, чем охотящаяся пантера, противник не дал застичь себя врасплох. Конан успел заметить притаившуюся у стены тень и с облегчением перевел дыхание — это был человек. Незнакомец испуганно вскрикнул, мгновенно повернулся и метнулся к киммерийцу, намереваясь вцепиться ему в горло, но тут же застыл на месте, увидев сверкающее в матовом лунном свете лезвие меча, нацеленное в его грудь. Мгновение они стояли неподвижно, напряженно вглядываясь друг в друга.

— Ты не из стражи,— шепнул, наконец, незнакомец.— Ты вор, как и я.

— Так кто же ты такой?— спросил недоверчиво киммериец.

— Я Таурус-немедиец.

Конан опустил меч.

— Я слышал о тебе. Тебя называют королем воров.

В ответ послышался тихий смех. Таурус был примерно того же роста и телосложения, что и юный варвар, но отличался от него излишней полнотой, которая, впрочем, не мешала ему двигаться легко и бесшумно. На плече немедийца висел моток тонкой, но крепкой веревки с завязанными на равных расстояниях узлами, его блестящие глаза в упор смотрели на Конана.

— А ты кто такой?

— Конан-киммериец,— ответил тот.— Я хочу украсть алмаз Яры — тот, который называют Сердцем Слона.

Большое брюхо вора затряслось от едва сдерживаемого смеха, но Конан не почувствовал в этом издевки.

— Клянусь Белом, богом воров,— прошипел Таурус,— я думал, что только у меня хватит смелости за это взяться. И эти заморяне называют себя ворами, фи! Конан, мне нравится твоя наглость. До сих пор я всегда действовал в одиночку, но сейчас, если ты не против, я предлагаю попытаться добыть этот алмаз вместе.

— Так ты тоже пришел сюда за алмазом Яры?

— А за чем же еще?! И я несколько месяцев готовился к этому, ты же, я вижу, действовал по наитию, не так ли, друг мой?

— Это ты убил стражника?

— Я, конечно. В тот самый момент, когда он появился в саду, я лез через стену. Хотя я сразу же спрятался в кустах, он успел что-то заметить, или ему показалось, что он что-то заметил. Когда он подошел ближе, спотыкаясь на каждом шагу, я подкрался сзади, схватил его за шею и задушил. Он, как и большинство людей, совершенно не ориентировался в темноте. У настоящего вора глаза должны быть кошачьими.

— Ты допустил одну ошибку,— сказал Конан — надо было оттащить труп подальше в кусты.

— Учи ученого. До полуночи смены караула не будет. Если сейчас кто-нибудь выйдет его искать и наткнется на тело, то побежит докладывать Яре, а мы успеем убежать. Если же они не найдут сразу, то начнут прочесывать сад, и тогда нам несдобровать.

— Ты прав,— вынужден был согласиться киммериец.

— То-то же. Но мы только время тратим на эту дурацкую болтовню. Теперь слушай меня внимательно. Во внутреннем дворике караульных нет. То есть там нет людей, но вход сторожат гораздо более опасные, чем люди, создания. Это из-за них я столько месяцев не решался идти на дело, пока не нашел, наконец, способ их перехитрить.

— А гвардейцы, которые сидят внизу в Башне?

— Старик Яра живет наверху. Надеюсь, мы сумеем туда попасть. Не спрашивай пока как — есть один способ. Ворвемся туда и придушим колдуна — он и пикнуть не успеет. Придется рискнуть — может, превратимся в пауков или жаб, а может, добудем сказочные богатства и власть. Думаю, ставка стоит того, чтобы рискнуть.

— Пожалуй, ты снова прав,— сказал Конан, снимая сандалии.

— Тогда идем.

Таурус повернулся подпрыгнул и, ухватившись за край стены, с удивительной для человека его комплекции ловкостью взобрался наверх — казалось, он мягко скользнул по стене. Конан последовал за ним.

— Света нигде не видно,— пробурчал киммериец, устраиваясь поудобнее на плоской верхушке стены.

Нижняя часть Башни ничем не отличалась от верхней — идеально гладкий цилиндр, лишенный малейших отверстий.

— Есть там и окна и двери, но и те и другие великолепно замаскированы,— ответил Таурус,— сейчас они все закрыты. Стражники дышат воздухом, который поступает в Башню через верх.

Сад во внутреннем дворике походил на притаившийся в полумраке пруд, тени низких развесистых крон угрюмо ползали под звездным небом. Обострившиеся чувства предупреждали варвара о близкой опасности. Он чувствовал на себе обжигающий взгляд чьих-то невидимых глаз, а слабый запах, долетевший до ноздрей, вздыбил волосы на его голове, словно шерсть на затылке у пса, унюхавшего извечного врага.

— За мной! — шепнул Таурус.— Не отставай, если жизнь тебе дорога.

Вытащив из-за пояса что-то, похожее на медную трубку, немедиец тихо спрыгнул на траву во дворик. Конан последовал за ним, держа меч наготове, и тут же шагнул вперед, но Таурус остановил его движением руки. Король воров вглядывался в черневшие сбоку от них заросли, все его большое тело выражало напряженное ожидание. Ветки кустарника вдруг колыхнулись, хотя в воздухе не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра, во мраке зажглись два огромных угля, за ними светились еще несколько пар багровых огоньков.

— Львы! — прошептал киммериец.

— Да. Днем их держат в подвале. Вот почему во дворике нет стражи.

Конан поспешно пересчитал огоньки.

— Вижу пятерых, хотя тут могут быть не все... Сейчас набросятся...

— Молчи! — шикнул Таурус и с величайшей осторожностью ступил вперед, одновременно поднимая трубку. Из зарослей донеслось тихое рычание, и раскаленные угольки немного приблизились. Конану казалось уже, что он видит огромные разинутые пасти и длинные хвосты с кисточками на концах, хлещущие по поджарым бокам. Напряжение росло,— киммериец перехватил удобнее рукоять меча, готовясь к нападению бестий. И тут Таурус поднес трубку к губам и сильно дунул. Из трубки вырвалась длинная струя желтого порошка, сразу же превратившаяся в густое желто-зеленое облачко, накрывшее кусты и горевшие в них глаза хищников.

— Что это за дым? — спросил Конан неуверенно.

— Это смерть! — прошипел немедиец.— Если ветер подует в нашу сторону, придется спасаться за стеной. На наше счастье, ветра пока нет, и облачко садится на кусты. Подождем, пока не сядет окончательно. Даже единственный вдох смертелен.

Еще несколько секунд в воздухе висели клочки желтоватого тумана, затем и они опали. Таурус жестом показал компаньону, что пора идти. Когда они подкрались к кустам, Конан хмыкнул,

увидев трупы пятерых огромных львов, валявшиеся на траве. В воздухе стоял тяжелый сладковатый запах.

— Подохли, не издав ни звука! — пробормотал варвар.— Таурус, что же это за порошок?

— Это пыльца черного лотоса, который цветет только в глухих джунглях Кхитая. Эти цветы убивают каждого, кто к ним приблизится.

Конан нагнулся над мертвыми хищниками, проверил, действительно ли они больше не опасны, и потряс головой — для него, северного варвара, все это казалось колдовскими чарами.

— Почему бы тебе точно так же не расправиться со стражей?

— Потому что у меня больше нет порошка. Уже одно то, как я его добыл, могло бы прославить мое имя среди воров всего мира. Я выкрал его из каравана, направлявшего в Стигию, вытащил из расшитого золотом мешочка, который охранялся огромным удавом... Но пойдем же, во имя Бела! Тратить время на болтовню безрассудно!

Когда они оказались у подножия блестящей Башни, Таурус снял с плеча моток веревки с завязанными по всей ее длине узлами и крепким стальным крюком на конце. Конан понял замысел немедийца и ни о чем больше не спрашивал. Таурус перехватил конец веревки чуть пониже крюка и несколько раз крутнул им над головой, примериваясь. Конан прильнул ухом к стене Башни и прислушался, но ничего не услышал. Судя по всему, для стражников, сидевших в Башне, появление в саду непрошеных гостей осталось незамеченным, но Конан ощущал в душе странное беспокойство — быть может, из-за того же запаха львов, перекрывавшего все иные запахи.

Таурус взмахнул мускулистой рукой, крюк полетел вперед и вверх и скрылся за краем Башни, усыпанным драгоценностями. Сначала осторожно, затем изо всех сил дергая за свисающую веревку, немедиец убедился в том, что крюк надежно застрял наверху.

— Везет нам, с первого раза удалось,— пробормотал он.— Я...

Только первобытный инстинкт, заставивший варвара внезапно обернуться, спас от беззвучно подкравшейся смерти — за его спиной присела на задние лапы, готовясь к прыжку, огромная кошка. Ни один из так называемых цивилизованных людей не смог бы отреагировать даже наполовину столь быстро, как киммериец. Его меч сверкнул молнией и опустился, человек и зверь, сплетясь в клубок, рухнули наземь.

Когда немедиец, тихо ругаясь сквозь зубы, наклонился над ними, его напарник шевельнулся, пытаясь выбраться из-под огромного тела. Приглядевшись, потрясенный Таурус увидел, что череп огромного льва разрублен чуть ли не пополам, и поспешил на помощь киммерийцу. Конан, шатаясь, поднялся на ноги, он все еще сжимал в руке окровавленный меч.

— Ты ранен, дружище? — выдавил Таурус, ошеломленный захватывающей дух сменой событий.

— Нет, клянусь Кромом, нет,— ответил варвар.— Но смерть была рядом. Странно, что эта проклятая бестия не издала ни звука.

— Здесь, в этом саду, странностей хватает,— сказал Таурус.— Львы тут нападают молча — и не только львы. Идем! Ты убил его очень тихо, но гвардейцы могли все же что-то услышать, если, конечно, не спят там вповалку пьяные. Этот лев бродил где-то на отшибе и избежал смерти от порошка, но я уверен, что он был последним. Нам надо забраться на Башню по веревке — похоже, спрашивать, сумеешь ли ты это сделать — лишнее?

— Лишь бы веревка выдержала,— сказал киммериец, вытирая меч о траву.

— Она троих таких, как ты, выдержит,— заверил король воров.— Ее сплели из волос мертвых женщин и вымочили в ужасном соке дерева упас, чтобы укрепить. Я пойду первым, ты следуй за мной.

Немедиец взялся за веревку, пропустил ее под колено и начал подниматься. Несмотря на излишний вес, он взбирался по веревке легко, словно кот. Конан не отставал от него ни на пядь. Веревка крутилась и раскачивалась, но ворам это не мешало — обоим приходилось лазать по веревке и в гораздо более трудных условиях. Высоко над ними поблескивал алмазами край башни, он слегка выдавался над стеной, так что веревка висела свободно, и это значительно облегчало подъем.

Они поднимались все выше и выше. Внизу разворачивалась панорама ночного города, а звезды над головами тускнели по мере того, как они приближались к сверкающей кромке башни. Наконец Таурус протянул руку, схватился за край и вскарабкался наверх, протиснувшись между зубцами. Конан остановился на секунду, завороженный мерцающим блеском драгоценных камней: алмазов, рубинов, смарагдов, сапфиров, торчавших из гладкого серебра стены. Издалека этот блеск казался однородным, но вблизи камни переливались неисчислимыми радужными оттенками, притягивая взгляд киммерийца.

— Это же невероятное богатство, Таурус,— шепнул он, но немедиец поторопил его нетерпеливо:

— Идем! Все это будет нашим, если добудем Сердце!

Конан перелез через искрящуюся кромку. Плоская крыша Башни Слона располагалась на несколько ярдов ниже инкрустированного выступа, она была покрыта какой-то темно-голубой субстанцией и выложена золотом так, что в целом походила на сапфир, обсыпанный блестящим золотым песком. На противоположном конце крыши стояло невысокое прямоугольное строение. Его стены были возведены из того же материала, что и стены Башни, только драгоценных камней в них было поменьше. В одной из стен они заметили золотую дверь с резной чешуйчатой по-

верхностью, инкрустированную все теми же, холодно, как лед, сверкающими кристаллами.

Конан бросил взгляд на раскинувшееся внизу пульсирующее море света и посмотрел на Тауруса. Немедиец вытаскивал веревку. Он показал Конану, где зацепился крюк — лишь краешком закаленного жала под одним из алмазов.

— Опять нам повезло,— прошептал он.— Крюк чудом не вырвался под тяжестью наших тел. Идем — только сейчас начнутся настоящие испытания. Мы в логове чудовища и понятия не имеем, где оно скрывается.

Они по-кошачьи бесшумно подошли к золотой двери. Таурус легко и осторожно толкнул ее. Дверь услужливо распахнулась, и компаньоны, готовые к любым неожиданностям, заглянули внутрь. Конан, смотревший через плечо товарища, увидел комнату со стенами, выложенными от потолка до пола большими, ярко светящимися камнями. Иных источников света заметно не было.

— А ну-ка, дружище,— прошипел Таурус,— вернись-ка к краю Башни и посмотри вокруг. Если увидишь, что стражники крутятся по саду или еще что-либо подозрительное, дашь мне знать. Я подожду тебя здесь, в этой комнате.

Конан не увидел в этом особого смысла, и в нем зародилось неясное подозрение, но он все же послушался товарища. Немедиец скользнул за дверь и закрыл ее за собой. Конан несколько минут напряженно изучал сад, лежавший у подножия Башни, и, не заметив ничего подозрительного, вернулся назад. Когда он подходил к двери, из-за нее послышался сдавленный крик. Конан прыгнул вперед, в тот же момент дверь распахнулась, и на пороге в ореоле холодного света появился Таурус. Он пошатнулся, открыл рот, но из него вырвался лишь хриплый стон. Немедиец, судорожно цепляясь за дверную раму, сделал еще один шаг и упал лицом вперед, схватившись рукой за горло. Дверь за ним сама собой закрылась. За эти короткие секунды Конан не успел заметить в комнате ничего необычного — разве что какая-то тень скользнула по блестящему полу, если только это ему не почудилось.

Киммериец нагнулся над компаньоном. Таурус смотрел в небо выпученными пустыми глазами, в которых читалось огромное удивление, руками он сжимал горло. Вдруг на губах его появилась пена, в горле забулькало, и немедиец испустил дух на руках у ошеломленного варвара. Конан настороженно посмотрел на золотые двери. В этой пустой комнате со стенами, инкрустированными мигающими камнями, смерть настигла короля воров внезапно и беззвучно, словно лев, напавший на них у подножия Башни. Конан чувствовал, что Таурус погиб, так и не увидев виновника своей страшной смерти.

Киммериец осторожно провел рукой по полуголому телу компаньона, отыскивая рану. Он нащупал ее высоко между лопатками, почти у основания шеи — три маленькие ссадины, словно кто-

то вбил в тело и тут же вытащил когти. Края ран почернели, и от них несло гнилью.

«Отравленные стрелы? — подумал Конан.— Но куда они тогда подевались?..»

Он осторожно подошел к резной двери, отворил ее пинком и заглянул. Комната, освещенная холодным пульсирующим блеском многих тысяч драгоценных камней, зияла пустотой. Краем глаза он заметил на своде, в самом его центре, странный орнамент — черный восьмиугольник с выступающими из него четырьмя камнями, пылавшими алым мрачным пламенем, резко отличавшимся от того мягкого света, что излучался стенами и потолком. На противоположной от входа стене была еще одна дверь — похожая на первую, но без излишних украшений. Не оттуда ли ударила смерть и не туда ли она скрылась, разделавшись с жертвой?

Конан вошел в комнату, закрыв за собой дверь. Его босые ноги бесшумно ступали по гладкому полу. В комнате не было ни столов, ни лавок, лишь четыре софы, накрытые расшитыми золотом покрывалами и разукрашенные странными вьющимися узорами, стояли у стен, да рядом с ними возвышались несколько обитых серебром сундуков. На некоторых из них висели замки внушительной величины, на других крышки были откинуты, являя глазам изумленного варвара груды великолепных алмазов. Конан выругался вполголоса,— в эту ночь он увидел сокровищ больше, чем ему когда-либо снилось в самых смелых сновидениях.

Он как раз добрался до середины комнаты и медленно шел дальше, чутко вслушиваясь в тишину, когда смерть ударила снова. И только инстинкт, заставивший его увернуться от мелькнувшей по полу тени, спас Конана от верной гибели. Над его головой пролетело черное волосатое чудовище, щелкнув покрытыми пеной челюстями, и на голое плечо юноши капнуло что-то, обжигавшее подобно каплям жидкого огня. Отскочив в сторону, он увидел, как монстр упал на пол, перевернулся и, с невероятной скоростью перебирая голенастыми ногами, побежал к нему. Гигантский черный паук мчался к Конану, роняя капли яда с отвратительных мощных челюстей, зловеще мигая четырьмя горящими глазищами, в глубине которых таился острый, нечеловеческий ум. «Это он спрыгнул на шею немедийцу и отправил его на тот свет. Какими же мы были глупцами, не подумав о том, что Башню может охранять нечто более грозное, чем стража». Эта мысль молнией мелькнула в мозгу Конана, он высоко подпрыгнул, чудовище проскочило под ним, развернулось и атаковало снова. На этот раз юный варвар прыгнул в сторону и с размаху ударил мечом. Тяжелое лезвие отрубило одну из восьми толстых волосатых ног, и снова Конан лишь с трудом избежал укуса ядовитых челюстей. Монстр пробежал по стене и притаился под потолком, злобно поглядывая на человека багровыми глазищами. И вдруг прыгнул, разматывая за собой нить серой паутины.

Конан отшатнулся и метнулся в сторону, подальше от паутины. Он разгадал план врага и со всех ног помчался к двери, но паук оказался быстрее. Липкая нить протянулась поперек входа, преграждая путь. Конан не решился ударить по ней мечом — боялся, что лезвие прилипнет к клейкой поверхности и, пока он будет его освобождать, бестия вонзит клыки в его спину.

Начался яростный поединок — ум и ловкость человека против хитрости и неутомимости чудовища. Паук уже не нападал на Конана, но быстро бегал по стенам и потолку, с дьявольской ловкостью выстреливая из себя петлю липкой паутины и стараясь опутать ею врага. Паутина имела толщину веревки, и Конан знал, что если раз в нее попадется, всей его силы окажется недостаточно, чтобы вырваться и отразить атаку чудовища.

Поединок разворачивался в абсолютной тишине, прерываемой лишь звуками дыхания человека и шуршания по полу его босых ног, да сухим щелканьем челюстей ужасного стража комнаты. Серые шнуры паутины лежали на полу кольцами, свисали со стен и потолка, длинными гирляндами опадали на сундуки с сокровищами. Быстрые глаза и стальные мускулы спасали пока Конана, но липкие петли окружали его уже так тесно, что он чувствовал их близость всем своим нагим телом. Он понимал, что не сможет до бесконечности увертываться, рано или поздно липкая веревка обовьется вокруг его ног, словно удав, и он, спеленутый подобно мухе, окажется в лапах паука.

Волосатое чудовище мчалось по полу, за ним тянулся серый шнур. Конан прыгнул вверх на софу, но бестия, предугадывая его замысел, резко повернулась и побежала по стене, толстая паутина, словно живая, обхватила щиколотки киммерийца. Он упал навзничь, отчаянно извиваясь, пытаясь освободиться из затягивающейся петли. Черный паук устремился вниз, чтобы покончить с противником. Доведенный до бешенства варвар схватил один из сундуков с сокровищами и изо всей силы швырнул его в паука. Необычный снаряд с кошмарным хрустом врезался в самую середину отвратительного тела. Брызнула кровь и зеленоватая слизь, раздавленное чудовище свалилось на пол вместе с разбитым вдребезги сундуком. Ужасная бестия лежала на груде драгоценных камней, и ее багровые глазища медленно гасли.

Конан огляделся по сторонам и, не обнаружив нигде нового противника, попытался снять с себя паутину. Клейкая нить прилипала к пальцам, но в конце концов ему удалось от нее избавиться. Он поднял потерянный при падении меч и, осторожно ступая, чтобы не задеть за валявшуюся повсюду паутину, подошел к двери в глубине комнаты. Юноша не знал, что ждет его за нею, но, раззадоренный победой над гигантским пауком, решил, что если уж он преодолел столько преград, то должен довести дело до конца. Кроме того, что-то ему подсказывало, что алмаз, за которым он сюда пришел, нет смысла искать в куче небрежно рассыпанных сокровищ на полу залитой мерцающим светом комнаты. Конан со-

рвал серую паутину, преграждавшую путь к двери, и убедился, что и эта дверь, как и предыдущая, не заперта на замок. Он вспомнил о стражниках, они все еще, кажется, не знали о его появлении в Башне. Стражники сидели где-то далеко внизу и, кроме того, если верить тому, что рассказывали о Башне, странные звуки, доносившиеся сверху, их никак не могли удивлять.

Он подумал о Яре, и эта мысль лишила его изрядной доли самоуверенности, с которой он начал было открывать дверь. Однако за дверью оказалась лишь вереница серебряных ступеней, тускло освещенных падавшим неизвестно откуда матовым светом, ведущая куда-то вниз. Конан спускался по лестнице, держа меч наготове и напряженно прислушиваясь, но до ушей его не долетело ни единого звука. Наконец он добрался до двери из слоновой кости, украшенной сердоликами. Киммериец остановился перед нею и снова прислушался. Ни малейшего шороха, лишь тонкие струйки дыма выбивались из-под двери, дразня ноздри киммерийца незнакомым экзотическим запахом. Крутая лестница спускалась дальше вниз, скрываясь во мраке. Конаном овладело странное чувство: ему почудилось, что он — единственное живое существо в этой таинственной Башне, населенной лишь духами да призраками.

Двустворчатая дверь бесшумно отворилась от легкого толчка, и варвар осторожно ступил на сверкающий порог, готовый, подобно волку, в любую секунду отбить атаку или убежать, если противник окажется намного сильнее. Его глазам открылась большая комната с позолоченным куполообразным сводом, ее стены были выложены зеленым нефритом, а пол из слоновой кости покрывали толстые ковры. Из подвешенной на золотом треножнике кадильницы курился остро пахнущий дымок, за нею на мраморном постаменте возвышался некий странный идол. Конан удивленно осмотрел его со всех сторон,— тело этого непонятного существа напоминало человеческое, хотя кожа имела зеленоватый оттенок, но непропорциональная большая уродливая голова была совершенно не похожа на голову человека, такая могла присниться лишь в кошмарном сне. Киммерийцу бросились в глаза широкие вислые уши и гибкий хобот, по обеим сторонам которого торчали большие белые бивни с золотыми шариками на концах. Глаза уродца были закрыты — казалось, он спал.

«Так вот почему логово Яры называют Башней Слона!» — подумал Конан. Действительно, голова идола напоминала голову описанного бродягой-шемитом животного. «Так вот каков бог Яры! Но если это так, то где же еще быть Сердцу Слона, как не в этой статуе?» Конан, не отрывая глаз от идола, шагнул вперед. И вдруг он увидел, что веки на глазах уродца шевельнулись. Киммериец замер. «Это не статуя — это живое существо! Я в ловушке!» — мелькнуло в его голове.

Хобот чудовища настороженно поднялся вверх, но взгляд его открывшихся глаз остался пустым. Варвар понял, что монстр слеп, и это открытие вернуло ему способность действовать — он

начал медленно отступать к двери. Но чудовище уже услышало его, оно дернуло хоботом и что-то пробубнило глухим монотонным голосом. Охваченный ужасом киммериец понял, что горло этого невероятного существа не было сотворено для человеческой речи.

— Кто ты? Ты опять пришел пытать меня, Яра? Неужели этому никогда не будет конца? Когда же ты, наконец, перестанешь меня мучить?

Из глаз слепца потекли слезы, и Конан, внимательнее приглядевшись к телу, покоившемуся на мраморном ложе, заметил на нем следы жестоких пыток. Жалкий вид исхудалого тела, некогда, вероятно, столь же сильного и ловкого, как и его собственное, пробудил в нем сострадание, хотя это чувство совершенно не свойственно было его натуре. Он не имел понятия о том, кем был этот слепой уродец, но его отчаяние нашло отклик в суровом сердце киммерийца. Он понимал, что видит жертву ужасной трагедии, и ему стало стыдно, словно вина всего человечества обрушилась на его плечи.

— Я не Яра,— сказал он тихо.— Я всего лишь вор и не причиню тебе зла.

— Подойди ближе... хочу до тебя дотронуться,— прогудело существо, и юноша доверчиво подошел, совершенно забыв об обнаженном мече в своей бессильно опущенной руке.

Хобот вытянулся и осторожно погладил лицо и плечи варвара, его прикосновение было легким и мягким, похожим на касание детской руки.

— Ты не из этого подлого племени,— выдохнуло существо.— У твоего лица чистые черты сына степей. Я знаю твой народ, давно знаю, еще с тех пор, когда он носил иное имя, а в небо вонзались остроконечные башни исчезнувших навсегда цивилизаций. У тебя кровь на руках.

— Паука из комнаты наверху и льва из сада,— буркнул Конан.

— Сегодня ночью ты убил также человека,— настаивало существо,— и на крыше Башни... тоже... я чувствую смерть.

— Ты прав,— пробормотал Конан.— Там лежит труп короля воров, убитого пауком.

— Да! Да!— дрожащий монотонный голос звучал завораживающе.— Кровь в таверне и кровь на крыше — я знаю, я чувствую это. Третья жертва сотворит колдовство, о котором и не снилось Яре! О да, клянусь зелеными богами Ягг, это будет великое колдовство, колдовство освобождения!

Слезы снова потекли из невидящих глаз, а измученное тело содрогнулось, с трудом повинуясь обуреваемому эмоциями мозгу. Конан ошеломленно смотрел. Слепец немного успокоился и продолжал:

— Послушай, человек!— сказал он.— Я кажусь тебе отвратительным чудовищем, не так ли? Нет, не отвечай — я знаю это. Но я, если бы мог тебя увидеть, подумал бы о тебе то же самое. Кроме Земли существует множество иных миров, и жизнь на них раз-

вивается в самых разных формах. Я не бог и не демон, я сотворен из плоти и крови, как и ты, хотя тело мое немного отличается от твоего и сложен я несколько иначе. Я очень стар, о сын степей! Давно, много тысяч лет тому назад я прилетел на Землю с зеленой планеты Ягг, кружащей в вечности на краю этой галактики. Восстав против жестоких правителей Ягг, мы проиграли и вынуждены были спасаться бегством. Пронзая пространство, мы быстрее света перенеслись на наших могучих крыльях на вашу планету. Дорога назад оказалась отрезанной, ибо мы лишились здесь своих крыльев и навсегда распрощались с материнской планетой. Мы долго сражались с ужасными хищными формами жизни, господствовавшими тогда на Земле, и победили — нас оставили в покое в том уголке глухих джунглей Востока, где мы поселились. Мы наблюдали за тем, как обезьяна превращалась в человека, как росли и обретали могущество величественные города Валузии, Камелии, Коммории. Мы видели, как шатались троны этих королевств под напором атлантов, пиктов и лемурийцев. Мы были здесь тогда, когда океан всколыхнулся и затопил их, погубив старую цивилизацию. Уцелевшие пикты и атланты основали империю, распавшуюся позднее в кровавых междоусобицах. Шли века, пикты погрузились в бездну дикарства, а атланты деградировали до уровня обезьян. Из ледяных северных стран потянулись на юг новые человеческие расы, основавшие новую цивилизацию, заложив королевства Котх, Немедию, Аквилонию. Мы видели все это. Мы наблюдали за тем, как твой народ объединялся под новым именем на землях, принадлежавших ранее Атлантиде, как потомки тех лемурийцев, что пережили катаклизм, основали на западе свое государство — Гирканию. Мы видели также, как потомки древней, еще доатлантской расы снова обрели могущество и воздвигли свое королевство — Замору. Сотни лет мы наблюдали за людьми, не вмешиваясь в их дела, и умирали один за другим: ибо и мы, пришельцы, смертны, хотя живем так же долго, как звезды. В конце концов я остался в одиночестве среди руин святилища, затерянного в джунглях Кхитая, грезя об ушедших временах, чтимый подобно богу древней расой желтокожих. Вот тогда-то и появился Яра, поднаторевший в искусстве черной магии, передававшемся с незапамятных времен от отцов к детям в его роду. Вначале он сидел у моих ног и внимал моим рассказам. Однако то чистое знание, которое я передавал ему, его не удовлетворяло, он жаждал мрачных тайн черной магии, чтобы стать могущественнее всех земных королей и досыта потешить свою непомерную гордыню. Я не выдал ему ни одного из тех секретов тайных наук, что помимо воли усвоил за эти долгие годы. Но его жажда власти оказалась сильнее, чем я мог предположить. Коварный трюк, почерпнутый им в склепах Стигии, помог ему вырвать из моих уст тайну, которую я не собирался открывать, и он пленил меня, используя свою магическую силу. О, боги Ягг, какими горькими стали дни мои с тех пор! Он увез меня из джунг-

лей, где серые обезьяны танцевали под звуки пищалок желтокожих жрецов, а на полуразрушенных алтарях, воздвигнутых некогда в мою честь, громоздились подношения из овощей и фруктов. Так из бога любезного мне народа я превратился в раба злого демона.

Из слепых глаз снова покатились слезы.

— Он заключил меня в эту Башню, построенную мною же по его приказу за одну ночь. Он огнем и железом, а также ужасными пытками, сути которых ты понять не сможешь, сломил мою волю. Испытывая столь жестокие муки, я давно бы уже с радостью расстался с жизнью, если бы мог. Но он держит меня здесь — изнуренного, ослепленного, сломленного, чтобы я исполнял все его желания. И я триста лет повиновался ему, отягощая свою бессмертную душу неслыханными преступлениями и обращая во зло свои знания, но выбора у меня не было. Однако не все тайны ему удалось вырвать, и теперь я научу тебя Магии Крови и Алмаза. Я чувствую, что мой конец близок. Ты — рука Судьбы. Прошу тебя, возьми алмаз с того алтаря.

Конан повернулся и направился к алтарю из золота и слоновой кости. На алтаре лежал огромный продолговатый камень. Увидев этот прозрачный пурпурный кристалл, киммериец понял, что перед ним то самое знаменитое Сердце Слона.

— Сотворим же колдовство, какого Земля не видела и не увидит больше миллионы лет. Я заклинаю моей кровью, моим телом, рожденным на зеленой груди Ягг, планеты, сонно плывущей в безбрежных пространствах великого Космоса... Подними свой меч, друг, и вырежь им из моей груди сердце. Затем сожми его так, чтобы кровь брызнула на красный камень. Спустись вниз по лестнице и войди в эбеновую комнату, где лежит Яра, погруженный в мрачные сны, навеянные лотосом. Окликни его по имени, и он очнется. Положи тогда перед ним этот алмаз и скажи: «Ягг-коша посылает тебе свой последний дар и последние чары». И тут же уходи из Башни. Не сомневайся — дорога будет свободной. Ягги живут по-иному и умирают иначе, чем люди. Помоги мне выбраться из проклятой темницы искалеченного слепого тела, и я снова стану Яггахом из Ягга, с великолепными крыльями, готовыми к полету, и ногами, способными прыгать и танцевать, с зоркими, замечающими все вокруг глазами и могучими руками!

Конан нерешительно подошел к существу, называвшему себя Ягг-коша или Яггахом, и тот, чувствуя его неуверенность, показал ему место, куда следует ударить мечом. Конан стиснул зубы и глубоко вонзил меч в зеленое тело. Кровь хлынула на руку юноши, Ягг-коша содрогнулся в конвульсиях и застыл. Убедившись в том, что жизнь покинула тело пришельца, Конан приступил к печальной работе, и вскоре в его руке оказалось то, что служило сердцем этому удивительному существу, хотя ничем не напоминало соответствующий орган человека. Оно еще пульсировало, когда варвар сжал его двумя руками, держа над сверкающим алмазом. Упругая струя зеленой крови ударила в камень. К удивлению

киммерийца, она не скатилась по граням, а полностью впиталась кристаллом, словно губкой.

Бережно зажав алмаз в ладони, Конан повернулся и пошел к выходу. Он не оглядывался, ибо ему казалось, что тело на мраморном ложе претерпевает некую метаморфозу, видеть которую людям не следует. Он закрыл за собой сердоликовую дверь и направился вниз по серебряной лестнице. Ему и в голову не пришла мысль о том, что ничто не мешает ему нарушить обещание, данное Яггаху. Остановившись перед дверью из красного дерева, на которой щерился в жуткой улыбке голый человеческий череп, киммериец осторожно толкнул ее и заглянул за порог. В комнате с эбеновыми стенами на черном бархатном ложе, окутанном облаком желтоватой пыльцы лотоса, покоилось худощавое тело Яры — великого мага и волшебника. Маг лежал, вглядываясь широко открытыми глазами вдаль, в некую бездонную пропасть, недоступную людскому пониманию.

— Яра! — громко произнес Конан подобно судье, изрекающему смертный приговор.— Проснись!

Глаза волшебника сразу же приобрели осмысленное выражение, стали холодными и свирепыми, похожими на ястребиные. Маг запахнул плотнее свои бархатные одежды и встал, нависнув над киммерийцем.

— Собака! — прошипел он, словно разъяренная змея.— Что тебе здесь надо?

Конан положил алмаз на огромный эбеновый стол.

— Тот, кто послал тебе этот камень, велел сказать: «Ягг-коша шлет тебе последний дар и последние чары».

Яра отшатнулся, и его лицо стало пепельным. Алмаз помутнел, в его глубине зажегся огонек, который постепенно залил пульсирующим светом весь кристалл, по граням проплывали дивные разноцветные волны. Яра, словно его тащила вперед какая-то неведомая магнетическая сила, наклонился над столом и, сжав алмаз руками, впился в него немигающим взором.

Наблюдавший за ним Конан подумал, что зрение его обманывает. Яра, казавшийся прежде великаном, теперь с трудом дотянулся бы головой до груди юноши, если бы стал рядом. Конан моргнул несколько раз и впервые за эту ночь начал сомневаться в собственном рассудке. И вдруг до Конана дошло, что маг съеживается у него на глазах, с каждым мгновением уменьшается в размерах. Киммериец уже ничему не удивлялся, он осознавал, что наблюдает действие сверхъестественных сил, недоступных его пониманию. Маг стремительно уменьшался, теперь он уже лежал на столе, словно младенец, все еще сжимая в руках алмаз. Яра, наконец, понял, что его ожидает, вскочил на ноги и отбросил камень в сторону. Несмотря на это, он продолжал уменьшаться и вскоре превратился в миниатюрного гномика, мечущегося по столу, размахивая руками в бессильной злобе и вереща голосом, напоминавшим комариный писк. Сердце Слона возвышалось над ним подобно холму. Потрясенный Конан увидел, что волшебник при-

крывает руками глаза, будто бы спасаясь от нестерпимого блеска, и шатается из стороны в сторону, словно пьяный. Казалось, некая невидимая сила притягивала Яру к алмазу. Трижды он пытался превозмочь его силу и убежать на другой конец стола, но лишь обегал камень по дуге, приближаясь к нему с каждым разом ближе и ближе, затем взвизгнул от ужаса, выбросил руки вперед и со всех ног помчался прямо на алмаз.

Наклонившись над столом, Конан увидел Яру, с трудом карабкавшегося по гладкой грани кристалла; вот он добрался до вершины и распростер руки, призывая на помощь таинственные, лишь ему ведомые силы, но, словно втянутый водоворотом, исчез в недрах камня, поглощенный волной переливающихся цветов и оттенков. Алмаз снова посветлел, стал прозрачным, и Конан увидел мага в самом его центре. Киммериец не отрывал глаз от камня, и ему казалось, что все, что он там видит, происходит невероятно далеко отсюда, в ином измерении.

Внутри кристалла появилась зеленая фигурка с головой слона и великолепными крыльями за плечами. Яра убегал от нее сломя голову, а мститель мчался за ним по пятам. Вдруг огромный алмаз лопнул, как мыльный пузырь, и разлетелся на тысячи разноцветных искр. Крышка стола и черного дерева опустела так же, как мраморное ложе, на котором покоилось когда-то тело удивительного существа родом из космоса, по имени Ягг-коша или Яггах.

Киммериец выбежал из комнаты и кубарем скатился вниз по лестнице. Потрясенному до глубины души варвару и в голову не пришло, что следовало бы бежать тем же путем, которым он проник в Башню. Крутая лестница привела его в просторное помещение в цоколе Башни. Он остановился на мгновение — это была караульная. Пламя факелов отражалось в полированных кирасах гвардейцев, поблескивали инкрустированные рукояти мечей. Часть стражников сидела за столом, склонив на грудь головы в гребнистых шлемах, другие неподвижно лежали на полу из ляпис-лазури среди беспорядочно разбросанных кружек и опрокинутых бурдюков с вином. Он знал, что все они мертвы. Яггах обещал и сдержал слово — стража уснула навеки, когда на нее пала тень огромных зеленых крыльев. Конан недолго размышлял над тем, какие чары помогли ему выбраться из Башни,— за серебристой дверью, открытой настежь, занимался уже рассвет.

Киммериец углубился в гущу сада, а когда утренний ветерок донес до его ноздрей бодрящий запах сырой земли, встряхнулся, как бы отметая остатки кошмарного сна, и зашагал быстрее. Что же это было? Была ли Башня действительно заколдована, или все это ему только приснилось? Оглянувшись в очередной раз, он увидел вдруг, что стройное здание, четко обрисовывавшееся на фоне предрассветного пурпурного неба, клонится к земле, а его усыпанная драгоценными камнями верхушка расплывается в лучах восходящего над горизонтом солнца. Послышался оглушительный треск, и Башня Слона рассыпалась в прах.

...Приключившееся с Конаном в Башне Слона немногому его научило: вернувшись в город, он вскоре начисто забыл и мага Яру и Яггкошу, и все, что связано было с Магией Алмаза. Однако разгульная воровская жизнь, столь прельщавшая его поначалу, постепенно тоже стала ему надоедать...

СПЛОШЬ НЕГОДЯИ В ДОМЕ

1

На придворном балу Набонидус, Алый Жрец, истинный властелин столицы, мягко коснулся плеча молодого аристократа Мурило, тот повернулся и наткнулся на загадочный взгляд сановника. Ни один из них не произнес ни слова. Набонидус едва заметно поклонился и протянул юноше маленькую золотую коробочку. Мурило, давно усвоивший, что Набонидус никогда и ничего не делает без причины, воспользовался первым же пришедшим в голову предлогом и поспешил домой. Там он, открыв коробочку, нашел в ней человеческое ухо, которое сразу же узнал по характерному шраму. На лбу юноши выступил холодный пот — гадать о смысле взгляда Алого Жреца не приходилось.

Мурило был известным щеголем и записным ловеласом, но он не был трусом и не собирался сдаваться без боя. Было не совсем ясно — играет с ним Набонидус как кошка с мышью или дает возможность улизнуть, отправиться в добровольное изгнание, однако уже одно то, что он все еще жив и пользовался свободой, говорило о том, что в его распоряжение предоставлено несколько часов — надо полагать, на размышления. Но он не нуждался в размышлениях, решение давно уже было принято. Все, что ему теперь нужно было, чтобы претворить его в жизнь,— это орудие. И этим орудием снабдила его судьба, неустанно плетущая свои нити, скрещивая их в самых немыслимых сочетаниях.

В Аренжуне жил некий жрец, служивший богу Ану, храм которого стоял на самом краю квартала бедноты. Жрец этот, добродушный толстяк с виду, занимался скупкой краденого и одновременно шпионил по заданию гвардии. Дело процветало, и в шкатулку жреца двумя звонкими ручейками текло золото, поскольку квартал по соседству с храмом был не чем иным, как знаменитым Лабиринтом — кавардаком невероятно запутанных грязных улочек со множеством мерзейших воровских притонов, в которых можно было встретить кого угодно: от гуляки-придворного до отъявленного негодяя-разбойника и профессионального вора. Среди последних выделялись особой дерзостью и отвагой гандерландец, дезертировавший некогда из наемных королевских войск, и варвар-киммериец по имени Конан. Гандерландца выдал жрец, его схватили и повесили на рыночной площади. Киммерийцу же

удалось уйти. Случайно узнав об измене жреца, он страшно разозлился, ворвался в храм и снес доносчику голову с плеч.

Город взбурлил. Убийцу жреца искали долго и старательно, но безуспешно, и, скорее всего, так и не нашли бы никогда, если бы не одна из местных шлюх — она провела стражу в тайную каморку, в которой мертвецким сном спал варвар, до полусмерти упившийся кислым вином. Киммериец, когда его начали вязать по рукам и ногам, очнулся, воткнул кинжал в горло офицеру, разбросал солдат и, несомненно, сумел бы уйти, если бы не хмель, все еще омрачавший его мозг. Мгновенно сорвавшись с постели, он прыгнул в дверь, но промахнулся и чуть было не снес каменную стену, врезавшись в нее лбом.

Когда он пришел в себя, то увидел, что сидит в подвале городской тюрьмы, прикованный к стене цепями, справиться с которыми было явно не под силу даже его стальным мускулам. Полусидя-полулежа на охапке гнилой соломы, варвар клял на все лады предательский напиток и женское коварство, когда загремел засов, и на пороге появился человек, закутанный в серый плащ, с лицом, обернутым черным платком. Киммериец с любопытством посмотрел на незнакомца, угадывая в ночном госте палача, посланного, чтобы разделаться с ним на месте без лишних церемоний. Он лишь утвердился в этой мысли, когда поймал изучающий взгляд незнакомца, скользнувший по его телу.

— Ты хочешь жить? — спросил Мурило, ибо это он стоял перед узником.

Варвар откашлялся, и в его глазах появилась искра интереса, он не сказал ни слова, но юному аристократу было вполне достаточно того, что он уловил во взгляде великана.

— Я хочу, чтобы ты убил для меня человека.

— Кого?

Голос Мурило снизился до шепота.

— Набонидуса, королевского верховного жреца.

На лице киммерийца не дрогнула ни единая жилка, он не испытывал даже тени трепета перед сильными мира сего — король или нищий, ему было все едино. Он даже не особенно удивился тому, что Мурило обратился именно к нему, хотя в Лабиринте хватало платных убийц самой высокой квалификации.

— Когда я освобожусь?

— Не пройдет и часа. Ночью эту часть темницы охраняет один-единственный стражник, его можно подкупить. Точнее говоря, он уже подкуплен. Вот ключи, я сейчас сниму цепи, а когда уйду, стражник Атикус откроет тебе дверь. Чтобы не навлекать на него подозрения, ты его аккуратно свяжешь и положишь под стенкой. Сделав это, отправляйся в дом Набонидуса и убей Алого Жреца. Когда с ним будет покончено, беги к Крысиной Норе, там тебя будет ждать резвый конь и увесистый кошелек с золотом — вполне достаточно, чтобы навсегда распрощаться с этим городом.

— Ладно, снимай скорее эти проклятые железяки! — потребовал киммериец.— И скажи стражнику, чтобы принес чего-нибудь поесть. О Кром! За весь день у меня во рту крошки хлеба не было, я умираю от голода.

— Все получишь, но помни: ты не должен покидать темницу сразу же после моего ухода, мне надо время, чтобы добраться до дома. Никто не должен догадаться, что твой побег связан со мною.

Освободившись от оков, варвар встал во весь свой гигантский рост и потянулся, напрягая могучие мышцы. Мурило подумал, что не ошибся в выборе,— если с Алым Жрецом вообще под силу справиться человеку, по этим человеком может быть лишь Конан, и никто иной.

Юный аристократ, чтобы быть уверенным в том, что варвар понял его правильно, повторил то, что сказал ранее, и покинул камеру, приказав Атикусу отнести узнику еду и кувшин пива. Он знал, что может положиться на Атикуса,— и не только потому, что щедро заплатил ему золотом, но и потому, что держал его на крючке: стоило ему намекнуть властям о некоторых грехах стражника, тот немедленно угодил бы на виселицу.

Только оказавшись дома, Мурило перевел с облегчением дух. Набонидус будет действовать руками безвольного, туповатого короля — в этом он был абсолютно уверен. И если королевские стражники не ломятся еще в его двери, значит, жрец ничего не сказал королю — пока не сказал... Утром он обязательно это сделает — если, конечно, доживет до утра.

Мурило не сомневался в том, что киммериец выполнит уговор, но вот сумеет ли он справиться с тем, за что взялся... Уже многие пытались убить Алого Жреца — и все покушавшиеся умирали таинственной смертью. Правда, никто из них, хоть и были они все сильными, жестокими и смелыми, не мог похвастать даже малой долей волчьего инстинкта варвара.

Мурило вспомнил об арестованном варваре, когда лихорадочно искал выход из создавшейся ситуации, рассеянно вертя в руках коробочку с ужасным содержимым. Теперь же, наполнив бокал золотистым вином, он поднял тост за человека по имени Конан и удачное завершение его миссии. В бокале оставалось еще вино, когда один из шпионов примчался с известием, что Атикуса арестовали и посадили в ту же тюрьму. О киммерийце никто ничего не слышал...

Мурило во второй раз за этот вечер почувствовал, что у него стынет кровь в жилах. Ему показалось вдруг, что за этим тоже стоит Набонидус, что Алый Жрец — не человек, а демон, способный читать мысли своих жертв, словно раскрытую книгу, дергающий за струны, на которых все они пляшут, подобно марионеткам.

Отчаяние порождает решимость. Мурило схватил меч, закутался в серый плащ, выбежал через потайную дверь и исчез во

тьме опустевших улиц. Близилась полночь, когда он добрался до цели — дом Набонидуса черной глыбой маячил посреди громадного сада, обнесенного высокой стеной. Преодолеть каменный барьер было не так уж и сложно, но Мурило не сомневался в том, что основные трудности встретят его за стеной. Он понятия не имел о том, чего следовало опасаться,— рассказывали, что по саду бродит кровожадный пес, который время от времени разрывает на клочки несчастных воришек, забредших туда по недомыслию, но что еще кроме пса могло таиться за забором, он не знал и не хотел даже думать об этом.

Люди, которым доводилось по делам государственной важности посещать этот дом, захлебывались от восторга, когда описывали пышное убранство комнат и залов, но умолкали в недоумении, когда речь заходила о слугах. В сущности, все они видели одного-единственного слугу: высокого молчаливого старика по имени Джока. Кроме него в доме был, вероятно, кто-то еще, быть может, раб: многие обратили внимание на шум, доносившийся иногда из внутренних комнат, но виновника его не видел никто. Однако, что бы там ни говорили, самым таинственным человеком в этом доме был сам хозяин: Алый Жрец Набонидус. Его архивыдающиеся способности к интригам и влиятельная поддержка, оказывавшаяся ему даже из-за границ королевства, быстро выдвинули его на первое место в государстве. Народ, канцлер и король безвольными куклами дергались на нитках, концы которых крепко сжимала рука Алого Жреца.

Мурило вскарабкался на стену, соскочил в сад и притаился под кроной ближайшего дерева, тихо шелестевшей густой листвой. Силуэт дома четко выделялся на фоне ночного неба, ни искорки света не горело в его окнах. Юноша осторожно продирался сквозь колкие заросли, его разгоряченное воображение заполняло все вокруг таинственной жизнью — он напряженно ожидал того момента, когда из темноты метнется к нему вытянутое в прыжке тело огромного животного. Мурило весьма сомневался в том, что его меч сдержит яростную атаку бестии, но отступать не собирался — в конце концов, не все ли равно, умереть под топором палача или в пасти разъяренного пса.

И вдруг он споткнулся обо что-то массивное и, в то же время, мягкое. Юный аристократ нагнулся, пытаясь рассмотреть неожиданное препятствие в неверном звездном свете,— и отшатнулся в ужасе. У его ног лежал труп сторожевого пса. Шея собаки была свернута, а на теле зияли кровавые раны, похожие на следы укусов, оставленные чьими-то гигантскими челюстями. Юноша испуганно огляделся, по его телу пробежала дрожь, но он упрямо продолжил путь, направляясь к погруженному в тишину и мрак дому. Первая же дверь, которую он осторожно толкнул, оказалась открытой. Он сильнее сжал рукоятку меча и переступил через порог, оказавшись в длинном полутемном коридоре, слабо осве-

щенном лучиками света, проникавшими из-за полога, прикрывавшего вход в зал.

Гробовая тишина висела в воздухе.

Мурило прокрался по коридору и припал к щели в пологе — его глазам предстала ярко освещенная комната с окнами, тщательно затянутыми бархатными шторами. В комнате никого не было. Никого, если вести речь о живых людях, ибо на бесформенной куче переломанной, искореженной мебели и содранной со стен драпировки, валявшейся посреди комнаты, покоился труп человека. Он лежал на животе, и его голова была неестественно повернута так, что подбородок торчал из-за плеча. На лице мертвеца застыла злобная улыбка. Впервые за эту ночь Мурило почувствовал, что его решимость слабнет. Он нерешительно оглянулся, но перспектива топора и плахи добавила ему смелости, и Мурило шагнул в комнату, стараясь не смотреть на лежащее посреди нее тело. Юноша никогда до тех пор не видел этого человека, но догадывался, что это Джока — мрачный слуга Набонидуса.

Добравшись до раскрытых дверей на противоположном конце комнаты, он чуть отвел полог в сторону и заглянул в большой круглый зал с галереей, тянувшейся вдоль стены на половине высоты между блестящим пологом и высоким потолком. Этот зал был меблирован с истинно королевской роскошью. Посреди него стоял огромный резной стол из красного дерева, на котором красовались бесчисленные блюда с экзотическими яствами и кувшины с вином. Рядом... Мурило окаменел — на кресле, стоявшем рядом со столом, спиной к нему сидел некто, облаченный в пурпурные одежды, знакомые любому и каждому в королевстве. Широкие рукава скрывают руки, расслабленно лежащие на подлокотниках кресла, голова, прикрытая алым капюшоном, склонилась набок в раздумии. Именно таким Мурило сотни раз видел Набонидуса во дворце короля.

Проклиная предательский грохот сердца, юноша поднял меч и подкрался чуть ли не вплотную к столу. Алая фигура в кресле даже не шелохнулась. Судя по всему, осторожные шаги юноши остались неуслышанными. Может быть, Алый Жрец спит? Последний шаг отделял Мурило от его врага, когда тот, что сидел в кресле, встал с него и повернулся.

Ноги Мурило подкосились, лицо покрылось мертвенной бледностью, рукоять меча выскользнула из обмякшей ладони, и клинок звякнул, царапая мраморную плиту пола. Из враз посиневших губ юноши вырвался пронзительный вопль, эхо которого смешалось с гулким грохотом падающего тела.

В доме Алого Жреца вновь воцарилась тишина.

2

Вскоре после того, как Мурило ушел, Атикус принес узнику поднос, на котором стояла миска с огромным куском мяса и кув-

шин с пивом. Конан жадно набросился на еду. Пока он насыщался, Атикус отправился на обход тюрьмы, желая проверить, все ли идет по плану, и дополнительно удостовериться в том, что поблизости нет чего-либо подозрительного, способного помешать побегу варвара. Он заканчивал обход, когда его перехватил и арестовал патруль гвардейцев. Однако Мурило ошибался, когда считал, что между арестом стражника и планировавшимся побегом Конана было что-то общее. Причина ареста заключалась в ином: совесть Атикуса отягощало немало гнусных делишек, информация об одном из них только что дошла до властей. Место Атикуса занял другой стражник — тупой и ограниченный солдафон, искренне убежденный в том, что нет на земле дела, важнее того, которым ему довелось заниматься.

Как только истошные вопли Атикуса замолкли вдали, его сменщик продолжал обход. Зрелище, открывшееся его глазам в камере Конана, способно было свести с ума и менее ревностного тюремщика: узник, сбросив цепи, грыз огромную кость, время от времени прикладываясь к пузатому кувшину. Это настолько поразило стражника, что он забыл обо всех инструкциях и, вместо того, чтобы позвать на помощь товарищей, немедленно вломился в камеру. Это была первая и, вместе с тем, последняя в его жизни служебная ошибка. Конан расколол ему череп огрызком бычьей ноги, открыл его ключами дверь, сунул за набедренную повязку поднятый с пола кинжал и спокойно вышел наружу. Перепрыгнув через ограждавшую тюрьму стену, он остановился в нерешительности. С одной стороны, он, вроде бы, своими силами освободился из заточения и теперь ничего никому не был должен. Но, с другой стороны, юноша снял с него цепи и приказал накормить — если бы не это, побег был бы невозможен. Прикинув так и этак, Конан пришел к выводу, что долг за ним все же остается, и, будучи человеком слова, решил выполнить то, что обещал юному аристократу. Но до этого он не смог отказать себе в удовольствии разделаться с одним небольшим дельцем.

Отбросив в сторону порванную тунику, он тронулся в путь, на ходу проверяя остроту широкого, обоюдоострого кинжала. Он крался по улицам и темным площадям, пока не добрался до Лабиринта. Здесь он отбросил осторожность и пошел дальше с уверенностью старожила. А дорога вела запутанными закоулками, проходными дворами, полузаметными стежками. На улицах Лабиринта не было тротуаров, грязь и всевозможные нечистоты покрывали их толстым слоем отвратительной жижи, над которым тут и там возвышались островки гниющих отбросов. Поскользнувшись, можно было, того и гляди, по щиколотки, а то и по пояс увязнуть в этом кошмарном болоте. Валяющийся под ногами труп человека с перерезанным горлом был здесь тоже обычным явлением, не привлекавшим особого внимания местных жителей. Словом, порядочные граждане Аренжуна имели вполне достаточные основания, чтобы обходить Лабиринт стороной.

Конан, так никем и не замеченный, добрался до цели своего путешествия в тот самый момент, когда некто, кого он очень хотел увидеть, как раз собирался удалиться. Когда киммериец свернул к знакомому дому, на верхнем его этаже девушка, которая выдала варвара городской страже, прощалась с новым своим любовником. Юный головорез закрыл за собой дверь и направился вниз по поскрипывающей лестнице, погрузившись целиком в мысли, весьма характерные для обитателей Лабиринта и связанные, в основном, с насильственным присвоением чужой собственности, но вдруг остановился и попятился. На голове у него зашевелились волосы, когда он увидел перед собой нечеткие контуры гигантского тела и горящие жаждой мести хищные глаза. Яростное рычание было последним звуком, коснувшимся его ушей, прежде чем он расстался с жизнью — притаившееся чудовище прыгнуло, и острый клинок распорол несчастному живот снизу доверху. Юноша всхлипнул и упал на лестницу лицом вниз. Варвар мягко перескочил через труп — он был похож на привидение, и его глаза зловеще сверкали во тьме. Он знал, что грохот падения тела юного вора был услышан многими, но он знал также, что обитатели Лабиринта привыкли не вмешиваться в чужие дела. Предсмертный крик на лестнице не считался здесь ничем особенным, чуть позже кто-нибудь из жителей дома осторожно выглянет и посмотрит, что там случилось. Конан взбежал по лестнице и остановился перед дверью. Она была закрыта изнутри, но клинок кинжала, просунутый в щель между полотном двери и фрамугой, легко приподнял завесу. Он тихо вошел, закрыл за собой дверь и повернулся к кровати. На ней сидела, поджав под себя ноги, одетая в тонкую ночную рубашку шлюха, та самая, что продала его страже. Побледнев как полотно, девушка смотрела на него, как на гостя с того света,— она слышала шум на лестнице, темные пятна на кинжале сказали ей обо всем остальном. Теперь речь шла о ее жизни и смерти, и некогда было тратить время на оплакивание судьбы любовника. Она хотела взмолиться о пощаде, но голос не повиновался. Конан молчал, он смотрел на нее исподлобья и пробовал большим пальцем левой руки остроту кинжального лезвия. Когда он решительно направился к девушке, та прижалась к стене и, не в силах издать ни единого звука, умоляюще протянула к нему руки. Варвар схватил ее за белокурые волосы и стащил с постели. Сунув кинжал за набедренную повязку, он прижал вырывающуюся пленницу левой рукой к своему боку и подошел к окну. Как и во многих других зданиях подобного типа, каждый из этажей этого дома был окружен карнизом, соединявшим и продолжавшим выдвинутые вперед парапеты. Конан пинком отворил окно и ступил на этот узкий карниз. Если бы кто-то в соседнем доме не спал и наблюдал за домом, то насладился бы весьма неординарным зрелищем: по хилому карнизу осторожно шел великан, тащивший под мышкой полунагую, отчаянно брыкавшуюся деву-

шку. Впрочем, вряд ли этот гипотетический наблюдатель был бы удивлен больше, чем сама пленница.

Добравшись до заранее намеченного места, Конан остановился и крепко ухватился пальцами свободной руки за выбоины в стене. Изнутри дома слышались звуки, свидетельствовавшие о том, что кто-то в конце концов обнаружил-таки труп на лестнице. Девушка то принималась молить Конана о прощении, то скулила без слов. Конан посмотрел вниз, прислушался к шуму, доносившемуся из дома, и швырнул девушку прямо в выгребную яму. Понаблюдав с любопытством за барахтавшейся в дерьме изменницей и с удовольствием выслушав все то, что она кричала, варвар захохотал во все горло, что позволял себе крайне редко. Крики и шум в доме тем временем усилились. Конан повернул голову, вздохнул и принял окончательное решение: пришла пора разобраться с Набонидусом.

3

Некий металлический лязг привел в чувство Мурило, он охнул и, напрягая все силы, сел, опираясь на влажную стену.

Все вокруг тонуло в тишине и мраке, юноша чуть было вновь не потерял сознание, когда в голове его мелькнула мысль, что, быть может, он каким-то образом потерял зрение. Постепенно к нему возвратилась память, и его тело всколыхнула дрожь, когда он вспомнил все, что с ним приключилось. Мурило пошарил руками вокруг и убедился, что сидит на полу из хорошо пригнанных друг к другу каменных блоков, а за его спиной возвышается стена из того же материала. Юноша поднялся на ноги, опираясь на стенку, чтобы не потерять равновесия. Судя по всему, он находился в подвале или тюремном застенке, но как он сюда попал и как долго тут находился, оставалось загадкой. Туманные воспоминания о металлическом лязге заставили его насторожиться — звук похож был на стук закрывающейся двери тюремной камеры или даже на звон оружия подосланного убийцы. При мысли о последнем его прошиб холодный пот, и он начал медленно продвигаться вдоль стены, тщательно ощупывая ее руками. К безмерному его удивлению стена все не кончалась, вела дальше и дальше, и он, в конце концов, пришел к выводу, что движется куда-то вниз по коридору, казавшемуся бесконечным. Внезапно ему почудилось, что в коридоре, кроме него, есть еще кто-то,— он по-прежнему ничего не слышал и не видел, но подсознание или что-то другое предостерегало об опасности. Его сердце чуть было не выпрыгнуло из груди, когда знакомый голос произнес с варварским акцентом:

— Это ты, Мурило?

— Конан!

Юный аристократ, спотыкаясь, бросился вперед и припал к могучей груди киммерийца.

— Твое счастье, что я тебя узнал,— пробурчал варвар.— Зарезал бы, как поросенка.

— Где мы, скажи во имя Митры?— простонал Мурило.

— В подвале дома Алого Жреца.

— А который сейчас час?

— Только что миновала полночь.

Мурило, все еще ошеломленный, тряхнул головой, пытаясь собрать разбегающиеся мысли.

— А ты откуда тут взялся?— спросил Конан.

— Пришел, чтобы убить Набонидуса. Мне сказали, что в тюрьме сменили стражу...

— Верно тебе сказали,— пробурчал варвар,— сменили. Я трахнул нового стражника костью по голове и ушел. Я, пожалуй, появился бы здесь раньше, но у меня были кое-какие неотложные дела. Итак — что дальше? Поохотимся на Набонидуса?

Мурило вздрогнул.

— Конан, мы в логове демона! Я пришел, чтобы убить человека, а наткнулся на ужасного волосатого демона!

Конан неуверенно крякнул: он готов был сразиться с любым противником, если речь шла о людях, но, как и все варвары, испытывал безотчетный страх перед сверхъестественными явлениями.

— Я перелез через стенку,— Мурило шептал, словно боялся, что его кто-то подслушает,— в саду лежал сторожевой пес, загрызенный насмерть. Вошел в дом: там наткнулся на слугу Набонидуса — Джоку, тот валялся со свернутой шеей. Дальше вижу: сам Набонидус, облаченный в алые жреческие одеяния, сидит в кресле. Сначала я думал, что и он мертв — или спит... Крадусь, чтобы прирезать его, а он встает... и смотрит на меня!.. О Митра!

Пережитое так живо предстало перед глазами молодого аристократа, что он на мгновение потерял дар речи.

— Конан!— прошептал он, немного справившись с волнением.— Тот, кто стоял передо мной, не был человеком! Фигурой он напоминал, правда, человека, но под алым жреческим капюшоном скрывалась морда, которую не во всяком кошмарном сне увидишь: вся покрыта черной шерстью, глаза маленькие, горят, словно угли, нос плоский с широкими тонкими ноздрями, вислые толстые губы растянуты в жуткой улыбке, обнажая желтые, как у собаки, клыки. Из широких рукавов высовываются громадные руки, тоже волосатые, как и морда. Все это я видел буквально мгновение, потому что тут же потерял сознание.

— И что дальше было?— нетерпеливо поинтересовался киммериец.

— Наверное, чудовище сбросило меня в этот подвал, я только недавно пришел в себя. Конан, я подозревал, что Набонидус — более чем человек, теперь же я знаю наверняка: он оборотень! Днем он носит человечью личину, а ночью становится тем, чем на самом деле является!

— Пожалуй, ты прав,— согласился Конан.— Всем известно,

что некоторые люди могут превращаться в волков, когда захотят. Только зачем ему было убивать слугу и пса?

— Кто поймет деяния демона? — ответил Мурило.— Нам бы теперь отсюда ноги унести подобру-поздорову: людское оружие оборотню не страшно. А как ты сюда попал?

— Я не сомневался в том, что сад стерегут, поэтому пролез по сточной канаве — она соединяется с этим подземельем.

— Так чего мы ждем? Бежим той же дорогой! — воскликнул Мурило.— Если выберемся из этой змеиной норы, с королевскими стражниками как-нибудь справимся — и прочь из города! Веди, Конан!

— Увы,— буркнул Конан.— Ничего не получится. Дорога назад отрезана. Когда я забрался в туннель, сверху свалилась железная решетка, если бы я не откатился вовремя, она проколола бы меня своими острыми концами как червяка. Я попытался ее поднять — даже слон с нею не справился бы. А расстояния между прутьями таковы, что ничего крупнее кролика через решетку не проскользнет.

Мурило выругался в сердцах. Следовало ожидать, что Набонидус предусмотрит западню на входе — даже таком. Конан был бы уже мертв, если бы обладал менее быстрой реакцией.

— Делать нечего,— сказал Мурило, вытирая со лба холодный пот.— Придется искать иной выход. Все они, наверняка, тоже снабжены ловушками, но нам выбирать не приходится.

Варвар что-то пробурчал, соглашаясь. Они двинулись на ощупь по коридору. Вдруг Мурило вспомнил:

— Слушай, а как ты узнал меня в такой темноте?

— Когда ты приходил ко мне в камеру, я вдоволь нанюхался благовоний, которыми ты поливаешь свои локоны,— усмехнулся Конан.— Их-то я и почуял, когда готовился выпустить из тебя кишки.

Мурило поднес прядь своих волос к носу и подивился звериному нюху варвара — сам он почти не ощущал их пряного запаха.

Они продолжали путь. Рука Мурило случайно коснулась ножен, и юноша вновь выругался — они были пустыми. Впереди замаячила тусклая полоска света. Коридор резко поворачивал, они тихонько подкрались и разом высунулись из-за угла. Мурило, полулежавший на Конане, почувствовал, как напряглось вдруг его тело: за поворотом лежало на полу полунагое тело человека, освещенное языками пламени, вырывавшимися из торчавшей из стены широкой серебряной чаши. Очертания фигуры лежавшего человека показались ему поразительно знакомыми... Невероятное подозрение зародилось в мозгу Мурило.

Жестом предложив киммерийцу следовать за ним, он подбежал к неподвижно лежавшему телу, наклонился, преодолевая отвращение, схватил его за плечи и перевернул на спину.

Крик ужаса вырвался из уст юного аристократа, стоявший рядом Конан охнул от изумления.

— Набонидус! Алый Жрец! — выдохнул Мурило. — Но кто... как...

Человек, лежавший на полу, вздрогнул и застонал. Быстрее молнии метнулся к нему Конан, целясь в сердце кинжалом...

Мурило в последний момент успел задержать руку варвара.

— Погоди! Не убивай его пока!

— Почему нет? — удивился киммериец. — Видишь, он сбросил волчью шкуру и спит. Ты, что же, хочешь, чтобы он проснулся и разорвал нас на куски?

— Подожди! — Мурило постепенно приходил в себя после пережитого потрясения. — Он не спит — видишь синяк на его виске? Его оглушили — похоже, он давно уже здесь валяется.

— Не ты ли говорил, что видел его там, наверху, в шкуре бестии?

— Верно, видел. Хотя... Он приходит в себя. Послушай, Конан, мы вляпались в нечто гораздо более серьезное, чем могли ожидать. Прежде чем прикончить жреца, надо из него все выудить.

Набонидус поднял руку, прикоснулся ею к виску и охнул от боли. Его глаза открылись — пустые и бессмысленные поначалу, они быстро вернули себе обычную проницательность. Сколь бы ни сокрушителен был удар, погрузивший во мрак мозг жреца, сейчас его голова работала с полной отдачей. Внимательный взгляд Набонидуса метнулся по сторонам и остановился на лице Мурило.

— Ты оказываешь честь моему бедному дому своим визитом, о господин, — рассмеялся холодно жрец, пристально рассматривая возвышавшуюся за плечами юноши могучую фигуру варвара. — Вижу, ты не один. Никак боишься, что твоего меча не достаточно, чтобы справиться со слабым стариком?

— Ладно, хватит! — нетерпеливо оборвал его Мурило. — Как долго ты здесь валяешься?

— Довольно-таки трудный вопрос для человека, который только что пришел в себя, — ответил жрец. — Понятия не имею. Я не знаю день сейчас или ночь, но помню, что вышел в сад за час до полуночи.

— Кто же тогда сидит в твоем кресле, напялив твой балахон, там, наверху?

— Не иначе, как Так, — ответил Набонидус, осторожно ощупывая раны. — Точно он. Ты говоришь, на нем моя сутана? Паршивый пес!

Конан, не понимавший, о чем идет речь, беспокойно топтался на месте, что-то ворча себе под нос. Набонидус бросил на него обеспокоенный взгляд.

— Кинжалу твоего наемника не терпится добраться до моего сердца. Я надеялся, Мурило, что ты будешь достаточно рассудителен и до рассвета унесешь ноги из этого города.

— Откуда мне было знать, что ты позволишь мне это сде-

лать?— возразил Мурило.— И кроме того, у меня в городе полно дел.

— Неплохого ты себе помощничка подобрал,— промурлыкал Набонидус, поглядывая искоса на Конана.— Я сравнительно недавно начал подозревать, что с тобою дело не чисто. Именно поэтому сгинул бедняга камергер — перед смертью он поведал мне немало интересного, в том числе и о некоем молодом аристократе, купившем у него за солидные деньги кое-какие тайны королевского двора, весьма интересующие наших соседей. И тебе не стыдно воровать чужие секреты, юноша?

— Думаю, что не больше, чем тебе, старый негодяй,— ответил нимало не смутившийся Мурило.— Ты в своих личных целях используешь всех и вся в этом королевстве: прикрываясь маской государственного деятеля, водишь за нос короля, разоряешь в пух и прах богачей, притесняешь бедноту так, что она вздохнуть боится. Да ты же все будущее нашей страны поставил на карту ради удовлетворения своих личных амбиций! Так, как толстая свинья, дорвавшаяся до корыта с жирной похлебкой, не вытаскиваешь рыла из государственной казны, где мне равняться с тобой в воровском искусстве. Этот киммериец самый честный из нас троих — он, по крайней мере, ворует и убивает открыто.

— Ну хорошо,— сказал Набонидус.— Итак, нас тут трое негодяев, во всем достойных друг друга. Ну и что дальше?

— Когда я увидел ухо камергера,— продолжал Мурило,— то понял, что приговор подписан. По моим предположениям, ты хотел провернуть все дальнейшее через короля. Я не ошибаюсь?

— Да, ты угадал,— ответил жрец.— Избавиться от камергера труда не составляло: с этим я и сам справился. Но ты — фигура при дворе заметная... Утром я рассказал бы королю небольшой анекдотец...

— Который стоил бы мне головы! — рявкнул Мурило.— Итак, говоришь, король ничего не знает о моих связях с соседними королевствами?

— Пока нет...— вздохнул Набонидус.— Однако, судя по тому, что вертит в руках твой приятель, королю так и не дано будет посмеяться над моим анекдотом.

— Ты, несомненно, знаешь все ходы и выходы в этой крысиной норе,— сказал Мурило.— Допустим, я дарую тебе жизнь. Ты поможешь нам за это выбраться отсюда? И поклянешься хранить молчание о моей... э-э-э... болтливости?

— Да разве жрецу можно верить хоть в чем-нибудь?— вмешался в разговор Конан.— Дай-ка я перережу ему горло, хочу посмотреть, какого цвета у него кровь. В Лабиринте поговаривают, что сердце Алого Жреца черное, значит — и кровь должна быть черной.

— Замолчи, дурень! — шепнул Мурило.— Если он не выведет нас из подземелья, все здесь погибнем.

И громко сказал:

— Так как, Набонидус, что ты думаешь о моем предложении?

— А что может думать волк с лапой в капкане? — усмехнулся жрец.— Я в вашей власти. И клянусь, что если мы выберемся отсюда живыми, забуду о твоих темных делишках — клянусь душой Митры!

— Этого достаточно,— согласился Мурило.— Эту клятву даже Алый Жрец побоится нарушить. Ну так идем скорее! Мой приятель забрался сюда через сточную канаву, но выход отрезала решетка. Ты сможешь ее поднять?

— Только не отсюда. Механизм подъема решетки находится в комнате над туннелем. Но тут есть еще один выход, и я вам сейчас его покажу. Но прежде чем мы тронемся в путь, удовлетвори мое любопытство — скажи, как ты сюда попал?

Мурило в нескольких словах описал свои приключения. Жрец, внимательно выслушав его, кивнул головой в знак того, что все понял, медленно поднялся и, шаркая по полу непослушными ногами, пошел вперед. Коридор привел их в комнату, на дальней стене которой висел большой серебристый диск, жрец уверенно направился прямо к нему. Рядом с диском зиял проем в стене и начиналась узкая лестница, ведущая наверх.

— Вот и выход. И я знаю наверняка, что дверь там, наверху, не замкнута. Но мне кажется, что тому, кто решится открыть ее, лучше вот тут, не сходя с места, перерезать себе горло. Впрочем, смотрите сами,— махнул он рукой в сторону серебристого диска.

Диск оказался огромным зеркалом, намертво вмурованным в стену. Из стены торчали концы нескольких медных труб. Хитроумно изогнутые, они нависали над зеркальной гладью диска. Заглянув в одну из них, юноша увидел целый ряд отражавшихся друг в друге зеркал поменьше. Приглядевшись к большому зеркалу, Мурило вдруг вздрогнул от изумления, смотревший через его плечо киммериец глухо вскрикнул, не веря своим глазам. Обоим казалось, что они заглядывают через широкое окно в ярко освещенный зал. Они видели большие зеркала на драпированных бархатом стенах, покрывала из драгоценных шелковых тканей на ложах, кресла из черного дерева, инкрустированные слоновой костью, видели они и несколько дверей, ведущих, вероятно, в соседние залы. У одной из них стояло огромное черное чудовище, внимательно осматривающее зал.

Мурило почувствовал, что у него душа уходит в пятки, когда взгляд монстра остановился на нем. Юноша отскочил в сторону, Конан же нагнулся к зеркалу и выкрикнул прямо в морду чудовищу ругательство на родном языке.

— Во имя Митры, Набонидус! — Мурило едва дышал от ужаса.— Что это?

— Это Так,— спокойно ответил жрец, осторожно массируя висок.— Тот, кто назовет его обезьяной, совершит ошибку, ибо он отличается от обезьяны не менее, чем обезьяна от человека. Его племя живет далеко на востоке, в горах на восточной границе ко-

ролевства Замора, оно весьма немногочисленно, но я уверен, что они, если их, конечно, не перебьют раньше времени, через каких-нибудь сотню тысяч лет станут людьми. Они гнездятся высоко в горах, не знают огня, не носят одежды, не строят себе жилища, не пользуются оружием и разговаривают между собой на языке, в котором вместо слов лишь ворчание да причмокивания. Так попал ко мне совсем еще малышом, но он учился всему гораздо быстрее и лучше, чем любой другой звереныш, и в конце концов стал незаменимым моим слугой и телохранителем одновременно. Только я забыл, что существо, которое обладает хотя бы частицей человеческого характера, нельзя считать бессловесной тварью. Вероятно, его примитивный мозг долго копил злость и ненависть, пока в нем не взыграло нечто вроде звериной амбиции. Он ударил тогда, когда я меньше всего мог этого ожидать. Сегодня вечером он словно взбесился, так это мне показалось, хотя теперь я думаю, что он действовал по заранее намеченному плану. Услышав шум, доносившийся из сада, я вышел, чтобы убедиться в твоей смерти, мой юный друг, ибо не сомневался в том, что это тебя там рвет на куски мой сторожевой пес. Вдруг из зарослей выскочил залитый кровью Так, набросился на меня и, прежде чем я сумел опомниться, ударом кулака сбил с ног. Больше я уже ничего не помню, но догадываюсь, что он, руководствуясь какими-то неведомыми мне импульсами, сорвал с моего тела сутану, а самого меня, полуголого, но все еще живого, сбросил в подвал. Зачем он это сделал, знают одни только боги. Вернувшись в дом, он убил Джоку — ты видел его труп. Впрочем, Так и Джока всегда терпеть не могли друг друга.

Мурило не сводил глаз с существа в зеркале — бестия опустилась в кресло и теперь с каменным спокойствием сидела перед закрытой дверью. По его телу пробежала дрожь, когда он рассмотрел огромные черные ладони, столь густо поросшие волосами, что казалось — их покрывает сплошная шерсть. Приглядевшись, Мурило вынужден был признать правоту Набонидуса, утверждавшего, что этот монстр представляет собой нечто большее, нежели безмозглое животное,— было в его красных злобных глазках, в наклоне головы, во всей неуклюжей фигуре что-то, несомненно, отличавшее его от зверей.

— Он же нас видит! — воскликнул Конан.— Так почему не атакует? Что ему это окно, он же может легко через него пробиться!

Только теперь Мурило понял, что Конан принимает зеркало за окно, соединяющее подвал с залом.

— Он нас не видит,— ответил жрец.— Он находится в зале над нами, а дверь, у которой он сидит, это та, к которой ведет вот эта лестница. Видите зеркала на стенах? В них отражается каждый уголок зала, отражения попадают в трубы, а по ним с помощью системы зеркал переносятся на это большое зеркало перед вами.

Мурило изумляла невероятная изобретательность жреца,

а Конан заранее посчитал все это черной магией и даже не пытался понять слова Набонидуса.

— Я построил этот подвал, чтобы использовать его в качестве тюрьмы или убежища, возникни в том необходимость,— продолжал Набонидус.— Случалось, я отсюда наблюдал за тем, что происходило с людьми, проникшими в дом, чтобы меня убить.

— Но почему Так сторожит именно эту дверь?— спросил Мурило.

— Наверное, услышал колокольчик: он связан с механизмом, сбрасывающим решетку, и когда та падает — звенит. Зная, что у подвала нет иного выхода, он ждет появления позднего посетителя. Ему приходилось видеть, что происходит с людьми, входившими в круглый зал после того, как я дергал вон за тот шнурок на стене, он хорошо усвоил урок и теперь терпеливо ждет.

— Можем ли мы что-нибудь сделать, пока это чудовище торчит под дверью?

— Все, что мы можем,— только наблюдать. Пока он в зале, нам нельзя туда даже нос сунуть. У Така исполинская сила, и он шутя разорвет нас на куски. Впрочем, ему это даже не потребуется — когда мы появимся в дверях, он потянет за шнурок, и с нами будет покончено.

— Каким образом?— заинтересовался Мурило.

— Я взялся помочь вам выбраться отсюда,— ответил жрец,— но не помню, чтобы обещал выдать все свои секреты.

Мурило хотел сказать что-то еще, но застыл с разинутым ртом и изумленным взглядом, прикованным к зеркалу. Конан и Набонидус тоже приникли к его глади.

Портьера, висевшая над одной из дверей, шевельнулась, и из-за нее осторожно выглянуло чье-то смуглое лицо с лихорадочно блестевшими глазами, их ненавидящий взгляд уперся в спину фигуры в красном, восседающей в кресле.

— Петреус!— прошептал жрец.— О Митра, что за стервятники слетелись нынешней ночью к моему дому!

За смуглым лицом показались другие — угрюмые, бледные лица людей, решившихся на нечто страшное.

— Что они тут делают?— Мурило невольно понизил голос, хотя незваные гости никак не могли его услышать.

— А что, по-твоему, может делать в доме Алого Жреца Петреус с целой сворой ярых сепаратистов?— смеясь, ответил вопросом на вопрос жрец.— Ты только посмотри, какими взглядами сверлят они того, кого принимают за своего злейшего врага, совершая ту же, что и ты, ошибку.

Мурило молчал. Ситуация начала казаться ему совершенно нереальной, ему почудилось вдруг, что он возносится бесплотным духом над головами людей, даже не подозревающих, что за ними кто-то наблюдает. Было непонятно — знает ли Так о появлении в доме чужаков, иных чем те, которых он поджидал,— во всяком

случае, на его поведении это никак не отражалось: он все так же неподвижно сидел спиной к двери, из которой выглядывали заговорщики.

— Они пришли с той же, что и ты, целью,— шепнул Набонидус на ухо Мурило,— только причины покушения иные. Теперь, когда собаки нет, в дом легко попасть. Ах, какой удобный случай избавиться от них раз и навсегда! Ах, если бы я сидел на месте Така... прыгнуть к стене... шнурок...

Петреус осторожно занес ногу над порогом, остальные заговорщики толпились за его спиной, и их обнаженные кинжалы грозно поблескивали в полумраке коридора.

Вдруг Так сорвался с кресла и бросился к сепаратистам. Те, увидев вместо ненавистной, но хорошо знакомой физиономии Алого Жреца косматую морду обезьяночеловека, были буквально ошеломлены. Петреус вскрикнул и отшатнулся назад, сбивая с ног товарищей. В ту же секунду Так одним прыжком подскочил к стене и дернул за длинный шелковый шнурок. Портьеры, прикрывавшие дверь, разъехались в стороны, а сверху что-то упало, сверкнув, словно молния.

— Он помнит! — Набонидус чуть не прыгал от радости.— Эта бестия — человек. Он видел, как я делал это однажды, и все запомнил! А теперь смотрите!

Мурило уже понял, что вход в зал оказался перекрытым огромной стеклянной плитой. Он наблюдал за заговорщиками — Петреус, защищаясь от возможного нападения, выбросил руки вперед и наткнулся на прозрачную преграду.

Теперь, когда портьеры были оттянуты в стороны, трое мужчин в подвале видели все, что происходило в коридоре, до мельчайших подробностей.

Охваченные паникой сепаратисты метнулись назад — туда, откуда пришли, но вновь налетели на невидимую стену.

— Коридор перекрыт! — смеялся Набонидус.— Все очень просто: дернешь за шнурок, освобождается пружина, удерживающая стеклянные переборки, они съезжают по специальным желобкам и защелкиваются в гнездах. Поднять их снова можно только снаружи. Стекло удароупорное, его даже кузнечным молотом не разобьешь.

Попавшие в ловушку люди бились в истерике, бегали от одной переборки к другой, колотили по стеклу кулаками, что-то орали — а за всем этим спокойно наблюдало черное чудовище, присевшее снаружи на корточки.

Один из сепаратистов случайно глянул вверх и, судя по движению его губ, выкрикнул нечто, показывая пальцем на потолок.

— После того, как упали стеклянные плиты, нагнетается Туман Смерти,— услужливо пояснил Алый Жрец, злобно хихикая.— Это пыльца серого лотоса, того, что растет в непроходимых болотах кхитайского пограничья.

С потолка медленно опускалась в коридор кисть золотых бу-

тонов. Цветы величаво раскрывались, словно огромные перезрелые розы, и с их лепестков волнами стекала сероватая дымка, постепенно заволакивая пространство между стеклянными переборками. Люди в коридоре качались, словно пьяные, на их губах, искаженных безудержным истерическим смехом, выступила пена. Они с яростью набросились друг на друга, ожесточенно работая кинжалами, зубами, ногтями.

Мурило почувствовал подкатившую к горлу тошноту, он благодарил богов за то, что не слышит криков и стонов, от которых, видимо, сотрясались стены рокового коридора.

Так, неотрывно наблюдавший за казнью, плясал от радости, высоко вскидывая вверх волосатые лапы. За спиной Мурило Набонидус хохотал и ухал, словно упырь, упившийся кровью.

— Ух, что за удар, Петреус! Отлично, выпусти ему кишки! А теперь сам получи!

Мурило била крупная дрожь, стоявший за ним Конан хрипло ругался на своем варварском языке. В коридоре, затянутом серым туманом, уже все было кончено. Тела заговорщиков, растерзанные и окровавленные, валялись грудой. С искаженных предсмертной мукой лиц смотрели в потолок ничего не видящие глаза, всюду тихо клубились облачка серой пыли.

Так сгорбившись, словно огромный гном, подковылял к стене и дернул за шнурок.

— Поднимает дальнюю переборку,— сказал Набонидус.— Клянусь Митрой, в нем еще больше от человека, чем я предполагал. Смотрите: туман рассеивается, а он ждет. И только после этого поднимает вторую переборку, очень осторожно — знает убийственную силу серого лотоса. О Митра!

Мурило подскочил, столько волнения было в последних словах жреца.

— Это наш единственный шанс,— поспешно сказал Набонидус.— Если Так уйдет из зала хотя бы на несколько минут, мы можем попытаться выскользнуть.

Они напряженно смотрели вслед монстру, неспешно направившемуся в коридор. Когда стеклянные плиты поднялись, портьеры задвинулись на место, прикрывая вход.

Жрец прервал молчание:

— Придется рискнуть! — Мурило не сводил глаза с усеянного каплями пота лица Набонидуса.— Так видел, как я избавлялся от трупов, и сейчас, видимо, занимается тем же. Быстрее наверх!

Жрец бросился к лестнице к проворством, которого трудно было ожидать от столь тщедушного старца. Юный аристократ и киммериец следовали за ним по пятам. Когда они проскочили в дверь зала, из уст Набонидуса вырвался глубокий вздох облегчения: Така в зале не было.

— Он возится в коридоре с трупами,— сказал Мурило.— Так почему бы нам не поймать его в ту же ловушку, что прихлопнула Петреуса и его людей?

— Нет, нет... — Набонидус тяжело дышал, отдуваясь после пробежки, его лицо было мертвенно-бледным. — Я не уверен в том, что он сейчас в коридоре. Следуйте за мной — надо проскочить в мою спальню, там найдется оружие, способное уничтожить Така. Этот коридор — единственный, в котором нет ловушек.

Жрец отдернул портьеру и выскочил в дверь, противоположную входу в коридор смерти, юноша и варвар поспешили за ним. Пробежав по короткому коридору, они уткнулись в закрытую дверь. Набонидус яростно тряхнул ее, затем бросился к соседней двери — обе были заперты на замок.

— О Митра! — алый Жрец пошатнулся и прислонился к стене, кожа на его лице стала пепельной. — Двери замкнуты, а ключи у Така. Мы погибли.

Мурило, сам сильно побледневший, округлившимися от ужаса глазами посмотрел на жреца — тот уже взял себя в руки.

— Я отчаянно боюсь этой бестии, — виновато улыбаясь, тихо сказал Набонидус. — Если бы вы видели, что он делает с людьми... Митра, помоги! Нам теперь придется драться с ним голыми руками. Идем!

Они вернулись ко входу в круглый зал в тот самый момент, когда Так выходил из коридора смерти. Было ясно, что чудовище о чем-то догадывается. Небольшие чуткие уши Така стригли воздух, улавливая малейший шорох, он гневно посматривал по сторонам, а приблизившись к одной из дверей, рванул портьеру, проверяя, не спрятался ли кто за нею.

Набонидус, трясясь как осиновый лист, отшатнулся от щелки между портьерами и, ухватившись судорожно за плечо Конана, спросил шепотом:

— Скажи, ты решишься сразиться с ним?

Блеск глаз киммерийца послужил достаточно ясным ответом.

— Тогда быстрее! — сказал жрец, толкнув Конана к портьере. — Когда он нас обнаружит, а это вот-вот случится, мы с юношей отвлечем его внимание на себя. Ты же, если сумеешь, ударь его ножом в спину, когда он будет пробегать мимо. Ты, Мурило, выгляни и сразу же беги назад. Боюсь, что у нас нет и доли шанса победить Така, но не сдаваться же нам без боя.

Мурило почувствовал, что кровь бросилась ему в лицо, но он собрался с силами, решительно отодвинул портьеру и шагнул в коридор. Так, возившийся с портьерами на противоположной стороне зала, повернулся, увидел юношу и с ревом помчался к нему. Алый капюшон сутаны свалился ему на плечи, обнажив черную бесформенную голову, черные же лапы, измазанные кровью, угрожающе тянулись вперед, из разинутой пасти торчали огромные желтые клыки, короткие кривые ноги с удивительной легкостью несли плотное тело.

Юноша повернулся и побежал вниз по коридору, косматое чудовище преследовало его по пятам.

Когда Так проскочил мимо портьеры, за которой притаился

варвар, тот прыгнул ему на спину и мгновенно вонзил в нее кинжал. Так пронзительно взвизгнул и вместе с вцепившимся мертвой хваткой врагом грохнулся на пол. Мурило, прижавшись к стене, внимательно следил за катившимся по коридору рычащим и визжащим клубком, в котором трудно было рассмотреть детали, столь стремительны были движения каждого из противников. Юноша успел, однако, заметить, что варвар все еще сидит на спине обезьяночеловека, обхватив его торс ногами и бешено орудуя кинжалом. Так изо всех сил пытался подтащить голову противника к своей огромной пасти, в нетерпении щелкая могучими челюстями.

На теле обезьяночеловека зияли страшные раны, любая из которых немедленно отправила бы на тот свет обычного человека, он истекал кровью, но в нем оставалось еще достаточно сил, чтобы разорвать на мелкие куски и Конана и его спутников. Киммериец дрался словно дикий зверь — молча, сопя от напряжения. Он снова и снова погружал кинжал в спину, бока и шею чудовища, но черные когти бестии в клочья драли его тело, а стальной захват исполинской лапы неотвратимо подтягивал голову к острым клыкам.

Мурило улучил-таки момент, подскочил ближе и изо всей силы двинул по голове обезьяночеловека креслом, подхваченным где-то по дороге. Тяжелое кресло отскочило от косматого лба, но ошеломленный монстр на долю секунды ослабил захват, и Конан, тяжело дыша и захлебываясь кровью, по рукоять вонзил клинок в сердце чудовища.

По телу Така побежала дрожь, его свело судорогой, обезьяночеловек хотел вскочить, но сумел лишь чуть приподняться с пола на передних лапах, вытаращил глаза и осел замертво, его конечности конвульсивно дернулись и застыли.

Конан медленно поднялся на ноги, он стоял, покачиваясь, и молча вытирал обратной стороной ладони пот и кровь, заливавшие глаза. Кровь капала с его пальцев и кинжала, а с плеч, бедер и торса стекала тонкими струйками. Мурило подбежал, чтобы помочь, но варвар отстранил его нетерпеливым жестом:

— Со мной все в порядке,— с трудом выдавили его распухшие губы.— Вот когда не будет уже сил подняться, тогда дело плохо. Но чашу-другую вина я бы сейчас опрокинул.

Набонидус ошарашенно смотрел на неподвижно лежавшего Така, словно не верил собственным глазам. Черное косматое тело чудовища еще покрывали остатки сутаны, изодранной в клочья, и это придавало ему гротескный вид — монстр походил на человека более, чем на зверя.

Киммериец, видимо, думал о том же, когда сказал:

— Я сегодня победил человека, а не животное. Он был достойным противником, и мои женщины сложат песню о том, как я отправил его душу в страну вечной тьмы.

Набонидус наклонился и поднял с пола ключи на золотой це-

почке, они были, вероятно, сорваны с могучей шеи обезьяночеловека в пылу сражения. Жрец жестом пригласил спутников следовать за ним и направился в круглый зал. Открыв одну из дверей, он все так же первым шагнул в ярко освещенный, как и все остальные, зал. Подойдя к изысканно сервированному столу, Алый Жрец наполнил вином хрустальные кубки и подал их юноше и варвару. Когда те утолили жажду, он сказал:

— Ах, что за ночь мы пережили! Уже светает. Так что вы собираетесь делать дальше?

— Если ты дашь мне бинты и все остальное, я перевяжу раны Конану,— сказал Мурило.

Набонидус кивнул головой и направился к выходу. Какая-то едва уловимая напряженность в его походке заставила юношу насторожиться...

Набонидус, ступив на порог, вдруг обернулся и посмотрел на них, его глаза сияли жестокой радостью, а тонкие губы кривились в беззвучной усмешке.

— Такой же негодяй,— в его голосе прозвучала издевка,— но не такой же глупец. Глупец тут один — это ты, Мурило!

— О чем ты? — юный аристократ шагнул к жрецу.

— Назад! — голос Набонидуса хлестнул, словно бичом.— Еще шаг, и я вас уничтожу!

— Но ты ведь поклялся!..— крикнул Мурило.

— Я поклялся, что забуду о твоих махинациях, но я ведь не присягал, что не воспользуюсь случаем, если он представится, чтобы разделаться с тобой. Неужели ты всерьез думал, что я упущу такую оказию? При нормальных обстоятельствах я не решился бы расправиться с тобой без благословения короля, но ведь о том, что здесь произойдет, никто никогда не узнает — вы растворитесь в едкой жидкости вместе с Таком и идиотами-сепаратистами, и следа от вас нигде не останется. Ах, что за ночь! Я, правда, лишился слуг, но зато избавился от всех врагов. Ни с места, говорю я вам! Я стою на пороге и стоит мне дернуть за шнур, вы отправитесь прямиком в преисподнюю! В каждой из комнат моего дома снаряжена та или иная ловушка — в этой не серый лотос, а нечто более быстрое. Так вот, Мурило, ты...

...так быстро, что никто не успел даже глазом моргнуть, Конан схватил стул и запустил им в жреца. Набонидус инстинктивно взметнул руку, но не успел — тяжелый снаряд угодил ему прямо в голову. Алый Жрец пошатнулся и упал лицом вниз, у его головы разлилась темно-красная лужа.

— Ага, кровь все-таки красная,— пробурчал киммериец.

Мурило почувствовал, что под ним подгибаются колени — внезапное облегчение лишило его остатка сил, и он вынужден был опереться на стол, чтобы не упасть. Откинув дрожащей рукой мокрые от пота волосы, он сказал:

— Рассветает. Надо бежать отсюда, покуда какая-нибудь но-

вая напасть не свалилась. Если нам удастся перемахнуть через стену незамеченными, никто нас даже не заподозрит в том, что здесь случилось,— пусть гвардия поломает над этим головы.

Мурило передернуло, когда он посмотрел на плавающее в крови тело Алого Жреца.

— Глупцом оказался все же жрец — если бы он не болтал столько...

— Гм,— спокойно сказал Конан.— Он получил то, чего заслуживал, и что получил бы рано или поздно, как и любой другой негодяй. Надо бы обыскать дом, но ты, пожалуй, прав, пора уносить отсюда ноги!

Когда они оказались в безопасности, Мурило повернулся к Конану:

— Алый Жрец ушел в мир иной, и мне теперь в этом городе опасаться некого. Но что будет с тобой, дружище? История со жрецом бога Ану еще у всех на устах...

— Да надоел мне этот ваш город,— широкая улыбка озарила лицо Конана.— Ты что-то там толковал про коня, который ждет в Крысиной Норе. Проверю-ка я его резвость по пути в соседнее королевство. Впереди немало дорог, и еще не скоро меня занесет на ту, по которой ушел нынче ночью жрец Набонидус.

...Скакун, подаренный юным аристократом, действительно оказался резвым, ибо в конце концов занес нашего героя аж в Туран, где тот поступил на службу в армию к королю Илдизу. Уже во того владевший в совершенстве многими военными искусствами, он добавил к ним стрельбу из лука и то, что позднее названо было джигитовкой. Дел у Илдиза хватало, и за неполные два года Конан успел побывать во многих странах, даже таких экзотических, как Меру, Вендия, Гиркания и Кусан. Однако ссора с непосредственным начальником, как поговаривали, из-за девушки, заставила варвара дезертировать, и он вернулся в родные края. Когда его соплеменники в очередной раз совершали набег на извечных врагов — ванов, он, естественно, в стороне не остался...

ДОЧЬ ЛЕДЯНОГО ГИГАНТА

...И вот затих лязг мечей и топоров. Умолкли крики побоища. Тишина опустилась на окровавленный снег. Белое холодное солнце, ослепительно сверкавшее на поверхности ледников, вспыхивало теперь на погнутых доспехах и поломанных клинках там, где лежали убитые. Мертвые руки крепко держали оружие. Головы, увенчанные шлемами, в предсмертной агонии запрокинули к небу рыжие или золотистые бороды, как бы взывая напоследок к Имиру, Ледяному Гиганту, богу народа воинов.

Над кровавыми сугробами и закованными в доспехи трупами стояли друг против друга двое. Только они и сохраняли еще жизнь в этом мертвом мире. Над их головами висело морозное небо, вокруг расстилалась бескрайняя равнина, у ног лежали павшие соратники. Двое скользили между ними словно призраки, пока не очутились лицом к лицу.

Были они высоки ростом и сложены как тигры. Щиты были потеряны, а латы помяты и посечены. На броне и клинках застывала кровь. Рогатые шлемы носили следы сокрушительных ударов. Один из бойцов был безбород и черноволос, борода и кудри другого на фоне залитого солнцем снега отсвечивали алым.

— Эй, приятель,— сказал рыжий.— Назови-ка свое имя, чтобы я мог рассказать своим братьям в Ванахейме о том, кто из шайки Вулфера пал последним от меча Хеймдала.

— Не в Ванахейме,— проворчал черноголовый воин,— а в Валгалле расскажешь ты своим братьям, что встретил Конана из Киммерии!

Хеймдал зарычал и прыгнул, его меч описал смертоносную дугу. Когда свистящая сталь ударила по шлему, высекая сотни голубых искр, Конан пошатнулся, и перед глазами его поплыли красные круги. Но и в таком состоянии он сумел нанести ответный удар. Клинок пробил пластины панциря, ребра и сердце — рыжий боец пал мертвым к ногам Конана.

Киммериец выпрямился, освобождая меч, и почувствовал вдруг страшную слабость. Солнечный блеск на снегу резал глаза,

словно нож, небо стало далеким и тусклым. Он отвернулся от побоища, где золотобородые бойцы вместе со своими рыжими убийцами покоились в объятиях смерти. Ему удалось сделать лишь несколько шагов, когда потемнело сияние снежных полей. Он внезапно ослеп, рухнул в снег и, опершись на закованную в броню руку, попытался стряхнуть пелену с глаз — так лев потрясает гривой.

...Серебристый смех пробил завесу мрака, и зрение начало возвращаться к Канану. Он открыл глаза. Что-то необычное, что-то такое, чему он не мог найти ни объяснения, ни названия, произошло с миром. Земля и небо обрели иной цвет. Но Канан и не думал об этом: перед ним, качаясь на ветру, словно молодая березка, стояла девушка. Она казалась выточенной из слоновой кости и была покрыта лишь муслиновой вуалью. Ее изящные ступни словно бы не чувствовали холода. она смеялась прямо в лицо ошеломленному воину, и смех ее был бы слаще шума серебристого фонтана, когда бы не был отравлен ядом презрения.

— Кто ты? — спросил киммериец. — Откуда ты взялась?

— Разве это важно? — Голос тонкострунной арфы был безжалостен.

— Ну, зови своих людей, — сказал он, хватаясь за меч. — Силы покинули меня, но моя жизнь вам дорого обойдется. Я вижу, ты из племени ванов.

— Разве я это сказала?

Взгляд Конана еще раз остановился на ее кудрях, которые сперва показались ему рыжими. Теперь он разглядел, что не были они ни рыжими, ни льняными, а подобными золоту эльфов — солнце горело на них так ярко, что глазам было больно. И глаза ее были ни голубые, ни серые, в них играли незнакомые ему цвета. Улыбались ее пухлые алые губы, и вся она, от точеных ступней до лучистого вихря волос, была подобна мечте.

Кровь бросилась в лицо воину.

— Не знаю, — сказал он, — кто ты — врагиня ли из Ванахейма или союзница из Асгарда. Я много странствовал, но не встречал равной тебе по красоте. Золото кос твоих ослепило меня... Таких волос я не видел и у прекраснейших из дочерей Асгарда, клянусь Имиром...

— Тебе ли поминать Имира, — с презрением сказала она. — Что ты знаешь о богах снега и льда, ты, ищущий приключений между чужих племен пришелец с юга?

— Клянусь грозными богами моего народа! — в гневе вскричал Конан. — Пусть я не золотоголовый ас, но нет равного мне на мечах! Восемь десятков мужей погибли сегодня на моих глазах. Лишь я один остался в живых на поле, где молодцы Вулфера повстречали волчью стаю Браги. Скажи, дева, видела ли ты блеск стали на снегу или воинов, бредущих среди льдов?

— Видела я иней, играющий на солнце, — ответила она. — Слышала шепот ветра над вечными снегами.

Он вздохнул и горестно покачал головой.

— Ньорд должен был присоединиться к нам перед битвой. Боюсь, что он со своим отрядом попал в ловушку. Вулфер и его воины мертвы... Я думал, что на много миль вокруг нет ни одного селения — война загнала нас далеко. Но не могла же ты прийти издалека босиком. Так проводи меня к своему племени, если ты из Асгарда, ибо я ослаб от ран и борьбы.

— Мое селение дальше, чем ты можешь себе представить, Конан из Киммерии,— рассмеялась дева.

Она раскинула руки и закружилась перед ним, склонив голову и сверкая очами из-под длинных шелковистых ресниц.

— Скажи, человек, разве я не прекрасна?

— Ты словно заря, освещающая снега первым лучом,— прошептал он, и глаза его запылали, как у волка.

— Так что же ты не встаешь и не идешь ко мне? Чего стоит крепкий боец, лежащий у моих ног?— В речи ее он услышал безумие.— Тогда ложись и подыхай в снегу, как эти болваны, черноголовый Конан. Ты не дойдешь к моему жилищу.

Конан с проклятием вскочил на ноги. Его покрытое шрамами лицо исказила гримаса. Гнев опалил его душу, но еще жарче было желание — кровь пульсировала в щеках и жилах. Страсть сильнейшая, нежели телесная мука, охватила его, небо стало красным. Безумие обуяло воина, и он забыл об усталости и ранах.

Не говоря ни слова, он сунул окровавленный меч за пояс и бросился к ней, широко расставив руки.

Она захохотала, отскочила и бросилась бежать, оглядываясь через плечо и не переставая смеяться. Конан помчался за ней, глухо рыча.

Он забыл о схватке, о латниках, залитых кровью, о Ньорде и его людях, не поспевших к сражению. Все его мысли устремились к летящей белой фигурке. Они бежали по ослепительно снежной равнине. Кровавое поле осталось далеко позади, но Конан продолжал бег со свойственным его народу тихим упорством. Его утяжеленные железом ноги глубоко проваливались в снег. А девушка танцевала по снежному насту, как перышко, и следов ее ступней нельзя было различить на инее. Холод проникал под доспехи разгоряченного воина и одежду, подбитую мехом, но беглянка в своей вуали чувствовала себя словно среди пальмовых рощ юга. Все дальше и дальше устремлялся за ней Конан, изрыгая чудовищные проклятия.

— Не уйдешь! — рычал он.— Попробуй заманить меня в засаду — я поотрубаю головы твоим сородичам! Попробуй спрятаться — я горы расшибу и пойду за тобой даже в преисподнюю!

Издевательский смех был ему ответом.

Она увлекала его все дальше в снежную пустыню. Шло время, солнце стало клониться к земле, и пейзаж на горизонте изменился. Широкие равнины сменились невысокими холмами. Далеко на севере Конан увидел величественные горные вершины, отсвечиваю-

щие в лучах заходящего светила голубым и розовым. В небе горело полярное сияние. Да и сам снег отливал то холодной синевой, то ледяным пурпуром, то вновь становился по-зимнему серебряным. Конан продолжал бег в этом волшебном мире, где единственной реальностью был танцующий на снегу белый силуэт, все еще недосягаемый.

Он уже ничему не удивлялся — даже когда двое великанов преградили ему дорогу. Пластины их панцирей заиндевели, на шлемах и топорах застыл лед. Снег покрывал их волосы, бороды смерзлись, а глаза были холодны, как звезды на небосклоне.

— Братья мои! — воскликнула девушка, пробегая между ними. — Смотрите — я привела к вам человека! Вырвите его сердце, покуда оно бьется, и мы возложим его на жертвенник нашего отца!

Гиганты зарычали — словно айсберги столкнулись в океане. Они взметнули сверкающие топоры, когда киммериец бросился на них. Заиндевевшее лезвие блеснуло перед ним, на миг ослепив, но он ответил выпадом и клинок пробил ногу противника повыше колена. С криком упал он на снег, но удар другого великана поверг и Конана. Воина спасла броня, хотя плечо онемело. И увидел Конан, как над ним вознеслась на фоне холодного неба огромная, словно бы высеченная изо льда фигура. Топор ударил — и вонзился в снег, потому что варвар откатился в сторону и вскочил на ноги. Великан зарычал и вновь поднял топор, но клинок Конана уже свистнул в воздухе. Колени великана подогнулись, и он медленно опустился в снег, обагряя его кровью из рассеченной шеи.

Конан огляделся и увидел девушку, смотревшую на происходящее расширенными от ужаса глазами.

Капли крови стекали с его меча, и Конан вскричал грозно:

— Зови остальных своих братьев! Я брошу их сердца на пожиру полярным волкам! Тебе не уйти!

В страхе она бросилась вперед — без смеха, без оглядки, без памяти. Варвар мчался за нею изо всех сил, но расстояние между ними все увеличивалось.

Конан стиснул зубы так, что кровь пошла из десен, и ускорил бег. И вот уже между ними осталось не более ста шагов.

Бежать ей было все труднее, и он уже слышал ее тяжелое дыхание. Чудовищная выносливость варвара победила.

Адский огонь, который она разожгла в дикой душе Конана, разгорелся в полную силу. С нечеловеческим ревом он настиг ее, и она, защищаясь, вытянула руки вперед. Он отшвырнул меч и сжал девушку в объятиях. Тело ее дугой изогнулось в его железных пальцах. Золотистые волосы ослепляли Конана, а плоть ее, гладкая и холодная, казалась выточенной из обжигающего льда.

— Да ты ледышка! — бормотал он. — Я согрею тебя огнем моей крови!

В отчаянном усилии она освободилась и отскочила назад, оставив в его кулаке обрывок вуали. Золотые волосы ее растрепа-

лись, грудь тяжело вздымалась, и Конана вновь поразила ее нечеловеческая красота.

Она воздела руки к звездам на небосклоне, и голос ее навсегда запечатлелся в памяти Конана:

— Имир, отец мой, спаси!

Воин протянул руки, чтобы схватить ее, и тут будто раскололась ледяная гора. Небо полыхнуло холодным огнем, и был он таким ослепительным, что киммериец зажмурился. Огонь этот охватил тело девушки, и она исчезла.

Высоко над его головой колдовские светила кружились в дьявольском танце. За дальними горами прокатился гром, словно проехала гигантская боевая колесница, и огромные кони высекали своими подковами искры на ледяной дороге.

А потом зарево, белые вершины и сияющее небо покачнулись перед глазами Конана. Тысячи огненных шаров рассыпались каскадами брызг, а небосвод закружился, как гигантское колесо, сыплющее звездным дождем.

Волной поднялась земля из-под его ног, и киммериец рухнул в снег, ничего уже не видя и не слыша.

...Он почувствовал присутствие жизни в этой темной и холодной вселенной, где солнце давным-давно погасло. Кто-то безжалостно тряс его тело и сдирал кожу со ступней и ладоней. Конан зарычал от боли и попытался нашарить меч.

— Он приходит в себя, Хорса,— раздался голос.— Давай-ка поживей растирай ему руки и ноги — может, он еще сгодится в бою!

— Никак не разжать левую руку,— сказал другой.— Что-то он в ней держит.

Конан открыл глаза и увидел бородачей, склонившихся над ним. Его окружали высокие золотоволосые воины в латах и мехах.

— Конан! — воскликнул один из них.— Никак ты живой!

— Клянусь Кромом, Ньорд,— простонал Конан.— Или я живой, или вы все уже в Валгалле.

— Мы-то живые,— ответил ас, продолжая растирать ступни Конана.— Не смогли соединиться с вами потому, что пришлось прорубаться через засаду. Тела еще не успели остыть, когда мы пришли на поле. Тебя не было среди павших, и мы пошли по следу. Клянусь Имиром, Конан, понять не могу, зачем тебя понесло в полярную пустыню? Долго шли мы за тобой и, клянусь Имиром, найти не надеялись — поземка уже заметала следы...

— Не поминай Имира слишком часто,— сказал один из бойцов.— Это ведь его владения. Старики говорят, вон между теми вершинами.

— Я видел деву,— прошептал Конан.— Мы встретились с людьми Браги на равнине. Сколько времени дрались — не знаю. В живых остался только я. Я ослабел и замерз, и весь мир вокруг переменился — теперь-то я вижу, что все по-прежнему. Потом

появилась дева и увлекла меня за собой. Она была прекрасна, словно холодные огни ада. Тут напало на меня какое-то безумие, я забыл все на свете и помчался за ней... Вы видели ее следы? Видели великанов в ледяной броне, сраженных мной?

Ньорд покачал головой.

— Только твои следы были на снегу, Конан.

— Значит, я рехнулся,— сказал киммериец.— Но я видел девушку, плясавшую нагишом на снегу, так же ясно, как вижу вас. Она была уже в моих руках, но сгинула в ледяном пламени...

— Он бредит,— прошептал Ньорд.

— О нет! — воскликнул старик с горящими глазами.— То была Атали — дочь Имира, Ледяного Гиганта. Она приходит к тем, кто умирает на поле битвы. Когда я был юным, то видел ее, валяясь полумертвым на кровавом поле Вольфравен. Она кружилась среди трупов, тело ее было подобно слоновой кости, а волосы сияли золотом в лунном свете. Я лежал и выл, как подыхающий пес, потому что у меня не было сил поползти за ней. Она заманивает бойцов с поля сражения в ледяную пустыню, чтобы ее братья могли принести их неостывшие сердца в жертву Имиру. Точно говорю вам, Конан видел Атали, дочь Ледяного Гиганта!

— Ха! — воскликнул Хорса.— Старина Горм в молодые годы повредился умом, когда ему проломили башку в сражении. Конан просто бредил после жестокой сечи. Гляньте-ка, во что превратился его шлем! Любого из этих ударов хватит, чтобы выбить из головы всякий ум. Он бежал по снегу за призраком. Ты ведь южанин, откуда тебе знать об Атали?

— Может, ты и прав,— сказал Конан.— Но струхнул я изрядно.

Он умолк и уставился на свою левую ладонь. Поднял ее вверх, и в наступившей тишине воины увидели обрывок материи, сотканной из таких тонких нитей, каких не прядут на земных веретенах.

Несколько месяцев провел Конан в родной варварской Киммерии и вновь вернулся в цивилизованные гиборийские королевства. Но служба в армии Немедии и пребывание в Офире не продлились долго. Времена были спокойные, и в поисках приключений киммериец отправился в Аргос...

КОРОЛЕВА ЧЕРНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

Как лист, весной разбуженный,
Непременно воспламенится в осеннем огне,
Так и ей суждено было отдать
Жар своего сердца единственному избраннику...

«Песнь о Бёлит»

I. КОНАН ПРИСОЕДИНЯЕТСЯ К ПИРАТАМ

По улице, ведущей к побережью моря, мчался черный всадник. Прохожие с криками разбегались в разные стороны, освобождая дорогу. Они успевали лишь заметить развевающийся на ветру пурпурный плащ. Всадник не оглядывался. Шум погони преследовал его не затихая.

На пристани всадник осадил своего коня, так что тот присел на задние ноги. Моряки, ставящие полосатый широкий парус на высокобортной галере, готовой к отплытию, глазели на появившегося всадника. Крепкий чернобородый шкипер приготовил багор, чтобы оттолкнуться от причала. В это мгновение всадник прыгнул с седла прямо на палубу галеры.

— Кто тебе разрешил взойти на корабль? — закричал шкипер.

— Отчаливай! — приказал непрошеный гость, взмахнув большим окровавленным мечом.

— Мы плывем в Куш... — попытался объяснить шкипер, закипая от гнева.

— Тогда плыви в Куш. Давай, отчаливай! — перебил его незнакомец, бросив тревожный взгляд на берег. В конце улицы показался мчавшийся галопом отряд закованных в доспехи всадников, за которыми еле поспевал отряд лучников.

— У тебя есть чем заплатить? — не унимался шкипер.

— Отчаливай, тебе говорю! Я заплачу сполна, — крикнул незнакомец, размахивая своим огромным мечом. — Или твоя галера отчалит, или она утонет в крови команды.

Шкипер разбирался в людях. Лицо незнакомца, покрытое шрамами, выражало решительность и гнев. Казалось, через мгновение незнакомец осуществит свое обещание. Шкипер резко отдал команду, крепко уперся в пристань багром, отталкивая корабль от берега. Моряки быстро и четко выполняли все команды шкипера. Гребцы дружно налегли на весла, ветер наполнил парус, и га-

лера, взяв курс, вскоре оказалась на достаточно большом расстоянии от берега.

На пристани воины в доспехах трясли мечами, выкрикивая проклятья и приказы шкиперу вернуть корабль.

- - Пусть побесятся,— скривился незнакомец.— Шкипер, смотри за курсом.

Он стоял у мачты, настороженно осматриваясь вокруг, не опуская своего меча. Шкипер спрыгнул с мостика, прошел между гребцами, подошел к штурвалу и затем внимательно посмотрел на незнакомца. Перед ним стоял высокий, сильный человек, одетый в черные блестящие доспехи. Стальной голубой шлем с рогами, подобными рогам быка, прикрывал голову незнакомца. С плеч спускался пурпурный плащ. На широком поясе, скрепленном золотой пряжкой, были прикреплены ножны для меча.

— Если будем путешествовать дальше вместе,— произнес шкипер,— надо жить в мире. Меня зовут Тито, я из Аргоса. Плыву в Куш, чтобы обменять украшения, шелка и сахар на слоновую кость, руду, рабов и жемчуг.

Воин взглянул на побережье, где все еще суетились фигурки вооруженных воинов, напрасно старавшиеся найти какую-нибудь быструю лодку, способную догнать галеру.

— Меня зовут Конан-киммериец,— помедлив, ответил незнакомец.— Приехал в Аргос, чтобы найти себе занятие, но ничего не нашел, к чему можно было бы приложить руку.

— Но почему тебя преследовали гвардейцы?— спросил Тито.— Конечно, это не мое дело, но я не думаю...

Мне нечего скрывать,— перебил его киммериец.— Прошлой ночью сотник королевской гвардии хотел силой взять в трактире девушку молодого воина. Тот заступился и убил сотника. Но, по-видимому, какой-то проклятый закон запрещает убивать гвардейцев. Парень с девушкой убежали. Кто-то сказал, что я был там. Меня утром схватили и отвели к судье. Старый крючкотвор стал выяснять, куда я мог спрятать беглецов. Даже если бы парень не был моим другом, выдать его я не мог. Судья почему-то разозлился, много говорил о моих обязанностях перед государством, обществом и о разных других вещах, которые мне были непонятны. Мне с трудом приходилось сдерживаться. Но когда судья заявил, что я издеваюсь над ним, поэтому должен быть брошен в тюрьму до тех пор, пока не найдут беглецов, мне это не понравилось. Пришлось достать свой меч и прорубить себе дорогу на улицу. Конь начальника гвардии примчал меня на пристань, где я и увидел вас.

— Что ж,— решительно отозвался моряк,— судьи много попортили мне крови в делах против богатых купцов, поэтому любить мне их не за что. Конечно, по возвращении они прицепятся ко мне, но я всегда смогу доказать, что действовал под угрозой. Можешь спрятать свой меч. Мы мирные моряки и против тебя ничего не имеем. Кроме того, хорошо иметь в плавании на кора-

бле такого воина, как ты. Пойдем, выпьем прохладительного вина.

— Это меня устраивает,— охотно согласился Конан, вкладывая в ножны свой меч.

«Аргуз» был обычной небольшой галерой, похожей на многие другие купеческие корабли, плавающие между портами Зингары и Аргоса. Корабль имел выступающую корму и высокий выгнутый нос. Большой полосатый парус был сшит из крепкого шелка. Веслами пользовались только при отплытии от пристани и в безветренную погоду. Всего было десять пар весел по обе стороны бортов. Груз находился под палубой, и поэтому гребцы спали на палубе между скамеек. Команда корабля состояла из двадцати гребцов-матросов, трех рулевых и шкипера Тито.

Погода была хорошая, и «Аргуз» уверенно двигался на юг. С каждым днем жара усиливалась, и на корабле растянули сшитое из кусков ткани укрытие от солнца.

Корабль шел вдоль берегов Шема и Стигии. Море и морская жизнь были для Конана загадкой. Но и сам он был загадкой для моряков, не видевших ранее людей его расы.

Киммериец ел за троих, крепкие напитки для него были утехой и слабостью. Во многом он был наивным, словно ребенок. Однако гнев его был страшен. Варвар отличался врожденной быстротой и осторожностью. Если кто-то нарушал его права или причинял незначительную даже обиду, он становился грозным, как голодный тигр. Долгие путешествия закалили киммерийца физически, он был подобен затвердевшей скале. Одежда и доспехи его носили на себе отпечаток всех странствий: излюбленный асами рогатый шлем, панцирь и наколенные щитки были из Котха, кольчуга сделана в Немедии, огромный меч был аквилонской работы, а пурпурный плащ ткали в Офире.

После нескольких дней путешествия на юг вдоль берегов Куша корабль пристал недалеко от поселения черных людей. Однако они нашли лишь развалины жилищ и трупы убитых.

— Когда-то здесь можно было хорошо торговать. Проклятые пираты все уничтожили,— выругался шкипер.

— Что будет, если мы их повстречаем?— спросил Конан, положив руку на рукоятку меча.

— Война не мое ремесло. Будем убивать. Несколько раз мы щипали пиратов, можем повторить при случае... Если только не повстречаем «Тигрицу» Бёлит.

— Кто такая Бёлит?

— Дикая чертовка эта Бёлит. Все ее зовут Королевой Черного Побережья, руководимая ею черная орава головорезов грабит все встречные корабли. Многих богатых купцов они отправили на морское дно.

Вернувшись на корабль, шкипер показал Конану на сложенное у мостика оружие: копья, луки и стрелы.

— Слабое оружие, если придется защищаться. Но отдавать жизнь за просто так тоже обидно.

Солнце только начало всходить на горизонте, когда дозорный сообщил об опасности. С правого борта корабля показалась галера, которая стремительно приближалась.

Вскоре стали видны обнаженные тела воинов на борту галеры. Они дико кричали, стучали копьями о свои овальные щиты. На мачте корабля развевался пурпурный флаг.

— Бёлит! — вскрикнул побледневший Тито.— Лево руля! — подал он команду.— Нужно успеть достичь берега раньше пиратов, тем самым спасем свою жизнь.

«Аргуз» круто повернул к побережью. Шкипер, бегая между лавками, проклятьями и угрозами подгонял гребцов. Его глаза блестели, борода тряслась от волнения.

Стоя на корме «Аргуза», Конан наблюдал, как быстро уменьшается расстояние между кораблями. Хотя он и не разбирался в морских делах, однако было видно, что пираты догонят «Аргуз» прежде, чем он коснется берега. Стрелы, посылаемые пиратами, пока не долетали до корабля и с тихим свистом погружались в море.

— Лучше бы сразиться с ними.— произнес Конан.— Иначе мы погибнем под их стрелами, не обменявшись ни одним ударом.

— Быстрее, собаки! — рычал Тито на гребцов, подгоняя их своими тяжелыми кулаками. Бородатые гребцы молча гребли изо всех сил, пот струился по их телам.

До берега оставалась миля, когда резко стих ветер и парус опал. Пираты неумолимо приближались. Один из рулевых на «Аргузе» зашатался и упал за борт с торчащей в шее стрелой. Тито бросился на его место. В это время Конан, расставив широко ноги на качающейся палубе, поднял лук. Теперь он отчетливо видел все происходившее на корабле пиратов. На небольшом мостике, расположенном в передней части корабля, стояла женщина. Ее белая кожа выделялась на фоне черных тел воинов. Вне всяких сомнений, это была Бёлит.

Конан натянул лук, но, передумав, изменил немного направление, и его стрела пронзила рослого воина, стоявшего рядом со своей предводительницей.

Пиратское судно пядь за пядью догоняло корабль Тито. Под стрелами погибли все рулевые. Шкипер, выкрикивая всевозможные проклятья, одиноко держал огромное весло. Дождь стрел с пиратского судна падал на палубу «Аргуза», и все чаще раздавались стоны и предсмертные крики гребцов. Одна из стрел угодила прямо в сердце шкипера, и корабль потерял управление. Испуганные моряки оглянулись на Конана, который спокойно посылал в цель одну стрелу за другой. Оценив случившееся, Конан отложил лук в сторону и вынул свой грозный меч.

— Смелее, ребята,— подбодрил он моряков.— Дадим отпор

этим псам прежде, чем они перережут нам глотки. Зачем мучать весла, когда нас и так догонят. Готовьтесь к битве.

Моряки быстро разобрали оружие и приготовились к сражению. Пиратская галера стукнулась о борт, и на палубу «Аргуза» хлынула толпа черных пиратов, оставив на своем корабле более десятка тел собратьев, пораженных стрелами Конана.

Битва была кровавой и короткой. Моряки не смогли противостоять натиску многочисленной толпы пиратов, и все как один погибли под ударами мечей. Конан сражался, стоя на корме «Аргуза», которая была на одном уровне с палубой пиратского корабля. Его меч раз за разом поднимался вверх и с силой опускался в черную массу тел пиратов, оставляя кровавый след. Куча порубленных тел росла перед Конаном с каждым взмахом его меча. Однако напор пиратов становился все сильней, жажда уничтожить последнего защитника и заняться грабежом подстегивала их. Не раздумывая долго, Конан перепрыгнул на палубу пиратского корабля. Киммерийца охватил боевой азарт, свойственный его племени. С пылающими глазами Конан рубил направо и налево, разламывая черепа, пробивая грудные клетки, отрубая конечности. Палуба пиратского корабля постепенно покрывалась кровавым месивом.

Неожиданно пираты отступили и подняли вверх для броска свои копья. На мгновение застыли, как статуи, и черные великаны с копьями и белый воин с окровавленным мечом. В этот короткий миг, возможно, последний для Конана, вперед выбежала Бёлит и подняла руку, остановив пиратов.

Сердце Конана наполнилось восхищением, когда он увидел смуглую и красивую фигуру Бёлит. На ней не было одежды, за исключением широкой набедренной шелковой повязки. Ее обнаженные полукруглые груди и сильное гибкое тело порождали волну желания, желая обладать ею. Это было сильнее боевого азарта. Ее густые черные волосы падали локонами на смуглые плечи. Темные глаза пылали. Она была неуправляема, как степной ветер, и опасна, словно пантера.

Не обращая внимания на огромный окровавленный меч, Бёлит подошла к Конану настолько близко, что острие меча коснулось ее бедра. Губы ее приоткрылись.

— Кто ты?— спросила она.— Я проплавала от побережья Зингара до дальнего южного берега и никогда не встречала подобного тебе. Откуда ты?

— Из Аргоса,— коротко ответил Конан, остерегаясь ловушки. Если бы только ее смуглая рука сдвинулась по направлению к кинжалу, висевшему на шелковом поясе, это движение стало бы для нее последним.

Но в ее глазах не было вражды.

— Ты не из гиборийцев,— предположила Бёлит.— Ты грозен, как волк. Твои глаза не затуманены жизнью в городе, мышцы твои не обмякли среди мраморных стен.

— Я Конан, киммериец,— твердо произнес воин.

Для людей юга север был так далек и неизвестен, словно мифический край, в котором жили сильные гиганты, редко покидающие свои снежные долины.

Безошибочный женский инстинкт подсказывал Бёлит: этот воин достоин ее.

— А меня зовут Бёлит,— гордо произнесла она, словно сказала: «Я королева!»

— Посмотри внимательнее на меня, Конан! — продолжала она.— Я Бёлит, Королева Черного Побережья! Ты — северный тигр, холодный и недоступный, как снежные горы. Пойдем со мной на край земли. Огонь и железо сделали меня королевой. А ты стань теперь моим королем.

Конан обвел суровым взглядом шеренги пиратов, ожидая увидеть на их лицах признаки зла или зависти. Но ничего подобного не нашел. Суровость и гнев исчезли с его лица. Конан понял, насколько пираты боготворили Бёлит. Она была для них, словно богиня, сошедшая с небес. Ее воле никто не смел противиться.

Затем он посмотрел на «Аргуз»: корабль сильно накренился на левый борт, морские волны плескались уже на палубе. Окинул взглядом берег, бесконечную гладь моря, девушку. Дрожь охватила варвара: плавать с этой молодой тигрицей, любить, путешествовать и грабить...

— Хорошо. Я остаюсь с тобой,— согласился Конан, стряхивая капли крови с меча.

— О-о! — радостно воскликнула Бёлит и тут же твердым голосом отдала приказ пиратам: — Перенесите всю добычу на корабль, и мы отплываем.

Груз несчастного «Аргуза» пираты быстро перетащили на «Тигрицу» и разместили в маленьких каморках под палубой. Конан молча сидел на корме и наблюдал за работой пиратов. Старый колдун осмотрел его раны на руках и ногах. К наиболее глубоким рубцам приложил целебный отвар.

Закончив погрузку добычи, пираты очистили палубу, побросав за борт тела убитых пиратов и моряков. Раненых положили на палубе у мачты для осмотра и лечения.

Наконец, «Тигрица» качнулась, блеснули на солнце и опустились в воду весла, и она медленно тронулась в южном направлении.

Бёлит поднялась на корму, подошла к Конану, ее глаза блестели, как у пантеры, притаившейся в темноте. Быстрыми движения рук она сбросила все свои украшения, сандалии и шелковую набедренную повязку, сложив все это у ног Конана. Выпрямилась, подняла руки вверх — взволнованная, нагая — и крикнула своим воинам:

— Волки синих морей, смотрите танец, свадебный танец Бёлит! Бёлит, дочери королей Асгалуны!

Она начала кружиться в быстром ритме танца. Ее движения

были то плавными, то возбуждающе резкими. Ее белые ступни почти не касались окровавленной палубы.

Пираты зачарованно смотрели на свою предводительницу. Раненые забыли о боли и смерти.

В наступивших сумерках белое тело Бёлит было подобно привидению. Сумерки сгущались, замигали звезды. Когда темнота окончательно поглотила воинов, Бёлит с криком бросилась к ногам Конана. Слепая волна желания, охватившая киммерийца, заставила забыть обо всем. В страстном порыве он прижал нагую фигуру к своей широкой груди...

II. ЧЕРНЫЙ ЛОТОС

Когда в Мертвом Городе драгоценностей блеск
Жадными поглощала глазами,
Зависть сдавила меня в первый раз,
Словно кто-то третий стал между нами.

«Песнь о Бёлит»

«Тигрица» кружила по морям, наводя ужас и страх на прибрежные поселения. От одного города к другому и дальше летела новость: морская ведьма нашла себе любовника, железного варвара, гнев которого был страшнее гнева раненого льва. Те, кому удалось пережить страшные погромы пиратов, проклинали Бёлит и белого воина с голубыми глазами. И долго еще будут помнить на побережье их развлечения и утехи.

Свободная, как ветер, «Тигрица» плавала вдоль южного побережья материка, пока в один прекрасный день не остановилась в устье большой мрачной реки, берега которой заросли непроходимыми джунглями.

— Это река Заркгеба, что означает «смерть»,— мрачно произнесла Бёлит.— Посмотри, какая у нее темная вода. Ее избегают все черные люди. Однажды стигийская галера, спасаясь от моей погони, поплыла вверх по реке и исчезла. А спустя несколько дней течение вынесло сюда, где мы стоим на якоре, этот корабль. Его палуба была безлюдна. Груз никто не тронул, но команда пропала тихо и загадочно. Мы нашли единственного человека, лишившегося разума, который вскоре умер в бреду.

— Любимый, думаю, что где-то выше по реке находится город,— продолжала Бёлит.— Я слышала от моряков, поднимавшихся вверх по реке, всякие легенды и рассказы о высоких башнях и стенах, окружавших город. Мне хочется взглянуть на его стены и улицы. Нам вдвоем не страшно. Давай поднимемся по реке.

Поразмыслив немного, Конан одобрительно кивнул. Он всегда соглашался с ней. Она руководила походами и создавала планы. Он был доволен такой жизнью, его не интересовало, где они

плавали, с кем дрались,— главное, плавать вместе с Бёлит и сражаться за нее.

В битвах и походах команда корабля поредела, осталось несколько отчаянных голов, прошедших через все испытания. Бёлит не хотела терять время на длительный рейс к южным берегам для пополнения экипажа. Ее любопытство привело «Тигрицу» в устье этой загадочной реки.

Корабль медленно вошел в устье. Течение было слабое и не вынуждало гребцов выкладываться. Обогнув первый поворот, корабль вошел в темноту джунглей. Ни одной живой души не было видно: ни крокодилов или других животных, ни птиц. Лишь раздавались странные, загадочные шорохи, леденящий душу стон, глухой и далекий вой, поскрипывание больших деревьев. Неожиданно раздался и резко стих нечеловеческий крик.

— Это обезьяна,— предположила Бёлит и, немного помолчав, задумчиво добавила: — В этих человекоподобных бестиях живут души грешников в наказание за совершенные грехи.

Конан в подобные легенды не верил, он молча прислушивался к загадочному шуму джунглей. Поднялась луна, похожая на пятно крови, джунгли встретили ее восход сильным шумом, доносившимся издалека. Казалось, звери, как и люди, избегали мутной воды Заркгебы.

Луна поднялась еще выше, осветив своим бледным светом реку. Создавалось впечатление, что весла опускались не в воду, а в холодное серебро. Камни на рукоятках мечей сияли безжизненным блеском.

— Мы окружены тайнами,— тихо произнесла Бёлит.— Плывем в страну привидений и смерти. Ты не боишься?

Конан пожал плечами ей в ответ.

— И я тоже не боюсь,— задумчиво продолжала Бёлит.— Никогда ничего не боялась. Часто приходилось смотреть в раскрытую пасть Смерти. Только... Конан, ты боишься богов?

— Не хочу иметь с ними дело,— ответил варвар.— На этом свете человек бессмысленно борется, терпит лишения, радость получает в сражении, а когда умирает, его душа вступает в серый туманный мир, наполненный темными тучами и холодными ветрами, чтобы странствовать в бесконечности.

Бёлит тихо засмеялась:

— Жизнь, даже самая плохая, лучше такого существования в другом мире. Во что ты веришь, Конан?

Конан пожал плечами.

— Я знаю многих богов. Кто не верит в их существование, так же слеп, как и тот, кто глубоко верит в это. Я не знаю, что станет со мной после смерти. Возможно, мою душу поглотит темнота, как утверждают немедийские мудрецы, а может и тучи со льдом или снежные равнины. Пока я живу, хочу жить сильно, хочу чувствовать во рту вкус мяса и крепкого вина, знать объятия женских рук, испытывать азарт борьбы. Я счастлив, имея

это. Пусть мудрецы и философы думают, что есть жизнь. Я знаю одно: если жизнь иллюзия, тогда и сам я иллюзия и свою жизнь принимаю за иллюзию. Живу, люблю, убиваю — и радуюсь жизни.

— Но боги существуют на самом деле,— сказала Бёлит,— и есть жизнь после смерти. Знаю, знаю.— Она поднялась быстрым движением с колен и обняла Конана.— Моя любовь сильнее смерти. Мое сердце соединено с твоим, моя душа есть часть твоей души! Если б я умерла, а ты сражался за свою жизнь, я из бездны поспешила бы к тебе на помощь! Да! Мой дух вылетел бы к тебе из рая или выполз бы из пламени Пекла! Я принадлежу тебе, и никакая сила не разлучит нас!

Впередсмотрящий закричал страшным голосом. Оттолкнув Бёлит, Конан резко вскочил на ноги и с мечом в руках побежал на нос корабля. Один из пиратов висел над палубой, удерживаемый чем-то, похожим на тень большого дерева, возвышавшегося над бортом корабля. Киммериец быстро понял, что произошло: гигантская змея поднялась из реки и, изогнувшись над кораблем, схватила несчастного воина огромной, страшной пастью. Скользкая чешуя змеи блестела в лунном свете. Несчастный кричал и извивался, подобно мыши в зубах питона. Конан подбежал к змее и сильным ударом своего большого меча почти перерубил ей туловище. Брызнула во все стороны кровь, змея начала медленно падать в реку, все еще крепко держа свою жертву. Спустя мгновение змея и человек скрылись в воде.

Конан сам остался нести вахту на носу корабля, но ночь прошла спокойно. И когда рассвет осветил верхушки деревьев, киммериец увидел очертания развалин. Он окликнул Бёлит, спавшую на палубе и укрытую его пурпурным плащом. Она быстро подбежала к нему, внимательно вгляделась туда, куда указывал Конан. Ее глаза округлились, перед ней был город. Восходящее солнце освещало потрескавшиеся строения. Трещины стен и плиты покрывала сорная трава. Со всех сторон, за исключением той, где протекала река, в город вторгались джунгли, скрывая рухнувшие колонны и строения в своей буйной зелени.

На главной площади возвышалась мраморная пирамида, на вершине которой кто-то сидел. Конану сначала казалось, что это статуя, пока его зоркие глаза не заметили признаки движения.

— Это гигантская птица,— сказал один из воинов, стоящий рядом.

— Нет, это чудовищная летучая мышь,— возразил второй.

— Это обезьяна,— воскликнула Бёлит.

Тем временем неизвестное создание расправило крылья и улетело по направлению к джунглям.

— Крылатая обезьяна,— вторил Бёлит взволнованным голосом колдун Н'Гона.— Это заколдованное место.

Бёлит усмехнулась и приказала причалить к берегу. Она первой сошла на землю и сразу за ней сошел Конан, а вслед за ними гуськом спустились воины с копьями. Вокруг было тихо.

Бёлит выглядела очень экзотично на фоне развалин, и жизненная сила, которой дышала каждая клеточка ее стройной фигуры, особенно контрастировала с окружающей разрухой и безлюдием.

Медленно поднималось над джунглями солнце, заливая разрушенные башни матовым золотом.

Бёлит указала на круглую башню, к которой вела дорога из потрескавшихся плит с проросшей травой. Дорога заканчивалась перед башней массивным алтарем. Королева подбежала к нему.

— Это храм неизвестных богов. Смотри! Канавки для стока крови жертв идут по бокам алтаря, и даже тысячи дождей не смыли с них темных пятен. Стены рассыпались в прах, а этот камень стоит, насмехаясь над движением жизни и времени.

— Кем же были эти давние боги? — спросил Конан.

Бёлит развела руками.

— Даже легенды молчат об этом месте. Но посмотри на возвышения с двух сторон алтаря. Обычно жрецы прячут свое богатство под алтарем. Пусть четверо из вас попытаются сдвинуть эту плиту!

Бёлит отошла в сторону, освобождая место воинам, и засмотрелась на накренившуюся башню. Трое пиратов могучего телосложения вместе с Конаном ухватились за каменные выступы в плите. В это мгновение Бёлит пронзительно закричала. Все замерли, а киммериец с проклятием отпустил плиту и повернулся к ней.

— Змея в траве, — выдохнула Бёлит. — Убей ее, а вы отодвигайте плиту.

Конан быстро подошел к Королеве Черного Побережья, на его место стал другой воин. В то время, пока Конан осторожно осматривал траву в поисках гада, воины напряглись и попытались сдвинуть плиту.

Плита не сдвинулась с места, а алтарь вдруг начал поворачиваться. Вверху раздался скрежет и страшный гул. Башня рухнула вниз и погребла воинов под своими обломками.

Все вскрикнули, а тонкие пальцы Бёлит вонзились в плечо Конана.

— Змеи не было, — прошептала она, — я обманула, так как боялась за тебя... Боги всегда хорошо охраняют свои сокровища.

Воины с трудом начали разбирать завал из останков башни. Под четырьмя изуродованными телами открылся вход в склеп, обагренный кровью последних жертв. Плита алтаря, искусно подвешенная на каменных завесах, служила входом в подземелье. Казалось, что из склепа бьет пламя. Утренний свет отражался в миллионах зеркал. Перед глазами ошеломленных пиратов сверкали сокровища: бриллианты, рубины, сапфиры, опалы, аметисты, лунные камни. Много других незнакомых камней блестело загадочным цветом. Склеп был битком набит драгоценностями.

Бёлит с криком восторга опустилась на колени среди окровавленных обломков у края склепа и запустила по локоть свои белые

руки в сокровища. Когда она вынула руки, в ладонях у нее оказался длинный шнурок. На золотую струну были нанизаны пурпурные камни, которые отсвечивали кровавым цветом.

Глаза Бёлит сверкнули огнем безумия. Шемитская душа в богатстве находит радостное забвение, а вид этих сокровищ потряс бы воображение даже утопающего в роскоши кесаря Шушана.

— Грузите драгоценности, вы, псы!

Голос ее хрипел от возбуждения.

— Смотри! — мускулистая черная рука указала в сторону «Тигрицы». Бёлит повернулась с проклятием на алых губах, ожидая увидеть другой корабль, который прибыл, чтобы отобрать ее добычу.

С галеры поднялось что-то темное и полетело над джунглями.

— Проклятая обезьяна хозяйничала на корабле,— пробормотал взволнованный воин.

— Ну и что с того? — в гневе крикнула Бёлит и нервно отбросила прядь волос со лба.— Сделайте носилки из плащей и копий, чтобы перенести драгоценности... а ты куда идешь?

— Осмотрю галеру,— буркнул в ответ Конан.— Эта «летучая мышь» могла пробить дыру в днище.

Он добежал до берега и вспрыгнул на корабль. Осмотрел палубу, потом с хмурым выражением лица обследовал место, где похозяйничало чудовище. Через минуту вернулся к Бёлит. Она надела ожерелье, и красные бриллианты заискрились на ее обнаженной груди. Огромный черный воин стоял по пояс в сокровищнице и вычерпывал богатства полными пригоршнями, подавая их в протянутые руки своих товарищей.

— Этот летающий дьявол продырявил бочки с водой,— сказал Конан.— Мы сглупили, что не оставили человека на галере. Воду из реки пить нельзя. Я возьму двадцать воинов и попытаюсь найти в джунглях источник свежей воды.

— Хорошо,— ответила Бёлит с раздражением в голосе.— Я в это время перенесу добычу на корабль.

Вокруг были джунгли, свет сменился полумраком. Свисающие лианы походили на питонов. Пираты растянулись в ряд, шли в сумерках, как черные привидения, ведомые белым духом. Все глубже они уходили в джунгли, следов воды не было — ни быстрого ручейка, ни спокойного озера. Вдруг Конан остановился, и его воины застыли, как статуи. Кругом было тихо. Киммериец беспокойно покачал головой.

— Идите дальше,— сказал он Н'Гону.— Идите, пока не потеряете меня из виду, тогда остановитесь и ждите меня. Мне показалось, что кто-то за нами следит. Я слышал шорохи...

Чернокожие пираты в беспокойстве переступали с ноги на ногу, но сделали так, как им было приказано. Когда воины отошли, Конан быстро спрятался за огромным деревом и стал всматриваться в ту сторону, откуда они пришли.

Все могла скрыть эта густая зелень...

Никого не было. Стихли голоса уходящих пиратов. Вдруг Конан уловил, что воздух насыщен каким-то незнакомым, экзотическим ароматом. Мгновенно повернулся; что-то ласковое коснулось его головы. Из зеленой чащи к нему склонились огромные черные цветы, а один из них уже сумел прикоснуться к его коже. Цветы раскрыли свои лепестки и шелестели, хотя ветра не было; Конан отскочил, узнав черный лотос. Нектар его нес смерть, а аромат — сонные видения. Но уже было поздно. Киммериец почувствовал, что летаргия овладевает его сознанием. Попробовал поднять меч, чтобы обрубить ветви, но руки не слушались и бессильно опустились. Попытался позвать своих воинов, но с губ вместо крика сорвался тихий шепот. Через мгновение закачались, затуманились и поплыли перед его глазами джунгли, и он уже не слышал страшных криков и стонов, которые раздавались невдалеке. Ноги его обмякли, и Конан без сил упал на землю. Над его распростертым телом в неподвижном воздухе качались черные цветы.

III. КОШМАР В ДЖУНГЛЯХ

Иль только сон послал лотос?
Будь проклят этот сон, что жизнью завладел,
И каждая минута бессилия была смертью,
когда мой нож не утолил жажду крови,
а меч оставался в ножнах.

«Песть о Бёлит»

Сначала его охватило ощущение темноты, рожденной абсолютной пустотой. Потом возникли силуэты, нечеткие, безобразные и мимолетные. Подул ветер, и из рычащего мрака образовался вихрь. Пугающая тьма отступила внезапно, и на берегу широкой реки, которая пересекла безграничную равнину, возник город из зеленого камня. Нечеловеческие существа обитали в этом городе.

Крылатые и огромные, они были результатом развития другой ветви древа эволюции, вершиной которой мы считаем человечество. Напоминая человека строением своего тела, эти существа все же больше походили на огромных обезьян. Разумные и мыслящие, они ушли далеко вперед в духовном и эстетическом развитии. Когда эта раса строила свой огромный город, пращуры человека еще не вышли из океана на берег.

Они не были бессмертными. Хотя жизнь этих существ была очень длинной, они, как все на свете, кто сотворен из крови и плоти, отлюбив и отстрадав, умирали. А потом, спустя миллионы лет, наступила Великая Перемена. Каждая эпоха рождала со временем свои Перемены. Смещались магнитные полюса, огромные ледники поглощали новые земли. Изменялся облик рек. Равнины превращались в болота. Там, где раньше были поля, вырастали

леса, которые впоследствии становились непроходимыми джунглями. Все эти Перемены оставляли свой след на жителях города, которые не переселялись в другие места, а пытались приспособиться к новым условиям. Непонятная причина заставляла их оставаться в городе, и этому не могли помешать ни страшные землетрясения, ни извержения вулканов.

После одного из землетрясений, в результате которого рухнули стены и самые высокие башни города, вода в реке от какого-то ядовитого вещества, выплывшего из глубин земли, стала черной и изменила свой состав. Многие из тех, кто пил эту воду, умерли, те же, кто остался жить, сильно изменились. Они приспособились к новым условиям и поднялись в своем развитии намного выше изначального состояния. Но смертоносная вода делала свое страшное дело, и каждое поколение приобрело новые ужасные черты. Крылатые боги превращались в демонов. Вершины, которых достигла эта раса когда-то и которых человечество не могло достичь даже в самых высоких своих фантазиях, вновь становились недоступными для бывших крылатых богов. Даже в самом кошмарном сне человеку не дано представить весь ужас их деградации.

Великий народ погибал от каннибализма и страшных междоусобиц. В конце концов в руинах города осталась единственная особь — монстр с красными глазами, отвратительная игра природы.

Тогда в окрестностях города впервые появились темнокожие люди с орлиными чертами лица, с оружием из меди и кожи — воины доисторической Стигии. Их было пятьдесят, замученных, грязных и голодных, искалеченных долгой дорогой через джунгли, перевязанных бинтами. В сердце у них жила память о войне, поражении и бегстве от племени, которое оказалось сильнее, чем они. Враги гнали их на юг, пока им не удалось затеряться в зеленом лабиринте джунглей. Измученные воины легли среди руин города, где красные цветы, цветущие раз в столетие, колыхались в свете полной луны. Они заснули. В это время страшное красноглазое существо выползало из тени развалин и над каждым воином совершало только ему понятный ритуал. Луна осветила джунгли, наступающие на город чернокрасными тенями. Над головами спящих пурпурные цветы блестели, как светлые пятна крови. Но вот луна скрылась, и только глаза чудовища, словно красные рубины, сверкали во мраке ночи.

Когда наступило утро, люди исчезли, а вокруг мохнатого и крылатого монстра сидело пятьдесят гиен, задирающих морды к небу и воющих, как души проклятых.

Потом другая сцена сменила первую. Танец света и мрака возник на фоне черных джунглей, зеленых руин и мутной реки. На длинных лодках вверх по реке плыли чернокожие люди. С криками ужаса бежали они от красных глаз и блестящих клыков. Стоны умирающих разрывали тишину ночи. Кровавым огнем полыхали

глаза вампира. Неожиданно, очень отчетливо, вырисовалась галера с черными гребцами, на носу которой возвышался белый гигант, закованный в голубую сталь.

И только увидев самого себя на палубе «Тигрицы», Конан понял, что все происходящее — сон. Однако пробуждение не было окончательным.

Картина снова сменилась. На поляне в джунглях, кого-то ожидая, стоял Н'Гона, окруженный девятнадцатью воинами. И в тот момент, когда Конан понял, что они ждут его, небо послало новый кошмар. Люди закричали, побросали оружие и, потеряв голову от страха, бежали в джунгли.

Наступил хаос.

Киммериец смутно осознал, что лежит под качающимися черными цветами. Усилием воли Конан разорвал невидимые нити, что держали его во власти сна, и встал на ноги. Осмотрелся по сторонам. Возле него рос цветок черного лотоса, и воин поспешно отошел в сторону. На мокрой земле отчетливо был виден след огромной гиены.

Тщетно Конан звал Н'Гона. Солнца не было видно, но инстинкт безошибочно подсказал ему, что уже вечер. Конан ужаснулся, осознав, сколько времени он пролежал без сознания. Киммериец развернулся и быстро пошел по следам воинов Н'Гона, благо, следы были еще заметны на мокрой земле. Дойдя до поляны, Конан замер в ужасе. Дрожь пробежала по его спине: он узнал место, которое недавно видел во сне. Копья и щиты в беспорядке валялись на земле. С одной стороны поляну ограничивала скала. На самом ее краю, который нависал обрывом над пропастью, киммериец увидел силуэт. Вначале Конану показалось, что это большая горилла, но вскоре он разглядел, что перед ним сидит высокий чернокожий человек с безвольно опущенными руками, безумным взглядом и пеной на губах.

И только тогда, когда чернокожий поднял руки и со страшным воем бросился на Конана, стало ясно, что это был Н'Гона. Не оставалось сомнений, что Н'Гона лишился рассудка. Взмахнув мечом, киммериец убил черного великана. Когда глаза Конана привыкли к темноте, он подошел к краю пропасти и увидел, что на дне ее лежат воины Н'Гона. Живых среди них не было. Тучи больших черных мух жужжали над мертвыми, а муравьи уже принялись за свое дело. На деревьях сидели стервятники, и только шакал убежал, увидев над пропастью живого человека. Конан быстро повернулся и побежал назад по той же дороге, которая привела его на поляну.

В правой руке он сжимал меч, и никто сейчас не смог бы остановить его бег. Солнце уже скрылось, появились длинные тени. В джунглях было тихо, и только тяжелое дыхание Конана нарушало эту тишину, когда он выбежал на покрытый тенью деревьев берег реки. Перед ним была галера и зеленые развалины города. Между камнями блестели свежие пятна крови. Смерть царила над

этим местом. Все пространство от опушки джунглей до самого берега реки было усеяно трупами воинов. Они лежали на обрушившихся колоннах и потрескавшихся плитах, разорванные на куски, изуродованные. Кое-где виднелись наполовину обглоданные человеческие кости.

Конан осторожно подошел к галере. Над ее палубой что-то висело, отсвечивая в сумерках слоновой костью. Остолбеневший киммериец узнал Королеву Черного Побережья, повешенную на рее собственного корабля.

Она висела на ожерелье, украшенном пурпурными бриллиантами, которые блестели в сумраке, как капли крови на смуглой шее Бёлит.

IV. УДАР

Черные тени его окружали,
Черные зубы оскалились зло,
И, как вода, текла кровь...
Но моя любовь сильнее смерти.
Сто бездн я прошла и восстала из небытия,
Чтобы явиться на его зов...

«Песнь о Бёлит»

Луна еще не взошла, звезды, как осколки янтаря, тускло блестели на небе. На ступенях пирамиды, среди поваленных колонн, как изваянная из металла статуя, неподвижно сидел Конан-киммериец, подперев голову сильными руками. Вокруг лежали мертвые. В темноте слышны были мягкие шаги, и изредка вспыхивали красным светом глаза гиен.

На палубе «Тигрицы» спала своим последним сном Королева Черного Побережья. Она была завернута в пурпурный плащ Конана. Королева лежала, как живая, среди сказочных богатств. Шелка, златотканые ткани, серебряные украшения, бочонки, наполненные драгоценностями, золотые монеты, ценное оружие, слитки были разбросаны вокруг нее по палубе.

Через несколько минут тайну богатств проклятого города знала только черная вода Заркгебы, в которую Конан сбросил все добро с проклятиями на устах. Теперь он понуро сидел на ступени пирамиды и поджидал своих невидимых врагов. Страх покинул его душу, хотя он не знал, кто выйдет из темноты, с кем придется вступить в бой. Конан верил теперь в видения, посланные ему во сне черным лотосом. Он понял: ожидавшие его на поляне воины Н'Гона были до смерти напуганы крылатым чудовищем, которое спустилось с небес. Страх загнал их в пропасть, и только Н'Гона остался жив. Он спасся, потеряв рассудок. Потом чудовище убило людей, которые собрались на берегу реки. Конан не сомневался, что это было гнусное убийство, а не честная битва. Киммериец не мог понять, почему он сам так долго остается в живых. Возмо-

жно, хозяин реки и развалин города оставил его жить, чтобы помучить тоской, страхом и неведением. Все последние события были спланированы нечеловеческим разумом. Бочки с водой были пробиты, чтобы разделить силы противника, черных воинов в страхе загнали в пропасть, и наконец — страшная насмешка — ожерелье, украшенное пурпурными драгоценностями, которое так похоже на ожерелье, обвившее шею прекрасной Бёлит. Глаза киммерийца засверкали жаждой мести. Взошла луна. Воин достал из ножен свой большой меч. Пирамида, на ступени которой он сидел, имела в основании прямоугольник. Ступени пирамиды были обращены в сторону джунглей. Киммериец нагнулся и положил перед собой лук и стрелы. Кто-то зашевелился во тьме, и через секунду Конан увидел, как из джунглей вышли двадцать огромных гиен. Их влажные клыки блестели в свете луны, а глаза сверкали так, что было ясно: этих зверей сотворила не природа. «Двадцать»,— подумал Конан и натянул тетиву лука до самого уха. Одна из гиен прыгнула, лук зазвенел,— и гиена с воем упала на землю. Остальные продолжали свое движение, хотя на них дождем смерти падали стрелы киммерийца. Он пускал стрелы настолько сильно и точно, насколько это позволяли стальные мускулы.

В боевом порыве он ни разу не промахнулся, и только меньше половины бестий смогли дойти до основания пирамиды...

Глядя вниз на пылающие глаза гиен, Конан опять убедился, что имеет дело не с обычными животными. Трудно было даже предположить, какая грешная алхимия, какое колдовство вдохнули жизнь в эти существа, но было ясно, что против него действует сильная черная магия. Конан поднялся с колена и сильно натянул тетиву лука, послав последнюю стрелу в мохнатое тело, которое уже намеревалось броситься на него. Исчадие ада сжалось на лету и упало к ногам, простреленное насквозь.

Оставшиеся в живых гиены набросились на Конана. Молниеносный удар меча рассек одну из них пополам. Остальные сбили его с ног. Разбив узкий череп ненавистного существа рукояткой меча, Конан почувствовал, как захрустели кости, а кровь и мозги облепили руку. Бросив меч, ненужный в такой схватке, он схватил за горло двух бестий, они уже рвали и кусали его доспехи. Глаза киммерийца заливал пот. Правой рукой он разорвал горло мохнатой твари, левая рука соскользнула с горла второй гиены, но он успел сломать ей переднюю лапу. Короткий визг первой и крик другой, совсем похожий на человеческий, огласили поле битвы. Пораженный этим криком, Конан бессознательно разжал пальцы. И тогда первая гиена, брызгая кровью из разорванной артерии, бросилась на него и впилась клыками в горло, но прежде, чем он почувствовал боль от укуса, замертво свалилась к его ногам. Вторая же гиена подпрыгнула на трех лапах, наметившись в живот, как это делают волки, и даже прокусила кольчугу. Конан поймал покалеченное чудовище, поднял его вверх и с огромной силой

бросил тело гиены с высоты своего роста на мраморные ступени пирамиды.

Через минуту с гиенами было покончено. Конан стоял на широко расставленных ногах, пытаясь успокоить дыхание. Вдруг он услышал громкое хлопанье крыльев. Киммериец нагнулся, поднимая меч, вытер кровь и пот, которые залили глаза, и начал искать взглядом нового противника.

Удара с воздуха не последовало, но пирамида под его ногами зашаталась. Конан услышал треск за спиной. Мраморная колонна изгибалась, как ветка дерева на ветру. Конан изо всей силы прыгнул, пролетел половину расстояния, которое отделяло его от основания пирамиды, и попал на ступеньку, которая уже колебалась под ногами. После следующего прыжка Конан оказался на земле. В этот момент пирамида рухнула, а колонна разлетелась на тысячи обломков, которые сбили воина с ног. Конан пытался освободиться из-под камней. На ногах лежал большой кусок мрамора. Киммериец не был уверен, что ноги целы. С головы слетел шлем. Волосы слиплись от крови и пота, кровь сочилась из ран на шее и руках. Опираясь на одну руку, Конан снова попытался подняться. В это мгновение черная тень промелькнула на фоне звезд, и Конан краем глаза увидел крылатого дьявола, который приземлился на траву и двигался к нему с огромной скоростью. На какое-то мгновение Конану показалось, что, вытянув вперед мохнатые руки, прямо на него мчится человек на кривых ногах, с бесформенной головой и плоским лицом, на котором красным огнем горят глаза. Но это создание не было ни человеком, ни зверем, ни демоном. Не имея и минуты в запасе, Конан хотел достать свой меч, который лежал невдалеке, но не смог до него дотянуться. Он с отчаянием навалился на камень, пытаясь освободить ноги. Неимоверным усилием варвар сдвинул кусок мрамора, но понял, что не успеет, и чудовище нападет на него раньше. Крылатый монстр не уменьшал свою скорость. В это мгновение над лежащим воином молнией промчалась по направлению к чудовищу гибкая, белая, как алебастр, яростная, как пантера, фигура женщины. Раскинув руки, она возникла между Конаном и его приближающейся смертью. Тело фигуры блестело в свете луны, как слоновая кость, глаза горели, густые волосы развевались. С приоткрытых губ сорвался звучный крик, похожий на удар стали о сталь. Женщина изо всей силы толкнула крылатое чудовище.

— Бёлит! — воскликнул Конан. Королева взглянула на него, и в ее темных глазах сверкнул огонь любви. Чистой, как первая любовь, и горячей, как пламя. В следующее мгновение фигура Бёлит исчезла, и перед Конаном опять возник крылатый враг, в страхе поднявший лапы, как бы защищаясь от неожиданного нападения. Киммериец, зная, что Бёлит лежит на палубе «Тигрицы», вспомнил ее слова: «Если я буду мертва, а тебе придется сражаться не на жизнь, а на смерть, из бездны поспешу я к тебе на помощь...»

Он поднялся и со страшным криком отбросил камень. Чувствуя в жилах огонь безумия, Конан схватил меч и прыгнул к чудовищу. Мышцы его напряглись, когда он взмахнул мечом. Огромное тело монстра было рассечено надвое. Туловище отлетело в одну сторону, ноги в другую. А Конан, залитый лунным светом, с окровавленным мечом в руках, остановился, глядя на поверженного противника. Красные глаза монстра подернула мутная пелена, спустя мгновение они закрылись...

Огромные лапы свело судорогой смерти. С земли исчез последний представитель самой древней расы. Конан поднял голову и увидел, что бестии, которые были рабами крылатого демона и палачами людей, исчезли. Трупы гиен превратились в обнаженные человеческие тела. Это были воины с орлиными чертами лиц, пораженные стрелами и покалеченные ударами его меча. Прямо на глазах они рассыпались в прах. Почему крылатый демон не пришел на помощь своим рабам, когда они сражались с киммерийцем? Или он боялся приблизиться к их клыкам, которые могли разорвать и его? Осторожность и изворотливость, таившиеся в бесформенном черепе монстра, не принесли ему успеха.

Конан подошел к берегу, ступил на палубу галеры. Несколькими ударами меча он перерубил швартовые и встал у руля. «Тигрица» плавно закачалась на воде и медленно поплыла к середине реки, где ее подхватило течение. Конан держался за руль, не спуская понурого взгляда с закутанной в пурпурный плащ фигуры, лежащей на палубе.

...После смерти Бёлит — Королевы Черного Побережья, Конан отправился на север. Преодолев грозные пустыни Стигии, он попал в королевство Шем. Там, среди небольших пограничных городов-государств, его воинский опыт, храбрость и умение пользовались большим спросом. Однажды его голову чуть было не увенчала даже королевская корона, которую с радостью предложила ему благодарная за спасение принцесса Ясмела. Но киммериец предпочел свободу и вновь окунулся в вихрь приключений, сколотив из безработных наемников Вольницу, долгое время тревожившую набегами границы королевств Котх, Замора и Туран. Тураном, кстати, правил уже новый король — Ездигерд, унаследовавший от старика Илдиза ненависть к Конану. Спасаясь от преследований Ездигерда, Конан подался в степи к юго-востоку от моря Вилайет и присоединился к мунганам — конным грабителям, жившим на казацкий манер...

СТАЛЬНОЙ ДЕМОН

1

Рыбак проверил, легко ли ходит нож в ножнах. Это было инстинктивное движение, ибо то, чего он боялся, невозможно было убить ножом, даже — иззубренным серповидным лезвием, которым юэтши в два счета потрошили человека. Но ни человек, ни зверь не угрожал ему здесь, на пустынном островке Ксапур.

Он долго полз по отвесным кручам, продирался сквозь густые заросли, пока не наткнулся на развалины некоего древнего города. Полуразрушенные колонны белели среди угрюмых стволов, изломанные линии рассыпавшихся в пыль стен растворялись в тени, а под ногами расстилались широкие, выложенные камнем пешеходные дорожки, вспученные корнями растений, выбивавшихся из-под камней.

Внешность рыбака была типичной для юэтши — представителя малочисленного племени людей, чье происхождение терялось в туманном прошлом. Племени, с давних пор обитавшего в грубых рыбацких хижинах, разбросанных вдоль южного берега моря Вилайет. У него были широкие плечи, длинные обезьяньи руки и могучая грудь, но тонкая талия и кривые ноги. Над широким лицом нависал низкий, покатый лоб, на который ниспадали густые, взлохмаченные волосы. Поясной ремень, нож да набедренная повязка составляли весь гардероб рыбака.

То, что он оказался на острове, подтверждало наличие в нем определенной любознательности, чуждой большинству его соплеменников. Люди его племени редко посещали Ксапур — один из бесчисленных необитаемых клочков суши, разбросанных небольшими группами по обширному внутреннему морю. Люди называли Ксапур крепостью из-за руин какого-то доисторического города, разрушенного и забытого задолго до завоевательного похода на юг воинов-гиборийцев. Кто сооружал из этих громадных камней строения, известно не было, хотя среди юэтши продолжали

жить седые легенды, которые намекали на определенную связь между рыбаками и забытым островным королевством, существовавшую в весьма отдаленные времена.

Однако с тех пор, когда юэтши еще придавали значение этим легендам, не менее тысячи лет унеслось в небытие, теперь же они пересказывали их чисто механически, как привычные занятные сказки. Никто из юэтши не посещал Ксапура на протяжении целого столетия. На прилегающем к острову побережье материка людей не было, так как его сплошь занимали непроходимые, заросшие кустарниками болотные топи, предоставленные природой в распоряжение кровожадных хищников. Селение же рыбака располагалось на некотором удалении от этих мрачных мест, в южной части материковой суши. Его хрупкое суденышко, унесенное штормом далеко от излюбленных мест лова, ночью разбилось о прибрежные скалы, когда небо полосовали ослепительные молнии, а внизу ревели яростные волны. Рыбак взобрался на скалы, к которым его прибило штормом, и увидел, как на черном небе образовался и опустился на острый пик могучий огненный трезубец. Удар потряс весь остров. Послышался резкий треск и шум падения расколотого дерева. Но это было ночью, а теперь в голубом небе ярко сияло утреннее солнце, превращая капли дождя на зеленых листьях в настоящие алмазы.

Любопытство заставило его поинтересоваться тем, что произошло. Теперь он нашел то, что искал, но, подобно дикому зверю, чувствовал какую-то скрытую угрозу.

Среди деревьев неясно вырисовывалось какое-то разрушенное куполоподобное сооружение, возведенное из гигантских блоков, вырезанных из особого, обладающего железной твердостью, зеленого камня, залежи которого находились только на островах моря Вилайет. Казалось невероятным, что человеческие руки смогли вырубить и сложить эти блоки и, конечно же, человек никогда не смог бы опрокинуть такую громадину. Но удар молнии расколол многотонные блоки, как простую стекляшку, стерев некоторые из них в зеленый порошок и сбросив купол с сооружения.

Рыбак взобрался на развалины и заглянул внутрь; то, что он увидел, вызвало у него любопытство. Внутри разрушенного строения, среди расколотых каменных блоков, на золотой плите лежал человек. На нем было одеяние, чем-то напоминавшее юбку, перехваченную в талии шагреневым поясом. Черные волосы, волной ниспадавшие на массивные плечи, были прижаты на висках узкой золотой лентой. На мускулистой обнаженной груди человека лежал великолепный кинжал. Его рукоять тоже была обтянута шагреневой кожей и украшена драгоценными камнями, а широкое лезвие изгибалось в виде полумесяца. Кинжал напоминал формой тот нож, который рыбак носил у себя на поясе, но его лезвие не было зубчатым, и сделан он был рукой великолепного мастера.

Рыбак страстно желал иметь такое оружие. Этот человек, ко-

нечно же, был мертв и пролежал здесь много веков. А купол служил ему могилой.

Аборигена абсолютно не интересовало искусство, с помощью которого древним удалось сохранить тело — смуглая кожа на его мускулистом торсе казалась удивительно упругой и свежей, лицо — живым. Ограниченный ум юэтши работал только в одном направлении — как получить вожделенный кинжал, изящное лезвие которого тускло поблескивало на груди у мертвеца.

Спустившись вниз, рыбак взял нож в руки. И как только он сделал это, произошло что-то невероятное и ужасное. Дернулись могучие мускулистые руки, широко открылись веки, под которыми обнаружились большие темные магнетические глаза. Их взгляд ударил в рыбака, едва не сбив его с ног. Тот отскочил назад и в смятении упустил драгоценную добычу. Человек сел на золотой плите, и теперь рыбак воочию мог убедиться в истинных размерах колосса. Прищуренные глаза незнакомца удерживали рыбака на месте, и в них не было ни дружелюбия, ни благодарности. В них горело неугасимое и враждебное пламя, которое зажигается в глазах разъяренного тигра при виде врага.

Вдруг незнакомец встал на ноги и башней навис над рыбаком. Каждое его движение выражало угрозу. В тупом мозгу рыбака не было страха, по крайней мере такого, который охватывает человека, столкнувшегося вдруг с проявлением сверхъестественных сил. И как только огромные руки опустились ему на плечи, он выхватил нож и заученным движением нанес удар. Однако нож не воткнулся в бугристый живот незнакомца, а скользнул по нему, словно по стальной колонне, и тут же толстая шея рыбака треснула подобно гнилой хворостинке в могучих руках гиганта.

2

Джехунгир Ага, наместник Хаваризма и начальник пограничного отряда, охраняющего побережье, еще раз внимательно рассмотрел богато украшенный пергаментный свиток, на котором стояла массивная печать, и рассмеялся сардоническим смехом.

— Так как? — резко спросил его советник Газнави.

Джехунгир пожал плечами. Это был красивый мужчина, с ярко выраженными чертами фамильной спеси.

— Король весьма нетерпелив, — сказал он. — Проводя свою жесткую политику, он обрушивается на меня за упущения в охране границы. Тарим говорит, что если я не разделаюсь со степными разбойниками, в Хаваризме может появиться новый наместник.

Газнави задумчиво потрогал свою короткую седую бороду. Ездигерд, король Турана, — могущественнейший монарх мира. В его дворце, что находится в большом портовом городе Аграпуре, скопилась огромная масса награбленных во всех империях богатств. Армады военных галер короля, оснащенных пурпурными парусами, превратили море Вилайет в Гирканийское озеро.

Темнокожие жители Заморы, так же как и восточные провинции Котха, платили ему дань. Шемиты подчинялись ему так же, как и государство Сушан, расположенное далеко на западе. На юге армии Ездигерда опустошали пограничные земли Стигии, а на севере — покрытые снегом владения Гипербореи. Всадники жестокого короля с мечом и огнем вторгались на западе во владения Британии, Офира и Коринтии, доходили до границ Немедии. Его воины, носившие позолоченные шлемы, топтали копытами своих лошадей все живое, предавали огню города, прежде слывшие неприступными. На перенасыщенных рынках рабов в Аграпуре, Султанапуре, Хаваризме, Шахпуре и Хорузуне женщины продавались всего лишь за три маленькие серебряные монеты — блондинки из Британии, желтокожие стигийки, черноволосые заморянки, черные кушитки, оливковые шемитки.

Однако, в то же самое время, когда его стремительные всадники опрокидывали вражеские армии далеко за пределами страны, здесь, у себя дома, некий наглый разбойник смело дергал его за бороду своей немытой, пропахшей дымом костра, рукой.

В просторных степях, расположенных между морем Вилайет и восточными границами Гибории, за последнюю половину столетия из беглых преступников и рабов, разоренных ремесленников и дезертировавших солдат сформировалось новое племя. Эти люди совершили многочисленные преступления, они пришли сюда из разных стран, некоторые из них родились в степях, некоторые приплыли из далеких западных империй и королевств. Они называли себя мунганами, что в переводе с их языка означало — «потерянные люди».

Проживая в диких, необозримых просторах, не подчиняясь никаким законам, кроме своего неписанного кодекса, они превратились в могучую силу, способную наносить поражения даже Великому Монарху. Мунгане беспрестанно совершали налеты на пограничные районы Турана, укрываясь в степях, когда регулярные войска короля пытались уничтожить эту вольницу. Объединившись с пиратами моря Вилайет, людьми той же самой крови и одинаковых убеждений, они терроризировали побережье и грабили купеческие суда, курсировавшие между гирканийскими портами.

— Как же мне разгромить этих волков? — спрашивал сам себя Джехунгир.— Если я погоню их в глубь степей, они отрежут меня от основных сил и уничтожат. К тому же, они могут, совершив обманный маневр, вернуться назад и сжечь город в мое отсутствие. В последнее время у них появилась такая возможность.

— И все это благодаря новому вожаку мунган,— ответил Газнави.— Вы знаете, кого я имею в виду.

— О, да! — с чувством произнес Джехунгир.— Этот дьявол Конан даже более жесток, чем сами мунгане. К тому же он хитрый и коварный, как горный лев.

— У него более развиты звериные инстинкты, чем человече-

ский интеллект,— ответил Газнави.— Ведь мунгане — это отщепенцы, но, по крайней мере, цивилизованного общества. А он — варвар. Если нам удастся ликвидировать его, мы нанесем этой банде мощнейший удар.

— Но каким образом?— спросил Джехунгир.

— Он ловко избежал тех мест, где ему была уготована верная смерть. И неважно как, с помощью инстинкта или хитрости, но ему до сих пор удается обходить все ловушки, расставленные на него.

— На каждого зверя и на каждого мужчину существует западня, которой ему не избежать,— промолвил Газнави.— Когда мы вели переговоры с мунганами о выкупе пленников, видел я этого Конана. Он, насколько я знаю, весьма падок на женщин и не чурается крепких напитков. Прикажи привести сюда твою пленницу Октавию.

Джехунгир хлопнул в ладоши, и перед ним вырос евнух-кушит, безмолвный чернокожий идол в шелковых панталонах. Он склонился в подобострастном поклоне перед повелителем и тут же бросился выполнять приказание. Не прошло и нескольких минут, как он вернулся назад, ведя за руку высокую красавицу, чьи желтые волосы, чистые глаза и светлая кожа свидетельствовали о чистоте расы. Короткая туника, опоясанная в талии, не могла скрыть великолепные формы ее чудесного тела. Чистые глаза потемнели от негодования, а коралловые уста выражали скорбь и отчаяние, но плен научил девушку подчиняться сильным мира сего. Она стояла, опустив голову, перед своим хозяином, пока тот не соизволил движением руки пригласить ее сесть на диван рядом с ним.

Джехунгир вопросительно взглянул на Газнави, ожидая продолжения.

— Мы должны выманить Конана из мунганской банды,— внезапно произнес советник.— Теперь их лагерь располагается где-то в районе нижнего течения реки, в царстве тростников и болотистых джунглей, где наша последняя военная экспедиция была расчленена на части и вырезана этими безжалостными дьяволами.

— Этого невозможно забыть,— кисло сказал Джехунгир.

— Но там, недалеко от материка, находится один необитаемый островок,— сказал Газнави.— Его называют крепостью Ксапур из-за древних развалин. Они-то как раз и позволят использовать этот клочок суши для осуществления нашей цели. Он не имеет прибрежной полосы, так как его скалы, высотой в сто пятьдесят футов, поднимаются прямо из воды. Даже обезьяна не смогла бы взобраться на них. Только в одном месте на южной стороне имеется узкая полуразрушенная тропа, высеченная в виде лестницы в твердой породе. Если мы заманим Конана на этот остров, то сможем вдоволь поохотиться за ним, применяя только лук и стрелы, как обычно люди охотятся на льва.

— Но это же невозможно! — раздраженно промолвил Джехунгир. — Не пошлем же мы к нему гонца, который убедит его взобраться на эти скалы и ждать нашего прихода?

— А почему бы нет! — продолжал Газнави, видя заинтересованность в глазах наместника. — Мы предложим провести переговоры с мунганами относительно пленников в форте Гори, что находится на границе со степью. Как обычно, мы придем туда с вооруженным отрядом и станем лагерем возле замка. Они явятся с таким же отрядом, и переговоры будут проходить в обстановке взаимного недоверия и подозрения. Но на этот раз, как бы случайно, мы возьмем с собой вашу прекрасную пленницу.

Октавия с возрастающим интересом изменилась в лице, вслушивающаяся в слова советника.

— Она должна будет применить все женские уловки, чтобы привлечь внимание Конана. Ей это будет нетрудно. Перед таким необузданным сладострастником она возникнет как ослепительное видение нежности и красоты. Ее прекрасное тело должно явиться ему во всей своей жизнеутверждающей силе, в отличие от куклоподобных красавиц из вашего сераля.

Октавия вскочила на ноги. Ее кулаки побелели от напряжения, глаза сверкали, как угли. Девушка дрожала от негодования и ярости.

— Ты хочешь вынудить меня сыграть роль шлюхи с этим варваром? — воскликнула она. — Нет! Я не продажная девка, чтобы строить умильные рожи степному грабителю. Я дочь барона Немедии...

— Вернее, ты принадлежала к избранным кругам Немедии до тех пор, пока мои всадники не увезли тебя оттуда, — цинично произнес Джехунгир. — Теперь ты просто рабыня, которая будет делать все, что ей прикажут.

— Но я не буду! — выкрикнула она.

— Нет, — продолжал Джехунгир с рассчитанной жестокостью, — ты будешь. Мне нравится план Газнави. Говори дальше, о король советников.

— Конан наверняка захочет купить ее. Конечно же, вы откажетесь продать или обменять ее на гирканийских пленников. Тогда, возможно, он попытается украсть ее или отнять силой, хотя я не думаю, что он разорвет перемирие. Тем не менее мы должны быть готовы к любым шагам с его стороны.

Затем, вскоре после завершения переговоров, чтобы не дать ему времени забыть о ней, мы пошлем к нему гонца, обвиним разбойника в том, что он украл девушку, и потребуем вернуть ее обратно. Возможно, он убьет гонца, но цель будет достигнута — Конан будет думать, что она убежала от нас.

А потом мы пошлем шпиона в лагерь мунган, я думаю, эту роль лучше всего сыграет один из рыбаков юэтши, который заявит, что Октавия скрывается на Ксапуре. Насколько я знаю варвара, он немедля отправится прямиком на остров.

— Но мы не знаем, пойдет ли он туда один,— напомнил Джехунгир.

— Разве мужчина берет с собой отряд воинов, когда идет на свидание с желанной женщиной?— вопросом на вопрос ответил Газнави.— Все говорит о том, что он придет один. Но мы продумаем и другие варианты. Мы не будем ждать его на острове, где нас самих могут захватить в западню, мы засядем в тростниках на болотистом островке, в тысяче ярдов от Ксапура. Если он придет с сильным отрядом, мы отступим и придумаем какой-нибудь другой фокус. Если же он появится один или с незначительным отрядом, ловушка сработает. Будьте уверены, он придет, вспомнив очаровательные улыбки вашей рабыни и ее многообещающие взгляды.

— Я никогда не опущусь до такого унижения,— Октавия сходила с ума от гнева и стыда.— Я лучше умру!

— Не умрешь, моя непослушная красавица,— сказал Джехунгир,— но подвергнешься очень болезненному и унизительному испытанию.

Он хлопнул в ладоши, и Октавия покрылась мертвенной бледностью. На сей раз вошел не кушит, а шемит, мускулистый человек среднего роста с короткой вьющейся иссиня-черной бородой.

— Для тебя есть работа, Гилзан,— сказал Джехунгир.— Возьми-ка эту дуру и поиграй с нею немного. Однако будь осторожен и не испорти ее красоту.

С невнятным ворчанием шемит схватил Октавию за руку, и при прикосновении его железных пальцев все упрямство тут же вылетело из дочери барона. С отчаянным криком она вырвалась из лап шемита и бросилась на колени перед неумолимым властителем, бессвязно умоляя его о милосердии.

Джехунгир жестом приказал удалиться разочарованному палачу и сказал своему советнику:

— Если твой план завершится успешно, я осыплю тебя золотом.

3.

В предрассветной темноте раздался необычный звук, нарушивший первозданную тишину, царившую над мутными прибрежными водами и болотами, поросшими густым тростником. Это кричала не сонная водяная птица и не проснувшийся дикий зверь,— то был голос человека, пробирающегося сквозь густые, выше человеческого роста, камыши.

Если бы в этот час кто-нибудь оказался здесь, он увидел бы, что это была высокая желтоволосая женщина. Ее прекрасные формы едва прикрывала измазанная в грязи туника. Октавия по-настоящему убежала от своих мучителей, и теперь, при воспоминании о гнусном рабстве, в ее теле звенел каждый нерв, жизнь в рабстве была невыносимой. Пребывание во власти Джехунгира

само по себе было достаточно тяжелым, но жестокость властителя не ограничивалась унижением — он издевался над нею изобретательно и методично, а теперь отдал ее вельможе, чье имя олицетворяло гнусность и невежество во всем Хаваризме.

По упругому телу Октавии бегали мурашки, когда она вспоминала о нем. Отчаяние заставило девушку выбраться из замка Джелал Хана на веревке, сплетенной из полосок разорванной ткани, и только счастливый случай привел ее к привязанной лошади. Она скакала всю ночь, и рассвет застал ее на охромевшем коне на болотистом берегу моря. Дрожа от отвращения, от осознания того, что ее могут вернуть назад для удовлетворения похоти Джелал Хана, она не глядя ринулась в трясину, пытаясь отыскать надежное убежище от преследователей. Когда камыши скрыли ее с головой, а вода поднялась до бедер, прямо перед собой она увидела неясные очертания острова. Между берегом и островом простиралось значительное водное пространство, но девушка не колебалась. Она шла вперед, пока вода не достигла груди, а затем сильно оттолкнулась ногами и поплыла с энергией, свидетельствовавшей о недюжинной выносливости и силе.

Приблизившись к острову, Октавия увидела, что гранитные скалы, похожие на башни замка, поднимаются к небу прямо из воды. Подплыв вплотную к гигантским утесам, она не смогла найти ни одного углубления, куда можно было поставить ногу, не говоря уже о том, чтобы взобраться наверх. Она поплыла дальше, огибая скалы и чувствуя, как тяжелеют конечности от длительного и изнурительного заплыва. Ее руки, ощупывавшие гладкие камни, вдруг нашли, наконец, выступ. Вздохнув с глубоким облегчением, она выбралась из воды и прильнула к мертвому камню — прекрасная белая богиня в неясном свете далеких звезд.

Немного отдохнув, она огляделась по сторонам и увидела, что с этой малюсенькой площадки тянутся вверх выщербленные временем ступеньки, вырубленные в скале. Она поднималась по ним, всем телом прижимаясь к скале, когда вдруг до ее ушей донеслись приглушенные удары и поскрипывание весел. Октавия напрягла зрение и увидела, что к тому болотцу, которое она только что покинула, приближается какое-то темное судно. Но расстояние было слишком большое, к тому же резко потемнело, и она не смогла рассмотреть, что там было. Вскоре и эти слабые звуки прекратились, и она продолжила подъем. Если там и были ее преследователи, то трудно было придумать лучшее место, чем этот остров, чтобы спрятаться от них. Тем более, что большинство островов, расположенных возле этого болотистого берега, были необитаемыми. Возможно, здесь, на этом острове, скрывалась пиратская берлога, но в данной ситуации она предпочитала попасть в руки пиратов, чем остаться во власти зверей, от которых убежала.

Девушка медленно поднималась вверх, и вдруг праздная мысль пришла ей на ум — она попыталась сравнить своего бывшего хозяина с вождем мунган, с которым она по принуждению бес-

стыдно флиртовала в палатках возле форта Гори, где гирканцы вели переговоры со степными воинами. Его горячий взгляд пугал и тревожил ее, но она без колебаний предпочла бы степняка Джелал Хану, монстру, которого могло породить только полностью развращенное общество.

Октавия, наконец, взобралась на скалу и робко всмотрелась в густые тени. Деревья росли впритык к скалам, представляя собой сплошную темную загустевшую массу. Что-то прошелестело над ее головой и испугало ее, хотя она тут же узнала летучую мышь. Ей не понравился вид этих черных теней, но она стиснула зубы и шагнула в них, стараясь не думать о змеях. Босые ноги ступали беззвучно по пористому суглинку, из которого тянулись вверх кусты и могучие деревья.

Среди них ее снова схватила в свои объятия пугающая темнота. Не сделав и дюжины шагов, она была уже не в состоянии оглянуться назад, чтобы еще раз взглянуть на скалы и море за ними. Еще несколько шагов вперед, и сознание девушки безнадежно замутилось, она потеряла чувство ориентации. Сквозь спутанные ветки не было видно звезд. Она еще немного продвинулась вперед, с трудом нащупывая дорогу, но вдруг резко остановилась.

Где-то впереди ритмично громыхнул барабан. Не этот звук ожидала она услышать в это время и в таком месте. Затем она забыла о барабане, так как вдруг поняла, что рядом кто-то есть. Она ничего не видела, но знала, что кто-то стоит в темноте подле нее.

С приглушенным криком девушка отпрянула назад и, несмотря на панику, охватившую ее, почувствовала, что рука человека легла на ее талию. Она вскрикнула и вложила всю свою молодую силу в могучий рывок, но человек, захвативший в плен, удерживал ее как ребенка, легко погашая отчаянные попытки освободиться. Полное молчание, в котором это происходило, наполняло девушку ужасом. Она почувствовала, что ее несут сквозь темень к далекому барабану, продолжавшему свой таинственный рокот в ночи.

4

В те минуты, когда первые нежные тона рассвета красили море в легкий розоватый цвет, к скалам Ксапура подплыла небольшая лодка с одиноким гребцом. Человек в лодке выглядел очень колоритно. На его голове была малиновая повязка, просторные шелковые штаны огненного цвета поддерживались широким поясом, на котором висела кривая сабля в кожаных ножнах. Позолоченные кожаные башмаки выдавали человека, привыкшего к лошади, но никак не к морю. Лодкой, тем не менее, он управлял умело. Широко распахнутая шелковая рубашка открывала загорелую богатырскую грудь.

На тяжелых коричневых руках незнакомца играли могучие му-

скулы, когда он ловко управлялся с веслами. Могучая жизненная сила сквозила в каждом его движении, в каждом изгибе тела, красноречиво подчеркивая его превосходство над обычными людьми. Тем не менее в лице воина не было ничего жестокого или мрачного, хотя пламя, тлеющее в голубых глазах, напоминало о спящей до времени свирепости. Это был Конан, забредший к мунганам с единственным имуществом, которое всегда было при нем: с острым умом и не менее острым мечом. Благодаря тому и другому он в короткое время добился лидерства среди этих суровых степных волков.

Он уверенно подплыл к ступеньке в скале, как будто это место было ему хорошо знакомо, и, привязав лодку к выступающему из воды камню, без малейших колебаний начал подниматься вверх по полуистертым выступам. Он внимательно следил за всем, что происходило вокруг, но не потому, что подсознательно ожидал встречи с опасностью, а потому, что бдительность составляла часть его сущности, выработанной тем диким образом жизни, что он вел.

То, что Газнави называл звериной интуицией или шестым чувством, являлось просто тщательно оттренированной способностью острого ума варвара. Но даже волчий инстинкт Конана не подсказал ему, что группа воинов наблюдает за ним из укрытия в камышах, растущих на побережье материка вблизи острова.

Когда он взобрался на скалу, один из этих воинов в камышах глубоко вздохнул и медленно поднял лук. Джехунгир Ага схватил его за руку и прошипел на ухо: — Дурак! Ты хочешь выдать нас? Разве ты не видишь, что он вне досягаемости стрел? Пусть он заберется на остров и отправится на поиски девушки, а мы пока останемся здесь. Он может почуять нас или догадаться о нашей ловушке. Возможно, его воины спрятались где-то неподалеку. Подождем. Через час, если не случится ничего подозрительного, мы подплывем к лестнице в скале и будем караулить его там. Если он не спустится в течение допустимого времени, несколько воинов поднимутся на остров и погонят его вниз. Лично я не собираюсь идти туда, но, в случае необходимости, помогу. Кое-кому из нас придется умереть, если мы будем преследовать его в лесу. Я же хочу поймать его тогда, когда он будет спускаться вниз по лестнице. Тогда мы сможем расстрелять его из луков с безопасного расстояния.

Тем временем варвар, ни о чем не подозревая, углубился в лес. Он шел почти бесшумно в своих мягких кожаных башмаках, тщательно исследуя каждый куст в страстной надежде поймать взгляд прекрасной, златокудрой девушки, о которой он мечтал с тех пор, как увидел впервые в палатке Джехунгира Аги возле форта Гори. Такая девушка была бы желанной для него, даже если бы показала свое нерасположение к нему. Ее пленительные улыбки и взгляды воспламенили его кровь, и он, со всей необузданной силой, доставшейся в наследство от буйных предков, желал теперь

эту белокожую, золотоволосую женщину, попавшую в дикие степи из цивилизованного мира по воле злого рока.

На Ксапуре он бывал и раньше. Не прошло еще и месяца с тех пор, как он вел здесь секретные переговоры с пиратами. Конан приближался уже к тому месту, откуда можно было увидеть таинственные развалины, которые дали острову имя,— он рассчитывал найти девушку там, укрывавшейся среди руин. Все еще думая об этом, он остановился вдруг, словно пораженный громом.

Прямо перед ним среди деревьев возвышалось какое-то сооружение. Здравый смысл подсказывал, что он является свидетелем чего-то невероятного и сверхъестественного. Это была огромная темно-зеленая стена с башнями, нависавшими над ее зубцами.

Конан стоял, пораженный видением, которое парализовало все его чувства. Ведь такое может случиться с каждым, кто внезапно сталкивается с явлениями, низводящими к нулю здравый смысл. Он не подвергал сомнению свои глаза и свой рассудок, но это было выше его понимания. Менее месяца назад здесь не было ничего, кроме развалин среди леса. Чьи же руки смогли воздвигнуть это колоссальное сооружение, стоявшее теперь перед ним, за эти несколько недель? К тому же пираты, неустанно скитающиеся по морю Вилайет, должны были знать о работах такого масштаба на острове и сообщить о них мунганам.

Разумного объяснения увиденному не было, но сомневаться не приходилось: он находится в Ксапуре, и этот фантастический каменный монстр тоже стоял на Ксапуре. Все это выглядело парадоксально и невероятно, но все это было наяву.

Он повернулся, чтобы броситься назад сквозь джунгли, слететь вниз по полуистертым ступенькам, пересечь голубые воды, чтобы как можно скорее оказаться в безопасном месте — военном лагере мунган в устье реки. В эти мгновения бессмысленной паники даже сама мысль остаться здесь, у внутреннего моря, была ему отвратительна. Побыстрее убежать бы отсюда, бросить мунган, степи и скрыться за тысячу миль от голубого, загадочного Востока, где основополагающие законы природы сводятся на нет какой-то дьявольской силой, не поддающейся его пониманию.

На мгновение будущая судьба королевств, которая зависела от этого пестро разодетого варвара, пришла в равновесие. Но, казалось бы, совершенно незначительная вещь — тоненькая полоска шелковой ткани, которая трепыхалась на кусте и вдруг попала под его тяжелый взгляд, перевесила весы в нужную сторону. Конан ринулся к ней, его ноздри затрепетали, а нервы напряглись до предела при виде этой нежной вещички. По этому кусочку разорванной одежды, пахнущему так слабо, что запах не могло уловить даже его обоняние, он инстинктивно почувствовал и узнал то, что хотел знать,— то был волнующий и мучительный запах, связанный с прекрасным телом женщины, которую он видел в палатке Джехунгира. Значит, рыбак не солгал — она была здесь!

Затем он увидел на земле отпечаток человеческой ноги, длин-

ный и неясный. Но это был след босой ноги мужчины, а не женщины, и он был вдавлен в почву глубже, чем обычно. Вывод был очевиден: человек, оставивший этот отпечаток, переносил груз, но что он мог переносить здесь, кроме девушки, которую разыскивал он, Конан? Варвар молча стоял, повернувшись лицом к темным башням, неясно вырисовывавшимся из-за деревьев: узкие щели, образовавшиеся на его лице вместо глаз, изливали голубое пламя. Желание обладать этой золотоволосой девушкой соперничало в нем с тяжелой первобытной ненавистью к тому, кто унес ее. Человеческая страсть победила его безотчетный страх, и, приняв позу охотящейся пантеры, он пробрался к стенам, стараясь не высовываться из густой листвы, чтобы не быть обнаруженным с укреплений.

Подкравшись к стене, он увидел, что она сложена из такого же зеленого камня, что и разбитые блоки в руинах, и ему в голову пришла мысль, что эти камни на что-то похожи. Складывалось впечатление, что он смотрит на что-то, чего никогда не видел раньше воочию, но только во сне или представлял в уме. Наконец он пришел к мысли, что стены и башни возведены по плану того сооружения, которое лежало в руинах. Казалось, что его изломанные и искривленные линии вновь возродились в том строении, которое стояло теперь здесь.

Ни один звук не нарушал утренней тишины, когда Конан крался вдоль подножия стены, поднимающейся вертикально вверх и возвышающейся над буйной растительностью. С южной стороны росли почти тропические виды растений. На укреплениях, среди зубцов, не видно было людей, не слышно было и звуков за стеною. Неподалеку слева он увидел массивные ворота и даже не подумал о том, что они могут быть закрытыми или охраняемыми. Он знал одно — девушка, которую он ищет, находится где-то там, за стеной, и путь, избранный им, чтобы попасть туда, был совершенно безрассудным.

Раскинувшиеся над ним ветви деревьев, перевитые виноградными лозами, достигали зубцов стены. Ловко, как кошка, взобрался он на дерево. Достигнув точки над парапетом, Конан ухватился обеими руками за толстую ветку, раскачался и, выбрав момент, отпустил руки. Пролетев по воздуху несколько футов, он приземлился, опять же как кошка, на стене. Присев на корточки, он смотрел теперь вниз на улицы этого чудесного города.

Стена окружала небольшую площадь, однако количество зданий, построенных из зеленого камня, было значительным. Эти строения имели два или три этажа, крыши их были плоскими, а вообще чувствовался отличный архитектурный стиль. Улицы, подобно спицам колеса, сходились к восьмигранной площади в центре городка, над которым возвышалось окруженное куполами и башнями величественное сооружение, которое доминировало над всем городком. На улицах не видно было людей, никто не выглядывал в окна, хотя солнце поднялось уже достаточно высо-

ко. Тишина, которая царила тут, свидетельствовала о том, что город вымер или был опустошен. Рядом с ним оказалась узкая лесенка, ведущая вниз со стены, по ней он и начал спускаться.

Дома стояли так близко к стене, что пройдя половину лестницы, он очутился на расстоянии вытянутой руки от окна. Конан остановился, чтобы заглянуть внутрь. На окне не было решеток, а шелковые занавески стягивали сатиновые ленты. Он увидел комнату, стены которой были покрыты темной атласной тканью. На полу лежали толстые ковры, стояли скамеечки из черного полированного дерева и балдахин из слоновой кости, окутанный мехами.

Он собрался продолжить спуск, но вдруг услышал, что кто-то внизу приближается к лестнице. Прежде чем неизвестный повернул за угол и увидел его на лестнице, Конан перешагнул отделяющее его от окна пространство и легко прыгнул в комнату, выхватывая на ходу саблю. Одно мгновение он стоял неподвижно, как статуя, а затем, поскольку ничего не произошло, двинулся по ковру к сводчатой двери. Внезапно откинулась драпировка, открыв выложенное подушками углубление, из которого на него томно взглянула тоненькая, черноволосая девушка.

Конан уставился на нее тяжелым взглядом, ожидая, что она вот-вот начнет кричать. Но девушка просто подавила зевок изящной рукой, поднялась с подушек и небрежно прислонилась к драпировке, поддерживая ее одной рукой.

Без всяких сомнений, она принадлежала к белой расе, хотя кожа ее была очень темной. Обрезанные под прямым углом волосы были черны, как вороново крыло. Кусок шелковой ткани, обернутый вокруг гибких бедер, составлял весь ее наряд.

Она заговорила, но Конан не понял ее языка и отрицающе махнул головой. Девушка зевнула снова, потянулась и, не выказывая ни страха, ни удивления, перешла на язык, который был понятен ему. Это был один из диалектов юэтши, но звучал он очень странно и архаично.

— Ты ищешь кого-нибудь? — спросила она так равнодушно, как будто вторжение вооруженного незнакомого мужчины в ее апартаменты было совершенно обычным делом.

— Кто ты? — спросил в свою очередь Конан.

— Меня зовут Ятели,— ответила она.— Я поздно задержалась на пиру этой ночью, поэтому теперь такая сонная. А кто же ты?

— Я — Конан, мунганский атаман,— ответил он, внимательно наблюдая за выражением ее лица, так как считал, что она только притворяется и ждет удобного момента, чтобы убежать из комнаты и поднять на ноги весь дом. Однако, несмотря на то, что сигнальный шнур висел рядом с нею, она даже не притронулась к нему.

— Конан,— сонно повторила она.— Ты не дагониец, ты, очевидно, наемник. Сколько же голов юэтши ты срубил?

— Я не воюю с водяными крысами! — зло произнес он.

— Но они ужасны,— пробормотала она.— Я помню то время, когда юэтши были нашими рабами. А потом они подняли мятеж, жгли и убивали. Только чудесная сила Хозатрала Хела удержала их за стенами.

Она перевела дыхание, с озабоченным видом стараясь побороть сонливость.

— Я забыла,— снова забормотала она.— Они взбирались на стены прошлой ночью. Они кричали и жгли костры, и люди напрасно взывали к Хозатралу.

Она тряхнула головой, как будто стараясь очистить ее от невеселых мыслей.

— Но этого не должно быть,— тихо говорила она,— потому что я жива, хотя и думала, что уже умерла. О, к демонам все это!

Она пересекла комнату и, взяв Конана за руку, подвела его к балдахину. Он уступил в замешательстве и нерешительности. Девушка улыбалась ему, как сонный ребенок, ее длинные шелковистые пряди упали на темные сонные глаза. Она просунула пальцы сквозь его густые локоны, как будто желая убедиться, существует ли он наяву.

— Это был сон,— зевнула она.— Возможно, все вокруг меня — сон. Я чувствую себя теперь, как во сне. Но меня это не волнует. Я не могу вспомнить что-то, что я забыла. И я сразу же хочу спать, когда я думаю об этом. Но это не имеет значения.

— Что ты имеешь в виду?— спросил Конан.— Ты сказала, что они взбирались на стены прошлой ночью? Кто это был?

— Вероятно, юэтши. Облако дыма все закрыло, но обнаженный, забрызганный кровью демон схватил меня за горло и вонзил нож в мою грудь. О, она болит и сейчас. Но это был сон, потому что на груди нет шрама, посмотри.

Она лениво осмотрела свою смуглую грудь, а затем села Конану на колено и обхватила его массивную шею своими гибкими руками.

— Я не могу вспомнить,— шептала она, положив голову ему на грудь,— Все неясно, все скрыто туманом. Но не имеет значения. Ты — не сон. Ты сильный. Давай жить, пока мы можем. Люби меня.

Он покачивал прекрасную голову девушки на изгибе своей тяжелой руки и целовал ее сочные губы с неподдельным наслаждением.

— Ты сильный,— повторяла она слабеющим голосом.— Люби меня, люби...

Сонный шепот затих, темные глаза закрылись, длинные пряди волос закрыли чувственное лицо, гибкое тело расслабилось в руках киммерийца.

Конан ошарашенно смотрел на девушку. Несомненно, она являлась частью шарлатанства, которым был пропитан весь этот город, но твердая упругость его тела, к которому прикасались его пальцы, убедила Конана в том, что в его руках лежит живая деву-

шка, а не призрак. Испытывая острое чувство тревоги и озабоченности, он осторожно положил ее на меха под балдахином.

Сон ее был слишком глубок, чтобы казаться естественным, поэтому он решил, что теперь она находится под воздействием какого-то наркотика, возможно, похожего на цветок черного лотоса из Ксутала.

А затем он обнаружил еще одну вещь, которая очень заинтересовала его. Среди мехов, разбросанных на ложе под балдахином, лежала яркая пятнистая шкура с преобладающей золотой окраской. Это не была искусная подделка, шкура принадлежала реальному зверю. И такие звери, Конан знал наверняка, вымерли, по крайней мере, тысячу лет назад. Шкура принадлежала большому золотистому леопарду, который почти обязательно фигурирует в каждой тиборийской легенде. Этот зверь запечатлен в работах древних художников, воплощенных в красках и мраморе.

Тряхнув головой, но не избавившись от затруднения, Конан прошел сквозь дверь и извилистый коридор. А в доме царила тишина и спокойствие, но до его слуха вдруг донесся звук снаружи, и он определил, что кто-то спускается по той же лестнице, по которой ему удалось войти в это здание. Через мгновение он услышал, как нечто с глухим звуком приземлилось в той комнате, которую он только что оставил. Повернувшись, он быстро побежал прочь по извилистому коридору, но открывшаяся вдруг его глазам картина заставила его остановиться.

Перед ним лежало тело человека, наполовину в холле, наполовину на улице, прикрытое панелью, являющейся частью стены. Это был мужчина, смуглый и худой, одетый только в набедренную повязку, с бритой головой и грубыми чертами лица. Он лежал в таком положении, будто смерть уложила его, когда он появился из-за стены. Конан склонился над человеком, пытаясь определить причину смерти, но, к его удивлению, человек спал глубоким сном, подобно девушке в комнате.

Но почему он выбрал такое странное место для сна? Размышляя над этим, Конан вдруг услышал какие-то звуки позади себя. Что-то двигалось по коридору в его направлении. Быстрый взгляд в противоположную сторону наткнулся на большую дверь в конце коридора, которая, очевидно, была закрыта на замок. Конан втянул лежащее навзничь тело внутрь и шагнул наружу, резко закрыв за собой панель. Щелчок позади него свидетельствовал, что панель стала на место. Стоя в полной темноте, он услышал, как внутри прекратилось шарканье ног, и у него по спине забегали холодные мурашки. Эти шаги не принадлежали человеческому существу, и даже зверя такого он никогда не встречал ранее.

Тишина длилась всего одно мгновение, затем послышалось легкое потрескивание дерева и металла. Вытянув руку, он почувствовал, как дрожит и выдавливается дверь, как будто огромный вес навалился на нее изнутри. Когда он схватился за свою кривую саблю, напор прекратился, и он услышал странные слюнявые

всхлипывания, от которых у него волосы встали дыбом. С саблей в руке, он начал пятиться назад, и вдруг его ноги нащупали ступеньки, по которым он недавно спускался. Он стоял на узкой лестнице, ведущей куда-то вниз.

Конан на ощупь продолжал спуск в полнейшей темноте. Он чувствовал, что находится вне дома, где-то глубоко в земле под ним. Конан остановился перед выходом в туннель.

5

Конан пробирался по черному, безмолвному туннелю, ежеминутно опасаясь упасть в какую-либо невидимую яму, но наконец его ноги снова наткнулись на ступеньки, и он начал подниматься по ним, пока не добрался до двери с металлической ручкой, которую нетерпеливо нашарили его дрожащие пальцы. Он вошел в мрачную, величественную комнату огромных размеров.

Фантастические колонны выстроились в ряд возле пестрых стен, поддерживая потолок, одновременно и сумрачный, и полупрозрачный, который создавал вид полуночного неба, закрытого облаками, и казался поднятым на невероятную высоту. Если снаружи и проникал сюда какой-либо свет, то он неузнаваемо преломлялся.

В неясном, сумрачном свете двигался Конан по зеленому полу. Огромное помещение имело форму круга, но с одной стороны в стене виднелся бронзовый створ гигантской двери. Напротив двери, возле противоположной стены, на возвышении, к которому вели полукруглые ступени, стоял медный трон, и когда Конан увидел, что свернулось в кольцо на этом троне, он поспешно отпрянул назад и поднял саблю.

Но поскольку существо не двигалось, он пригляделся к нему более пристально, и через несколько мгновений поднялся по стеклянным ступенькам. Это была гигантская змея, высеченная из желтовато-зеленого камня, напоминающего жадеит. Каждая ее чешуйка была вырезана с величайшим искусством и выглядела как настоящая, так умело были переданы все детали и цвет. Большая клинообразная голова змеи была наполовину спрятана в изгибах туловища, поэтому ни глаз, ни челюстей не было видно. Воспоминания зашевелились в его мозгу. Эта змея, очевидно, должна была представлять одного из тех ужасных болотных монстров, которые много веков назад обитали в камышовых зарослях, на южных берегах моря Вилайет, но, подобно золотистому леопарду, вымерли еще в те далекие времена. Конану доводилось видеть их миниатюрные, но грубые изображения среди идолов в хижинах юэтши. Кроме этого, их описание приводила книга Скелоса, в которой делались ссылки на доисторические источники.

Конан с восхищением смотрел на чешуйчатый торс, толстый, как его бедро, и, видимо, очень длинный. Он подошел к змее и по-

ложил на нее руку. И как только он сделал это, сердце его почти остановилось. Ледяной холод заморозил кровь в жилах и поднял волосы на голове. Под его рукой была не гладкая поверхность стекла, металла или камня, а податливая, упругая масса живого существа. Он чувствовал, как под его пальцами течет холодная и ленивая жизнь.

Инстинктивно его рука дернулась назад, задрожала сабля в другой руке. Ужас и отвращение охватили его, он отступил назад и осторожно спустился вниз по стеклянным ступенькам, не спуская глаз с вызывающего страх существа, дремавшего на медном троне. Оно не шевелилось.

Он подошел к бронзовой двери и нажал на нее. Он боялся, все тело покрылось потом от предчувствия того, что он не сможет выбраться из этого мрачного помещения. Но дверь уступила под его нажимом, и, проскользнув сквозь створки, Конан закрыл ее за собой.

Он оказался в просторном холле с высокими, обитыми тканью стенами, освещенном, как и предыдущее помещение, полусумеречным тусклым светом. В полумраке отдаленные предметы были трудно различимы, его одолевали тяжелые мысли о том, что где-то рядом, в темноте, скользят невидимые змеи. В этом призрачном свете дверь в другом конце холла казалась удаленной на несколько миль. Конан внимательно огляделся. Рядом обивка на стене висела так, как будто за нею что-то скрывалось. Осторожно приподняв ее, Конан обнаружил узкую лестницу, ведущую вверх.

Пока он раздумывал идти или не идти, в большой комнате, только что им покинутой, раздались тяжелые, шаркающие шаги, которые он уже слышал ранее. Значит, его преследовали по туннелю? Он быстро вскочил на лестницу и опустил драпировку за собой.

Поднявшись вскоре в извилистый коридор, он вошел в первую попавшуюся дверь, которая оказалась у него на пути. Теперь у него были две задачи, и решить их предстояло немедленно: унести ноги из этого проклятого здания и найти немедийскую девушку, которая, как он чувствовал, заточена где-то здесь, в этом дворце или замке. Он знал наверняка, что находится в огромном, куполообразном сооружении, которое стоит в центре города. Очевидно, здесь живет правитель, к которому несомненно приводят всех пленных женщин.

Теперь он вошел в помещение, а не коридор, и уже собирался вернуться назад, когда услышал голос, доносившийся из-за стены. В стене не было двери, поэтому он прислонился к ней и отчетливо услышал все, что говорилось. В который уже раз его сердце сжал ледяной ужас. Слова произносились на немедийском языке, но говорил не человек. Потусторонний голос вызывал резонанс, который разносился, словно звук колокола в ночи.

— В Абиссе не было жизни, кроме того, что была воплощена во мне,— гремел голос.— Там не было света, не было движения

и звуков. Только пробуждение, существующее за пределами жизни, вдохновляло и вело меня из преисподней наверх и заставило осуществить это путешествие — слепое, бесчувственное, непреклонное. Через века и над веками, через неподдающиеся переменам пространства мрака я взобрался...

Околдованный этим гулким резонансом, Конан присел, оставив за пределами внимания все остальное, пока гипнотическая сила голоса не вызвала незнакомые перемещения чувств и восприятия. Звук создал иллюзию видений. Конан больше не слышал голоса, он воспринимал какие-то, действующие издалека, ритмические звуковые волны. Перенесенный за пределы своей эпохи и своей личности, он наблюдал эволюцию существ, призванных Хозатралом Хелом из мрака Ночи и Абысса столетия назад, чтобы воплотиться в субстанцию материального мира.

Человеческая плоть была слишком хрупка и ничтожна, чтобы вместить ужасную сущность Хозатрала Хела. Правда, он имел облик человека, но его плоть не была плотью, его кости не были костьми, а кровь не была кровью.

Он рыскал по миру подобно собаке, и никакое земное оружие не могло причинить ему вреда. Столетие для него длилось не больше часа. В своих исканиях он наткнулся на примитивный народ, населяющий остров Дагония, и испытал чувство удовлетворения, привив этой расе начала культуры и цивилизации. С его помощью они построили город Дагон, жили в нем и поклонялись своему благодетелю. Странными и ужасными были его помощники — отвратительнейшие существа, реликты давно минувших эпох, сохранившиеся в наиболее темных уголках планеты. Его дом в Дагоне с помощью систем туннелей соединялся со всеми другими домами, по ним его бритоголовые жрецы тащили жертвы на жертвенные алтари.

Много веков назад жестокие и грубые люди появились на берегах моря Вилайет. Они называли себя юэтши и после жестокого сражения были побеждены и обращены в рабов. На протяжении жизни целого поколения они умирали на алтарях Хозатрала.

Черная магия Хозатрала держала юэтши крепче оков. А затем их жрец, странный сухопарый человек неизвестной расы, ушел в пустыню, а когда вернулся, то принес с собой нож, изготовленный из неземного материала. Он был выкован из металла метеорита, который прочертил небо подобно огненной стреле и упал в отдаленную долину. Рабы восстали. Их заточенные в виде пилы кривые ножи рассекали, как баранов, мужчин Дагона. Против этого неземного ножа магия Хозатрала была бессильна. Когда резня и убийства выкатились на окутанные красным дымом улицы, самый жестокий акт этой ужасной драмы был сыгран в потайной куполообразной комнате за большим залом, в котором стоял медный трон, а стены были выкрашены узорами, напоминающими шкуру змеи.

Из этой комнаты вышел только жрец юэтши. Он не убил свое-

го врага, потому что намеревался использовать угрозу его освобождения для подчинения повстанцев. Хозатрал лежал на золотой плите с магическим ножом на груди, бесчувственный и неподвижный, дожидаясь прихода судного дня.

Но прошли столетия. Жрец давно умер, башни обезлюдевшего Дагона рассыпались в прах. Остались только полузабытые сказки, а в ряды юэтши чума, голод и войны внесли значительное опустошение. Их остатки рассыпались вдоль берега моря и влачили теперь жалкое существование.

Только тайная комната оказывала сопротивление всепобеждающему времени, пока удар молнии не разрушил ее, а любопытный рыбак не взял с груди бога своих предков чудесный нож, сняв тем самым проклятие. Хозатрал Хел ожил, встал и снова обрел могущество. С удовольствием восстановил он город точно в таком же виде, каким он был до его поражения. Он с помощью колдовства поднял башни из пыли забытых тысячелетий и вдохнул жизнь в народ, который давно уже был пылью.

Но народ, вкусивший смерть, был оживлен лишь частично. В глубине их душ и сердец гнездилась непобежденная смерть. Ночью люди Дагона двигались и любили, ненавидели и пировали, как дурной сон вспоминая падение Дагона и свою собственную гибель. Они двигались, очарованные туманом иллюзий, чувствуя некую необычность своего существования, но даже не пытались выяснить причин. С приходом дня они погружались в глубокий сон, просыпаясь вновь с наступлением ночи, что вполне соответствовало их полумертвому состоянию.

Все это пронеслось в сознании Конана ужасной панорамой, пока он стоял, согнувшись возле задрапированной стены. Его рассудок был потрясен. Уверенность и благоразумие были сметены. Остался призрачный мир, в котором бродили какие-то неясные тени, обещая ему неограниченное могущество. Но сквозь гудящий голос, который торжествовал над естественными законами живой планеты, в подсознание Конана врывались звуки, не позволяющие ему взлететь в мрачные сферы безумия. Это были истерические рыдания женщины.

Конан невольно напрягся и воспрянул духом.

6

Джехунгир Ага ждал с возрастающим нетерпением в лодке среди зарослей густых камышей. Прошло уже более часа, а Конан все еще не появлялся. Несомненно, он продолжает обыскивать остров, надеясь, что девушка спряталась там. Но и другое подозрение закралось в сердце Аги. Что, если атаман оставил поблизости своих воинов? Быть может, они уже начали что-то подозревать и скоро появятся здесь, чтобы проверить, почему он так долго отсутствует?

Джехунгир отдал приказ гребцам, и длинная лодка, проскользнув между камышей, направилась к ступенькам в скале острова.

Оставив полдюжины воинов в лодке, он приказал десяти могучим лучникам Хаваризма, носившим остроконечные шлемы и плащи из львиных шкур, подняться на остров. Подобно охотникам, отрезавшим льву пути отступления, они тихо пробирались среди деревьев, держа стрелы на тетивах луков. Над лесом царила тишина, иногда прерываемая болтовней попугаев, которые взвивались над их головами и быстро исчезли в чаще. Внезапным жестом Джехунгир остановил отряд, и воины непонимающе уставились на башни, которые возвышались за зелеными кустами, прямо перед ними.

— Тарим! — выругался Джехунгир. — Пираты восстановили руины. Конан несомненно там. Мы должны проверить эти дома. И как им удалось выстроить укрепленный город так близко к материку? Вперед!

С удвоенной осторожностью пробирались они через лес. Роль их изменилась — из преследователей и охотников они превратились в шпионов.

В тот момент, когда они продирались сквозь сплетенные ветви кустарников, человек, которого они искали, находился в гораздо большей опасности, чем та, которой грозили ему их отточенные стрелы.

Конан содрогнулся всем телом, когда голос за стеной перестал гудеть. Он стоял не двигаясь, как статуя, его глаза застыли на этой матерчатой двери, из которой, он знал, скоро появится нечто ужасное.

В комнате царил полумрак. Волосы Конана начали подниматься дыбом, когда он увидел голову и гигантские плечи, которые постепенно вырисовывались из полумрака. Шагов не было слышно, но огромная фигура проявлялась все отчетливее, пока Конан не определил в ней мужчину. Он носил юбку, подпоясанную широким кожаным поясом, на ногах кожаные сандалии, густая грива была перехвачена золотым кольцом. Конан смотрел на размах чудовищных плеч, на ширину вздымающейся груди, на могучие мускулы торса, рук и ног. Выражение лица не сулило милосердия. Огромные глаза извергали пламя. И Конан понял, что это сам Хозатрал Хел, бог Дагонии.

Они не произнесли ни одного слова. Да слова здесь и не нужны были. Хозатрал протянул свои огромные руки, но Конан, нырнув под них и рубанув саблей по животу гиганта, тут же с удивлением отпрянул назад. Острое лезвие, коснувшись тела, звякнуло, будто им ударили по наковальне, и отскочило. И вновь Хозатрал навис над ним со всей своей непреодолимой мощью.

Произошло быстрое столкновение, яростная разведка сил, краткосрочное переплетение рук и тел, и Конан отступил — от напряжения дрожали все его мышцы. В тех местах, где прикоснулись ужасные пальцы гиганта, выступила кровь. Он почувствовал

на себе сверхъестественную силу демона: ни один человек не смог бы причинить ему вреда. Ему противостояло тело из живого металла.

Хозатрал возвышался в полумраке над воином. Стоит только позволить этим огромным пальцам сделать захват, и они уже не разожмутся, пока не ослабнет тело человека. Этот бой происходил в полутемной комнате, но казалось, что человек ведет борьбу против монстра в самом ужасном кошмарном сне.

Отбросив бесполезную саблю, Конан схватил тяжелую скамейку и запустил ею в гиганта. Это был снаряд, который едва смогли бы поднять несколько человек. Но на груди Хозатрала он разлетелся в щепки. Гигант, крепко стоявший на ногах, даже не шелохнулся. Теперь его лицо потеряло все человеческое, огненный нимб вспыхнул над его ужасной головой, и он, двигаясь как башня, пошел в наступление.

Отчаянным рывком Конан сорвал со стены целое полотнище драпировки и, свернув его в ком, швырнул в голову колосса. На какое-то время Хозатрал запутался, задохнулся и ослеп в ткани, которая накрывала его голову и ограничивала силу, которую не смогли сдержать ни дерево, ни сталь, и в то же мгновение Конан схватил саблю и стрелой вылетел в коридор. Так же стремительно он влетел в соседнюю комнату, захлопнул дверь и закрыл ее на задвижку.

И застыл на месте, казалось, вся кровь прилила к его голове. Припав к куче шелковых подушек, рассыпав золотые волосы по обнаженным белоснежным плечам и широко раскрыв глаза, наполненные ужасом, перед ним сидела женщина, которую он искал и так желал. Он почти забыл о смертельной опасности, преследовавшей его по пятам, но могучий удар в дверь вернул его к действительности. Он схватил девушку и ринулся к двери, ведущей из помещения наружу. От страха девушка потеряла дар речи. Слабое всхлипывание — вот и все, на что она была теперь способна.

Конан не терял времени, чтобы открыть дверь. Страшным ударом сабли он разрубил замок пополам и, быстро проскочив через проем к лестнице, находившейся за дверью, увидел, что голова и плечи Хозатрала уже вломились в комнату через ту дверь, которую он только что закрыл. Колосс разламывал массивные панели, будто картонные плашки.

Конан ринулся вверх по лестнице, неся девушку на одном плече так легко, словно это был маленький ребенок. Куда бежать, он совершенно не представлял, но лестница закончилась возле двери, ведущей в круглое помещение с куполом вместо потолка. Хозатрал мчался за ними по лестнице молча, как ветер или смерть, и так же стремительно.

Стены и двери этой круглой комнаты были стальными. Конан быстро закрыл дверь и запер ее огромным железным засовом, набросив его на крючья. В голову пришла мысль, что эта комната самого Хозатрала, где он закрывается, чтобы поспать, не боясь

монстров, которых он выпускает из Бездны для исполнения его приказаний.

Едва засов лег на свое место, как огромная дверь затряслась и задрожала под ударами гиганта. Конан пожал плечами — это был конец его пути, потому что из комнаты не было иного выхода; ни дверей, ни окон. Воздух и странный туманный свет, очевидно, проходили через невидимые отверстия в куполе. Он провел пальцем по выщербленному острию сабли и вздохнул, осознав, что положение стало чрезвычайно серьезным. Он уже пытался убежать. Когда гигант вломится в дверь, он снова нападет на него со своей бесполезной саблей, но не потому, что он надеется на успех атаки, а потому, что его желанием всегда было умереть в бою. Теперь же он не знал, что делать, но тем не менее его спокойствие не было вынужденным или притворным.

Взгляд, которым он одарил свою спутницу, выражал такое восхищение, что казалось, он собирается прожить еще сто лет.

Он без церемоний бросил ее на пол, когда торопился закрыть дверь. Теперь она стояла на коленях, непроизвольно стараясь собрать рассыпавшиеся волны золотых волос и поправить свою скудную одежду.

Жестокие глаза Конана ярко светились, он пожирал взглядом ее густые прекрасные волосы, ее чистые глаза, молочную кожу, свидетельствовавшую о прекрасном здоровье, твердые холмы ее груди, очертания великолепных бедер.

Она вскрикнула, когда дверь вновь потряс мощный удар, и железная полоса подскочила на крючьях.

Конан даже не оглянулся, он знал, что дверь выдержит еще несколько минут.

— Они сообщили мне, что тебе удалось убежать,— сказал он.— Рыбак юэтши указал мне место, где ты скрываешься. Как тебя зовут?

— Октавия,— произнесла она механически. Затем хлынул целый поток слов.

— О, Митра! Какой кошмар! Люди — чернокожие люди — один из них поймал меня в лесу и принес сюда. Они отдали меня этому существу. Он сказал мне... — о, разве я сумасшедшая? Может быть, я сплю?

Он взглянул на дверь, которая вогнулась вовнутрь, как будто с другой стороны в нее били тараном.

— Нет,— сказал он,— это не сон. Дверь уступает. Странно, что демон ломает ее, как простой человек, но, в конце концов, сама его сила является порождением пекла.

— Разве ты не можешь убить его? — выдохнула она.— Ты очень сильный.

Конан был слишком честен, чтобы обманывать ее.

— Если смертный человек способен убить его, он умрет здесь,— ответил он.— Но я выщербил саблю на его животе.

Ее глаза наполнились печалью.

— Тогда ты умрешь, и я умру тоже, о, Митра! — вскричала она, внезапно придя в ярость, и Конан схватил ее за руки, боясь, что она может поранить себя.— Он сказал мне, что сделает со мною! Убей меня! Убей меня своей саблей прежде, чем он выломает дверь!

Конан посмотрел на нее и покачал головой.

— Я сделаю все, что смогу,— сказал он.— Это будет немного, но я дам тебе возможность проскользнуть мимо него и спуститься с лестницы. Тогда беги к скалам. Там, у подножия, я привязал лодку. Если тебе удастся выбраться из дворца, ты сможешь убежать отсюда вообще. Все люди этого города теперь спят.

Она обхватила голову руками. Конан крепко сжал в руке саблю и двинулся к двери, которая стонала под ударами демона. Если бы кто-нибудь посмотрел на него сейчас, он понял бы, что Конан ждал смерти, которую теперь уже считал неизбежной. Глаза его заблестели ярче, мускулистая рука с саблей подготовилась к удару — вот и все.

Тяжелые запоры поддавались под яростными ударами гиганта, дверь бешено тряслась, удерживаемая только завесами. А эти мощные стальные запоры перекосились, погнулись и выпучились из своих гнезд. Конан наблюдал за всем этим с бесстрастным восхищением, завидуя монстру и его нечеловеческой силе.

Но вдруг, без всякого предупреждения, бомбардировка прекратилась. В наступившей тишине Конан услышал другие звуки, доносившиеся снаружи,— хлопанье створок дверей и отдаленный голос, который звучал подобно ветру, запутавшемуся в густых ветках деревьев. Затем снова наступила тишина, но была она уже иной. Только изощренное чутье варвара могло уловить это, и Конан знал теперь наверняка, что хозяина Дагона больше нет за дверью.

Он выглянул сквозь трещину, которая образовалась между дверью и стальным створом. Площадка была пуста. Он снял погнутый засов и осторожно приоткрыл скрипящую дверь. На лестнице Хозатрала тоже не было, но он услышал, как далеко внизу клацнула железная дверь. Конан не знал, замышляет ли демон новые фокусы или его увлек этот отдаленный голос, но не терял времени на размышления.

Он позвал Октавию, и новые нотки в его голосе заставили ее живо вскочить на ноги и стать рядом с ним.

— Что это? — выдохнула она.

— Не спрашивай и ничего не говори! — Он схватил ее за руку.— Идем!

Возможность действовать преобразила его, глаза вновь вспыхнули огнем борьбы, а голос окреп.

— Нож! — произнес он тихо, вытаскивая волоком девушку на лестницу и торопясь довести дело до конца.— Волшебный нож юэтши! Он оставил его в комнате под куполом! — Его голос внезапно умолк, когда перед взором вновь возникло чудесное пове-

ствование. Ведь эта железная комната находилась по соседству с большим залом, где стоит медный трон — на его теле выступила испарина.

Единственный путь в купол лежал через тронную комнату, где на троне спало ужасное чудовище.

Конан больше не колебался. Они быстро спустились по лестнице, пересекли комнату, спустились еще по одной лестнице и вошли в большую сумрачную комнату с загадочной драпировкой. Хозатрала здесь не было. Остановившись перед огромной бронзовой дверью, Конан обнял Октавию за плечи и сильно сдавил.

— Слушай! — приказал он.— Я пойду в комнату, а ты закрой дверь. Стой здесь и слушай, а если Хозатрал войдет, зови меня. Если ты услышишь, что я приказываю тебе убегать,— беги так, как будто за тобой гонится демон — это, вероятно, так и будет. Убегай через дверь, которая находится на другой стороне этой комнаты, потому что помочь тебе я уже не смогу. Я иду за ножом юэтши.

Она не успела сказать ни одного слова протеста, что он оставляет ее одну, как он скользнул в проход и закрыл за собой дверь. Варвар осторожно опустил задвижку, не замечая, что она может быть открыта снаружи. В полумраке его глаза искали зловещий трон, на котором спало чудовище, заполнив его своими отвратительными чешуйчатыми кольцами. За троном Конан обнаружил дверь и догадался, что она вела прямо в купол. Но чтобы добраться до нее, ему нужно было подняться на возвышение и пройти мимо трона всего в нескольких футах.

Если бы внезапно подул ветер в этой комнате, то и он наделал бы шуму больше, чем крадущийся киммериец. Не отрывая глаз от спящей рептилии, он подошел к возвышению и начал подниматься по стеклянным ступенькам. Монстр не шевелился. Он направился к двери...

Клацнул замок на бронзовой двери, и Конан едва сдержал проклятие, увидев, что в комнату входит Октавия. Она оглядывалась по сторонам, чувствуя себя неуверенно в полутемной комнате. Конан застыл на месте, не смея выкрикнуть предупреждение. Увидев Конана в полумраке, она бросилась к возвышению, выкрикивая слова:

— Я хочу идти с тобой! Я боюсь оставаться одна... о, боги!

Крик ужаса вырвался из ее горла, когда она увидела чудовище на троне. И тогда приподнялась с колец клинообразная голова и мгновенно ударила в сторону девушки, не дотянувшись всего на ярд до ее молочной шеи.

Монстр бесшумно и плавно начал сползать с трона, разворачивая одно кольцо за другим. Конан, подобно молнии, преодолел расстояние, отделявшее его от трона, отчаянно размахивая саблей. И с такой же скоростью действовала гадина, перехватив его в прыжке и обкрутив тело, руки и ноги полдюжиной своих колец. Удар Конана был наполовину погашен и оказался почти бесполе-

зен. Он упал на возвышение, только поранив чешуйчатое тело, но не нанеся ему сколь-нибудь заметного урона.

Варвар корчился на стеклянных ступеньках, в кольцах монстра, выкручиваясь и круша саблей его тело. Правая рука Конана была свободна, но он никак не мог приладиться и нанести смертельный удар, к тому же он не знал, будет ли и этого удара достаточно. Напружинив мускулы до такой степени, что они стали похожими на огромные узлы, с почти лопающимися венами на висках, Конан застонал и встал на ноги, подняв почти полный вес сорокафутового чудовища.

Несколько секунд он вращался на месте, чувствуя, как его ребра и все органы сдавливаются кольцами монстра. Ярость охватила его, над головой сверкнула сабля. И он ударил. Сабля рассекла тело и внутренности — там, где был один извивающийся огромный торс, теперь стало два, бьющихся в агонии. Конан рванулся в сторону, чтобы не попасть под слепой удар.

Он устал и чувствовал тошноту, кровь текла у него из носа. Идя ощупью, он наткнулся на Октавию и тряс ее до тех пор, пока она не начала дышать.

— В следующий раз оставайся там, где я тебе скажу,— прохрипел он.

Конан настолько устал, что даже не слышал, что она ответила. Взяв девушку за руку, словно малого ребенка, он повел ее вокруг обрубков, продолжающих дергаться и извиваться на полу. Откуда-то издали доносились крики, но в ушах у него стоял шум, лишивший его уверенности, что голоса были человеческими.

Дверь открылась под натиском его руки. Если Хозатрал поставил эту чудовищную змею охранять нечто, чего опасался, значит, он имел на это все основания. Конан был готов, что из-за двери на него вновь набросится чудовище, но в тусклом свете увидел лишь мрачный купол, да неяркий блеск золотой плиты, и серповидный мерцающий предмет на камне.

Вздохнув с облегчением, он схватил нож, выбежал из комнаты и через большой зал двинулся по направлению к двери, которая, как он чувствовал, вела из дома наружу. И не ошибся. Уже через несколько минут он появился на безлюдных улицах, почти неся свою спутницу. Поблизости никого не было, но за западной стеной раздавались крики и вопли, заставившие Октавию задрожать.

Конан повел ее к южной стене и без труда нашел каменную лестницу, по которой они поднялись на самый верх. Еще раньше он прихватил толстую веревку и теперь, взобравшись на парапет, обвязал девушку этой веревкой и опустил по ту сторону стены на землю. Затем, завязав конец веревки за зубец стены, спустился и сам. Но с острова был только один путь к спасению — лестница в скале, находившаяся в его западной части. Они поспешили к ней, далеко обходя то место, из которого доносились крики и звуки страшных ударов.

Октавия мелко дрожала от страха и прижималась теснее к свое-

му защитнику. Но лес молчал и не сулил никакой угрозы, пока они не выбрались из зеленых зарослей и не увидели одинокую фигуру человека, стоящую на краю скалы.

Джехунгир Ага избежал ужасной гибели, постигшей его воинство, когда из ворот замка внезапно выскочил железный гигант и буквально стал разрывать их на куски. Когда Джехунгир увидел, как крошились мечи его воинов об этого человекоподобного колосса, он понял, что им противостоит демон, и спрятался в чаще леса. Правитель Хаваризма сидел там до тех пор, пока звуки сражения не прекратились. Тогда он выполз к лестнице, но его гребцов внизу не было. Они слышали звуки боя на острове, а затем, через несколько минут нервного ожидания, увидели на скале, прямо над ними, окровавленного монстра, торжествующе размахивающего огромными ручищами. Этого оказалось достаточно. Когда Джехунгир появился на скале, они уже скрылись в камышах. Хозатрал ушел, а может быть, вернулся в город или прочесывал лес в поисках человека, который убежал от него за пределы стен.

Джехунгир уже собирался спуститься по лестнице к лодке Конана, когда увидел атамана мунган и девушку, появившихся из леса. Хотя в жилах у него стыла кровь от ужаса и почти улетучился здравый рассудок, его намерения в отношении атамана не изменились. Он удивился, правда, когда заметил рядом с варваром девушку, которую отдал Джелал Хану, но не стал терять времени на пустые догадки. Подняв лук и натянув тетиву, он выстрелил. Конан пригнулся, и стрела отщепила кусок дерева. Варвар рассмеялся.

— Собака! — выкрикнул он. — Ты не попадешь в меня! Я рожден не для того, чтобы умереть от стали гирканца. Стреляй еще раз, туранская свинья!

Джехунгир не смог бы выстрелить, даже если бы очень хотел, так как это была его последняя стрела. Он выхватил из ножен саблю и бросился к Конану, надеясь на свой шлем и кольчугу. Конан встретил его на полпути, и их сабли скрестились, высекли искры и разлетелись, чтобы в новом ударе соединиться. Они мелькали над головами сражающихся с такой скоростью, что были невидимыми для глаз. Октавия, наблюдавшая за поединком, не заметила удара, но услышала мягкий стук и увидела, как Джехунгир упал и из раны, разверзшейся на боку, куда ударила сабля киммерийца, разорвав кольчугу и разрубив тело до хребта, хлынула кровь.

Девушка вскрикнула, но ее испуг был вызван вовсе не смертью ее бывшего хозяина: ломая ветки деревьев, на поляну вышел Хозатрал Хел. Из горла Октавии вырвался отчаянный вопль, ее ноги подкосились, и она упала на зеленую траву.

Конан, стоявший над телом Аги, не сделал ни малейшей попытки убежать. Переложив окровавленную саблю в левую руку, он вытащил из-за пояса большой, изогнутый нож юэтши. Хоза-

трал Хел, как башня, возвышался над Конаном, его руки поднялись, как кувалды, но когда на солнце сверкнуло лезвие волшебного ножа, колосс отшатнулся.

Кровь Конана закипела, он взмахнул ножом и бросился в атаку. К огромному его удивлению, сверкающее лезвие легко проникло в железное тело Хозатрала, которое разваливалось под его ударами, как обычная плоть под ножом мясника. Из глубоких ран вытекала странная жидкость, а крики Хозатрала напоминали погребальный звон колокола. Его страшные руки молотили по воздуху, потому что Конан был более ловок, чем воины Джехунгира, погибшие под этими ударами. Он вновь и вновь уворачивался и наносил один удар за другим. Хозатрал качался и спотыкался, его крики невозможно было слушать, казалось, металл издавал крики боли и страдал под ужасными пытками.

Затем, повернувшись, он побежал, спотыкаясь, в лес, пробился через кусты и помчался к воротам. Конан преследовал демона по пятам. Стены башни Дагона уже просвечивали сквозь деревья, когда человек приблизился к противнику на расстояние вытянутой руки.

Хозатрал повернулся лицом к нему, угрожающе сжав кулаки, но Конан, пылая яростью, продолжал наступление. Подобно пантере, загнавшей антилопу, он нырнул под руки гиганта и вонзил сверкающее лезвие по самую рукоятку в то место, где обычно бьется человеческое сердце.

Хозатрал покачнулся и упал. Но упал он уже не человеком. Там, где было подобие человеческого лица, не было ничего, а железные руки, ноги и туловище таяли и изменяли форму. Конан, не испугавшийся живого Хозатрала, отскочил в сторону от Хозатрала мертвого, увидев его ужасные превращения. В муках смерти Хозатрал Хел снова стал существом, которое выползло из Абысса тысячи лет назад. Задохнувшись от невыносимого отвращения, Конан отвел глаза и внезапно увидел, что шпили Дагона больше не просвечивают сквозь деревья. Они исчезли, как дым,— укрепления, башни с амбразурами, большие бронзовые ворота, драпировки, золото, слоновая кость, черноволосые женщины и бритоголовые мужчины. С уходом сверхчеловеческого интеллекта, давшего им второе рождение, они снова превратились в пыль и прах — в то, чем и были уже многие столетия. Только остатки разрушенных колонн поднимались над выщербленными стенами, разбитыми улицами и осколками купола. Конан снова взглянул на развалины Ксапура и узнал их — много раз он видел их именно такими.

Киммериец стоял подобно статуе, смутно осознавая, что является свидетелем некоей вселенской трагедии, одного из эпизодов вечной борьбы человечества с терзающими его силами тьмы.

Услышав свой голос, охрипший от ужаса, он, словно очнувшись от сна, снова взглянул на существо, лежащее на земле, зябко

передернул плечами, повернулся и пошел к скале, где его ждала девушка.

Октавия, со страхом вглядывавшаяся в лесную чащобу, встретила его полусдавленным возгласом облегчения. Он стряхнул с себя чудовищные видения, которые на мгновение овладели его мозгом, постарался забыть их, словно кошмарный сон.

— Где он? — спросила она со страхом.

— Убрался восвояси, в преисподнюю, откуда и выполз,— чистосердечно ответил он.— Почему ты не спустилась вниз и не уплыла в моей лодке?

— Я не могла бросить тебя,— начала она, а затем откровенно призналась: — Я не знаю, куда идти. Гирканийцы схватят меня снова, а пираты...

— А что ты думаешь о мунганах? — вставил Конан.

— Разве они лучше пиратов? — спросила она презрительно. Восхищение Конана еще более возросло, когда он увидел, как быстро вернулось к ней самообладание после пережитого ужаса. Ее высокомерие забавляло его.

— Кажется, ты не думала так в лагере Гори, когда так мило дарила мне свои улыбки,— ответил он.

Ее яркие губы презрительно скривились.

— Ты думаешь, я влюбилась в тебя? Много чести для неотесанного варвара. Мой хозяин, чье тело лежит здесь, заставил меня делать то, что я делала.

— О! — казалось Конан совсем упал духом. Затем он рассмеялся.— Не имеет значения. Теперь ты принадлежишь мне. Поцелуй меня.

— Как ты смеешь так говорить,— начала она возмущенно и не успела опомниться, как была подхвачена и прижата к мускулистой груди атамана. Она яростно отбивалась, напрягая все свое юное тело, но он только неудержимо смеялся, опьяненный близостью этой великолепной красавицы, бьющейся в его руках.

Он легко сломал ее сопротивление и выпил нектар из ее губ со всей неудержимой страстью, бушевавшей в нем. Руки, бешено колотившие его в грудь, вдруг ослабли и обвились вокруг его массивной шеи. Улыбнувшись в ее чистые глаза, он сказал:

— Почему бы тебе не предпочесть вождя Свободных Людей городской собаке Турана?

Она отбросила густые локоны назад, все еще отзываясь каждой клеточкой на огненный поцелуй, но не убрала своих рук.

— Ты полагаешь, что Ага ровня тебе? — бросила она вызов.

Он рассмеялся и направился к ступенькам с девушкой на руках.

— Ты сама оценишь это,— весело сказал он.— Я подожгу Хаваризм, чтобы осветить тебе путь в мою палатку.

Преследуемый войсками давнишнего своего врага — короля Езсигерда, Конан едва унес ноги и вновь присоединился к пиратам. Однако это приключение оказалось не более чем мимолетным эпизодом в неправдоподобно яркой биографии киммерийца, он вновь пустился в странствия по суше, возглавив, в конце концов, дворцовую гвардию королевы Тарамис в Кауране...

«...РОДИТСЯ ВЕДЬМА»

1

Тарамис, королева Каурана, пробудилась от тревожного сна. Окружающая ее могильная, звенящая в ушах тишина не походила на обычное безмолвие ночного дворца — скорее, на покой мрачных подземелий.

Она удивилась тому, что свечи в золотых подсвечниках погасли. Сквозь стекла в серебряных оконных переплетах пробивался звездный свет, но он был слишком слаб, чтобы развеять мрак спальни.

В темноте Тарамис заметила светящуюся точку, и она приковала к себе все внимание королевы. Свет, исходивший из нее, становился все ярче и ярче, пока не осветил обитые шелком стены. Тарамис приподнялась и увидела, что перед нею вырисовываются очертания человеческой головы. Пораженная королева хотела позвать слуг, но ни одного звука не вырвалось из пересохшей гортани. Черты призрака становились все отчетливее: гордо запрокинутая голова, увенчанная копной черных волос. Королева замерла: перед нею было ее собственное лицо! Словно она гляделась в зеркало — правда, кривое. Таким жестоким и хищным было выражение этого лица.

— О Иштар! — прошептала Тарамис. — Я околдована!

К ее ужасу отражение ответило голосом, источавшим сладкий яд:

— Околдована? Нет, милая сестричка, это не колдовство!

— Сестричка? — сказала королева. — У меня нет сестры!

— И никогда не было? — поинтересовался голос. — Неужели у тебя никогда не было сестры-близняшки с таким же тонким телом, равно чувствительным и к пыткам, и к поцелуям?

— Да, когда-то у меня была сестра, — ответила Тарамис, все еще считая это кошмарным сном. — Но она умерла...

Прекрасное лицо во тьме исказилось гримасой, столь ужасной, что королева отпрянула — ей показалось, что черные локоны со змеиным шипением поднимаются над мраморным челом призрака.

— Ты лжешь! — выдохнули алые искривленные губы. — Она не умерла! Ты дура! Но довольно маскарада — гляди на здоровье!

Свечи в золотых подсвечниках внезапно зажглись — словно

светящаяся змейка проскользнула по стенам. Тарамис задрожала и съежилась в изголовье покрытого шелком ложа, глаза ее расширились и с ужасом уставились на фигуру, возникшую из мрака. Казалось, что перед нею стоит вторая Тарамис, сходная с королевой каждой жилкой тела, но как бы одержимая злым демоном. Ярость и мстительность горели в ее глазах дикой кошки, жестокость таилась в изгибе сочных пунцовых губ, каждое движение тела словно бы бросало вызов. И волосы были уложены так же, как у королевы, и на ногах такие же позолоченные сандалии...

— Кто ты? — пересохшими губами прошептала Тарамис.— Объясни, как ты сюда попала, или я прикажу слугам позвать стражу!

— Кричи-кричи, хоть надорвись от крика,— отвечала незваная гостья.— Слуги твои не проснутся до утра, даже если весь дворец сгорит. И гвардейцы не услышат твоего визга — я отослала их из этого крыла дворца.

— Что ты сказала? — воскликнула оскорбленная Тарамис.— Кто, кроме меня, осмеливается приказывать моим гвардейцам?

— Я, милая сестричка. Как раз перед тем, как войти сюда. Они подумали, что это их любимая повелительница. Ха! Я удачно сыграла эту роль! С каким царственным величием, с какой неотразимой женственностью держалась я с этими бронированными болванами...

Тарамис почувствовала, что какие-то грозные и загадочные события сжимают кольцо вокруг нее.

— Кто ты? — крикнула она в отчаянии.— Зачем ты пришла? Что это за бред?

— Кто я? — В ласковом голосе сквозило шипение кобры. Незнакомка наклонилась к ложу, крепко схватила королеву за плечи и заглянула ей в глаза. Взгляд этот парализовал Тарамис.

— Дура! — взвизгнула гостья.— И ты еще спрашиваешь? И ты еще гадаешь? Я же Саломея!

— Саломея! — воскликнула Тарамис, и волосы зашевелились у нее на голове, когда это имя обрело в памяти смысл.— Я думала, что ты умерла сразу же после рождения...

— Многие так думали,— сказала та, что назвалась Саломеей.— Меня унесли умирать в пустыню — будьте вы все прокляты! Беспомощного плачущего ребенка, еле живого! А знаешь, почему меня обрекли на смерть?

— Я слышала... Мне рассказывали...

Саломея захохотала и разорвала тунику на груди. Как раз между двумя тугими полушариями виднелось странное родимое пятно в виде красного, как кровь, полумесяца.

— Ведьмин знак! — Тарамис отпрянула.

— Он самый! — полный ненависти хохот был острым, как лезвие кинжала.— Проклятие царствующего дома Каурана! До сих пор на торговых площадях наивные глупцы рассказывают эти байки о том, как первая в нашем роду королева сошлась с повели-

телем тьмы и понесла от него дочь, имя которой помнят и по сей день. И с тех пор, каждые сто лет, появляется в аскаурийской династии девочка с алым полумесяцем. «Раз в столетье да родится ведьма» — так звучит древнее проклятье. И оно сбывается! Некоторых из нас убивали при рождении — так хотели поступить и со мной. Другие оставались жить ведьмами — гордые дочери Каурана, отмеченные адским полумесяцем на мраморном теле, и каждая из них звалась Саломеей! Всегда была и всегда будет появляться ведьма Саломея. Даже если сойдут с полюсов вечные льды, чтобы обратить мир в прах, даже если заново возродятся царства земные — все равно будет ходить по свету царственной походкой Саломея, и будут чары ее порабощать мужчин, и будут по ее капризу отрубать головы мудрейшим!

— Но ты... ты...

— Что я? — глаза ведьмы загорелись зеленым огнем.— Меня вывезли далеко за город и бросили в горячий песок, на солнцепек, и уехали, оставив плачущее дитя на растерзание стервятникам и шакалам. Но жизнь не покинула меня, ибо источник ее таится в таких безднах, которых и представить не может ум человеческий.

Шли часы, солнце палило нещадно — а я жила. И я помню, хоть и смутно, эти муки.

Потом появились верблюды и желтолицые люди, говорившие на странном наречии. Они сбились с караванной тропы. Их вожак увидел меня и знак на моей груди.

И он взял меня на руки и спас мне жизнь.

Это был чародей из далекого Кхитая, возвращавшийся из странствий по Стигии. Он взял меня с собой в город Пайкан, где пурпурные купола висят над зарослями бамбука. Там я выросла, постигая его науки. Годы не ослабили могущества моего наставника, и научил он меня многому...

Она прервалась, загадочно улыбнулась и продолжала:

— В конце концов он прогнал меня и сказал, что я заурядная колдунья, не способная управлять могучими силами. Он добавил, что собирался сделать меня владычицей мира, но я всего-навсего «проклятая вертихвостка». Ну и что? Мне вовсе не улыбалось сидеть одной в Золотой Башне, часами всматриваться в магический кристалл, бесконечно повторять заклинания, начертанные кровью девственниц на змеиной коже, а от замшелых книг меня просто тошнило. Учитель сказал, что я земная нежить и не сумею постичь космическую магию. Что ж — все, что я желаю, можно найти и на земле — власть, блеск, роскошь, красивых любовников и послушных рабынь. Заодно он рассказал мне и о моем детстве, и о проклятии. Вот я и вернулась, чтобы взять то, на что имею равное с тобой право.

— Что это значит? — оскорбленная Тарамис вскочила.— Неужели ты полагаешь, что, заморочив головы слугам и стражникам, получила права на корону Каурана? Помни, что короле-

ва здесь я! Конечно, ты будешь иметь все, что положено принцессе крови, но...

Саломея злобно засмеялась.

— Как ты щедра, милая сестричка! Но прежде чем облагодетельствовать меня, будь любезна, объясни, что это за войско стоит лагерем за городской стеной?

— Это шемиты-наемники. Ими командует Констанций, вельможа из королевства Котх.

— А что их привело в наши пределы?

Тарамис почувствовала в тоне сестры издевку, но отвечала с королевским достоинством:

— Констанций обратился к нам с просьбой пропустить его солдат через нашу землю, в Туран. Он поручился за войско своей головой и, покуда солдаты находятся в границах королевства, будет оставаться моим заложником.

— Неужели нынче утром этот витязь не просил твоей руки?

Тарамис гневно глянула на сестру:

— Откуда ты знаешь?

Ведьма пожала плечами и спросила:

— Можно ли поверить, что ты отказала такому красавцу?

— Разумеется! — ответила Тарамис. — Неужели ты, принцесса крови, могла подумать, что королева Каурана даст иной ответ? Чтобы я вышла за бродягу с руками по локоть в крови, которого с позором изгнали из родной земли, за главаря банды наемных убийц и грабителей? Мне не следовало вообще впускать этих чернобородых мясников в пределы Каурана. Но ведь он заточен в Южной башне, и мои гвардейцы зорко его стерегут. Завтра я прикажу, чтобы его орда покинула королевство, а он будет в заложниках до тех пор, пока не уйдет последний солдат. Наши воины сейчас не патрулируют по городу, но я предупредила Констанция, что он головой поплатится за любой вред, причиненный землепашцам и пастухам!

— И Констанций вправду томится в Южной башне? — допытывалась Саломея.

— Я же сказала! Почему ты спрашиваешь?

Саломея хлопнула в ладоши и воскликнула голосом, полным жестокого торжества:

— Королева приглашает тебя на прием, Сокол!

Открылись раззолоченные двери, и в покой шагнул рослый воин. При виде его Тарамис воскликнула с гневом и удивлением:

— Констанций, как посмел ты войти сюда?

— Да, это я и есть, Ваше величество! — пришелец опустил голову в глумливом поклоне. Черты его лица и вправду напоминали хищную птицу. И красота его была хищной. Лицо его было опалено солнцем, черные, как воронье крыло волосы зачесаны назад. Он был одет в черный камзол и высокие сапоги — обычный походный наряд, местами даже носивший следы ржавчины от панциря.

Подкрутив усы, наемник оглядел вжавшуюся в угол кровати королеву с такой бесцеремонностью, что она содрогнулась.

— Клянусь Иштар, Тарамис,— сказал он ласково.— Ночная рубашка тебе больше к лицу, чем королевский наряд. Да, черт возьми, эта ночь начинается совсем неплохо!

Ужас мелькнул в глазах Тарамис: она сразу поняла, что Констанций не отважился бы на такое оскорбление ни с того ни с сего.

— Безумец! — сказала она.— Пусть в этой комнате я в твоей власти, но тебе не уйти от мести моих слуг — они на клочки разорвут тебя, если посмеешь меня коснуться! Попробуй, если жизнь тебе не дорога!

Констанций расхохотался, но Саломея остановила его:

— Довольно шутить, перейдем к делу. Послушай, милая сестрица. Это я послала Констанция в твою землю, потому что решила занять престол. А для своих целей выбрала Сокола, потому что он начисто лишен качества, именуемого у людей добродетелью.

— Дивлюсь твоей доброте, госпожа! — иронически усмехнулся Констанций и поклонился.

— Я послала его в Кауран. А когда его люди встали лагерем под стенами и сам он направился во дворец, прошла в город через Западные ворота — стерегущие их болваны решили, что это ты возвращаешься с вечерней прогулки.

Щеки Тарамис вспыхнули, гнев возобладал над королевским достоинством.

— Ты змея! — крикнула она.

Саломея усмехнулась и продолжала:

— Они, конечно, удивились, но впустили меня без слова. Точно так же прошла я во дворец и приказала стражникам, стерегущим Констанция, удалиться. Потом пришла сюда, а по дороге успокоила твою служанку...

Тарамис побледнела и спросила дрожащим голосом:

— А потом?..

— Слушай! — Саломея гордо откинула голову и показала на окно. Сквозь толстые стекла все же доносилась поступь отрядов, лязг оружия и доспехов. Приглушенные голоса отдавали команды на чужом языке, сигналы тревоги мешались с испуганными криками.

— Люди проснулись и немало удивились,— ядовито сказал Констанций.— Неплохо бы, Саломея, пойти успокоить их.

— Отныне зови меня Тарамис,— ответила ведьма.— Нам нужно привыкать к этому...

— Что вы сделали? — закричала королева.— Что вы еще сделали?

— Ах, я совсем забыла тебе сказать, что приказала страже отпереть ворота. Они удивились, но не ослушались. И вот армия Сокола входит в город!

— Дьявольское отродье! — воскликнула Тарамис.— Ты вос-

пользовалась нашим сходством и обманула людей! О Иштар! Мой народ сочтет меня предательницей! О, я выйду сейчас к ним...

С ледяным смехом Саломея схватила ее за руки и толкнула назад. Молодое и крепкое тело королевы оказалось беспомощным против тоненьких рук Саломеи, наполненных нелюдской силой.

— Констанций, тебе знакома дорога из дворца в подземелье? — спросила ведьма и, видя, что Констанций согласно кивнул, продолжала:

— Вот и хорошо. Возьми эту самозванку и запрячь в самую глубокую темницу. Стража там усыплена зельем — я позаботилась об этом. Пока они не очнулись, пошли кого-нибудь перерезать им глотки. Никто не должен знать, что произошло нынче ночью. Отныне я Тарамис, а она — безымянная, забытая богами и людьми узница подземелья.

Констанций улыбнулся, открыв ряд крупных белых зубов.

— Дела наши идут неплохо. Надеюсь, ты не откажешь мне в небольшом развлечении, прежде чем эта шалунья попадет в камеру?

— Я тебе не запрещаю. Вразуми эту злючку, если охота.

Саломея толкнула сестру в объятия Констанция и с торжествующей улыбкой покинула спальные покои.

Она еще раз улыбнулась, когда услышала, проходя длинным коридором, высокий, отчаянный крик.

2

Одежда молодого воина была покрыта засохшей кровью, потом и пылью. Кровь продолжала сочиться из глубокой раны в бедре, из порезов на груди и руках. Капли пота выступили на его искаженном яростью лице, пальцы терзали покрывало постели.

— Она, верно, спятила! — снова и снова повторял он. — Все это, как дурной сон! Тарамис, любимица народа, продает нас этому дьяволу! О Иштар, лучше бы меня убили! Лучше пасть в бою, чем знать, что королева предала свой народ!

— Лежи спокойно, Валерий, — умоляла девушка, перевязывавшая ему раны. — Ну, дорогой, успокойся! Ты разбередишь раны, а я не успела еще сбегать за лекарем...

— Не делай этого! — сказал раненый юноша. — Чернобородые дьяволы Констанция будут обыскивать все дома в поисках раненых кауранцев и прикончат всех, кто пытался дать им отпор. О Тарамис, как могла ты предать людей, обожествлявших тебя!

Валерий откинулся на ложе, содрогаясь от гнева, а испуганная девушка обхватила его голову руками и прижала к груди, умоляя успокоиться.

— Лучше смерть, чем позор, ставший уделом Каурана, — стонал Валерий. — Неужели ты все это видела, Игва?

— Нет, милый, — ее нежные чуткие руки снова принялись оби-

хаживать раны.— Я проснулась от шума битвы на улице. Выглянула в окно и увидела, что шемиты убивают наших, а потом ты постучал в дверь — еле слышно...

— Я был уже на пределе,— пробормотал Валерий.— Упал в переулке возле дома и не мог подняться, хоть и знал, что тут меня быстро разыщут. Клянусь Иштар, я уложил троих! Они уже не осквернят своими лапами мостовых Каурана — их сердца пожирает нечисть в преисподней!

Я не был на стенах, когда шемиты вошли в город. Я спал в казарме вместе с другими свободными от службы солдатами. На рассвете вбежал наш командир, бледный, при мече и в доспехах. «Шемиты в городе,— сказал он.— Королева вышла к Южным воротам и приказала их впустить. Я этого не понимаю, да и никто не понимает, но приказ я слышал своими ушами, и мы, как водится, подчинились. У меня новое распоряжение — собраться на площади перед дворцом. Построиться у казарм в колонны и без амуниции двигаться на площадь. Только Иштар ведает, что все это означает, но таков приказ королевы».

Когда мы вышли на площадь, шемиты уже были наготове. Они выстроились в каре — десять тысяч вооруженных бронированных дьяволов, а горожане выглядывали из окон и дверей. Улицы, ведущие к площади, заполнялись ошарашенными людьми. Тарамис стояла на ступенях дворца на пару с Констанцием, а тот крутил усы, словно толстый котяра, слопавший птичку. Перед ступенями стояли шеренгой полсотни шемитских лучников, хотя это место королевской гвардии. Но гвардейцы стояли среди нас и тоже ничего не понимали. Зато они, вопреки приказу, пришли во всеоружии.

Тарамис обратилась к нам и сказала, что повторно обдумала предложение Констанция,— хотя еще вчера при всем дворе отказала ему,— и порешила объявить его королевским супругом. И ни слова о предательском вторжении шемитов. Сказала только, что у Констанция достаточно умелых воинов, так что кауранская армия отныне не нужна и будет распущена.

И повелела нам разойтись по домам с миром.

Послушание королям у нас в крови. Но ее слова так потрясли нас, что мы онемели и сломали строй. А когда повелели сложить оружие и гвардейцам, вперед неожиданно вышел их капитан, Конан. Люди говорят, что этой ночью он службы не нес и крепко набрался. Но сейчас он был в полном уме: приказал гвардейцам не двигаться без его команды, и они подчинились ему, а не королеве.

Потом он взошел на ступени, поглядел на Тарамис и воскликнул: «Да это не королева, не Тарамис перед вами, а демон в ее обличье!»

И начался настоящий ад. Не знаю, что послужило сигналом, кажется, кто-то из шемитов замахнулся на Конана и мертвым пал на ступени. Сейчас же площадь стала полем сражения — шемиты схватились с гвардией, но их копья и стрелы поразили также нема-

ло безоружных кауранцев. Некоторые из нас, схватив, что под руку попало, дали отпор, сами не зная, за кого сражаться. Нет, не против Тарамис, клянусь — против Констанция и его чертей!

Народ не знал чью сторону принять. Толпа металась туда-сюда, словно перепуганный лошадиный табун. Но на победу нам рассчитывать не приходилось — без брони, с парадными побрякушками вместо боевого оружия... Гвардейцы построились в каре, но их было всего пять сотен. Кровавый урожай собрала гвардия, прежде чем погибнуть, но исход был предрешен.

Что же делала Тарамис? Она спокойно стояла на ступенях, и Констанций обнимал ее за талию. Она заливалась смехом, словно злая колдунья! О боги! Это безумие, безумие...

Никогда я не видел человека, равного в бою Конану. Он встал у дворцовой стены, и вскоре перед ним выросла куча порубленных тел в половину его роста. В конце концов они одолели его — сотня против одного. Увидел, что он упал,— и мир перевернулся перед моими глазами. Констанций приказал взять его живым, покручивал усы, и улыбка у него была самая подлая...

...Именно такая улыбка была у Констанция и сейчас.

Предводитель шемитов возвышался на коне, окруженный скопищем своих людей — коренастых закованных в броню, с иссиня-черными бородами и крючковатыми носами. Заходящее солнце играло на их остроконечных шлемах и серебристой чешуе панцирей. Примерно в миле отсюда, среди буйно зеленеющих лугов, виднелись башни и стены Каурана.

На обочине караванной дороги стоял вкопанный в землю массивный крест, к которому железными гвоздями был прибит человек. Из одежды на нем была лишь набедренная повязка. Капли смертного пота выступили на лбу и могучем торсе распятого, из пробитых ступней и ладоней лениво сочилась кровь, но глаза под черной гривой волос горели диким голубым огнем.

Констанций глумливо поклонился и сказал:

— Весьма сожалею, капитан, что не смогу присутствовать при твоем издыхании — у меня есть дела в городе. Оставляю тебя твоей собственной судьбе. Не могу же я заставить ждать нашу прелестную королеву. Тобой займутся вон те красавицы,— он указал на небо, где черные силуэты неустанно выписывали широкие круги.

— Если бы не они, такой крепкий дикарь, как ты, мог бы прожить на кресте и несколько дней. Так что пусть оставит тебя всякая надежда, я даже не поставлю стражу. Глашатаи объявили по городу, что всякий, кто попытается снять твое живое или мертвое тело с креста, будет заживо сожжен со всей родней. А слово мое в Кауране нынче надежнее всякой стражи. Я специально приказал поставить крест подальше от стен города, чтобы не помешать стервятникам...

Констанций подкрутил усы и, глядя Конану прямо в глаза, ехидно улыбнулся:

— Ну, капитан, желаю удачи. Я вспомню о тебе в ту минуту, когда Тарамис окажется в моих объятиях.

Кровь снова брызнула из пробитых ладоней жертвы. Кулаки, огромные, как ковриги хлеба, сомкнулись на шляпках гвоздей, заиграли мышцы на могучих плечах, и Конан, выгнувшись вперед, плюнул в лицо Констанцию. Тот лишь рассмеялся, вытер плевок и поворотил коня.

— И ты вспомни обо мне, когда грифы начнут тебя терзать,— бросил он через плечо.— Стервятники в пустыне весьма прожорливы. Случалось мне видеть, как человек висел на кресте часами — с выклеванными глазами, с оголенным черепом и без ушей, прежде чем кривые клювы обрывали нить его жизни.

И, не оглядываясь больше, погнал коня в сторону города — стройный, ловко сидящий в седле, в сверкающих доспехах. Рядом скакали его могучие бородачи, поднимая дорожную пыль.

Смеркалось. Вся округа, казалось, вымерла. На расстоянии, доступном взгляду, не было ни единой живой души. Для распятого капитана Кауран, расположенный всего лишь в миле от него, мог с таким же успехом находиться в далеком Кхитае или существовать в другом столетии.

Конан стряхнул пот со лба и обвел мутнеющим взором такие знакомые места. По обе стороны от города и за ним тянулись пышные луга, стояли виноградники, мирно паслись стада. На горизонте виднелись селения. Ближе, на юго-западе, серебристый блеск обозначал русло реки, за которой сразу же начиналась и тянулась до бесконечности пустыня.

Конан оглядывая раскинувшиеся вокруг просторы, как ястреб, попавший в силок, смотрит на небо. Загорелое тело киммерийца блестело в лучах заходящего солнца. Гневная дрожь охватывала варвара, когда он бросал взгляд на башни Каурана. Этот город предал его, запутал в интригах — и вот он висит на деревянном кресте, словно заяц, прибитый к стволу дуба метким копьем.

Неуемная жажда мести затмевала все другие мысли. Проклятия лились из Конана сплошным потоком. Вся вселенная сейчас для него заключалась в четырех железках, ограничивших его свободу и жизнь. Вновь, как стальные канаты, напряглись могучие мышцы, и пот выступил на посеревшем теле киммерийца, когда он, используя плечи как рычаги, попробовал вытянуть из креста длинные гвозди. Тщетно — они были забиты как следует. Тогда он попытался содрать ладони с гвоздей, и не дикая боль остановила его, а безнадежность. Шляпки были слишком толстыми и широкими.

Впервые в жизни гигант почувствовал себя беспомощным. Голова его упала на грудь...

Когда раздалось хлопанье крыльев, он едва смог приподнять голову, чтобы увидеть падающую с неба тень. Он инстинктивно

зажмурился и отвернулся, так что острый клюв, нацеленный в глаз, только разодрал щеку. Изо рта Конана вырвался хриплый отчаянный крик, и напуганные стервятники разлетелись. Впрочем, недалеко.

Кровь из щеки стекла на губы Конана. Он облизнулся и, почувствовав соленый привкус, сплюнул. Жестокая жажда мучила его: минувшей ночью он как следует выпил, а вот воды ни глотка не сделал с самого утра перед боем на площади. Он смотрел на дальнюю речную гладь словно грешник, выглянувший на миг из адской печи. Он вспоминал упругие речные потоки, которые ему приходилось преодолевать, рога, наполненные пенистым пивом, кубки искристого вина, которые ему случалось по небрежности или с перепою выливать на полы трактиров. И крепко стиснул челюсти, чтобы не завыть от необоримого отчаяния.

Солнце спускалось за горизонт — мрачный бледный шар погружался в огненно-красное море. На алом поле неба, словно во сне, четко вырисовывались городские башни. Конан взглянул вверх — небосвод отливал красным. Это усталость затягивала ему глаза багровой пеленой. Он облизнул почерневшие губы и снова глянул на реку. И река была алой.

Шум крыльев вновь коснулся слуха. Он поднял голову и горящими глазами смотрел на силуэты, кружившие вверху. Криком их уже не испугаешь. Одна из громадных птиц начала снижать круги. Конан изо всех сил запрокинул голову назад и ожидал с поразительным хладнокровием.

Гриф упал на него, оглушительно хлопая крыльями. Удар клюва разорвал кожу на щеке. Вдруг, прежде чем птица успела отскочить, голова Конана метнулась вперед подчиняясь могучим мышцам шеи, а зубы с треском сомкнулись на зобе стервятника Гриф заметался, словно яростный вихрь из перьев. Бьющиеся крылья ослепляли человека, длинные когти бороздили его грудь. Но Конан дернулся так, что мышцы челюстей задрожали — и голая шея грифа не выдержала. Птица трепыхнулась разок и бессильно обвисла. Конан разжал челюсти, тело шлепнулось к подножию креста, он выплюнул кровь. Другие стервятники, казалось, потрясенные участью своего сородича, поспешно убрались в сторону отдаленного дерева и уселись на его ветвях, подобные черным демонам.

Торжество победы оживило Конана, кровь быстрее побежала в жилах. Он все еще мог убивать — следовательно, он жил. Весь его организм противился смерти.

— Клянусь Митрой!

Человеческий голос или галлюцинация?

— Никогда в жизни не видел ничего подобного!

Отряхнув с глаз пот и кровь, Конан увидел в полумраке четырех всадников, глядевших на него снизу.

Трое из них, тонкие, в белых одеждах, были, несомненно, зуагирами — кочевниками из-за реки. Четвертый был одет так же, но

принадлежал к другому народу — Конан сумел разглядеть это в густеющих сумерках.

Ростом он, пожалуй, не уступал Конану, да и шириной плеч тоже, хоть и не был так массивен. Короткая черная борода, волевая нижняя челюсть, серые глаза, холодные и проницательные, как лезвие.

Всадник уверенной рукой осадил коня и сказал:

— Митра свидетель, этот человек мне знаком.

— Да, господин,— отозвался голос с гортанным выговором зуагиров.— Это киммериец, который был капитаном королевской гвардии!

— Вот, значит, как избавляются от фаворитов,— проворчал всадник.— Кто бы мог помыслить такое о королеве Тарамис. Я бы предпочел долгую кровавую войну — тогда бы и мы, люди пустыни, могли поживиться. А сейчас подошли к самым стенам города и нашли только эту клячу,— он кивнул на коня в поводу у одного зуагира,— да еще этого издыхающего пса!

Конан поднял залитое кровью лицо.

— Если бы я мог спуститься с этой палки, ты сам бы стал у меня издыхающим псом, мунганский ворюга!— прошептали почерневшие губы.

— О Митра, эта падаль меня знает!— удивился всадник.

— Ты же один такой в округе,— проворчал Конан.— Ты Гарет, атаман тех, кто объявлен вне закона.

— Точно! И родом я из мунганов, ты верно сказал. Хочешь жить, варвар?

— Дурацкий вопрос,— ответил Конан.

— Человек я тяжелый,— сказал Гарет,— и в людях ценю лишь мужество. Вот и посмотрим, истинный ли ты муж или взаправду издыхающий пес.

— Если мы начнем его снимать, нас увидят со стен,— предостерег один из кочевников.

Гарет властно сказал:

— Уже совсем стемнело. Бери-ка топор, Джебал, и руби крест у самого основания.

— Если крест упадет вперед, его раздавит,— возразил Джебал.— А если назад, у него башка расколется, и все внутренности отобьет.

— Выдержит, если достоин ехать со мной,— нетерпеливо бросил Гарет.— А если нет, то и жить ему незачем. Руби!

Первый удар боевого топора в подножие креста отозвался в распухших ладонях и ступнях Конана пронзительной болью. Снова и снова бил топор, и каждый удар поражал измученные пыткой нервы. Конан закусил губу и не издал ни стона. Наконец топор врубился глубоко в дерево, крест дрогнул и пошел назад. Конан собрал все тело в единый узел твердых, как сталь, мускулов, а голову крепко прижал к брусу. Длинный брус грохнулся о землю и от удара подскочил на локоть. Адская боль на мгнове-

ние ошеломила Конана, но он понял, что железные мышцы уберегли тело от серьезных повреждений.

Одобрительно хмыкнув, Джебал склонился над ним с клещами, которыми выдергивают гвозди из подков, и ухватил шляпку гвоздя в правой ладони. Клещи были маловаты. Джебал сопел и пыхтел, пытаясь расшатать упрямый гвоздь, крутил его туда-сюда в древесине и в живой ране. Кровь текла между пальцами киммерийца, который лежал недвижно, как труп,— только грудь тяжело вздымалась.

Наконец гвоздь поддался, Джебал торжествующе поднял вверх окровавленную железку и бросил ее в пыль, перейдя к другой руке. Все повторилось. Затем кочевник занялся ступнями Конана. Но варвар сел, вырвал клещи у Джебала, а его самого отшвырнул крепким толчком.

Кисти его опухли и стали чуть ли не вдвое больше обычных, сгибать пальцы было мучением. Но киммериец, хоть и неуклюже, но сумел вытащить гвозди из ступней — они были забиты не так глубоко.

Он поднялся, качаясь на распухших, обезображенных ногах. Ледяной пот катился по его лицу и телу. Он стиснул зубы, чтобы перенести боль — начались судороги. Равнодушно смотревший на него Гарет указал на краденую лошадь. Конан, спотыкаясь, побрел к ней. Каждый шаг причинял страшную боль, на губах богатыря выступила пена.

Изуродованная ладонь нащупала луку седла, окровавленная ступня с трудом нашла стремя. Сжав челюсти, киммериец оттолкнулся от земли, чуть не сомлев при этом,— и очутился в седле. Гарет стегнул коня хлыстом, тот поднялся на дыбы и едва не сбросил измученного всадника на землю. Но Конан обернул поводья вокруг кистей рук и сумел осадить коня, да так, что чуть не сломал ему челюсти.

Один из номадов вопросительно поднял флягу с водой, но Гарет сказал:

— Пусть потерпит до лагеря. Здесь всего-то десять миль. Выдержит без воды еще столько же, если он вообще способен жить в пустыне.

Всадники помчались к реке. Конан глядел на мир налитыми кровью глазами, и пена засыхала на его почерневших губах.

3

Странствуя по Востоку в неустанной погоне за знаниями, мудрец Астрей написал письмо своему другу, философу Алкемиду, оставшемуся в родной Немедии. Все сведения народов Запада о полумифическом для них Востоке основаны были именно на этом послании.

Вот что писал Астрей:

«Ты даже представить себе не можешь, старина, что за поряд-

ки установились в этом маленьком царстве с тех пор, как королева Тарамис впустила в его пределы Констанция с наемниками — об этом я уже упоминал в предыдущей весточке. С того дня минуло семь месяцев, и, похоже, этой несчастной землей завладел сам дьявол. Тарамис, по моему мнению, начисто лишилась рассудка. Славившаяся прежде добродетелью, справедливостью и милосердием, ныне она выказывает совершенно противоположные качества. Интимная ее жизнь — это сплошной скандал, да и можно ли назвать ее таковой, коли королева и не пытается даже скрыть распутства, царящего при дворе. Она дает волю любым своим желаниям, устраивает пользующиеся дурной славой застолья (правду сказать — оргии) и заставляет участвовать в них несчастных придворных дам — и девиц, и замужних. Сама она даже не потрудилась сочетаться браком со своим любовником Констанцием, который восседает рядом с нею на троне, словно законный владыка. Его офицеры, следуя примеру вождя, преследуют всякую понравившуюся им женщину, не глядя на ее происхождение и положение.

Бедное королевство стонет под тяжестью чудовищных налогов и податей. Ограбленные до нитки селяне питаются кореньями и капустой, купцы ходят в лохмотьях — это все, что осталось после сбора налогов от их богатств. Да они и тому рады, что голова уцелела.

Предвижу недоверие твое, почтенный Алкемид; знаю, что усомнишься в моем рассказе, предвзятым его сочтешь. Верно, такое было бы немыслимо ни в одной из стран Запада. Но всегда помни об огромной разнице между Западом и Востоком, особенно этой его частью. Ты знаешь, что Кауран — небольшое королевство, входившее некогда в состав империи Котх. Сравнительно недавно обрело оно желанную независимость. Ближайшее окружение Каурана составляют подобные ему маленькие державы, несравнимые с великими государствами Запада, или обширными султанатами Дальнего Востока, однако весьма влиятельные по причине необыкновенного богатства. К тому же, в их руках все караванные пути. Среди этих держав Кауран расположен дальше всех на юго-восток и граничит с пустынными просторами земли Шем. Название государство получило по имени столицы — это самый большой город в стране. Кауран защищает плодородные земли и пастбища от набегов кочевников, словно сторожевая башня.

Земля здешняя столь обильна, что дает урожай трижды в год. Равнины к северу и западу от города густо населены. У того, кто привык к громадным поместьям Запада, эти крошечные поля и виноградники могут вызвать улыбку. Однако зерно и фрукты текут из них, словно из рога изобилия. Население занимается в основном крестьянским трудом. Люди это мирные и безоружные — тем более, что сейчас им вообще запрещено иметь оружие. С давних времен живут они под защитой столичного гарнизона и совер-

шенно утратили боевой дух. Крестьянское восстание, которое непременно бы вспыхнуло в подобных условиях на Западе, здесь невозможно. Хлебопашец гнет горб под железной рукой Констанция, а чернобородые шемиты неустанно снуют по полям с батогами — точь-в-точь надсмотрщики черных рабов на плантациях южной Зингары.

Не слаще и горожанам. Все они ограблены, а прекраснейшие из их дочерей отданы на потеху Констанцию и его наемникам. Люди эти безжалостны. Вспомни, с какой яростью сражались наши солдаты с шемитскими союзниками Аргоса — столь отвратительны были немедийцам их нечеловеческая жестокость, ненасытная жадность и зверства.

Горожане принадлежат к правящему сословию Каурана и ведут свое происхождение от гиборийцев — отсюда их благородство и воинственность. Но измена королевы отдала горожан в руки угнетателей. Шемиты — единственная военная сила в городе, и горе тому обывателю, в доме которого найдут меч! С великим рвением истребляются молодые боеспособные мужи, их казнят или продают в неволю. Тысячи молодцов бежали из города — кто под знамена чужеземных владык, кто просто в банды грабителей.

Сейчас стала реальной опасность нападения со стороны пустыни, населенной племенами шемитских кочевников-номадов. Дело в том, что наемники Констанция набирались в западных городах земли Шем — Пелиштиме, Анакиме, Акхариме, а зуагиры и другие кочевые племена люто их ненавидят. Ты знаешь, добрый Алкемид, что сия варварская страна разделяется на плодородные западные земли, тянущиеся до океана, на берегу которого стоят вышеназванные города, и восточную пустыню, где бродят номады. Пламя войны между жителями городов и обитателями пустыни не гаснет столетиями. С незапамятных времен зуагиры нападали на Кауран, но ни разу не одержали победы. Так что теперь, когда город захватили ненавистные западные сородичи, гордость номадов уязвлена. Ходят слухи, что эту вражду всячески раздувает человек, служивший раньше капитаном королевской гвардии. Он, будучи распят на кресте, непостижимым образом сумел ускользнуть из рук Констанция. Человек сей зовется Конан, и происходит он из варварского племени киммерийцев, чью дикую мощь не однажды испытали на собственной шкуре наши доблестные воины. В деревнях говорят, что человек этот стал правой рукой Гарета, мунганского кондотьера, что пришел из восточных степей и своей волей возглавил зуагиров. Болтают также, что банда зуагиров в последнее время весьма усилилась. Гарет же, несомненно, наущаемый киммерийцем, готовится напасть на Кауран. Кончиться это может весьма плачевно, ибо, не имея опыта правильной осады и надлежащих машин, кочевники не устоят в открытом бою перед вымуштрованными и хорошо вооруженными шемитами. Обитатели города встретили бы номадов с радостью, поскольку ига худшего, чем нынешнее, быть не может. Но они настоль-

ко запуганы и беспомощны, что никакой поддержки кочевникам оказать не сумеют. Воистину, горька их доля!

Тарамис же, обуянная злым демоном, запретила поклонение Иштар и храм ее превратила в языческое капище, где поклоняются идолам и жертвуют демонам. Статую Иштар из слоновой кости наемники изрубили топорами прямо на ступенях храма. Хоть это и второстепенная богиня по сравнению с нашим Митрой, ее все же следует предпочесть Шайтану, которому поклоняются шемиты.

Здание же храма наполнила Тарамис непристойными изображениями божков обоего пола в сладострастных позах и с самыми отвратительными подробностями, кои может измыслить извращенный ум. Многие из этих идолов — нечистые божества шемитов, туранцев, жителей Вендии и Кхитая. Другие же вообще похожи на злых духов, живьем явившихся из незапамятного прошлого, ибо ужасные признаки их сохранились только в самых туманных легендах, ведомых ныне лишь ученым да адептам тайного знания. Откуда Тарамис привела их — страшно даже подумать.

Королева ввела в обычай человеческие жертвоприношения, и со времени их позорного союза с Констанцием не менее шести сотен молодых мужчин, женщин и детей своими головами уплатили кровавую дань. Многие из них расстались с жизнью на жертвеннике, возведенном королевой в храме (причем она сама умерщвляла их ритуальным кинжалом), большинству же была суждена участь ужаснейшая. Ибо в тайном подземелье храма поселила Тарамис некое чудовище. Что оно собой представляет и откуда взялось — неведомо. Но королева, едва был подавлен мятеж воинов против Констанция, провела ночь в осквернённом храме в обществе дюжины связанных пленников. Потрясенный народ видел тяжелый смрадный дым, что поднимался над храмовой крышей, а изнутри всю ночь слышались заклинания королевы и смертные стоны пленников. Перед зарей добавился еще один звук — жуткий нелюдской хохот, и кровь застыла в жилах у тех, кто его слышал. Утром Тарамис покинула храм — усталая, но с торжествующим сатанинским блеском в глазах. Пленников больше никто никогда не видел, и хохот этот не повторялся.

Но есть в храме зала, в которую не вхож никто, кроме королевы. Королева же, направляясь туда, гонит перед собой обреченного в жертву. Никого из этих людей тоже уж больше не видят, и все полагают, что в оной зале и угнездилось чудовище, вызванное Тарамис из черной бездны веков и пожирающее людей.

Я уже не думаю о Тарамис, как о простой смертной,— это какая-то злобная гарпия, что таится в пропахшей кровью норе среди костей своих жертв. То, что высшие силы дозволяют такое безнаказанно, заставляет меня усомниться в божественной справедливости.

Сравнивая ее нынешнее поведение с тем, которое я запомнил

в первые дни пребывания своего в Кауране, начинаю склоняться к мысли, что в тело Тарамис вселился некий демон.

Другое подозрение высказал мне один молодой воин по имени Валерий. Он утверждает, что некая колдунья приняла облик чтимой людьми королевы, сама же Тарамис заключена в подземелье. Молодец этот поклялся отыскать подлинную королеву, если та еще жива, но, боюсь, сам пал жертвой жестокого Констанция. Он участвовал в мятеже дворцовой гвардии, сумел бежать и скрывался, упорно отказываясь покинуть город. В его укрытии я и беседовал с ним. Теперь же он исчез — так же, как и другие, о чьей судьбе здесь не принято спрашивать. Боюсь, что шпионы Констанция его выследили.

На этом я вынужден закончить свое письмо, чтобы нынче же ночью отправить его с почтовым голубем. Он принесет послание туда, где родился,— на рубеж земли Котх. Оттуда будет отправлен верховой, а потом верблюжья эстафета доставит письмо тебе. Я должен успеть до рассвета, а уже поздно, и звезды начинают бледнеть над висячими садами Каурана. Город погружен в тишину, и только глухой звук жертвенного барабана доходит со стороны храма. Не сомневаюсь, что это Тарамис в союзе с силами преисподней затевает новые злодейства».

Но мудрец был неправ. Женщина, известная миру под именем Тарамис, стояла в подземелье, озаренная зыбким светом факела. Блики метались по ее лицу, усугубляя дьявольскую жестокость этих прекрасных очертаний.

Перед нею на голой каменной лавке сжалась фигурка, едва прикрытая лохмотьями. Саломея тронула ее носком золотого башмачка и мстительно улыбнулась:

— Не соскучилась ли ты по мне, милая сестричка?

Несмотря на семимесячное заточение и гнусные лохмотья, Тарамис все еще была прекрасна. Она ничего не ответила и только ниже склонила голову.

Ее равнодушие задело Саломею, она закусила пунцовую губку и нахмурилась. Одета она была с варварским великолепием женщин Шушана. При свете факела драгоценные камни сверкали на ее обуви, на золотом нагруднике, золотых кольцах и браслетах. Прическа была высокой, как у шемиток, золотые серьги с «тигровым глазом» поблескивали при малейшем движении гордо поднятой головы. Украшенный геммами пояс поддерживал платье из прозрачного шелка. Небрежно наброшенная темно-алая накидка скрывала какой-то сверток в левой руке ведьмы.

Внезапно Саломея сделала шаг вперед, схватила сестру за волосы и откинула ее голову так, чтобы заглянуть в глаза.

Тарамис встретила этот страшный взгляд не дрогнув.

— Ты уже не рыдаешь, как бывало, милая сестричка?— прошипела ведьма сквозь зубы.

— Нет у меня больше слез,— ответила Тарамис.— Слишком

часто ты тешилась видом королевы, на коленях просящей о милосердии. Знаю я, что живу лишь для того, чтобы ты могла меня унижать. Потому и в пытках соблюдала ты меру, чтобы не убить меня и не покалечить. Но я уже не боюсь тебя — нет во мне ни страха, ни стыда, ни надежды. И хватит об этом, сатанинское отродье!

— Ты льстишь себе, дорогая сестра,— сказала Саломея.— Я по-прежнему забочусь о том, чтобы страдали и твое прекрасное тело, и твоя гордыня. Ты забыла, что, в отличие от меня, подвержена и душевным мукам — вот я и развлекала тебя рассказами о том, какие забавы учиняю над твоими безмозглыми подданными. Но на этот раз я принесла более веское доказательство. Знаешь ли ты, что верный твой советник Краллид вернулся из Турана и был схвачен?

Тарамис побледнела.

— Что, что ты с ним сделала?

В ответ Саломея вытащила загадочный сверток и, сбросив шелковый покров, подняла вверх голову молодого мужчины. Лицо его застыло в страшной гримасе — смерть, видно, наступила после жестоких мук.

Тарамис застонала, как от удара ножом в сердце:

— О Иштар! Это Краллид!

— Да, это Краллид! Он пытался взбунтовать народ. Уверял, глупец, что Конан был прав насчет того, что я не настоящая королева. Дурень, неужели он полагал, что чернь с палками и мотыгами поднимется против солдат Сокола? Ну и поплатился за свою глупость. Собаки терзают его обезглавленное тело во дворе, а дурная голова полетит в помойную яму, к червям. Что, сестричка, неужели ты все-все слезы выплакала? Прекрасно! Под конец я приготовила для тебя отличную пытку — ты увидишь еще немало таких картинок! — и Саломея торжествующе потрясла головой Краллида.

В эту минуту она не походила на существо, рожденное на свет женщиной.

Тарамис не поднимала глаз. Она лежала ничком на грязном холодном полу, и тонкое ее тело сотрясали рыдания. Стиснутыми кулачками она колотила по каменным плитам.

Саломея медленно пошла к двери под звон браслетов.

Через несколько минут ведьма была у выхода из подземелья. Ожидавший там человек повернулся к ней. Это был огромный шемит с мрачными глазами и широкими плечами. Длинная черная борода его свисала на могучую грудь, обтянутую серебристой кольчугой.

— Ну что, завыла? — Голос его был подобен реву буйвола — низкий, глубокий, как отдаленный гром. Это был командир наемников, один из немногих приближенных Констанция, посвященных в тайну судьбы королевы Каурана.

— Разумеется, Кумбанигаш. Есть в ее душе струны, которых

я еще не касалась. Когда одно чувство притупляется, всегда можно найти другое, более отзывчивое на пытки.

К ним приблизилась согбенная фигура в лохмотьях — грязная, со спутанными волосами, потешно прихрамывающая. Один из нищих, что ночуют в открытых садах и аллеях дворца.

— Лови, пес! — Саломея кинула ему голову Краллида.— Лови, тварь бессловесная. Брось ее в ближайшую выгребную яму... Кумбанигаш, он глухой — покажи ему, что нужно сделать!

Командир исполнил поручение, а растрепанный нищий закивал головой — дескать, понял,— и медленно стал култыхать в сторону.

— Зачем затягивать этот фарс,— гремел Кумбанигаш.— Ты уже так прочно сидишь на троне, что никакие силы не снимут тебя оттуда. Что такого, если глупые кауранцы узнают правду? Все равно они ничего не смогут сделать. Так царствуй под своим собственным именем. Покажи им их бывшую повелительницу и повели отрубить ей голову на площади!

— Еще не время, достойный Кумбанигаш.

Тяжелая дверь закрылась и заглушила высокий голос Саломеи и громовую речь Кумбанигаша.

Нищий притаился в одном из уголков сада. Там не было никого, чтобы заметить: руки, крепко обхватившие отрубленную голову — тонкие, мускулистые,— никак не вяжутся с горбатой фигурой и грязными тряпками.

— Я узнал! — шепот был едва слышным.— Она жива! О, Краллид, твои муки не были напрасными! Они бросили ее в подземелье! Иштар, богиня честных людей, помоги мне!

4

Гарет наполнил алым вином украшенный самоцветами кубок, а потом пустил золоченый сосуд по черному дереву столешницы, прямо в руки Конану-киммерийцу.

Одеяние Гарета могло бы стать предметом зависти как любого варварского вождя, обожающего пышность, так и князя Запада, обладающего хорошим вкусом.

Вождь разбойников пустыни был облачен в белую шелковую тунику, расшитую на груди жемчугом и перетянутую в талии поясом из золотой и серебряной канители, переплетенной причудливыми узорами. Стальной остроконечный шлем был обернут тюрбаном из зеленого атласа и инкрустирован золотом с черной эмалью. Пышные шальвары заправлены в сапоги из выделанной кожи. Единственным оружием Гарета был широкий кривой кинжал в ножнах из слоновой кости, по моде номадов заткнутый за пояс над левым бедром.

Удобно расположившись в высоком резном кресле, Гарет вытянул скрещенные ноги и звучно прихлебывал благородный напиток из драгоценного кубка.

В противоположность утонченному облику мунганина, киммериец выглядел куда проще. Черные, гладко причесанные волосы, загорелое лицо в сетке шрамов, яркие голубые глаза. На нем была вороненая кольчуга, а единственным украшением служила золотая пряжка пояса, поддерживающего меч в истертых кожаных ножнах.

Они были вдвоем в шатре из тонкого шелка, освещаемом восточными светильниками. Пол был застлан трофейными коврами, шкурами зверей и бархатными подушками.

Извне в шатер доносился низкий шум большого военного лагеря. Время от времени ветер пустыни заставлял трепетать вершины пальмовых деревьев.

— Судьба переменчива! — воскликнул Гарет и, слегка распустив алый кушак, потянулся к сосуду с вином.— Некогда был я мунганским вожаком, ныне предводительствую людьми пустыни. Семь месяцев назад ты висел на кресте в двух полетах стрелы от стен Каурана, а сейчас — доверенный человек самого удачливого грабителя между туранскими укреплениями и пастбищами Запада. Ты должен благодарить меня!

— За то, что пригодился тебе? — рассмеялся Конан и поднял кубок.— Если ты позволяешь человеку подняться вверх, так уж, наверное, не без выгоды. А я добивался всего в жизни своей силой, потом и кровью,— он поглядел на свои изуродованные ладони. Да и многих шрамов на теле еще не было семь месяцев назад.

— Верно, ты дерешься как целое полчище дьяволов,— согласился Гарет.— Но ты же не думаешь, что это из-за твоих доблестей в орду приходят все новые и новые люди. Племенам номадов всегда недоставало удачливого вождя. Наверное, поэтому они предпочитают доверять чужеземцам, а не соплеменникам. Отныне для нас нет невозможного. Сейчас под моей рукой одиннадцать тысяч воинов. Через год их будет втрое больше. До сих пор мы грабили только пограничные города Турана. С тридцатью тысячами мы оставим набеги, развяжем настоящую войну, покорим королевство, и я взойду на его престол. Ты еще увидишь меня владыкой земли Шем. Если будешь послушен, останешься моей правой рукой — министром, канцлером, вице-королем. Сейчас нужно ударить на восток, взять туранскую крепость Везек — там собирают пошлину с караванов и можно неплохо поживиться.

Конан отрицательно покачал головой.

— Я так не думаю.

— Что значит — ты так не думаешь? Я возглавляю войско, мне и думать!

— Для моих целей воинов хватит уже сейчас,— ответил киммериец.— Неоплаченный долг тяготит меня.

— Ах, вот как,— Гарет глянул исподлобья и отхлебнул вина.— Ты все никак не можешь забыть этот крест? Похвально, но с этим придется обождать.

— Когда-то ты обещал мне помочь взять Кауран,— сказал Конан.

— Верно, да ведь это когда было? Я в ту пору и не предполагал, что соберется такая армия. Кроме того, я собирался пограбить город, а не захватывать его. Я не хочу ослаблять своих воинов, а Кауран — крепкий орешек. Вот через год, тогда...

— Через неделю,— оборвал его Конан, и твердость этих слов заставила мунганина изменить тон.

— Послушай, дружище, если бы я даже решился погубить своих парней, ты что думаешь — неужели наши волки сумеют осадить и взять неприступный Кауран?

— Не будет ни осады, ни приступа. Я знаю, как выманить Констанция за стены.

— Ну и что?— в гневе воскликнул Гарет.— Пока мы будем осыпать друг друга стрелами, не их, а нашей коннице придется туго. Их отряды пройдут через нас, как нож сквозь масло.

— Этого не будет, если за нами встанут три тысячи отчаянных гиборийских всадников, привыкших сражаться в строю по всем правилам военной науки.

— Где же ты возьмешь три тысячи гиборийцев?— рассмеялся Гарет.— Разве что из воздуха наколдуешь?

— Они уже есть,— твердо сказал Конан.— Три тысячи кауранских воинов откочевали в оазис Акель и ждут моего приказа.

— Что?— Гарет стал похож на загнанного волка.

— Что слышал. Эти люди бежали от власти Констанция. Большинство из них скитались по пустыне как изгнанники. Зато теперь это закаленные и готовые на все солдаты. Это тигры-людоеды. Каждый стоит троих наемников. Беда и неволя укрепляют истинных мужей и наполняют их мышцы адским пламенем. Они бродили мелкими группами, им недоставало вождя. Я связался с ними через моих посыльных. Они собрались в оазисе и ждут команды.

— И все это без моего ведома?— в глазах Гарета появился зловещий блеск, рука нашаривала кинжал.

— Они признали мою власть, а не твою.

— И что ты наобещал этим выродкам?

— Я сказал, что волки пустыни помогут им распластать Констанция и вернуть Кауран его жителям.

— Дурак. Ты что, вождем себя вообразил?

Оба вскочили. Дьявольские огни плясали в серых зрачках Гарета, губы киммерийца тронула грозная усмешка.

— Я прикажу разодрать тебя четырьмя конями,— процедил сквозь зубы мунганин.

— Кликни людей да прикажи,— сказал Конан.— Авось послушаются.

Хищно осклабившись, Гарет поднял руку и остановился — его удержала уверенность Конана.

— Выродок с западных гор,— прошипел он.— Как же ты осмелился на заговор?

— В этом не было нужды,— ответил Конан.— Ты лгал, когда говорил, что люди идут к нам не из-за меня. Как раз наоборот. Они, правда, выполняют твои приказы, но сражаются за меня. Короче, двум вождям здесь не бывать, а все знают, что я сильнее тебя. Мы с ними прекрасно понимаем друг друга — ведь я такой же варвар, как они.

— Но что скажет армия, когда ты прикажешь ей драться за интересы Каурана?

— Подчинится. Я обещал им караван золота из дворцовых сокровищниц. Кауран заплатит хороший выкуп за изгнание Констанция. А уж потом пойдем на Туран, как задумано. Народ подобрался жадный, им хоть с Констанцием биться, хоть с кем.

В глазах Гарета появилось осознание краха. За кровожадными мечтами о собственной империи он просмотрел то, что творилось под боком. Мелочи вдруг обрели настоящее значение. Он понял, что слова Конана — не пустая угроза. В черной кольчуге стоял перед ним подлинный предводитель зуагиров.

— Так умри, собака! — зарычал мунганин и схватился за кинжал. Но рука Конана с кошачьей быстротой метнулась вперед, и кисть ее сомкнулась на предплечье Гарета. Раздался треск костей, и напряженная тишина повисла в шатре. Мужи стояли лицом к лицу, неподвижные, точно статуи. Капли пота выступили на лбу Гарета.

Конан засмеялся, но кулака не разжал:

— Неужели ты выдержишь это, Гарет?

Улыбка все еще бродила по лицу Конана. Мышцы его заиграли, сплетаясь в ременные узлы, а могучие пальцы вонзились в дрожащую руку мунганина. Послышался хруст костей, и лицо Гарета стало серым как пепел. Из прикушенных губ брызнула кровь — но он не издал ни звука.

Смеясь, Конан освободил его и отступил на шаг. Мунганин покачнулся и оперся здоровой рукой о стол.

— Я дарю тебе твою жизнь, Гарет, так, как ты подарил мне мою,— спокойно сказал Конан.— Хотя ты снял меня с креста исключительно для своей пользы. Тяжкое это было для меня испытание, ты бы его не выдержал. Это под силу только нам, западным варварам. Ступай, садись на своего коня — он привязан за шатром, вода и пища во вьюках. Отъезда твоего не увидит никто, но поспеши — побежденному владыке не место в пустыне. Если воины увидят тебя, калеку, лишенного власти, то живым не отпустят.

Гарет молча выслушал Конана и так же в молчании повернулся и вышел из шатра. Молча взобрался он в седло высокого белого жеребца, привязанного в тени раскидистой пальмы, молча вложил поврежденную руку за ворот туники, поворотил коня и отправился на восток, в пустыню, чтобы навсегда исчезнуть из жизни племени зуагиров.

Конан остался один. Он осушил кубок и вытер губы. Ему по-

легчало, он отшвырнул кубок в угол, поправил ремень и вышел вон. Остановившись на секунду, он оглядел море палаток из верблюжьей шерсти, расстилающееся перед ним. Между палаток бродили люди в белом. Они пели, ссорились, чинили конскую сбрую и точили сабли.

Голос Конана был подобен грому, и раскаты его донеслись до самых дальних шатров:

— Эй вы, канальи, навострите уши и слушайте! Ступайте все сюда — я хочу вам кое о чем поведать!

5

Люди, собравшиеся в башне при городской стене, внимательно прислушивались к речам одного из них. Все они были молоды, крепки и ловки. Чувствовалась в них закалка, которую дают тяжкие испытания. Все они были в кольчугах, в кожаных кафтанах и при мечах.

— Я знал, что Конан прав — это не Тарамис! — говорил Валерий.— Целый месяц под видом глухого побирушки я слонялся возле дворца. И, наконец, убедился в своих давних подозрениях. Наша королева томится в дворцовом подземелье. Стал выжидать удобного случая. Тут мне и подвернулся стражник-шемит. Я его оглушил, затащил в ближайший погреб и допросил с пристрастием. Перед тем как сдохнуть, вот что он мне сказал: Каураном правит ведьма по имени Саломея, а Тарамис заключена в самом глубоком подземелье. А этот набег зуагиров нам крепко поможет. Что намерен предпринять Конан — угадать трудно. Наверняка он посчитается с Констанцием, но, возможно, разграбит и разрушит город. Это ведь варвар, нам его не понять. Тогда у нас одна задача — в разгар битвы освободить Тарамис. Констанций выведет войско в поле, они уже седлают коней. В городе нет припасов, чтобы выдержать осаду,— слишком уж внезапно воины Конана появились под стенами. А киммериец как раз готовился к осаде: разведка доложила, что зуагиры тащут стенобитные машины и осадные башни. Все это придумал Конан, он ведь все военные науки Запада превзошел. Констанций непременно выведет всех своих солдат, чтобы одним ударом покончить с врагом. В городе останется едва ли сотни три шемитов, да и те будут на стенах и у ворот. Тюрьма останется почти без охраны. А когда освободим Тарамис, посмотрим, как дело пойдет. Если победит Конан, покажем Тарамис людям и призовем к восстанию. И народ поднимется, сомнений нет! У нас хватит сил перебить шемитов даже голыми руками. А потом мы закроем ворота и от наемников, и от кочевников. Ни те, ни другие не попадут в город. А уж тогда можно и с Конаном толковать. Он всегда был верен присяге. А когда узнает правду, да королева сама его попросит,— может, и отступит. Но вероятнее всего, Констанций разгромит Конана. Тогда придется бежать из города и спасать королеву. Вы все поняли?

Собравшиеся разом кивнули.

— Доверим же мечи наши и души богине Иштар и пойдем к тюрьме — наемники выходят из города через Южные ворота!

Так оно и было. Солнце играло на остроконечных шлемах, непрерывным потоком льющихся через широкие ворота, на белых чепраках тяжелых боевых коней.

Битва должна была начаться с атаки тяжелой конницы, как принято на Востоке. Всадники выплывали из городских ворот стальной рекой — грозные мужи в вороненых и серебристых кольчугах, в кирасах, в сплошных панцирях, бородатые, с хищными носами. Свирепые глаза их выражали решимость и ярость.

Люди высыпали на улицы, выглядывали из окон, молча провожали взорами чужеземных воинов, вышедших защитить чужой город. А горожанам было все равно.

На башне, возвышающейся над широкой улицей, что вела к Южным воротам, Саломея иронически разглядывала Констанция, который перепоясался мечом и натянул рукавицы из стальных чешуек. Из окна доносился шум движущегося войска — поскрипывание сбруи и тяжелый конский топот по мостовой.

— Прежде чем стемнеет,— сказал Констанций и покрутил усы,— у тебя будет множество пленников, чтобы насытить твоего демона в храме. Ему, поди, надоели мягкие тела горожан? Может, ему номады понравятся — они жилистые!

— Смотри сам не нарвись на тварь еще более дикую, чем твой Тауг,— ответила Саломея.— Помни, кто ведет врагов.

— Память у меня хорошая, потому и выхожу ему навстречу. Этот паршивый пес воевал на Западе и знает толк в штурме городов. Мои разведчики подобрались к их лагерю, а это нелегко, ведь у номадов орлиное зрение. Все же они разглядели, что верблюды волокли и катапульты, и тараны, и осадные башни. Клянусь Иштар! Чтобы все это соорудить, десять тысяч человек должны были трудиться не меньше месяца. А где он взял материалы — ума не приложу. Неужели договорился с туранцами? Впрочем, все это ему понадобится. Я уже дрался с этими песчаными волками. Сперва перестрелка — тут моих воинов убережет броня,— потом атака. Мои полки прорвут слабый строй номадов, развернутся, ударят сзади и разгонят это воинство на все четыре стороны. Вечером я войду в Южные ворота, и сотни пленников поплетутся за хвостом моего коня. Ночью мы устроим на дворцовой площади праздник — мои ребята любят сжигать пленных живьем и сдирать с них кожу. Что же касается Конана, то неплохо бы взять его живым и посадить на кол перед дворцом.

— Развлекайтесь сколько влезет,— равнодушно откликнулась Саломея.— Я давно мечтала о платье из человеческой кожи. Но уж сотню пленных отдай мне — и на жертвенник, и для Тауга.

— Все будет по твоему слову,— ответил Констанций и бронированной ладонью зачесал волосы назад.— Итак, иду сразиться и победить во имя незапятнанной чести Тарамис! — Он взял укра-

шенный перьями шлем на изгиб левой руки, правой же отдал шутовской салют. Через минуту с улицы донесся его властный голос, отдававший команды.

Саломея лениво приподнялась, потянулась и позвала:

— Занг!

Бесшумный жрец с лицом из желтого пергамента скользнул в комнату.

Саломея указала на возвышение из слоновой кости, на котором лежали два хрустальных шара, и велела жрецу взять тот, что поменьше.

— Поезжай за Констанцием. Будешь сообщать о ходе сражения. Ступай!

Человечек с пергаментным лицом низко поклонился, спрятал шар в складки черного плаща и поспешно вышел. Через минуту послышался топот коня, затем грохот закрываемых ворот.

По широкой мраморной лестнице Саломея поднялась на крышу, защищенную от солнца балдахином. Отсюда открывался вид на опустевшие улицы и безлюдную дворцовую площадь — народ Каурана предпочитал держаться подальше от опоганенного храма. Город словно вымер.

Только на южной стене и на крышах прилегающих к ней домов толпились горожане. Они не издавали обычных в таких случаях приветственных криков, ибо не знали — победы желать Констанцию или поражения. Победа — значит, снова вернется иго ненавистных шемитов, поражение — значит, в городе будет грабеж и резня. Никаких вестей Конан не подавал, а то, что он варвар,— помнили все.

Полки наемников выходили на равнину. Далеко-далеко, на этом берегу реки можно было разглядеть волну конницы. Противоположный берег был усеян темными точками — осадные машины оставались на месте. Должно быть, Конан опасался удара в момент переправы.

Отряды Констанция тронулись — сперва шагом, потом рысью. Низкий рев донесся до стоящих на стене.

Две встречные волны столкнулись и перемешались в сплошную клубящуюся массу. Нельзя было понять, кто ударил первым.

Тучи пыли, поднятой копытами, покрыли поле сражения, как туман. Изредка из этого тумана выныривали всадники и снова скрывались, временами сверкало оружие.

Саломея недовольно передернула плечами и спустилась вниз. Во дворце было тихо — все слуги и рабы вместе с горожанами таращились на сражение. Ведьма вошла в зал, где прощалась с Констанцием, и подошла к возвышению. Она увидела, что хрустальный шар помутнел и покрылся алыми пятнами. Саломея склонилась над ним и прошептала заклинание.

— Занг! — позвала она.— Занг!

Внутри шара поплыли туманные пятна, распадаясь в мелкую

пыль. Мелькали неясные темные силуэты. Иногда, как молния в ночи, сверкала полированная сталь.

Затем появилось лицо Занга — такое четкое, словно он сам стоял перед Саломеей и глядел на нее выпученными глазами. По голому черепу текла кровь, желтая кожа была в пыли. Губы его дрогнули. Случись в зале посторонний, он бы ничего не услышал. Но для Саломеи голос жреца звучал отчетливо, словно и не было между ними нескольких миль. Только демоны тьмы ведали, что за магические нити связывали оба шара.

— Саломея! — сказал раненый.

— Я слышу! — крикнула ведьма. — Говори!

— Мы погибли! Кауран потерян. Клянусь Сетом! Подо мной убили коня, я не могу убежать! Вокруг падают люди... Эти, в серебристых кольчугах, гибнут как мухи...

— Перестань скулить и говори, что случилось! — фыркнула Саломея.

— Мы пошли навстречу этим псам пустыни, — начал жрец. — И они двинулись к нам. Полетели тучи стрел, и номады дрогнули. Константций скомандовал атаку, и мы двинулись сомкнутыми рядами. И тогда их орда расступилась вправо и влево, и перед нами оказались несколько тысяч гиборийских всадников — их никто не ждал! Кауранские витязи на могучих конях и в полном вооружении! Плотным железным клином они прошли сквозь нас. Мы и заметить не успели, как строй был разрезан пополам. И тогда с двух сторон ударили кочевники. Наши ряды смешались, нас сломали и перебили! Это хитрый дьявол Конан! Осадные машины были для виду — одни каркасы из пальмовых стволов да раскрашенные тряпки. Наши разведчики ошиблись. Коварством выманили нашу армию за городские стены на погибель! Шемиты Сокола бегут! Конан зарубил Кумбанигаша. Константция я не вижу. Кауранцы терзают нас, словно львы-людоеды, кочевники расстреливают из луков... Я... ах-х...

В хрустале блеснула сталь, брызнула кровь — изображение исчезло, словно лопнул пузырь на воде. Саломея застыла, вглядываясь в опустевший кристалл. Потом хлопнула в ладоши, и в комнате появился жрец, точь-в-точь похожий на покойного Занга.

— Константций разбит, — торопливо сказала она. — Мы погибли. Скоро Конан начнет ломиться в городские ворота. Что со мной будет тогда, гадать не приходится. Но сперва я уверюсь, что моя проклятая сестричка никогда уже не взойдет на трон. Будь что будет, но мы угостим Тауга на славу! Ступай за мной!

Они уже спускались во двор, когда со стен донесся нарастающий рев, — толпа, стоявшая там, поняла, что победил Конан. Из облаков пыли вырывались всадники и устремлялись к городу.

Дворец был соединен с тюрьмой длинной галереей под островерхой крышей. Потом Саломея и жрец вошли в широкий коридор, откуда круто вниз уходили ступени. Вдруг Саломея встала как вкопанная, и проклятье застыло на ее губах. В полумраке воз-

ле стены лежал стражник-шемит, уставив короткую бороду в потолок. Голова его была почти отделена от тела.

Внизу раздавались приглушенные голоса и шаги нескольких человек, на стене появились отблески пламени.

Саломея отступила во тьму и притаилась за массивной колонной, туда же укрылся и жрец. Рука ведьмы потянулась к висящей на поясе позолоченной сумочке.

6

Яркое и дымное пламя факела пробудило королеву Каурана от сна. Она приподнялась, опираясь на руки, и открыла глаза. Наверное, Саломея что-то задумала! Но раздался взволнованный голос:

— Тарамис! О, моя королева!

Она сперва подумала, что продолжает спать, но глаза ее увидели за пламенем блеск оружия и человеческие фигуры. Пятеро людей склонились над ней — грозные чернобородые загорелые лица.

Королева завернулась в лохмотья и, сжавшись в комок, ожидала своей участи.

Один из пришельцев пал на колени и простер к ней руки.

— О Тарамис! Иштар помогла разыскать тебя! Помнишь ли ты меня? Я Валерий. Когда-то, после битвы при Корвеке, ты удостоила меня поцелуем...

— Валерий... — простонала королева. — Я, должно быть, сплю... Это новая ворожба Саломеи...

— Нет! — голос его дрожал. — Твои верные слуги пришли спасти тебя. Но нужно торопиться. На равнине Констанций сражается с Конаном, который привел из-за реки зуагиров, но сотни три шемитов все еще в городе. Стражник убит, вот его ключи. Других часовых не видно. Уходим, быстро!

Королева облегченно вздохнула и потеряла сознание. Не раздумывая, Валерий подхватил ее на руки и пошел вслед за тем, кто нес факел. Они стали подниматься по сырым ступеням лестницы — казалось, им не будет конца — и очутились в коридоре. Вдруг, возле портала, факел погас, а тот, кто его нес, издал короткий, предсмертный стон. Голубая вспышка выхватила на миг из темноты разъяренные лица Саломеи и ее спутника.

Вспышка была такой яркой, что кауранцы ослепли. Валерий с королевой на руках продолжал бежать, слыша за спиной звуки убийственных ударов, стоны и хищное сопение. Но тут сильный толчок поверг воина на пол, а королеву вырвали у него из рук. Он кое-как поднялся и затряс головой, чтобы прогнать ослепление. Он был один в коридоре, его спутники лежали в крови, покрытые глубокими ранами. Ослепленные адским пламенем, они, должно быть, и не защищались. Все были мертвы.

Королева исчезла.

Грубо выругавшись, Валерий выдернул меч, стащил погнутый шлем и что было сил хватил им об пол. Из раны на голове по лицу потекла теплая струйка. Он несколько раз оборотился, прикидывая, в какую сторону унесли Тарамис, и услышал, что кто-то зовет его:

— Валерий! Валерий!

Спотыкаясь, он побежал на голос, и через минуту в его руках оказалось знакомое стройное тело.

— Игва! Да ты с ума сошла!

— Я должна, должна была пойти сюда,— со слезами в голосе сказала девушка.— Я следила за вами и спряталась во дворе за аркой. Только что я видела ее и слугу, который тащил женщину. Я узнала Тарамис и поняла, что вам не повезло... Ты ранен!

— Царапина,— он оттолкнул ее руку.— Вперед, Игва! Показывай, куда они побежали!

— Через двор в сторону храма.

Молодой воин побледнел.

— Во имя Иштар! Вот ведьма! Она решила принести Тарамис в жертву своему демону! Скорее беги к людям на южной стене и скажи, что нашлась настоящая королева, и ведьма тащит ее в храм. Беги!

Девушка, заливаясь слезами, пересекла площадь и скрылась в улице, что вела к стене. Валерий устремился к зданию, угрюмо возвышавшемуся напротив дворца. Ноги его едва касались каменных плит. Саломея и жрец в спешке не закрыли за собой тяжелую дверь. Воин вбежал в храм и увидел тех, кого преследовал. Королева очнулась и, чуя неминуемую гибель, сопротивлялась изо всех сил. Ей даже удалось вырваться из цепких рук жреца, но лишь на мгновение.

Они были уже в центре огромного зала, на другом конце которого находился страшный жертвенник, а за ним — высокие железные двери. Многие прошли через них, но возвращалась лишь одна Саломея.

Во время борьбы лохмотья слетели с королевы, и она казалась лесной богиней в объятиях демона. Саломея шагала к дверям, нетерпеливо оглядываясь. В полумраке мелькали перекошенные физиономии идолов.

Подняв меч, Валерий в гневе бросился вперед. Раздался предостерегающий крик Саломеи, и желтолицый жрец, отбросив Тарамис, достал из ножен окровавленный клинок.

Резать людей, ослепленных колдовским пламенем Саломеи, было, видно, легче, чем противостоять молодому и сильному тиборийцу, охваченному яростью и ненавистью.

Кровавый клинок взлетел вверх, но меч воина был более быстрым и просто-напросто отсек кисть жреца. Брызнула кровь. Опьяненный боем, Валерий наносил все новые и новые удары, пока бездыханное тело не рухнуло на пол. Лысая голова при этом покатилась в сторону.

Валерий, похожий в эту минуту на лесного хищника, обернулся в поисках Саломеи. Та склонилась над Тарамис. Одной рукой ведьма держала сестру за волосы, другая, с кинжалом, выбирала место для удара. Снова свистнул меч Валерия и вонзился в грудь ведьмы с такой силой, что вышел между лопатками на добрый локоть.

Со страшным криком Саломея рухнула на колени, схватилась руками за лезвие меча и упала, содрагаясь в конвульсиях. Глаза ее уже не походили на человеческие, и с нездешней силой цеплялась она за жизнь, вытекавшую из нее через рану — она как раз рассекла алый полумесяц на груди. Ведьма извивалась в агонии, кусала и царапала каменные плиты.

Валерий с отвращением отвернулся и поднял королеву: та была в полуобморочном состоянии. Оставив позади издыхающую тварь, он вынес Тарамис во двор к подножию лестницы.

Площадь была заполнена народом. Кто откликнулся на призывы Игвы, кто просто бежал со стены от страха перед ордой. Отупелость и равнодушие сменились подъемом, толпа волновалась и шумела, потрясала кулаками. Со стороны ворот раздавались глухие удары тарана.

Отряд разъяренных шемитов напирал на толпу — это была стража Северных ворот, спешившая на подмогу к Южным. Но все — и стражники, и народ — разинули рты от удивления, когда на ступенях храма появился юноша, державший на руках обнаженное тело.

— Вот ваша королева! — провозгласил Валерий, стараясь перекричать толпу.

Люди ничего не поняли.

Верховые шемиты стали пробиваться к ступеням храма, избивая народ древками копий.

И тогда...

За спиной Валерия появилась тонкая фигурка в окровавленной белой одежде. И люди увидели, что на руках Валерия лежит их повелительница, а в дверях храма стоит другая — точная ее копия.

Увидев ведьму, Валерий почувствовал, что кровь стынет у него в жилах: ведь его меч пробил ей сердце. По всем законам природы ей полагалось быть мертвой. Но она была жива.

— Тауг! — закричала ведьма, оборотившись к дверям. — Тауг!

В ответ послышался громовой хохот, треск дерева и звон лопающегося металла.

— Это королева! — завопил сотник-шемит и сорвал с плеча лук. — Стреляйте в эту парочку на лестнице!

Но толпа уже рычала, как свора разъяренных собак. Люди, наконец, поняли смысл слов Валерия и догадались, кто их настоящая королева. С этим рычанием люди и набросились на шемитов, вооруженные лишь зубами, ногтями да кулаками.

Возвышавшаяся над этим месивом людских и лошадиных тел

Саломея покачнулась и упала на мраморные ступени — на этот раз мертвая окончательно и бесповоротно.

Стрелы свистели вокруг Валерия, пытавшегося укрыться за колонной портика. Конные шемиты рубили и стреляли направо и налево, стремясь спастись от расправы толпы. Валерий добежал до двери храма и уже собирался переступить порог, но вдруг повернулся, закричав от ужаса.

Из мрака, царившего в храме, выкатилась огромная черная туша и устремилась к Валерию длинными лягушачьими прыжками. Юноша увидел, как сверкают огромные глазищи увидел клыки и саблеподобные когти и отскочил от дверей. Стрела, просвистевшая над ухом, напомнила ему, что за спиною тоже смерть.

Четверо или пятеро шемитов пробились сквозь толпу, и теперь их кони были уже на ступенях. Стрелы с треском ударялись в колонну. Тарамис давно уже была без сознания и казалась мертвой.

Прежде чем шемиты успели еще раз выстрелить, ворота храма заполнило гигантское тело. Наемники в ужасе поворотили коней и влетели в толпу. Люди в панике побежали, топча упавших.

Но чудовищу нужны были только Валерий и королева. Протиснув свое могучее колышущееся тело сквозь ворота, оно бросилось к юноше, который бежал вниз по лестнице. Валерий слышал, как это движется за спиной — огромная тварь, порожденная в сердце мрака, черная желеобразная масса, в которой можно было различить только горящие жаждой крови глаза и страшные клыки.

Тут раздался топот копыт, и отряд окровавленных, изрубленных шемитов влетел на площадь и стал вслепую прорубаться сквозь толпу. Это были те, что охраняли Южные ворота. Их преследовала группа всадников, которые размахивали окровавленными мечами и что-то кричали на родном языке — то жители Каурана, бежавшие в пустыню, вернулись в свой город. Вместе с ними въехали полсотни чернобородых номадов во главе с богатырем в вороненой кольчуге.

— Конан! — воскликнул Валерий. — Это Конан!

Гигант увидел его, все понял и отдал приказ. Не останавливая коней, всадники из пустыни подняли луки, натянули тетивы и выстрелили. Смертоносная туча запела над человеческим морем и вонзилась в тушу чудовища. Тварь остановилась, издала ужасный рев и зашаталась — черная клякса на белом мраморе. Всадники сделали еще один залп, еще один... Мерзкое кваканье раздалось из поганой пасти. Тварь рухнула и покатилась по ступеням — мертвая, как и та, что вызвала ее из бездны минувших тысячелетий.

Конан остановил коня и спешился.

Валерий положил королеву на мраморные плиты и упал рядом с нею — силы оставили его. Толпа всколыхнулась, приближаясь. Конан с проклятием отогнал ее и склонился над королевой.

— Клянусь Кромом, это Тарамис. А кто же та?

— Дьяволица, принявшая ее облик,— прохрипел Валерий.

Конан выругался и, сорвав с ближайшего воина плащ, накрыл им обнаженное тело королевы. Она открыла глаза и с изумлением посмотрела на покрытое шрамами лицо киммерийца.

— Конан! — ее нежные руки обхватили богатырское плечо.— Или я сплю? Ведь она сказала, что ты убит!

— Убит, да не до конца,— широко улыбнулся Конан.— Вы не спите, Ваше величество! Там, у реки, я разгромил Констанция в пух и прах. Они бежали, трусливые собаки, но до стен не дошел ни один — я приказал не брать пленных, кроме самого Констанция. Стража захлопнула ворота у нас перед носом, но мы вышибли их тараном. Своих волков, не считая этой полусотни, я оставил за воротами. Не могу поручиться, что они будут вежливо вести себя в городе.

— О Иштар! Какой ужасный сон! — вздохнула королева.— Несчастный мой народ! Конан, ты должен помочь нам — отныне ты и капитан гвардии, и самый главный советник!

Конан засмеялся и отрицательно покрутил головой. Он встал и помог подняться королеве, потом кивнул кауранцам, чтобы они спешились и ждали распоряжений своей повелительницы.

— Не стоит, Ваше величество — капитаном я уже был. Отныне я вождь зуагиров и поведу их на Туран, как обещал. Вот из Валерия получится добрый капитан, а мне надоела жизнь среди мраморных стен. Но сейчас я должен оставить тебя и закончить свои дела — в городе еще полно живых шемитов!

Сказав это, Конан жестом приказал подать ему коня, вскочил в седло и помчался, увлекая за собой своих лучников.

Тарамис, опираясь на плечо Валерия, обернулась ко дворцу, и ликующая толпа расступилась, образовав коридор до самых дверей. Валерий услышал, как нежная ладонь коснулась его правой руки, онемевшей от тяжести меча, и не успел он опомниться, как оказался в объятиях Игвы. Наступило время мира и покоя.

Увы, не всем сужден мир и покой — некоторые для того и приходят на свет, чтобы неустанно сражаться, и нет у них иной дороги.

...Всходило солнце. По древнему караванному пути от стен Каурана до самой реки растянулись всадники в белых одеждах. Во главе кавалькады ехал Конан-киммериец на огромном белом жеребце. Неподалеку от него торчал из земли обрубок деревянного бруса. По соседству возвышался массивный деревянный крест. На нем висел человек, прибитый по рукам и ногам железными гвоздями.

— Семь месяцев назад, Констанций, ты стоял здесь, а я висел на кресте,— заметил Конан.

Констанций не ответил, только облизнул помертвевшие губы. Глаза его были полны болью и страхом.

— Пытать, конечно, ты горазд, а вот терпеть...— продолжал

спокойно Конан.— Я висел точно так же, но выжил — хвала счастливому случаю и варварскому здоровью. Где вам, цивилизованным людям, равняться с нами. Вы умеете только мучить, но не переносить муки. Да, слабо вы за жизнь боретесь! Солнце не успеет зайти, как ты умрешь. Я оставляю тебя, Сокол Пустыни, в обществе других здешних птичек,— он показал на стервятников, кружащихся в небе над головой распятого.

Констанций закричал от ужаса.

Конан тряхнул поводьями, и жеребец послушно направился к реке, горевшей серебром в лучах утренней зари. Следом за своим вождем тронулись белые всадники. Жалость незнакома людям пустыни — на Констанция они взирали вполне равнодушно. Копыта коней отбивали в пыли ритм похоронного марша распятому, а крылья голодных стервятников рассекали воздух все ниже и ниже...

...Амбициозные планы Конана потерпели крах. Горячие зуагиры готовы были отдать жизнь в борьбе за свободу, их легко можно было поднять на грабительскую вылазку, но создать из них армию завоевателей, спаянную жестокой дисциплиной, оказалось не под силу даже варвару-киммерийцу. К тому же между зуагирами и мунганами, присоединившимся к номадам после того, как их выжил-таки из родных степей Ездигерд, начались свары и стычки. В конце концов Конан почел за лучшее расстаться и с теми и с другими и в одиночку отправился в Замбулу, город на пограничье Турана...

ПРИЗРАКИ ЗАМБУЛЫ

1. БАРАБАН В НОЧИ

— ...Не ходи туда! В доме Арама Бакша тебя поджидает опасность!

Голос, пытавшийся убедить Конана, дрожал от возбуждения. Тонкие пальцы с грязными ногтями судорожно хватали мускулистую руку киммерийца, спокойно слушавшего грозные предупреждения. Двое мужчин стояли на углу большого оружейного рынка, а мимо них текла многоязычная разноцветная толпа, обычная для экзотических и шумных улиц Замбулы. Рядом с гигантом-киммерийцем жилистый загорелый кочевник казался даже меньшим, чем был на самом деле.

Конан едва слушал. Он с трудом оторвал взгляд от смазливой гетеры с ярко-красными губами, которая вызывающей походкой прошла в нескольких шагах от них, и вяло поинтересовался у назойливого собеседника:

— О каких опасностях ты говоришь?

Житель пустыни украдкой посмотрел по сторонам и прошептал:

— Можешь мне не верить. Но купцов и кочевников, которые оставались на ночлег у Арама Бакша, больше никто не видел. И никто ничего не слышал о них. Словно они испарились! Конечно, Арам клянется, что поутру они встают и продолжают свой путь. Из жителей города никто не исчезал из его дома, но, повторяю, путешественников больше не видели, а их товары и снаряжение иногда появляются на рынке. Разве не говорит это о том, что Арам расправился со своими гостями? Как бы иначе их вещи попали на рынок?

— У меня нет никаких товаров! — прорычал киммериец, схватившись за рукоять огромного меча, висевшего на поясе.— Я проиграл даже коня!

— Не только богатые странники исчезают из дома Арама Бакша,— снова зашептал зуагир.— Бедные кочевники тоже ночуют там, поскольку плата за ночлег у Арама ниже, чем в других тавернах. И их тоже больше не видели! Однажды вождь зуагиров,

чей сын исчез подобным образом, пожаловался сатрапу Юнгир Хану, и солдаты Хана обыскали весь дом.

— И нашли гору трупов? — спросил Конан, насмехаясь над зуагиром.

— Нет! Они ничего не нашли! И выкинули вождя зуагиров из города. Но... — он придвинулся к Конану и вздрогнул. — Кое-что было обнаружено. Сразу за домом, где начинается пустыня, растет небольшой лесок из пальмовых деревьев. Там есть глубокая яма. Так вот в этой яме находили обугленные человеческие кости!

— И о чем же это говорит? — осклабился киммериец.

— Арам Бакша — дьявол! Этот отвратительный город был построен стигийцами, а управляют им гирканцы. Здесь смешались белые, черные и коричневые будто специально для того, чтобы производить на свет все нечестивые породы и оттенки. И никто не может сказать, кто здесь человек, а кто замаскированный дьявол. Арам Бакша — демон в облике человека! Ночью он открывает настоящую личину и уносит своих гостей в пустыню, где собираются его друзья-черти.

— А почему он уносит только путешественников? — скептически поинтересовался Конан.

— Жители города не позволят ему убивать своих, но они не обязаны заботиться о чужеземцах. Конан, ты пришел с запада и не знаешь всех тайн этой древней земли. С начала начал демоны пустыни поклоняются Йогу, властелину Пустынного Жилища, который с помощью огня пожирает людей. Смотри, Конан! На протяжении многих лун ты жил в шатрах зуагиров, ты стал нашим братом. Не ходи в дом Арама Бакша!

— Убирайся! — вдруг резко произнес Конан. — Сюда идет отряд городской стражи. Увидев тебя, они могут вспомнить того коня, который был украден из конюшни сатрапа.

Кочевник поспешно удалился. Лишь на миг он задержался, чтобы прошептать: — Предупреждаю тебя, брат мой! В доме Арама Бакша действует нечистая сила!

Затем он мелькнул на узкой аллее, примыкающей к рынку, и скрылся.

Конан потуже затянул широкий пояс. Под взглядами городских стражей он держался совершенно спокойно. Стражи, проезжая мимо, внимательно изучали фигуру киммерийца. И не без оснований: Конан выделялся даже в этой разноцветной толпе, заполнявшей извилистые улочки Замбулы. Голубые глаза, широкая грудь и могучие мышцы делали его заметным в восточном пчелином рое, а прямой меч, висевший на бедре, завершал характеристику своего владельца.

Не проронив ни слова, стражи, покачиваясь в седлах, проследовали вниз по улице, и толпа расступилась, давая им дорогу. Это были уроженцы Пелиштима, приземистые и горбоносые. Их иссиня-черные бороды, завиваясь колечками, прикрывали кольчуги. Каждый держал в руке специальную палочку для управления ко-

нем. Правители Турана давали этим наемникам работу, которую раньше выполняли сами туранцы. Именно по этой причине население Замбулы ненавидело стражей.

Конан взглянул на солнце, которое садилось на плоские крыши домов в западной стороне базара, еще раз подтянул ремень и направился к таверне Арама Бакша.

Неторопливой походкой горца он шел по пестрым улочкам. Изорванные туники продавцов вина здесь соседствовали с отороченными горностаевым мехом халатами богатых купцов, с расшитыми жемчугом нарядами дорогих куртизанок. Впереди чьих-то носилок неуклюже двигались огромные черные рабы, расталкивая заросших до глаз странников из шемитских городов, оборванных кочевников из пустыни торговцев и искателей приключений из всех стран Востока.

Да и местное население было не менее разнородным.

Несколько столетий назад сюда пришли армады из Стигии и создали на зыбучих песках свою империю. В те времена Замбула была небольшим торговым городком и занимала удобное положение в кольце оазисов. Стигийцы превратили Замбулу в большой город. Жили здесь также рабы-шемиты и кушиты. Многочисленные караваны, пересекающие пустыню с востока на запад и обратно, приносили богатство и еще большее смешение рас. Затем с востока пришли воины Турана и отодвинули границы Стигии. И вот уже на протяжении жизни целого поколения Замбула являлась самым крайним укрепленным пунктом на западе, управляемом туранским сатрапом.

Разноголосица на бесчисленном количестве языков и диалектов упрямо лезла в уши киммерийца. Бьющая ключом жизнь на улицах Замбулы все больше увлекала его. То и дело сквозь толпу шумно прокладывали себе путь отряды вооруженных всадников. Это были высокорослые воины Турана. Мелодично позвякивали их кольчуги, в такт движению раскачивались кривые сабли. Люди разбегались, стараясь не попасть под копыта туранских лошадей. Их опасения не были излишними — ведь по улицам гарцевали хозяева Замбулы. Высокие мрачные стигийцы, стоя в тени, хмуро поглядывали на городских стражей, вспоминая свою былую славу. Разноплеменное же население мало интересовалось тем, где проживает их король — в замке Кхеми или в сверкающем Аграпуре.

Да, Юнгир Хан правит Замбулой. Однако мужчины шептали друг другу, что Юнгир Ханом правит его супруга Нафертари. Как бы там ни было, а простые люди жили своими интересами. Собирались поспорить на улицах, совершали сделки, жульничали, пили вино, занимались любовью — словом, делали все то, что и прежде в течение многих веков, с тех пор, как башни и минареты Замбулы поднялись в голубые небеса над безжизненными песками Харамуна.

Прежде чем Конан добрался до дома Арама, специально наня-

тые люди уже зажгли на улицах фонари, украшенные бронзовыми драконами, злобно смотрящими на прохожих.

Дом Арама был последним на улице, ведущей на запад. Окруженный стеной большой сад, где густо росли финиковые пальмы, отделял дом от других строений с восточной стороны. А на запад от него располагалась финиковая роща, через которую шла улица, прежде чем исчезнуть в пустыне. Через дорогу виднелся ряд заброшенных лачуг, где обитали летучие мыши да шакалы. Конан удивился, почему городские нищие не используют пустые строения для ночлега.

Освещенный участок дороги остался позади. Здесь не было фонарей, за исключением одного, который висел над входом в таверну. В небе сверкали звезды, под ногами скрипел мягкий песок. От легкого ветерка, прилетевшего из пустыни, тихо шуршали листья пальм.

Ворота во владения Арама Бакша открывались вовнутрь — на аллею, проходившую между таверной и садом. Конан дернул за веревку колокольчика и забарабанил рукоятью меча по тиковым воротам. Наконец, в воротах открылась небольшая дверца, откуда выглянула черная физиономия.

— Открой, демоны тебя побери! — потребовал Конан.— Я заплатил Араму за комнату и, клянусь Кромом, я ее получу!

Черный слуга окинул взглядом участок дороги за спиной Конана и открыл ворота. И закрыл их снова на замок после того, как киммериец вошел во двор. Замбула славилась своим ворьем, и поэтому было вполне естественным то, что дом на краю пустыни обнесен высокими стенами. Жилище должно надежно ограждаться от ночных рейдов кочевников и от местных грабителей.

Конан пересек сад, где в сумеречном свете звезд дремали огромные белые цветы, и вошел в пивную. У входа сидел скромно одетый стигиец с бритой головой, изобличавшей в нем студента, и грустно размышлял — видимо, о непостижимости Вселенной. В углу несколько человек играли в кости, отчаянно ругаясь.

Мягко ступая, вышел Арам Бакша — осанистый, в строгом халате умеренных цветов, с черной роскошной бородой и с несколько странными, уходящими от прямого взгляда, глазами.

— Ты хочешь поесть и выпить? — спросил он.

— Нет, я уже поел,— угрюмо проворчал Конан.— Принеси мне кружку газанского вина. Только на это у меня и остались деньги.

Медная монета звякнула о дубовую стойку.

— Видно, тебе не сопутствовала удача за игорным столом,— произнес Арам.

— А я и не собирался начинать с кучи серебра. Утром заплатил тебе за комнату на случай проигрыша. Прежде всего надо побеспокоиться о крыше над головой, чтобы спокойно провести ночь. Я заметил, что на улицах Замбулы нет спящих людей. Даже последние нищие ищут себе дыру, в которую стараются забиться

до наступления темноты. Должно быть, в городе полно воров и убийц.

Конан сказал это спокойно, без тени волнения, просто как о подмеченном факте. Потом сделал глоток дешевого вина и вслед за Арамом вышел из помещения. Едва он скрылся, игроки в кости оставили свое занятие и переглянулись. В их глазах появилось загадочное выражение. Никто не произнес ни слова, только бритоголовый студент громко рассмеялся, и это был страшный смех — смех нечеловеческого цинизма и издевательства. Все опустили глаза, стараясь не смотреть друг на друга. Возможно, наука повредила рассудок стигийского школяра — такое со студентами иногда случается.

Конан шел за Арамом по коридору, освещенному медными лампами. Киммерийцу было жутковато от бесшумной поступи хозяина. Арам был обут в мягкие тапочки, на полу лежали толстые туранские ковры, и Конана не покидало неприятное чувство, будто замбулиец не идет, а крадется.

В конце извилистого коридора Арам остановился у двери, поперек которой на массивных кронштейнах покоилась толстая железная полоса. Хозяин поднял засов и ввел гостя в комнату, маленькие окна которой — Конан заметил сразу — были закрыты решетками с позолотой. На полу лежали ковры, диван и стулья были украшены витиеватой резьбой. Вне всяких сомнений, эта комната была намного лучше и удобнее любой другой, какую Конан за свои деньги мог снять в центре города. Этот факт был немаловажен, если учесть, что кошелек киммерийца сильно отощал за последние несколько дней разгула.

Арам зажег бронзовую лампу и обратил внимание Конана на две двери с могучими запорами.

— Этой ночью ты можешь спать спокойно, киммериец,— сказал он, глядя на гостя бегающими глазками.

Конан заворчал, бросил на диван обнаженный меч.

— Твои замки и запоры крепки, но я привык спать со своим стальным другом.

Арам ничего не ответил. Только перебирал пальцами густую бороду и смотрел на страшное оружие. Потом тихо удалился, прикрыв за собой дверь.

Конан запер дверь на засов, пересек комнату, открыл вторую дверь, выглянул. Его комната помещалась в той части дома, которая выходила на дорогу, идущую на запад. Через этот выход можно было попасть в маленький дворик, обнесенный отдельной стеной. Стены, отделявшие дворик от таверны, были очень высоки и не имели дверей, но стена со стороны дороги была невысокой, и ворота в ней были не заперты.

Конан постоял несколько минут, ощущая тепло от лампы позади него. Он смотрел туда, где дорога исчезала в роще финиковых пальм. Оттуда доносился слабый шорох листьев, трепещущих под легким ветром. За рощей тянулись голые бесконечные пе-

ски. На противоположном конце улицы слышались слабые звуки города, освещенного фонарями. А здесь было тихо, что-то шептали листья, неярко мерцали звезды. За низкой стеной лежала пыльная дорога, и жалкие пустые лачуги смотрели плоскими крышами на звездное небо. Где-то там, за пальмовой рощей, послышался тихий рокот барабана.

Конану вспомнились мрачные предупреждения зуагира, которые уже не казались нелепыми и фантастическими. Конан вновь задумался над тайной пустых лачуг. Почему нищие избегают их?

Он вернулся в комнату, закрыл дверь и опустил засов.

Свет начал дрожать. Конан мог бы поклясться, что еще несколько минут назад в лампе было достаточно пальмового масла. Теперь же масла оставалось чуть-чуть, на самом дне. Киммериец, отродясь не отличавшийся покладистостью, собрался было вызвать хозяина и устроить скандал. Но день выдался тяжелый, пора было и отдохнуть. Конан задул огонь.

В темноте он разделся, вытянулся на диване. Его мускулистая рука привычно отыскала рукоять меча. Устало взглянув на звезды в зарешеченном окне, киммериец поддался очарованию легкого шелеста пальмовых листьев и погрузился в сон, уголком сознания прислушиваясь к бормотанию барабана из пустыни... к этому низкому урчанию обтянутого кожей инструмента, по которому наносила мягкие удары открытая ладонь черной руки...

2. НОЧНЫЕ ЛОВЦЫ

Конан проснулся от звука открываемой двери. Он просыпался не так, как обычный цивилизованный человек — ленивый, изнеженный, напичканный снотворным. Конан проснулся мгновенно. Готовый к бою, с ясным умом, он отчетливо и безошибочно выделил звук, прервавший его сон. Он увидел, как открылась дверь, и в проем, заслонив небо, втиснулась огромная темная фигура с широкими покатыми плечами и страшной головой

По спине киммерийца забегали мурашки: ведь дверь была надежно заперта. Открыть ее могли лишь демоны и колдуны. Да и может разве быть у человека такая голова, которая вырисовывалась на фоне неба? Киммериец уловил знакомый запах, но не успокоился, поскольку легенда зуагиров утверждала, что именно такой запах издают дьяволы.

Конан осторожно подобрал под себя ноги и резко вскочил. Удар мечом — словно прыжок тигра из темноты. Даже демону не удалось бы уклониться от такой атаки. Меч легко прошел сквозь плоть и кости, и что-то издав протяжный хрип, тяжело рухнуло на пол. Конан склонился над поверженным. С меча капала кровь. Кто бы это ни был — дьявол или человек — уже не имело значения: он умер. Конан чувствовал смерть, как чувствует ее дикий зверь. Он выглянул через приоткрытую дверь — все [illegible] а открыты, дворик пуст.

Конан закрыл дверь, но не запер ее. В темноте отыскал лампу, зажег фитиль. В следующее мгновение уже рассматривал существо, распростершееся на полу в луже крови.

Это был чернокожий гигант в одной лишь набедренной повязки. Рука его все еще сжимала узловатую дубинку, обитую на конце бронзой. Из курчавых волос с помощью тонких веточек и глины была сделана страшная прическа, напоминавшая рога буйвола. Эти рога и придавали голове жуткий вид. Получив ключ к решению загадки, Конан раздвинул ногой толстые красные губы и, глядя на подпиленные до основания зубы, произнес проклятие.

Теперь до него дошел смысл таинственного исчезновения путников из дома Арама Бакша. Стали понятны и рокот барабана за финиковой рощей, и яма, наполненная углем вперемежку с человеческими костями. Над этой ямой, в мерцающем свете звезд поджаривалось необычное мясо, а вокруг костра сидели черные звери, утоляя голод своих ненасытных утроб. Человек на полу был рабом каннибалов из Дарфара.

Таких людей Конан видел немало в этом городе. В Замбуле каннибализм не признавался открыто, но теперь Конан знал, почему люди так тщательно запирались на ночь, и почему нищие избегают темных аллей и брошенных лачуг. Он с отвращением выругался, поскольку не раз видел, как по ночным улицам украдкой двигались черные призраки в поисках своих жертв. А такие, как Арам Бакша, открывали им двери. Содержатель таверны не был дьяволом — он был намного хуже. Рабы из Дарфара прославились грязным воровством, и не было сомнения, что часть награбленного попадала в руки Арама Бакша. Взамен он продавал им человеческую плоть.

Конан погасил лампу. В темноте подошел к двери, открыл ее и стал осторожно ощупывать резные украшения на внешней стороне. Одно из них двигалось и было закреплено на стержне, который выходил из двери. Комната оказалась ловушкой. К тому же специально оборудованной. Люди попадали сюда подобно кроликам, но теперь вместо кролика угодил саблезубый тигр.

Конан подошел к той двери, которая выходила в коридор, и толкнул ее. Дверь не шелохнулась, и киммериец вспомнил про толстую железную полосу с другой стороны. Арам не искал встреч ни с жертвами, ни с теми, с кем действовал заодно.

Застегнув пряжку ремня с мечом в ножнах, Конан переступил через лужу крови, вышел во двор и аккуратно прикрыл за собой дверь. Он не собирался откладывать на потом разбор с Арамом. Сколько же несчастных было убито во сне дубиной, а затем вытащено на дорогу, ведущую к страшной яме!

Во дворе Конан прислушался. По-прежнему тихо рокотал барабан, но бликов пламени за рощей видно не было: никого, значит, пока не жарили.

Каннибализм в этих местах был неотъемлемой частью жизни

чернокожих, их способом существования. Вот и сейчас они собрались на свое страшное культовое пиршество. И если им сегодня все же что-нибудь перепадет, то уж никак не Конан.

Чтобы попасть к Араму, нужно было взобраться на одну из стен. Высокие стены, как оказалось, служили защитой не только от кочевников, но и от каннибалов. Но Конана нельзя было сравнивать с людьми пустыни: ему не раз случалось покорять кручи родных холмов и скал. Теперь он стоял у стены, прикидывая, как сподручнее перемахнуть на другую сторону. Вдруг до его слуха донесся сдавленный крик.

В одно мгновение Конан очутился у ворот, пристально вглядываясь через дорогу. Звук пришел от лачуг, из тени пальм за дорогой. Он услышал удушливые хрипы и бульканье. Было похоже, что кто-то пытается закричать, но чья-то безжалостная рука зажимает рот жертвы. Внезапно из-за хижин показалась и направилась к роще группа фигур — три огромных черных несли одну светлую, тщетно пытавшуюся вырваться. Конан увидел, как после удачной попытки пленник вырвался из грубых лап и побежал по дороге в город. Оказалось, что это гибкая молодая женщина, притом совершенно голая. Конан разглядел ее отчетливо. Чернокожие кинулись следом, и вся группа снова скрылась в тени между лачугами. Тишину прорезал отчаянный крик, наполненный болью и ужасом.

Разъяренный мерзостью происходящего, Конан ринулся через дорогу.

Ни жертва, ни ее похитители не подозревали о присутствии киммерийца до тех пор, пока потрескивание песка не выдало грозного приближения. Он налетел на них, словно яростный горный ураган. Двое чернокожих обернулись, подняли дубины. Но они не учли скорости, с какой нападал Конан. Один из них сразу же отлетел с распоротым брюхом. Второй махнул дубиной, но Конан увернулся, полоснул мечом, и голова чернокожего взметнулась в воздух. Безголовое тело еще сделало по инерции три шага, обливаясь кровью и размахивая руками, а затем шмякнулось в густую пыль.

Третий каннибал, глухо вскрикнув, резко оттолкнул от себя женщину и бросился бежать. Она споткнулась, покатилась по земле, а черный в панике помчался в направлении города. Ужас придавал ему резвости, но прежде, чем они поравнялись с ближайшей к городу хижиной, чернокожий, почуяв за спиной неотвратимую смерть, заревел, словно бык на бойне.

— Черный пес ада! — сквозь зубы проревел Конан и всадил меч между черных лопаток с такой силой, что лезвие наполовину вышло из груди каннибала. С предсмертным хрипом каннибал рухнул, а Конан, наступив на тело, выдернул клинок.

Ничто больше не нарушало тишины, только легкий ветер слабо шевелил листья пальм. Конан встряхнул головой, как лев встряхивает гривой, и что-то прорычал о неудовлетворенной жа-

жде крови. Но никто не показывался на пустынной дороге, озаренной светом звезд.

При звуке торопливых шагов Конан резко обернулся, но это оказалась девушка, которая бросилась к нему, обвила его шею руками, полуживая от ужаса.

— Успокойся,— проворчал он.— Теперь все в порядке. Как они тебя поймали?

Она всхлипнула, неразборчиво что-то ответив. В свете звезд Конан ее рассмотрел и сразу забыл об Араме Бакша. Ее кожа была ослепительно белой, а волосы ниспадали смоляной волной. В общем, это была достойная представительница разнородного населения Замбулы. Высокая, с прекрасными нежными формами, она, безусловно, была интересным объектом для обозрения. В глазах Конана вспыхнуло восхищение, когда он увидел великолепную грудь и стройные ноги, все еще дрожавшие от страха. Он обнял податливую талию и ободряюще произнес:

— Хватит трястись, милая. Теперь ты в безопасности.

Его прикосновение, казалось, вернуло девушке несколько утраченный здравый смысл. Она откинула голову, пугливо оглянулась. И тут же снова прижалась к киммерийцу, словно пытаясь обрести в нем надежную опору.

— Они поймали меня на улице,— прошептала она.— Они ждали в темноте под аркой. Черные мужчины, похожие на громадных обезьян! Но Сет пожалел меня. Всегда буду ему молиться!

— Что же ты делала на улице ночью?— спросил Конан, с наслаждением поглаживая бархатистую нежную кожу.

Она открыто взглянула ему в лицо. Казалось, она не чувствовала его ласк.

— Мой возлюбленный выгнал меня,— сказала она.— Он сошел с ума и хотел меня убить. Как только я убежала, меня схватили эти звери.

— Такая красавица, как ты, может любого свести с ума,— произнес Конан, запуская пальцы в ее глянцевитые локоны.

Она дернулась, как человек, которого сильно ударили. Больше она не дрожала, ее голос звучал ровно.

— Так отомстил мне злой монах Тотрасмек, верховный жрец Ханумана. Он хотел заполучить меня, собака!

— Не стоит ругать его за это,— ухмыльнулся Конан.— У старого лиса хороший вкус.

Девушка проигнорировала грубоватый комплимент.

— Мой возлюбленный,— сказала она,— молодой туранский офицер. Тотрасмек подсыпал ему снадобье, которое сделало его сумасшедшим. Этой ночью он пришел ко мне с мечом, чтобы убить меня, но я убежала. Потом на меня напали негры. Кто они?

Вместо ответа Конан приложил палец к губам и бесшумно, как тень, увлек девушку за ближайшую лачугу под пальмами. Они замерли, напряженно вслушиваясь в тишину. Наконец, послышались глухие голоса, которые становились все громче. Около де-

сятка чернокожих возвращались из города. Девушка вцепилась в руку Конана, и он почувствовал, как задрожало ее гибкое тело.

Теперь они отчетливо слышали гортанный говор черных людей.

— Наши братья собрались у ямы,— говорил один из них.— А нам сегодня не повезло. Теперь у них будут причины нас презирать.

— Арам обещал человека,— пробормотал другой, и Конан мысленно пожелал Араму множества радостей в преисподней.

— Арам держит слово,— вступил в разговор еще кто-то.

— Вспомните, сколько людей мы взяли из его таверны. Но и платим за это как следует. Я сам дал десять свертков привезенного желтыми купцами шелка. Это был очень хороший шелк...

Чернокожие прошли мимо. Голоса замерли вдали.

— Хорошо, что трупы лежат за лачугами,— негромко заметил Конан.— Если они заглянут к Араму, то найдут еще одного своего приятеля. Уходим отсюда.

— Да-да, надо торопиться,— подхватила девушка.— Мой возлюбленный бродит где-то по улицам. А вдруг они схватят его?

— Какой все же паскудный обычай! — Конан наконец обрел слушателя и получил возможность высказаться по поводу местных порядков.

Теперь они шли в город по другой улице, но на всякий случай держались в тени домов и деревьев.

— Почему горожане не выгонят этих собак из города,— спросил киммериец.

— Во-первых, они отличные рабы,— сказала девушка.— А во-вторых, здесь их так много, что случись им взбунтоваться, они вырежут все население. Я не сразу поняла, кто это, но теперь мне все ясно. Жители Замбулы знают, что рабы шалят по ночам, и поэтому крепко запираются на ночь. Но бывает, случается непредвиденное. Разве иначе я оказалась бы на улице? Вообще, черные, конечно, не делают различий, но обычно им попадаются чужеземцы. Считается, что жители города не обязаны беспокоиться о странниках. А такие, как Арам Бакша, продают странников каннибалам. Об этом многие знают. Конечно, он не посмел бы выкинуть такую штуку с горожанином.

Конана передернуло от отвращения. Ну и порядки в этом богоспасаемом Туране!

Через несколько минут он вывел свою спутницу на довольно приличную улицу с неосвещенными домами.

— Куда тебя проводить? — спросил он, резонно полагая, что приключение еще не окончено. Во всяком случае, девушка не возражала против его руки на своей талии.

— Домой. Разбужу слуг, пусть возьмут палки и отправляются искать моего любимого. Не хватало еще, чтобы в городе узнали о его сумасшествии. Он ведь офицер! К тому же служит при дворе. Ты мне поможешь? Возможно, мы вылечим его, когда найдем...

— Найдем? С чего ты взяла, что я жажду провести ночь в поисках лунатика? По-моему, можно найти занятие поинтереснее.

Она взглянула ему в лицо и правильно поняла блеск его глаз. Любая женщина чувствует момент, когда мужчина готов исполнить самую безумную ее прихоть, но настоящая женщина никогда в этом не признается.

— Пожалуйста! — взмолилась она. — У меня больше никого нет, кого я могла бы попросить о помощи. А ты такой добрый и сильный...

— Хорошо! — решил Конан. — Хорошо! Как зовут этого молодого распутника?

— Алафдал. А меня Забиби. Я танцовщица. Раньше я часто танцевала перед сатрапом Юнгир Ханом и его женой Нафертари, а также перед вельможами Замбулы. Тотрасмек очень хотел меня, но я отвергла его, и он сделал меня невольным инструментом мести Алафдалу. Не подозревая о вероломстве Тотрасмека, я попросила у него любовное снадобье для Алафдала. Он дал мне снадобье, сказав, что его надо высыпать в рюмку с вином для моего возлюбленного. Он поклялся, что если Алафдал выпьет это вино, то будет любить меня намного сильнее, чем обычно, и станет исполнять все мои желания. Но, выпив вино, мой возлюбленный сошел с ума и захотел меня убить. Я проклинаю Тотрасмека, эту подлую змею!

Она судорожно схватила Конана за руку, и оба они на мгновение остановились. Потом вошли в квартал магазинов и лавок. Было очень поздно, фонари не горели, и только свет звезд падал на пустынные улицы. Конан и Забиби одновременно увидели человека, неподвижно стоявшего в глубине аллеи. Голова его была опущена, и казалось, он что-то обронил, а теперь ищет. Но вот человек поднял голову, и его глаза вспыхнули каким-то фантастическим, потусторонним огнем. По спине киммерийца пробежал холодок. Дело не в том, что́ человек держал в руке клинок — клинков Конан за свою жизнь насмотрелся предостаточно. Уж больно жутко выглядела молчаливая фигура с горящими глазами. Конан легонько оттолкнул девушку и вытащил меч.

— Не убивай его! Во имя Сета, не убивай! Ты же намного сильнее его!

— Посмотрим, — сказал Конан, выставив вперед меч и сжав левый кулак-кувалду. Он уже решил, что не убьет сумасшедшего, как бы ни сложился поединок. Он успел разглядеть кое-что важное. Нет, лучше не убивать.

Конан сделал осторожный шаг, и туранец, демонически рассмеявшись, ринулся в атаку. Он шел на носках, слегка приплясывал и со свистом вращал клинком над головой. Судя по всему, это был опытный воин. Но вот клинки скрестились, рассыпав в темноте голубые искры. Конан отбил удар, качнулся всем корпусом вправо, одновременно выбросив вперед левый кулак. В тот же миг нападавший без сознания рухнул на землю. Его глаза потухли за

веками с пушистыми ресницами. Кулак киммерийца, как всегда, был молниеносен.

— Что с ним? — девушка бросилась к поверженному.

Конан наклонился, перевернул человека на бок.

— Ничего страшного, — усмехнулся гигант. — Обычный удар в челюсть. Скоро очнется. Но лучше его связать. Его же ремнем... Вот так. Ну, куда доставить этого красавца?

— Подожди минуту.

Девушка присела возле неподвижной фигуры, взяла связанные руки и стала внимательно их рассматривать. Затем, разочарованно тряхнув головой, встала. Подошла к киммерийцу, положила ладони на его мускулистую грудь, и ее бархатистые глаза, мерцавшие, как два бриллианта, утонули в глазах гиганта.

— Ты настоящий мужчина! — прошептала она. — Помоги мне. Убей Тотрасмека!

— И сунь свою голову в туранскую петлю, — рассмеялся Конан.

— Ни в коем случае!

Ее нежные и гибкие руки стали вдруг твердыми, как сталь, обняли мощную шею гиганта, и она прижалась к нему.

— Гирканцы не любят Тотрасмека, а жрецы Сета боятся его. Тотрасмек — ублюдок. Он правит людьми с помощью страха и неверной религии. Я молюсь Сету, туранцы поклоняются Эрлику, но Тотрасмек приносит жертвы проклятому Хануману. Туранская знать боится его черного дьявольского искусства, боится его власти над населением, но и ненавидит его. Если его вдруг убьют, они не будут слишком рьяно искать убийцу.

— А если он применит свое колдовское искусство и убьет меня? — спросил гигант.

— Ты же воин! — вспыхнула девушка. — Рисковать жизнью — твоя профессия!

— Назови свою цену, — усмехнулся Конан.

— Я расплачусь с тобой! — Она глубоко вздохнула, приподнялась на носки, заглянула ему в глаза.

Близость прекрасного тела вызвала пламя в груди киммерийца, а нежное дыхание внесло сумятицу в голову. Но как только его руки сомкнулись за спиной девушки, она осторожно отвела их и сказала:

— Не торопись. Сначала помоги мне.

— Назови цену, — бормотал Конан с волнением в голосе.

— Подними моего любимого, — сказала Забиби.

Конан встряхнулся, легко вскинул беспомощное тело на свои широкие плечи. В этот момент он чувствовал, что мог бы взвалить на себя весь дворец Юнгир Хана. Девушка шептала молодому человеку ласковые слова, и в них не чувствовалось никакой фальши. Очевидно, она искренне любила Алафдала, а соглашение, которое она заключила с Конаном, было чисто деловым. В таких

вещах женщины проявляют больше здравого смысла, нежели мужчины.

— Иди за мной! — приказала она и торопливо двинулась по улице. Киммериец легко зашагал следом, и казалось, что ноша ничуть не обременяет его. В то же время он зорко смотрел по сторонам, ожидая возможного нападения ночных похитителей. Но ничего подозрительного не было. Видимо, люди Дарфара уже давно собрались возле культовой ямы. Девушка тем временем свернула на узкую боковую улочку и через несколько секунд уже стучалась в небольшую сводчатую дверь.

Почти сразу открылось небольшое оконце, и оттуда выглянуло черное лицо. Девушка что-то быстро прошептала. Звякнули запоры, дверь отворилась. В проеме появился черный человек огромного роста. Конан сразу определил, что этот негр не является представителем племени Дарфара. Его зубы не были подпилены, а густые волосы были коротко подстрижены. Человек принадлежал к племени Уадаи.

По просьбе Забиби Конан передал тело молодого туранца черному слуге. Офицер был тут же уложен на покрытый бархатом диван. Туранец не приходил в себя, и это было естественно — Конан мог бы свалить ударом и быка. Девушка на секунду склонилась над своим возлюбленным, затем выпрямилась и вместе с киммерийцем вышла на улицу.

Дверь закрылась, замки щелкнули, окошечко захлопнулось. Забиби взяла Конана за руку.

— Ты не предашь меня?

Он отрицательно покачал головой.

— Тогда мы идем в храм Ханумана, и пусть боги благословят нас!

И снова, как призраки, они бесшумно двигались по спящему городу. Каждый думал о своем. Забиби, возможно, уносилась мыслями к своему возлюбленному, которого оставила лежать в неясном свете медных ламп. А может, размышляла о том, что ожидает ее в дьявольском храме Ханумана. Мысли же Конана сходились исключительно на одном — на девушке, которая шла так близко. Запах ее волос щекотал ноздри, ощущение близости заполняло все существо киммерийца.

Внезапно услышав какое-то бряцанье, они быстро укрылись в тени мрачной арки. Мимо прошагал отряд ночных стражей. Человек пятнадцать шли, тесно сомкнув ряды и держа наготове копья. Стражи, которые замыкали шествие, закрывали свои спины бронзовыми щитами, опасаясь предательского удара сзади. Угроза попасть в руки черных пожирателей человечины существовала даже для вооруженных воинов.

Вскоре позвякивание подкованных сандалий затихло в конце улицы. Конан и девушка покинули свое убежище, двинулись дальше. Через несколько минут они увидели приземистое с плоской

крышей сооружение, очертания которого неясно вырисовывались впереди.

Храм Ханумана стоял в гордом одиночестве посреди широкой площади, затихшей и безлюдной в этот час. Мрачное здание, сложенное из массивных каменных блоков, словно бы давило на каждого, кто к нему приближался. Здание было опоясано беломраморной стеной, покрытой барельефами с картинками из жизни богов и чудовищ. Широкий вход, подобный распахнутой пасти, позволял беспрепятственно проникнуть внутрь. Ворота или иные заграждения отсутствовали.

— И почему это людоеды не охотятся за человечиной в храме? — хмыкнул Конан. — Сюда же можно войти свободно!

Забиби тесно прижалась к нему, и он почувствовал головокружительное тепло ее тела.

— Они панически боятся Тотрасмека. В Замбуле его все боятся. В том числе Юнгир Хан и Нафертари... Идем! Идем скорее, пока я еще могу идти.

И девушка шагнула вперед, как шагают в омут. Конану нравились люди, способные перешагнуть через свой страх. Чуть обогнав девушку, он прикрывал ее плечом.

Они миновали широкий вход. Киммериец был наслышан об ужасных обычаях жрецов Востока и совершенно бы не удивился, если бы на них вдруг упала каменная балка, или под ногами разверзлась бы земля. Он знал — может случиться так, что ни он, ни девушка не выйдут отсюда живыми. Но Конан не имел привычки долго размышлять об опасностях. Ну, не повезет...

Они вошли во двор. На мраморных плитах отражались звезды. На галерею с колоннами вела неширокая лестница. Стук двух сердец, казалось, разносился на всю округу. Высокие двери были широко раскрыты, внутри никого не было видно. Днем сюда приходили люди и возлагали приношения на черный алтарь бога-обезьяны. Ночью же жители Замбулы избегали храма, как зайцы избегают нору ядовитой змеи.

Тлеющие курильницы распространяли внутри храма мягкий таинственный свет, и обстановка вокруг казалась нереальной и даже потусторонней. У стены за черным каменным алтарем сидел бог. Его взгляд был навечно прикован к дверям, через которые веками приходили его жертвы, а некоторых приволакивали на цепи. От порога к алтарю вела неглубокая канавка, и, когда нога Конана ступила на нее, киммериец инстинктивно отскочил в сторону. Канавка была протоптана ногами множества людей, которые в муках умирали на этом мрачном алтаре.

В неверном свете курильниц бог Хануман выглядел получеловеком-полуживотным. Он сидел не так, как обычно сидят обезьяны, а как человек, поджавший ноги, но от этого его сходство с обезьяной не уменьшалось. Фигура божества была высечена из черного мрамора. Рубиновые глаза горели похотливым красным светом, словно угли в культовой яме людоедов. Огромные руки Ха-

нумана лежали на коленях ладонями вверх, когтистые пальцы были полусогнуты, и, казалось, они готовы схватить каждого, кто осмелится приблизиться. В отвратительном изображении божества был отражен весь цинизм вырождающегося культа.

Забиби осторожно обошла статую, но, нечаянно коснувшись ее, задрожала, словно задела ядовитую рептилию. За широкой спиной идола, на расстоянии нескольких футов, виднелась мраморная стена и бордюр из золотых листьев. По обе стороны от статуи размещались две двери из слоновой кости. Над каждой из них размещалась золотая арка.

— За этими дверями коридор, который напоминает по форме булавку для волос,— сказала девушка.— Я была там один раз.

Она вздрогнула и зябко поежилась, вспомнив ужасное и непристойное зрелище, которое ей довелось увидеть.

— Коридор изгибается как подкова, и каждый его рог выходит в эту комнату,— продолжала она.— Апартаменты Тотрасмека находятся в изгибе, и там есть две двери. Но где-то здесь должна быть потайная дверь, которая ведет прямо во внутренние покои Тотрасмека.

И она начала шарить по гладкой поверхности стены, на которой не было видно ни трещинки, ни бугорка. Конан стоял рядом, держа наготове меч и осторожно оглядываясь вокруг. Его воображение рисовало ужасные картины, которые могли иметь место за этой стеной, и киммериец ощущал себя зверем в ловушке.

Наконец, Забиби нашла тайную пружину. Большая плита бесшумно отошла в сторону, открыв темную дыру в стене.

— О, Сет! — внезапно вскрикнула девушка.

Конан прыгнул, но опоздал — чья-то смуглая рука вцепилась в волосы Забиби. Сильнейший рывок поднял девушку в воздух, втянул в черную дыру. Пальцы Конана успели лишь скользнуть по телу Забиби — плита опустилась на место, перед киммерийцем вновь была стена. Будто бы ничего не произошло, только за стеной слышались звуки борьбы, крик и чей-то противный смех, от которого у Конана закипела кровь в жилах.

3. СМЕРТЕЛЬНЫЕ ОБЪЯТИЯ

Ругнувшись, киммериец изо всех сил врезал по стене рукоятью меча. Кусок мрамора отвалился, но дверь не шелохнулась. Конан, подскочив к двери из слоновой кости, собрался было разнести ее вдребезги, но на всякий случай толкнул ее рукой. Дверь легко подалась, за ней оказался длинный, изгибающийся вдали коридор. Коридор тускло освещался курильницами. Звериное чутье подсказало Конану обождать и осмотреться. На косяке висел тяжелый шкворень, и гигант осторожно прикоснулся к нему губами. Так и есть — металл был тепловат, и это означало, что секундой назад кто-то прикасался к нему, чтобы отпереть дверь. Киммериец понял, что клюнул на наживку и чуть было не попал в ло-

вушку. А ведь следовало знать, что Тотрасмек держит под контролем каждого, кто заходит в храм.

Конан прекрасно понимал, что углубившись в коридор, он позволит увлечь себя в западню, которую заготовил для него жрец. Но где-то здесь находилась Забиби. Зная повадки жрецов Ханумана, киммериец был убежден, что девушка нуждается в помощи. Перехватив меч двумя руками, Конан мягкой поступью пантеры двинулся вперед.

С левой стороны коридора тянулся ряд сводчатых дверей, каждую из которых киммериец пытался открыть, но они были заперты. Он прошел около семидесяти пяти футов, и, наконец, коридор резко свернул направо. Все было так, как говорила Забиби. Одна из дверей за поворотом подалась, открылась.

Киммериец заглянул в широкое квадратное помещение, освещенное гораздо лучше, нежели коридор. Стены были покрыты белым мрамором, пол — слоновой костью, а потолок украшало резное серебро. Посреди комнаты стоял дископодобный стол из металла или чего-то очень похожего. Было несколько диванов, покрытых атласными покрывалами, и на одном из них полулежал человек. Встретив вопросительный взгляд Конана, человек рассмеялся.

Вся одежда незнакомца состояла из набедренной повязки и сандалий, подвязанных ремешками почти у колен. У него были коротко подстриженные черные волосы и смуглая кожа. Черты лица были грубыми, а глаза — необычайно живыми. Человек был огромен. При малейшем движении на руках и ногах вздувались и перекатывались шарами могучие мускулы. Таких рук Конан никогда не видел — они являлись олицетворением несокрушимой физической силы.

— Почему не входишь, варвар? — издевательски произнес незнакомец, сопроводив свои слова приглашающим жестом.

Конан, держа меч наготове, осторожно вошел в комнату.

— Ты кто, дьявол или человек? — прорычал киммериец, и в его голубых глазах вспыхнул зловещий огонь.

— Я Баал-птеор, — ответил человек. — Когда-то давно и в ином мире у меня было другое имя, но и это вполне подходит. А почему Тотрасмек назвал меня именно так, тебе скажет любая служительница храма.

— Так ты его пес! — воскликнул Конан. — Проклятье на твою коричневую шкуру! Говори, где девушка!

— Мой господин принимает ее! — рассмеялся Баал-птеор. — Слушай!

За дверью напротив той, через которую вошел Конан, послышался, приглушенный расстоянием, женский крик.

— Будь ты проклят! — Конан шагнул к двери, но тут же в гневе развернулся и принял боевую стойку. Баал-птеор насмехался над ним, и в этом смехе слышалась угроза. Волосы на затылке киммерийца вздыбились, а перед глазами поплыли красные круги от огромного желания заткнуть пасть насмешнику.

Конан шагнул к Баал-птеору. Коричневый человек быстро швырнул что-то навстречу — и в воздухе повис кристаллический шар, поблескивая гранями в причудливом свете курильниц.

Конан инстинктивно уклонился, но, к его удивлению, шар не упал, а повис в воздухе — его как будто поддерживали невидимые нити. И более того — шар начал вращаться. Быстрее, быстрее... Вдруг Конан увидел, что шар стал увеличиваться в размерах и, наконец, превратился в туман. Туман заполнил собой все помещение, окутал киммерийца, мебель, Баал-птеора. Конан потерял всякую ориентировку. Могучие порывы ветра свистели вокруг, били, пытались свалить с ног и затащить в бешеный вихрь.

Вскрикнув, Конан отпрянул, прислонился к стене. Видение сразу исчезло — шар лопнул, словно мыльный пузырь. Конан, пошатываясь, выпрямился. У ног клубился серый туман, на диване сидел Баал-птеор и трясся в беззвучном хохоте.

— Сукин сын! — Конан бросился к нему, но туман мгновенно поднялся, скрыв коричневую фигуру. Передвигаясь ощупью в облаке, Конан вдруг почувствовал, что обстановка вокруг изменилась. Затем все исчезло: помещение, туман и коричневый человек. Конан очутился на болоте среди высокого тростника. Навстречу несся громадный бык, пригнув голову к земле. Конан увернулся, вонзил меч быку под лопатку. Затем вдруг увидел, что это не бык, а коричневый Баал-птеор. Произнеся заклятие, Конан отрубил ему голову, но голова взвилась в воздух и внезапно вцепилась звериными клыками в горло киммерийца. Конан изо всех сил пытался вырваться, но тщетно. Вдруг раздался громкий рев, и снова все исчезло... Баал-птеор, сидя на атласном диване, молча смеялся.

— Гипноз! — догадался киммериец, стараясь тверже упереться носками в мраморный пол.

Глаза Конана потемнели от ярости. Коричневый пес забавлялся с ним! Но этот маскарад, эта игра с туманом не причинила вреда. Надо совершить всего лишь один прыжок и нанести удар! На этот раз он не поддастся колдовским чарам!

Но Конан ошибался. Позади раздалось свирепое рычание, и он, мгновенно обернувшись, рубанул мечом черную пантеру, готовую прыгнуть с металлического стола. Видение тут же исчезло, а меч, клацнув по блестящей поверхности, намертво к ней прилип. И это был уже не гипнотический фокус, а самая настоящая реальность — стол оказался гигантским сильным магнитом. Конан обеими руками схватился за рукоять меча, но окрик сзади заставил его обернуться. Баал-птеор поднялся, наконец, с дивана. Выше и гораздо тяжелее Конана, коричневый гигант угрожающе надвигался. Его длинные могучие руки конвульсивно подергивались, словно приглашая в свои смертельные объятия. Отпустив меч, Конан настороженно следил за противником сквозь прищуренные веки.

— Давай свою голову, киммериец! — ревел Баал-птеор. — Я

оторву ее голыми руками! Я сверну тебе шею, как цыпленку! Сыновья Казалы именно так приносят свои жертвы Яджуру. Варвар, ты смотришь в глаза своей смерти! Я душитель и поклоняюсь культу Йота-понга! Жрецы Яджура с детства обучали меня искусству убивать голыми руками. Яджур любит кровь, и ты, варвар, не потеряешь ни одной капли. Ребенком я убивал детей, подростком душил девушек, юношей, женщин и стариков. И пока я не стал мужчиной, мне не давали убивать взрослых воинов! Сотни шей я свернул вот этими руками! — Баал-птеор пошевелил пальцами перед самым носом киммерийца.— Тебе не важно знать, когда я начал служить Тотрасмеку. Через мгновение тебя не будет! Душители Яджура намного сильнее обычных людей, а я сильнее всех, варвар!

Подобно двум огромным кобрам, руки гиганта сжали шею киммерийца. Конан не предпринял попытки увернуться или отбросить эти руки. Наоборот, он сам обхватил бычью шею сына Казалы. Черные глаза Баал-птеора изумленно вспыхнули, когда он почувствовал толстые связки мускулов на шее варвара. Рыча, душитель применил всю свою силу — на его руках вздулись могучие бугры. Но вот пальцы Конана сомкнулись на его горле, и из груди Баал-птеора вырвался придушенный вздох. Несколько мгновений они стояли неподвижно, словно две статуи. Их лица выражали колоссальное напряжение, на висках вздулись синие вены. Тонкие губы Конана раздвинулись, обнажив сжатые зубы, сквозь которые прорывалось сдавленное рычание. Глаза Баал-птеора вылезали из орбит, в них отражались удивление и ужас. Две силы, способные выворачивать с корнем деревья и ломать бычьи шеи, сошлись в смертельной схватке.

Вдруг Баал-птеор разжал зубы и охнул. Его лицо налилось багряной краской. Казалось, вот-вот его руки ослабнут, так и не преодолев сопротивления шейных мышц киммерийца. Пальцы же Конана сжимались все теснее.

Наконец, неподвижность скульптурной группы нарушилась. Сын Казалы стал приседать, стараясь откинуться назад. Он отпустил горло Конана и попытался разжать железные пальцы на своей шее.

Сделав резкий мощный толчок, Конан прижал противника к столу. Все ниже и ниже опускался Баал-птеор под натиском киммерийца. Смех Конана был таким же безжалостным, как и его хватка.

— Ты дурак! — прошептал он.— Ты, наверное, никогда не видел мужчины с Запада. Ты сворачивал головы несчастным слабакам и беззащитным женщинам. Пес! Попробуй сначала свернуть шею дикому киммерийскому быку, как это сделал я еще в детстве!

И могучим рывком Конан завернул голову Баал-птеора так, что перекошенное лицо сына Казалы оказалось над левым плечом, а хребет треснул, словно сухой прут.

Киммериец отпустил труп, повернулся к мечу и обеими руками схватился за рукоятку. Грудь победителя тяжело вздымалась,

волосы были взлохмачены, по лицу стекал пот. Противник оказался почти равным по силе.

Не переводя дыхания, Конан вложил всю мощь в рывок и оторвал меч от стола. Затем толчком распахнул дверь, за которой слышались крики. Там оказался длинный коридор с дверями из слоновой кости. В конце коридора висела золотистая занавеска, из-за которой доносилась музыка, какую Конану не доводилось слышать даже в кошмарных снах. Сквозь адскую мелодию до слуха киммерийца докатились рыдания женщины, и он, перехватив меч, шагнул вперед.

4. ТАНЦУЙ, ДЕВУШКА, ТАНЦУЙ!

Когда Забиби втащили в потайную дверь за идолом, девушка решила, что пришла смерть. Но убить ее решили, видимо, позже, а пока лишь бесцеремонно швырнули на пол. Вскрикнув от боли, девушка настороженно осмотрелась.

Над ней возвышался огромный коричневый человек в набедренной повязке. В дальнем конце зала, на фоне тускло поблескивающей золотой занавеси, сидел тот, кого Забиби ненавидела и жаждала убить. Это был Тотрасмек — верховный жрец Ханумана, уже много лет оплетающий город Замбулу незримой паутиной власти. Толстый и лысый старик, с пухлыми белыми руками и с глазами, полными змеиного коварства.

За стеной послышались приглушенные удары.

— Варвар хочет сломать дверь,— усмехаясь, произнес Тотрасмек.— Ну-ну, пусть потрудится.

Забиби увидела, что потайная дверь закрыта невероятно большим золотым засовом. Такой засов мог выдержать нападение слона.

— Баал-птеор, иди и впусти его,— приказал жрец.— Убей его возле алтаря.

Огромный человек поклонился жрецу и вышел, бросив на девушку равнодушный взгляд. Забиби поднялась, и ее передернуло от отвращения — похотливый взор Тотрасмека буквально ощупывал ее обнаженное тело. Удел танцовщицы — танцевать обнаженной, и Забиби спокойно относилась к тому, что была раздетой. Но взгляд жреца был невыносимо противен.

— Снова ты здесь, красавица,— промурлыкал Тотрасмек, улыбаясь.— Какая неожиданная радость! Мне показалось, прошлый визит тебе не понравился, а ты снова пришла, моя повелительница. Ты ведь хочешь меня, правда?

Заставить покраснеть танцовщицу Замбулы практически невозможно. В глазах Забиби вспыхнули злые огоньки, а голос ее задрожал от бешенства.

— Жирная свинья! Ты знаешь, что я пришла сюда не за этим!

— Конечно,— хихикнул Тотрасмек.— Ты приползла сюда вместе со своим глупым варваром, чтобы перерезать мне глотку. К счастью, я это знаю. Но зачем тебе жизнь бедного монаха?

— Ты сам знаешь! — крикнула она, понимая, что притворяться бессмысленно.

— Твой любовник,— рассмеялся жрец.— Выходит, он проглотил мое снадобье? Но ты же сама меня об этом просила! И я это сделал исключительно из любви к тебе.

— Я просила лекарство, которое усыпило бы его на несколько часов,— горько сказала Забиби.— А ты сделал его сумасшедшим! Глупая я, что поверила тебе.

— А зачем ты хотела, чтобы твой любовник заснул?— парировал жрец.— Ты хотела украсть у него кольцо с бриллиантом, которое он никому не дает. Люди называют это кольцо Звездой Хорала. Оно было украдено у королевы Офира. Теперь королева готова заплатить за него кучу золота. Твой Алафдал знает чудесный секрет кольца и никогда не отдаст тебе его добровольно. С помощью этого кольца, при правильном обращении с ним, можно поработить сердце любого человека противоположного пола. Ты опасалась, что волшебники откроют секрет, и твой любовник забудет тебя. Ты хотела отослать кольцо королеве Офира, которая умеет с ним обращаться! Ты хотела использовать королеву против меня! Однако у тебя ничего не вышло.

— Неужели это кольцо тебе так нужно?— спросила Забиби.

— О, я всю жизнь занимаюсь магией и знаю толк в подобных вещах. Кольцо сделает меня непобедимым. Равных мне не сыщется во всем мире.

— Но ведь теперь кольцо у тебя.

— У меня? Увы, это не так.

— Опять лжешь! Кольцо было у него на пальце, когда он выгнал меня на улицу. А потом кольцо исчезло. Твои люди следили за домом и украли Звезду Хорала... Ну и черт с ним! Верни рассудок моему возлюбленному. Ты ведь можешь!

— Могу,— подтвердил Тотрасмек, достав из-под одежды небольшой сосуд синего стекла.— Здесь сок золотого лотоса. Дай его выпить Алафдалу, и к нему вернется разум. Он даже не будет ничего помнить. Я буду милосердным, хотя вы оба насмехались надо мной и презирали меня. А он постоянно отвергал мои желания. Говорил, будто бы они, видите ли, противоестественны! Но я буду добр. Подойди и возьми сосуд.

Тотрасмек все время смотрел в глаза девушки, и от этого взгляда в душе Забиби поднялась темная волна ужаса. Но сосуд с соком был так близко... Она медленно приближалась, вытянув руку, как вдруг случайно взглянула наверх. С позолоченного потолка опускались четыре сосуда желтовато-зеленого цвета. Один из них чуть не зацепил ее. Сосуды упали на пол, разбились, образовав квадрат, в центре которого стояла Забиби. Девушка вскрикнула. Потом еще раз.

Из-под осколков поднимались головы четырех кобр. Одна тут же качнулась к обнаженной ноге девушки. Танцовщица отпрянула и сразу оказалась рядом с другой коброй. И снова отпрыгнула,

подобно молнии, чтобы не коснуться ужасной чешуйчатой головы.

Четыре кобры, покачиваясь над глиняными осколками, выжидали случая нанести удар. Чтобы избежать смертельного укуса, девушке приходилось двигаться, не останавливаясь ни на мгновение. Грандиозный каскад прыжков в окружении ядовитых чудовищ! Тело Забиби заблестело от пота, ноздри затрепетали, волосы разлетелись тысячами черных спиралей. Быстрее! Быстрее! Еще быстрее! Забиби двигалась столь быстро, что казалось, будто она находится в нескольких местах одновременно. Каждый раз, уклонившись от одной змеи, она попадала в опасную близость к другой. Только танцовщица Замбулы была способна на такую реакцию.

Зрелище тем не менее было великолепно! Прекрасная девушка отчаянно боролась за жизнь под мрачными сводами огромного замка. От вожделения у Тотрасмека отвисла челюсть, а взгляд затуманился. Давно, очень давно мечтал он увидеть Забиби такой!

Движения танцовщицы становились все более стремительными. Ужасные головы кобр раскачивались на ничтожно малом расстоянии от ее тела, но, ударяя, промахивались.

Вдруг откуда-то издали послышалась и слилась с шипением змей тихая жалобная мелодия — свист ночного ветра, дующего сквозь пустые глазницы черепа. Забиби с ужасом осознала, что удары кобр наносятся не наугад — змеи повиновались звукам невидимого музыкального инструмента.

Кобры, подчиняясь адской музыке, наносили удары все яростнее и быстрее. Движения девушки обрели форму и стали вырисовываться в танец, по сравнению с которым самая неприличная тарантелла Заморы казалась совершенно невинной. Объятая стыдом и ужасом, Забиби услышала злобный шепот своего мучителя.

— Это называется танец Кобр, милая! — хрипло смеялся Тотрасмек. — Так танцевали девушки, приносимые в жертву Хануману. Но никогда и никто не делал этого с такой красотой и грацией! Танцуй, девушка, танцуй! Посмотрим, сколько времени ты продержишься. Минуты? Часы? Все равно ты выдохнешься. Твои ноги начнут спотыкаться, ты устанешь, и тогда зубы кобр глубоко проникнут в твое прекрасное тело...

Внезапно позади него резко качнулась занавеска. Тотрасмек закричал. Его глаза расширились, а руки конвульсивно схватились за широкое лезвие, выскочившее из груди.

Музыка постепенно замирала вдали, но девушка продолжала танцевать с головокружительной скоростью, вскрикивая от страха. И лишь после того, как Тотрасмек, обливаясь кровью, упал на пол, кобры исчезли, превратившись в тоненькие столбики голубого дыма.

Из-за занавески появился Конан, вытирая лезвие меча. Увидев танцующую девушку в окружении четырех качающихся спиралей дыма, он догадался, что для нее они выглядели совсем по-другому. И понял, что должен убить Тотрасмека.

Забиби опустилась на пол, часто и тяжело дыша, но тут же вскочила.

— Сосуд! — выдохнула она.— Сосуд!

Тотрасмек все еще держал его в неподвижной руке. Забиби грубо вырвала сосуд и принялась обыскивать мертвого жреца.

— Какого дьявола ты обыскиваешь его? — поинтересовался Конан.

— Он украл кольцо у Алафдала.

Обыскав тело жреца, Забиби приступила к поискам в комнате, срывая портьеры со стен, сдирая с диванов покрывала и переворачивая подвешенные к потолку сосуды. Наконец, она остановилась.

— Я забыла про Баал-птеора!

— Он уже в преисподней,— усмехнулся Конан.

Забиби удовлетворенно кивнула, но тут же предупредила:

— Мы не должны оставаться здесь. Скоро наступит рассвет. Сюда могут прийти младшие жрецы, и если они нас обнаружат, то разорвут на части. Даже туранцы нас не спасут.

Она извлекла из стены металлический штырь, и дверь открылась. Через минуту они были уже на улице.

Пройдя немного, Конан остановился, положил руку на обнаженное плечо Забиби.

— Ты не забыла о цене?

— Нет, не забыла,— она вздохнула.— Но прежде надо навестить Алафдала.

Тот самый черный раб пропустил их в сводчатую дверь. Молодой туранец по-прежнему лежал на диване. В широко раскрытых глазах застыло безумное выражение, на губах выступила густая пена. Забиби передернула плечами.

— Разожми ему зубы,— попросила она и тут же вылила содержимое сосуда в глотку бездыханного офицера.

Эффект был подобен чуду. Больной мгновенно преобразился. С глаз сошла пелена безумия, и взгляд стал осознанным. Туранец шевельнулся и мгновенно уснул, но уже как нормальный здоровый человек.

— Он проснется в здравом уме,— прошептала Забиби, обращаясь к молчаливому рабу.

Черный слуга поклонился, протянул кожаный мешочек и накинул на плечи девушки шелковую мантию. Забиби знаком приказала Конану следовать за ней, и киммериец про себя отметил, что ее манеры резко изменились.

Войдя под арку, девушка обернулась.

— Я должна сказать тебе правду,— тихо произнесла она.— Я не Забиби. Мое имя Нафертари. А мой возлюбленный не Алафдал, а Юнгир Хан, сатрап Замбулы.

Конан слушал молча. На его суровом загорелом лице нельзя было прочесть ни одной мысли.

— Я обманула тебя, так как не смела сказать правду. Мы

с Юнгир Ханом были одни, когда он обезумел. Если бы об этом стало известно, немедленно началось бы восстание. Тотрасмек на это и рассчитывал. Теперь ты понимаешь, что не можешь рассчитывать на ту награду, которую я тебе обещала. Жена сатрапа не может принадлежать тебе. Но ты не уйдешь без достойного вознаграждения. Вот тебе мешок, полный золота.

И она протянула ему увесистый мешочек.

— А теперь иди. Когда взойдет солнце, приходи во дворец. Я скажу Юнгир Хану, чтобы он сделал тебя капитаном своей гвардии. Но все приказы ты будешь получать от меня. Секретно, запомни это! Сначала ты посетишь с отрядом воинов храм Ханумана. Официально ты будешь расследовать убийство главного жреца, а на самом деле ты должен отыскать Звезду Хорала. Перстень находится где-то там. Найдешь и принесешь мне. А теперь я должна покинуть тебя.

Конан молча кивнул и пошел прочь. С некоторой досадой Нафертари отметила, что киммериец уходит, не проявив растерянности или огорчения.

Завернув за угол, Конан оглянулся и ускорил шаги. Через несколько минут он достиг квартала, где располагался рынок лошадей. Там забарабанил в дверь дома торговца. Наконец, из окна второго этажа высунулась бородатая физиономия.

— Коня! — потребовал Конан. — Самого быстрого коня!

— Я не буду открывать в такое время, — ответил торговец.

Конан звякнул монетами.

— Сукин сын и мошенник! Разве не видишь, что я белый и совершенно один? Спускайся вниз, иначе разнесу твою поганую дверь!

Вскоре Конан верхом на купленном жеребце направился к дому Арама Бакша.

С дороги он свернул на аллею, которая находилась между таверной и финиковой рощей. Киммериец проехал мимо ворот, затем — вдоль северной стены и остановился, не доезжая нескольких шагов до угла. Здесь было несколько невысоких кустов, и Конан привязал к ним коня. Неожиданно он услышал тихий гортанный говор.

Киммериец осторожно выглянул за угол. По тропинке к пальмовой роще шли три человека. По походке и по говору Конан определил, что это негры. Он свистнул, и они остановились. Конан направился к ним, держа наготове меч. Глаза каннибалов поблескивали белками, на черных лицах застыло скотское желание. Они знали, что не справятся с воином, вооруженным мечом.

— Куда вы идете? — резко спросил Конан.

— Мы идем к своим братьям, — последовал ответ. — Арам Бакша обещал нам человека, но обманул нас. Одного из наших убили в доме Арама.

— Этой ночью вы не будете голодны, — усмехнулся Конан. — Арам даст вам человека. Ждите здесь. Возле этой двери.

Не спуская глаз с чернокожих, Конан попятился и завернул за угол. Подошел к лошади, забрался на нее, встал ногами на седло. Подняв руки, киммериец уцепился за гребень стены, подтянулся и сел на нее верхом.

Внизу никого не было. Во дворе росли кусты, огни в таверне были погашены, кругом — тишина. Как тень, Конан скользнул вниз, прокрался между кустами и через минуту уже постукивал в дверь спальни.

— Что случилось? — спросил грубый заспанный голос за дверью.

— Арам! — прошипел Конан. — Черные перелезли через стену!

Дверь открылась, в проеме показался хозяин таверны с кинжалом в руке.

— Это ты?! — удивленно прохрипел он.

Пальцы Конана, сдавив горло Арама, заглушили крик ужаса. Второй рукой киммериец вырвал кинжал. Сверкнуло лезвие, брызнула кровь. Арам Бакша, сопя, выплевывал ее изо рта. Конан снова взмахнул кинжалом и лишил душегуба бороды.

Замбулиец издал рев, полный смертельного страха, но ему никто не ответил. Лишенный языка и истекающий кровью, Бакша продолжал отчаянно сопротивляться. Конан вытащил его на кипарисовую аллею, подтащил к железной двери в стене. Потом поднял засов и открыл дверь, за которой стояли три темные фигуры — стервятники, поджидающие добычу. Увидев их, Бакша завыл от ужаса, как дикий зверь, попавший в западню.

Ликуя, тащили каннибалы свою добычу к культовой яме. Они не узнали Арама в этом полуодетом и истекающем кровью человеке, издающим нечленораздельное мычание. Еще долго до слуха Конана доносились звуки неутихающей борьбы. Но в глазах киммерийца не было сочувствия — десятки несчастных странников приняли ужасную смерть из-за жадности хозяина таверны.

Закрыв дверь, Конан вернулся к лошади, запрыгнул в седло и направился на запад — в бескрайнюю пустыню. Отъехав на некоторое расстояние, он вытащил из-за пояса кольцо, в котором радужными переливами поблескивал волшебный бриллиант. Игра света восхитила киммерийца, и он долго поворачивал перстень, подставляя его под сияние звезд. Кожаный мешок с золотыми монетами приятно позвякивал у луки седла, словно обещая, что принесет еще большее богатство.

— Интересно, — думал Конан, — что бы она сказала, если бы узнала, что я признал в ней Нафертари, а в нем — Юнгир Хана? О, будет великолепная сцена, если она когда-нибудь догадается, что именно я снял кольцо с пальца сатрапа, когда связывал ему руки! Но им меня никогда не поймать!

Он обернулся, посмотрел на темную рощу. Среди деревьев уже поблескивало красноватое пламя костра. К небесам возносилось монотонное пение, сливаясь с криками ликования и с безумными воплями. Эти звуки еще долго преследовали Конана, который двигался на запад, где в небе медленно угасали звезды.

...Двигаясь на восток, Конан добрался до подножия Гимелианских гор, где жили грозные афгулы. Обосновавшись среди горцев, варвар начал сколачивать из разрозненных племен единую могучую силу...

ЛЮДИ ЧЕРНОГО КРУГА

1. СМЕРТЬ КОРОЛЯ

Король Вендии умирал. В душной, горячей ночи звон священных гонгов и рев раковин был слышен далеко. Слабые отзвуки доносились и в комнату с золотыми сводами, где на своем устланном бархатом ложе метался Бунда Чанд. Смуглая кожа короля блестела от пота, а пальцы впились в расшитую золотом постель. Он был еще молод, и не копьем его ранили, и не всыпали в вино яду. И все же на висках его набрякли синие узлы жил, а глаза застлала мгла приближающейся смерти. У основания подиума на коленях стояли дрожащие невольницы, а у изголовья была сестра короля Деви Жазмина, с глубокой тревогой взглядывалась она в его лицо. С нею был и вазам, пожилой дворянин, давно уже состоящий при королевском дворе.

Когда далекий рокот барабанов достиг ее слуха, Жазмина резко подняла голову.

— Ох, эти жрецы и вся эта суматоха! — вскрикнула с гневом и отчаянием.— Они так же беспомощны, как и врачи! Он умирает, и никто не знает от чего. Умирает — а я, беспомощная, стою здесь, я, которая сожгла бы весь этот город и пролила бы кровь тысяч, чтоб его спасти!

— Я не знаю ни одного человека в Айодии, который бы не хотел умереть вместо него, если б это было возможно, Деви,— сказал вазам.— Это яд...

— Я же говорила тебе, что это не яд! — выкрикнула она.— С самого детства его так хорошо охраняли, что самые ловкие отравители Востока никогда бы не смогли до него добраться. Пять черепов, белеющих на Башне Бумажных Змей, говорят о том, что те, кто пробовал это сделать, не достигли цели. Ты прекрасно знаешь, что мы держим здесь десять мужчин и десять женщин для того, чтобы они пробовали его вина и еду, а его покои стерегут пятьдесят стражей, как и сейчас. Нет, это не яд, это колдовство. Ужасное проклятье...

Она умолкла, потому что король в эту минуту заговорил, его посиневшие губы, правда, не шелохнулись, а в остекленевших глазах не появилось и проблеска сознания, но раздался невнятный, ужасный и тихий крик, словно взывающий из бездонных, исхлестанных ветром глубин.

— Жазмина! Жазмина! Сестра моя, где ты? Я не могу найти тебя. Всюду темнота и вой вихря!

— Брат! — закричала Жазмина, судорожно хватая его безвольную ладонь. — Я здесь! Ты не узнаешь меня?

Остановилась, видя полное безразличие, разлившееся по лицу короля. С его губ сорвался слабый, нечленораздельный звук. Невольницы у подиума заскулили от страха, а Жазмина рвала на себе одежды.

В другой части города какой-то человек выглядывал из-за ажурной решетки балкона на длинную улицу, освещенную тусклым светом дымящихся факелов, озарявших воздетые к небу темные лица со сверкающими белками глаз. Из тысяч уст вырывались долгие причитания.

Мужчина повел широкими плечами и вернулся в комнату со стенами, покрытыми арабесками. Он был высок, хорошо сложен, одет в дорогие одеяния.

— Король еще не умер, но уже слышны траурные пения, — сказал он второму мужчине, сидящему, скрестив ноги, на циновке в углу комнаты. Тот, второй, был одет в коричневую тогу из верблюжьей шерсти, сандалии и зеленый тюрбан. Он равнодушно посмотрел на говорящего.

— Просто люди знают, что он не дождется рассвета, — ответил он.

Первый мужчина посмотрел на него долгим испытующим взглядом.

— Не пойму, — сказал он, — зачем я должен был так долго ждать, пока твои хозяева начнут действовать. Если им удалось убить короля теперь, почему они не могли сделать этого на несколько месяцев раньше?

— Даже искусством, которое ты зовешь колдовством, управляют вселенские законы, — ответил человек в зеленом тюрбане. — От звезд зависят и эти вещи, а также все прочие дела на земле. Даже мои господа не в силах этим пренебречь. Пока звезды не оказались в нужном положении, чары не действовали.

Длинным грязным ногтем он чертил созвездия на мраморных плитах пола.

— Положение Луны сулит несчастье королю Вендии, смятенье среди звезд, Змея в Доме Слона. При таком положении невидимые стражи покидают душу Бунды Чанда. Открыта дорога в невидимые королевства, и, когда нам удалось найти точку соприкосновения, были посланы той дорогой могучие силы.

— Точка соприкосновения? — переспросил второй мужчина. — Ты имеешь в виду ту самую прядь волос Бунды Чанда?

— Да. Все части тела все время пребывают между собой в нерасторжимой связи. Жрецы Ашура давно это подозревали, поэтому отрезанные ногти, волосы и все остальное, принадлежащее членам королевской семьи, предусмотрительно сжигалось, а пе-

пел старательно прятался. Но в ответ на мольбы княжны Косаль, которая была безнадежно влюблена в Бунду Чанда, он подарил ей на память прядь своих длинных черных волос. Когда мои господа решили судьбу короля, эту прядь похитили из золотого, украшенного драгоценностями ларца, который княжна держала ночью под подушкой, а вместо него положили другую, похожую. Так что княжна подмены не заметила. Потом настоящая прядь выдержала долгое путешествие с караваном верблюдов до Пешкаури и через перевал Забар, пока не попала в руки к тем, к кому должна была попасть.

— Обычная прядка волос,— произнес аристократ.

— Благодаря которой можно многое извлечь из тела и увлечь в безграничные бездны мрака,— произнес человек, сидящий на циновке.

Аристократ с интересом приглядывался к нему.

— Не знаю, человек ты или демон, Хемса,— сказал он в конце концов,— мало кто из нас является тем, за кого себя выдает. Меня кшатрии знают как Керим Шаха, принца из Иранистана, но я всего лишь подставное лицо, как и прочие. Так или иначе, все — предатели, а половина из них даже не знает, на кого работает. Я, по крайней мере, избавлен от таких сомнений, потому что служу королю Турана Ездигерду.

— А я — Черным Колдунам с Имша,— сказал Хемса,— и мои господа более всемогущи, чем твой король; своим искусством они достигли того, чего он не мог достичь вместе со своими вооруженными тысячами.

Жалобные стоны вендиан неслись к звездному небу, ослиное рычание раковин прорезало парную темноту ночи.

В дворцовых парках свет факелов отражался в блестящих шлемах, в изогнутых мечах и украшенных золотом нагрудниках. Все воины Айодии благородного происхождения толпились в огромном дворце и вокруг него, а возле невысоких овальных арок и у каждой двери встало на стражу по пятьдесят лучников со стрелами на тетиве. Но Смерть шагала по королевским покоям, и никто не мог удержать ее беззвучного шествия.

В комнате с золотыми сводами король, мучимый пароксизмами ужасной боли, вскрикнул еще раз. Его голос был так же слаб и далек. Деви наклонилась над ним, дрожа от ужаса, вызванного чем-то иным, нежели страх перед смертью.

— Жазмина! — раздался вновь этот приглушенный, полный страдания крик из темноты.— Помоги мне! Я так далеко от дома! Колдуны завлекли мою душу в исхлестанную вихрем темноту. Они пробуют порвать серебряную нить, связывающую меня с умирающим телом. Клубятся вокруг. Их руки, словно когти, их глаза красны, как огни, тлеющие во мраке. О, спаси меня, сестра! Их прикосновения жгут меня, как огонь! Они уничтожат мое тело и погубят душу! Что их привело ко мне? Ох!

Слыша безграничный ужас в его голосе, Жазмина пронзительно вскрикнула и в отчаянии прижалась к его груди. Тело короля вздрогнуло от ужасных судорог, с исказившихся уст его хлынула пена, а судорожно сжатые пальцы оставили след на плече девушки. Но глаза короля потеряли стеклянное выражение, словно бы ветер на мгновение развеял подернувшую их мглу, и король взглянул на сестру.

— Брат! — заплакала она.— Брат...

— Спеши! — крикнул он, а его слабеющий голос звучал вполне осмысленно.— Я уже знаю причину моей гибели. Я проделал долгое путешествие и все понял. Это колдуны из Химелии напустили на меня чары. Они извлекли мою душу из тела и унесли ее далеко, в каменную комнату. Там они пробуют порвать серебряную нить жизни и заключить мою душу в тело ужасного чудовища, которого их заклятья извлекли из ада. Ах! Я чувствую их силы! Твой плач и пожатие твоих пальцев вернули меня, но только на минуту. Моя душа все еще держится в теле, но эта связь все слабеет. Скорее, убей меня, прежде чем они навсегда поместят мою душу в эту тварь!

— Не могу,— рыдала она, ударяя себя в грудь.

— Скорее, приказываю тебе! — в слабеющем его шепоте послышались прежние повелительные интонации.— Ты всегда слушалась меня, послушайся и моего последнего приказа! Отправь мою чистую душу в лоно Ашура! Спеши, иначе обречешь меня на вечное пребывание в теле ужасного чудовища. Убей меня, приказываю тебе! Убей!

С ужасным криком Жазмина вырвала из-за пояса украшенный драгоценными камнями стилет и погрузила его по рукоятку в грудь брата. Король выпрямился, его тело ослабело, печальная улыбка искривила помертвевшие губы. Жазмина бросилась на застланные камышом плиты, ударяя по ним сжатыми кулаками. За окном рычали раковины и гремели гонги, а жрецы ранили свои тела медными ножами.

2. ВАРВАР С ГОР

Чундер Шан, губернатор Пешкаури, отложил золотое перо и внимательно перечел письмо, которое только что написал на пергаменте с печатью своего ведомства. Он правил в Пешкаури давно, благодаря тому, что взвешивал каждое слово, прежде чем сказать или написать его. Опасность порождала осмотрительность, и только осторожные люди долго жили в этом диком крае, где раскаленные равнины Вендии соседствовали с потрескавшимися скалами Химелии. Часа езды на запад или на север было достаточно, чтобы пересечь границу и оказаться в горах, где правит закон кулака и ножа.

Губернатор был в комнате один. Сидя за искусно сделанным столиком из красного дерева с инкрустацией, он видел через ши-

рокое, открытое для прохлады окно квадрат темно-синего неба, усеянного большими белыми звездами. Зубцы крепостной стены, доходящей до окна, еле видимой темной полосой вырисовывались на фоне темно-синего неба, а дальние бойницы и амбразуры как бы растворялись в нем. Крепость губернатора стояла вне стен города, охраняя ведущие к нему дороги. Ветерок, шевелящий на стенах гобелены, доносил с улиц Пешкаури слабые отзвуки жизни — обрывки песен или тихий звон цитры.

Губернатор медленно прочел то, что написал, бесшумно шевеля губами, заслоняя ладонью глаза от света латунного светильника. Читая, он слышал топот конских копыт за сторожевой башней и резкое стаккато голоса стражника, спрашивавшего пароль. Занятый письмом, он не придал всему этому значения. Письмо было адресовано вазаму Вендии на королевском дворе в Айодии, и после традиционных восхвалений в его адрес шло следующее:

«Пусть Вашей милости будет известно, что я точно выполнил приказ Вашей милости. Тех семерых горцев запер в хорошо охраняемой тюрьме и непрестанно шлю вести в горы, и теперь жду, что их вождь лично прибудет для переговоров об их освобождении. Но он до сих пор не предпринял никаких шагов, за исключением распространения слухов, что, если их не выпустят, он сожжет Пешкаури, и — прошу прощения, Ваша милость,— покроет свое седло моей кожей. Он способен предпринять такую попытку, поэтому я утроил стражу на стенах. Этот человек не гулистанского происхождения. Я не могу предсказать, что он предпримет. Но поскольку все же это приказ Деви...»

Губернатор сорвался с кресла и в мгновение ока оказался у сводчатых дверей. Схватился за кривой меч, лежавший в изукрашенных ножнах на столе. Воздев его в приветствии, застыл.

Особа, которая так неожиданно вошла, была женщиной. Ее муслиновые одеяния не могли скрыть дорогих украшений, равно как и гибкости стройного молодого тела. К ее волнистым волосам, охваченным тройной косичкой и украшенным золотым полумесяцем, была приколота прозрачная вуалька, падающая ниже груди. Черные глаза смотрели сквозь вуаль на ошеломленного губернатора, а белая ладонь решительным жестом прикрывала лицо.

— Деви!

Губернатор преклонил колено, но удивление и замешательство испортили эффект от этого торжественного жеста. Движением руки она приказала ему встать. Он поспешно проводил ее к креслу из слоновой кости, все время находясь в глубоком, почтительном поклоне. Однако его первыми словами были слова упрека:

— Ваше высочество! Это в высшей степени безрассудно! На границе неспокойно. Постоянные нападения с гор. Ваше высочество, надеюсь, прибыло с достаточно большой свитой?

— Большой кортеж меня сопровождал до Пешкаури,—

ответила она.— Там я оставила своих людей и поехала в крепость со своей придворной дамой по имени Гитара.

Чундер Шан охнул от страха.

— Деви! Ты не осознаешь опасности. В часе езды отсюда в горах полно варваров, которые грабят, убивают. Случалось, что на дороге между городом и крепостью похищали женщин и убивали мужчин. Пешкаури — это не южная провинция...

— Все же я здесь, цела и невредима,— нетерпеливо прервала его Деви.— Я показала мой перстень с печатью стражнику у башни и тому, кто стоит перед твоими дверьми, они разрешили мне войти без доклада, не зная меня, но подозревая, что я — тайный курьер из Айодии. Не будем терять время. Есть у тебя какие-либо известия от вождя варваров?

— Никаких, кроме угроз и проклятий, Деви. Он осторожен и подозрителен. Считает, что это ловушка, и, пожалуй, его трудно за это винить. Кшатрии не всегда сдерживали свои обещания, которые давали людям гор.

— Он должен принять мои условия! — прервала его Жазмина, сжимая кулаки так, что побелели пальцы.

— Не понимаю,— губернатор покачал головой.— Когда мне удалось поймать этих семерых горцев, я сообщил, как положено, об их поимке вазаму, и тогда, прежде чем я успел их повесить, мне пришел приказ не торопиться и договориться с их вождем. Так я и сделал, но он, как я уже говорил, не торопится. Эти люди принадлежат к племени афгулов, но их вождь прибыл с запада, и зовут его Конан. Я передал ему, что завтра повешу их на рассвете, если он не придет.

— Прекрасно! — воскликнула Деви.— Хорошо задумал. Я отвечу тебе, почему я отдала такой приказ. Мой брат...— проговорила она сдавленным, прерывающимся голосом, губернатор наклонил голову, по традиции почтив тем самым память умершего короля,— король Вендии пал жертвой колдовства. Я поклялась, что посвящу свою жизнь мщению убийцам. Умирая, брат навел меня на след, которым я и иду. Я прочла Книгу и разговаривала с безымянными отшельниками из пещеры Йелай. Я узнала, кто и как его убил. Это сделали Черные Колдуны с горы Имш.

— Боже! — побледнев, прошептал Чундер Шан.

Она пронизала его взглядом.

— Боишься их?

— Кто ж их не опасается, ваше высочество? — ответил он.— Это демоны, живущие в безлюдных горах за перевалом Забар. Но предания утверждают, что они редко вмешиваются в дела простых смертных.

— Не знаю, почему они убили моего брата,— сказала она.— Но я поклялась на алтаре Асура, что уничтожу их. Мне сейчас нужна помощь горцев. Без них кшатрийская армия не пройдет на Имш.

— Да,— буркнул Чундер Шан.— Чистая правда. Нам пришлось бы сражаться за каждую пядь земли, а волосатые горцы сбрасывали бы на нас булыжники с каждого пригорка и рвали бы нам глотки в каждой долине. Когда-то туранцы прорвались через Химелии, но сколько их вернулось в Курусун? Лишь немногие из тех, кто ушел от кшатрийского меча, когда король, твой брат, разбил их конницу над рекой Юмда, вновь увидели Секундерам.

— Поэтому мне необходимо подчинить приграничные племена,— сказала Деви.— Люди, знающие дорогу на Имш...

— Но они боятся Черных Колдунов и обходят ту проклятую гору,— прервал ее губернатор.

— А их вождь, Конан, тоже боится Колдунов?— спросила она.

— Ну, если говорить о нем,— сказал губернатор,— я сомневаюсь, существует ли что-либо, чего бы этот дьявол во плоти боялся.

— Мне тоже так говорили. Значит, это именно тот человек, который мне нужен. Он жаждет освободить семерых своих людей? Прекрасно, платой за свободу будут головы Черных Колдунов!

Последние слова она произнесла голосом, полным ненависти, ее руки инстинктивно сжались в кулаки. Стоя с гордо поднятой головой и бурно вздымающейся грудью, она казалась воплощением ярости.

Губернатор вновь преклонил колено, зная по своему многолетнему опыту, что женщина, которой владеет такая буря чувств, так же опасна для окружающих, как и разъяренная кобра.

— Будет так, как ваше высочество пожелает,— сказал он, а когда Деви слегка остыла, он встал и попробовал остеречь ее:

— Не могу предвидеть, что сделает Конан. Горцы всегда были беспокойны, а у меня есть основания верить, что эмиссары туранцев подбивают их нападать на наши земли. Как ваше высочество знает, туранцы основали на севере Секундерама и другие города, хотя горские племена все еще не разбиты. Король Ездигерд издавна с жадностью поглядывает на юг и, возможно, собирается благодаря измене достичь того, чего не удалось ему достичь силой. Мне пришло в голову, что, может, Конан — один из его шпионов?

— Увидим,— ответила Деви.— Если он любит своих людей, то появится на рассвете у ворот, чтобы вести переговоры. Я проведу эту ночь в крепости. В Пешкаури я приехала переодетой, а свою свиту устроила на постоялом дворе, а не во дворце. Кроме них, только ты знаешь о моем прибытии.

— Я провожу ваше высочество в покои,— сказал губернатор. Когда они вошли в коридор, он кивнул стоявшему перед дверью стражнику, который, обнажив оружие, двинулся за ними. Перед комнатой их ждала придворная дама, тоже в вуали, как и ее госпожа. Все четверо пошли широким, извилистым коридором, осве-

щенным коптящим пламенем факелов. Подошли к помещениям, предназначенным для знатных гостей, в основном для генералов и вице-королей, потому что доселе никто из королевской семьи не почтил крепость своим присутствием. Чундер Шана все время мучила мысль, что это помещение не совсем подходит для такой высокопоставленной особы, как Деви, и хотя Деви старалась, чтобы в ее присутствии он чувствовал себя свободно, он все же испытал облегчение, когда она его отпустила. Низко кланяясь, вышел. Потом созвал всех слуг, которые были в крепости, чтоб они позаботились о гостях, и, хотя не сказал, кто эти гости, поставил перед их дверью отряд копьеносцев, а вместе с ними воина, который ранее охранял дверь в его собственную комнату. Сбитый с толку всеми этими событиями, он забыл заменить его другим солдатом.

Прошло немного времени после ухода губернатора, когда Жазмина припомнила, что забыла кое-что сказать ему. Ее интересовал человек по имени Керим Шах, дворянин из Иранистана, который перед прибытием ко двору Айодии какое-то время жил в Пешкаури. Смутные подозрения относительно этого человека подкреплялись его присутствием теперь в Пешкаури. Жазмине подумалось, не следил ли за ней Керим Шах от самой Айодии. Но поскольку она была непредсказуемой Деви, она не стала вызывать губернатора к себе, а вышла в коридор и направилась к его кабинету.

Чундер Шан тем временем вернулся в свой кабинет, закрыл дверь и подошел к столу. Взял свое письмо к вазаму и порвал на клочки. И тут же услышал тихий шорох на парапете за окном. Подняв глаза, на фоне звездного неба увидел нечеткий силуэт. В комнату ловко спрыгнул какой-то человек. В свете светильника блеснуло длинное острие.

— Ча! — остерег его голос. — Не делай шума, или отправлю тебя к праотцам.

Губернатор опустил руку, потянувшуюся было к лежащему на столе мечу. Он знал страшную быстроту реакции горцев и мастерство, с которым они обращаются с забарскими кинжалами.

Пришелец был высоким мужчиной, могучим и все же гибким и ловким, словно барс. На нем была одежда горцев, но суровые черты его лица и пылающие голубые глаза не гармонировали с убором. Чундер Шан таких раньше не видел; чужак наверняка не принадлежал ни к одной из восточных рас — скорее всего он был варваром с далекого запада. Однако его манера вести себя выдавала в нем натуру дикую и необузданную, такую же, как и у длинноволосых горцев, живущих на возвышенностях Гулистана.

— Ты приходишь ночами, как вор, — прокомментировал губернатор, обретая понемногу уверенность в себе, хотя не забывал, что в пределах слышимости отсюда — ни одного стражника. Но горец об этом знать не мог.

— Я взобрался на стену крепости,— рявкнул чужак.— Страж вовремя выставил голову над зубцами так, что мне было удобно ударить по ней рукояткой кинжала.

— Ты Конан?

— А кто ж еще? Ты послал весть, что хочешь, чтоб я прибыл для переговоров с тобой. Итак, во имя Крома, я прибыл! Держись подальше от стола, а то я выпущу тебе кишки!

— Я только хочу сесть,— ответил губернатор, осторожно опускаясь в кресло из слоновой кости, которое отодвинул от стола. Конан непрерывно кружил по комнате, подозрительно поглядывая на дверь и пробуя ногтем острие своего полуметрового кинжала. Он ступал иначе, чем афгулы, и, не прибегая к излишней восточной учтивости, сказал с грубоватой непосредственностью:

— У тебя семеро моих людей. Ты отказался принять предложенный мной выкуп. Чего же ты, черт побери, хочешь?

— Поговорим об условиях,— осторожно ответил губернатор.

— Условиях?— В голосе пришельца появилась опасная угрожающая нотка.— В чем дело? Разве я не предложил тебе золото?

Чундер Шан рассмеялся.

— Золото? В Пешкаури столько золота, сколько тебе и не снилось.

— Ты лжешь,— отпарировал Конан.— Я видел сук золотильщиков в Курусуне.

— Ну, больше, чем видел кто-либо из афгулов,— поправился Чундер Шан.— А это только капля в море богатства Вендии. Так зачем же нам жаждать золота? Было бы больше пользы для нас, если бы мы повесили этих бандитов.

Конан в сердцах выругался, его бронзовые мускулы напряглись, как канаты, а длинное лезвие задрожало в сжатой руке.

— Я расколю твой череп, как спелую дыню!

Глаза горца заблестели от гнева, но губернатор только пожал плечами, хотя и не отрывал глаз от сверкающего острия.

— Ты без труда можешь это сделать, а возможно, и скрыться. Но семерым пленникам от этого не будет легче. Мои люди непременно повесят их. А ведь это вожди афгулов.

— Знаю,— сказал Конан.— Все племя грызет меня, как стая волков, мол, я мало делаю, чтоб их освободить. Скажи прямо, чего ты хочешь, или — о Кром! — если не будет другого способа, соберу всю орду и приведу их к воротам Пешкаури!

Видя гневный блеск в его глазах, Чундер Шан не сомневался в том, что стоящий перед ним с оружием в руках варвар способен на это. Губернатор не верил, что даже самая многочисленная орда горцев сможет взять город, но вовсе не желал опустошения своей провинции.

— Есть одно поручение, которое ты должен будешь выполнить,— сказал он, подбирая слова осторожно, словно это были бритвы.— Ты должен...

Губы Конана искривились в волчьей гримасе, он отпрыгнул

назад и повернулся лицом к двери. Острым слухом он уловил тихий шорох приближающихся шагов. В ту же минуту дверь внезапно распахнулась, и в комнату вошла стройная женщина в шелках. Она прикрыла за собой дверь и замерла, увидев горца.

Чундер Шан сорвался с кресла, ощущая, что его сердце подкатило к горлу.

— Деви! — безотчетно крикнул он, на мгновение потеряв голову.

— Деви! — как эхо повторил варвар.

Губернатор заметил блеск в глазах Конана и понял его намерения. Крикнув в отчаянии, схватился было за меч, но горец двигался с убийственной быстротой урагана. Он бросился на губернатора и ударом рукоятки кинжала по голове свалил его на пол, потом сгреб мускулистой рукой онемевшую Жазмину и прыгнул к окну. Чундер Шан, в отчаянии пробуя подняться, какую-то минуту еще различал его на фоне неба, трепещущие ткани, отчаянные взмахи рук схваченной им Деви.

— Попробуй-ка теперь повесить моих людей! — триумфально крикнул Конан, спрыгнул на зубцы стены и исчез. Губернатор только услышал пронзительный крик Жазмины.

— Стража! Стража! — закричал он.

Потом встал и шатаясь подошел к двери. Открыл ее и вывалился в коридор. Эхо разносило его крики по коридорам, созывая солдат, которые вытаращили глаза при виде губернатора, державшегося за разбитую, окровавленную голову.

— Солдаты, на коней! — ревел он.— Похищение!

Несмотря на весь ужас положения, ему хватило ума не выдавать всей правды. Он стоял, словно окаменев, слыша стук копыт за окном, отчаянные крики девушки и победные выкрики варвара.

Потом он помчался вниз по лестнице, за ним бежали ошеломленные стражники. Во дворе крепости у оседланных коней всегда располагался отряд конников, готовых каждую минуту ринуться в погоню. Чундер Шан лично возглавил эскадрон в погоне за похитителем, хотя голова у него кружилась так сильно, что ему пришлось обеими руками держаться за луку седла. Он не выдал, кем являлась похищенная, сказал только, что дворянку, носящую королевский браслет, похитил вождь афгулов. Хотя злодей быстро скрылся из глаз, унося свою жертву, они-то знали, куда он поедет,— конечно же, по дороге, ведущей прямо к ущелью долины Забар. Ночь была безлунная, слабый свет звезд падал на стоящие вдоль дороги домики крестьян. Черные контуры крепостных бастионов и башен Пешкаури остались за спиной у всадников. Далеко впереди взметнулась черная стена гор Химелии.

3. ХЕМСА ПРИБЕГАЕТ К ЧАРОДЕЙСТВУ

В суматохе, воцарившейся в крепости, когда стражников призвали к оружию, никто не приметил, что придворная, сопрово-

ждавшая Деви, выскользнула через главные ворота и растворилась в темноте. Высоко подняв юбки, она помчалась в город. Бежала она не по дороге, а напрямик через поле и пригорки, огибая заборы и перепрыгивая через ирригационные канавы с ловкостью профессионального бегуна. Прежде чем она достигла стен Пешкаури, стук копыт всадников за пригорками затих. Девушка не пошла к главным воротам, возле которых, опершись на копья, напрягали взор стражники, вглядываясь в темноту и стараясь понять причину царящего в крепости замешательства. Она пошла вдоль стены, пока не дошла до места, с которого увидела вознесящуюся меж зубцов башню. Тогда она приставила ладонь к губам и издала тихий, необычный и странно резкий звук.

Почти сразу же из амбразуры высунулась чья-то голова, и вдоль стены спустилась длинная веревка. Девушка схватилась за нее, вставила ногу в петлю на конце веревки и помахала рукой. Быстро и плавно ее втащили на отвесную каменную стену. Уже через минуту она взбиралась на зубцы и стояла на плоской крыше дома, прилегающего к крепостной стене вокруг Пешкаури. У открытых ставень мужчина в тоге из верблюжьей шерсти спокойно сматывал веревку, словно ему было раз плюнуть втащить взрослую женщину на пятнадцатиметровую стену.

— Где Керим Шах? — выдохнула она.

— Спит внизу. Ты принесла весть?

— Конан украл Деви из крепости и увез ее в горы! — выпалила она, от торопливости проглатывая слова.

На лице Хемсы не отразилось никаких чувств, он только кивнул головой, обвязанной тюрбаном, и сказал:

— Керим Шах будет доволен, когда узнает об этом.

— Подожди! — Девушка обняла его за шею. Она тяжело дышала не только от бега. Ее глаза пылали во мраке, как два черных алмаза. Она приблизила свое лицо к лицу Хемсы, который, правда, принял ее объятия, но не ответил.— Ничего не говори гирканцу! — выдохнула она.— Мы сами используем это известие. Губернатор и его люди поехали в горы, но с таким же успехом они могли бы преследовать духа. Чундер Шан никому не сказал, что похитили именно Деви. Кроме нас в Пешкаури и в крепости никто об этом не знает.

— А какая в этом польза для нас? — сказал в раздумьи мужчина.— Мои господа послали меня вместе с Керим Шахом, чтобы я помогал ему в каждом...

— Помоги себе! — крикнула она с яростью.— Сбрось ярмо!

— Ты хочешь сказать... Я должен оказать неповиновение моим господам? — пробормотал он, и девушка, прижавшаяся к его груди, почувствовала, как его тело содрогнулось от ужаса.

— Да! — Она со злостью встряхнула его.— Ты тоже колдун! Почему же ты должен быть невольником, направлять свои силы и искусство только на то, чтобы возвеличивать других? Пора уже самому воспользоваться всем этим!

— Нельзя! — Хемса дрожал, как в лихорадке.— Я не принадлежу к Черному Кругу. Только по приказу моих хозяев я осмеливаюсь пользоваться знанием, которым благодаря им располагаю.

— Но можешь использовать его намного лучше! — она упорно убеждала его.— Сделай то, о чем тебя прошу! Это бесспорно, что Конан похитил Деви, чтоб держать ее как заложницу и обменять на пойманных семерых вождей. Убей их, чтобы Чундер Шан не мог использовать их для выкупа Деви. Потом подадимся в горы и отнимем ее у афгулов. Их ножи не помогут против твоего колдовства. Мы возьмем выкуп, сокровища вендийских королей будут наши, а когда их получим — обманем кшатриев и продадим Деви королю Турана. Мы станем богаче, чем сами можем себе вообразить! Будем в состоянии заплатить наемникам. Займем Корбул, выбьем туранцев с гор и вышлем наши войска на юг. Мы будем властителями империи!

Хемса тоже начал тяжело дышать, дрожа, как лист, в ее объятиях. Крупные капли пота стекали по его побледневшему лицу.

— Люблю тебя! — страстно крикнула она, извиваясь в его объятиях, крепко прижимаясь к нему и внезапно его встряхивая.— Сделаю тебя королем! Из любви к тебе я изменила своей госпоже, из любви ко мне измени своим магистрам! Почему ты боишься Черных Колдунов? Полюбив меня, ты уже нарушил один из их запретов! Нарушь и остальные! Ты так могуществен, как и они!

Даже человек изо льда не выдержал бы огня страсти и ярости, веющей от ее слов. С невыразительным возгласом Хемса прижал к себе девушку, отклонил ее голову назад и осыпал градом поцелуев.

— Я сделаю это! — сказал он охрипшим от страсти голосом. Он шатался, как пьяный.— Сила, которой наделили меня магистры, будет служить не им, а мне! Мы завладеем миром! Миром...

— Ну идем же! — Осторожно вызволившись из его объятий, она взяла его за руку и повлекла к люку в крыше.— Мы должны быть уверены, что губернатор не обменяет этих семерых афгулов на Деви.

Хемса пошел за ней, как в трансе, они спустились по лестнице и оказались в небольшой комнате. Керим Шах неподвижно лежал на ложе, прикрывая лицо согнутой в локте рукой, словно ему мешал неяркий свет медной лампы. Девушка схватила Хемсу за руку и быстрым жестом провела ребром своей ладони по шее. Хемса поднял было руку, но потом, изменившись в лице, покачал головой:

— Я ел его соль,— шепнул он.— Кроме того, он нам вряд ли помешает.

Они с девушкой вышли через дверь, ведущую на узкую крутую лестницу. Когда их осторожные шаги затихли, Керим Шах поднялся с ложа, вытерев пот со лба. Он не боялся удара ножом, но Хемсы боялся, как ядовитого гада.

— Люди, устраивающие на крышах заговоры, должны пом-

нить о том, чтоб говорить тише,— шепнул он себе.— Хемса восстал против своих господ, а ведь только через него я мог с ними общаться, значит, на их помощь уже нечего рассчитывать. Отныне действую на свой страх и риск.

Встал, быстро подошел к столу, достал из-за пояса перо и пергамент, потом начертал несколько коротких предложений:

«Косра Хану, губернатору Секундерама: Киммериец Конан похитил Деви Жазмину и отправился в афгульскую деревню. Есть шанс схватить Деви, чего так давно жаждет король. Не откладывая, вышли три тысячи верховых. Буду ждать их с проводниками в долине Гурашах».

Окончив, он приписал внизу свое имя, которое даже и близко не напоминало имя Керим Шах.

Потом достал из золотой клетки голубя и тоненькой ниткой прикрепил к его ноге свернутый в маленькую трубочку пергамент. Затем быстро подошел к окну и выпустил птицу в ночь. Голубь затрепетал крыльями, обрел равновесие и исчез в темноте, как быстрая тень. Схватив плащ, шлем и меч, Керим Шах вылетел из комнаты и сбежал вниз по крутой лестнице.

Здание тюрьмы в Пешкаури находилось за массивной стеной, в ней были только одни, обитые железом и расположенные в полукруглом портале, ворота. В висящем над порталом светильнике горели смоляные щепки, а возле двери на корточках сидел стражник со щитом и копьем, опираясь головой на древко своего оружия и время от времени позевывая. Вдруг стражник вскочил на ноги. Он дал бы голову на отсечение, что не сомкнул глаз, и все же перед ним стоял человек, появления которого он не заметил. На мужчине была тога из верблюжьей шерсти и зеленый тюрбан. В отблесках мигающего света факела на его лице горели странно сверкающие глаза.

— Кто там?— спросил стражник, выставляя вперед копье.— Кто ты?

Пришелец не выказывал смятения, хотя острие копья касалось его груди. С необычайным вниманием он вглядывался в стражника.

— Что ты обязан делать?— спросил он вдруг.

— Охранять ворота!— машинально ответил тот сдавленным голосом и замер, как изваяние, его глаза остекленели, вид сделался отсутствующим.

— Неправда! Ты должен слушаться меня! Ты посмотрел мне в глаза, и твоя душа тебе уже не принадлежит. Открой эту дверь!

Словно каменный, с лицом, застывшим в удивленной гримасе, стражник повернулся, вынул из-за пояса большой ключ, повернул его в огромном замке и широко распахнул ворота. Потом встал поодаль, глядя перед собой невидящим взором.

Из тени выскользнула женщина и нетерпеливо положила руку на плечо гипнотизера.

— Скажи ему, чтоб дал нам коней, Хемса,— шепнула она.

— Зачем? — ответил Хемса. Чуть-чуть повысив голос, он сказал стражнику: — Ты исполнил то, что должен был исполнить. Теперь убей себя!

Солдат, как в трансе, оперся концом копья о землю у стены и прислонил узкое лезвие к своему животу пониже ребер. Медленно, флегматично налег на него всей тяжестью тела, так что острие прошило его насквозь и вышло между лопатками. Тело соскользнуло по древку и спокойно легло с высоко торчащим древком, похожим на ствол какого-то страшного дерева.

Девушка глядела на все это с мрачным восторгом, пока Хемса не схватил ее за плечо и не повлек за собой. Факелы освещали узкое пространство между стенами — внутренней и внешней. Внутренняя была ниже, в ней было много несимметрично расположенных дверей. Охраняющий это пространство солдат медленным шагом подошел к открывающимся воротам, чувствуя себя в полной безопасности и ничего не подозревая, пока из темноты перед ним не появился Хемса с девушкой. Было слишком поздно. Хемса не тратил время на то, чтоб загипнотизировать жертву, но его спутнице и сейчас показалось, что она — свидетель колдовства. Стражник грозно замахнулся копьем и уже открыл было рот, чтобы закричать, что созвало бы сюда целый отряд стражников из караульной, но Хемса левой рукой отбил древко, как соломинку, в сторону, а его правая рука описала короткую дугу, словно мимоходом коснувшись шеи солдата. Стражник рухнул с переломанной шеей на каменную мостовую, не издав даже крика.

Хемса больше не обращал на него внимания. Подошел к первой же двери и прислонил раскрытую ладонь к массивному бронзовому замку. Дверь с раздирающим слух треском уступила. Идя следом за Хемсой, девушка увидела, что по толстому тиковому дереву двери пошли трещины, бронзовые засовы погнуты и вырваны из гнезд. Даже сорок воинов, бьющих тысячефутовым тараном, не смогли бы нанести двери большего разрушения. Опьяненный свободой, Хемса играл своей чудесной силой, радуясь ей и тешась, как молодой исполин с избытком темперамента использует силу своих мускулов в рискованных выходках.

Выломанная дверь вела в маленький дворик, освещенный светом факелов. Напротив двери они увидели толстую решетку из железных прутьев. Заметили схватившуюся за решетку волосатую руку и белки блестящих в темноте глаз.

Хема какое-то мгновение стоял неподвижно, вглядываясь в темноту, из которой отвечал ему взгляд пылающих зрачков. Потом сунул руку за пазуху и высыпал на каменную мостовую горсть блестящей, сверкающей пыли. Вспыхнул зеленый огонь, освещая дворик. Вспышка высветила фигуры семерых людей, неподвижно стоящих за решеткой, осветив каждую деталь их поношенной гуральской одежды и орлиные черты заросших [illegible]. Никто из

них не отозвался, но в глазах у них был ужас, волосатыми руками они крепко сжимали прутья.

Огонь погас, но блеск остался, дрожащий блеск зеленого шара, пульсирующего и трепещущего на камнях у ног Хемсы. Узники не могли оторвать от него взгляда. Шар постепенно вытянулся, превратился в спираль из ярко светящегося зеленоватого дыма, который изгибался и скручивался, как огромная змея, напрягающая блестящие, волнующиеся сплетения. Эта лента вдруг превратилась в облако, медленно движущееся по мостовой прямо к клетке. Узники смотрели на него широко открытыми от ужаса глазами, дрожь отчаянно сжавшихся на прутьях пальцев передавалась клетке. С раскрытых губ горцев не слетало ни единого звука. Зеленая тучка доползла до решетки, закрывая ее от глаз девушки. Как туман, проникла она сквозь прутья и окутала горцев. Из густых клубов раздался сдавленный стон, словно бы кто-то погружался под воду.

Хемса дотронулся до плеча девушки, которая смотрела на это широко раскрытыми от удивления глазами. Она обернулась и машинально пошла за ним, все время оглядываясь через плечо. Мгла стала рассеиваться: прямо возле решетки была видна пара обутых в сандалии ног, торчащих вверх, а также неясные абрисы семи неподвижно лежащих в беспорядке тел.

— А сейчас оседлаем верховую лошадь, которая быстрее любого из скакунов, взращенных в конюшнях смертных,— сказал Хемса.— Будем в Афгулистане еще до рассвета.

4. ВСТРЕЧА НА ПЕРЕВАЛЕ

Деви Жазмина не могла припомнить ни одной подробности своего похищения. Внезапность и быстрота, с которой происходили события, ошеломили ее, в памяти остались только отдельные моменты: парализующие объятия могучих рук, горящие глаза похитителя и его дыхание, обжигающее ее шею. Прыжок через окно на зубцы стены, бешеный бег по ступеням и крышам, когда ее парализовал страх высоты, потом ловкий спуск по канату, привязанному к ангулу (похититель спустился по нему в мгновение ока, перебросив онемевшую жертву через плечо),— все это оставило в памяти Деви лишь невыразительный след. Немного лучше она помнила быстрый бег несущего ее с детской легкостью человека, тень деревьев, прыжок в седло дико ржавшего и фыркавшего балканского жеребца. Потом была бешеная скачка и стук копыт, высекающих искры на каменистой дороге, ведущей через предгорья.

Когда она вновь обрела ясность мысли, первым ее чувством была бешеная ярость и стыд. Она была в отчаянии. Правители золотых королевств на юге от Химелии почитались всеми почти, как боги, а она ведь была Деви Вендии! Безудержный гнев взял верх над страхом. Она дико крикнула и стала вырываться. Она,

Жазмина, переброшена через луку седла горского вождя, словно обычная девка, купленная на торжище! Конан только обнял ее покрепче, и Жазмина впервые в жизни подчинилась силе. Конан взглянул на нее и широко улыбнулся. В свете звезд сверкали белые зубы. Свободно опущенные поводья лежали на развевающейся гриве жеребца, который мчался по усеянной валунами дороге, напрягая в последнем усилии все мускулы и сухожилия. Но Конан без труда, почти небрежно, удерживался в седле, как кентавр.

— Пес! — выкрикнула Жазмина, трясясь от гнева, стыда и бессилья.— Ты осмеливаешься... смеяться! Заплатишь за это головой! Куда меня везешь?

— В деревню афгулов,— ответил тот, оглядываясь через плечо.

Вдали, за пригорками, которые они проехали, на стенах крепости мелькали огоньки факелов; он заметил также отблеск света, говорящий о том, что открыли большие ворота. Конан громко засмеялся, смех его звучал, как горный поток.

— Губернатор выслал в погоню за нами конников,— сказал он с насмешкой.— О, Кром, прихватим их на маленькую конную прогулку! Как ты думаешь, Деви, поменяют они семерых горцев на кшатрийскую княжну?

— Скорее вышлют армию, чтобы повесить тебя вместе с твоим чертовым родом,— пообещала она ему с убеждением.

Он радостно засмеялся и сильнее прижал ее к себе, усаживаясь поудобнее. Но Жазмина сочла это новым оскорблением и возобновила свою напрасную борьбу, пока не пришла к выводу, что эти ее попытки освободиться только смешат его. Кроме того, от возни ее воздушное, развевающееся на ветру шелковое убранство было в ужасном беспорядке. Она решила, что лучше будет хранить надменное спокойствие, и погрузилась в гневное молчание.

Но гнев сменило удивление, когда они достигли выхода в долину Забар, зияющую, словно брешь в темной стене скалы, которая загородила им дорогу, как огромный бруствер. Казалось, какой-то гигантский нож вырезал этот проход в сплошной скале. По обе стороны вознеслись на сотни футов крутые склоны, пряча выход в долину в кромешной тьме. Даже Конан не мог разглядеть в этой темноте ничего, но зная, что за ним погоня из крепости, и помня дорогу наизусть, он не придерживал коня. Огромный зверь еще не выказывал признаков усталости. Словно молния, они промчались дорогой, лежащей на дне долины, взобрались на откос и переправились через наиболее низкое место гребня, по обе стороны которого корочки предательского сланца подстерегали неосторожный шаг, а потом осыпались на дорогу, тянущуюся вдоль левой стены ущелья.

В густой темноте даже Конан не мог заметить засады, устроенной забарскими горцами. Они с Жазминой как раз проезжали возле темного проема одной из боковых балок, когда в воздухе просвистело копье и с глухим звуком вонзилось в круп мча-

щегося коня. Огромный жеребец споткнулся, пронзительно заржал и на всем скаку рухнул на землю. Но Конан, заметив летящее копье, отреагировал с быстротой молнии.

Он соскочил с падающего коня, держа девушку в объятиях, чтоб она не поранилась о сланец. Приземлился на ноги, как кот, втолкнул пленницу в расщелину и обернулся, выхватив кинжал.

Жазмина, сбитая с толку внезапностью событий, не понимая, что, собственно, произошло, увидела что-то черное, появившееся из темноты, услыхала топот босых ног на скале и шорох трущихся о тело лохмотьев. Заметила блеск стали, короткий обмен ударами, и в темноте раздался ужасный хруст, когда Конан размозжил противнику голову.

Киммериец отпрыгнул и притаился под прикрытием скал. В темноте было слышно какое-то движение, и вдруг зычный голос заревел:

— Что такое, псы? Хотите улизнуть? Вперед, проклятые! Взять их!

Конан дрогнул, глянул в темноту и закричал:

— Это ты, Яр Афзал?

Раздались удивленные возгласы и тихий вопрос:

— Конан, это ты?

— Да! — засмеялся киммериец. — Иди сюда, старый бандит. Я убил одного из твоих людей.

Между скал началось замешательство, замелькал огонек, вырос в светлое пламя факела и, мерцая, стал приближаться к ним. По мере того, как он приближался, все яснее в темноте проступало бородатое лицо. Человек, державший факел, поднял его повыше и вытянул шею, вглядываясь в сланцевый лабиринт, в другой руке он держал огромную кривую саблю. Конан вышел вперед, пряча свой кинжал, а незнакомец, завидев его, радостно рявкнул:

— Да это Конан! Выходите из-за скал, псы! Это Конан!

В круге света появились и остальные: дикие, ободранные, бородатые мужчины с угрюмыми взглядами, с длинными ножами в руках. Жазмину они не заметили, потому что киммериец заслонил ее своим могучим телом. Выглядывавшая из-за этого укрытия девушка впервые за эту ночь ощутила, что у нее по телу поползли от страха мурашки. Эти мужчины были похожи скорее на волков, чем на людей.

— На кого ты охотишься ночью, Яр Афзал? — спросил Конан здоровяка, который, словно бородатый вампир, ощерил зубы.

— Кто знает, что может попасться в темноте? Мы, вазулы,— ночные птицы. А как твои дела, Конан?

— У меня пленница,— ответил киммериец и, отодвинувшись в сторону, открыл съежившуюся Жазмину. Протянув длинную руку в расщелину, вытащил дрожащую вендианку.

Жазмина потеряла свою прежнюю величавую осанку. С опаской поглядывая на бородатые лица собравшихся вокруг людей, чувствовала что-то вроде благодарности к человеку, который об-

нимал ее жестом властелина. Кто-то поднес поближе факел, стало слышно шумное сопение, потому что при виде девушки у горцев перехватило дух.

— Это моя пленница,— предостерег Конан, многозначительно поглядывая на лежащего здесь же за кругом света человека, которого он убил.— Я ехал с ней в Афгулистан, но вы убили моего коня, а за мной — кшатрийская погоня.

— Поехали с нами в нашу деревню,— предложил Яр Афзал.— В ущелье спрятаны наши кони. Нас в темноте никто не выследит. Говоришь, погоня недалеко?

— Так близко, что уже слышен стук копыт по камням,— печально ответил Конан.

Вазулы не стали терять время, сразу же погасили факел, и оборванные фигуры утонули во мраке. Конан схватил Деви на руки, она не сопротивлялась. Острые камни ранили ее изнеженные ноги, на которых были только мягкие туфельки. Она чувствовала себя слабой и беззащитной в этой глубокой тьме, царящей над огромными потрескавшимися вершинами.

Чувствуя, что она дрожит под холодным дуновением воющего в ущелье ветра, Конан сорвал с плеча истрепанный плащ и завернул в него девушку. Вместе с тем предостерегающе шикнул ей на ухо, приказывая молчать. По правде, она не слышала тихого стука копыт, который уловило чуткое ухо горца, но была слишком испугана, чтобы не подчиниться.

Она не видела ничего, кроме нескольких затуманенных звездочек высоко вверху, но по сгущающейся темноте поняла, что они очутились в тесной балке. Услышала звуки: это шарахались кони. После короткого обмена мнениями, Конан оседлал коня солдата, которого он убил. Поднял девушку к себе в седло. Тихо, как привидения, вся банда выехала из ущелья. Мертвый конь и убитый остались на дороге позади, полчаса спустя их нашли всадники из крепости. Признали в убитом вазула и сделали соответствующие выводы.

Прижавшись к груди своего похитителя, Жазмина не могла одолеть сон. Несмотря на неровность дороги, то вздымающейся в гору, то спускающейся в низину, конная езда обладает определенным ритмом, который в сочетании с усталостью и потрясением от избытка событий нагоняет неодолимую жажду сна. Жазмина совсем потеряла ощущение времени и пути. Они ехали в полной темноте, в которой время от времени она замечала абрисы гигантских скальных стен, возносящихся вверх, словно черные бастионы или огромные брустверы, почти достигающие звезд. Время от времени ощущала пустоту зияющей внизу пропасти, и ее пробирало холодное дуновение веющего среди недосягаемых вершин ветра. Постепенно все покрыла мягкая сонная мгла: и стук конских копыт, и скрип упряжи казались нереальными отзвуками сонного бреда.

До Жазмины с трудом дошло, что кто-то снимает ее с коня

и вносит по ступенькам. Потом ее положили на что-то мягкое и шелестящее, что-то положили под голову — похожее на свернутый плащ — и заботливо накрыли одеянием, в которое перед этим ее заворачивал Конан. Она услышала смех Яр Афзала.

— Это ценная добыча, Конан. Достойная вождя афгулов.

— Я ее взял не для себя,— послышался ворчливый ответ.— За эту девчонку я выкуплю из плена семерых моих вождей, черт их побери!

Это были последние слова, которые она слышала, прежде чем заснуть глубоким сном.

Она спала в то время, когда вооруженные всадники прочесывали погруженные во тьму горы и решали судьбу королевства. Этой ночью мрачные ущелья и овраги наполнялись звоном подков мчащихся коней, свет звезд отражался на шлемах и кривых саблях, а странные создания, очутившиеся на потрескавшихся вершинах, выглядывали из-за скал, не понимая, что происходит.

Несколько таких призрачных фигур на исхудавших конях притаились в непроглядной тьме оврага, ожидая, пока вдали стихнет топот копыт. Их предводитель, хорошо сложенный мужчина в шлеме и плаще, расшитом золотом, остерегающе поднял вверх ладонь, держа ее так, пока всадники не проехали мимо. Потом тихо засмеялся:

— Должно быть, потеряли след! Или сообразили, что Конан уже в деревне афгулов. Много нужно будет войск, чтобы выкурить его из этой лисьей норы. На рассвете здесь появится много отрядов.

— Если будет схватка, будут и трофеи,— сказал кто-то за его плечами на иракчайском диалекте.

— Будут и трофеи,— ответил человек в шлеме.— Но сначала мы должны попасть в долину Гурашах и подождать конницу, которая еще до рассвета выйдет из Секундерама.

Он пришпорил коня и выехал из оврага, его люди двинулись следом — как тридцать обтрепанных призраков.

5. ЧЕРНЫЙ ЖЕРЕБЕЦ

Когда Жазмина проснулась, солнце было уже высоко в небе. Девушка не вскочила с кровати, оглядываясь вокруг пустым взглядом и соображая, где она находится. Проснувшись, она сразу припомнила все события, происходившие накануне. От долгой езды у нее болели все кости, а ее упругое тело все еще ощущало объятия мускулистых рук мужчины, который так далеко ее увез.

Она лежала на овечьей шкуре, прикрывающей ложе из листьев, брошенных на хорошо утоптанный глиняный пол. Под головой у нее был свернутый тулуп, а одеялом ей служил потрепанный плащ. Она находилась в огромном помещении с неровными, но толстыми стенами из неотесанных валунов, скрепленных ме-

жду собой высушенной на солнце болотной грязью. Могучие балки поддерживали такой же крепкий потолок, в котором она заметила прикрытый крышкой лаз. В толстых стенах не было окон, только узкие бойницы. Была также и дверь,— огромная плита из бронзы, несомненно украденная с какой-нибудь вендианской сторожевой башни. Напротив двери виднелся широкий грот, отделенный от комнаты крепкой деревянной решеткой. За ним Жазмина увидела прекрасного черного жеребца, жующего сухое сено. Дом служил одновременно крепостью, жильем и конюшней.

В другом конце комнаты девушка в кафтане и мешковатых горских штанах сидела на корточках у небольшого костра, жаря полоски мяса на железной решетке, лежащей на камнях по бокам костра. Над костром в потолке находилось закопченное отверстие, через которое выходила часть дыма. Остальной дым голубоватыми прядями расползался по комнате.

Горянка через плечо бросила взгляд на Жазмину, показывая лицо со смелыми красивыми чертами, потом вернулась к своему занятию. Снаружи слышались мужские голоса, и через минуту в дом вошел Конан, отворив дверь ударом ноги. Утренний свет осветил его могучую фигуру, и Жазмина заметила еще несколько деталей, которые она не могла заметить ночью. Его одежда была чистой и неизношенной. Широкого бакарийского пояса, за которым торчал кинжал в резной оправе, не постыдился бы и князь, а сквозь расстегнутую рубашку виднелась сталь туранской кольчуги.

— Твоя пленница проснулась, Конан,— сказала вазулка.

Киммериец что-то буркнул под нос, подошел к огню и сгреб полоски баранины на каменную тарелку. Сидевшая на корточках у огня горянка улыбнулась ему и отпустила какую-то шутку, на что он ощерил зубы и, зацепив девушку ногой, опрокинул ее на землю. Похоже, что эти незамысловатые шутки доставляли вазулке удовольствие, но Конан уже не обращал на нее внимания. Достав откуда-то огромную краюху хлеба и медный жбан с вином, отнес все Жазмине, которая поднялась на ложе, с изумлением глядя на него.

— Это не очень подходящий харч для Деви, моя милая, но лучшего у нас нет,— буркнул он.— По крайней мере это наполнит твой желудок.

Он поставил миску на землю, и вдруг Деви ощутила, что страшно голодна. Без лишних слов она, скрестив ноги, уселась на полу и, поставив миску на колени, начала есть пальцами, которые отныне должны были ей заменить столовые приборы. Между прочим, способность приспосабливаться — одна из черт настоящего аристократа. Конан стоял, заложив руки за пояс, глядел на нее сверху вниз, он никогда не сидел по-восточному, скрестив ноги.

— Где я?— спросила она.

— В доме Яр Афзала, вождя Курум Вазулов,— ответил он.— Афгулистан лежит в добрых двух милях на запад отсюда. Мы

останемся здесь на какое-то время. Кшатрии прочесывают горы, ищут тебя, горцы уже вырезали пару отрядов.

— Что ты намерен делать?

— Задержаться здесь, пока Чундер Шан не согласится выпустить моих конокрадов,— объяснил он.— Женщины вазулов выжимают чернила из листьев шоки, и вскоре ты сможешь написать губернатору письмо.

Жазмину охватил внезапный прилив гнева, когда она подумала о злом капризе судьбы, сделавшем так, что ее планы превратились в ничто и она стала узницей именно того человека, которого хотела сделать исполнителем своих планов и козней. Она отшвырнула миску с остатками еды и вскочила на ноги, сжав от злости зубы.

— Никакого письма писать не буду! Если ты не отвезешь меня назад, они повесят семерых твоих людей и еще тысячу!

Вазулка подавилась смехом, а Конан грозно нахмурил брови, и тогда открылась дверь и вошел Яр Афзал. Вождь вазулов был такого же роста, как и Конан, и более крепкого телосложения, но рядом с мускулистым киммерийцем выглядел увальнем. Он погладил свою рыжую бороду и многозначительно посмотрел на горянку, которая тут же встала и вышла из дома. Яр Афзал повернулся к приятелю:

— Эти проклятые все ропщут, Конан,— сказал он.— Хотят, чтобы я тебя убил, а за девушку взял выкуп. Говорят, что она благородная, это видно по ее одежде. Спрашивают, почему афгульские псы должны все получить, если мы рискуем, пряча ее в нашей деревне?

— Одолжи мне коня,— ответил Конан.— Я заберу ее, и мы уедем.

Яр Афзал фыркнул:

— Ты думаешь, я не смогу добиться от моих людей послушания? Я приказываю им танцевать в одних рубашках, когда они меня злят. Они не любят тебя, это правда, так же, как и прочих чужеземцев, но я-то прекрасно помню, что ты когда-то спас мне жизнь. Пошли к ним, Конан, только что вернулся разведчик.

Конан подтянул пояс и вышел с вождем на улицу. Они закрыли за собой дверь. Жазмина выглянула через бойницу, увидела открытое пространство, потом ряд хижин из камня и болотной тины, голых детей, играющих среди валунов, и высоких стройных горянок, занятых своими делами.

Тут же, у дома вождя, увидела заросших, ободранных мужчин, сидевших на земле полукругом, лицом к двери. В нескольких футах от них стояли Конан с Яр Афзалом и слушали мужчину, сидящего со скрещенными ногами. Воин хриплым голосом говорил с вождем на вазульском диалекте, который Жазмина понимала с трудом, хотя частью полученного ею образования была наука языков Ираниетана и родственных гулистанских диалектов.

— Я говорил с дагозанцем, который прошлой ночью видел

огромный конный отряд,— говорил разведчик.— Он сидел ночью в засаде около того места, где вождь Конан наткнулся на нашу засаду. Дагозанец слышал, что говорили всадники. Был среди них и Чундер Шан. Они нашли убитого коня, и один из солдат узнал в нем коня Конана. Они нашли также труп вазульского воина. Пришли к выводу, что вазулы убили Конана и похитили девушку, поэтому отряд решил прекратить погоню в Афгулистан. Но они не знали, из какой деревни этот мертвый воин, а мы не оставили следов, которыми могли бы воспользоваться кшатрии. Потом они поехали к ближней деревне вазулов, к Югре, сожгли ее и убили много людей. Но воины Коюра в темноте напали на них, нанесли им большой урон и ранили губернатора. Оставшиеся кшатрии улизнули под покровом ночи в долину Забар, но еще до восхода солнца вернулись с подкреплением, и с утра в горах идут стычки. Говорят, что вендийцы собирают большую армию, чтобы очистить горы вокруг Забара. Воины всех племен острят ножи и устраивают засады на каждом перевале до самой долины Гурашах. Кроме того, Керим Шах повернул в горы.

Вокруг раздались тихие восклицания, и Жазмина плотнее приникла к отверстию, услышав имя человека, давно возбуждавшего ее подозрения.

— Куда он направился?— спросил Яр Афзал.

— Дагозанец не знал. С ним триста иракзаев из равнинных деревень. Они где-то в горах.

— Иракзаи — это шакалы, собирающие остатки из львиной пасти,— заворчал Яр Афзал.— Бросаются на деньги, которые Керим Шах горстями разбрасывает среди приграничных племен, покупая людей, как коней. Не люблю его, хотя он наш родственник из Иранистана.

— Нет,— сказал Конан.— Я знаю его давно. Это гирканец, шпион Ездигерда. Если я его поймаю, повешу его шкуру на тамариске.

— А кшатрии! — выкрикнул один из сидящих в полукруге воинов.— Мы должны сидеть по дворам и ждать, пока нас отсюда выкурят? В конце концов они узнают, в какой деревне держат девушку. Забарцы нас не любят, они помогут кшатриям.

— Пусть только появятся,— буркнул Яр Афзал.— Мы удержим ущелье против конницы.

Один из мужчин вскочил на ноги и погрозил Конану кулаком.

— Мы должны рисковать, а все плоды пожнет он! — заорал человек.— Мы за него должны сражаться?

Конан встал над ним, слегка наклонившись, посмотрел прямо в заросшее лицо. Кинжал он не вытаскивал, но левую руку держал на ножнах, со значением обнажив рукоятку.

— Я никого не прошу сражаться за меня,— ответил спокойно.— Вытащи оружие, если ты отважен, паршивый пес!

Вазул отпрыгнул, фыркнув, как кот.

— Попробуй дотронуться до меня, и эти пятьдесят человек разорвут тебя на части! — закричал он.

— Что?! — зарычал Яр Афзал, багровея от гнева. Ощетинил усы и выставил вперед живот.— Разве ты вождь Курума? Выходит, вазулы подчиняются приказаниям какого-то несчастного ублюдка, а не Яр Афзала?

Воин съежился, а непобедимый вождь подскочил к нему, схватил за горло и начал душить, пока лицо жертвы не стало синефиолетовым. Потом в ярости швырнул его оземь и встал над ним с саблей в руке.

— У кого еще есть какие-то сомнения? — зарычал он и обвел всех воинственным взором, а его соплеменники угрюмо уставились в землю.

Яр Афзал презрительно крякнул и втолкнул оружие в ножны жестом, являвшимся воплощением презрения. Потом со злостью пнул лежащего на земле подстрекателя, исторгая из него рычание боли.

— Обойдешь посты на скалах и узнаешь, не заметили ли они чего,— приказал он. Мужчина удалился, трясясь от страха и скрежеща зубами от злости.

Яр Афзал взгромоздился на камень, что-то бормоча себе под нос. Конан стоял возле него, широко расставив ноги, заткнув пальцы за пояс, прищуренными глазами глядя на столпившихся вокруг воинов. Они угрюмо глядели на него, не осмеливаясь больше провоцировать гнев Яр Афзала, но ненавидя чужака так, как это могут только горцы.

Мужчина обогнул ряд хат, подгоняемый злыми замечаниями и смехом женщин, которые были свидетелями его поражения, потом быстро пошел вверх по дороге, вьющейся меж валунов и скал.

Едва он дошел до первого поворота и исчез из виду — остановился как вкопанный и раскрыл рот от удивления. Ему не верилось, чтобы кому-нибудь из чужаков удалось не замеченным соколиноокими наблюдателями на вершинах проникнуть в долину Курум, и все же на низком уступе скалы возле дороги сидел незнакомый мужчина в тоге из верблюжьей шерсти и зеленом тюрбане.

Вазул открыл было рот, чтобы крикнуть, а его ладонь схватилась за рукоятку ножа. Но в то время, как его глаза встретились с глазами чужака, крик замер в его горле, а рука бессильно опустилась. Он стоял неподвижно, словно статуя, вглядываясь вдаль остекленевшим, отсутствующим взглядом.

Несколько мгновений они стояли неподвижно, потом человек в зеленом тюрбане начертил пальцем на камне какой-то таинственный знак. Вазул не заметил, чтобы незнакомец что-то положил рядом с символом, но вдруг на скале что-то заблестело — появился круглый сверкающий шар, похожий на шлифованный

уголь. Человек в тюрбане поднял его и бросил вазулу, который безотчетно схватил его.

— Отнеси это Яр Афзалу,— сказал незнакомец. Вазульский воин машинально развернулся и зашагал дорогой назад, держа в вытянутой руке черный шар. Над краем уступа появилась голова девушки, которая с удивлением и страхом, которого еще вчера не ощущала, смотрела на него.

— Зачем ты это сделал? — спросила она.

Хемса ласково погладил ее черные волосы.

— Ты, наверное, все еще ошеломлена ездой на воздушном коне, раз сомневаешься в моей мудрости? — рассмеялся он.— Пока жив Яр Афзал, Конан в безопасности среди вазулов. Их много, и ножи их остры. Я задумал кое-что поумнее, чем просто убить киммерийца и отнять у вазулов девушку. Не надо быть чародеем, чтоб угадать, что сделают вазульские воины с Конаном, когда эта моя жертва подаст вождю Курума шар Езуда.

Тем временем Яр Афзал, стоя перед своим домом, прервал тираду на полуслове, с удивлением и неудовольствием увидав, что человек, которого он выслал в обход по дозорам, пробивается к нему сквозь толпу.

— Я же приказал тебе обойти посты! — зарычал вождь.— Ты не мог этого сделать так быстро!

Воин не отвечал, он стоял неподвижно, невидящими глазами глядя на вождя и протягивая ему руку с зажатым в ней черным шаром. Конан, взглянув через плечо Яр Афзала, шепнул что-то и хотел схватить вождя за руку, но прежде, чем он успел это сделать, вазул в порыве гнева ударил воина кулаком, свалив его на землю, как осла. Черный шар выпал из руки воина и покатился под ноги Яр Афзалу, который только теперь заметил этот предмет. Он наклонился и поднял его с земли. Остальные воины, с удивлением поглядывая на товарища, увидели, как их вождь наклоняется, но не заметили, что он поднял.

Яр Афзал выпрямился, взглянул на шар и хотел запихнуть его за пояс.

— Отнесите этого дурака в дом,— приказал он.— Он похож на человека, наевшегося лотоса. Глядел на меня таким пустым взглядом. Я... А-а-у-у!

В правой ладони вождь вдруг почувствовал какое-то странное трепетание. Замолчал, стоял и глядел прямо перед собой, в ладони он ощущал странное шевеление: что-то там менялось, двигалось, жило. Его пальцы больше не сжимали гладкий, блестящий шар. Он боялся взглянуть туда, язык его присох к гортани, и ладонь не хотела раскрываться. Изумленные воины вдруг увидели, что глаза Яр Афзала ужасно расширились и кровь отхлынула с его лица. Вдруг с его губ, спрятавшихся в густой рыжей бороде, сорвался ужасный крик боли, вождь зашатался и рухнул как громом пораженный, вытягивая перед собой правую руку. Он упал

лицом к земле, а между его разжатых пальцев выползал паук — ужасное черное существо с волосатыми конечностями и туловищем, блестящим, как шлифованный уголь. Мужчины заревели и отшатнулись от него. Пользуясь моментом, паук дополз до трещины в скале и исчез.

Воины в недоумении переглянулись. Вдруг среди шума послышался громкий, непонятно откуда звучащий, повелительный голос. Позже каждый из мужчин, присутствовавших там и оставшихся в живых, утверждал, что это кричал не он, но только слова эти слышали все.

— Яр Афзал мертв! Смерть чужаку!

Этот призыв сплотил горцев. Сомнения, недоверие и страх растворились в приливе неутолимой жажды крови. Под небеса взлетел разъяренный крик, когда все вазулы поддержали этот призыв. С горящими от ненависти глазами, они бросились вперед, хлопая полами плащей и поднимая ножи для удара.

Конан столь же быстро отреагировал. В мгновение ока он очутился у дверей дома. Но горцы были слишком близко, и, оказавшись уже на пороге, он вынужден был повернуться и отбить удар полуметрового ножа. Проломив нападавшему голову, уклонился от удара другого ножа, распоров брюхо его обладателю, левой рукой свалил на землю очередного противника, а острием, которое держал в правой руке, пронзил еще одного и изо всех сил ударил спиной в закрытую дверь. Летящий нож отколол щепку от дверного косяка прямо над его ухом, но дверь под нажимом его могучей спины уступила, и киммериец задом влетел в дом. В то же мгновение бородатый горец, нанося свой удар, потерял равновесие и растянулся во весь рост на пороге. Конан наклонился, схватил его за одежду и, отбросив его в глубь комнаты, толкнул дверь в лицо наступавшим. Раздался хруст ломающихся костей, в следующий момент Конан задвинул засовы и поспешно обернулся, чтобы отразить нападение мужчины, который уже вскочил с пола и как бешеный бросился на него.

Жазмина забилась в угол, с ужасом глядя на дерущихся, которые то влетали в комнату, то выкатывались оттуда, порой почти падая на нее. Комнату наполнил скрежет и блеск стали, а снаружи толпа нападавших выла, как стая волков, ударяя кинжалами по медной двери, бросая в нее камни. Кто-то притащил пень, и дверь задрожала под тяжелыми ударами.

Девушка закрыла уши руками, глядя на все безумными глазами. Борьба не на жизнь, а на смерть, происходившая в доме, одержимый вой снаружи приводили ее в состояние полупомешательства. Жеребец ржал и бил подковами о стены своей загородки. Он повернулся и ударил копытами между прутьев как раз в тот момент, когда горец, отскочив назад во время убийственной атаки киммерийца, прикоснулся спиной к перегородке. Позвоночник вазула треснул в трех местах, как высохшая ветка, и воин упал на

Конана, сбив его, так что оба они рухнули на пол из утоптанной глины.

Жазмина вскрикнула и прыгнула вперед. События развивались столь стремительно, что ей показалось, что оба они уже мертвы. Она была рядом с воинами как раз тогда, когда Конан оттолкнул труп и начал вставать. Схватила его за плечо, дрожа как в лихорадке:

— Ох, ты жив! Я думала... думала, что он тебя убил!

Конан посмотрел на нее — на побледневшее, обращенное к нему лицо и широко раскрытые черные глаза.

— Почему ты дрожишь? — спросил он. — С чего бы это тебе переживать, жив я или нет?

На лице Жазмины сразу же появилась тень надменной гримасы, она отодвинулась, делая жалкую попытку казаться прежней Деви.

— Предпочитаю уж лучше тебя, чем это стадо волков, воющих снаружи, — ответила она, показывая на стены дверного проема, камень которых уже начал крошиться.

— Долго не выдержит, — заметил Конан, потом быстро обернулся и подошел к перегородке, за которой находился жеребец.

Жасмина сжала кулаки и затаила дыхание, глядя, как он отодвигает в сторону сломанные прутья и входит к буйствующему животному. Жеребец встал на дыбы, ощерив зубы, забил копытами и пронзительно заржал, раздувая ноздри, но Конан подпрыгнул и, с нечеловеческой силой схватив его за гриву, заставил стоять спокойно. Конь фыркал, его била нервная дрожь, но он дал возможность надеть на себя упряжь и украшенное золотом седло с широкими серебряными стременами.

Киммериец повернул коня и позвал Жазмину. Она осторожно приблизилась, держась подальше от копыт жеребца. Конан орудовал у каменной стены загородки, тихо говоря девушке:

— Здесь есть тайная дверь, о которой даже вазулы ничего не знают. Яр Афзал однажды показал мне ее, когда напился. Она выходит прямо в ущелье за домом. Ха!

Он потянул за невзрачного вида выступ скалы, и вся часть ее отодвинулась внутрь на смазанных маслом железных рельсах. Выглянув в проем, Жазмина увидела узкую расщелину в скальной круче, вертикально вздымающуюся на несколько футов за задней стеной дома. Конан вскочил на коня, поднял девушку, посадил перед собой в седло. За их спиной толстая дверь, охнув, как живое существо, с шумом упала, через проем ввалилась толпа заросших, воющих во весь голос воинов с кинжалами в руках. Огромный жеребец вылетел из дома, словно его выстрелили из катапульты, и погнал ущельем, вытянувшись на бегу, как струна, с хлопьями пены на морде.

Этот маневр застал вазулов врасплох точно так же, как и тех, кто крался ущельем. Все произошло так быстро, что человек в зеленом тюрбане не успел уступить дорогу. Упал, сбитый мча-

щимся конем, а его спутница пронзительно вскрикнула. Конан видел ее всего лишь мгновение: стройная, темноволосая красавица в шелковых шароварах и нагруднике, шитом драгоценностями, прижавшаяся к стене расщелины. Черный конь мчал, как лист, несомый вихрем, унося киммерийца и его пленницу, а кровожадный вой горцев сменился криками изумления и отчаяния, когда они выбежали следом через потайную дверь в ущелье.

6. ГОРА ЧЕРНЫХ КОЛДУНОВ

— Куда мы теперь? — Жазмина, прижатая к похитителю, попробовала сесть прямо в качающемся седле. С легким стыдом она призналась себе, что прикосновения его мускулистого тела ей не так уж неприятны.

— В Афгулистан,— ответил он.— Это далекая дорога, но конь доставит нас туда без труда, если мы не наткнемся на твоих друзей или врагов моего племени. Сейчас, когда Яр Афзала нет в живых, эти проклятые вазулы будут нас преследовать по пятам. Я удивлен, что погони за нами еще не видно.

— Кто тот человек, которого ты сбил? — спросила она.

— Не знаю. Никогда раньше его не видел. Он наверняка не гулистанец. Не имею понятия, что он там, черт побери, делал. Там еще была девушка.

— Да,— Жазмина свела брови.— Не пойму. Это была моя придворная по имени Гитара. Думаешь, она хотела мне помочь? И этот человек ее друг? Если да, то вазулы схватят их обоих.

— Что ж,— проговорил Конан,— мы ничего не можем поделать. Если мы вернемся, то вазулы снимут с нас шкуру. Не пойму, как девушка могла забраться так далеко в сопровождении всего лишь одного мужчины, да и то, судя по одеянию, ученого. Что-то здесь не так. Тот человек, которого Яр Афзал избил, а потом послал в обход постов, двигался, как лунатик. Я видел в Заморе жрецов, совершавших свои ужасные обряды в тайных святынях Езуда,— у их жертв был такой же взгляд. Жрец посмотрит кому-либо в глаза, пробормочет несколько заклятий, и человек начинает вести себя, как живой труп, смотрит стеклянными глазами, делает, что ему скажут.

Кроме того я видел, что было в руках у этого человека, то, что поднял Яр Афзал. Это было похоже на большую черную жемчужину, такую, как носят девушки из Храма Езуда, танцующие перед черным каменным пауком, которому поклоняются. Яр Афзал держал в ладони именно это. А когда упал замертво, из его пальцев выскользнул паук, похожий на божество Езуда, только меньших размеров. Потом, когда вазулы стояли, не зная, что делать, какой-то голос крикнул, чтоб меня убили. Я знаю, что этот голос не принадлежал никому из воинов или женщин, толпившихся у хижин. Похоже было, что звучал он сверху.

Жазмина ничего не ответила. Посмотрела на суровые очерта-

ния высящихся хребтов и задрожала. Этот печальный пейзаж наполнил ее душу отчаяньем. В этом мрачном, пустом краю могло произойти все что угодно. Людям, рожденным на горячих равнинах богатого Юга, многовековые традиции внушали веру в то, что эту землю окутывает туман тайны и опасности.

Солнце было уже высоко в небе, донимая отчаянной жарой, и все же веющий внезапными порывами ветер, казалось, сорвался с ледяных круч. В какое-то мгновение Жазмина услышала вверху свист, который не был похож на свист ветра, и, посмотрев на Конана, внимательно вглядывающегося в небо, она поняла, что и он увидел в этом что-то необычное. Девушке показалось, что по голубому небу промчалась какая-то неясная полоса, словно что-то быстро пролетело у них над головами, но она не была уверена, что это ей не почудилось. Они не стали это обсуждать, но Конан незаметно проверил, хорошо ли вынимается кинжал из ножен.

Они поехали по едва приметной тропе, опускающейся в такое глубокое ущелье, что солнце никогда не достигало его дна, порой тропа взбиралась так высоко на крутые склоны, что, казалось, они вот-вот осыплются под ногами, или вела по острым, как нож, граням, со склонами по обе стороны тропы, ведущими в бездонные, завешенные голубоватой мглой пропасти.

Солнце уже клонилось к закату, когда они достигли узкого тракта, вьющегося между склонами. Конан натянул поводья и направил коня на юг, почти перпендикулярно прежнему направлению их пути.

— Эта дорога ведет в деревню Галзаев,— объяснил он.— Их женщины ходят здесь по воду. Тебе нужна новая одежда.

Поглядев на свою легкую одежду, Жазмина решила, что он прав. Ее туфельки из парчи были изорваны так же, как платье и шелковое белье, которые теперь мало что прикрывали. Одеяние, подходящее для улиц Пешкаури, не очень-то годилось для каменистой Химелии.

Доехав до поворота, Конан слез и помог Жазмине сойти с коня. Они ждали довольно долго. Наконец Конан, довольный, кивнул головой, хотя девушка ничего такого не заметила.

— Идет женщина,— сказал он.

Жазмина во внезапном порыве испуга схватила его за руку.

— Ты... ты не убьешь ее?

— Как правило, я женщин не убиваю,— ответил Конан,— хотя некоторые из этих горянок — сущие волчицы. Нет,— улыбнулся он, словно услышав хорошую шутку,— я ее не убью. Во имя Крома, даже заплачу ей за вещи! Как тебе это нравится?

Он достал горсть золотых монет и спрятал их обратно, оставив самую большую монету. Деви с облегчением кивнула головой. Ей казалось обычным явлением то, что мужчины убивают и гибнут, но при мысли о том, что она могла бы быть свидетельницей убийства женщины, дрожь пробежала по ее телу.

Наконец, из-за поворота вышла долгожданная женщина, вы-

сокая худая галзайка, несущая огромный пустой бурдюк. Завидев их, она остановилась как вкопанная, бурдюк выпал у нее из рук. Она сделала движение, словно собиралась обратиться в бегство, но сейчас же сообразила, что Конан слишком близко от нее, чтобы ей удалось улизнуть, и стояла спокойно, глядя на них со страхом и любопытством.

Конан показал ей золотую монету.

— Если отдашь этой женщине свою одежду,— сказал он,— отдам тебе эту деньгу.

Горянка отреагировала сразу же. Широко улыбнувшись от удивления и удовлетворения, она с типично горским презрением к условностям охотно сбросила с себя вышитую безрукавку, сняла пышную юбку, брюки и рубашку с широкими рукавами, а также кожаные сандалии. Свернув все в узел, отдала сверток Конану, который передал его удивленной Жазмине.

— Иди за скалу и переоденься там,— приказал он, еще раз доказывая этим, что он не химелийский горец.— Сверни свое платье в узел и принеси мне, когда переоденешься.

— Деньги!— визгливо потребовала галзайка, с жадностью протягивая руку.— Золото, которое ты обещал.

Киммериец бросил ей монету, она поймала ее в воздухе, куснула для пробы, потом спрятала ее в волосы, наклонилась, подняла бурдюк и пошла дальше по дороге, лишенная стыда, равно как и одежды.

Конан ждал с некоторым нетерпением, пока Деви впервые в жизни оденется сама. Когда она вышла из-за скалы, он чертыхнулся от изумления, и Жазмина ощутила прилив странного волнения при виде нескрываемого восхищения, написанного у него на лице. Она ощутила стыд, замешательство и укол тщеславия, которого до этого не ощущала, а от его горящего взора ее бросило в дрожь. Конан положил тяжелую ладонь на ее плечо и, повернув Деви, оглядел ее со всех сторон.

— О, Кром!— сказал он.— В тех ниспадающих, неземных одеяниях ты казалась холодной, равнодушной и далекой, как звезды! Сейчас ты — женщина из плоти и крови! Ты ушла за скалу как Деви Вендии, а вышла как горская девушка — но в тысячу раз более прекрасная, чем все девки Забара! Была богиней, теперь — женщина!

Он с силой хлопнул ее по заду, и Жазмина, поняв это лишь как знак своеобразного уважения, не оскорбилась. Вместе с одеждой она словно сама изменилась. Ею овладели до сих пор сдерживаемые чувства и желания, словно бы сбрасывая королевские одежды, она избавилась от уз предубеждений и условностей.

Но Конан не забывал о грозящей им опасности. Чем больше удалялись от Забара, тем менее правдоподобной была встреча с кшатрийскими отрядами, но он все равно все время прислушивался к отголоскам, свидетельствовавшим о том, что мстительные вазулы из Курума идут по их следам.

Устроив Деви в седле, Конан сам вскочил на коня и снова направил его на запад. Сверток с одеяниями, который девушка дала ему, он зашвырнул в тысячефутовую пропасть.

— Зачем ты сделал это? — спросила она.— Почему не отдал одежду девушке?

— Всадники из Пешкаури прочесывают горы,— сказал он.— Горцы будут в ответ нападать на них, а те — уничтожать деревни, которые им покорятся. Они могут направиться и на запад. Если бы они нашли девушку, которая носит твою одежду, то пытками заставили бы ее говорить, и она могла бы их навести на наш след.

— А что она сейчас будет делать? — спросила Жазмина.

— Вернется в деревню и скажет, что на нее напали. Скорее всего, за нами вышлют погоню. Но вначале она должна пойти набрать воды: если она осмелится вернуться без нее, будет избита. Это дает нам запас времени. Нас никогда не поймают. Еще до захода солнца мы пересечем границу Афгулистана.

— Здесь совсем не видно следов людских селений,— заметила Жазмина.— Даже для Химелии этот район слишком безлюден. Мы не встречали ни одной проложенной людьми дороги с тех пор, как покинули тракт, на котором встретили галзайку.

В ответ он показал рукой на северо-запад, где она увидела вершину, окруженную остроконечными скалами.

— Это Имш,— сказал Конан.— Горские племена строят свои деревни как можно дальше от этой горы.

Жазмина окаменела.

— Имш,— шепнула она.— Гора Черных Колдунов!

— Так говорят,— ответил он.— Я еще никогда так близко не приближался к ней. Мы отклонились на север, чтоб не столкнуться с кшатрийскими воинами, которые могли бы углубиться аж до этих мест. Нахоженный путь из Курума в Афгулистан лежит на юге. Этот путь — старый, его редко кто использует.

Жазмина пристально вглядывалась в далекую вершину. Сжала руки так, что ногти впились в ладонь.

— Сколько нужно времени, чтобы доехать отсюда до Имша?

— Остаток дня и целую ночь,— ответил он с улыбкой.— Хочешь туда поехать? Во имя Крома, там не место для простого смертного, судя по тому, что рассказывают горцы.

— Почему они не соберутся и не убьют демонов, которые там поселились? — спросила она.

— С мечами против колдовства? Кроме всего, колдуны не вмешиваются в людские дела, разве что кто-то им вставляет палки в колеса. Я никогда не видел ни одного из них, хотя разговаривал с людьми, которые клялись, что их встречали. Говорили, что на восходе или закате солнца видели среди скал жителей Имша — высоких молчаливых мужчин в черных тогах.

— А ты? Побоялся бы на них напасть?

— Я? — мысль об этом показалась ему неожиданной.— Ну,

если б они мне перешли дорогу, то вышло бы: либо я, либо они. Хотя у меня с ними пока нет повода ссориться. Я прибыл в горы, чтобы собрать людей, а не для того, чтоб воевать с колдунами.

Жазмина ничего не ответила. Смотрела на гору, как на живого противника, чувствуя, как гнев и ненависть вновь проникают в ее грудь. В ее голове начала прорастать новая мысль. Она старалась придумать, как бы настроить против хозяев Имша человека, во власти которого она сейчас находилась. Может, есть какой-то способ, чтоб достичь этой цели? Она не могла ошибиться относительно выражения, появившегося в его диких голубых глазах, когда он смотрел на нее. Не одно царство пало, когда маленькие белые женские ручки потянули за нити судьбы...

Вдруг она вздрогнула и показала пальцем.

— Смотри!

Над далекой вершиной поднялось еле заметное облачко необычной формы. Матово-алое, с искрящимися золотыми прядями, оно было в постоянном движении, вращалось, вибрировало и внезапно сжималось. Через минуту оно превратилось во вращающийся конус, сверкающий в солнечных лучах. Вдруг он оторвался от снежной вершины горы, как разноцветное перышко, проплыл по небу и исчез в его голубом бездонье.

— Что бы это могло быть? — неуверенно спросила девушка, когда своей выпуклостью оно заслонило вершину. Вид этот, хотя и был красив, но пробуждал тревогу.

— Здешние называют это Ковер Имша, но я не знаю, что это означает,— сказал Конан.— Когда-то я видел, как сотен пять местных жителей удирали, словно сам дьявол преследовал их по пятам, прятались в скалах и пещерах, потому что увидели, как эта ярко-красная туча отрывается от вершины. Что это...

Они только что проехали мимо узкой трещины, словно кто-то ножом вертикально рассек скалу, и оказались на широком выступе, по одну сторону которого был потрескавшийся скат, по другую — огромная круча. По этому уступу проходила заброшенная дорога, постепенно спускавшаяся вниз, скрывающаяся за скальными хребтами и вновь появляющаяся через равные промежутки пути. Выехав из расселины, которая вела на этот уступ, черный жеребец фыркнул и встал как вкопанный. Конан пришпорил его, но конь только фыркнул и закивал головой, дрожа и напрягая мускулы, словно наткнулся на какую-то невидимую преграду.

Киммериец чертыхнулся и спрыгнул на землю, держа Жазмину на руках. Двинулся вперед, выставив перед собой руку, словно ожидая наткнуться на какой-то невидимый барьер. Но ничто не преграждало им путь, хотя, когда он попробовал потянуть за собой коня, тот пронзительно заржал и рванулся назад. Вдруг Жазмина вскрикнула, и Конан повернулся на каблуках, схватившись за рукоятку кинжала.

Он не приметил, чтобы кто-то приближался, и все же перед ним стоял мужчина, одетый в тогу из верблюжьей шерсти и зеле-

ный тюрбан. Конан хмыкнул от удивления, узнав в незнакомце, стоявшем перед ним со сложенными на груди руками, человека, которого он сбил в ущелье у вазульской деревни.

— Кто ты, черт тебя возьми? — спросил Конан.

Незнакомец заметил, что его зрачки непривычно расширены, неподвижны, блестящи, и с магнетической силой притягивают внимание.

Колдовство Хемсы основывалось на гипнозе, как и большая часть восточной магии. Бесчисленные поколения, живущие и умирающие с неколебимой верой в возможности и силу гипноза, создали благодаря всеобщей вере и практике такую гнетущую атмосферу страха, что человек, воспитанный в традициях этих земель, столкнувшись с гипнозом, был беспомощен.

Но Конан не был сыном Востока. Восточные традиции для него ничего не значили, он являлся продуктом совсем иной цивилизации. В Киммерии гипноз не был даже мифом. Наследие, которое подготавливало жителя Востока к подчинению гипнозу, было Конану чуждо.

Он понимал, что именно пробует сделать Хемса, но удар его необыкновенной силы ощущал только как слабый импульс, невидимые узы, настолько тонкие, что мог их разорвать так же легко, как и паутину.

Поняв враждебные намерения колдуна, он вырвал из-за пояса кинжал и, как буря, бросился на него.

Но гипноз был не единственным оружием Хемсы. Глядя со стороны, Жазмина не заметила какой-либо хитрой увертки или колдовства, благодаря которому человек в зеленом тюрбане уклонился от страшного удара, нацеленного ему в живот. Узкое острие прошло у него под мышкой, и Жазмине показалось, что Хемса только прикоснулся открытой ладонью к крепкой шее Конана,— и киммериец с грохотом рухнул на землю.

Но удар не убил его. Падая, он смягчил удар от падения, подставив левую руку и одновременно стараясь сделать Хемсе подножку. Тот уклонился от нее, совсем не по-колдовски отскочив назад. Вдруг Жазмина громко крикнула, видя, как из-за скалы выходит и встает рядом с человеком в зеленом тюрбане женщина, в которой она узнала Гитару. Крик радости замер на губах у Деви, когда она увидела злобу, отразившуюся на красивом лице девушки.

Конан медленно поднялся, потрясенный и ошеломленный ужасным ударом, который был нанесен по всем правилам искусства, забытого задолго до погружения в пучину океана Атлантиды,— он, как сухую ветку, сломал бы шею каждого обыкновенного человека. Хемса внимательно, слегка потеряв уверенность, посмотрел на Конана. Маг уверился в своей силе, когда оказывал сопротивление орде разъяренных вазулов в расщелине у деревни Курум, но стойкость киммерийца, пожалуй, слегка поколебала

его новоприобретенную веру в себя. Магия все же основывается на победах, а не на поражениях.

Хемса двинулся вперед, подняв руку... и вдруг замер с поднятой рукой, глядя вверх широко открытыми глазами. Конан тоже невольно посмотрел в том направлении, так же, как и две женщины: сжавшаяся возле дрожащего коня Жазмина и девушка Хемсы.

По горным склонам скатывалась алая конусовидная туча, как кружащееся облако из блестящей пыли, несомое ветром. Лицо Хемсы стало пепельным, рука его задрожала и безвольно упала. Стоящая рядом с ним девушка, чувствуя, что с ним что-то происходит, испытующе посмотрела на Хемсу.

Алое облако сползло по склону горы и, описав большой полукруг, приземлилось на уступе скалы между Конаном и Хемсой, который отпрыгнул со сдавленным криком. Отшатнулся назад, увлекая за собой девушку, судорожно вцепившись в ее плечо.

Алая тучка какое-то время висела на месте, вращаясь с ошеломляющей скоростью, словно овод, висящий в воздухе. Потом, без предупреждения, неожиданно исчезла, словно лопнувший мыльный пузырь. На скале стояло четверо мужчин. Это было невероятно, невозможно, и все же это были не духи, не привидения, а четверо высоких мужчин с выбритыми головами, в черных тогах, скрывавших их руки и ноги. Они молча стояли, согласно кивая птичьими головами. Смотрели на Хемсу, но стоящий за их спинами Конан почувствовал, как в его жилах стынет кровь. Он встал и начал медленно пятиться, пока не уперся спиной в дрожащего жеребца, а рукой мог обнять испуганную Деви. Не было сказано ни единого слова. Вокруг, как тяжелый покров, лежала тишина.

Все четверо в черных тогах смотрели на Хемсу. На их лицах с птичьими чертами не было никакого выражения, а взгляды были неподвижно-сосредоточенны. Хемса трясся как в лихорадке, ноги его крепко упирались в скалу, а мускулы лодыжек напряжены в огромном усилии. Пот струями стекал по его смуглому лицу. Правой рукой он изо всех сил сжимал что-то спрятанное под коричневой тогой, так что с посиневшей его руки отхлынула кровь. Левую руку он положил на плечо Гитары и судорожно сжал его отчаянным движением тонущего человека. Девушка не дрогнула, не издала ни звука, хотя пальцы Хемсы впились в ее тело, как когти.

Прожив неспокойную жизнь, Конан был свидетелем сотен битв, но никогда не видел такой, как эта, в которой силы четырех демонов, объединившись, сражались с одной, тоже дьявольской силой. Но киммериец едва ощущал природу этой кошмарной битвы. Прижатый к стене, окруженный своими бывшими господами, Хемса сражался за свою жизнь, употребляя самые головокружительные способы и все свои ужасные знания, приобретенные в течение долгих, мрачных лет послушничества.

Он был сильнее, чем сам ожидал, а необходимость употребить эту силу в свою защиту высвободила в нем неожиданные запасы

энергии. Страх и отчаяние увеличили эту силу. Он шатался под безжалостным напором четырех пар глаз, но не уступал им поля битвы. Его лицо исказила звериная гримаса боли, а тело изгибалось, словно его колесовали. Это была битва душ, извращенных разумом, которые проникли в пучину мрака и узнали там черные звезды, рождающие кошмары.

Жазмина понимала это лучше, чем Конан, и догадывалась, почему Хемса мог выдержать направленный удар четырех умов, воля которых могла бы расщепить на мельчайшие кусочки скалу, на которой он стоял. Причиной этому была девушка, которую он прижимал к себе со всей силой отчаяния. Она была якорем спасения его измученной души, сокрушаемой волнами эмоций. Силой Хемсы была его слабость. Любовь к девушке, пусть внезапная и осуждаемая, все же была нитью, связующей его с остатками человеческого, служа опорой рычагу его воли, создавая цепь, которую не могли разорвать враги, по крайней мере, не могли разорвать этого звена, которым был Хемса.

Они поняли это раньше, чем он. Один из колдунов перевел свой взор на Гитару. Сопротивления он не встретил. Девушка сжалась и поникла, как засохший лист. Ведомая повелительным наказом, она вырвалась из объятий любовника прежде, чем он понял, что происходит. Тогда началось самое ужасное. Девушка стала отступать к краю обрыва, обращенная лицом к своим преследователям, глядя на них черными расширившимися глазами, пустыми, как окна дома, в котором погас свет. Хемса застонал и потянулся к ней, попав в расставленную ему ловушку. Он не мог собраться с мыслями, чтобы отбить атаку противников. И в тот же миг превратился в побежденного, был уже только игрушкой в их руках. Девушка продолжала отступать, идя неуверенно, как во сне, а Хемса, спотыкаясь, шел за ней, напрасно пробуя ее поймать, охая и всхлипывая от отчаяния. Он двигался, как живой труп.

Девушка замерла на самом краю пропасти, стоя неподвижно, с пятками над провалом, а Хемса, упав на колени и причитая, полз к ней, протягивая вперед руки, чтоб удержать ее от падения. Уже почти прикоснулся к ней одеревеневшими пальцами, но один из чернокнижников рассмеялся громким, как бронзовый звон колокола ада, смехом. Девушка зашаталась и — о вершина жестокости! — чувства и сознание на мгновение вернулись к ней, и в ее глазах появился смертельный ужас. Она вскрикнула, попробовала было ухватиться за протянутую к ней руку любовника и не смогла этого сделать,— с глухим криком упала в пропасть.

Хемса добрался до края пропасти и безумным взглядом посмотрел вниз, беззвучно шевеля губами, что-то шепча про себя. Обернулся и долго смотрел на своих мучителей широко раскрытыми глазами, в которых не было ни искры человеческого. Потом с криком, от которого стали трескаться скалы, бросился на четырех чернокнижников, держа нож в поднятой руке.

Один из колдунов шагнул вперед и топнул ногой, раздался

глухой треск, перешедший затем в оглушительный рев. В том месте, где он ударил ногой, раскрылась и стала мгновенно увеличиваться трещина. С оглушительным звуком весь этот кусок выступа скалы рухнул вниз. Среди падающих камней мелькнула и фигура Хемсы, отчаянно взмахивающая руками, потом все исчезло под лавиной, с грохотом сползающей в бездонную пропасть.

Четыре мага сосредоточенно смотрели на потрескавшийся край пропасти, потом вдруг обернулись. В это время Конан, сбитый с ног внезапным сотрясением земли, вставал и помогал подняться Жазмине. Ему казалось, он двигается очень медленно и так же медленно соображает. Он был ошеломлен. Знал, что должен немедленно посадить Деви на черного жеребца и помчать, как вихрь, но его телом и мыслями овладела непонятная тяжесть.

Потом чернокнижники повернулись и посмотрели на него, подняв руки, и Конан с ужасом увидел, что их фигуры как бы расплываются, становятся туманными и невыразительными, потом исчезают в пурпурном дыму, который вдруг стал клубиться вокруг них, скрывая их от взоров Конана. Пурпурное, клубящееся облако скрыло магов... И вдруг Конан сообразил, что этот алый туман окружает и его. Услышал крик Жазмины и пронзительное ржание жеребца. Страшная сила вырвала Деви из его объятий и швырнула его о камни, как перышко, когда он наугад стал разить кинжалом. Наполовину оглушенный, он увидел, как конусообразное облако возносится над вершинами, быстро удаляясь. Жазмина исчезла вместе с четырьмя колдунами в черных одеяниях. На выступе скалы остались только Конан и испуганный конь.

7. ПО ДОРОГЕ НА ИМШ

Мгла в мозгу Конана рассеялась, развеянная порывом вихря. С ужасным проклятием вскочил он на спину ржущего и брыкающегося жеребца. Посмотрел на склон, поколебался и двинулся в том же направлении, в котором намеревался ехать до того, как его задержали здесь штучки Хемсы. Но теперь он уже ехал не шагом, а пришпорил жеребца, дернув за удила. Конь помчал, как молния, словно этим внезапным движением мог избавиться от страха. Они мчали сломя голову по выступу, по которому вилась вдоль скалы узкая дорога над пропастью. Дорога эта бежала зигзагом, вилась по неровной скале, и в какое-то мгновение далеко внизу Конан увидел то место, куда упала лавина: огромная груда разбитых камней и валунов на дне гигантского обрыва.

До дна долины было все еще далеко, когда он домчался до длинного и широкого ребра, ведущего на другой склон как естественный мостик. Он поехал по нему. По обе стороны лежали почти вертикальные склоны. Он видел перед собой тропку, по которой ехал, а где-то внизу тропа спускалась со склона на дно долины и, сделав огромный крюк вдоль русла высохшей реки, возвра-

щалась под скалу, на вершине которой сейчас находился Конан. Киммериец проклял необходимость делать крюк, но другого выхода не было. Спускаться вниз напрямик было бы самоубийством. Только птица смогла бы сделать это, не сломав себе шею.

Киммериец пришпорил измученного коня и вдруг услышал где-то внизу стук подков. Придержав коня, осторожно подъехал к краю пропасти и заглянул в ущелье, образовавшееся, когда здесь протекала река. По сухому руслу ехала прямоугольником толпа,— пятьсот крепких, вооруженных до зубов, бородатых мужчин на полудиких конях. Наклонившись над краем тридцатифутовой пропасти, Конан окликнул их.

На его окрик они приостановились, пятьсот бородатых лиц поднялись вверх, и по каньону пронеслось глухое ворчание. Конан не терял времени:

— Я еду в Гхор! — крикнул он.— Не рассчитывал встретить вас, псов, на этой дороге. Быстро поезжайте за мной, насколько это могут ваши клячи! Поедем на Имш и...

— Предатель! — этот дружный крик был для Конана, как ушат холодной воды на голову.

— Что такое? — выдавил он из себя, вытаращив глаза.

Увидел искаженные ненавистью лица и руки товарищей, взмахивающие саблями.

— Предатель! — дружно отозвались они.— Где семеро наших вождей, схваченных в Пешкаури?

— В губернаторской тюрьме,— ответил Конан.

В ответ услышал вой сотен глоток, звон оружия и крики, из которых никак не мог понять, что они от него хотят. Рыча, как буйвол, перекрыв этот шум, он крикнул:

— Черт побери! Пусть кто-то один скажет, чтоб я мог понять, в чем дело!

Худой, старый вождь взял на себя эту задачу: сначала погрозил Конану саблей, потом бросил ему обвинение:

— Ты не позволил нам напасть на Пешкаури и отбить наших братьев!

— Вы глупцы! — рявкнул разъяренный киммериец.— Даже если б вам удалось взобраться на стены, в чем я сильно сомневаюсь, то пленников повесили бы раньше, чем удалось бы их освободить!

— И ты сам поехал торговаться с губернатором! — завыл афгул, кипя злобой.

— И что с того?

— Где наши вожди? — кричал старый вождь, махая саблей.— Где они? Их нет в живых!

— Что? — Конан чуть не упал с коня от изумления.

— Их нет в живых! — подтвердило пятьсот жаждущих крови глоток. Старик завертел саблей над головой и снова взял слово.

— Их не повесили! — кричал он.— Вазул в соседней клетке ви-

дел, как они погибли! Губернатор прислал чернокнижника, который убил их своим колдовством!

— Это ложь! — ответил Конан.— Губернатор не осмелился бы на это. Когда я разговаривал с ним прошлой ночью...

Эти слова были очень некстати. Остервенелое вытье и проклятья взвились под небеса.

— Да! Ты поехал к нему один! Чтоб предать нас! Это правда! Вазул удрал через дверь, которую сломал чернокнижник, и все рассказал нашим разведчикам, которых встретил в Забаре. Мы их послали искать тебя, когда ты вовремя не вернулся назад. Когда они услышали рассказ вазула, то вернулись на Гхор, а мы оседлали коней и пристегнули мечи.

— И что вы хотите делать, глупцы? — спросил Конан.

— Отомстить за наших братьев! — завыли они.— Смерть кшатриям! Убить его — это предатель!

Рядом с Конаном посыпались стрелы. Он поднялся на стременах, снова пробуя перекричать шум, после чего с возгласом злости, протеста и разочарования повернул коня и поскакал назад. Бросившиеся за ним вазулы, изрыгающие вслед ему проклятья и угрозы, были слишком разъярены, чтобы сообразить, что они могут попасть на то ребро, по которому ехал Конан, только направляясь в противоположную сторону, обогнув поворот и кропотливо взбираясь крутой дорогой наверх. Когда они наконец сообразили это и повернули назад, их бывший вождь уже почти достиг того места, где ребро переходило в горный уступ.

Оказавшись над обрывом, Конан не поехал дорогой, которой сюда добирался, а направился по еле заметной тропке, покрытой валунами, о которые спотыкался жеребец. Они не проехали по ней далеко, когда конь фыркнул и бросился в сторону, видя что-то лежащее на дороге. Конан взглянул с его спины на страшно разбитое кровавое подобие человека, пытающегося что-то выговорить сквозь сломанные зубы.

Одни боги тьмы, управляющие судьбами чернокнижников, знали, каким образом Хемса смог выбраться из-под огромной кучи камней и взобраться по крутому склону на дорогу.

Ведомый каким-то странным импульсом, киммериец слез с коня и остановился над искалеченным человеком. Он знал, что является сейчас свидетелем необычного, противоестественного явления. Хемса поднял окровавленную голову, а в его странных глазах, подернутых мукой и мраком приближающейся смерти, появились проблески сознания.

— Где они? — проскрипел он голосом, в котором не было ничего человеческого.

— Вернулись в свой проклятый замок на Имш,— буркнул Конан.— Забрали с собой Деви.

— Пойду! — бормотал несчастный.— Пойду туда. Они убили Гитару, а я убью их... аколитов, Четверых из Черного Круга, и самого властелина! Убью... всех убью!

Он попробовал протащить дальше свое искалеченное тело, но даже его непобедимая сила воли была уже не в силах оживить эти кровавые лоскуты, потрескавшиеся кости, держащиеся только на порванных тканях и изодранных мускулах.

— Иди за ними! — бормотал Хемса, изо рта которого струилась кровавая пена.— Иди!

— Я и намерен это сделать,— сказал Конан.— Хотел созвать моих афгулов, но они обратились против меня. Иду на Имш один. Отниму у них Деви, даже если бы мне собственными руками пришлось разнести на кусочки эту проклятую гору. Я не думал, что губернатор осмелится убить моих вождей, когда я захватил Деви, но, похоже, что я ошибался. Он заплатит мне за это головой. Сейчас она мне уже не нужна как заложница, но...

— Пусть падет на них проклятье Изиля! — выдохнул Хемса.— Иди! Я — Хемса... умираю. Подожди... возьми мой пояс.

Искалеченной рукой он начал копаться в своих лохмотьях, и Конан, поняв его намерения, наклонился и помог снять с окровавленного тела пояс странного вида.

— В пропасти держись золотой жилы,— бормотал Хемса.— Носи мой пояс. Мне его дал стигийский жрец. Он поможет тебе, хотя меня подвел. Разбей хрустальный шар с четырьмя плодами граната. Берегись превращений владыки... Иду к Гитаре... она ждет меня в аду... aie, ya Ske l os yar!

С этими словами он умер.

Конан посмотрел на пояс, сплетенный из волос, не похожих на конские. Скорее всего, пояс был сплетен из черных женских волос. В плотных сплетениях блестели маленькие драгоценные камешки, таких он еще никогда не видел. Пряжка была странной: в форме плоской клиновидной головы змеи, покрытой мелкими золотыми чешуйками.

Когда Конан взглянул на этот пояс, холодная дрожь пробежала у него по телу, он замахнулся, чтоб выбросить пояс в пропасть, но, подумав, застегнул его на бедрах, пряча под своим широким бакарийским поясом, который носил всегда. Потом сел на коня и двинулся дальше.

Солнце спряталось за вершину. Конан взбирался в горы по длинным теням, словно широким плащом покрывающим долины и уступы скал внизу. Он уже приближался к вершине, когда впереди услышал стук подкованных копыт. Он ни минуты не колебался. На самом деле тропа была так узка, что огромный жеребец не смог бы повернуть назад. Киммериец обогнул выступ скалы и оказался на более широком отрезке тропы. Раздался целый хор предостерегающих криков, но жеребец Конана уже прижал испуганного коня к скале. А Конан железной хваткой схватил руку ездока, замахнувшегося на него ножом.

— Керим Шах! — произнес Конан, и в глазах его зажглись яркие огоньки.

Туранец не сопротивлялся. Сидя на конях, они почти соприка-

сались грудью, а рука киммерийца сжала его плечо. За Керим Шахом ехал отряд иракзаев на тощих конях. Они смотрели горящими глазами на незнакомца, загородившего им дорогу, и держали наготове луки и кинжалы, но не спешили их пускать в ход из-за опасной близости зияющей у их ног пропасти.

— Где Деви? — спросил Керим Шах.

— Тебе что до этого, гирканский шпион? — ответил Конан.

— Знаю, я в твоих руках,— сказал Керим Шах.— Я ехал с горцами на север, когда мы попали в засаду, расставленную нам врагами на перевале Шализах. Многие мои люди были убиты, а остальных преследовали, как стадо шакалов. Когда мы избавились от преследователей, направились на запад, к перевалу Амир Жехун, а сегодня утром наткнулись на бродившего по горам вазула. Он совсем спятил, но прежде, чем он умер, мы многое узнали из его беспорядочного бреда. Он нам сказал, что остался единственным уцелевшим из той банды, которая помчалась за вождем афгулов и пленной кшатрийкой в ущелье у деревни Курум. Все время он говорил о человеке в зеленом тюрбане, которого сбил конь афгула и который — когда на него напали вазулы, преследовавшие того человека,— погубил их, уничтожив так, как язык пламени уничтожает тучу саранчи. Каким образом этот вазул уцелел, не знаю, и он тоже не знает, но из его бреда я понял, что Конан из Гхора был в Куруме со своей королевской пленницей. А когда мы пробирались через горы, встретили голую галзайку с бурдюком. Она сказала, что ее ограбил огромный воин в одежде вождя афгулов, который — по ее словам — заставил ее отдать одежду для сопровождавшей его вендианки. Девушка утверждала, что ты поехал на запад.

Керим Шах не счел нужным рассказать, что когда враждебно настроенные горцы перекрыли ему дорогу, он как раз ехал на условленную встречу с отрядом туранской конницы. Дорога к долине Гурашах через перевал Шализах была длинней, чем дорога, ведущая через перевал Амир Жехун, но эта последняя пересекала земли афгулов, которых Керим Шах предпочитал избегать, по крайней мере пока не соединится с армией. Отрезанный от дороги, ведущей на перевал Шализах, он тем не менее все же поехал этим небезопасным путем, пока весть, что Конан со своей пленницей еще не достиг Афгулистана, не склонила его к мысли повернуть на юг и совершить дерзкий поход в глубь гор в надежде встретить киммерийца.

— Скажи лучше, где Деви? — предложил Керим Шах.— У меня военное преимущество...

— Пусть только хоть один из твоих псов дотронется до тетивы, и я сброшу тебя в пропасть,— пообещал ему Конан.— Кроме того, тебе не пошло бы на пользу, если б ты меня убил. Меня преследуют пятьсот афгулов, и если б они увидели, что ты избавил их от удовольствия поймать меня, они спустили бы с тебя шкуру.

Кроме того, Деви со мной нет. Она попала в руки к Черным Колдунам с Имша.

— К Таруму! — тихо выругался Керим Шах, впервые теряя свою невозмутимость. — Хемса...

— Хемса мертв, — произнес Конан. — Его прежние господа вместе с каменной лавиной спустили его в ад. А теперь уйди с моей дороги. С радостью убил бы тебя, если б имел время, но сейчас спешу на Имш.

— Поеду с тобой, — отвечал вдруг туранец.

Конан рассмеялся ему в лицо.

— Ты думаешь, я тебе доверяю, ты, гирканский пес?

— А я и не прошу об этом, — ответил Керим Шах. — Нам обоим нужна Деви. Ты знаешь мои побуждения: король Ездигерд жаждет присоединить ее королевство к своей империи, а я — поместить ее в свой сераль. Я знаю тебя еще с того времени, когда ты был вождем степных разбойников, и знаю, что тебя интересует, — грабежи на большой дороге. Ты хочешь опустошить Вендию и потребовать от них огромный выкуп за Жазмину. Может, мы на время, не питая никаких иллюзий относительно друг друга, объединимся и попробуем вырвать Деви из рук колдунов? Если это нам удастся и мы останемся в живых, то решим в поединке, кому она достанется.

Киммериец какое-то время смотрел на него, сузив глаза, потом, кивнув головой, отпустил его руку.

— Согласен. А как же твои люди?

Керим Шах повернулся к молчащим иракзаям и коротко произнес:

— Этот человек и я намерены отправиться на Имш и сражаться с чернокнижниками. Едете с нами или остаетесь и даете возможность афгулам, которые идут по пятам за своим вождем, содрать с себя шкуру?

Они посмотрели на Керим Шаха с угрюмой покорностью. О том, что они уже пропали, они знали еще с момента, когда свистящие стрелы дагозаев принудили их к бегству с перевала Шализах. Слишком часто вспыхивали кровавые распри между людьми из долины Забар и жителями гор. Их отряд был слишком невелик, чтобы они без помощи ловкого туранца могли мечтать прорваться к приграничным деревням. Они уже считали себя мертвецами, поэтому дали ему ответ, который могли дать только пропащие люди:

— Мы пойдем с тобой, чтоб умереть на Имше.

— Значит, в путь, во имя Крома! — произнес Конан, беспокойно оглядываясь вокруг и приглядываясь к темно-синим теням опускавшегося сумрака. — Эти афгульские волки были в двух часах езды за мной, но мы сейчас потеряли слишком много времени.

Керим Шах тронул с места коня, спрятал меч в ножны и осторожно развернулся. Через минуту все двинулись в гору так быстро, как только было возможно. Наконец, они выехали на хребет

в миле от того места, где Хемса задержал Конана и Жазмину. Тропинка, которой они приехали, даже для горцев была довольно опасной, и поэтому Конан с Жазминой избрали тогда другую дорогу. Керим Шах поехал по ней только потому, что думал, что и киммериец сделает то же самое. Даже Конан вздохнул с облегчением, когда кони проехали последний поворот. Они ехали, словно череда призраков, меряющих заколдованное королевство теней. Только тихий скрип кожаной упряжи и побрякивание стали давали знать об их присутствии, а через какое-то время мрачные горные склоны снова опустели, голые и молчаливые в свете звезд.

8. ЖАЗМИНА БЕЗУМНО ИСПУГАНА

Жазмина едва успела вскрикнуть, когда почувствовала, что алый омут втягивает ее, с поразительной силой отрывая от киммерийца. В тот миг у нее перехватило дыхание. Страшная воздушная волна оглушила ее, ослепила, отняла язык и слух. Она едва соображала, что очутилась где-то высоко и летит с ошеломляющей скоростью. У нее было ощущение, что она сошла с ума, а потом у нее закружилась голова, и она потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, еще было живо воспоминание о перенесенном, она громко вскрикнула и вскинула руки, словно защищаясь от падения. Ее пальцы сжали мягкую ткань, и девушка почувствовала глубокое облегчение, огляделась вокруг.

Она лежала на подиуме, покрытом черным бархатом, в огромной мрачной комнате со стенами, увешанными темными гобеленами, на которых с поразительной достоверностью были изображены извивающиеся тела драконов. Высокий свод комнаты тонул в густом полумраке, а тени, залегшие в углах, создавали ощущение зловещего ужаса. На первый взгляд казалось, что здесь нет окон и дверей или что они скрыты за этими кошмарными гобеленами. Жазмина не могла понять, откуда сочится слабый свет, позволяющий увидеть все подробности. Огромная комната была царством тайн, теней и мрачных углов, из которых, казалось, полз неясный душащий страх.

Наконец, Жазмина увидела что-то, принадлежащее к живому миру. В нескольких футах от нее, на втором, чуть меньшего размера возвышении, сидел со скрещенными ногами мужчина, задумчиво поглядывая на нее. Длинная тога из черного бархата, шитого золотом, окутывала его. Руки его были скрыты рукавами одеяния, на голове — бархатная шапка. Его лицо было спокойным, кротким и довольно привлекательным, глаза — блестящими и вместе с тем как бы немного затуманенными. Он с каменным выражением лица приглядывался к Жазмине и совсем никак не отреагировал на то, что она пришла в себя.

Жазмина ощутила, что у нее по телу побежали мурашки от страха. Оперлась на локти и посмотрела на незнакомца.

— Кто ты? — спросила она. Ее голос звучал неуверенно и беспомощно.

— Я — властелин Имша, — ответил человек глубоким, звучным голосом, напоминающим спокойные удары колоколов храма.

— Зачем ты меня сюда доставил? — спросила она.

— Разве ты не искала меня?

— Если ты — один из Черных Колдунов, то да! — дерзко ответила она, убежденная, что он и так читает ее мысли.

Человек тихо засмеялся, а у Жазмины снова по телу побежали мурашки.

— Ты хотела направить детей гор против Колдунов Имша! — рассмеялся он. — Я вижу это в твоих мыслях, княжна. Твой слабый человеческий рассудок переполняют смешные мечты о мести!

— Вы убили моего брата! — в голосе Деви растущий гнев боролся со страхом. Она сжала кулаки и окаменела от злости. — Зачем вы это сделали? Он вам не делал ничего плохого. Жрецы говорят, что Колдуны Имша выше человеческих дел. Зачем вы убили короля Вендии?

— Как может простой смертный понять мотивы колдунов? — холодно ответил властелин. — Мои аколиты в храмах Турана, приобретшие власть над жрецами Тарима, настаивали, чтоб я действовал на пользу короля Ездигерда. По определенным причинам я согласился на это. Как я должен объяснять причины, побудившие меня к этому, чтоб ты поняла их своим слабым умом? Все равно не поймешь.

— Я понимаю одно: мой брат мертв! — выкрикнула Жазмина с болью и ненавистью. Она поднялась на колени и пронизывала его взглядом широко открытых глаз, как пантера, приготовившись к прыжку.

— Так пожелал Ездигерд, — холодно согласился ее собеседник. — Мой временный каприз поддержал его притязания.

— Ездигерд твой вассал? — Жазмина пробовала скрыть охватившие ее чувства. Она только что наткнулась коленом на что-то твердое и симметричное, скрытое фалдами бархата. Незаметно переменила позу и засунула руку под покрывало.

— Разве пес, сжирающий объедки под стеной храма, может быть вассалом бога? — ответил владыка.

Казалось, он не видит незаметных движений девушки. Под фалдами покрывала ее рука тем временем нашарила что-то, что казалось ей рукояткой стилета. Жазмина наклонила голову, чтобы скрыть блеск триумфа в глазах.

— Но хватит с меня Ездигерда, — сказал властелин. — Я нашел себе лучшее развлечение... Ха!

Жазмина прыгнула, как кошка, с диким криком, стараясь нанести убийственный удар. Вдруг она споткнулась и упала на пол, прильнула к нему, глядя на человека, который чуть было не стал ее жертвой. Тот сидел на подиуме, даже не шевелился, с его лица

не сходила загадочная улыбка. Жазмина подняла дрожащую руку и взглянула на нее широко раскрытыми глазами. В ее руке был не стилет, а цветок золотого лотоса с помятыми лепестками и сломанным стеблем.

Она отшвырнула лотос, словно это была ядовитая змея, и на коленях отползла от колдуна. Вернулась на свой подиум, не без основания полагая, что это больше подходит королеве, нежели ползание по полу у ног чернокнижника. Взглянула на него с ужасом, ожидая его реакции.

Но властелин не шелохнулся.

— Вся материя одинакова для того, кто располагает ключами от врат Космоса,— загадочно изрек он.— Для сведущих в Искусстве нет вещей неизменных. По его воле в неземных садах зацветает сталь или цветок сверкает острием меча в лунном свете.

— Ты дьявол! — всхлипнула она.

— Нет! — засмеялся он.— Я родился на этой планете очень давно. Когда-то был обычным человеком, и на протяжении долгих эонов служения Искусству я не утратил всех признаков человеческого. А человек, углубившийся в Черное Искусство, сильнее дьявола. Я человек, но царю над демонами. Ты видела Господ из Черного Круга, и если бы я сказал тебе, из каких отдаленных королевств я призвал их и от какой судьбы охраняет их мой заколдованный кристалл и золотые змеи, ты потеряла бы рассудок от ужаса. И только я один — их господин. Мой глупый Хемса мечтал о величии — бедный глупец, разбивающий ворота и перенесящийся вместе со своей любовницей по воздуху с вершины на вершину! Но если бы я его не убил, в один прекрасный день он смог бы стать таким же могучим, как и я.

Он снова рассмеялся.

— А ты, глупое создание, строила козни, желая отрядить своего волосатого вождя горцев на покорение Имша! Это прекрасная шутка, если бы мне это пришло в голову раньше, я сам постарался бы, чтоб ты попала к нему в руки. И я читаю в твоих мыслях, что даже тогда, когда он схватил тебя, ты не отказалась от мысли сделать его своим орудием, намереваясь использовать всякие свои женские штучки. Но если не брать во внимание твою глупость, все же ты — женщина, на которую приятно посмотреть. Я намерен задержать тебя как свою невольницу.

Слыша эти слова, наследница тысяч гордых императоров крикнула со стыдом и злостью:

— Не посмеешь!

Его издевательский смех стегнул ее, как кнут.

— Король не посмеет растоптать червяка на своей дороге? Глупенькая, ты не понимаешь, что твоя королевская гордость значит для меня не более, чем стебелек соломы на ветру. Я, целовавший царицу ада! Ты видела, как я расправляюсь с теми, кто мне сопротивляется!

Съежившаяся от страха девушка стояла на коленях на бархат-

ном покрывале. Свет померк, в комнате потемнело. Лицо властелина стало ужасным. В его голосе появились повелительные нотки.

— Никогда тебе не покорюсь! — сказала она дрожащим от страха, но решительным голосом.

— Покоришься,— ответил колдун с жесткой самоуверенностью.— Страх и боль приучат тебя к покорности. Я буду стегать тебя ужасом и кошмаром до предела твоей выносливости, пока ты не станешь в моих руках, словно воск, мягкой и податливой на каждое пожелание. Ты изведаешь страдания, которых не довелось перенести ни одной смертной, пока каждый мой приказ не станет для тебя волей богов. Вначале, чтобы унять твою гордость, вернешься в свое забытое далекое прошлое, в свои предыдущие воплощения. Aie, yil la khosa!

При этих словах мрачная комната словно зашевелилась перед глазами испуганной Жазмины. Волосы у нее на голове встали дыбом, а язык примерз к нёбу. Откуда-то долетел глубокий, зловещий удар гонга. Драконы на гобеленах, извергнув голубое пламя, исчезли. Сидящий на подиуме властелин превратился в бесформенную тень. Серый полумрак сменился густой, мягкой, почти осязаемой темнотой, пульсирующей странным светом. Жазмина не могла уже разглядеть властелина. Она ничего не видела. Только неясно ощущала, что стены и потолок отдаляются от нее, исчезают.

Потом где-то в темноте появилось пламя, то зажигающееся, то гаснущее, как светлячок. Оно увеличилось до размеров мяча, посветлело, стало ослепительно белым. Потом вдруг разлетелось дождем искорок, которые тем не менее не рассеивали мглы. В комнате все же остался слабый отблеск, позволяющий заметить черный гибкий пень, растущий из каменного пола. На глазах ошеломленной Жазмины пень выпустил отростки, принял реальные очертания, на отростках появились ветки, широкие листья и огромные черные, отравляющие цветы, склоняющиеся над сжавшейся на подиуме девушкой. В воздухе стоял еле слышный запах. Это страшный черный лотос в мгновение ока вырос из каменной плиты, так, как он вырастал в таинственных джунглях Кхитая.

Широкие листья колыхались со зловещим шелестом. Цветы склонялись над Жазминой, как разумные создания, танцуя змеиными движениями на бледных стеблях. Еле различимые на фоне густой, непроницаемой тьмы, вздымались над ней, как гигантские бабочки, каким-то непонятным способом давая ощутить свое присутствие. Их одуряющий запах кружил голову, и Жазмина пробовала сползти с подиума, но тут же судорожно прильнула к нему, когда пол наклонился под невероятным углом. Деви с ужасом вскрикнула и судорожно сжала руки, но ужасная сила разжала ее пальцы. У нее было ощущение, что она потеряла рассудок, а весь мир рассыпался до основания. В черной, ревущей, ле-

дяной пустыне она была лишь дрожащим атомом разума, уносимым ветром, который грозил задуть слабое пламя ее жизни, как дыханье бури гасит горящую свечу.

Потом она ощутила внезапный импульс и движение, когда атом, в который она превратилась, смешался и слился с мириадами других атомов, рождая жизнь в бродящем болоте первобытной жизни. Уминаемая созидающими ладонями Природы, она вновь превратилась в мыслящую единицу, медленно кружащуюся по бесконечной спирали своего существования.

Охваченная ужасом, увидела и узнала свои предыдущие воплощения и вновь воплощалась во все тела, в которые во все эти века помещалось ее «я». Вновь ранила свои ноги на длинной, изнурительной дороге своих воплощений, увлекшей в забытое прошлое. Вновь дрожа сжималась она в первобытных джунглях перед праначалом Времени, догоняемая кровожадными существами. Одетая в шкуры, брела она по колено в воде по болоту рисового поля, сражаясь за ценные зерна с догоняющими ее птицами. Билась с парой мулов, разрыхляя заостренным колышком неподатливую землю и бесконечно наклоняясь над ткацким станком в деревенских хижинах.

Она видела пылающие города и с криком убегала от убийц. Бежала нагая и окровавленная по горячему песку, ее тащили на аркане ловцы рабов, она узнала жгучие прикосновения грубых рук к ее телу, стыд и муку внезапного желания. Она кричала под ударами кнута, стонала, пробитая колом, сойдя с ума от ужаса, вырывалась от палача, неумолимо клонящего ее голову на окровавленный пень.

Она узнала родовые муки и горечь преданной любви. Перенесла все мучения, обиды и несчастья, которые мужчина причинял женщине на протяжении эонов, перенесла презрение и злобу, которыми женщина может одарить женщину. И все время она сознавала, кем является, хоть это сознание жгло, как удары кнута. Будучи всеми этими созданиями, которыми она была в прошлом, она вместе с тем знала, что она — Жазмина. Ни на секунду она не теряла этого знания. Она являлась одновременно нагой рабыней, согнувшейся под ударами бича, и гордой владычицей Вендии. И страдала она не только как рабыня, но и как Деви Жазмина, чей гордый характер ощущал удары бича, как прикосновения раскаленного железа.

Одна жизнь срослась с другой в бурлящем хаосе, а каждая следующая несла свое бремя несчастий, стыда и страданий, и так было, пока она не услышала, словно издалека, свой пронзительный крик, словно один долгий крик боли, эхом несущийся сквозь века.

Тогда она проснулась на покрытой бархатом постели в темной комнате.

В кошмарной полумгле она вновь увидела подиум и сидящую на ней фигуру в черных одеяниях. Слегка склоненную голову сидящего прикрывал капюшон, а его узкие плечи едва вырисовыва-

лись в царящем здесь сумраке. Жазмина не различала деталей, но вид капюшона вместо бархатной шапочки пробудил в ней неясную тревогу. Она напрягла зрение и ощутила странный, перехватывающий дыхание страх: у нее было такое ощущение, что это не властелин так спокойно сидит поодаль...

Вдруг фигура шевельнулась и встала, поглядывая на нее сверху. Наклонилась и обняла ее длинными руками, скрытыми широкими рукавами черной тоги. Жазмина с молчаливой яростью сопротивлялась, изумленная и испуганная худобой обнимающих ее рук. Голова в капюшоне наклонилась к повернутому лицу девушки. Жазмина пронзительно вскрикнула, охваченная ужасом и отвращением. Ее упругое тело обнимали костлявые руки, а под капюшоном она увидела воплощение смерти и разложения — ужасный череп, обтянутый истлевшей, как древний пергамент, кожей.

Жазмина вскрикнула еще раз, потом, когда лязгающие, ощеренные челюсти приблизились к ее устам, потеряла сознание.

9. ЗАМОК ЧЕРНОКНИЖНИКОВ

Над белыми вершинами Химелии встало солнце. Группа всадников, глядя вверх, приостановилась у подножия длинного склона. Высоко над их головами на склоне горы высилась каменная башня. Дальше, выше нее, бежали стены еще более мощной крепости, стоящей у самой границы вечных снегов, покрывающих вершины Имша. В этой картине было что-то нереальное, алые склоны тянулись к фантастическому замку, выглядевшему отсюда, как детская игрушка, а сверкающая белизна вершины за ним, казалось, вонзалась в холодную голубизну неба.

— Оставим коней здесь,— произнес Конан.— Этот предательский подъем лучше преодолеть пешком. Тем более, что кони устали.

Он соскочил с черного жеребца, который стоял на широко расставленных ногах, опустив голову. Всю ночь они мчались вперед, подкрепляясь остатками еды в своих вьюках и останавливаясь только для того, чтобы дать немного отдохнуть лошадям.

— В этой башне живут аколиты Черных Колдунов,— сказал Конан.— Или, как их еще называют, цепные псы своих господ. Они не будут сидеть сложа руки, когда увидят нас на склоне.

Керим Шах взглянул вверх на дорогу, по которой они приехали: она находилась довольно высоко на склоне Имша. Туранец напрасно старался увидеть в этом лабиринте какое-либо движение, которое говорило бы о приближающейся погоне. Афгулы, скорее всего, потеряли в ночи след своего вождя.

— Что ж, пошли!

Они привязали уставших коней к тамарискам и без лишних слов двинулись в гору. Отовсюду они были видны как на ладони. Голый склон был покрыт слишком маленькими валунами, чтоб за

ними мог укрыться человек. Хотя там могли прятаться другие живые существа.

Они не прошли и пятидесяти шагов, когда из-за одного из камней выскочило рычащее существо с пеной, сочащейся изо рта, и глазищами, налитыми кровью. Конан шел первый, но пес не напал на него. Проскользнув рядом, он бросился на Керим Шаха. Туранец отпрыгнул в сторону, и огромный зверь упал на идущего следом иракзая. Воин крикнул и заслонился рукой. Бестия повалила его на спину, разрывая ему руку, и через секунду сама свалилась под ударами дюжины сабель. И все же не прекращала попыток вцепиться в челюсть следующей жертве, пока не была буквально разрублена на куски.

Керим Шах перевязал раненому разорванное плечо, внимательно посмотрел на него и молча отвернулся. Присоединился к Конану, и они молча продолжали подъем.

Потом Керим Шах сказал:

— Странно, что деревенский пес забрался аж сюда.

— Здесь нечего жрать,— согласился с ним киммериец.

Они оба обернулись и посмотрели на раненого воина, маршрующего за ними в толпе иракзаев. Его темное лицо блестело от пота, а искаженные гримасой боли губы показывали ощеренные зубы. Конан и Керим Шах снова посмотрели на возносящуюся перед ними каменную башню.

На вершинах лежала сонная тишина. Ни на башне, ни на стенах стоящего за ней, похожего на пирамиду строения они не заметили ни малейшего движения. Устремившиеся туда мужчины шли в напряженном молчании, как люди, идущие по краю вулкана. Керим Шах снял с плеча огромный лук, который разил за пятьдесят шагов. Иракзаи потянулись к своим лукам — они были полегче и разили на меньшее расстояние.

Но им еще не удалось подойти к башне на расстояние лёта стрелы, когда что-то неожиданно упало на них из безоблачного неба. Пролетело так близко от киммерийца, что он почувствовал прикосновение машущих крыльев на лице, но не он, а следующий за ним иракзай зашатался и упал, истекая кровью из разорванной артерии. Сокол с крыльями цвета полированного металла, с окровавленным, изогнутым, как сабля, клювом, вновь взмыл в небо и внезапно замер, когда зазвенела тетива лука Керим Шаха. Птица рухнула, как камень, но никто из мужчин не мог бы указать того места, куда она упала.

Конан наклонился над несчастным, но тот уже умер. Никто ничего не успел сказать, не было смысла обсуждать ни этот случай, ни то, чего еще никогда доселе не случалось — чтобы сокол напал на человека. В душах диких иракзаев бешенство состязалось с фаталистической апатией. Волосатыми руками они сжимали свои луки и бросали мстительные взгляды в сторону башни, неподвижность которой, казалось, издевается над ними.

Следующее нападение не заставило себя ждать. Все увидели,

как из-за края башни выкатилось белое дымное облачко и поплыло вниз по склону. За ним появились другие облака. Они выглядели безобидными, как пушистые шарики мутной пены, но Конан отодвинулся в сторону, избегая столкновения с первым облачком. Один из иракзаев, идущий следом, размахнулся и рубанул тучку мечом. Раздался оглушительный грохот. Клуб дыма исчез в ослепительной вспышке, а от слишком любопытного воина осталась только кучка обугленных, почерневших костей. Сморщенная ладонь все еще сжимала рукоять из слоновой кости, но острие меча расплавилось и испарилось в страшном огне. И все же воины, даже стоявшие рядом с жертвой, совершенно не пострадали, они были только ошеломлены и слегка ослеплены внезапной вспышкой.

— Взрывается от прикосновения металла,— произнес Конан.— Смотри, они приближаются!

Склон над ними был почти покрыт спускающимися шариками. Керим Шах натянул тетиву и послал в самую их гущу стрелу. Пробитое стрелой облако взорвалось, как мыльный пузырь, брызгая огнем. Остальные воины последовали примеру туранца, и через несколько минут на склоне бушевала буря, разили громы и молнии, сыпавшие дождем искр. Когда белые клубы исчезли, в колчанах у воинов осталось не так уж много стрел.

Они яростно взбирались в гору по обугленной и почерневшей земле, огибая те места, где голая скала превратилась в лаву от огня этих проклятых взрывов.

Наконец, они оказались на расстоянии полета стрелы от башни и растянули ряды, нервно оглядываясь вокруг: какую еще неожиданную ловушку устроят им защитники башни.

На стенах появилась одинокая фигура, несущая десятифутовый медный рог. Хриплый рев, покатившийся по склону, был похож на звуки трубы в судный день. Сейчас же из подземных глубин ему отозвался глухой грохот и шум. Земля под ногами воинов затряслась.

Иракзаи на дрожащем откосе зашатались, как пьяные, с криками ужаса, но Конан с бешеным блеском в глазах и с кинжалом в руках ринулся, как вихрь, по склону, прямо к двери в стене. Сверху раздавался издевательский рев и подвывание огромного рога. Керим Шах подтянул стрелу к уху и отпустил тетиву.

Только туранец мог сделать такой выстрел. Звук рога внезапно смолк, и в воздухе раздался высокий, пронзительный крик. Стоящая на башне фигура в зеленой одежде зашаталась, хватаясь за торчащее в груди длинное древко, потом перевалилась через парапет и рухнула вниз. Огромный рог покатился и повис на краю стены. Вторая фигура в зеленой тоге подскочила, чтобы схватить рог. Снова зазвенела тетива, и вновь эхом ей отозвался крик агонии. Второй аколит, падая, задел рог локтем, и он разлетелся на куски у подножия башни.

Конан с такой быстротой преодолел пространство, отделяющее его от двери, что еще не смолкло эхо от шума падения, а он

уже бил острием своего ножа в дверь. Инстинктивно отскочил, когда сверху вылили на него расплавленное олово. В следующую минуту он уже был у ворот, атакуя их с удвоенной яростью. Тот факт, что их враги прибегли к таким обычным видам обороны, придал ему силы. Колдовская сила аколитов все же не была безграничной. Может, они уже исчерпали все запасы своих чародейских штучек?

По скату взбежал Керим Шах, а за ним следом — шатающиеся воины. На бегу они выпускали стрелы, которые со свистом перелетали за стену либо разбивались о зубцы стен.

Толстое тиковое дерево уступило под ударами киммерийца, который осторожно заглянул внутрь, приготовившись к худшему. Увидел овальную комнату и ведущую наверх крутую лестницу. В противоположной стене помещения увидел широко открытую дверь, за ней склон... и спины полдюжины одетых в зеленое людей, убегающих изо всех сил.

Конан завыл и прыгнул внутрь, но тут инстинкт подсказал ему остановиться и броситься назад на секунду раньше, чем огромный каменный блок с грохотом рухнул на то место, где он только что коснулся ногой пола. Киммериец побежал вдоль стены, криком призывая остальных следовать за ним.

Аколиты покинули первую линию обороны. Когда Конан обежал башню, увидал их зеленые силуэты высоко вверху. Дыша жаждой мести, он помчался за ними, а Керим Шах с иракзаями наступали ему на пятки. Минутный триумф заставил их забыть о своем врожденном фатализме, при виде убегающих врагов они завыли, как стая волков.

Башня стояла на нижнем крае узкого плато, почти незаметно наклоненного к откосу. Через несколько сот ярдов плато вдруг кончалось глубокой расщелиной, абсолютно незаметной снизу. В эту расщелину и спрыгнули аколиты, даже не замедлив бег. Преследователи только увидели их зеленые развевающиеся одежды, исчезающие за краем пропасти.

Несколько минут спустя преследователи также стояли на краю рва, отделяющего их от замка Черных Колдунов. Насколько видел глаз, в обе стороны лежала пропасть шириной в тысячу и глубиной в пятьсот футов, с вертикальными стенами, вероятно, идущая вдоль всей вершины Имша. Она была до краев наполнена странным, искрящимся и блестящим туманом.

Конан взглянул вниз и чертыхнулся. Заметил одетых в зеленое аколитов, поспешно проходивших по сверкающему, словно серебро, дну долины. Их силуэты были смазаны и невыразительны, словно они были погружены в глубокую воду. Они шли цепочкой, направляясь к противоположной стене обрыва.

Керим Шах натянул лук и выпустил засвистевшую стрелу. Но она, попав во мглу, наполнявшую расщелину, казалось, внезапно потеряла скорость и, отклонившись от своего курса, упала далеко от цели.

— Если они смогли туда спуститься, то и мы сможем! — сказал Конан стоящему рядом с ним Керим Шаху, который с удивлением наблюдал за полетом своей стрелы. — Я видел, они прошли этим путем...

Напрягая взгляд, он заметил внизу что-то, напоминающее золотую нить, растянувшуюся по всей ширине каньона. Аколиты шли вдоль этой нити, и вдруг киммериец припомнил казавшиеся ему ранее непонятными слова Хемсы: «Держись золотой жилы!» Наклонившись, он нашел на краю расщелины тонкую полосу сверкающего золота: это жила золотого месторождения, лежащего прямо на поверхности, сбегала вниз и шла через серебряное дно ущелья. Он увидел кое-что еще, чего до этого не мог заметить из-за особенного преломления света. Золотая жила шла вдоль платформы, спускающейся в самый низ и снабженной углублениями для рук и ног.

— Ах, вот как они спустились вниз, — сказал Керим Шах. — Они, значит, не могут летать по воздуху. Пойдем за...

В эту минуту укушенный псом мужчина издал ужасный крик и, оскалив зубы, бросился на Керим Шаха. Из его рта лилась пена. Туранец проворно, словно кот, отскочил в сторону, а взбесившийся рухнул головой вниз в пропасть. Остальные солдаты подбежали к краю пропасти и с изумлением заглянули вниз. Мужчина не пошел вниз камнем, а медленно плыл сквозь розовую мглу, как человек, погружающийся в воду. Конечности его судорожно дергались, а пунцовое, искаженное конвульсиями лицо выражало скорее боль, чем бешенство. Наконец он упал на блестящее дно пропасти и остался недвижим.

— В этой расщелине нас подстерегает смерть, — пробормотал Керим Шах, отшатнувшись от этой розовой мглы, которая почти доставала ему до ног. — А что теперь, Конан?

— Идем дальше! — невесело ответил киммериец. — Эти аколиты — обычные люди: если мгла не убила их, значит, она не убьет и нас.

Он подтянул пояс и невольно дотронулся при этом до пояса, подаренного Хемсой. Свел брови и грустно улыбнулся. Он совсем забыл об этом поясе, и все же именно он трижды спас его, подставляя другие жертвы.

Аколиты достигли противоположной стены и ползли по ней, как большие зеленые мухи. Конан взошел на платформу и стал осторожно спускаться. Розовая туча окутала его ноги и поднималась выше по мере того, как он опускался по платформе. Она доставала до его колен, до бедра, потом до пояса и плеч. Он ощущал ее вокруг себя, как густой туман во влажную ночь. Когда она уже доставала до шеи, он поколебался, потом с головой окунулся во мглу. В тот же миг стал задыхаться, неумолимая сила не давала ему вздохнуть, сдавив ребра в смертельном объятии. Конан в отчаянии подпрыгнул, борясь за жизнь. Выставив голову на поверхность, стал ртом хватать воздух.

Керим Шах наклонился над ним, что-то говоря, но Конан не слышал его и не обращал на него внимания. Он мысленно перебирал в памяти указания умирающего Хемсы. Попробовал нащупать золотую жилу и обнаружил, что, спускаясь, сошел с нее. Заметил ряд углублений для рук и ног в платформе. Встав точно на жилу, начал спускаться вновь. Розовая мгла снова окутала его. Голова его тоже окунулась во мглу, но стоя на золотой жиле, он по-прежнему мог дышать. Увидел вверху лица глядящих на него товарищей, слегка размытые в блестящей мгле. Жестом приказал им следовать за ним и быстро стал спускаться, не ожидая, пока они последуют его примеру.

Керим Шах молча вернул меч в ножны и пошел следом за киммерийцем, а иракзаи поспешили за Керим Шахом, скорее опасаясь потерять предводителя и проводника в одном лице, чем какого-то подвоха, который мог их ожидать в этой расщелине. Они держались золотой жилы так, как показал им киммериец. Спустились на дно пропасти и пошли по серебристой равнине, ступая по золотой полосе, как люди, идущие по проволоке над пропастью. Шли, словно по невидимому туннелю, наполненному воздухом. Со всех сторон их окружала смерть.

Тропинка, по которой скрылись аколиты, вела к платформе по другую сторону расщелины и исчезала за ее краем. Они двинулись туда, приготовившись к встрече с неизвестной опасностью, таящейся среди острых камней, которыми был усыпан край обрыва.

Их ждали там одетые в зеленые одежды, вооруженные ножами аколиты. Возможно, убегая, они достигли некоей границы, которую не могли переступить. Может, опоясывающий живот Конана стигийский пояс был причиной тому, что их заклятья оказались бессильными. А может, зная, что за поражение они будут наказаны смертью, решили использовать последний шанс и с ножами в руках выскочили из-за скал.

Среди потрескавшихся камней началась кровавая битва, оружием в которой было не искусство чернокнижников, а обычные ножи. Звенела сталь, со свистом опускались лезвия, рассекая тела, мускулистые руки наносили могучие удары, лилась кровь, а по телам упавших топтались сражающиеся.

По правде говоря, только один из иракзаев истек кровью и умер, но аколиты полегли все до одного,— изрезанные, порубанные на куски, сброшенные в пропасть, они медленно опускались на сверкающее внизу серебристое дно.

Победители, стерев с лица кровь, огляделись. Кроме Конана и Керим Шаха, еще четверо иракзаев вышли из битвы невредимыми.

Они стояли меж потрескавшихся скал, образовавших зубчатый край расщелины. Вьющаяся отсюда по невысокому склону тропка вела к широкой лестнице, сделанной из зеленых шестифутовых камней, напоминающих нефрит. Ступени вели на широкую галерею из такого же полированного материала, а за ней — этаж

за этажом — вздымался замок Черных Колдунов. Казалось, что его вырубили из одной отвесной скалы ущелья. Архитектура замка была прекрасной, хоть и была лишена украшений. Окон было немного, они были прикрыты ставнями. Нигде не было никаких признаков жизни, ни одного дружественного или враждебного существа.

Без слов, осторожно, они пошли по тропе, словно люди, приближающиеся к змеиному логову. Иракзаи шагали, словно в трансе, как идущие на верную смерть. Даже Керим Шах молчал. Только Конан, казалось, не осознавал, каким беспрецедентным нарушением традиций были их действия, какую огромную брешь они пробили в общепринятых взглядах. Он был не с Востока, его породила раса, сражавшаяся с демонами и чернокнижниками так же ожесточенно и успешно, как и с прочими врагами людей.

Он взошел по блестящим ступеням и по широкой зеленой галерее подошел к виднеющейся по другую ее сторону, обитой золотом двери из тикового дерева. Окинул внимательным взглядом верхние этажи вздымающейся перед ним огромной пирамиды замка, протянул руку к медной ручке, торчащей в двери, и с кривой усмешкой задержал ее на полпути. Ручка была в форме змеи с выгнутой шеей и с поднятой головой. Конан заподозрил, что металлический гад может вдруг ожить от прикосновения его руки.

Одним ударом он отрубил ручку, и медный звон упавшей на камень ручки отнюдь не рассеял его подозрения. Концом кинжала он отбросил ее и вновь вернулся к двери. Вокруг царила полная тишина. Розовая мгла окутывала далекие вершины. Солнце блестело на горных вершинах, покрытых снегом. Высоко вверху повис ястреб, как черная точка в небесной сини. Кроме него, единственными живыми существами были люди, стоящие перед обитой золотыми листами дверью,— маленькие фигурки на галерее из зеленого нефрита на склоне огромной горы Имш.

По ним хлестнул холодный ветер, прилетевший с ледников, развевая обрывки их одежды. Кинжал Конана, ударивший в массивную дверь, вызвал гремящее эхо. Киммериец бил раз за разом, пробивая металлические листы и тиковое дерево. Через минуту он осторожно заглянул через пробитое отверстие внутрь. Увидел просторную комнату с голыми стенами из шлифованных камней и мозаичным каменным полом. Единственной мебелью здесь были столики из шлифованного эбенового дерева и каменный подиум. Нигде не было ни следа живой души. В противоположном углу комнаты он увидел следующую дверь.

— Оставь стражника у дверей,— сказал он.— Идем внутрь.

Керим Шах приказал одному из воинов стоять на страже, тот с луком наготове вернулся на середину галереи. Конан вошел в замок, за ним туранец и три остальных иракзая. Страж у двери плюнул, пробормотал что-то себе под нос и вздрогнул, услышав тихий издевательский смех. Подняв голову, увидел стоящую на вто-

ром этаже фигуру, одетую в черное, презрительно поглядывающую на него, с издевкой кивающую головой. Иракзай быстро натянул тетиву и пустил стрелу, которая, мелькнув вверху, впилась в обтянутую тогой грудь. Колдун продолжал с издевкой смеяться, вырвал стрелу из тела и небрежным жестом швырнул ее лучнику. Воин отпрыгнул, инстинктивно выставив руку. Его пальцы сомкнулись на кувыркавшемся в воздухе древке.

Иракзай пронзительно вскрикнул. Деревянная стрела в его руке стала извиваться. Прямая древесина вдруг стала гибкой, словно растаяла в его руке. Он попробовал отшвырнуть это от себя, но было поздно. Холодные кольца обвились вокруг его запястья, а мерзкая клиновидная головка поползла к мускулистому плечу. Воин еще раз крикнул, лицо его набрякло и покраснело, а глаза, казалось, вот-вот выскочат из орбит. В страшных конвульсиях он сполз на землю и замер.

Мужчины, уже было вошедшие в замок, бросились назад. Конан быстро подошел к высаженным дверям и встал как вкопанный, ничего не понимая. Товарищам, смотревшим на это, казалось, что киммериец сражается с воздухом. Не видя перед собой никакой преграды, он все же ощутил под пальцами скользкую, гладкую поверхность и понял, что выход закрыт кристаллической плитой. Он видел через нее неподвижно лежащего на галерее стражника с оперенной стрелой в плече.

Конан поднял кинжал и ударил, а глядевшие на него в остолбенении товарищи увидели, как острие отскакивает от невидимой преграды с громким звоном, словно сталь натыкается на твердое вещество. Конан прекратил дальнейшие попытки пробиться. Он знал, что даже легендарный меч Амир Курума не смог бы сокрушить эту невидимую преграду.

В нескольких словах он объяснил это Керим Шаху. Туранец пожал плечами:

— Что ж, возвращение нам отрезано, мы должны искать другой путь. Значит, идем вперед, не так ли?

Кивнув головой, Конан повернулся и зашагал к двери по другую сторону комнаты, чувствуя, что идет навстречу неизбежной смерти. Поднял кинжал, чтобы ударить в дверь, но она тихо открылась, словно имела на то свою волю. Конан перешагнул через порог и оказался в огромном зале. Вдоль его стен тянулись блестящие колонны, а в ста футах от двери начинались широкие нефритовые ступени лестницы, сужающейся кверху, словно пирамида. Он не знал, что находится дальше, но чтобы войти на ступени, ему нужно было пройти мимо странного алтаря из черного, как уголь, камня. Четыре огромных золотых змеи вились вокруг по четырем углам, выставив клиновидные головы, обращенные к четырем сторонам света, как стражи легендарных сокровищ. Но на алтаре, который они стерегли, покоился только хрустальный шар, наполненный чем-то вроде дыма, в котором плавали четыре золотых плода граната.

Это зрелище пробудило что-то в памяти Конана, но он не стал вдумываться, что именно, потому что на нижних ступеньках лестницы увидел четверых, одетых в черное, людей. Он не заметил, как пришли Колдуны, они просто возникли здесь, согласно кивая птичьими головами, высокие, худые, руки и ноги их были скрыты под фалдами многочисленных одеяний.

Один из них поднял руку, рукав тоги сполз, открывая ее... Это вовсе не была рука. Вопреки своей воле Конан задержался на полушаге. Он встретил силу, не похожую на силу Хемсы, и не в силах был сделать ни шагу вперед, хотя чувствовал, что может отступить назад, если захочет. Его друзья тоже остановились и выглядели еще более беспомощными, чем он, будучи не в состоянии сделать ни одного движения.

Чародей с поднятой рукой кивнул одному из иракзаев, тот, как в трансе, двинулся к нему, уставившись куда-то вдаль, держа свой меч в бессильно опущенной руке. Когда воин проходил мимо Конана, тот, вытянув руку, загородил ему дорогу. Киммериец был намного сильнее иракзая и в обычных условиях с легкостью смахнул бы его, как муху. Но сейчас воин оттолкнул его руку, как стебелек травы, потом неровной, механической походкой подошел к лестнице. Дошел до ступеней и встал на колени, отдавая свой меч и наклоняя голову. Колдун взял у него оружие. Блеснуло острие на взмахе. Голова иракзая упала с плеч и с глухим стуком покатилась по черному мраморному полу. Из рассеченных артерий хлынула кровь, потом тело осело и, широко раскинув руки, распростерлось на полу.

Нечеловеческая ладонь вновь поднялась и позвала следующего иракзая, который, шатаясь, двинулся навстречу смерти. Жуткая сцена повторилась, и второе обезглавленное тело распростерлось рядом с первым.

Когда и третий воин прошел мимо Конана, направляясь к своей погибели, киммериец, у которого набрякли жилы на висках от усилий и напрасных попыток преодолеть удерживающий его невидимый барьер, вдруг ощутил, что вокруг пробуждаются неизвестные, благоприятные для него силы. Это ощущение пришло без предупреждения, неожиданно, но с такой силой, что он ни на минуту не сомневался в том, что подсказал ему инстинкт. Левая рука киммерийца невольно дотронулась до стигийского подарка Хемсы. Он сжал его и моментально ощутил прилив новых сил в одеревеневших конечностях: воля жизни взыграла в нем с силой сверкания раскаленной добела стали, а вторил силе пронизывающий его гнев.

Третий иракзай уже превратился в безжизненный труп, и отвратительный палец кивнул вновь, когда Конан почувствовал, что невидимый барьер треснул. Из его горла вырвался дикий крик, и накопившаяся в нем злость нашла выход в молниеносной атаке. Как буря, он ринулся на колдунов, сжимая левой рукой волшебный пояс с отчаянной силой, с которой тонущий держится за

плавающее дерево. Длинное острие в его правой руке сверкало, как солнечный луч. Стоящие на ступеньках Колдуны не шелохнулись. Даже если они и были удивлены, то не подали вида, смотрели холодно и равнодушно. Конан не терял времени на ненужные раздумья, что он сделает с ними, когда они окажутся в пределах досягаемости его кинжала. Его охватила жажда убийства — он хотел только одного — вонзить острие в тела врагов, утопить его в их крови.

Он был уже в паре шагов от ступенек, на которых, издевательски усмехаясь, стояли Колдуны. Набрал воздуха в грудь, ярость росла в нем с каждым вздохом. Он как раз был рядом с алтарем, обвитым золотыми змеями, когда, словно блеск молнии, его озарило воспоминание о таинственных словах Хемсы, и он услышал их снова, словно кто-то прошептал их ему на ухо: «Разбей хрустальный шар».

Он отреагировал почти машинально. Между импульсом и действием не прошло и сотой доли секунды, и наивеличайшие из чернокнижников не смогли бы успеть прочесть его мысли и помешать тому, что наступило. Ловко, как кот, он в прыжке сменил направление атаки и с треском опустил кинжал на хрустальный шар. Тотчас же почувствовал почти осязаемое дыхание ужаса, плывущее со ступеней, от алтаря или же от самого хрусталя. Слух разрезало пронзительное шипение позолоченных змей, которые вдруг ожили и, поднимая жуткие головы, пробовали кусать. Но разъяренный Конан был для них слишком неуловим. Сверкающий клинок перерезал чудовищные тела одно за другим и ударил по хрустальному шару. С громовым раскатом кристалл взорвался, осыпаясь дождем огненных осколков на черный мрамор пола, а золотые плоды граната, словно освобожденные из пут, выстрелили под высокие своды и исчезли.

Сумасшедший, звериный, чудовищный рев эхом прокатился по огромному залу. Четыре черные фигуры на ступенях извивались, корчились в конвульсиях, источая пену из посиневших губ. Крещендо нечеловеческого воя внезапно прервалось. Колдуны перестали двигаться. Конан знал, что они мертвы. Он посмотрел на алтарь и хрустальные обломки. Четыре безголовые золотые змеи по-прежнему обвивали алтарь, но в их металлических телах не осталось и следа жизни.

Керим Шах, которого во время сражения Конана отшвырнула невидимая сила, медленно поднялся с колен. Покачал головой, чтоб избавиться от звона в ушах.

— Ты слышал этот звук, когда разбил шар? — спросил он.— Словно вместе с ним в замке разбились тысячи хрустальных зеркал. Похоже, в этих золотистых плодах граната были заключены души чернокнижников? А!

Конан обернулся, видя, что Керим Шах хватается за меч и показывает куда-то рукой.

На лестнице появилась новая фигура. Незнакомец тоже был

одет в черную тогу, но из расшитого бархата, а на голове у него была остроконечная шапка. На его красивом лице было написано невозмутимое спокойствие.

— Кто ты, черт тебя возьми? — спросил Конан, глядя на незнакомца.

— Я властелин Имша! — ответил тот голосом, напоенным жестокой радостью, и звучащим, как праздничный колокол.

— Где Жазмина? — спросил Керим Шах.

Властелин взорвался смехом.

— И зачем, труп, тебе это знать? Или ты так быстро забыл о моей силе, которую я когда-то тебе передал, что прибыл сражаться со мной, бедный глупец? Пожалуй, я должен вырвать твое сердце, Керим Шах!

Он протянул руку, словно рассчитывая, что в нее что-то упадет, и туранец пронзительно вскрикнул в смертельной муке, зашатался, как пьяный. Вдруг раздался треск ломающихся костей и звеньев кольчуги, и из его груди хлынул поток крови, а сквозь огромную дыру в разорванных тканях выстрелило что-то алое и влажное — прямо в выставленную ладонь властелина, как кусок железа, притягиваемый магнитом. Туранец сполз на пол и перестал шевелиться, а властелин Имша со смехом швырнул под ноги киммерийцу еще бьющееся человеческое сердце.

Конан выругался и с рычанием бросился к лестнице. Из пояса Хемсы плыла струя силы и безграничной ненависти, помогающей ему преодолеть страшное излучение воли, с которой он столкнулся на лестнице. В воздухе повисла отливающая металлическим блеском мгла, в которую он окунулся словно пловец, опустив голову, прикрывая лицо согнутой рукой и крепко сжимая в левой руке кинжал. Напрягая заслезившиеся глаза, чуть выше себя на ступеньках различил фигуру ужасного чернокнижника — это изображение шло волнами, как отражение в быстротекущей воде.

Его толкали и швыряли силы, которые ему было трудно постичь разумом, но он ощущал поддержку струящейся откуда-то извне силы, которая неудержимо несла его вперед против воли колдуна и его собственной слабости.

Он достиг вершины лестницы и сквозь серо-металлическую мглу увидал перед собой лицо колдуна и странный страх, сквозящий в его неуверенном взгляде. Конан прорвался сквозь мглу, как через волны прибоя, и кинжал в его мускулистой руке рванулся вверх, как живое существо. Острие разодрало тогу властелина, который отпрыгнул со сдавленным криком. Вдруг, на глазах изумленного киммерийца, чернокнижник исчез — попросту исчез, как мыльный пузырь. Только по лестнице проскользнула какая-то длинная и колеблющаяся тень.

Конан прыгнул за ней на узкую лестницу, ведущую с лестничной площадки вверх. Он не мог бы назвать того, что туда проскользнуло, но бешеная ненависть приглушила охватившее его отвращение и страх.

Он побежал по широким коридорам с голыми стенами из полированного нефрита. Перед ним скользнула длинная тень, пропав за дверными портьерами. Одновременно с этим в глубине одной из комнат раздался испуганный женский крик. Этот крик пришпорил Конана, он помчался что было силы к двери и в следующий же миг оказался в помещении за портьерой.

Его глазам предстала ужасная картина. На краю покрытого бархатом подиума сжалась Жазмина, крича от ужаса и отвращения, подняв руку, чтобы защититься от нависшей над нею ужасной головой змеи с блестящей чешуей и сверкающими темными кольцами. Со сдавленным криком Конан метнул в змею кинжал.

Гад молниеносно обернулся и бросился на него, как ветер, пролетающий меж высоких трав. Длинное лезвие застряло в его шее так, что рукоятка торчала с одной стороны шеи, а острие — с другой, но это, казалось, только усилило ярость огромного гада. Он наклонил свою большую голову над человеком, который осмелился ему сопротивляться, и, оскаливая брызжущие ядом клыки, попробовал укусить его. Но в тот же миг Конан выхватил из-за пояса стилет и изо всех сил ударил острием снизу вверх. Сталь пробила нижнюю челюсть чудовища и застряла в верхней, словно приколов челюсти друг к другу. Тотчас же огромное тело гада окольцевало киммерийца. Не имея возможности пустить в ход зубы, змея попробовала таким образом его атаковать.

Левая рука Конана была прижата к телу змеиными кольцами, но правая была свободна. Крепко упираясь в землю широко расставленными для равновесия ногами, он схватил торчащую в теле змеи рукоятку кинжала и выдернул ее из тела. Как бы угадывая своим нечеловеческим умом намерения противника, бестия начала извиваться, напрягаться, силясь охватить и свободную руку противника. Но длинное острие поднялось и опустилось с быстротой молнии, почти перерезав надвое огромное тело змеи.

Прежде чем киммериец смог ударить снова, гибкие кольца выпустили его из своих объятий, и чудовище скользнуло по плитам, истекая кровью из ужасных ран. Конан прыгнул за ним, поднимая оружие для удара, но убийственный удар поразил только воздух, потому что извивающийся гад скользнул в сторону и ударил головой о переборку из сандалового дерева. Одна из плит уступила: длинное, истекающее кровью тело скользнуло в щель и исчезло. Киммериец тут же ударил по переборке. Несколькими ударами пробил в ней дыру и заглянул в темное помещение. Черного, жуткого гада не увидел нигде. Увидел только лужу крови на мраморных плитах и кровавые следы, ведущие к замаскированной в стене двери. Это были следы босых ног...

— Конан!

Он повернулся на пятках и в самый раз, чтобы поймать в свои объятия Деви Вендии, дрожащую от страха, благодарности и облегчения. Она пробежала через всю комнату и бросилась ему на шею.

От всех этих происшествий взыграла горячая кровь киммерийца. Он прижал девушку к груди с силой, которая в иных обстоятельствах вызвала бы на ее лице болезненную гримасу, и запечатлел на ее устах неожиданный поцелуй. Жазмина не сопротивлялась. Место Деви заняла обычная женщина. Закрыв глаза, она утонула в его диких, горячих поцелуях, отдаваясь этой волне страсти. Он прервался, чтоб набрать воздуха, и взглянул на нее, тяжело дышащую, прижавшуюся к его могучему плечу.

— Я знала, что ты придешь за мной,— сказала она.— Ты не смог бы бросить меня одну в этом логове демонов.

Услышав эти слова, Конан пришел в себя и вспомнил, где они находятся. Он поднял голову и напряг слух. В замке на Имше царила тишина, но эта тишина была напоена угрозой. Опасность подстерегала в каждом углу, издевательски ощеривалась из-за каждой портьеры.

— Лучше пойдем-ка отсюда, пока есть время,— сказал он.— От этих ран погибло бы любое существо, и даже человек, но не чернокнижник. Нанесешь ему удар, а он отползет, как раненая змея, чтобы из какого-то волшебного источника снова зачерпнуть яду.

Он поднял девушку на руки и понес, словно ребенка, по блестящему нефритовому коридору и лестнице, с напряженным вниманием ища вокруг новые признаки опасности.

— Я встретила властелина Имша,— испуганно прошептала Жазмина, вновь переживая весь тот ужас и крепче обнимая спасителя.— Он насылал на меня чары, чтоб сломить мою волю. Самое страшное — это был гниющий труп, который хватал меня... потом я потеряла сознание и лежала, как мертвая, не знаю сколько времени. Когда пришла в себя, услышала внизу шум и крики, а потом этот змей вполз в комнату и... ах! — она задрожала.— Каким-то образом я поняла, что это не видение, а настоящая змея, которая хочет меня убить.

— Да уж, это не было видение,— с уверенностью ответил Конан.— Он понял, что проиграл, и предпочитал убить тебя, лишь бы не отдать мне.

— О ком ты говоришь «он»? — спросила она неуверенно.

Она вдруг вскрикнула, прижимаясь к Конану, и забыла о своем вопросе. Увидела лежащие у подножия лестницы трупы. Останки колдунов отнюдь не представляли собой приятное зрелище, они съежились и почернели, а распахнувшиеся одеяния обнажили их ноги и руки, не имеющие ничего общего с человеческими. Видя это, Жазмина побледнела и спрятала лицо на широкой груди Конана.

10. КОНАН И ЖАЗМИНА

Конан быстро пересек зал, еще одну комнату и добрался до двери, ведущей на галерею. Заметил, что пол здесь устлан мелки-

ми блестящими осколками. Хрустальная плита, закрывавшая выход, рассыпалась на куски. Киммериец припомнил раздавшийся оглушительный звон, когда он разбил лежавший на алтаре шар, и догадался, что в тот момент рассыпались все хрустальные вещи в храме, и какое-то неясное, скрытое в подсознании ощущение подсказывало ему правду о печальной связи между Господами Черного Круга и золотыми плодами граната. Он ощутил, что по его спине пробежали мурашки, и поспешил выбросить все из памяти.

Он вышел на галерею из зеленого нефрита, с облегчением глубоко вздохнул. Ему нужно было еще преодолеть расщелину, но, по крайней мере, он уже мог видеть сверкающие на солнце белые вершины и огромные склоны, тонущие в море голубоватого тумана.

Иракзай лежал в том же месте, куда упал: бесформенное пятно на гладкой, сверкающей поверхности. Спускаясь вниз крутой тропкой, Конан с удивлением взглянул на солнце, которое еще не минуло зенита, хотя ему казалось, что с момента, когда он вошел в замок Имш, прошли долгие часы.

Он ощущал пришпоривавшую его необходимость спешить, им руководила не слепая паника, а инстинктивное предчувствие подстерегающей за спиной опасности. Он ничего не сказал Жазмине, а девушка казалась успокоенной, имея возможность опереться своей черной головкой о его широкую грудь, чувствуя себя в безопасности в его могучих объятиях. Конан на мгновение замер на краю расщелины и, нахмурив брови, глянул вниз. Переливающийся туман в пропасти уже не был розовым и искрящимся. Он был мутным, серым и призрачным, как тень жизни, тлеющей в израненном человеке. Киммерийца посетила странная мысль, что колдовство чернокнижников связано с их личностью больше, чем игра актеров является отражением жизни живых людей.

Но далеко внизу равнина по-прежнему блестела, как матовое серебро, а золотая полоса сверкала неугасимым блеском. Конан перебросил Жазмину через плечо, против чего она не возражала, и стал спускаться вниз. Быстро спустился по платформе и пробежал по отзывающемуся эхом дну распадка. Он был уверен, что будет погоня и что единственный шанс уцелеть — это как можно быстрее переправиться по этой ужасной полосе, прежде чем раненый властелин настолько обретет силу, что снова обречет их на какую-либо опасность.

Когда он взобрался на противоположную стену и встал на краю, то вздохнул с облегчением и поставил Жазмину на землю.

— Дальше ты можешь идти сама,— сказал он.— Дорога все время идет под уклон.

Девушка украдкой бросила взор на сверкающую пирамиду по ту сторону распадка: замок Имш вздымался на фоне заснеженного склона как цитадель молчания и зла.

— Конан из Гхора, разве ты чародей, что победил Черных

Колдунов с Имша? — спросила Жазмина, когда они стали спускаться по тропке.

— Это все пояс, который мне дал Хемса перед смертью,— ответил киммериец, обнимая крепкой рукой талию девушки.— Да, я нашел его на дороге. Это необычный пояс, я покажу его тебе, когда будет свободное время. Против некоторых заклятий он оказался бессилен, но против многих — очень мне помог, хотя добрый кинжал — самое лучшее заклятье.

— Но раз ты с помощью пояса победил властелина,— сказала Жазмина,— то почему не повезло с ним Хемсе?

Конан покачал головой.

— Кто знает? Хемса был слугой властелина, может, это и ослабило его силы. Надо мной он не имел такой власти, как над Хемсой. Но я б не сказал, что я его победил. Правда, он удрал, но я боюсь, что мы с ним еще встретимся. Хотелось бы, чтоб от его владений нас отделяло как можно большее расстояние.

Он обрадовался, найдя стреноженных коней у тамарисков, там, где их оставили. Быстро отвязал их, оседлал черного жеребца и посадил перед собой девушку. Остальные кони, набравшись сил на выпасе, дружно двинулись за ними.

— А что теперь? — спросила она.— В Афгулистан?

— Как бы не так! — грустно улыбнулся он.— Не знаю кто, возможно, губернатор, убил семерых моих вождей. Мои глупцы, афгулы, думают, что я имею с этим что-то общее, и пока я не смогу убедить их, что они ошибаются, они будут преследовать меня, как раненого шакала.

— А что со мной? Если вожди мертвы, я не нужна тебе больше в качестве заложницы. Ты убьешь меня, чтобы отомстить за них?

Он окинул ее сверкающим взглядом и рассмеялся, услышав такое нелепое предположение.

— Едем к границе,— сказала она.— Там афгулы тебе угрожать не будут...

— Да, прямо на вендийскую виселицу.

— Но я королева Вендии,— напомнила она ему. В ее голосе на мгновение появились повелительные интонации.— Ты спас мне жизнь. Получишь за это награду.

Это прозвучало не так, как она хотела, и лишь привело Конана в негодование.

— Приберегти свои сокровища для своих придворных ублюдков, княжна. Если ты госпожа равнин, то я — господин гор и не сделаю ни шагу к вендианской границе!

— Ты был бы там в безопасности...— сказала она с недоверием.

— А ты вновь стала бы Деви,— прервал он ее.— Нет, благодарю, предпочитаю тебя такой, какой вижу сейчас — женщиной из плоти и крови, едущей со мной в седле.

— Но ведь ты не можешь меня задержать! — воскликнула она.— Не можешь...

— Подожди и убедишься! — сказал он горько.

— Но я заплатила бы тебе огромный выкуп.

— К чертям твой выкуп! — сказал он грубо, крепче сжимая ее гибкую талию.— Во всем королевстве Вендии не могло бы найтись ничего, что я желал бы так же, как тебя. Я украл тебя, рискуя жизнью, и, если твоя дворня желает тебя вернуть, пусть приезжают в Забар и отнимут силой.

— Но ведь у тебя нет людей! — выкрикнула она.— Тебя преследуют. Как ты защитишь себя, не говоря уже обо мне?

— Есть еще у меня друзья в горах,— ответил он.— Вождь куракчаев спрячет тебя в надежном месте, пока я не договорюсь с афгулами. Если они не захотят меня выслушать, то — во имя Крома! — поеду с тобой на север, к степным разбойникам. Прежде, чем попасть на Восток, я был их вождем. Я тебя сделаю королевой Вольной Степи!

— Не хочу,— сопротивлялась она.— Ты не можешь меня заставить...

— Если эта идея так тебе неприятна,— сказал он,— почему ты так охотно подставляла свои губы для поцелуев?

— Даже королева может быть всего лишь женщиной,— ответила она, покраснев.— И потому, что я — королева, я должна прежде всего жить интересами моего королевства. Не увози меня в чужие края. Возвращайся со мной в Вендию.

— А ты сделаешь меня своим королем? — спросил он с иронической улыбкой.

— Но обычаи...— замялась она, а Конан со смехом прервал ее:

— Да, обычаи цивилизованных людей не позволяют тебе сделать то, что ты хотела бы. Выйдешь замуж за какого-нибудь старого, морщинистого короля с равнины, а я поеду своим путем, беря с собой на память воспоминания о нескольких украденных поцелуях! А?

— Но ты можешь поехать в мое королевство,— беспомощно повторила она.

— Зачем? — спросил он со злостью.— Протирать задом золотой трон и слушать лесть глупо улыбающихся выскочек в бархатных одеяниях? И что тебе это даст? Послушай: я родился в горах Киммерии, где живут варвары. Был наемным солдатом, корсаром, разбойником, делал сотни иных таких же вещей. Кто из королей объездил столько стран, провел столько битв, любил стольких женщин и добывал такие трофеи, как я?

Приехал в Гулистан, чтобы собрать орду и опустошить южные королевства, в том числе и твое. То, что я стал вождем афгулов, было лишь началом. Если мне удастся с ними помириться, в течение года за мной пойдет еще с дюжину других племен. Если нет — возвращусь в степь и вместе с разбойниками буду грабить приграничья Турана. А ты поедешь со мной. К черту твое коро-

левство, обходилось же оно как-то, когда тебя еще не было на свете!

Сидя в седле в его объятьях и глядя ему в лицо, Жазмина чувствовала пробудившееся в душе дерзкое желание, равное по силе его страсти. Но тысячи поколений предков были такой угнетающей тяжестью!

— Не могу! Не могу! — бессильно повторяла она.

— У тебя нет выбора,— уверял он ее.— Поедешь... Что такое, черт возьми?!

Имш остался далеко за спиной, теперь они ехали по высокому ребру, разделявшему две долины. Они находились как раз на вершине скального гребня, откуда хорошо была видна долина по правую сторону. Там шла отчаянная битва. Сильный ветер дул от них, поэтому шум битвы был плохо слышен, но и так снизу доносился звон сабель и стук копыт.

Был виден солнечный блеск на остриях копий и остроконечных шлемах. Три тысячи закованных в сталь всадников гнало перед собой орду потрепанных воинов в тюрбанах на головах, которые убегали, как стая волков, огрызаясь на нападавших.

— Туранцы! — воскликнул Конан.— Это отряды из Секундерама. Что они здесь делают, черт их побери?

— А кого они преследуют? — спросила Жазмина.— И почему они так яростно дерутся? При таком преимуществе врага у них нет никаких шансов.

— Это пятьсот моих сумасшедших афгулов,— буркнул Конан, хмуря брови.— Они в ловушке и знают об этом.

Действительно, афгулы находились в тупике. Долина постепенно сужалась, переходя в глубокий овраг, заканчивающийся небольшой котловиной, окруженной крутыми, непреодолимыми стенами.

Наездников в тюрбанах загоняли в ту расщелину. Не имея другого выхода, они пятились туда шаг за шагом под дождем стрел и градом ударов. Туранцы теснили их решительно, но не слишком сильно. Они знали ярость доведенных до отчаяния горцев и прекрасно понимали, что загнали их в безвыходную ловушку. Узнав, что это воины из племени афгулов, они хотели их окружить и принудить покориться. Чтобы выполнить свой план, они нуждались в заложниках.

Их эмир был человеком дела. Когда он достиг долины Гурашах и обнаружил, что ни противника, ни эмиссара нет на месте встречи, он пошел дальше, доверяя своему знанию гор. Всю дорогу его войско сражалось с враждебно настроенными жителями гор, и во многих деревнях теперь горы зализывали раны. Эмир знал, что, наверное, ни он, ни один из его копьеносцев, не вернется живым в Секундерам, потому что со всех сторон их окружают враги, но он был настроен выполнить приказ — любой ценой отнять у афгулов Деви и доставить ее Ездигерду в качестве невольницы, или же, если это окажется невозможным, с честью погиб-

нуть, отрубив ей голову. Конечно же, обо всем этом пара, глядящая на них с хребта, не имела ни малейшего понятия. Конан вертелся в беспокойстве.

— Почему они, дьяволы, дали себя загнать в ловушку?— спрашивал он.— Знаю я, что эти псы делали в этих краях: охотились на меня. Они заглядывали в каждую долину и, прежде чем успели опомниться, попали в ловушку. Несчастные глупцы. Они и в ущелье будут обороняться, но долго не продержатся. Когда туранцы затолкают их в котловину, то сделают с ними, что захотят.

Шум, доносящийся снизу, усилился. Яростно обороняющиеся афгулы в узком ущелье на короткий миг задержали одетых в броню всадников, которые не могли бросить на них все свои силы.

Конан мрачно нахмурился и беспомощно завертелся в седле, поигрывая кинжалом, и, наконец, сказал без обиняков:

— Деви, я должен пойти туда. Найди какое-нибудь укрытие, в котором переждешь, пока я вернусь. Ты говорила о своем королевстве... ну, не буду делать вид, что считаю этих волосатых чертей своими детьми, но, кроме всего прочего, какие они ни есть, они мои люди. Вождь никогда не покидает своих людей, даже если они покидают его первыми. Им казалось, что они были правы, когда обвиняли меня... К черту, я не буду стоять в стороне и смотреть, как их вырезают! Я все еще вождь афгулов и докажу это! Спущусь вниз в ущелье.

— А что со мной?— запротестовала она.— Ты увез меня из моей страны, а сейчас хочешь покинуть в горах одну?

Конан мучительно раздумывал, так что жилы набрякли у него на висках.

— Это правда,— сказал он грустно.— Кром знает, что я сейчас должен делать.

Жазмина легко наклонила голову, и на ее прекрасном лице появилось странное выражение.

— Слушай!— вдруг воскликнула она.— Слушай!

Ветер донес до их слуха слабые отзвуки фанфар. Они взглянули в долину с левой стороны и заметили там длинные колонны всадников. Они ехали по дну долины, сверкая на солнце сталью копий и полированными шлемами.

— Это вендианская конница!

— Их тысячи!— сказал Конан.— Давно уже кшатрийские отряды не забирались так далеко в горы.

— Они ищут меня!— выкрикнула Жазмина.— Дай мне своего коня! Я поеду к моим воинам. С левой стороны спуск не такой крутой, можно съехать вниз. Ты иди к своим и скажи им, пусть продержатся еще минуту. Я направлю конницу в долину и ударю по туранам! Возьмем их в клещи. Быстрее, Конан! Неужели ты хочешь, чтобы твои люди погибли из-за твоих желаний?

Его глаза горели дикой страстью, но он соскочил с коня и отдал поводья.

— Ты выиграла, — сказал он. — Мчи как тысяча чертей!

Жазмина свернула на склон по левую руку, а он быстро побежал по ребру, пока не достиг длинной потрескавшейся расщелины, в которой кипела битва. Ловко, как обезьяна, спустился вниз, используя углубления и выступы на скале, чтобы в конце концов спрыгнуть в гущу сражающихся. Вокруг раздавался крик и лязганье стали, визг и ржанье лошадей, шум падающих тел.

Едва его ноги коснулись земли, киммериец завыл, как волк, схватился за украшенную золотом узду, уклонился от удара сабли и вонзил свой кинжал в сердце ездока. В следующую минуту он уже был в седле, выкрикивая яростные приказы ошеломленным афгулам. Они какую-то минуту глядели на него с раскрытыми ртами, потом, видя опустошение, которое он производит среди врагов, вновь принялись за дело, без возражений принимая его возвращение. В этом адском хаосе не было времени на лишние вопросы.

Все новые и новые ряды всадников в остроконечных шлемах и позолоченных кольчугах вступали в ущелье, узкий распадок был полностью забит скопищем людей и коней; сражающиеся сшибались грудь в грудь, отбиваясь короткими ножами, нанося смертельные удары, когда удавалось размахнуться в такой толчее. Солдаты, упавшие с коня, уже не поднимались, затоптанные сотней копыт. В такой битве все решала грубая сила, а вождь афгулов имел ее за десятерых. В такие минуты люди охотно подчиняются укоренившимся привычкам, и горцы, привыкшие видеть Конана своим вождем воспрянули духом.

Но численное преимущество все же имело значение. Напирающие задние ряды туранской конницы теснили передних в глубь узкого ущелья под сверкающие лезвия сабель афгулов. Горцы медленно пятились, оставляя за собой горы трупов. Разя и убивая, как сумасшедший, Конан не переставал задавать себе вопрос, от которого стыла кровь: сдержит ли слово Жазмина? Она ведь могла присоединиться к своим воинам и повернуть на юг, бросив киммерийца и его афгулов на верную смерть.

Но наконец, когда казалось, что прошли века этих мучительных сражений, в звоне стали и криках гибнущих прорезался новый звук. С пением труб, от которого затряслись горы, с нарастающим стуком копыт, пять тысяч вендианских всадников ударили по коннице Ездигерда.

Один этот удар разбросал туранские полки по сторонам, разбил их, смял и разогнал по всей долине. В мгновение ока волна атакующих подалась из ущелья, туранцы повернулись, чтобы поодиночке либо группами броситься в омут битвы. Но когда пронзенный кшатрийским копьем эмир сполз на землю, наездники в остроконечных шлемах потеряли боевой дух, ожесточенно погоняя коней, попробовали прорваться сквозь кольцо нападавших. По мере того как их отряды разбегались, победители-вендийцы бросались за ними в погоню, и вся долина и невысокие склоны у ее выхода были покрыты отступающими и их преследо-

вателями. Те из афгулов, которые еще могли держаться в седлах, вырвались из ущелья и присоединились к погоне, без возражений принимая неожиданный союз, так же, как они приняли возвращение изгнанного вождя.

Солнце уже пряталось за вершины Химелии, когда Конан в изодранной одежде, в забрызганной кровью кольчуге и с влажным от крови кинжалом в руке прошел через побоище и подошел к Деви Жазмине, ожидавшей его на краю пропасти в окружении своей свиты.

— Деви! — крикнул он.— Ты сдержала слово, хотя, признаюсь, были минуты, когда я думал... Берегись!

Огромный ястреб, как молния, упал с ясного неба, ударом крыла сшибая всадников с седел. Искривленный, как сабля, клюв целил в мягкую шею Жазмины, но Конан был быстрее: короткий бег, тигриный прыжок, бешеный удар окровавленного кинжала — и ястреб с ужасным человеческим стоном закачался в воздухе, потом рухнул в пропасть, чтоб через тысячу футов разбиться на камнях. Падая и разрезая крыльями воздух, он принял обличье человека в развевающейся черной тоге.

Конан блестящими глазами смотрел на Жазмину. Из многих ран на его мускулистых руках и ногах сочилась кровь.

— Вновь ты — Деви,— сказал он, не обратив внимания на столпившийся вокруг нее цвет рыцарства и только оскалив зубы при виде окаймленного золотом, тонкого, как паутинка, покрова, который она набросила на платье горской девушки.— Я должен поблагодарить тебя за то, что ты спасла более трех сотен моих бандитов, которые в конце концов убедились, что я не предавал их. Благодаря тебе я снова могу думать о завоеваниях.

— Я по-прежнему должна тебе выкуп,— сказала она, глядя на него сверкающими глазами.— Я заплачу тебе десять тысяч штук золота...

Он оборвал ее резким, нетерпеливым жестом и, вытерев кинжал, засунул его в ножны.

— Я сам возьму выкуп,— сказал он,— и сам определю способ и время оплаты. Я получу его в твоем дворце в Айодии, а приеду туда с пятьюдесятью тысячами воинов, чтоб быть уверенным, что получу все сполна.

Она засмеялась, натянув поводья.

— А я встречу тебя на берегу Юмды со ста тысячами!

Глаза Конана выражали восхищение и восторг, когда он отодвинулся в сторону и повелительным жестом поднял руку, показывая Жазмине, что путь свободен.

...Замыслам Конана не суждено было исполниться и в Афгулистане. Вернувшись в гиборийские королевства, он присоединился к восстанию, поднятому принцем королевства Котх Альмуриком против короля Страбонуса. Восставшие были разбиты и, в конце концов, беспощадно истреблены на краю южной пустыни...

ПОЛЗУЧАЯ ТЕНЬ

1

Раскаленный воздух волнами поднимался над пустыней. Конан-киммериец провел по потрескавшимся губам ребром огромной ладони и огляделся по сторонам. Из одежды на нем была лишь шелковая набедренная повязка, да талию обхватывал широкий пояс с золотыми нашлепками, на котором висели сабля и кинжал,— он стоял, равнодушно снося болезненные уколы лучей нещадно палившего солнца. Могучие бицепсы на руках и мышцы на ногах носили следы свежих ран.

Обхватив руками колени и низко опустив светловолосую голову, рядом с ним на песке сидела юная девушка, белизна ее кожи резко контрастировала с цветом загорелых ног огромного варвара. Коротенькая, перехваченная в талии туника без рукавов и с глубоким вырезом на груди скорее обнажала, чем прикрывала ее прекрасное тело.

Конан тряхнул головой, словно хотел избавиться от слепящего блеска. Он приложил к уху кожаный бурдюк, который держал в руке, встряхнул его и, услышав слабый всплеск, только сильнее сжал челюсти.

Девушка вздрогнула и жалобно простонала:

— Пить! Пить! О Конан! Нам теперь нет спасения!

Киммериец ничего не ответил, враждебным взглядом окидывая песчаные барханы. Он смотрел на них исподлобья, и такая злоба пылала в его голубых глазах, что казалось — нет у него врага злейшего, чем эта пустыня.

Конан наклонился и поднес бурдюк к губам девушки.

— Давай, пей! — приказал он.— Пей, пока не остановлю.

Она пила мелкими жадными глотками, пока не выпила воду до последней капли. И лишь тогда все поняла.

— Ах, Конан! — воскликнула девушка.— Зачем ты это сделал? Ведь я же все выпила, все! Тебе ничего не осталось!

— Не реви! — рявкнул он.— Береги силы!

Конан выпрямился и отшвырнул в сторону пустой бурдюк.

— Ну почему ты не остановил, почему? — всхлипывала девушка.

Он даже не посмотрел на нее — стоял, выпрямившись во весь рост, и в его взгляде, устремленном в таинственную пурпурную мглу на горизонте, горела ненависть.

Киммериец понимал, что близится конец его жизненного пути, хотя при одной мысли об этом бунтовала вся его дикарская неуемная душа. Силы еще были, но он чувствовал, что долго под этим убийственным солнцем ему теперь не выдержать. Девушка уже совсем обессилела. Так не лучше ли одним-единственным ударом сабли милосердно прервать ее страдания? Видеть ее адские мучения, наблюдать, как она медленно сходит с ума от жажды — ведь эти несколько глотков утолили ее ненадолго — о, нет! Из ножен, вершок за вершком, медленно выползала сабля.

Вдруг рука варвара дрогнула. В глубине пустыни, далеко на юге что-то сверкнуло в раскаленном воздухе. «Пригрезилось»,— подумал он со злостью,— очередной мираж, которыми так богата пустыня». Конан приложил руку к глазам, полуослепшим от солнца,— и ему показалось, что он различает вдали башни, минареты, сверкающие стены. Он смотрел недоверчиво, ожидая, что мираж вот-вот поблекнет и растворится в воздухе. Натала перестала всхлипывать. Она с трудом поднялась на ноги и тоже вгляделась в мерцающее марево.

— Что это такое, Конан?— прошептала она, боясь пробудившейся надежды.— Город или мираж?

Киммериец молчал. Он несколько раз моргнул, посмотрел на город искоса, затем вновь прямо — город не исчезал, не улетучивался, стоял на том же самом месте.

— Кто его знает,— пробурчал он с сомнением.— Так или иначе, посмотреть стоит.

Он бросил саблю назад в ножны, наклонился и легко, словно перышко, поднял на руки Наталу.

— Не надо, Конан!— запротестовала она.— Я могу идти, пусти меня!

— Смотри, сколько камней!— рявкнул он гневно.— Мигом порвешь,— он мотнул головой, показывая на изящные, салатового цвета сандалии.— А нам надо спешить, чтобы дойти до заката.

Надежда на спасение влила новые силы в стальные мышцы киммерийца. Он бежал по барханам, словно летел на крыльях. Цивилизованный человек на его месте уже давно отдал бы богу душу, но он — варвар из варваров — сражался за свою жизнь, словно кошка.

Конан и Натала чудом унесли ноги после разгрома армии мятежного принца Альмурика, этой буйной, пестрой орды, которая вихрем промчалась по королевству Шем и утопила в крови северную границу Стигии. После этого орда, уже со стигийской армией на хвосте, вторглась в королевство Куш и в ее пределах была, наконец, окружена на краю южной пустыни. Армии стигийцев и кушитов соединились и уже не выпустили добычу из капкана. Конан-киммериец в последний момент поймал верблюда, забросил на него девушку — и был таков. Им посчастливилось, они избежали трагической судьбы своих товарищей, но для них оказалась открытой лишь одна дорога — в пустыню.

Натала была родом из Бритунии. Конан как-то увидел ее на невольничьем рынке в одном из шемитских городов, захваченных ордой Альмурика, она пришлась ему по душе, и он, недолго думая, тут же присвоил девушку, ни у кого не спрашивая на то разрешения. Сама она с радостью приняла такой поворот в своей жизни, да и чего лучшего ей было ждать? Скорее всего, ее продали бы в шемитский сераль, а для женщин гиборийской эры это было худшим из всех возможных зол.

Конан и его спутница несколько суток подряд не слезали с верблюда — целая стая стигийцев неутомимо преследовала их по пятам. Когда они, наконец, прекратили погоню, беглецам не оставалось ничего иного, как продолжить путь в том же направлении — возвращаться уже было поздно. Они долго ехали, высматривая оазис, но их спаситель, верблюд, в конце концов, пал замертво, и им пришлось идти дальше пешком, утопая по колено в горячем песке и испытывая жесточайшую жажду. Девушка была сильной и выносливой, закаленной суровой лагерной жизнью, как мало кто из женщин той жестокой эпохи, но и она, как ни оберегал ее варвар, постепенно выбилась из сил.

Адская жара струилась с неба на черные, спутанные волосы Конана. Тошнотворный туман и тупое безразличие волнами заливали его мозг, но он не поддавался и шел, стискивая зубы, все дальше и дальше, поскольку теперь знал наверняка, что впереди действительно город, а не пустой мираж. Что ждет их там? Новые враги? Кем бы они ни оказались — с ними можно будет сразиться, их можно будет убить. А большего варвару и не требовалось.

Солнце уже висело низко над горизонтом, когда они остановились, наконец, в животворной тени огромных ворот. Конан с облегчением расправил плечи. Перед ними на высоту не менее тридцати футов возносились крепостные стены — зеленоватые по цвету, они блестели, словно действительно были стеклянными. Конан пробежал взглядом по верхушкам стен, но ничего не заметил. Он крикнул во всю мощь своих могучих легких — ответом была тишина. Варвар ударил в ворота рукояткой сабли — лишь гулкое эхо отозвалось и тут же утонуло в песках. Натала, напуганная странной тишиной, дрожала, словно в лихорадке, а Конан, разгорячившись, навалился всей тяжестью на ворота, те вдруг уступили и, не издав ни малейшего скрипа, начали открываться. Варвар отскочил, настороженный, словно пума, и с саблей наготове прижался к стене, ожидая нападения. Девушка вскрикнула. За воротами лежал человек. Конан внимательно исследовал его взглядом, затем поднял глаза — и увидел просторную площадь, окруженную зданиями, сияющими, как и стены, зеленоватым светом, за ними возносились стройные башни минаретов. И нигде не было ни следа жизни. Посреди площади стоял четырехугольный сруб колодца. Ничто иное в ту минуту не могло бы обрадовать Конана больше, в его пересохшем рту уже едва ворочался обле-

пленный песком вспухший язык. Он подхватил Наталу на руки, скользнул за ворота, и закрыл их за собой.

— Он живой? — спросила со страхом девушка, показывая на неподвижно лежащее тело рослого мужчины средних лет, с чертами лица, обычными для человека той эпохи, лишь глаза его, быть может, были более раскосыми, да кожа чуть более желтой. На нем была пурпурная шелковая туника, ноги обуты в плетеные сандалии, к поясу приторочен короткий меч в ножнах, украшенных золотом. Конан прикоснулся к телу. Оно было холодным, без всяких признаков жизни.

— Даже не ранен, — удивился киммериец, — а мертвый, как Альмурик, когда его нашпиговали стигийскими стрелами. Да ладно, хватит об этом. Нам с тобой прежде всего надо напиться. Клянусь Кромом, я осушу весь колодец!

Сделать это оказалось вовсе не просто. Зеркало воды блестело в добрых сорока футах внизу, но ни веревки, ни какой-либо подходящей посудины поблизости не нашлось. Разозленный неожиданным препятствием, варвар лихорадочно осматривался по сторонам, пытаясь разыскать хоть что-нибудь, когда до его ушей долетел пронзительный крик девушки. Он мгновенно повернулся — к нему бежал, держа меч высоко над головой, тот человек, которого он посчитал мертвым. Конан не тратил времени на долгие размышления, его сабля свистнула в воздухе, и голова незнакомца покатилась по каменным плитам. Из шеи, словно сок из перерубленной лианы, ударила струя крови, тело пошатнулось и, все еще с мечом в руках, рухнуло на землю.

— Умер ты наконец? — рявкнул Конан. — Или добавить? Ну что за город такой проклятый нам попался?

Натала дрожала всем телом, укрыв лицо в ладонях. Она посмотрела на Конана, раздвинув пальцы, и снова зашлась в рыданиях.

— Они убьют нас, Конан! Они не простят того, что ты сделал!

— А что я должен был делать? Ждать, пока нас изрубят на куски? — он окинул площадь внимательным взглядом. По-прежнему вокруг господствовала тишина, нигде ни малейшего движения.

— Ни единой живой души, — пробурчал он успокоенно, — ладно, я его спрячу.

Ухватив рукой за пояс, он поднял труп, второй рукой схватил за длинные волосы отрубленную голову и потащил свою страшную ношу к колодцу.

— Мы не можем напиться, — рассмеялся он, — так хоть ты попей вдосталь!

Он бросил тело в колодец, следом за ним швырнул голову. Мгновение спустя из темной глубины донесся глухой всплеск.

— А кровь, Конан! Кровь осталась! — прошептала девушка.

— Если я сейчас не напьюсь, то кровь прольется еще, — с угрозой в голосе сказал варвар, который не отличался долготерпе-

нием вообще, а уж тем более тогда, когда его мучили голод и ... жда.

— Девушка со страху и думать забыла о еде, но Конан помнил.

— Пойдем туда, во дворец. Должен же тут быть хоть кто-то живой.

— О, Конан! — она крепко обняла его, пытаясь сдержать дрожь.— Я ужасно боюсь! Это город духов — духов и трупов! Вернемся в пустыню! Лучше погибнуть от жары, чем от нечистой силы!

— Вернемся в пустыню, как же,— бормотал Конан гневно,— мы вернемся тогда, когда нас сбросят с этих стен. Я найду воду, пусть даже для этого придется поотрубать все головы в этом проклятом городе!

— А вдруг у них эти головы опять отрастут? — ее голос дрожал от ужаса.

— Тогда я буду отрубать их, пока они совсем не отвалятся,— заверил он ее.— Держись за моей спиной и ни в коем случае не беги без приказа.

— Как скажешь, Конан,— шепнула она тихо.

Натала, смертельно перепуганная, шла за Конаном так близко, что он чувствовал не только ее горячее дыхание, но и, к собственному неудовольствию, ее сандалии, наступающие ему на пятки.

Сгущались сумерки, наполняя таинственный город пурпурными тенями. Они прошли под аркой и оказались в большом зале, пол и потолок которого были выложены все тем же стекловидным зеленоватым камнем, а стены — из того же, видимо, материала — покрывала драпировка из шелковой, с фантастическими узорами, ткани. На полу, устланном пушистыми шкурами, валялись беспорядочно разбросанные атласные подушки. Сквозь дверь в противоположной стене видна была следующая комната. Они прошли через несколько залов, похожих друг на друга, как две капли воды. Во дворце никого не было, но киммериец подозрительно посматривал по сторонам и что-то бормотал сам себе. Он никак не мог отделаться от ощущения, что в залах кто-то присутствовал за мгновение до того, как они в них появились. Вот софа — она еще теплая. На этой подушке не разгладилась еще вмятина — только что на ней кто-то сидел. В воздухе плыл сладкий запах благовоний — кто-то тут только что прошел.

Некая аура ирреальности окутывала дворец, он, казалось, снился ему в наркотическом сне. Некоторые из залов утопали в абсолютном мраке, в них они не заглядывали, другие были освещены мягким светом, исходившим из драгоценных камней, сверкавших на стенах. Вдруг Натала вскрикнула и судорожно вцепилась в плечо Конана. Он мгновенно отшвырнул ее и повернулся, готовый встретить врага лицом к лицу.

— В чем дело? — рявкнул он, никого не увидев.— Никогда не хватай меня за плечи, руки поотламываю! Ты почему кричала?

— Посмотри! — показала она дрожащей рукой.

Киммериец сглотнул слюну. На матово поблескивающем столе из черного дерева сияла золотом посуда — в тарелках полно еды, в чашках и кубках — вина.

— Пир! — благоговейно выдохнул варвар.— Какой пир мы сейчас с тобой закатим!

— Мы ведь не тронем тут ничего? — голод боролся в голосе девушки со страхом.— Вдруг кто-нибудь придет...

— Лир ан маннанам ман лир! — выругался Конан, схватил Наталу за шею и бесцеремонно швырнул ее на позолоченное креслице, стоявшее у края стола.— Тут кишки от голода змеями скручиваются, а она на двери оглядывается! Ешь!

Сам он плюхнулся в кресло на противоположном конце стола, схватил нефритовый кубок и осушил его несколькими большими глотками. На его пересохшее горло этот острый напиток, похожий на красное вино, с каким-то экзотическим, неизвестным ему привкусом, подействовал подобно бальзаму. Утолив слегка жажду, он с волчьим аппетитом набросился на еду: на мясо неведомых животных, на фрукты странной формы. Кувшины, амфоры, тарелки — все чудной ювелирной работы, вилки — из чистого золота. Впрочем, на вилки Конан обращал внимания меньше всего, он рвал мясо руками, мозжил кости крепкими зубами. Манеры его более цивилизованной спутницы тоже вряд ли сочли бы приемлемыми в изысканном обществе, если бы увидели, с какой скоростью исчезали в ее маленьком рту яства сказочного стола. В голове бешено работавшего челюстями Конана мелькнула вдруг мысль, что еда и вино могут быть отравленными, но он тут же забыл о ней, здраво рассудив, что лучше умереть от яда, чем от голода.

Насытившись, Конан развалился поудобнее в кресле и удовлетворенно срыгнул. Что ж, раз в этом пустом дворце полно свежей еды и питья, должны быть и люди. Кто знает, быть может, в каждом из этих темных углов таится враг. Однако, даже если это было так, киммериец относился к этому совершенно спокойно, он безгранично верил в свои силы. На него навалилась дремота, и он начал уже всерьез подумывать над тем, что неплохо было бы прилечь и соснуть часок-другой.

Натала, удовлетворив голод и жажду, вовсе не избавилась от своих страхов и опасений и даже не помышляла о сне. Она напряженно вглядывалась в темноту под арками, в которой крылось нечто неведомое, таинственное, молчаливое и ужасное. Зал, в котором они сидели, показался ей вдруг огромным, стол — невероятно длинным, а сама она оказалась гораздо дальше от сонного великана, чем ей хотелось бы. Натала вскочила, обежала стол и устроилась на коленях своего опекуна, обшаривая зал тревожным взглядом. Крутые арки открывали вход к нескольким

другим залам, некоторые из них были залиты мягким розоватым светом, другие утопали во мраке. Именно эти последние буквально приковывали боязливый взгляд девушки.

— Пойдем же, Конан, пойдем отсюда! — взмолилась она.— Я чувствую здесь зло!

— Не каркай! Ничего плохого с нами не случит...— начал он, но тут что-то зашуршало, и этот звук в сгустившейся тишине разнесся рокотанием грома. Конан, мгновенно собравшись, мягко, словно пантера, вскочил на ноги, девушка перышком слетела с его колен, а он уже держал саблю наготове, озираясь по сторонам. Шорох не повторялся, и киммериец, двигаясь бесшумно, направился в ту сторону, откуда он донесся до их ушей, девушка, съежившись и дрожа всем телом, следовала за ним.

Они остановились на пороге соседнего зала, и варвар застыл, словно лев перед прыжком, а Натала, боязливо вытянув шею, посмотрела через его плечо. Их глаза, быстро привыкшие к темноте, уловили очертания стоявшего у стены возвышения, похожего на саркофаг, на котором лежал на спине человек, как две капли воды похожий на того, которого Конан спустил в колодец. Одежда его, правда, отличалась гораздо большей пышностью — она вся была усыпана золотом и драгоценными камнями, и в скудном свете, проникавшем из соседнего зала, сверкала подобно огромному бриллианту. Снова послышался зловещий шорох, словно кто-то отодвинул портьеру. Конан моментально отскочил в сторону, потянул за собой девушку и зажал ей рот своей огромной ладонью.

С того места, где они стояли, не было видно возвышения с лежавшим на нем человеком, лишь на стене рисовалась слабая тень. Так вот, к этой тени медленно подползала иная тень, она была бесформенной, огромной и настолько черной, что киммериец похолодел от ужаса. Эта тень не была тенью человека или животного — Конан никогда в жизни не видел ничего подобного. Натала еще шире раскрыла свои огромные остекленевшие от страха глаза, в гробовой тишине явственно слышалось ее спазматическое дыхание. Тяжелая, словно черное облако, тень обоволокла человека, и они увидели, как на стене вспучился огромный горб, тут же, впрочем, опавший и рассосавшийся. Тень медленно и лениво уползла куда-то вниз, открывая очертания ложа. Ложе было пустым — человек исчез.

Тело девушки конвульсивно дернулось — первый признак истерики.

Конан, чтобы привести ее в чувство, вновь воспользовался ладонью. Он сам ежился от холодного пота, стекавшего по спине. Ничто в подлунном мире не могло так напугать его, но ведь то, что они видели, судя по всему, относилось вовсе не к этому миру.

И все же любопытство пересилило страх, и киммериец, чуткий, словно кошка, скользнул в зал. Он был пуст. Пустым оказалось и возвышение, обитое шелковой тканью. В его изголовье быстро

впитывалась капля алой крови, поблескивая, словно рубин. Натала увидела ее и взвизгнула от ужаса. Конан не обратил на это внимания, ибо и он чувствовал, что его горло все сильнее сдавливает ледяная петля страха. Значит, здесь действительно лежал человек, а затем появилось нечто чудовищное и человек исчез. Что же это было, какие мрачные силы скрывают бесчисленные закоулки этого треклятого дворца?

Варвар взял девушку за руку, собираясь уйти из зловещего зала,— и замер, не дыша. Издалека, со стороны того зала, в котором они пировали, слышался тихий шелест шагов. Сомневаться не приходилось, к ним кто-то приближался, мягко ступая босыми ногами. Киммериец сорвался с места, таща за собой девушку, он надеялся, что сумеет выбраться на площадь через иные двери, избежав встречи с незнакомцем, кем бы там он ни был.

Однако они не успели еще добежать до арки, когда тяжелая шелковая занавеска раздвинулась за их плечами, и в комнату заглянул человек. Это был мужчина, тоже очень похожий на того, что встретился им, на свою беду, по пути во дворец,— столь же высокий, плотный, в пурпурной тунике, перетянутой в талии расшитым золотом и драгоценностями кушаком. У бедра болтался короткий меч, но мужчина даже руку не положил на его рукоять, он неподвижно стоял, равнодушно разглядывая пришельцев. В его янтарных глазах не отражалось ничего, кроме отчаянной скуки. Тишину разорвал сонный голос незнакомца. Так же равнодушно, ни к кому не обращаясь конкретно, он произнес несколько слов на неизвестном Конану языке.

Киммериец ответил по-стигийски и тут же услышал вопрос, заданный на том же языке:

— Кто вы такие?

— Я Конан-киммериец,— гордо выпрямившись, ответил варвар.— А ее зовут Натала, она бритунка. Скажи нам, что это за город?

Незнакомец молчал, но его сонный мечтательный взгляд, скользнувший по девушке, дрогнул, глаза загорелись вдруг вожделением.

— О юное создание, ты прекраснее всех, кого мне здесь доводилось видеть! Кто же ты, о златовласая гурия, в какой из благословенных стран родилось такое чудо? В Андарре, Тотре или, быть может, в сверкающей серебряными звездами Кут?

— Что ты мелешь?— спросил раздосадованный Конан, который терпеть не мог пустых речей.

Незнакомец не обратил на его слова ни малейшего внимания и, захлебываясь от восторга, продолжал:

— Да, это верно, мне снились многие красавицы, они были стройными и грациозными, словно газели, их волосы были темнее самой темной ночи. Но твоя кожа белее молока, глаза прозрачнее, чем воздух раннего утра, ты слаще нектара самых нежных цветов.

Иди же ко мне, взойдем на мое ложе, мягкое, словно лебяжий пух, о прекраснейшая из прекрасных, королева моих снов!

Он подошел к Натале танцующим легким шагом и протянул руку, на которую тут же обрушился огромный кулак Конана.

Незнакомец пошатнулся, зашипел от боли, его глаза изумленно раскрылись.

— Это еще что такое? В моих снах меня же и бьют?! — закричал он.— Ах, негодяй! Убирайся с глаз моих! Исчезни! Поди прочь! Приказываю тебе — исчезни!

— Это ты сейчас у меня исчезнешь! — рявкнул разозленный киммериец, и в его руке блеснула сабля.— Это так тут у вас гостей встречают!

Сонное выражение в глазах незнакомца сменилось безграничным удивлением, затем в них появилось озарение.

— Клянусь Тогом! — воскликнул он.— Ты живой! Ты существуешь на самом деле! Кто вы? Как вы попали в Ксутал?

— Пришли из пустыни,— объяснил хмуро Конан.— Мы вошли в город на закате, чуть живые и голодные, словно волки, а тут видим — стол с яствами и ни единой живой души рядом. Что нам оставалось делать? Мы сели, утолили голод и жажду. Заплатить нам, правда, нечем. У меня на родине гостя, даже незванного, прежде всего кормят, но у вас, людей цивилизованных, все, наверное, выглядит иначе... Мы пришли из пустыни, туда же и вернемся, не причинив никому зла, ибо — клянусь Кромом! — не нравится мне этот город, в котором трупы носятся по улицам, размахивая мечами, а спящих пожирают какие-то дурацкие тени!

Последние слова Конана буквально ошеломили незнакомца. Его лицо мгновенно пожелтело.

— Что ты сказал? Тени пожи...

— Тени — не тени, не знаю, как их назвать. Нечто такое, что приходит и уходит, а от человека остается одна-единственная капля крови.

— Вы видели? Что вы видели? — незнакомца колотила крупная дрожь, его голос срывался.

— Лежал тут один на возвышении,— начал Конан,— вдруг видим, накрывает его огромная тень, а когда исчезает...

Незнакомец уже не слушал. Он пронзительно взвизгнул и бросился наутек. Ударившись о стену на повороте, он упал, но тут же вскочил и со всех ног помчался прочь, крича что-то во весь голос. Конан стоял, не в силах сдвинуться с места от изумления, девушка с отчаянием цеплялась за его руку. Крик незнакомца несся все дальше и дальше, его подхватывало эхо, отражаясь от потолков бесчисленных залов. Внезапно крик оборвался на высокой ноте — и все стихло.

— О Кром! — Конан дрожащей рукой вытер пот со лба.— Этот город воистину проклят! Идем отсюда скорее!

— Призраки! Призраки! Тут все мертвы! — рыдала деву-

шка.— Мы обречены! Мы в аду! Да, это ад! Мы умерли там, в пустыне, а здесь только наши призраки! Духи-и-и-и!

Она зашлась в рыданиях, и варвар в сердцах приложил ей своей тяжелой пятерней чуть пониже спины. Девушка завопила еще громче.

— Духи так не вопят!— вполне резонно заметил киммериец.— Живем, я же слышу! А будем здесь стоять, точно голов лишимся. Идем!

Однако, едва переступив порог следующего зала, они остановились. Навстречу им снова кто-то шел. Кто-то или что-то. Зрачки варвары сузились, ноздри дрогнули — он уловил тонкий запах благовоний, точно такой же возносился в одном из первых залов. Под аркой появилась неясно очерченная фигура человека. Киммериец неуверенно кашлянул, а Натала раскрыла от удивления рот.

Перед ними стояла стройная, прекрасная девушка, ее черные, чувственные, полные тайной неги глаза изумленно смотрели на них из-под длинных ресниц. Всю ее одежду составляла узкая набедренная повязка, изукрашенная бисерной вязью и множеством драгоценных камней. Иссиня-черные волосы тяжелой волной падали на плечи, подчеркивая алебастровую белизну кожи. Красота ее была столь ослепительной, что у варвара перехватило дыхание. Овал лица незнакомки был типично стигийским, но у стигиек никогда не встречалось столь белой кожи.

— Кто вы такие?— спросила девушка по-стигийски, ее голос был высоким и мелодичным.— Как вы сюда попали? С неба свалились?

— А ты кто такая?— вопросом на вопрос грубо ответил варвар.

— Меня зовут Талис,— сказала девушка.— Я родом из Стигии. Но расскажите мне, наконец, какими судьбами вы попали в этот город? Не может же того быть, чтобы вы пришли сюда по доброй воле.

— Не может быть, говоришь!— взвился киммериец.— Это того, что мы здесь видим, не может быть! Мы приволоклись в этот город на закате солнца, чуть живые от голода и жажды. Возле ворот валялся какой-то труп, который через пару минут напал на меня с мечом в руках. Мы зашли во дворец, видим — стол прямо гнется под тяжестью блюд с едой и кувшинов с вином. Затем наткнулись на спящего мужчину, который тут же исчез, когда его накрыла какая-то тень...— киммериец, внимательно наблюдавший за девушкой, заметил, что та побледнела,— ...накрыла, стало быть, тень, а потом...

— Что потом?— стигийка явно преодолела страх.— Говори же! Я жду!

— Гм, я тоже жду. Мне казалось, что ты завопишь и бросишься наутек. Когда я рассказал то же самое твоему приятелю в пурпурной тунике, он взвыл от ужаса и был таков.

— Ах, значит, это он так орал,— пожала она белоснежными

плечами.— Дурак! От судьбы не скроешься! Тог везде найдет, когда придет срок.

— Что еще за Тог?— спросил Конан с ноткой неуверенности в голосе.

Она провела по его телу настолько бесстыдным взглядом, что щеки Наталы залились темным румянцем, а жемчужные зубки со злостью прикусили нежную губку.

— Сядем на эту софу,— предложила Талис,— и я расскажу тебе обо всем. Прежде всего, назовите мне ваши имена.

— Я Конан-киммериец,— ответил варвар.— Ее зовут Натала, она бритунка. Но я не собираюсь сидеть на софе и гадать, свалится мне эта тень на шею или нет!

Она звонко рассмеялась и грациозно опустилась на мягкое ложе.

— Видите ли,— сказала она с напускным смирением в голосе,— бежать от Тога — напрасный труд. И тот, которого вы видели, тоже не избежал своей судьбы.

Конан пробурчал что-то и присел на край софы, вытащив, однако, саблю и держа ее наготове на коленях. Рядом с ним, поджав под себя ноги, пристроилась Натала. Она с ненавистью посматривала на прекрасную Талис, чувствуя себя рядом с нею никчемной дурнушкой, от ее внимания не укрылись также те пламенные взоры, которыми забрасывала могучего варвара юная стигийка.

— Расскажи нам о городе,— попросил киммериец.— Что за люди живут здесь?

— Ксутал — очень старый город. Много веков назад одно из племен, кочевавших по пустыне, наткнулось на оазис и осталось в нем жить. Когда именно это случилось, горожане уже не помнят.

— Горожане не помнят... Значит, здесь все же живут люди?

— Да, живут. Их не слишком много, но больше, чем ты думаешь. Ксутал — город, в котором стоит одно-единственное здание, поскольку все строения за этими крепостными стенами соединены тысячами коридоров и переходов, и вы могли бы часами и даже сутками бродить по залам и ни с кем из жителей города не встретиться. Но их тут сотни...

— Как же это?— изумился Конан.

— Видите ли, горожане обычно спят, вся их жизнь проходит в снах, гораздо более реальных для них, чем действительность. Вам, наверное, доводилось слышать о черном лотосе? Нет на земле растения ядовитее. Но предки ксуталийцев научились так обрабатывать его сок, чтобы он приносил им не смерть, а сны — фантастические, красочные, чудесные,— и с тех пор горожане живут исключительно этими снами. Они иногда просыпаются — едят, пьют, занимаются любовью — и вновь возвращаются в свои сны, иногда не притронувшись даже к еде, стоящей на столах. К одному из таких столов вы, наверно, и попали...

— А что они едят? — перебил ее Конан. — Что-то я не видел нигде в округе ни полей, ни виноградников. А где их сады, фермы?

— О, они мудрецы, эти ксуталийцы, или, точнее, их предки были мудрецами. Они получают еду из воды и воздуха, используя солнечную энергию. Кто знает, до чего они додумались бы, не погуби их лотосные сны. К счастью, до того, как они увлеклись ими поголовно и без оглядки, город уже был построен. Вы обратили внимание на светящиеся алмазы? Стоит потереть такой камень пальцем, и он загорается. Потрешь снова — гаснет. И это лишь малая толика древних знаний, большая их часть уже давным-давно утрачена. Впрочем, зачем им это в их, похожих на смерть, снах?

— Значит, этот тип у ворот тоже спал? — спросил киммериец.

— Ну конечно, вне всяких сомнений. Человек, погруженный в сон, подаренный соком лотоса, подобен мертвецу. Их тела как бы умирают, а души тем временем странствуют в чудесных видениях. Бедняга у ворот был стражником — они все тут несут стражу по очереди, таков уж обычай, но с тех пор, как была построена эта стена, через городские ворота не вошел ни один чужак... Чему ж тут удивляться, когда они спят на посту?

— Так где же все эти люди? — допытывался Конан. — Ты говоришь, их здесь сотни. Так где они?

— Спят, — ответила она, — спят на софах, на шелковых оттоманках, на пушистых шкурах, на атласных подушках, спят, сложив руки на груди, спят...

Варвар вздрогнул, подумав о том, что сотни тел неподвижно лежат где-то рядом, вглядываясь широко раскрытыми остекленевшими глазами в мрак и тишину своих комнат.

— А что это за тень похитила одного из них?

Прекрасное лицо стигийки исказилось на миг гримасой страха.

— Это Тог, древний бог, который живет глубоко под землей. Никто не знает, был ли он в оазисе, когда здесь появились первые люди, или пришел сюда с ними. Многие столетия жители Ксутала чтят его как бога. Большую часть времени он проводит где-то в земных недрах, но, когда проголодается, некими тайными тропами поднимается на поверхность. И тогда беда тому, кто повстречается ему на дороге.

Натала охнула от ужаса и обняла Конана за шею с такой силой, словно боялась, что ее вот-вот разлучат с могучим защитником.

— О Кром! — воскликнул ошарашенно киммериец. — Как же это? Они что, так и лежат, как бараны, пока этот демон их пожирает?

— А ты отказал бы богу в полагающейся ему жертве? У нас в Стигии людей тоже убивают на алтарях во славу богов, и на месте жертвы может оказаться любой из стигийцев. Так не все ли равно — жрец приносит жертву, или бог сам приходит за нею?

— Ну нет! — воскликнул гневно варвар.— У нас людей в жертву не приносят. Клянусь Кромом, хотел бы я посмотреть на жреца, которому пришло бы в голову зарезать на алтаре киммерийца! Кровь пролилась бы, это верно, но чья кровь, как ты думаешь?

— Ты варвар! — рассмеялась Талис.— Ты настоящий варвар! Но Тог — очень старый бог, бог кровавый, алчущий жертв, не забывай об этом.

— Ну что за люди! — бормотал гневно Конан.— Лежать и спать, зная, что проснуться, быть может, придется уже в животе у чудовища!

— Такова уж их судьба! — улыбнулась Талис.— Ими с незапамятных времен лакомился Тог. Некогда их были тысячи, сейчас — едва сотни. Еще несколько поколений и останутся единицы, а Тогу придется искать поживу в другом месте или убираться туда, откуда появился. Ксуталийцы знают о том, что их ждет, но даже не помышляют о бегстве, они давно уже смирились с этим. Вы не поверите, но вот уже несколько поколений никто из них не выходит из города дольше, чем на пару часов. А я видела старинные карты, нарисованные на пергаменте, на них, в дне пути в южном направлении, указан оазис, еще в дне пути дальше — второй, а там уже и до края пустыни рукой подать. Но так далеко никто из горожан пойти теперь не решится. Они хуже растений, всех их погубили лотосные сны. У них есть золотисное вино с чудесными свойствами, которое залечивает любые раны и возвращает силы даже после самых разнузданных оргий,— его они и пьют. И спят, спят... И все же, несмотря на сонное отупение, все они судорожно цепляются за жизнь, когда приходит их час, да вы сами в этом убедились. Мне тоже приходилось видеть перепуганных горожан, а однажды весь город переполошило известие о том, что Тог покинул свои подземелья. Люди бегали по улицам, рвали на себе волосы, пока, наконец, не выскочили за ворота. Посовещавшись там, они бросили жребий и оттащили того, на кого он пал, связанным по рукам и ногам в одну из комнат, чтобы Тог, удовлетворившись жертвой, оставил их в покое.

— Бежим отсюда! — рыдала Натала.— Бежим скорее!

— Замолчи! Еще не время! — шикнул на нее Конан, любуясь белым, словно слоновая кость, телом прекрасной стигийки.

— Но скажи, Талис, как ты оказалась в этом городе?

— О, я попала сюда еще ребенком,— ответила она, томно потянувшись и заложив руки за голову.— Я принцесса, ты, надеюсь, уже понял это. Меня похитил из отчего дома один из принцев-мятежников, он шатался по свету с бандой кушитских лучников, все искал место, чтобы основать собственное королевство, пока не заблудился в пустыне. В конце концов и он сам, и его люди умерли от жажды. Я обязана жизнью одному из лучников — он, прежде чем испустить дух, посадил меня на верблюжью спину. Это славное животное притащило меня, полумертвую, прямо к воротам этого города. Потом мне рассказывали, что однажды

утром увидели за воротами мертвого верблюда, а рядом с ним полузасыпанную песком девушку. Горожане принесли меня в город и отпоили вином. Так вот я и выжила. Я не знала их языка, но они очень быстро изучили мой. Особенно старались мужчины. И вовсе не потому, что стигийский язык им так понравился,— ради меня они готовы были бросить все, даже свои сны.

Она бесстыже рассмеялась, бросив откровенный взгляд на киммерийца.

— Их женщины ужасно ревнивы,— продолжила стигийка.— Они, кстати, очень красивы, и если бы не желтоватый оттенок кожи, да не припухшие от сна веки, их красота вообще была бы совершенной. Здешних мужчин прельщает не столько моя красота, сколько то, что я совсем иная, чем их женщины. Я, правда, тоже вкусила лотосового сна, но мне это не понравилось, я предпочитаю жить наяву, а не в розовых снах, как же желтые лунатики. Ксуталийцы охочи до женских ласк и знают в них толк. Я бы посоветовала тебе своей рукой избавить от мучений эту несчастную девушку, прежде чем они дорвутся до ее тела. Сладострастной похоти этих распутников ей не вынести — слишком слаба. Мне не было и пятнадцати лет, когда я впервые приняла участие в мистериях в честь богини Деркето, но где нашим жрецам тягаться с ксуталийцами по этой части. У них вся жизнь проходит в снах и оргиях.

— Какая мерзость! — сплюнул презрительно киммериец.

— О, это дело вкуса,— усмехнулась Талис, опуская глаза.

— Ладно, нам пора,— поднялся Конан,— только время даром тратим. Мы не собираемся сидеть здесь и ждать, пока не проснутся эти негодники или не появится Тог. Чем дольше мы здесь находимся, тем больше мне кажется, что в пустыне гораздо уютнее, чем в этом злосчастном городе.

Натала плохо говорила по-стигийски, но знала язык достаточно, чтобы понять, о чем шла речь, поэтому она охотно сорвалась с места, готовая не медля ни минуты отправиться в путь.

— Покажи нам дорогу, и мы уйдем отсюда,— сказал киммериец, не сводя глаз с нагого тела прекрасной Талис. Та, отлично понимая значение блуждающего по ее высокой груди и стройным бедрам жадного взгляда, лениво потянулась, словно персидская кошка.

— Идите за мной,— махнула она рукой и пошла впереди, покачивая бедрами. Они шли по незнакомым залам, но, прежде чем в сердце киммерийца зародилось подозрение, что дело нечисто, остановились в маленькой комнате со стенами, выложенными слоновой костью, и фонтаном тихо журчавшем в ее центре.

— Ополосни личико, милая,— обратилась Талис к Натале.— Ты вся в пыли, даже в волосах песок.

В голосе стигийки прозвучало столько издевки и пренебрежения, что бедная девушка залилась румянцем. Но совет был неплох, как и кем бы он там ни был дан,— солнце и песок действите-

льно оставили свои следы на нежной, словно лепесток розы, коже бритунки. Натала забросила за спину свои длинные светлые волосы и нагнулась над фонтаном.

— О Кром! — пожал плечами киммериец. — Женщина всегда остается женщиной! Тог не Тог, ей лишь бы зеркало. Да ведь стоит нам оказаться за воротами, как ты опять вся пылью покроешься! Ты дашь нам что-нибудь из еды и питья в дорогу? — повернулся он к Талис.

Она вместо ответа прижалась к нему всем телом и положила руки на его бедра. Он чувствовал нежную теплоту ее кожи, пьянящий запах волос дразнил ноздри.

— Зачем тебе пустыня? — шептала она горячо. — Останься со мной! Я научу тебя любви, ты узнаешь самые сокровенные тайны Ксутала. Ты настоящий мужчина, не чета этим сонным мечтателям. А я хочу настоящей любви. Хочу тебя. Мое сердце рвется из груди навстречу тебе, я теряю сознание, чувствуя на своем теле твои руки. Оставайся со мной! Я сделаю тебя королем Ксутала!

Талис обняла варвара за шею и, поднявшись на цыпочки, прильнула к нему горячим нагим телом. Конан посмотрел через плечо стигийки на Наталу. Она изумленно следила за происходящим, широко раскрыв свои лазоревые очи. Киммериец смущенно кашлянул и одним движением могучей руки отодвинул в сторону черноволосую красавицу. Та удивленно подняла на него глаза, метнула взгляд в сторону Наталы и понимающе улыбнулась.

Очи Наталы метали молнии, губы перекосились в гримасе гнева. Конан что-то пробурчал себе под нос. Он исповедовал верность в любви не больше любого другого из наемников, но в нем все еще оставались какие-то крохи врожденной стыдливости — вернейшего союзника Наталы.

Талис пожала плечами и вдруг, словно испугавшись чего-то, отшатнулась к стене, задев плечом за висевший на ней гобелен.

— Что случилось? — спросил встревоженно киммериец. — Ты что-то услышала?

— Оглянись! — протянула она белоснежную руку, показывая на что-то за его плечами.

Конан мгновенно повернулся, выхватив из ножен саблю. И никого не увидел. За его спиной послышался вздох, шелест, какой-то стук. Он вновь повернулся к фонтану. Обе девушки исчезли. По гобелену волною плыла складка, словно кто-то только что приподнимал его край. Складка проплыла и разгладилась. И тут где-то за стеной громко закричала Натала.

2

Натала стояла за Конаном, когда он повернулся к выходу, и в ту же секунду стигийка, быстрая и гибкая, словно пантера, зажала ей рукой рот, второй обхватила за талию и с неожиданной си-

лои рванула за собой — прямо в стену или, точнее, в открывшуюся в стене потайную дверь.

Они оказались в абсолютном мраке. Талис, возясь у двери, видимо, закрывая ее на запор, вынуждена была отпустить Наталу, и та немедленно закричала во весь голос. Медовый смех стигийки, пропитанный смертельным ядом, пронизал темноту.

— Кричи, кричи сколько влезет, моя милая! Скорее сдохнешь!

Натала замолчала, слышно было, как стучат от страха ее зубы.

— Что я сделала! Что я тебе сделала? Что тебе надо от меня?

— Да ничего мне от тебя не надо. Сейчас я оттащу тебя, плакса, по этому коридору вниз,— голос Талис утратил обычную мелодичность, стал злым, шипящим,— полежишь там немного, пока за тобой не придут, а придут обязательно!

— О боги, сжальтесь надо мной! — Натала всхлипывала, и ее голос ломался от страшного предчувствия.— Чем я провинилась перед тобой?

— Мне нужен твой молодец, а ты мешаешь. Я же вижу, что ему нравлюсь. Если бы не ты, он остался бы со мной. Ты исчезнешь — он станет моим.

— Да он скорее горло тебе перегрызет! — воскликнула Натала, безгранично верившая своему варвару.

— Увидим,— рассмеялась Талис со столь же безграничной верой в свои женские чары.— Да тебе-то что до того: горло он мне перегрызет или к сердцу прижмет. Ты к тому времени будешь уже нежиться в объятиях жениха из бездны!

Хотя Натала, постанывая от ужаса, отбивалась руками и ногами, стигийка скрутила ее, словно беспомощное дитя, и потащила вниз по коридору. Девушка, помня злорадное предупреждение, молчала. В глубокой тишине слышны были только резкое спазматическое дыхание Наталы да сопение стигийки. Внезапно пальцы несчастной бритунки наткнулись на усыпанную алмазами рукоятку кинжала, торчащую из-за набедренной повязки Талис. Девушка, недолго думая, выхватила кинжал и ударила им сверху вниз, вложив в удар свои последние силы.

Талис взвизгнула от боли и гнева, пошатнулась и выпустила Наталу из рук. Девушка упала на каменные плиты, но тут же вскочила на ноги, отбежала и прижалась к стене. Она не могла видеть что-либо в окружающем ее мраке, но слышала пронзительный голос стигийки — лучшее доказательство того, что убить ее ей не удалось. Талис выкрикивала грязные ругательства, и в ее голосе было столько злобы, что Натала похолодела.

— Куда ты делась, проклятая сука?! — кричала стигийка.— Ну, попадись ты мне в руки! — Описание пыток, уготованных ею сопернице, было красочным и более чем подробным, а язык, которым оно было изложено, заставил бы залиться румянцем стыда даже самую бесстыжую из куртизанок Аквилонии.

Талис искала что-то, на ощупь шаря по стене руками, и вскоре

загорелся тусклый свет — стигийка в ярости забыла об угрожавшей им обеим опасности. Натала увидела в нескольких шагах от себя Талис. Сквозь пальцы левой руки, которыми та сжимала рану в боку, ручейком текла кровь, но стигийка твердо стояла на ногах, и в глазах ее пылала смертельная ненависть. Надежда, теплившаяся в душе Наталы, покинула ее бесследно, когда стигийка презрительно стряхнула кровь с ладони, и она увидела, что удар кинжала не достиг цели — лезвие скользнуло по драгоценным украшениям на набедренной повязке и лишь слегка поцарапало атласную кожу ее грозной противницы.

— Отдай, кинжал, гадина! — процедила сквозь стиснутые зубы стигийка, нагнувшись над скорчившейся у стены девушкой.

Натала понимала, что это последняя возможность отстоять свою жизнь, что иной ей уже не представится, но не могла воскресить в себе даже искорки отваги — она никогда, впрочем, ею не отличалась — и лишь дрожала всем телом, полностью парализованная темнотой, яростью соперницы, всей безысходностью своего положения. Талис без труда вынула кинжал из ее безвольно повисшей руки и отбросила его во мрак.

— Кусаешься, сука! — она со всего размаху ударила ее окровавленной ладонью по щеке.— Кусаешься? Ну так кровь за кровь! Ты пожалеешь еще о своей дерзости!

Стигийка схватила Наталу за волосы и выволокла на свет. Из стены торчало железное кольцо, с которого свисал привязанный шелковый шнур. Девушка показалось вдруг, что то, что с нею происходит,— кошмарный сон. Она уже не сопротивлялась, когда Талис, сорвав с нее остатки одежды, подтащила ее руки вверх и затянула на запястьях крепкий узел. Нагая, натянутая словно струна, она висела, едва касаясь пола кончиками пальцев, словно заяц, с которого вот-вот начнут сдирать кожу. Повернув с огромным трудом голову, она увидела Талис, снимавшую со стены тяжелый кнут с рукояткой, поблескивавшей золотом и алмазами, и семью длинными концами, плетеными из особого шелка, более твердыми и гибкими, чем обычные ременные.

Стигийка глубоко вздохнула, с наслаждением размахнулась — и семь жгучих языков пламени обернулись вокруг бедер взвизгнувшей от боли Наталы. Бедная девушка вилась всем телом, стонала, пыталась выдернуть руки из шелковой петли, кричала, выла,— начисто забыв о кошмарной опасности, таившейся где-то неподалеку. Жестокая стигийка, по всей видимости, об этом тоже забыла, наслаждаясь муками своей жертвы.

Обезумевшая от боли Натала подняла залитые слезами глаза, собираясь в последний раз взмолиться о пощаде,— и стон замер на ее отвердевших сразу губах, а глаза наполнились неописуемым ужасом.

Взметнувшийся в очередной раз кнут завис в воздухе, когда Талис, встревоженная выражением лица жертвы, быстро, словно кошка, повернулась посмотреть на то, что ее так напугало. Но но-

вый противник действовал быстрее! Перед глазами полумертвой от боли, ужаса и переживаний Наталы мелькнуло подброшенное с невероятной силой белое тело стигийки — мелькнуло и исчезло в недрах огромного черного облака. Пронзительный вопль разорвал тишину, и облако растворилось во тьме.

Еще несколько секунд из мрака коридора доносился умоляющий лепет Талис, затем ее громкие стоны перешли в душераздирающий крик, завершившийся истерическим, диким смехом,— и все утихло. Натала до боли напрягала глаза, вглядываясь во мрак, в котором исчезла Талис. Она чувствовала, что там таится нечто, угрожающее не только ее телу, но и душе.

Мрак вздыбился вдруг гигантской волной, в нем проявилось некое бесформенное пятно, образовавшее что-то вроде колоссальной головы с разинутой жабьей пастью, чьи контуры расплывались, словно марево, в голове прорезались два светящихся, словно гнилушки в дупле дерева, глаза — они притягивали, в них читалось омерзительное, воистину космическое вожделение — и вся эта похожая на густой черный дым масса клубилась, пульсировала, густела и изменялась. Трудно было сказать — ползет это нечто, или идет, или летит, наконец,— но оно двигалось, приближалось к ней. Вот оно добралось до круга света, падавшего из алмаза-светильника, но эта клубившаяся тень не поддавалась свету — и даже тогда, когда этот сгущенный мрак оказался на расстоянии вытянутой руки от Наталы,— если бы она могла, конечно, вытянуть руку,— даже тогда она не различала деталей на этом теле не теле, лишь жабья пасть рисовалась вполне выразительно, словно черное пятно на сетчатке ее собственного глаза.

В голове девушки мелькнула мысль, что она, вероятно, уже сошла с ума — ведь ничто и никто не может смотреть одновременно сверху и снизу, из бездонной пропасти и с головокружительной высоты — а ведь было именно так, это нечто смотрело на нее отовсюду. И в то же время, и она знала это совершенно определенно, оно было реальным, осязаемым, вполне материальным, а если ее даже обманывало зрение, то уж никак не обманывало тело, которое вдруг ощутило холодное прикосновение не то лапы, не то щупальца. То, что проползло по ее ноге, было холодное, но вместе с тем жгло, словно раскаленный уголь, скользкое и в то же время шершавое — оно абсолютно отличалось от чего бы то ни было, хоть раз прикасавшегося к ее телу. Натала вскрикнула от омерзения. В этом прикосновении сконцентрировалась вся непристойность, вся похоть, все распутство, которое копилось среди отбросов земной жизни со дня ее зарождения. Она чувствовала такой стыд и такое отвращение, о каких до тех пор не имела понятия. Теперь она отчетливо сознавала, что это чудовище может быть чем угодно, какой угодно формой жизни, но только не безмозглым примитивным животным.

Безумный визг девушки разорвал тишину, когда это нечто потянуло ее к себе, выворачивая суставы и разрывая натянувшиеся

до предела мышцы и ткани рук,— но тут где-то высоко вверху послышался треск, какая-то огромная масса пронеслась по воздуху и грохнулась на плиты пола.

3

Когда Конан-киммериец увидел разглаживающийся гобелен, он с диким рычанием бросился на стену, будто хотел снести ее одним ударом своего огромного тела. Удар был таким сильным, что, наверное, поломал бы кости любого другого человека, но варвар лишь отскочил от стены словно мячик, сорвав с нее гобелен. Его глазам открылась совершенно гладкая, монолитная поверхность. Вне себя от злости, он взмахнул саблей, словно собирался иссечь на куски мраморную преграду, но услышал за спиной шорох и оглянулся. Его смуглое лицо было белым от ненаходившей выхода ярости.

За ним стояли десятка два мужчин в пурпурных туниках и с желтоватыми лицами, и каждый из них держал в руке короткий меч. Когда Конан оглянулся, они набросились на него, что-то гневно вопя. Он не пытался ни успокаивать их, ни объяснять, взбешенный исчезновением девушки, он действовал так, как действовал бы на его месте любой другой человек гиборийской эры.

Конан с яростным ревом метнулся навстречу, его свистнувшая в воздухе сабля отбила в сторону чей-то меч, и вот уже из головы первого из нападавших брызнули мозги. Изогнувшись по-кошачьи, Конан ударил снова, и чья-то рука, судорожно цеплявшаяся за рукоять меча, отрубленная в запястье, взвилась по крутой дуге в воздух, волоча за собой кровавый хвост, словно комета. Даже долю секунды не потерял Конан, когда легким движением увернулся от воинов, одновременно нападавших на него,— и вот уже меч одного из них по рукоять погрузился в грудь второго.

Увидев это, ксуталийцы закричали от ужаса, а варвар рассмеялся хрипло, победно, нырнул под чью-то руку, хлынула алая струя, и следующий воин в пурпурной тунике рухнул наземь, зажимая руками огромную рану в животе. Ксуталийцы завыли, словно волки, настигающие добычу. Непривычные к ратному труду, отупевшие от своих лотосовых снов, они безнадежно проигрывали быстрому, словно молния, варвару, в котором стальные мышцы и высокоразвитый, четко работающий мозг составляли единое целое. Его противники, путаясь друг у друга под ногами, наносили удары или слишком поздно, или слишком рано, рассекая мечами пустой воздух. Киммериец же двоился, троился, исчезал в одном месте, чтобы тут же появиться в совершенно ином, неуловимый, словно ртуть, недоступный мечам врагов, а тем временем кривое лезвие его сабли ежесекундно грозило смертью и выполняло угрозы.

Но, пусть неуклюжие и нерасторопные, желтолицые воины тем не менее не были трусливыми. Они кружили вокруг варвара,

грозно крича, и рубили короткими мечами, а со всех сторон в комнату вбегали через настежь раскрытые двери все новые и новые горожане, разбуженные непривычным их слуху шумом.

Конан, с виска которого уже лилась кровь, взмахнул в очередной раз саблей, одним ударом уложил, словно косец пшеницу, нескольких врагов и огляделся по сторонам, намечая путь отступления. В ту же секунду на одной из стен раздвинулась драпировка и приоткрылась потайная дверь, за ней виднелась широкая лестница из зеленоватого камня, на самом ее верху стоял человек в роскошном шелковом одеянии, моргая, словно спросонок, глазами. Киммериец, не колеблясь ни единой секунды, одним прыжком преодолел лязгающий мечами круг и помчался к лестнице. Трое воинов преградили ему путь, три меча молниями сверкнули над его головой — и тут же упали, киммериец же, не задерживаясь, неся вверх по лестнице, за ним гналась свора преследователей, спотыкаясь о валявшиеся тела. Один из несчастных лежал лицом вниз в луже из крови и мозга, второй пытался подняться на руках, залитых кровью, хлеставшей струей из перерезанного горла, третий, тихо скуля, словно собака, прижимал к груди кровавый обрубок правой руки.

Увидев варвара, бежавшего прямо на него, человек в богатых одеждах опомнился, его меч холодно сверкнул в лучах камней-светильников и пал на голову Конана, но тот успел увернуться и воткнул саблю, словно мясницкий нож, в тело противника. Инерция движения Конана была столь велика, что сабля пронзила горожанина насквозь, а варвар, налетев на него, споткнулся и с грохотом врезался в стену. Когда он падал, сабля, острая, словно бритва, распорола живот убитого снизу доверху, и обмякшее тело покатилось по ступеням вниз, путаясь в собственных внутренностях и сбивая с ног желтолицых воинов.

Полуоглушенный варвар, придя в себя, яростно потряс в воздухе окровавленной саблей и помчался дальше. Остановившись на мгновение в комнате наверху и убедившись, что она пуста, варвар метнулся к двери. Внизу тем временем поднялся крик, в котором звучало столько гнева и отчаяния, что Конан понял, что, сам того не желая, отправил на тот свет кого-то очень важного, быть может, даже самого короля этого странного города.

Киммериец бежал, не оглядываясь и не выбирая дороги. Он понимал, что Натале грозит смертельная опасность, но не мог заняться поисками девушки, не стряхнув волчью стаю преследователей со своего хвоста. Комнаты верхнего этажа дворца были погружены в полутьму, и Конан, скоро потеряв ориентацию, вновь заскочил в зал, по которому уже пробегал пару минут назад, чуть не столкнувшись с преследователями. Увидев варвара, они заорали, словно сумасшедшие, и бросились к нему, он же, с трудом увернувшись, проскочил под арку. Комната, в которой на этот раз оказался киммериец, в отличие от всех остальных, не была пу-

стой. Ее хозяйка только что вскочила на ноги, вскрикнув от удивления и испуга.

Перед киммерийцем стояла совершенно нагая — если не считать ожерелья из драгоценных камней на шее — женщина, которая вглядывалась в него широко раскрытыми от удивления и страха глазами. Это было последнее, что он успел заметить: когда женщина подняла руку и потянула за шелковый шнур, свисавший со стены, под его ногами разверзлась черная пропасть — даже феноменальная реакция варвара на этот раз запоздала.

Высота, с которой свалился Конан, была не слишком большой, и любой другой на его месте, вероятно, тоже остался бы в живых, отделавшись множественными переломами рук, ног и ребер. Как кошка падает на четыре лапы, так приземлился и Конан, не выпуская из руки сабли. Внутренне сжимаясь от ударившего в уши девичьего крика, он вскочил на ноги, оскалив зубы, и увидел нагую Наталу, отчаянно извивавшуюся в сладострастных объятиях чего-то настолько отвратительного, что не могло быть ничем иным, как порождением черной адской бездны. Любой из людей, увидев этого ужасного монстра, был бы парализован страхом. Любой, но только не Конан. Его глаза заволокла красноватая мгла бешенства, жажда крови затмила мозг — и он обрушился на чудовище. Бросив свою жертву, монстр как бы повернулся к нежданному противнику, сабля которого рассекла воздух, пролетела сквозь черные клубы тела-не тела и чиркнула по каменной стене, высекая сноп голубоватых искр. Конан, ожидавший гораздо большего сопротивления черной субстанции, потерял равновесие и упал на колени. Когда он вскочил на ноги, черное облако уже сидело на его плечах. Варвару казалось, что его захлестывают волны некой студенистой жидкости,— он рубил их саблей, разрывал и рассекал кинжалом, по его лицу сплошными потоком текла какая-то грязь, вероятно, кровь чудовища. Конан не знал, отсекает ли он щупальца, или какие-то иные органы монстра, врубается ли в само его тело, вновь и вновь сливавшееся в однородную массу. Ему уже начинало казаться, что он сражается не с одним, а с огромным множеством адских существ — грызущих, царапающих, колющих, колотящих его с невероятной силой. Он чувствовал клыки и когти, разрывающие его тело, чувствовал гибкие, но твердые, словно сталь, не то щупальца, не то лианы, обвивающие его руки и ноги. Вдобавок ко всему, нечто, похожее на скорпионий хвост с острым шипом на конце, молотило по его спине, шее, груди, до кости рассекая кожу и мясо и впрыскивая в кровь яд, жгучим огнем растекавшийся по всему телу.

Сплетенные в плотный клубок человек и чудовище выкатились из круга света и оказались в абсолютной темноте. Забыв в пылу сражения о брезгливости, варвар вонзил зубы в тело врага и его чуть не вывернуло наизнанку, когда это нечто, с писком и скрежетом, упруго выскользнуло из захвата его мощных челюстей.

Они катились все дальше и дальше по коридору. Варвар начал

уже терять сознание от ран и боли, когда увидел высоко над собой огромную жабью пасть, освещенную тусклым светом, исходившим, казалось, откуда-то изнутри ее. Киммериец собрался с силами и с хриплым криком рванулся, словно волк к горлу, к этой кошмарной пасти. Его верная сабля погрузилась в нее по эфес, и вдруг бесформенная масса, поглотившая Конана, конвульсивно содрогнулась. Сильная судорога свела и тут же отпустила адское тело-не тело, которое вдруг поспешно поползло по неровному полу коридора, таща за собой варвара, упрямо цеплявшегося за рукоятку сабли, застрявшей где-то глубоко в пасти монстра. Движение чудовища ускорилось, киммерийца трясло, давило, мяло, но он не сдавался, яростными ударами кинжала раздирая на части студенистую массу.

Внезапно из нее ударил какой-то странный фосфоресцирующий свет прямо в глаза Конану, и тот почувствовал вдруг, что клубящееся, сотрясаемое конвульсиями тело куда-то исчезло, а его рука с саблей повисла в пустоте. Он лежал на ослизлом краю какого-то бездонного колодца, в глубь которого летело, сверкая, словно метеор, тело чудовища. Прижавшись щекой к грязной каменной плите, он смотрел, не в силах отвести глаз от быстро уменьшающегося светящегося шара, навстречу которому из глубины вдруг начала подниматься темная, блестящая поверхность, поглотившая, в конце концов, фосфоресцирующую точку. В таинственной бездне всколыхнулся тусклый огонек и тут же погас. Воцарилась мертвая тишина и абсолютный мрак.

4

Натала из последних сил пыталась освободиться, сбросить шнур, болезненно врезавшийся в запястья рук. Ее взгляд неотрывно следил за краем тьмы, сгущавшейся за кругом света. Там исчез Конан, увлеченный демоном, и девушка, напрягая слух, еще некоторое время слышала сопение варвара, свист его сабли и грохот ударов, затем шорох, похожий на шум лавины, сползающий с гор, сменившийся глухой и мертвой тишиной. Голова Наталы упала на грудь, тело безжизненно повисло на шелковом шнуре.

Она очнулась, услышав шаги, подняла голову и увидела вынырнувшего из темноты варвара. Вздох, выражавший одновременно облегчение и ужас, вырвался из ее опухших, пересохших губ и эхом понесся по бесконечному коридору. Лицо варвара представляло собой сплошной синяк, словно кто-то долго и старательно колотил по нему бревном, кровь из рассеченной на голове кожи заливала глаза, губы были искусаны и разбиты, руки, ноги и все тело покрывали глубокие раны. Хуже всего выглядели грудь и шея, они почернели и опухли, кожа свисала с них клочьями, казалось, их долго и безжалостно истязали бичом.

— Ах, Конан! — рыдала Натала.— Как тебе досталось!

Опухшие губы киммерийца исказила гримаса презрительного

пренебрежения к собственным ранам. Он тяжело дышал, и его волосатая, залитая потом и кровью, грудь вздымалась и опадала, словно кузнечные меха. Он с трудом дотянулся до шелкового шнура, связывавшего запястья девушки, перерезал его кинжалом и привалился к стене, пошире расставив дрожащие ноги, чтобы не упасть. Натала прижалась к его плечу и горько заплакала.

— О Конан! Ты умираешь!

— Нельзя драться с демоном,— прошептал он тихо,— и остаться невредимым.

— Ты его убил?— спросила она с надеждой в голосе.— Ты убил его, Конан?

— Не знаю. Он свалился в какой-то колодец. Я не знаю, страшна ли ему вообще сталь...

— Ох, твоя спина!— всплеснула она ладошками.— Что он с нею сделал!

— Это хвостом,— скривился он от боли.— Он был твердый, словно из стали, и жег огнем. Но хуже всего эти его щупальца, они давили и мяли меня, словно сотня питонов. Готов поспорить, что все мои кишки змеями расползлись по животу.

— И что нам теперь делать?— всхлипнула девушка.

Он запрокинул голову. Крышка ловушки была плотно захлопнута, ни единого звука не доносилось сверху.

— Там не пройдем,— пробурчал он.— Там полно трупов и, наверное, засада. Они думают, что с нами покончено, или просто боятся спускаться в эти коридоры. Выковыряй-ка вон тот светящийся камешек. Я когда шел сюда, наткнулся на несколько боковых коридоров. Пойдем по одному из них. Не сдыхать же нам здесь.

Зажав в левой руке камешек-светильник, а в правой — окровавленную саблю, киммериец направился вниз по коридору. Он шел медленно, каждый шаг давался ему с огромным трудом. В его висках пульсировала тупая боль, он ежесекундно облизывал запекшиеся губы.

Через некоторое время камень тускло высветил черное отверстие в стене, в которое Конан свернул, ни секунды не колеблясь. Сколько они шли этим черным туннелем, Натала не знает, но в конце концов дошли до какой-то лестницы, вскарабкались по ней и остановились под каменной дверью, запертой на золотой засов.

Девушка нерешительно посмотрела на покачивавшегося на ослабевших ногах великана, в вялой ладони которого дрожал слабый огонек. По стенам метались и раскачивались их огромные тени.

— Открывай же!— бормотал Конан.— Там нас ждут. О Кром! Я принесу тебе такую жертву, о которой понятия не имеет никто в этом городе.

Натала поняла, что варвар бредит. Она вынула из его окровавленной руки светящийся камень, вытащила золотой шкворень

и открыла засов. Дверь оказалась завешенной изнутри золотистой шелковой тканью. Бритунка осторожно отодвинула занавеску и заглянула за нее. Ее глазам открылась комната, совершенно пустая, лишь в самом центре ее шумел серебристый фонтан.

Широкая ладонь варвара легла на ее нагое плечо.

— Отойди в сторону, девушка! — пробормотал он.— Сейчас тут будет жарко!

— Здесь никого нет,— успокила она его.— Это вода шумит.

— Вода,— облизал он почерневшие губы,— хоть напьемся перед смертью.

Она взяла его за руку и, словно слепца, повела, осторожно ступая, к фонтану, с замиранием сердца ожидая, что вот-вот в комнату со всех сторон ворвутся воины в пурпурных туниках.

— Я посторожу, а ты пей,— сказал с трудом Конан.

— Пей, пей, я не хочу. Ляг сюда, я омою твои раны.

— Не слышу звона мечей,— удивился он, протирая глаза, словно пытаясь сорвать с них мешавшую пелену.

— Тут никого нет, Конан.

Он на ощупь нашел край чаши фонтана, наклонился, погрузил лицо в чистую, прозрачную жидкость и пил, пил, пил, не в силах оторваться. Когда варвар поднял голову, Натала увидела, что безумие уже покинуло его глаза. Он облегченно вытянулся на полу рядом с фонтаном, но выражение чуткой озабоченности не покинуло его изуродованного лица, а сабля так и осталась торчать в крепко сжатом кулаке.

Она омыла его рваные раны и перевязала самые глубокие из них бинтами из разорванной на широкие полосы шелковой занавески. Занимаясь этой работой, Натала ни на секунду не прерывала лихорадочных раздумий над тем, что им следует делать дальше. Если они останутся во дворце, их рано или поздно найдут — в этом она не сомневалась. Правда, не исключено, что ксуталийцы уже не ищут их, а давно спят где-нибудь в своих потайных комнатах, отправив души в бесконечные лотосовые скитания.

Закончив перевязывать раны, Натала подняла голову — и оторопела. В алькове, стоявшем в нише, поначалу незамеченной ею, кто-то был — сквозь щель в пологе высовывалась мертвенно-белая человеческая рука. Стараясь двигаться как можно тише, чтобы не тревожить киммерийца, девушка, держа кинжал наготове, подкралась к алькову. Умоляя сердце биться тише, она медленно отодвинула полог. На возвышении, похожем на ложе катафалка, покоилось нагое тело женщины с желтоватой кожей, рядом с ним, на уровне ее плеча, стоял нефритовый сосуд с золотистой жидкостью. Вероятно, это был тот самый чудесный эликсир, о котором говорила Талис. Натала осторожно наклонилась над спящей, чуть ли не касаясь ее груди кончиком кинжала, и схватила сосуд.

Прижав к себе кувшин с драгоценной жидкостью, она пару секунд раздумывала над тем, не стоит ли ей превратить лотосовый

сон желтолицей женщины в сон вечный,— но так и не смогла заставить себя воткнуть кинжал в беззащитное тело, вновь задернула полог и вернулась к мирно посапывавшему в полузабытьи Конану.

Присев рядом, она поднесла сосуд к губам варвара. Тот послушно глотнул пару раз, затем странно оживился, сел и выхватил кувшин из рук девушки.

— Клянусь Кромом,— сказал он,— это то самое чудесное вино. Откуда оно у тебя?

— Стояло там в алькове,— показала она рукой.— Там же спит какая-то женщина.

Конан припал губами к краю кувшина и осушил его несколькими огромными, жадными глотками.

— О Кром!— выдохнул он с облегчением.— Я чувствую животворный огонь в жилах! Оно придало мне новые силы!

Конан вскочил на ноги.

— Вернемся, Конан, вернемся в тот коридор, пересидим там, пока ты не поправишься!

— Ни за что!— воскликнул варвар.— Мы что, крысы, чтобы прятаться по норам? Мы уйдем из этого проклятого города, и пусть хоть кто-нибудь попытается нам в этом помешать!

— А твои раны?

— Да не чувствую я никаких ран,— бодро сказал он.— Может, я захмелел немного, и в этом все дело, но я не чувствую больше боли!

Он подошел к окну, тоже укрывшемуся было от глаз Наталы. Она посмотрела через его плечо. За окном чернело бархатное небо, усыпанное множеством звезд. Внизу серым бесконечным ковром расстилалась пустыня.

— Талис говорила, что весь этот город — одно-единственное огромное здание,— вспомнил Конан,— значит, комнаты и залы в крепостных башнях тоже соединяются со всеми остальными. Нам повезло.

— Что ты задумал?— спросила она с опаской в голосе.

— Там на столе хрустальный кувшин,— сказал он вместо ответа.— Наполни его водой и привяжи к нему ручку из этой вот ткани. Я тоже немного поработаю.

Она повиновалась, а когда, закончив с порученным делом, подняла голову, то увидела, что Конан связывает туго скрученные шелковые ленты, оторванные от полога, в длинную веревку, один конец которой уже был привязан к ножке массивного столика из слоновой кости, стоявшего в алькове.

— Попытаем счастья в пустыне,— пояснил варвар.— Талис говорила, что в дне пути отсюда — оазис, в двух — второй. Там мы и переждем, пока затянутся мои раны. Нет, воистину это вино творит чудеса! Только что я был полутрупом, а сейчас мог бы гору свернуть. Эй, прикройся же, наконец, чем-нибудь!

Натала совсем забыла, что на ней нет ни клочка одежды —

впрочем, ее это нимало не смущало,— но, вспомнив о жаре и палящем солнце, которыми встретит их пустыня, она поспешила набросить на себя шелковую накидку. Киммериец тем временем подошел к окну и, презрительно сплюнув, без труда выломал решетку, выкованную из какого-то золотистого металла. Опоясав бедра Наталы веревкой, он затянул петлю, перенес девушку за зеленоватый парапет и осторожно спустил ее на веревке вниз. Когда она высвободилась из петли, он втащил веревку наверх и привязал к ней кувшин с водой. Когда кувшин оказался у девушки, по веревке быстро съехал сам киммериец.

Как только он ступил на землю, Натала вздохнула с облегчением. Они стояли у подножия городской стены под бархатным куполом звездного неба, лицом к безбрежной пустыне. Девушка понятия не имела об опасностях, подстерегавших их далее, но сердце ее пело от радости, ибо они покинули, наконец, этот чуть было не убивший их город.

— Если найдут веревку, могут отправить за нами погоню,— буркнул Конан, забрасывая за плечо кувшин,— хотя мне кажется, что они теперь и шагу ступить из города побоятся. Ладно, юг там. Идем.

Конан с нежностью, совершенно не характерной для него, взял Наталу за руку, и они направились в пустыню, не оглядываясь на холодно поблескивавшую за их спинами стену Ксутала.

— Скажи, Конан,— осмелилась, наконец, спросить Натала,— ты там, в черном коридоре, нигде не видел Талис?

— Было темно, я вообще ничего не видел, но ощупывал путь перед собой и знаю, что там никого не было.

— Хотя она чуть было не замучила меня насмерть,— шепнула девушка,— но мне жаль ее.

— Это так все принимают гостей в этом проклятом городе!— воскликнул гневно варвар, но тут же успокоился.— Ничего, нас они надолго запомнят. Их кишки и мозги размазаны чуть ли не по всему городу, а этому их Тогу, думаю, досталось похуже даже, чем мне. В конце-то концов, мы не так уж и плохо выпутались из всей этой истории. Есть вода, знаем, где искать оазис. Меня, правда, изрядно исполосовали, да и у тебя на спине сплошь рубцы от бича...

— Это ты виноват!— вспыхнула британка.— Если бы ты не пялился, разинув рот, на эту стигийскую кошку...

— О Кром!— проворчал варвар.— Надо, чтобы небо на голову обрушилось, лишь тогда заставишь женщину забыть о ревности. Я, что ли, виноват, что стигийка в меня влюбилась? Все вы, женщины, такие...

...Вернувшись в гиборийские земли, Конан снова подался в наемники, но армия, в которой он служил, была разгромлена в южной Стигии. Киммериец пересек саванну, вышел к побережью и присоединился к пиратам с островов Бараха. Еще раз имя Амра-Лев прогремело по всем портовым городам. Однако корабль его пошел на дно, и варвар вступил в Вольницу под начало некоего Заралло. Отряд этот стоял в пограничном городке Сукмет, и жизнь там была, надо сказать, невыносимо скучной...

ГВОЗДИ С КРАСНЫМИ ШЛЯПКАМИ

1. ЧЕРЕП НА СКАЛЕ

Всадница остановила измученного коня. Тот расставил ноги и низко опустил голову, словно сбруя из красного сафьяна с золотыми украшениями была для него непомерной тяжестью. Всадница привязала коня к ветви невысокого дерева, спрыгнула с седла и огляделась.

Место казалось довольно-таки мрачным. Деревья-великаны гляделись в озерко, в котором она недавно напоила коня. Их вершины сливались в сплошную зеленую гущу. Всадница пожала плечами и в сердцах выругалась.

Это была молодая женщина, рослая, статная, с высокой грудью. Короткие штаны, подпоясанные шелковым кушаком, сапоги из тонко выделанной кожи, шелковая блуза с широким воротником и пышными рукавами составляли ее костюм. На одном боку висел прямой обоюдоострый меч, на другом — длинный кинжал. Ее золотистые волосы, остриженные до плеч, были перехвачены атласной лентой.

На фоне мрачного первобытного леса она казалась чужеродным явлением. Куда легче было бы представить ее возле корабельной мачты, следящей за полетом чаек среди перистых облаков. Недаром глаза ее были цвета морской волны — о подвигах Валерии из Красного Братства распевали песни и баллады в любой матросской компании.

Она попыталась разглядеть небо сквозь кроны деревьев, но поняла, что это бесполезно.

Оставив коня на привязи, Валерия двинулась в восточном направлении, время от времени оглядываясь на озеро, чтобы не заблудиться. Тишина леса угнетала ее. Птицы не пели в вершинах, звери не шуршали в кустах. Долгий путь она проделала в этом всеобъемлющем безмолвии.

Жажду она утолила у озера, но чувствовала страшный голод и решила поискать те самые плоды, которые служили ей пищей с тех пор, как кончились запасы во вьюках.

Валерия увидела перед собой глыбы черных камней, поднимающиеся вверх,— нечто вроде разрушенного утеса. Вершина его

терялась среди ветвей. Может быть, решила она, эта вершина поднимается над лесом, и с нее можно будет осмотреться — если, конечно, в мире вообще есть что-нибудь, кроме этой бесконечной чащи.

Узкий уступ образовывал естественную тропинку, ведущую вверх по крутому склону. Поднявшись локтей на пятьдесят, она оказалась на уровне окружавших скалу верхушек деревьев. В просветах между ветвями голубело небо, потом хлынули солнечные лучи — и лес оказался у ее ног.

Широкая площадка, на которой она стояла, была увенчана каменным шпилем. Нога ее наткнулась на нечто, скрытое под ковром опавших листьев. Разбросав их, она увидела человеческий скелет. Опытным глазом пиратка заметила, что на костях нет никаких повреждений. Человек этот умер естественной смертью. Но почему ему для этого понадобилось забираться так высоко?

Она вскарабкалась на вершину шпиля и огляделась. Сквозь зеленую толщу нельзя было разглядеть земли, даже озерка, возле которого она оставила коня. Валерия обернулась на север, откуда лежал ее путь. И там колыхался зеленый океан, тянувшийся до узкой синей полосы. Эту горную цепь она пересекла много дней назад, чтобы углубиться в лесную бесконечность.

Такая же картина наблюдалась на востоке и западе, разве что не было гор. Но зато на юге... У нее захватило дух. Примерно в миле отсюда лес редел и сменялся равниной, на которой росли кактусы. А в глубине этой равнины поднимались стены и башни города.

Черт побери, этого просто не могло быть! Не диво было бы увидеть другие постройки — например, хижины чернокожих, напоминающие ульи, или выдолбленные в скалах поселки загадочной коричневой расы, которая, согласно легендам, населяла эти земли. Но найти в такой дали от цивилизации укрепленный город...

Вскоре пальцы ее устали цепляться за шпиль, и она спустилась на площадку в полной растерянности. Долог был ее путь из лагеря наемников возле пограничного города Сукмет, затерявшегося среди травянистых саванн, где отчаянные бродяги, собравшиеся со всех земель, стерегли пределы Стигии от набегов со стороны Дарфара.

Наудачу она бежала в сторону, вовсе ей не знакомую. Вот и не могла теперь решить, что лучше — направиться прямо в этот город на равнине или, от греха подальше, обойти его и продолжить свой одинокий путь.

Шум листьев внизу прервал ее раздумья. Она резко, по-кошачьи, обернулась и схватилась за меч, но вдруг застыла при виде стоящего перед ней человека.

Человек выглядел великаном, и могучие мышцы перекатывались под его бронзовой от загара кожей. Он был одет в такой же

костюм, что и она, только вместо кушака носил широкий кожаный пояс, отягощенный огромным мечом и тесаком.

— Конан-киммериец! — воскликнула молодая женщина.— Какого черта ты плетешься по моим следам?

Великан улыбнулся, и его суровые голубые глаза приобрели выражение, понятное всякой женщине.

— А то ты не знаешь? — засмеялся он.— Разве не полюбил я тебя с первого взгляда?

— Мой жеребец не смог бы выразиться яснее,— сказала она с презрением.— Но я не ожидала встретить тебя в такой дали от винных бочек и кружек Сукмета. Ты что, поехал за мной из лагеря Заралло, или тебя попросту выгнали за мелкие кражи?

— Ты же знаешь, что нет в отряде Заралло таких отчаянных смельчаков, чтобы выгнать меня. Понятно, я ехал за тобой. И скажу тебе, девочка,— везучая ты. Пырнула этого стигийского офицера, потеряла защиту Заралло и бежала от мести стигийцев в эту глушь...

— Ну да,— печально сказала она.— А что мне было делать? Ты знаешь, почему я так поступила.

— Верно,— согласился он.— Я бы тоже на твоем месте выпустил ему кишки. Но коль скоро женщина желает жить в лагере среди вооруженных мужчин, ей следует ожидать чего-то подобного.

Валерия топнула ногой.

— Но почему я не могу жить так, как они?

— Потому! — он снова окинул ее жадным взглядом.— Но ты правильно сделала, что убежала. Стигийцы сняли бы с тебя кожу. Брат этого офицера поскакал следом за тобой, и, наверное, настиг бы — конь у него получше. Еще несколько миль, и он перерезал бы тебе глотку.

— Ну и?..— спросила она выжидательно.

— Что — ну и? — не понял он.

— Ну и что с этим стигийцем?

— А ты как думаешь? Ясное дело, я убил его и оставил на поживу стервятникам. Пришлось немножко задержаться, и я потерял твой след, а то бы давно догнал.

— И, верно, думаешь вернуть меня в лагерь?

— Не болтай ерунды,— сказал он.— Иди ко мне, девочка, не ершись. Я ведь не тот зарезанный стигиец.

— Ты нищий бродяга! — крикнула она.

— А сама-то? У тебя даже на новые заплатки нет денег. Твое презрение меня не обманет. Знаешь ведь, что командовал я и большими кораблями, и многочисленными дружинами. А что нищий — так любой корсар большую часть жизни проводит в нищете. Зато золота, которое я расшвырял по портовым городам, хватило бы нагрузить целый галеон, и ты тоже это знаешь.

— Где же эти великолепные корабли и отважные парни, что шли за тобой?

— В основном на дне морском,— сказал он.— Последний мой корабль потопили зингарцы у побережья земли Куш — вот и пришлось присоединиться к Вольнице Заралло. Но после похода к рубежам Дарфара я понял, что прогадал. Жалованье небольшое, вино кислое, чернокожих женщин я не люблю. Их полно в окрестностях Сукмета — в носу кольцо, зубы подпилены — ох! А ты-то что забыла у Заралло? Сукмет лежит далеко от соленой воды.

— Красный Орто хотел сделать меня своей любовницей,— хмуро сказала она.— И вот ночью, когда мы стояли на якоре у берегов Куш, я спрыгнула за борт и доплыла до земли. Там купец шемит сказал мне, что Заралло повел свою Вольницу на юг стеречь границу. Ничего лучшего не подворачивалось, вот я и добралась до Сукмета с попутным караваном.

— Вообще-то, все твое бегство на юг — сплошное безумие,— заметил Конан.— Впрочем, не совсем — патрулям Заралло и в голову не пришло искать тебя в этой стороне. Только брат убитого парня напал на твой след.

— А что ты-то собираешься делать?— спросила она.

— Поверну на запад. Там, после многих дней пути, начнутся саванны, где чернокожие пасут свои стада. Там у меня есть приятели. Мы дойдем до побережья и приглядим какой-нибудь корабль. Хватит с меня этих джунглей!

— Тогда прощай,— сказала она.— У меня другие планы.

— Дура!— он впервые по-настоящему рассердился.— Одна ты недалеко уйдешь в этом лесу.

— Захочу, так уйду.

— И что будет потом?

— Не твое дело,— фыркнула она.

— Мое, мое,— тихо сказал он.— Или ты думаешь, я так далеко забрался, чтобы поворотить ни с чем? Будь умницей, девочка, я ведь не причиню тебе вреда...

Он шагнул вперед, она отскочила назад, вытащив меч.

— Прочь, собака-варвар, или я разделаю тебя, как жареного кабана!

Он остановился и спросил:

— Хочешь, чтобы я отобрал у тебя эту игрушку да ею же и отшлепал?

— Болтовня!— сказала она, и в глазах ее засверкали искры, точно солнечные блики на море.

Так оно и было. Не родился еще человек, который голыми руками сумел бы обезоружить Валерию из Красного Братства. Он хмыкнул, ощущая в душе целый клубок противоречий. Злился, но в то же время не мог не дивиться ее решительности и не уважать ее. Горел желанием, но не хотел нанести обиды. К тому же, сделай он шаг вперед — и ее меч вонзится ему в сердце. Частенько приходилось ему видеть, как Валерия расправлялась с мужиками в пограничных стычках и кабацких драках. Она была быстрой и опас-

ной, как тигрица. Он, конечно, мог достать меч и выбить оружие у нее из рук, но сама мысль обратить клинок против женщины была ему отвратительна.

— Чтоб тебя демоны взяли, киска,— раздраженно сказал он.— Отберу-ка я у тебя...

Он шагнул к ней, но замер, как кот перед прыжком. Где-то в лесу раздались вопли, стоны, треск ломаемых костей.

— Львы напали на лошадей! — закричала Валерия.

— Львы? Ерунда! — фыркнул Конан, и глаза его заблестели.— Ты слышала когда-нибудь львиный рев? Я, например, слышал. Ишь как кости трещат — даже лев не убивает коня с таким шумом.

Он побежал вниз по тропинке, Валерия за ним. Память о стычке мгновенно исчезла, уступив место чувству общей опасности, которое роднит вот таких искателей приключений. Когда они спустились ниже древесных крон, вопли затихли.

— Я нашел твоего коня у озера,— прошептал он на ходу. А ступал варвар столь бесшумно, что она поняла, почему он застиг ее врасплох.— И привязал рядом своего. Внимание! Кони должны быть там, за кустами. Слышишь?

Валерия слышала, и мороз пробежал по коже. Она ухватилась за могучую руку спутника. Из-за деревьев слышался хруст костей, треск разрываемых мышц и целая гамма всяческих хрипов, причмокиваний и прочих звуков чудовищного пиршества.

— Это не львы,— шепнул Конан.— Кто-то жрет наших лошадок, но только не львы. Клянусь Кромом...

Звуки внезапно оборвались, и Конан осекся. Порыв ветра с их стороны был направлен туда, где пировал невидимый хищник.

— Идет сюда,— сказал Конан и поднял меч.

Листва закачалась, и Валерия еще крепче вцепилась в руку Конана. Джунгли она знала плохо, но понимала, что не всякий зверь способен так раскачать стволы.

— Здоровый, должно быть, как слон,— пробормотал Конан, как бы угадав ее мысли.— Какая-то чертовщина...

Из гущи листьев появилась морда, какой не увидишь и в страшном сне. Разинутая пасть открывала ряд тяжелых пожелтевших клыков. Морщинистая морда принадлежала ящеру. Огромные бельма, точно увеличенные тысячекратно глаза удава, неподвижно уставились на людей, которые прижались к скале и сами словно окаменели. Кровь покрывала обвислые чешуйчатые губы и капала вниз.

Голова — крупнее, чем у самого большого крокодила — качалась на длинной бронированной шее, вокруг которой воротником во все стороны торчали роговые шипы, а потом, ломая кусты и деревья, выплыло огромное бочкообразное тело на коротеньких ногах. Белесое брюхо волочилось почти по земле, а колючий хребет поднимался так высоко, что даже Конан, встав на кончики пальцев, не смог бы до него дотянуться. Длинный, венчав-

шийся шипом, как у огромного скорпиона, хвост тащился далеко позади.

— Назад на скалу, быстро! — Конан подтолкнул девушку.— Не похоже, чтобы он мог лазать по скалам, но если поднимется на задние лапы, то достанет нас...

Чудовище двинулось к ним, подминая кусты и молодые деревья, а они полетели к вершине, как листья по ветру. Валерия оглянулась и увидела, что страшный гигант стоит на задних столбоподобных лапах, как и предвидел Конан. Ее охватила паника. В вертикальном положении тварь казалась еще громаднее, а морда ящера достигала нижних ветвей гигантских деревьев.

Тогда железная рука Конана ухватила ее за плечо и со страшной силой втащила в зеленое переплетение ветвей, а потом и на самый верх как раз в тот момент, когда передние лапы чудовища грохнули о скалу, задрожавшую от удара.

Сразу же следом за беглецами высунулась огромная голова. Они с ужасом глядели на обрамленную зеленью страшную морду с разинутой пастью и горящими глазами. С треском захлопнулась пасть, и голова скрылась, словно погрузившись в озеро. Сквозь полюманные ветви они разглядели, что чудовище уселось на задние лапы и неотступно пялится вверх.

Валерия задрожала.

— Долго он тут будет сидеть?

Конан пнул череп, что валялся в листве.

— Этот бедняга забрался сюда, спасаясь от него или его сородича. И помер с голоду. Кости целы. Ясно, это тот самый дракон, о котором чернокожие рассказывают легенды. А если так, то от нас он так просто не отвяжется.

Валерия жалобно поглядела на него, позабыв о недавней ссоре. Она пыталась унять страх. Не раз показывала она свою отвагу на море и на суше — на скользких от крови палубах боевых галер, на стенах взятых приступом городов, на песчаных пляжах, где молодцы из Красного Братства резали друг друга в борьбе за власть.

Но то, что их ожидало, было гораздо страшнее. Удар клинка и пламя битвы — это еще ничего. Но беспомощно сидеть на голой скале в ожидании голодной смерти под охраной чудовища из древних веков — эта мысль наполняла ее ужасом.

— Он же должен время от времени ходить за жратвой и водой,— сказала она неуверенно.

— И то, и другое рядом,— ответил Конан.— Конским мясом он запасся, да к тому же, как всякий змей, может долго обходиться без пищи и воды. Жаль только, что не спит, нажравшись, как это делают змеи. Но так или этак, на скалу ему не влезть.

Конан говорил спокойно. Он был варваром. Терпеливость лесов и их обитателей была такой же частью его натуры, как вожделение и неудержимая ярость. В отличие от цивилизованных людей, он сохранял хладнокровие и в худших обстоятельствах.

— А мы не можем забраться на дерево и убежать, прыгая с ветки на ветку, как обезьяны? — спросила она в отчаянии.

— Я уже думал об этом. Ближние ветки слишком тонкие, они обломятся под нами. А потом мне кажется, что эта скотина может вырвать с корнем любое дерево.

— Значит, мы будем здесь торчать, пока не околеем с голоду? — в ярости заорала она и пнула череп так, что он со стуком покатился по скале.— Я не хочу! Я спущусь вниз и снесу эту чертову башку!

Конан сидел на каменном выступе у подножия шпиля. Он с восхищением смотрел на ее горящие глаза, но сейчас она была способна на любое безрассудство, так что восхищение пришлось оставить при себе.

— Сядь! — рявкнул он и, схватив Валерию за руку, усадил к себе на колени. Она так опешила, что даже не сопротивлялась, когда он отобрал у нее меч и вернул в ножны.— Сиди тихо и успокойся. Сталь сломается об его чешую. А ты ему на один зуб. Или он прихлопнет тебя хвостом. Успокойся, как-нибудь да выберемся мы отсюда...

Она ничего не ответила и не попыталась сбросить его руку с талии. Страх давил ее, это чувство было незнакомым для Валерии из Красного Братства. Покорно сидела она на коленях у своего спутника. То-то удивился бы Заралло, окрестивший ее «дьяволицей из адского гарема»!

Конан лениво перебирал ее золотые локоны. Ни скелет у ног, ни чудовище под скалой его сейчас не интересовали.

А ее беспокойные глаза заметили цветные пятна на зеленом фоне. Это были плоды — большие темнопурпурные шары на ветвях дерева с широкими ярко-зелеными листьями. Тотчас она снова почувствовала голод, а заодно и жажду — ведь озеро было теперь недосягаемым.

— Мы не умрем,— сказала она.— Вон плоды, только руку протяни!

Конан глянул в ту сторону.

— Если мы их съедим,— проворчал он,— то дракону нечего будет делать. Черные люди земли Куш называют их «яблоки Деркето». А Деркето — Царица Мертвых. Проглоти каплю сока или даже окропи им кожу — и ты умрешь раньше, чем успеешь сбежать со скалы.

— О! — она замолкла бессильно. Видно, от судьбы не уйдешь. Спасения она уже не чаяла, а Конан был все еще занят ее талией и локонами. Если он и думал о спасении, то про себя.

— Если бы ты убрал свою лапу и залез на шпиль,— сказала она,— то увидел бы много интересного.

Он вопросительно глянул на нее, пожал плечами, но совета послушался: обхватил каменную вершину и внимательно оглядел окрестности. Потом слез и застыл как статуя.

— И правда, укрепленный город,— буркнул он.— Так ты собиралась туда, а меня хотела сплавить на побережье?

— Я увидела его как раз перед тем, как ты появился. Когда я покидала Сукмет, то слыхом не слыхивала об этом городе.

— Кто бы мог подумать, здесь — город! Вряд ли стигийцы продвинулись так далеко. Уж не чернокожие ли возвели его? Но не видно ни пристроек, ни людей...

— Еще бы — с такого-то расстояния!

Он пожал плечами.

— Во всяком случае, тамошние жители нам не помогут. Народы Черной Земли враждебны к пришельцам. Они бы просто забросали нас копьями и...

Он замолчал, уставившись на пурпурные шары в листве.

— Копья! — сказал он.— Проклятый идиот, как я раньше не додумался! Вот как пагубно действует на мужика женская красота!

— Что ты несешь? — спросила она.

Не отвечая, он спустился к ветвям и посмотрел вниз. Чудовище продолжало сидеть, уставившись на скалу со змеиным упорством. Много тысяч лет назад его предки вот так же выслеживали пещерных людей.

Конан незлобиво выругался и начал рубить тесаком ветви, норовя выбрать потолще. Движение листвы потревожило тварь, она встала на четыре лапы и принялась колотить хвостом во все стороны. Конан внимательно следил за драконом и, когда тот вновь бросился на скалу, успел вовремя отскочить с пучком отрубленных веток. Три штуки их было — длиною около семи локтей, толщиной с большой палец. Кроме того, киммериец заготовил несколько тонких, но крепких лиан.

— Слишком легкие для древка копья,— сказал он.— И нашего веса они бы, конечно, не выдержали. Но в единении сила — так учили нас, киммерийцев, аквилонские мятежники, что приходили нанимать наших воинов для разорения своей же земли. А мы предпочитали биться по-старому — родами да племенами...

— А при чем тут эти чертовы палочки? — спросила она.

Конан вставил между ветвями рукоятку своего тесака и обмотал связку лианой. Получилось надежное копье.

— А что толку? Ты же сам говорил, что чешую не пробить.

— Не весь же он в чешуе,— ответил Конан.— Есть много способов содрать шкуру с пантеры.

Он подошел к краю скалы, выставил копье и пронзил одно из яблок Деркето, всячески оберегаясь от брызнувшего пурпурного сока. Голубоватая сталь лезвия покрылась матовым алым налетом.

— Не знаю, выйдет ли что из этой затеи,— сказал он,— но яду здесь хватило бы и для слона. Посмотрим.

Валерия следовала за ним. По-прежнему осторожно держа ко-

пье на отлете, он просунул голову между ветвей и обратился к чудовищу:

— Ну, чего ты ждешь, помесь крокодила со скорпионом? Высунь-ка свою поганую морду, червяк-переросток, а не то я спущусь вниз и забью тебя пинками, сучий ты потрох!

Он добавил еще несколько выразительных слов, да таких, что даже Валерия, выросшая среди моряков, удивилась. Но и на чудовище речь Конана произвела впечатление: голос человека приводит животных либо в страх, либо в бешенство. Внезапно дракон с неожиданной прыткостью поднялся на задние лапы и вытянул шею в отчаянной попытке ухватить дерзкого карлика, осмелившегося нарушать тишину в его владениях.

Но Конан точно определил расстояние. Голова гиганта пробила листву в пяти локтях под ним. И когда открылась чудовищная пасть, он изо всех сил метнул копье в алый зев. Челюсти судорожно захлопнулись, перекусив древко, а Конан чуть не полетел вниз, но Валерия крепко ухватила его за пояс. Он обрел равновесие и буркнул что-то похожее на благодарность.

Чудовище внизу заметалось, словно сторожевой пес, которому воры насыпали перцу в глаза. Оно мотало головой, било когтями по скале и разевало пасть изо всех сил. В конце концов ему удалось задней лапой ухватить обломок копья и выдернуть его. Потом оно подняло голову и глянуло на людей таким яростным, почти разумным взглядом, что Валерия задрожала и вытащила меч. Чешуя на горле и боках бестии из ржаво-коричневой сделалась ярко-красной. И, самое страшное, из окровавленной пасти изверглись звуки, каких не услышишь от обычных тварей земных.

С глухим ревом дракон бросился на скалу, где укрылись его противники. Снова и снова поднималась над листвой его голова и челюсти хватали воздух. А потом, встав на задние лапы, он даже попытался вырвать скалу, словно дерево.

Этот взрыв первобытной мощи и ярости оледенил Валерию. Но Конан и сам был слишком первобытным, чтобы испытывать что-либо, кроме любопытства и понимания. Для варвара пропасть между человеком и животным была не столь велика, как для Валерии. Он переносил на дракона свои собственные качества, и в рычании гада ему слышались те же проклятия, какими он сам его осыпал. Ощущая родство со всеми творениями дикой природы, он не испытывал ни страха, ни отвращения.

Так что варвар сидел и спокойно наблюдал, как меняется рев зверя и его поведение.

— Отрава начала действовать,— уверенно сказал он.

— Что-то не верится,— Валерии и в самом деле было непонятно, как яд, пусть даже такой смертоносный, может повредить этой горе взбесившегося мяса.

— В его реве слышится боль,— пояснил Конан.— Сперва он немножко рассерчал — укололи в десну! А теперь почуял действие яда. Видишь — он зашатался. Через пару минут ослепнет...

И верно, чудовище запаталось и напролом двинулось в лес.

Он убегает? с надеждой спросила Валерия.

Бежит к озеру!.. Конан возбужденно вскочил.— Яд жжет его! Ослепнуть-то он ослепнет, но может по запаху воротиться к скале и останется тут, покуда не сдохнет. Но ведь и вся драконья родня, того и гляди, сбежится на его вопли!

Значит, вниз?

Конечно! Рванем до города! Там нам, правда, могут и глотки перерезать, но другого выхода нет. По дороге, может, еще тысяча таких тварей попадется, но здесь — верная смерть. Быстро за мной!

И он с обезьяньей ловкостью помчался вниз, время от времени останавливаясь, чтобы помочь своей менее проворной спутнице. А она-то считала, что ни в чем не уступит мужчине!

Они вступили в полумрак листьев и бесшумно спустились на землю. Все равно, Валерии казалось, что ее сердце стучит на всю округу. Звуки из-за кустов означали, что дракон утоляет жажду.

— Нахлебается вволю и вернется, проворчал Конан.- И пройдут часы, пока яд его свалит. Если вообще свалит...

Дальнее солнце начало склоняться к горизонту, и чаща стала еще мрачнее. В туманном полумраке заплясали черные тени. Конан ухватил Валерию за руку, и они помчались прочь от скалы. Варвар несся беззвучно, как ветер.

— По следам идти он, видно, не может, рассуждал Конан на бегу.— А вот если ветер нанесет на него наш запах, то учует...

- О Митра! умоляюще прошептала Валерия.- Уйми ветер!

Лицо ее бледным овалом мелькало в полумраке. В свободной руке она держала меч, но ощущение рукояти, обтянутой кожей, уверенности ей почему-то не прибавляло.

От опушки леса их все еще отделяло солидное расстояние, когда сзади послышались треск и топот. Валерия закусила губу, чтобы не разрыдаться.

— Он догоняет нас...— в ужасе шепнула она.

- Нет, сказал Конан. -Он понял, что на скале нас нет, и мотается теперь по лесу — пытается уловить запах. Скорее! Теперь город или смерть! Да он любое дерево выворотит, если мы туда заберемся! Только бы ветер не переменился!

Лес перед ними начал редеть, а позади оставалось море мрака, откуда доносился зловещий треск — чудовище вслепую искало свои жертвы.

Равнина,— сказала Валерия.- Еще немножко, и...

- Клянусь Кромом! — выругался Конан.

О Митра! — крикнула Валерия.

Ветер прямо от них повеял в черную чащу. Тотчас ужасный рев потряс листву, и беспорядочные стук и треск сменились непрерывным грохотом. Это дракон, подобно урагану, устремился в сторону своих врагов.

— Беги! — закричал Конан, и глаза его засверкали как у волка, угодившего в капкан.— Только это нам и осталось!

Морские сапоги не слишком удобны для бега, да и сами пираты неважные бегуны — таков уж их образ жизни: шагов через сто Валерия начала задыхаться и спотыкаться. А сзади слышался уже не топот, а сплошной гром — чудовище выбежало из леса на открытое пространство.

Железная рука Конана обвила ее талию и приподняла над землей. Если бы им удалось сейчас избежать клыков, ветер, возможно, снова бы переменился. Но пока он дул по-прежнему, и дракон мчался за ними, как военная галера, подхваченная тайфуном. Варвар оттолкнул Валерию с такой силой, что она пролетела несколько локтей и упала у подножия ближайшего дерева, а сам встал на пути разъяренного гиганта.

Уверенный, что смерть неизбежна, киммериец подчинился велениям инстинкта и со всей решимостью ринулся на чудовище. Он прыгнул, словно дикий кот, и нанес мощный удар, почувствовав, что меч глубоко вонзился в чешуйчатый лоб. Потом нечеловеческая сила отшвырнула его в сторону, и он отлетел локтей на полсотни, теряя дух и сознание.

Он и сам бы не мог сказать, как сумел подняться на ноги. Все мысли его были только о спутнице, беспомощно лежащей на пути разъяренного дракона. Прежде чем дыхание снова вернулось к нему, он уже стоял над ней с мечом в руке.

Она лежала там же, куда он ее толкнул, но уже пробовала подняться. Ее не коснулись ни саблевидные клыки, ни лапы, что сметали все на пути. Самого же Конана дракон, как видно, отшвырнул плечом, когда, позабыв о жертвах, понесся вперед, почуяв смертные судороги. Он так и летел, пока не столкнулся с гигантским деревом на своем пути. Сила удара была так велика, что дерево вывернулось с корнем, а из черепа чудовища вылетели не бог весть какие мозги. Дерево рухнуло на дракона, и пораженные люди увидели, как ветви и листья трясутся от конвульсий гада. Наконец все утихло.

Конан помог Валерии встать, и они побежали дальше. Через минуту они были уже на равнине, покрытой спокойным полумраком.

Конан остановился на мгновение, чтобы оглянуться на лес. Там лист не шелохнулся, птица не пискнула. Там была тишина — такая же, как до сотворения человека.

— Бежим,— сказал Конан.— Жизнь наша все еще на волоске. Если из леса выползут другие драконы...

Дальнейшего говорить не требовалось.

Город был далеко — гораздо дальше, чем казалось со скалы. Сердце болезненно колотилось в груди Валерии, лишая ее дыхания. Каждую секунду ей казалось, что сейчас из чащи вылетит новая тварь и устремится по их следу. Но ничто не нарушало тишины.

Когда от леса их отделяла уже примерно миля, Валерия вздохнула с облегчением. Уверенность начала возвращаться к ней. Солнце уже зашло, и над равниной сгущалась тьма, перебиваемая светом первых звезд. Кактусы в полумраке напоминали сказочных карликов.

— Здесь нет ни скота, ни вспаханных полей,— рассуждал Конан.— Чем же этот народ живет?

— Скотину могли на ночь загнать за ворота,— предположила Валерия.— А поля и пастбища — по ту сторону города.

— Возможно,— согласился он.— Хотя со скалы я ничего подобного не видел.

Над городом взошла луна, башни и стены зачернели в ее желтом свете. Мрачным и тревожным казался этот черный город.

Наверное, так думал и Конан, когда остановился, огляделся и сказал:

— Останемся тут. Что толку колотиться ночью в ворота — все равно не отопрут. Неизвестно, как нас встретят, так что лучше набраться сил. Поспим пару часов — и снова будем готовы биться или убегать — как придется.

Он подошел к зарослям кактуса, которые образовали как бы кольцо — обычное дело в южных пустынях. Он прорубил мечом проход и сказал Валерии:

— По крайней мере, змеи не полезут.

Она со страхом обернулась в сторону леса, находящегося в каких-нибудь шести милях.

— А если из чащи вылезет дракон?

— Будем сторожить по очереди,— ответил он, хоть и не сказал, какой в этом толк.

— Ложись и спи. Первая стража моя.

Она заколебалась, глядя на него с сомнением, но он уже сидел у прохода, скрестив ноги и уставившись во мрак, с мечом на коленях. Тогда она молча улеглась на песок посередине колючего кольца.

— Разбудишь меня, когда луна будет в зените,— приказала она.

Он ничего не ответил и даже не взглянул на нее. Последнее, что она видела перед тем, как уснуть, был силуэт его могучей фигуры, неподвижной, словно бронзовая статуя.

2. ПРИ СВЕТЕ ОГНЕННЫХ КРИСТАЛЛОВ

Валерия проснулась, дрожа от холода, и увидела, что равнина уже залита серым светом.

Она села, протирая глаза. Конан стоял возле кактуса, отрубая его мясистые листья и осторожно вытаскивая колючки.

— Ты меня не разбудил! — с упреком сказала она.— Позволил мне спать всю ночь!

— Ты устала,— сказал он.— Да, наверное, и зад весь отбила за дорогу. Вы, пираты, непривычны к лошадиному хребту.

— А как же ты сам-то?— огрызнулась она.

— Прежде чем стать пиратом, я был мунганом,— ответил он.— А они всю жизнь проводят в седле. Однако и я перехватил несколько минут сна — знаешь, как пантера, что подстерегает серну на лесной тропе.

И в самом деле, огромный варвар выглядел удивительно бодро, словно спал всю ночь на царском ложе. Вытащив колючки и очистив плотную кожу, он подал девушке толстый, сочный лист кактуса.

— Кусай, не бойся. Для людей пустыни это и еда, и питье. Когда-то я был вождем зуагиров, пустынного племени, которое живет тем, что грабит караваны.

— О боги, кем ты только не был! — со смесью недоверия и восхищения сказала она.

— Например, я никогда не был королем гиборийской державы,— он откусил здоровенный кусок кактуса.— Хоть и мечтаю об этом. И, возможно, когда-нибудь стану им — почему бы и нет?

Она покачала головой, дивясь его спокойной дерзости, и принялась за еду. Вкус не был неприятным, а влага вполне утоляла жажду. Покончив с завтраком, Конан вытер руки о песок, встал, расчесал пятерней свою черную гриву, нацепил пояс с мечом и сказал:

— Ну что ж, пойдем. Если горожане захотят перерезать нам глотки, они с таким же успехом могут сделать это и сейчас, пока солнышко не начало припекать.

Валерия подумала, что эта мрачная шутка может оказаться вещей. Она тоже встала и подпоясалась. Ночные страхи миновали, и драконы из леса казались уже смутным воспоминанием. Она смело шагала рядом с Конаном. Какие бы опасности ни ожидали их, враги будут всего лишь людьми. А Валерия из Красного Братства еще не встречала человека, способного испугать ее.

Конан смотрел на нее и удивлялся — она шла таким же, как у него, размашистым шагом и не отставала.

— Ходишь ты, как горцы, а не как моряки,— заметил он.— Ты, должно быть, аквилонка. Солнце Дарфара не сделало твою белую кожу бронзовой. Многие принцессы могли бы тебе позавидовать.

— Да, я из Аквилонии,— ответила она. Его комплименты уже не раздражали ее, а явная влюбленность была даже приятна. Если бы другой мужчина позволил ей проспать ее стражу, она бы страшно разгневалась, потому что не допускала, чтобы ей делали поблажки как женщине. Но она втайне радовалась, что Конан поступил именно так. И не воспользовался ее страхом или слабостью. В конце концов, подумала она, это необыкновенный человек.

Солнце вставало за городом, и его башни засияли тревожным пурпуром.

— При луне они черные, — бормотал Конан, и в глазах его появилась варварская покорность судьбе.— А при ясном солнце они словно кровь, и кровь, должно быть, предвещают. Ох, не нравится мне этот город!

Тем не менее они продолжали идти, и Конан отметил, что ни одна дорога с севера не вела в город.

Скот не истоптал пастбищ по эту сторону города,— сказал он. И плуг не касался этой земли много лет, а может, веков. Но смотри — здесь все же когда-то крестьянствовали.

Валерия увидела древние оросительные канавы — местами засыпанные, местами поросшие кактусами.

Она с тревогой посмотрела на город. Солнце не блестело на шлемах и копьях по стенам, трубы не трубили тревогу, с башен не доносились приказы... Тишина, такая же, как в лесу. Солнце было уже высоко на востоке, когда они остановились перед огромными воротами в северной стене, в тени вынесенного парапета. Пятна ржавчины покрывали железную оковку бронзовых створок. Отовсюду свешивалась паутина.

Их не открывали уже много лет! — сказала Валерия.

Мертвый город,— согласился Конан.— Вот почему засыпаны канавы и не тронуты поля.

Кто же построил этот город? Кто жил в нем? Куда они все ушли?

Не знаю. Может, какой-нибудь изгнанный стигийский род. Хотя нет. Стигийцы строят по-другому. Возможно, их прогнали враги или истребило моровое поветрие.

Тогда там лежат сокровища, обрастая пылью и паутиной! — сказала Валерия, в которой проснулась свойственная ее ремеслу жадность, соединенная с женским любопытством.— Сумеем мы открыть эти ворота? Давай попробуем!

Конан с сомнением поглядел на тяжелые ворота, но все же уперся в них руками и толкнул что было сил.

Страшно заскрипели заржавевшие петли, тяжкие створки подались, и Конан выпрямился, доставая меч из ножен. Валерия выглянула из-за его плеча и издала звук, свидетельствующий об удивлении.

Ибо за воротами не было ни улицы, ни площади, как обычно бывает. Ворота открывались в длинный широкий коридор, который, казалось, не имел конца. Пол в этом титаническом сооружении был выстлан квадратными плитами из странного красного камня, который, казалось, горел невидимым огнем. Стены были выложены зелеными плитами.

— Пусть я буду шемитом, если это не яшма,— сказал Конан.

— В таких количествах? — усомнилась Валерия.

— Я достаточно много награбил ее в китанских караванах, чтобы отвечать за свои слова. Это яшма!

Куполообразный потолок из ляпис-лазури был украшен гирляндами зеленых драгоценных камней, испускающих мертвенный свет.

— Кристаллы зеленого огня,— сказал Конан.— Так зовут их люди в стране Пунт. Болтают, что это окаменевшие глаза древних гадов, которых старые люди называют Золотыми Змеями. Они светятся в темноте, как кошачьи глаза. Они освещают коридор ночью, но это свет преисподней. Что ж, поглядим. А ну как найдем спрятанные сокровища?

— Закрой-ка ворота,— сказала Валерия.— Не хотела бы я удирать от дракона по этому коридору.

Конан покривился и заметил:

— Не думаю, чтобы они вообще покидали лес.

Однако просьбу выполнил и показал на сломанный засов на внутренней стороне ворот.

— То-то мне показалось, когда я толкал ворота, будто что-то треснуло. Этот засов сломан только что. Ржавчина проела его насквозь. Если люди убрались отсюда, почему же ворота были заперты изнутри?

— Тут есть другой выход,— сообразила Валерия.

Она прикидывала, когда в последний раз проникал в этот коридор солнечный свет. Однако они вскоре убедились, что солнце все же попадает сюда — в потолке были продолговатые отверстия, закрытые чем-то вроде стекла. А между ними горели зеленые кристаллы. Сверкающий пол у них под ногами отливал разными оттенками пламени. Все это напоминало дорогу, ведущую прямо в ад.

Три галереи, одна над другой, обрамленные перилами, тянулись по обеим сторонам коридора.

— В здании четыре этажа,— рассуждал Конан.— Коридор же доходит до самой крыши. Он длинный, как улица, но мне кажется, что конец уже виден.

Валерия пожала плечами.

— Значит, у тебя зрение лучше моего, хотя среди моряков я была самая глазастая.

Они наугад выбрали одну из дверей и прошли через анфиладу комнат с таким же полом, как в коридоре, и со стенами, выложенными яшмой, мрамором, слоновой костью и халцедоном и украшенными изображениями из бронзы, серебра и золота. У потолков светились таким же демоническим светом зеленые кристаллы. Пришельцы выглядели в этом свете призраками.

В некоторых комнатах освещения не было, и Конан с Валерией обходили их на всякий случай стороной.

По углам свисала паутина, но пыли не было ни на полу, ни на каменных лавках и столах. Тут и там висели шторы из того самого шелка, что зовется «китан» и считается вечным. Нигде они не нашли окон или дверей, которые выходили бы на улицу или на площадь. Всякая дверь вела в следующую палату.

— И что это мы никак не доберемся до улицы,— удивлялась Валерия.— Это здание такое же огромное, как гарем туранского короля.

— Они не умерли от болезни,— сказал Конан, которого тоже занимала тайна опустевшего города.— Тогда бы здесь валялись скелеты. Может быть, здесь все захватили силы зла, и люди убежали. А может быть...

— Может быть, может быть!— оборвала его Валерия.— Этого мы никогда не узнаем. Посмотри на эти барельефы. На них изображены люди. Что это за народ?

Конан поглядел и покрутил головой.

— Никогда не видел я ничего подобного. Что-то есть в них восточное — Вендия или Кхитай, или Косала.

— Должно быть, ты и в Косале был королем?

— Нет, но был предводителем афгулов, которые живут в Гимелианских горах у рубежей Вендии. Этот народ поддерживает Косалу. Но какого черта ее жителям строить город так далеко на западе?

На стенах были изображены стройные мужчины и женщины с тонкими, экзотическими чертами лица. Одетые в прозрачные одежды, украшенные драгоценностями, они были запечатлены во время танцев, пиршеств, любовных утех.

— Люди с востока, это наверняка,— подтвердил Конан.— Вот только откуда? Образ жизни они вели мирный, иначе тут были бы сцены стычек и боев. Поднимемся по этой лестнице.

Из комнаты, в которой они находились, поднималась вверх винтовая лестница из слоновой кости. Они поднялись на три этажа и оказались на вершине здания. Дневной свет заливал все вокруг, и бледным казался огонь зеленых кристаллов. Они заглянули в каждую дверь — и любая, за исключением одной, вела в такие же освещенные комнаты. Эта же единственная выводила в галерею, расположенную над залом меньшего размера, чем тот, с которого они начали свое путешествие.

— Проклятье! — измученная Валерия рухнула на яшмовую скамью.— Видно, те, кто жили здесь, все сокровища прихватили с собой. Хватит метаться вслепую по этим пустым палатам.

— Все верхние помещения освещены,— сказал Конан.— Хорошо бы найти окно, выходящее наружу. Заглянем-ка сюда...

— Вот ты и заглядывай,— сказала Валерия.— А я посижу здесь, пусть ноги отдохнут.

Конан исчез в дверях, противоположных тем, что вели на галерею, а девушка вытянулась на скамье, подложив руки под голову. Все эти молчащие камни и залы с пылающими гирляндами зеленых камней и искрящимся полом начали угнетать ее. Хоть бы найти выход из этого лабиринта и оказаться снаружи! Интересно, чьи ноги ступали по этим полам в минувшие века, сколько жестоких и загадочных деяний озарили своим светом мерцающие зеленые кристаллы?

Тихий шорох прервал ее мысли. Она вскочила с мечом в руке раньше, чем уяснила причину тревоги. Конан все еще не вернулся, но это были не его шаги.

Звук доносился из-за дверей, выходящих на галерею. Бесшумно двигаясь в своих сапогах из мягкой кожи, она миновала двери и, очутившись на балконе, посмотрела вниз.

Через зал пробирался человек.

Увидеть его здесь, в городе, который они считали покинутым... Прячась за каменной колонной, с нервами, натянутыми как струны, Валерия следила за таинственной фигурой.

Человек этот не походил на людей, изображенных на стенах. Чуть выше среднего роста, с очень темной кожей, но вовсе не из негритянских племен. Единственной его одеждой была набедренная повязка, перетянутая в талии широким кожаным поясом. Длинные черные волосы спадали на плечи прямыми прядями, придавая ему облик дикаря. Он был худой, но весьма мускулистый.

Но самым странным был не его облик, а поведение. Он двигался сильно пригнувшись и беспрерывно оглядываясь по сторонам. В правой руке он держал нож с широким лезвием, и лезвие это дрожало, как бы живя собственной жизнью. Человек был полон страха, он вел себя так, словно какая-то огромная опасность угрожала ему. Когда он обернулся в ее сторону, Валерия увидела, как из-под черных прядей блеснули дикие глаза.

Он не заметил ее, бесшумно пересек зал и исчез за дверью. Через минуту она услышала сдавленный крик — и снова все стихло.

Подгоняемая любопытством, она пролетела через галерею и достигла дверей, расположенных как раз над теми, куда вошел незнакомец. Они открывались в другую галерею, окружающую просторный зал. Зал этот был на втором этаже и потолок его был ниже, чем купол большого зала. Освещали помещение только огненные кристаллы, и свет их не мог пробить тень балконов.

Глаза Валерии расширились. Человек, которого она увидела, все еще оставался здесь. Он лежал лицом вниз на темно-пурпурном ковре посередине зала, широко раскинув руки. Рядом валялся кривой нож.

Что это с ним, подумала она, но глянула на ковер — и все поняла. Там, где лежал человек, ковер был другого оттенка.

Дрожа, она укрылась за балюстрадой, стараясь разглядеть, что таится в тени под балконом.

И тут на сцене появился еще один персонаж этой мрачной драмы. Человек, похожий на своего предшественника, выскользнул из противоположной двери.

Когда он увидел тело, распростертое на полу, глаза его сверкнули, и он произнес что-то вроде «хицмек». Лежащий не шелохнулся.

Пришелец подбежал к нему, склонился и, ухватив за плечо,

перевернул на спину. Сдавленный крик вырвался из его груди, когда он увидел, что голова почти отделена от туловища.

Пришелец бросил тело и вскочил, дрожа, как осиновый лист. Лицо его напоминало серую маску. Готовый к бегству, он почему-то окаменел и широко открыл глаза.

Во тьме под балконом появилась светлая точка и начала расти — этот демонический пламень не походил на свет зеленых кристаллов. Тут у Валерии зашевелились на голове волосы — в воздухе, едва различимый в пульсирующем сиянии, висел человеческий череп необычных очертаний, и светился именно он.

Человек внизу стоял неподвижно, как символ парализующего всякую волю страха, не отрывая взгляда от призрака. Призрак же отделился от стены, сопровождаемый причудливой тенью. Малопомалу эта тень приобрела очертания человеческой фигуры, грудь и руки которой белели во тьме, словно голые кости. Череп расположился на ее широких плечах и продолжал сковывать взглядом своих глазниц пришельца. А тот стоял, как мумия, с бесполезным ножом в руке. Казалось, некий маг обрушил на него всю мощь своего колдовства.

И тогда Валерия поняла, что здесь действует не только страх. Что-то было в этом пульсирующем сиянии такое, что лишало человека возможности мыслить и двигаться. Даже она, находящаяся сейчас в относительной безопасности в своем укрытии, почувствовала внезапное влияние этой силы, которая, казалось, способна была лишить рассудка.

Кошмарное творение подползало к своей жертве, и та, наконец, сдвинулась с места — но всего лишь за тем, чтобы бросить оружие и упасть на колени, закрыв лицо руками. Несчастный беспомощно ожидал удара сабли, которая сверкнула в руке призрака, стоящего над ним, словно смерть, торжествующая над жизнью.

И тут Валерия подчинилась первому же порыву своей непредсказуемой натуры. Одним тигриным прыжком она перемахнула балюстраду и очутилась внизу, за спиной кошмарной фигуры. Та повернулась было на шум, но поздно: меч Валерии уже ударил, и владелица облегченно вздохнула, когда поняла, что лезвие вонзилось всего лишь в тело простого смертного.

Призрак издал булькающий звук и упал — с перерубленным плечом, грудью и позвоночником. Пылающий череп покатился по полу, открыв черную гриву волос и темное лицо, искаженное предсмертной гримасой. Под страшной маской был человек — такой же, что скорчился в ужасе на полу.

Тот поднял голову и посмотрел ошалелыми глазами на белокожую девушку, стоящую с окровавленным мечом в руке над телом его врага.

Он встал, пошатываясь и бормоча что-то, словно тронулся умом. Велико же было его удивление, когда женщина поняла его: он говорил по-стигийски, хотя и с незнакомым выговором.

— Кто ты? Откуда ты взялась? Что ты делаешь в Ксухотле? Но все равно ты друг — неважно, богиня ты или демон. От твоей руки пал Пылающий Череп! И под ним скрывался человек! А мы-то думали, что это демон, которого они вызвали из подземелий... Слышишь?

Он прервал свою бессвязную речь и застыл, прислушиваясь. Девушка не слышала ни звука.

— Нужно торопиться,— прошептал он.— Они находятся к западу от Большого Зала и могут нас окружить. Может быть, они уже подползают!

Он с силой ухватил ее за предплечье.

— Кто же эти «они»? — спросила Валерия.

Он поглядел на нее, словно дивясь бездне ее невежества.

— Они? — он даже начал заикаться.— Ну ясно, народ Ксоталанка! Клан человека, убитого тобой. Они селятся вблизи восточных ворот.

— Значит, город населен?! — воскликнула она.

— Населен, населен,— он крутился на месте от нетерпения. Идем отсюда! Быстрее! Нам нужно вернуться в Текультли!

— Это еще куда?

— Это у западных ворот! — он снова ухватил ее за предплечье и потянул к двери, из которой вышел. Крупные капли пота выступили у него на лбу, а в глазах снова светился ужас.

— Погоди! — рявкнула она и бросила его руку. — Держись подальше, а то голову размозжу! Что тут за дела? Кто ты такой? Куда ты меня тащишь?

Он с трудом взял себя в руки и, беспокойно озираясь, заговорил быстро-быстро — так что слова его сливались в невразумительный поток:

— Зовусь я Техотль. Родом из Текультли. Я и тот, кто лежит там с перерезанным горлом, пришли в Зал Молчания в надежде подстеречь пару ксоталанцев. Мы разделились, а когда я вернулся сюда, то застал его зарезанным. Это сделал Пылающий Череп. Он и со мной точно так же расправился бы, если бы не ты. Но он мог быть не один. Вероятно, сюда пробрались и другие ксоталанцы! Даже сами боги содрогаются при мысли о том, что ждет людей, живыми попавшими в руки этого народа!

Тут его заколотило, как в лихорадке, а темное лицо стало пепельным.

Валерия глянула на него искоса. В этой болтовне ей чудился все же какой-то скрытый смысл.

Она повернулась к черепу, который все еще светился и мигал на полу, и хотела пнуть его сапогом, но человек, назвавшийся Техотлем, с визгом выскочил вперед.

— Не прикасайся к нему! Даже не гляди на него! Это смерть и безумие! Колдуны из Ксоталанка знают его секрет — они нашли его в подземельях, где покоятся останки грозных владык, правивших Ксухотлем в прошлые черные века. Один взгляд на него мо-

жет заморозить кровь человека и высушить его мозг, а уж от прикосновения непременно сойдешь с ума и погибнешь!

Она поглядела на него мрачно и недоверчиво. Ей не нравились ни его жилистая фигура, ни змееподобные кудри. А в глазах, помимо постоянного страха, светилось еще что-то, чего не встретишь во взгляде нормального человека. Но предостережения звучали вполне разумно.

— Пойдем! — он протянул к ней руку, но вовремя отдернул, вспомнив предупреждение.— Ты здесь чужая. Я не знаю, как ты попала сюда, но богиня или демон, пришедшие на помощь народу Текультли, не стали бы задавать столько вопросов. Должно быть, ты из-за великого леса — оттуда пришли и наши предки. Но все же ты друг, раз убила моего врага. Пойдем быстрее, не то ксоталанцы найдут нас и разрубят на куски!

Она перевела взгляд с его вспотевшего, взволнованного лица на отвратительный череп, светившийся на полу возле трупа. Череп, несомненно, был человеческий, но странно деформированный. Существо, которому принадлежал он при жизни, должно было выглядеть чудовищным, неземным. При жизни? Похоже, что и сам череп представляет собой некую форму жизни. Он обернулся в сторону Валерии и щелкнул челюстями. Свечение стало ярче, живее, и появилось какое-то чувство нереальности происходящего, словно все было во сне... из которого ее вырвал настойчивый голос Техотля:

— Не смотри на череп! Не смотри на череп! — и голос этот доносился из какой-то неизмеримой пустоты.

Валерия тряхнула головой. Зрение вернулось к ней.

Техотль быстро говорил:

— При жизни он вмещал страшный мозг — мозг короля чернокнижников! И до сих пор тлеет в нем жизнь!

С проклятием Валерия прыгнула, как пантера, и череп рассыпался под ее мечом на сотни пылающих обломков. Где-то в зале — а быть может, и в космической пустоте или в туманных областях ее подсознания — нечеловеческий голос завыл от боли и ярости.

Техотль бил ее по плечу и кричал:

— Ты разбила его! Ты его уничтожила! Никакое черное искусство ксоталанцев не вернет его к жизни! Бежим отсюда! Бежим теперь быстрей!

— Я не могу уйти,— возразила она.— Где-то поблизости мой товарищ и я...

Она осеклась, увидев, как расширяются его глаза и бледнеет лицо. Она обернулась. Четверо мужчин вошли в четверо разных дверей, окружая ее и Техотля.

Они были похожи на туземцев, встреченных ею ранее,— те же узловатые мышцы на худых руках и ногах, те же гладкие вороные волосы, то же самое безумие в широко раскрытых глазах. Одеты

и вооружены они были так же, как Техотль, но на груди у каждого висело изображение белого черепа.

Не было ни вызывающих речей, ни боевого клича. В молчании бросились воины Ксоталанка на своих врагов. Техотль встретил их с мужеством отчаяния. Он уклонился от удара сабли, и, обхватив своего противника, бросил его на пол, где они продолжали борьбу в мертвой тишине.

Трое оставшихся окружили Валерию. Глаза у них были красные, как у бешеных собак.

Первого, оказавшегося в пределах досягаемости, она убила так быстро, что он не успел даже нанести удар. Длинный прямой меч разбил ему череп.

Она сошла с линии удара, отражая летящую сверху саблю. В глазах ее плясали огни, а губы искривила жестокая улыбка. Это снова была Валерия из Красного Братства, и звон стали звучал для нее, как свадебная песнь.

Меч ее разминулся с лезвием, выставленным для защиты, и на две ладони вонзился в живот, перетянутый кожаным поясом.

Раненый застонал и опустился на колени, но его рослый товарищ в грозном молчании обрушил на Валерию такой ураган ударов, что она не успела контратаковать и хладнокровно отступала, парируя удары и выжидая удобного момента. Не мог же ее противник выдержать долго такого темпа. Вот ослабнет его рука, перехватит ему дыхание — тогда она без труда найдет дорогу к его сердцу.

Она глянула в сторону и увидела, что Техотль сидит на своем противнике и пытается освободить из его захвата руку с кинжалом.

Пот выступил на лбу воина, сражавшегося с нею, глаза пылали как угли. Валерия отражала самые сильные удары. Он стал лихорадочно дышать и промахиваться. Она отступила назад, заманивая его,— и вдруг почувствовала, что ее схватили за ноги. Она забыла о раненом, валявшемся на полу...

Он стоял на коленях, обхватив обеими руками ее ноги, а его товарищ издал торжествующий вопль и начал обходить Валерию слева. Она судорожно пыталась вырваться, но безуспешно. От того, кто держал ее за ноги, можно было избавиться одним ударом меча, но рослый воин не давал ей возможности нанести этот удар. Раненый вцепился зубами в ее ногу, как зверь.

Она опустила левую руку и ухватила его за длинные волосы, запрокидывая голову назад, и увидела, как блестят его зубы и выпученные глаза. Гневно зарычал высокий ксоталанец и прыгнул, изо всех сил нанося удар. Она отразила его, но так неловко, что собственный меч плашмя ударил ее по лбу — аж искры посыпались. Снова поднялось оружие врага, издавшего торжествующий рев, но тут за его спиной выросла огромная фигура, и блеснула сталь. Оборвался крик воина, и он пал, как бык под топором мясника,— мозги вылетели из головы, разрубленной до плеч.

— Конан! — прохрипела Валерия. В порыве гнева она обернулась к противнику, чьи волосы держала в левой руке.

— Проклятый пес! — лезвие ее меча свистнуло в воздухе, и безголовое туловище сползло на пол. Отрубленную голову Валерия швырнула на середину зала.

— Что здесь, черт побери, происходит? — Конан, стоящий над трупом своей жертвы, в изумлении оглядывался.

Техотль встал над дрожащим телом последнего ксоталанца, отряхивая кровь с кинжала. Он был ранен и смотрел на Конана с неменьшим изумлением.

— Что все это значит? — повторил Конан, который был ошеломлен тем, что застал Валерию, бьющуюся смертным боем со странными людьми в городе, казавшемся ему безлюдным.

Вернувшись из бесплодного путешествия по верхним помещениям и не найдя Валерии в условленном месте, он пошел на шум сражения.

— Пять убитых псов! — восклицал Техотль, и глаза его сияли сатанинским блеском. — Пятеро убитых! Пять пурпурных гвоздей в черной колонне! О, спасибо вам, кровавые боги!

Он воздел руки вверх и, подобный демону, стал плевать на врагов и топтать их.

Его свежеиспеченные союзники смотрели на него с недоумением, и Конан спросил по-аквилонски:

— Это что за ненормальный?

Валерия пожала плечами.

— Сказал, что зовут его Техотль. Из его болтовни я поняла, что его племя живет по эту сторону этого сумасшедшего города, а их враги — по другую. Думаю, нам лучше пойти с ним.

Техотль перестал плясать на трупах и прислушивался к ним, причем страх на его лице сменился торжеством.

— Теперь уходим, — шепнул он. — Поработали на славу. Пятеро мертвых псов! Мой народ хорошо встретит вас, с надлежащими почестями! Но вперед! До Текультли еще далеко. В любую минуту могут появиться ксоталанцы, и будет их многовато даже для ваших мечей!

— Веди! — буркнул Конан.

В мгновение ока оказался Техотль на лестнице, ведущей на галерею, а они пошли следом, стараясь не терять его из виду. На галерее он прошел через западную дверь и повел их через анфиладу освещенных комнат.

— Что за странный город! — бормотала Валерия. — Что здесь творится?

— А Кром его знает! — ответил Конан. — Впрочем, людей его расы я уже встречал. Они живут на берегах озера Зуад, у границ земли Куш. Это какая-то помесь паршивых стигийцев с людьми, что пришли с Востока лет двести назад. Они называют себя тлацитланами. Но, ручаюсь, этот город — не их рук дело!

К Техотлю, казалось, вернулся прежний страх, и он не умень-

шался по мере того, как они приближались к цели. Он все еще оглядывался по сторонам и прислушивался.

Невольно задрожала и Валерия. Людей она не боялась. Но странный пол под ногами, необыкновенные кристаллы над головой, от света которых только гуще становилась темнота по углам, пугливость проводника порождали в ее сердце тревогу, чувство какой-то скрытой, сверхъестественной опасности.

— Они могут оказаться между нами и Текультли,— прошептал Техотль.— Нужно быть настороже, не то угодим в засаду!

— А почему бы нам не выбраться из этого чертова дворца и не пойти по улице?— спросила Валерия.

— В Ксухотле нет улиц,— ответил проводник.— Нет ни площадей, ни дворов. Весь город представляет собой огромный дворец под общей крышей. Улицей можно назвать, разве что, Большой Зал, который тянется через весь город от южных ворот до северных. Городские ворота — единственное, что связывает нас с миром, но их не переступал ни один человек вот уже пятьдесят лет.

— И давно вы здесь живете?— спросил Конан.

— Я родился в Текультли тридцать пять лет назад. И за пределы города не переступал. Ради всех богов, двигайтесь тише! В этих залах может быть полно притаившихся демонов. Когда доберемся до Текультли, Ольмек расскажет вам обо всем.

В тишине двигались они по комнатам. Зеленые кристаллы мигали над головой, пол искрился под ногами, и Валерии казалось, что темнокожий лохматый гоблин увлекает их прямиком в ад.

Когда они проходили через самую просторную комнату, Конан приказал остановиться. Его слух дикаря был острее, чем даже у Техотля, выросшего среди этих тихих и опасных коридоров.

— Ты вправду полагаешь, что твои враги могут устроить нам засаду впереди?

— Они все время скрываются в этих палатах,— ответил Техотль.— Так же, как и мы. Залы и комнаты между Текультли и Ксоталанком — это спорные территории, ими никто не владеет. Мы называем их Залами Молчания. А почему ты спросил?

— Потому что в следующей комнате люди,— сказал Конан.— Я слышал, как сталь звякнула о камень.

И вновь дрожь схватила Техотля.

— А может, это твои товарищи?— предположила Валерия.

— Лучше не проверять,— сказал он и метнулся вбок, в комнату, из которой вели вниз ступени из слоновой кости.

— Они ведут в неосвещенный коридор,— прошипел он.— Но там они тоже могут спрятаться. Может, все это как раз и устроено, чтобы заманить нас вниз. Но вверху — наверняка ловушка. Теперь давайте быстрее!

Бесшумно, как духи, спустились они по лестнице и оказались перед входом в коридор — темный, как ночь. Прислушались — и шагнули во мрак. Мороз пробежал по спине Валерии — ей почу-

дилось, что меч нацелился ей между лопаток. Только железные пальцы Конана на плече придавали ей уверенности. Темнота была кромешной. Вытянутой рукой Валерия ощупывала стену, время от времени натыкаясь на очередную дверь. Коридор казался бесконечным.

Звук, возникший сзади, был подобен удару молнии. Валерия узнала скрип открываемой двери. Какие-то люди вошли в коридор за их спинами. И как раз в этот момент Валерия споткнулась о человеческий череп, который со стуком покатился по полу.

— Бежим! — истерически взвизгнул Техотль и понесся вниз по коридору.

Снова почувствовала Валерия, как Конан подхватил ее и потянул вслед за проводником. Киммериец не обладал ночным зрением, но инстинкт его был безошибочным. Без его помощи она давно упала бы или врезалась в стену. Топот за плечами становился все громче. Техотль вскричал:

— Лестница! За мной! Быстрее!

Рука Конана помогла Валерии сохранить равновесие на первой ступеньке винтовой лестницы. Внезапно Конан отпустил девушку и, обернувшись, стал прислушиваться — чутье подсказывало ему, что враги совсем близко. Но не только топот человеческих ног различал он!

Что-то ползло по лестнице, извивалось, шуршало и холодило воздух. Конан ударил мечом, и лезвие вонзилось в некую плоть. Он почувствовал, как что-то ледяное коснулось его ноги, а потом раздались страшные, конвульсивные удары и закричал в агонии человек.

Конан помчался вверх и оказался у дверей, к которым вела лестница. Техотль и Валерия были уже там, и, когда киммериец присоединился к ним, Техотль закрыл дверь и задвинул засов — первый засов, который увидел Конан после городских ворот.

Они очутились в хорошо освещенном помещении. Прежде чем покинуть его, Конан оглянулся и увидел, что дверь трещит и прогибается под чьими-то мощными ударами. Техотль бежал все так же быстро, но чувствовал себя уверенней, как человек, попавший в знакомые места и знающий, что друзья уже близко.

Но Конан снова перепугал его, спросив:

— Что это за скотину я зарубил там, на лестнице?

— Какой-нибудь ксоталанец,— ответил Техотль, не оглядываясь.— Я же говорю, что они кишат повсюду.

— Это не человек,— проворчал Конан.— Оно ползало и было холодное, как лед. Думаю, что разрубил его пополам. Оно бросилось на тех, кто подбегал сзади, и задушило одного.

Голова Техотля дернулась, а лицо побледнело. Он в панике ускорил бег.

— Это был Ползун! Чудовище из подземелий, которое они призвали на помощь! Что это такое — мы не знаем, но находили людей, страшно изуродованных им. Во имя Сета, скорее! Если

они пустили его по нашему следу, он будет гнаться за нами до самых ворот Текультли!

— Сомневаюсь,— буркнул Конан.— Я неплохо приложил ему на лестнице.

— Бежим! Бежим!— стонал Техотль.

Они миновали еще несколько залитых зеленым светом комнат, пересекли обширный зал и остановились перед гигантскими бронзовыми воротами.

— Текультли!— сказал Техотль.

3. НАРОД, ОБРЕЧЕННЫЙ НА МЕСТЬ

Техотль ударил кулаком в бронзовые ворота и встал боком, чтобы видеть противоположную сторону зала.

— Случалось, здесь гибли люди, которые уже чувствовали себя в безопасности,— пояснил он.

— Так чего же они не открывают?— спросил Конан.

— Они глядят на нас через Око,— ответил Техотль.— Ваш вид их озадачил.— Он громко закричал:

— Открывай ворота, Эксцелан! Это я, Техотль, со мной друзья из большого мира за лесом! Сейчас откроют,— успокоил он союзников.

— Не худо бы им поспешить,— мрачно сказал Конан.— Что-то все-таки ползет по коридору за нами.

Снова лицо Техотля стало пепельным, и он принялся изо всех сил ломиться в ворота:

— Открывайте, болваны, открывайте! Ползун преследует нас!

Он колотил еще и еще, наконец, ворота бесшумно открылись, образовав перегороженный цепью проход, в котором блестели наконечники копий и суровые внимательные глаза. Потом цепь опустилась, и Техотль, ухватив союзников за руки, буквально перетащил их через порог. Конан, оглянувшись, успел еще заметить позади чудовищные очертания змеи, ползущей медленно и тяжело. Огромное тело вытекало из двери, отвратительная голова была вся в крови и неуверенно качалась из стороны в сторону.

Когда они очутились в квадратной комнате, стражники опустили тяжелые засовы и натянули цепь. Ворота эти были способны выдержать любую осаду.

Стражников было четверо, они принадлежали к той же самой расе, что и Техотль, и были вооружены копьями и мечами. В стене возле ворот была установлена сложная система зеркал, позволявшая сквозь узкую щель в стене наблюдать за тем, что происходит перед воротами. Должно быть, это и было Око, про которое говорил Техотль.

Стражники с изумлением разглядывали пришельцев, но вопросов никаких не задавали, и Техотль воздерживался от объяснений. Страх и нерешительность покинули его.

— Идем! — торопил он своих новых друзей. Конан оглянулся на ворота.

— А те, что преследовали нас? Они не станут брать ворота штурмом?

— Они знают, что преодолеть Орлиные Ворота не в их силах. Они удрали в Ксоталанк вместе со своим ползучим дьяволом. Идемте, я провожу вас к владыкам Текультли.

Один из стражников распахнул перед ними двери в коридор, не отличавшийся от прочих помещений города. Однако было видно, что здесь обитают люди. С яшмовых стен свисали бархатные полотнища, пышные ковры устилали пурпурный пол, сиденья и диваны из слоновой кости были снабжены мягкими атласными подушками.

Коридор заканчивался разукрашенными дверями, которые никто не охранял. Техотль бесцеремонно толкнул двери и ввел товарищей в обширный зал, где человек тридцать смуглых мужчин и женщин вскочили с подушек и встретили их удивленными возгласами.

Мужчины, за исключением одного, походили на Техотля, но в женщинах, темнокожих, с дикими глазами, была своеобразная красота. Они были одеты в золотистые шаровары и короткие шелковые юбки, подпоясанные расшитыми золотом шарфами. Их черные волосы до плеч перехватывали серебряные обручи.

В креслах из слоновой кости, стоящих на яшмовом постаменте, находилась пара, отличавшаяся от всех остальных. Огромный человек с необычайно широкой грудью и бычьей шеей, единственный из всех мужчин, обладал роскошной серебристо-черной бородой до пояса. Одежда его была из пурпурного шелка, широкие рукава обнажали мускулистые руки.

Сидящая рядом с ним женщина вскочила с приглушенным криком и, едва взглянув на Конана, устремила пылающий взгляд на Валерию. Она была высокой, гибкой — и, несомненно, самой красивой в этом зале. Одеждами она была не слишком отягощена — два куска алой с золотом материи заменяли ей юбку. Повязка на груди и обруч на волосах были украшены бриллиантами. И только у нее, единственной из всего этого смуглого народа, не было обычного безумия в глазах.

Она не проронила ни слова и только стояла со стиснутыми кулаками, вглядываясь в Валерию.

Человек на троне из слоновой кости не выразил никаких чувств.

— Князь Ольмек! — обратился к нему Техотль и поклонился, широко раскинув руки. — Я привел союзников из мира за лесом. В Зале Тецкоти Пылающий Череп убил моего товарища Хицмека...

— Пылающий Череп! — по залу прошел испуганный ропот.

— Именно так! Я вернулся и увидел Хицмека, лежащего с перерезанным горлом. И, прежде чем я опомнился, Пылающий

Череп напал на меня. Я глянул на него, и кровь застыла в моих жилах, и мозг растаял в моих костях. Я не мог ни бежать, ни сражаться — только ожидал удара. И тогда появилась эта белокожая женщина и зарубила его своим мечом. Слушайте — это был всего лишь пес из Ксоталанка, покрасивший свою шкуру в белый цвет и напяливший на голову череп древнего колдуна! Теперь этот череп разлетелся на сто кусков, а тот, кто его носил, мертв!

Неописуемая жестокая радость звучала в последних его словах, и дикие вопли слушателей вторили ей.

— Это еще не все! — вскричал Техотль. — Слушайте дальше. Когда я заговорил с ней, на нас напали четверо ксоталанцев! Я убил одного — вот рана, оставленная им, она сама говорит о жестоком бое. Двоих убила она. Но нам уже плохо приходилось, когда в борьбу вступил этот воин и разбил голову четвертому! Да! Пять гвоздей с алыми шляпками вобьем мы в столб мести!

Он указал на колонну из черного дерева, поднимавшуюся над тронным постаментом. Сотни красных точек покрывали ее отшлифованную поверхность — ярко-алые шляпки больших медных гвоздей, вбитых в черное дерево.

— Пять красных гвоздей за пять ксоталанских жизней, — ликовал Техотль, и страшная радость, написанная на лицах людей, лишала их человеческого облика.

— Кто эти люди? — спросил Ольмек низким голосом, напоминавшим отдаленный рев буйвола. Никто из обитателей Ксухотля не говорил громко, словно тишина пустых комнат и безлюдных залов царила и в их душах.

— Я Конан из Киммерии, — ответил варвар. — А эта женщина — Валерия из Красного Братства, аквилонская пиратка. Мы дезертировали из армии на границах Дарфара и хотим добраться до побережья.

— Вы никогда не доберетесь до побережья! Из Ксухотля нет выхода! Остаток жизни вы проведете в этом городе.

Женщина на троне говорила это громко и быстро.

— Что ты имеешь в виду? — прорычал киммериец, положил ладонь на рукоять меча и встал так, чтобы видеть весь зал. — Или вы считаете нас пленниками?

— Ты не так ее понял, — вмешался Ольмек. — Мы ваши друзья. И не задержим вас против воли. Но, боюсь, обстоятельства не позволят вам покинуть Ксухотль.

Он глянул на Валерию и быстро опустил глаза.

— Эта женщина, — сказал он, — зовется Таскела, она княгиня народа Текультли. А теперь подайте нашим гостям еду и питье — без сомнения, они голодны после дальней дороги.

И он указал на стол из слоновой кости. Наши искатели приключений обменялись взглядами и сели за стол. Киммериец был полон подозрений: его суровые голубые глаза неустанно шныряли

по залу, а меч был под рукой. Тем не менее от угощения и выпивки он не отказался.

И все сильнее притягивала его взгляд Таскела, хотя сама она упорно продолжала рассматривать белотелую спутницу Конана.

Техотль перебинтовал свою рану куском шелка и тоже уселся за стол, чтобы ухаживать за своими новыми друзьями. Он внимательно рассматривал всякое блюдо или напиток и все пробовал сам, прежде чем подать гостям. Пока они подкреплялись, Ольмек в молчании глядел на них из-под густых черных бровей. Рядом, уперев подбородок в ладони, сидела Таскела. Ее черные, загадочные глаза, наполненные странным светом, ни на минуту не отрывались от гибкой фигуры Валерии. Позади трона красивая, но мрачная девица медленно качала опахалом из страусиных перьев.

На закуску подали причудливые плоды, неизвестные путешественникам, но вкусные. Легкое красное вино также имело особый острый привкус.

— Вы пришли издалека,— сказал наконец Ольмек.— Я читал книги наших отцов. Аквилония лежит еще дальше, чем земли стигийцев и шемитов, за королевствами Аргос и Зингара, а Киммерия еще дальше, чем Аквилония.

— Уж такие мы с ней бродяги,— беспечно сказал Конан.

— Но вот как вам удалось пройти через лес — понять не могу,— продолжал Ольмек.— В давние времена несколько тысяч воинов едва сумели преодолеть все лесные опасности.

— Правду сказать, нам попалось одно коротконогое страшилище чуть побольше слона,— равнодушно сказал Конан, протягивая кубок, который Техотль наполнил с видимым удовольствием.— Но мы его убили, и больше никаких неприятностей не было.

Графин с вином выпал из рук Техотля и разбился об пол. Он снова побледнел. Ольмек вскочил, все остальные в испуге и удивлении глядели друг на друга. Некоторые опустились на колени. Только Таскела была равнодушна — Конан с удивлением отметил и это.

— В чем дело? — спросил он.— Что вы на меня уставились?

— Ты... Ты убил бога-дракона?

— Бога? Дракона убил, точно. А что, нельзя было? Ведь он же собирался нас сожрать.

— Но драконы бессмертны! — воскликнул Ольмек.— Можно победить подобного себе, но никогда еще ни один человек не убивал дракона. Тысячи воинов, которых наши отцы вели в Ксухотль, не могли с ними справиться! Мечи ломались об их чешую, как щепки!

— Вот если бы ваши предки догадались вымочить копья в ядовитом соке яблок Деркето,— набив рот, учил Конан,— а потом воткнули бы в драконий глаз или пасть, то быстро бы убедились, что драконы не более бессмертны, чем всякое другое ходячее

мясо. Дохлятина эта лежит на самом краю леса. Если не верите — сходите и посмотрите.

Ольмек глядел на него с огромным удивлением.

— Именно из-за драконов наши предки укрылись в Ксухотле,— сказал он.— Они не решились пересечь равнину и снова углубиться в джунгли. Но и без того десятки их погибли в пастях чудовищ, прежде чем дошли до города.

— Значит, это не ваши предки возвели Ксухотль?— спросила Валерия.

— Он был здесь, когда мы впервые пришли сюда. И даже его выродившиеся жители не знали, сколько лет он простоял.

— Твой народ пришел сюда с озера Зуад?— спросил Конан.

— Да. Больше полувека тому назад племя Тлацитлан восстало против стигийского короля и, потерпев поражение, бежало на юг. Долгие недели шли они через саванны, холмы и пустыни, пока не вступили в огромный лес. Шли тысячи воинов с женами и детьми.

И в этом лесу напали на них драконы, и многих разорвали на куски. И народ бежал в страхе перед ними до самой равнины, посередине которой стоял город Ксухотль.

Они встали лагерем под стенами, не решаясь покинуть равнину, ибо из леса доносились звуки междоусобной битвы чудовищ. Но на равнину они не выходили.

Обитатели города закрыли ворота и осыпали нас стрелами со стен. И эта равнина стала тюрьмой племени Тлацитлан, потому что возвращение через джунгли было бы безумием.

И в первую же ночь в лагерь тайком явился раб из города, человек здешней крови. В молодости он вместе со своим отрядом заблудился в лесу и всех, кроме него, сожрали драконы. В город его пустили, но сделали рабом. Звали его Толькемек.

Глаза его загорелись при звуках этого имени, а многие в зале принялись плеваться и бормотать проклятия.

— Он пообещал нашим воинам открыть ворота, а взамен потребовал подарить ему всех, кого возьмут в городе живьем.

Перед рассветом он открыл ворота. Воины хлынули внутрь, и залы Ксухотля залились кровью. В городе жило лишь несколько сотен людей, жалкие остатки великого народа. Толькемек говорил, что они пришли сюда давным-давно, из Старой Косалы, когда предки тех, что населяют Косалу ныне, вторглись с юга и прогнали тамошних жителей. Они долго шли на запад, пока не нашли эту окруженную лесами равнину, населенную племенем черных.

Негров они обратили в рабство и стали возводить город. В восточных горах они добывали и яшму, и мрамор, и ляпис-лазурь, и серебро, и золото, и медь. Истребили слоновьи стада ради клыков. Когда строительство было закончено, всех рабов перебили. Их волшебники укрепили безопасность города с помощью своей чудовищной магии: они воскресили драконов, что некогда населяли эти места и чьи кости можно найти в джунглях. Они одели эти

кости плотью и вдохнули в них жизнь, и чудовища снова пошли по земле, как во времена, когда мир был молод. Но заклятие магов держало их в лесу, не пуская на равнину.

Много столетий жил народ Ксухотля в своем городе, обрабатывая поля за стенами, покуда мудрецы не научились выращивать овощи, которые вовсе не требуют почвы и черпают все необходимое прямо из воздуха. Так высохли оросительные каналы, и так началось разложение общества. Они уже были вымирающей расой, когда наши предки прорубились сквозь джунгли на равнину. Великие волшебники к тому времени уже умерли, а их заклинания были забыты. Они не смогли противопоставить нам ни магию, ни меч.

И наши предки перебили их, оставив около сотни для Толькемека, бывшего некогда рабом. Много дней и ночей разносились по городу их вопли и стоны...

Некоторое время племя Тлацитлан жило в мире и покое под началом двух братьев — Текультли и Ксоталанка совместно с Толькемеком. Он к тому времени женился на девушке из наших. Мы были благодарны ему за открытые ворота. Кроме того, он знал места, где были спрятаны сокровища. Потому и делил власть с братьями.

Так проходили мирные годы. Мы только ели, пили, любили друг друга и воспитывали детей. Обрабатывать поля было не нужно, ибо Толькемек научил нас искусству выращивать плоды и овощи без земли. Кроме того, падение города и гибель его прежних жителей уничтожили силу заклятия, которое удерживало драконов в лесу. По ночам эти твари бродили у самых ворот и страшно завывали.

Вся равнина была залита кровью после их схваток, и вот тогда...

Он прикусил язык на полуслове, но сразу же продолжил рассказ. Но Конан и Валерия поняли — он пропустил что-то, чего они не должны были знать.

- - Пять лет продолжался мир. А потом...— взгляд Ольмека на какое-то мгновение коснулся сидящей рядом с ним женщины.- - А потом Ксоталанк взял в жены женщину, о которой мечтали и Текультли, и старый Толькемек. И вот безумный Текультли похитил ее, а Толькемек помогал ему, желая досадить Ксоталанку. Тот потребовал, чтобы ему возвратили жену, но совет племени решил, что выбор остается за женщиной. Она решила остаться с Текультли. Разгневанный Ксоталанк попытался отбить ее силой, и телохранители обоих братьев схватились в Большом Зале.

Пролилась кровь с обеих сторон. Спор перешел во вражду, вражда — в открытую войну. На три части разделилось племя в дни этой смуты. Еще раньше, в мирные дни, город был поделен властителями между собой. Текультли занимал западную часть, Ксоталанк восточную, Толькемек — район южных ворот. Так образовались три военных лагеря.

Злоба, ненависть и ревность породили кровь, насилие и убийство. Раз извлеченный меч не мог уже вернуться в ножны. Текультли враждовал с Ксоталанком, а Толькемек помогал то одному, то другому, предавая их, когда ему это было выгодно. В конце концов Текультли и его народ отступили к самым западным воротам, где мы живем и теперь. Ксухотль имеет форму овала. Текультли, территория, взявшая имя от своего князя, занимает западную часть этого овала. Мы замуровали все проходы, соединяющие этот квартал с остальным городом, оставив лишь по одной двери на каждом этаже. Потом народ Текультли спустился в подземелье и стеной отделил их западную часть. И стал жить, как в осажденной крепости, делая вылазки против врага.

И люди Ксоталанка в восточной части города поступили таким же образом, и люди Толькемека в южной. Центр города остался ничьим и незаселенным. И стали эти пустые залы и комнаты полем сражения и местом вечного страха.

Толькемек повел войну с обоими кланами. Он был куда страшнее Ксоталанка — истинный демон в человеческом обличье. Ему были ведомы многие тайны города, и он никогда не открывал их пришельцам. Путешествуя по тайникам и подземельям, он украл у мертвых их страшные секреты, секреты древних повелителей и магов, о которых забыли даже перебитые нашими предками выродки. Но вся его магия оказалась бессильной в ту памятную ночь, когда мы взяли его укрепления и перебили всех его сторонников, а самого обрекли на долгую, долгую пытку.

Голос Ольмека перешел в нежный шепот, и в глазах засияла такая радость, точно он видел эту сцену перед собой, и она доставляла ему неслыханное наслаждение.

— Ах, мы поддерживали в нем жизнь, так что он мечтал о смерти, как о любимой жене. А потом взяли его еще живого из камеры пыток и бросили в подземелье — пусть-де крысы обгложут его кости. Но он умудрился сбежать из своей темницы в подземные коридоры. Без сомнения, он сгинул там, поскольку единственный выход оттуда ведет в Текультли, и оттуда с тех пор никто не выходил. Даже костей его не нашли, и поэтому самые темные и суеверные в нашем народе утверждают, что дух его все еще блуждает в подземельях, завывая среди скелетов. Люди Толькемека были вырезаны двенадцать лет назад, но продолжается и все более яростной становится война между Текультли и Ксоталанком, и кончится она лишь тогда, когда падут последний мужчина и последняя женщина.

Полвека назад украл Текультли жену Ксоталанка. Полвека длится вражда. Я появился на свет в самый разгар войны, как и все прочие в этом зале, не считая Таскелы. И, думаю, умрем раньше, чем она закончится.

Мы погибающий народ, как и те несчастные жители Ксухотля. Когда началась война, нас было сотни с каждой стороны. А теперь весь народ Текультли перед тобой — кроме тех, что стерегут

ворота. Сорок человек — вот и весь клан. Сколько ксоталанцев, мы не знаем. Вряд ли намного больше. За последние пятнадцать лет у нас не родилось ни одного ребенка, у наших врагов тоже.

Мы погибаем, но, прежде чем исчезнуть окончательно, зарежем столько ксоталанцев, сколько дозволят боги.

И долго еще рассказывал Ольмек с безумно блестящими глазами об этой ужасной войне, что велась в тихих комнатах и мрачных залах при свете зеленых кристаллов на плитах, пылавших адским огнем и еще более красневших время от времени. Целое поколение утонуло в этих лужах крови. Давно был мертв Ксоталанк, зарубленный в жестокой битве на лестнице из слоновой кости. И Текультли не было в живых — разъяренные ксоталанцы поймали его и сняли с него кожу.

Без всякого волнения повествовал Ольмек о страшных сражениях в черных коридорах, о засадах на винтовых лестницах, о чудовищной резне. Все более яркий красный огонь разгорался в его темных бездонных глазах, когда он рассказывал о людях, с которых живьем снимали кожу, о разрубленных и разорванных на части, о пленниках, жутко воющих в камерах пыток. И это было так отвратительно, что даже видавшему виды варвару-киммерийцу стало тошно. Неудивительно, что Техотль трясся от страха, что враги его поймают! Но все-таки решился на вылазку — значит, ненависть в них сильнее страха.

А Ольмек продолжал рассказ о делах страшных и таинственных, о чарах и заклинаниях, похищенных в черной бездне катакомб, о необыкновенных существах, вызванных врагами из темноты для ужасного союза. Здесь у ксоталанцев было преимущество — именно под их владениями покоились останки самых могущественных чародеев древнего Ксухотля и вместе с ними — их бессмертные секреты.

Валерия слушала все это, и ее охватывал ужас. Вражда стала той организующей силой, которая неустанно толкала народ Ксухотля к окончательной гибели. Вражда была смыслом всей их жизни. Во вражде приходили они на свет, а покидая его, верили, что она будет продолжаться и после их смерти. Они покидали свою крепость и пробирались в Залы Молчания только для того, чтобы убивать и быть убитыми. Иногда они возвращались из похода, ведя обезумевших пленников или принося кровавые трофеи победителей. Иногда не возвращались вовсе, и тогда вражеские руки перебрасывали их рассеченные тела через бронзовые ворота.

Жуткую, неестественную, чудовищную жизнь вели эти люди, отрезанные от остального мира, заключенные в одну клетку, словно крысы, годные лишь для того, чтобы нападать, калечить и убивать.

Во время речи Ольмека Валерия постоянно чувствовала на себе неотступный взгляд Таскелы. Казалось, она не слышит бородатого гиганта. Все эти победы и поражения ее словно бы и не каса-

лись, и это казалось Валерии еще более страшным, чем неприкрытая жестокость Ольмека.

— И мы не можем покинуть город,— говорил Ольмек.— Вот уже пятьдесят лет никто не покидал его, кроме...— он снова оборвал себя и через минуту продолжил:

— Даже если бы и не было никаких драконов, мы, рожденные и выросшие в городе, не осмелимся его оставить. Никогда не было ноги нашей за стенами. Мы непривычны к открытому пространству и солнечному свету. Нет — в Ксухотле мы родились, здесь и умрем!

— Ну что ж,— сказал Конан.— С вашего позволения, мы лучше поиграем в жмурки с драконами. Ваша война нас не касается. Когда вы покажете нам дорогу к западным воротам, мы отправимся в путь.

Таскела стиснула кулаки и начала что-то говорить, но Ольмек прервал ее:

— Приближается ночь. Если вы окажетесь на равнине ночью, то наверняка попадете в лапы драконов.

— Мы уже шли по равнине ночью и даже спали на вольном воздухе, но никого не встретили,— заметил Конан.

Таскела мрачно улыбнулась:

— Вы не посмеете покинуть Ксухотль!

Конан посмотрел на нее с инстинктивной неприязнью: уж очень ему не понравилось внимание княгини к Валерии.

— Думаю, что посмеют,— сказал Ольмек.— Но, Конан и Валерия, вас же послали сами боги, чтобы последняя победа была за Текультли! Война — ваше ремесло, так почему вам не сражаться на нашей стороне? Богатств у нас накоплено сверх меры — драгоценные камни в Ксухотле такое же обычное дело, как булыжники в других городах. Некоторые привезены еще древними, а огненные кристаллы добыты в восточных горах. Поможете нам одолеть ксоталанцев — и берите, сколько унесете!

— А вы поможете нам уничтожить драконов? — спросила Валерия.— Тридцать воинов с луками и отравленными стрелами сумеют истребить всех гадов в лесу.

— Да! — не задумываясь согласился Ольмек.— Мы, правда, за годы рукопашных боев разучились стрелять из лука, но можем возродить это искусство.

— Что ты на это скажешь? — обратилась Валерия к Конану.

— Мы бродим без гроша за душой,— ухмыльнулся киммериец.— А по мне — что ксоталанцев резать, что кого другого...

— Так вы согласны? — вскричал Ольмек, а Техотль от радости захлопал в ладоши.

— Идет. А теперь не будете ли вы любезны показать нам комнаты, подходящие для отдыха, чтобы утром со свежими силами приняться за... э-э-э... работу?

Ольмек согласно кивнул и сделал знак рукой. Техотль и одна из женщин повели наемников по коридору, который начинался по

левую сторону от яшмового постамента. Валерия оглянулась и увидела, что Ольмек со своего трона провожает ее долгим и странным взглядом. Таскела шептала что-то своей угрюмой служанке, Ясале, которая приблизила ухо к самым губам княгини.

Коридор был неширокий, но длинный. В конце концов женщина остановилась, открыла дверь и жестом пригласила Валерию в ее комнату.

— Постойте! — заворчал Конан. — А я где буду спать?

Техотль указал на комнату с другой стороны коридора, на одну дверь дальше. Конан некоторое время колебался, собираясь, видимо, что-то сказать, — но Валерия опередила его: злорадно улыбнувшись, она захлопнула дверь у него перед носом. Он пробормотал что-то неодобрительное о прекрасной половине рода человеческого и пошел за Техотлем.

В разукрашенной комнате он огляделся и посмотрел вверх. Некоторые из светильников в потолке были так велики, что, если вышибить из них стекла, туда мог пролезть человек. Правда, только худенький.

— Почему же ксоталанцы не пройдут по крыше и не разобьют этих стекол?

— Разбить их невозможно, — ответил Техотль. — Кроме того, не так-то легко забраться на крышу. Там сплошные купола, башни и крутые скаты.

И, не дожидаясь дальнейших вопросов, объяснил Конану устройство «крепости» Текультли. Как и во всем городе, здесь было четыре этажа. Каждый имел свое название, словно улицы в обычном городе: этажи Орла, Обезьяны, Тигра и Змеи.

— Кто такая Таскела? — спросил Конан. — Супруга Ольмека?

Техотль задрожал и испуганно огляделся.

— Нет. Это... словом, это Таскела. Она была женой Ксоталанка — той самой, которую похитил Текультли. Из-за нее началась эта война.

— Что ты несешь? Она же молода и прекрасна. И ты хочешь сказать, что полвека назад она уже была замужем?

— Именно так! Клянусь! Она была взрослой девушкой, когда племя Тлацитлан ушло от озера Зуад. Король Стигии потребовал ее в свой гарем, поэтому Ксоталанк с братом и подняли мятеж! Она колдунья, и знает секрет вечной молодости.

— Что за секрет? — спросил Конан.

Техотль снова задрожал.

— Об этом меня не спрашивай. Я не смею говорить. Это слишком страшно, даже для этого города!

И, держа палец на губах, выскользнул из комнаты.

4. ЗАПАХ ЧЕРНОГО ЛОТОСА

Валерия отстегнула пояс с мечом и бросила его на постель. Она заметила двери, закрытые на засов, и спросила проводницу, куда они ведут.

— Эти,— сказала женщина, указывая налево и направо,— ведут в соседние комнаты. А вон та,— она показала на дверь, обитую медью,— в зал, из которого лестница идет в катакомбы. Но ты не бойся, здесь тебе ничего не грозит.

— Кто говорит о страхе?— возмутилась Валерия. — Просто я хочу знать, в каком порту бросаю якорь. Нет, я вовсе не желаю, чтобы ты спала у меня в ногах. Я не привыкла к служанкам — во всяком случае, женского пола. Ты свободна.

Оставшись одна, Валерия задвинула все засовы, сбросила сапоги и удобно растянулась на ложе. Она знала, что по другую сторону коридора Конан сделал то же самое, но женское тщеславие рисовало перед нею другую картину — рассерженный киммериец, бормоча проклятия, бродит из угла в угол. Ехидная усмешка тронула ее губы, и она стала засыпать.

Вокруг царствовала ночь. Зеленые кристаллы в залах Ксухотля горели, как глаза древних котов. Ветер завывал между мрачными башнями, словно душа грешника. По темным углам шевелились таинственные бесшумные фигуры.

Внезапно Валерия очнулась от сна. В мглистом зеленом полусвете над нею маячила неясная фигура. Валерия с удивлением поняла, что сон продолжается наяву. А снилось ей, что она лежит на ложе, и над нею дрожит и пульсирует огромный черный цветок, такой огромный, что закрывает весь светильник. Его необыкновенный запах проникал во все клетки тела и вызывал томительное и блаженное оцепенение. Она купалась в душистых волнах бездумного счастья, когда что-то коснулось лица. Нервы ее были уже настолько одурманены наркотиком, что прикосновение это показалось ей грубым ударом, вернувшим ее к действительности. И тогда она увидела не гигантский цветок, а темнокожую женщину.

Прежде чем та успела убежать, Валерия поймала ее за руку. Пришелица дралась, как дикая кошка, но, чувствуя силу соперницы, внезапно сдалась. Это была угрюмая Ясала, служанка Таскелы.

— Ты что, сто чертей, собиралась со мной сделать? Что у тебя в руке?

Женщина не ответила, но попыталась отшвырнуть какой-то предмет. Валерия вывернула ей руку, и на пол упал причудливый черный цветок на стебле цвета яшмы, большой, как человеческая голова, но маленький по сравнению с тем, который Валерия видела во сне.

— Черный лотос! — процедила она сквозь зубы.— Цветок, который вызывает глубокий сон. Ты хотела лишить меня сознания,

и это удалось бы, не задень ты моей щеки лепестком. Почему ты это сделала? Что все это значит?

Женщина продолжала угрюмо молчать.

— Говори, или я тебе руку выверну из сустава!

Ясала извивалась от боли, но отрицательно крутила головой.

— Тварь! — Валерия швырнула ее на пол. Страх и воспоминание о разъяренном взгляде Таскелы пробудили в ней животный инстинкт самозащиты. Люди в этом городе были сущими выродками. Но Валерия чувствовала за всем этим тайну более страшную, чем обычное извращение. Волна ужаса и отвращения охватила ее при мысли об этом странном городе. Обитатели его не были нормальными людьми, да и принадлежали ли они к роду человеческому? У любого из них во взгляде было безумие — у всех, кроме Таскелы. В ее жестоких и загадочных глазах таилось кое-что пострашнее.

Она подняла голову и прислушалась. Залы Ксухотля наполнялa тишина воистину мертвого города. Глаза женщины, лежащей на полу, зловеще сверкали. Панический ужас изгнал из суровой души Валерии последние остатки жалости.

— Почему ты хотела отравить меня? — прошипела она, схватив служанку за волосы. — Это Таскела тебя послала?

Ответа не было. Валерия выругалась и отвесила ей две пощечины. Ясала даже не пикнула.

— Почему ты не кричишь? — спросила разгневанная Валерия. — Боишься, что услышат? Кто услышит? Таскела? Ольмек? Конан?

Ясала не отвечала. Она сжалась в комок и глядела на свою мучительницу убийственным взглядом василиска. Валерия обернулась и сорвала горсть шнуров с ближайшей занавеси.

— Гадина! — процедила она. — Вот я сейчас стащу с тебя все тряпки, привяжу к постели и буду пороть до тех пор, пока не сознаешься, кто тебя послал и зачем!

Ясала даже не пыталась сопротивляться. Потом в комнате слышался только свист туго скрученных шелковых шнуров, врезающихся в нагое тело. Ясала не могла двинуться, тело ее извивалось и вздрагивало в такт ударам. Она только закусила губу, и из нее потекла струйка крови. И снова — ни звука.

Все новые и новые красные полосы появлялись на смуглой коже Ясалы. Валерия хлестала изо всей мочи, а рука ее была закалена в сражениях. И Ясала не выдержала.

Она тихо застонала, и Валерия остановила поднятую руку, сбросив со лба прядь золотых волос.

— Ну что, начнешь, наконец, говорить? — спросила она. — Или я должна потратить на тебя целую ночь?

— Пощади! — прошептала женщина. — Я все скажу!

Валерия разрезала держащие ее веревки и помогла встать, но служанка бессильно опустилась на ложе. Все тело ее дрожало.

— Дай вина! — попросила она умоляющим голосом и показа-

ла на золотой кубок.— Дай мне напиться. Я совсем обессилела от боли. Сейчас я тебе все расскажу.

Валерия взяла кубок. Ясала неуверенно встала, чтобы взять его, поднесла к губам и внезапно выплеснула содержимое прямо в лицо аквилонке. Валерия потеряла равновесие и отшатнулась, тряся головой и протирая кулаками глаза от едкой жидкости. Как в тумане увидела она, что Ясала пробежала через комнату, подняла засов, открыла дверь, обитую медью, и скрылась в глубине коридора. Когда Валерия добежала до двери, то увидела только пустой зал, на другом конце которого зиял черный проход. Оттуда тянуло плесенью, и Валерия вздрогнула — то были двери, ведущие в катакомбы.

Ясала искала спасения среди мертвецов.

Валерия подошла к дверям и увидела каменную лестницу, исчезающую в полном мраке. Ход этот, вероятно, вел прямо в подземелье и не был связан с другими этажами. Дрожь охватила ее при мысли о тысячах мертвых тел в истлевших саванах, что лежали там, внизу. Она вовсе не собиралась спускаться вслепую по каменным ступеням, а Ясала наверняка ориентировалась там свободно.

Она уже собралась вернуться к себе, сбитая с толку и разгневанная, когда из темноты донесся отчаянный крик. Голос был женский.

— О, помогите! На помощь! Во имя Сета! Ах-х-х! — голос затих вдали, и Валерии почудилось, что она слышит тихий смех.

Кровь застыла в жилах Валерии. Что случилось с Ясалой там, в непроглядной тьме? Несомненно, это был ее голос. Что за беда поджидала ее? Внизу спрятался ксоталанец? Но Ольмек уверял, что катакомбы Текультли отделены от остальных крепкой каменной стеной. Да, кроме того, и смех не принадлежал человеческому существу.

Валерия так заторопилась назад, что даже не закрыла дверь, ведущую в подземелье. Она добралась до своей комнаты и задвинула засов. Потом обула сапоги, подпоясалась и решила пойти в комнату киммерийца, чтобы уговорить его (если он еще жив) бежать прочь из этого дьявольского города.

Она уже открыла дверь в коридор, когда услышала в зале предсмертные стоны. Потом раздался топот бегущих ног и звон оружия...

5. ДВАДЦАТЬ КРАСНЫХ ГВОЗДЕЙ

В караульной на этаже Орла сидели двое воинов. Их небрежные позы вовсе не свидетельствовали о потере бдительности. Штурм бронзовых ворот мог начаться в любую минуту, но в течение многих лет ни одна из сторон не предприняла такой попытки.

— Чужеземцы — сильные союзники,— сказал один из воинов.— Думаю, что завтра Ольмек выступит на врага.

Он говорил, как солдат на настоящей большой войне. В маленьком мире Ксухотля любая горстка вооруженных людей считалась армией, а пустующие залы между двумя крепостями — страной, которую предстояло завоевать.

Другой воин задумался.

— Допустим, с их помощью нам удастся покончить с ксоталанцами,— сказал он наконец.— А что потом, Ксатмек?

— Как это что?— удивился Ксатмек.— За каждого из них мы вобьем по гвоздю. Пленников сожжем, обдерем заживо или четвертуем.

— А потом?— настаивал первый.— Потом, когда их не будет? Странно даже как-то — не будет с кем сражаться... Всю свою жизнь я рубился с ксоталанцами и ненавидел их. Чем я буду жить, когда вражда окончится?

Ксатмек пожал плечами. Его собственные мысли никогда не устремлялись так далеко.

Вдруг оба услышали за воротами какой-то шум.

— Ксатмек, к воротам! Я погляжу через Око...

Ксатмек с мечом в руках прильнул к воротам, напрягая слух, а его товарищ глянул в систему зеркал и увидел, что перед воротами полно людей! Мечи они держали в зубах, а уши заткнули пальцами. Один из них, с султаном из перьев, поднес к губам дудочку и, едва стражник поднял тревогу, начал играть.

Голос застыл в горле стражника, когда высокий, необыкновенный писк прошел сквозь металлические двери и коснулся его ушей. Ксатмек упал у ворот, словно парализованный. Другой воин, находившийся подальше, почувствовал угрозу в этом дьявольском свисте. Высокие звуки, словно невидимые пальцы, вонзились в его мозг, наполняя его чем-то чужим и безумным. Страшным усилием воли ему удалось сбросить чары и отчаянным голосом прокричать сигнал тревоги.

И тогда музыка изменилась, невыносимый свист стал резать барабанные перепонки. Ксатмек застонал от нестерпимой муки, и последние остатки разума покинули его. Не помня себя, он разомкнул цепь, открыл ворота и с мечом в руках бросился в зал прежде, чем товарищ успел его остановить. Тотчас же в него вонзилась дюжина клинков, и по его окровавленному телу с рычанием пронеслась ватага ксоталанцев. Их торжествующий вопль наполнил залы и комнаты Текультли.

Стражник, оставшийся в живых, выставил копье и только тут сообразил, что враг в крепости! Острие его копья вонзилось в чей-то живот, и больше он ничего не видел — удар сабли раскроил ему голову.

Крики и звон оружия разбудили Конана. Он вскочил с постели, схватил меч и, подбежав к двери, распахнул ее настежь. В коридор он вышел как раз в ту минуту, когда по нему мчался воин Текультли.

— Ксоталанцы!— рычал он.— Они в крепости!

Конан помчался по коридору и наткнулся на Валерию, которая выскочила из своей комнаты.

— Что творится, черт побери? — закричала она.

— Говорят, прорвались ксоталанцы,— сказал он.— И похоже, что это правда.

Втроем они ворвались в тронный зал. Зрелище, которое открылось им, было самым кровавым из кошмаров. Около двадцати мужчин и женщин, с изображениями белых черепов на груди, схватились с людьми Текультли. Женщины обоих кланов бились наравне с мужчинами, и пол в зале был усеян мертвыми телами.

Ольмек в одной набедренной повязке бился у подножия своего трона. Таскела прибежала из своих покоев с мечом в руке.

Ксатмек и его напарник были убиты, и поэтому никто не мог объяснить людям Текультли, каким образом враг ворвался в крепость. И тем более никто не мог объяснить причины этой безумной атаки.

Но потери ксоталанцев были большими, а положение более отчаянным, чем полагали их враги. Союзник, покрытый чешуей, был покалечен, Пылающий Череп убит, а один из четырех воинов перед смертью успел сообщить о двух белокожих рубаках, которые укрепили силы неприятеля. Этого было достаточно, чтобы привести их на грань отчаяния и бросить на врагов.

Люди Текультли оправились уже от первого шока, стоившего им нескольких жизней, и яростно сражались, а стражники с нижних этажей изо всех сил спешили, чтобы вступить в бой.

Это была битва диких собак, слепая, безжалостная, до последнего вздоха. Все больше ярко-красных пятен расцветало на пурпурном полу. Трещали столы и кресла из слоновой кости, падали бархатные шторы и тоже окрашивались красным. Это была кровавая кульминация кровавого полувека, и все это понимали.

Но исход битвы был предрешен. Люди Текультли, и так вдвое превышающие противника числом, воспряли духом, когда в бой вступили их светлолицые союзники.

А они ворвались, словно ураган, ломающий молодой лес. Сила Конана превышала силу троих тлацитланцев, и ни один из них не мог сравниться с ним в стремительности. В этой людской гуще он двигался с быстротой молнии и сеял смерть, словно волк в овечьем стаде, оставляя за собой груды искалеченных тел.

Рядом с ним с улыбкой на губах сражалась Валерия. Она превосходила силой обычного мужчину, но была много опаснее. Меч в ее руке казался живым. Если Конан повергал своих противников тяжестью и силой удара, разбивая головы и выпуская кишки, то Валерия сначала ошеломляла врага своим несравненным фехтовальным искусством. То один, то другой воин падал с пробитой грудью, не успев даже замахнуться. Конан шел по залу подобно буре, сметающей все на пути, Валерия же казалась призраком. Она постоянно меняла позицию, рубила и колола, а все мечи, на-

правленные в нее, пробивали воздух. Враги умирали, слыша ее издевательский смех.

Ни пол, ни состояние участников не имели значения в этом сумасшедшем бою. Еще до того, как Конан и Валерия ворвались в зал, пятеро ксоталанок уже лежали на полу с перерезанными глотками. Когда кто-нибудь опускался на пол, всегда наготове был кинжал для беззащитной шеи или нога, способная размозжить голову об пол.

От стены к стене, от двери к двери перекатывались волны беспощадного сражения. В конце концов на ногах остались только люди Текультли и двое белых наемников. Тупо и мертво глядели друг на друга оставшиеся в живых — жалкие обломки целого мира.

Они стояли, широко расставив ноги, их клинки были окрашены кровью и выщерблены, кровь текла по рукам, когда они смотрели друг на друга над телами изрубленных друзей и врагов. Не было ни сил, ни воздуха в груди, чтобы издать победный клич, поэтому из уст их вырывался только безумный звериный вой, подобный волчьему.

Конан схватил Валерию за руку и прижал к себе.

— У тебя рана на ноге,— буркнул он.

Она глянула вниз и только сейчас почувствовала боль. Должно быть, какой-то умирающий воин успел вонзить кинжал.

— Ты сам в крови, как мясник,— засмеялась она.

— Со мной порядок. Ничего серьезного. А вот твою ногу надо перевязать.

Широкая грудь и борода Ольмека тоже были в крови. Глаза его горели, словно отблески пламени на черной воде.

— Мы победили! — самозабвенно кричал он.— Война окончена! Ксоталанские псы мертвы! О боги, хоть бы один выжил, чтобы содрать с него кожу! Но они и так хороши. Двадцать мертвых псов! Двадцать красных гвоздей в черном дереве колонны!

— Лучше займись ранеными,— отвернулся от него Конан.— Эй, девочка, дай-ка я погляжу на твою ножку.

— Подожди! — она нетерпеливо оттолкнула его руку. Пламя борьбы все еще пылало в ее душе.— Вы уверены, что все лежат здесь? Что, если на нас нападут с другой стороны?

— Они не стали бы разделять клан перед таким походом,— сказал Ольмек. Рассудок помаленьку возвращался к нему. Без своих пурпурных одежд он походил скорее на обезьяну-людоеда, чем на князя.— Клянусь головой, мы положили их всех. Их было меньше, чем я думал, и вело их отчаяние. Но каким образом они проникли в крепость?

К ним подошла Таскела, вытирая меч о бедро. В руке она держала предмет, найденный возле трупа вождя ксоталанцев — того самого, с султаном из перьев.

— Флейта безумия,— сказала она.— Один из воинов сказал мне, что Ксатмек открыл врагам ворота и бросился на них — воин

сам это видел и даже слышал последние звуки этой мелодии, которая, как он сказал, заледенила его душу. Толькемек много рассказывал об этой флейте. Жители Ксухотля поклонялись ей, потом она лежала в гробнице какого-то древнего мага. Каким-то образом эти псы нашли ее и сумели использовать.

— Кому-то нужно пойти в Ксоталанк и убедиться, что никто не остался в живых,— сказал Конан.— Я и сам пойду, если найдется проводник.

Ольмек посмотрел на остатки своего народа. Выжило лишь два десятка, да и большинство из них лежали на полу. Таскела была единственной, кто вышел из боя без царапин, хотя она сражалась так же яростно, как все.

— Кто пойдет с Конаном в Ксоталанк?— спросил Ольмек.

Приковылял Техотль. Рана на его бедре снова открылась, а на груди зияла свежая.

— Я пойду!

— Ты не пойдешь,— возразил Конан.— И ты не пойдешь, Валерия, ты потеряла много крови.

— Тогда пойду я,— сказал воин, перевязывавший себе руку.

— Хорошо, Янат. Ступай с киммерийцем. И ты тоже, Топал,— Ольмек указал на еще одного воина, который был лишь слегка оглушен.— Но сперва помогите поднять раненых, чтобы ими могли заняться.

Все было сделано быстро. Когда Конан склонился над женщиной с разбитой головой, борода Ольмека коснулась уха Топала. Варвар заметил это, но виду не подал. Через минуту все трое покинули зал.

Проводники со всеми предосторожностями провели Конана через зал за воротами и через анфиладу комнат, залитых зеленым светом. Никого не встретили они, не услышали ни малейшего шума. Когда воины подошли к Большому Залу, что пересекал город с севера на юг, то стали еще более осторожными: ведь они находились на вражеской земле. Но и следующие залы были пусты — до самых бронзовых ворот, похожих на Ворота Орла в Текультли. Ворота отворились неожиданно легко.

Со страхом смотрели воины Текультли на зеленый зал. Вот уже пятьдесят лет никто из их племени не попадал сюда иначе, как пленный, обреченный на мучительную смерть. Не было горшей участи для жителя западной крепости, чем попасть в Ксоталанк. Кошмар плена преследовал их с самого детства. Для Яната и Топала эти ворота были Вратами Ада.

Конан оттолкнул спутников и вступил в Ксоталанк.

С опаской они двинулись за ним, поминутно озираясь. Но тишину нарушало лишь их собственное дыхание.

За воротами была такая же караульная, и ход из нее вел в такой же тронный зал, как у Ольмека. Конан вошел туда, глянул на ковры, диваны и шторы и стал внимательно прислушиваться. Ни

звука. Комната была пуста. Он уже не верил, что в Ксухотле остался хоть один живой ксоталанец.

— Пошли,— сказал он и пошел в тронный зал.

Но далеко не ушел, ощутив, что за ним следует только Янат. Конан обернулся и увидел, что Топал застыл в ужасе и вытянул руки, словно защищаясь от неведомой опасности.

— В чем дело?

Тут он и сам увидел, в чем дело, и мурашки пробежали по его могучей спине.

Чудовищная голова поднималась над диваном, змеиная голова, большая, как у крокодила. Над нижней челюстью нависали огромные зубы, но было в этой голове что-то беспомощное. Конан глянул за диван. Там лежала змея — огромнее ее он не встречал в своих странствиях... От нее пахло тлением и холодом земных глубин. На горле твари зияла огромная рана.

— Это Ползун! — прошептал Янат.

— Та самая скотина, которую я рубанул на лестнице,— сказал Конан.— Он гнал нас до Ворот Орла, и у него еще хватило сил вернуться сюда, чтобы сдохнуть. Как ксоталанцы с ним управлялись?

— Они вызвали его из черных туннелей под катакомбами. Им ведомы были тайны, закрытые для нас.

— Ну, этот сдох, а если бы у них были другие, они непременно приволокли бы их с собой в Текультли. Вперед!

Они шли за ним по пятам.

— Если никого не найдем на этом этаже, спустимся вниз,— рассуждал Конан.— И перероем Ксоталанк от подвала до чердака. Черт, что это такое?

Они вошли в тронный зал. Там был такой же яшмовый постамент и трон из слоновой кости. Не было только черной колонны... Здесь признавали другой символ вражды.

На стене за постаментом возвышались ряды каменных полок, и с этих полок на пришельцев смотрели остекленевшими глазами сотни прекрасно сохранившихся человеческих голов.

Топал бормотал ругательства, Янат же стоял недвижно, и в глазах его снова появилось безумие. Конан поморщился — он знал, что разум людей племени Тлацитлан постоянно висит на волоске.

Вдруг Янат вытянул в сторону страшных трофеев дрожащий палец.

— Это голова моего брата! — закричал он.— А вот младший брат моего отца! А за ним старший сын моей сестры!

Внезапно он заплакал. Глаза его были сухи, но из груди вырывались хриплые рыдания. Потом плач перешел в тонкий пискливый смех и, наконец, в невыносимый визг. Янат сошел с ума.

Конан положил руку ему на плечо, и это прикосновение словно бы выпустило безумие на волю. Янат завыл и крутанулся на месте, пытаясь достать Конана мечом. Киммериец парировал удар,

а Топал попытался схватить Яната за руку. Безумец выскользнул из его рук и вонзил меч в тело товарища. Топал со стоном опустился на пол. Янат закружился в сумасшедшем танце, потом бросился к полкам и стал рубить их, скрежеща зубами.

Конан подскочил к нему сзади, желая обезоружить, но безумец обернулся и с воем бросился на него. Видя, что с сумасшедшим не справиться, Конан уступил ему дорогу и сзади нанес удар, перерубивший ключицу и грудь. Несчастный пал мертвым возле своей умирающей жертвы.

Конан склонился над Топалом и увидел, что тот делает последние вздохи. Не стоило и пытаться остановить кровь, хлеставшую из страшной раны.

— Плохи твои дела, Топал,— буркнул Конан.— Не надо ли передать чего-нибудь твоим, а?

— Нагнись пониже,— просипел Топал, и Конан подчинился, но... секундой позже схватил его за руку: кинжал был направлен прямо ему в грудь.

— Клянусь Кромом!— сказал Конан.— И ты спятил?

— Так приказал Ольмек,— прошептал раненый.— Почему — не знаю. Когда мы укладывали раненых в постели, он шепнул мне, чтобы я убил тебя во время возвращения в Текультли...

И умер с именем своего клана на устах.

Конан глядел на него озадаченно. Или они все тут с ума посходили? Он пожал плечами и вышел за бронзовые ворота, оставив воинов Текультли под охраной сотен голов их родичей.

На обратном пути ему не требовался проводник. Инстинкт вел его безошибочно. Но двигался он осторожно, внимательно осматривая любой темный угол. Не духов убитых ксоталанцев опасался варвар, а своих недавних союзников.

Он миновал Большой зал и перешел в комнаты на другой стороне, когда услышал, что впереди кто-то ползет, тяжко дыша и постанывая. Потом он увидел человека — тот, действительно, полз по пурпурным плитам, оставляя за собой кровавый след. Это был Техотль, и глаза его уже застилала мгла.

— Конан!— окликнул раненый.— Конан! Ольмек похитил девушку с золотыми волосами!

— Вот почему он приказал Топалу заколоть меня,— сообразил Конан, становясь на колени возле умирающего.— Этот Ольмек не такой уж сумасшедший, как кажется с первого взгляда!

Блуждающие пальцы Техотля впились в руку Конана. Он прожил жизнь в холодном, неприветливом, страшном мире, и благодарное чувство к пришельцам разбудило в нем искру настоящей человечности, которой так не хватало его сородичам, жившим лишь ненавистью и жестокостью.

— Я хотел воспрепятствовать этому...— пузырьки красной пены лопались на губах Техотля.— Но он ударил меня... Думал, что

убил... Но я уполз... О Сет, я долго полз в собственной крови! Берегись, Конан! Ольмек может заманить тебя в ловушку! Убей его! Это зверь! Бери Валерию и беги! Леса не бойся. Ольмек и Таскела лгали, пугая драконами. Они давно истребили друг друга, остался только самый сильный. А если ты его убил, то больше бояться нечего. Ольмек почитал его за бога, приносил ему человеческие жертвы. Стариков и детей связывал и сбрасывал со стен. Торопись! Ольмек потащил Валерию...

Техотль умер прежде, чем голова его коснулась пола.

Забыв об осторожности, Конан быстро направился в Текультли. На ходу он пересчитывал бывших союзников. Двадцать один, считая Ольмека, остался после боя в тронном зале. С тех пор умерли трое... Что ж, Конан был готов сейчас в одиночку перебить весь клан.

Но инстинкт был сильнее и велел взять себя в руки. Он вспомнил предостережение Техотля насчет ловушки. Очень возможно, что князь позаботился об этом на случай, если Топал не выполнит приказа. А коли так, то стоит ли возвращаться той же дорогой...

Конан поглядел в окно, за которым мерцали звезды. Они еще не начали бледнеть. Сколько событий за одну ночь!

Он свернул с дороги и по винтовой лестнице спустился этажом ниже. Он не знал, где находятся нужные ему двери, но был уверен, что найдет. Зато он понятия не имел, как управится с засовами,— наверняка ворота будут закрыты, хотя бы в силу полувековой привычки.

Сжимая меч, он бесшумно двигался по темным и освещенным залам. Текультли был уже близко, когда варвара встревожил некий звук. Он без труда узнал его — так пытается кричать человек, у которого заткнут рот. Источник звука был где-то слева. В этой мертвой тишине любой писк разносился далеко.

Он пошел на повторяющиеся крики и увидел сквозь приоткрытую дверь поразительное зрелище. На полу комнаты была установлена железная конструкция, напоминающая пыточное колесо. На колесе был распят человек великанского сложения, голова его лежала на подставке, утыканной стальными шипами. Их острия были окрашены кровью из проколотой кожи. На голове было что-то вроде уздечки — впрочем, ее кожаные ремни не защищали от шипов. Эта уздечка была тонкой цепью соединена с устройством, поддерживающим огромный железный шар, висящий над волосатой грудью пленника. Пока несчастный лежал недвижно, шар висел на месте. Но стоило ему от нестерпимой боли приподнять голову, шар падал на несколько дюймов. В конце концов мышцы шеи откажутся поддерживать голову в таком неестественном положении, а боль от шипов станет совершенно невыносимой... Тогда шар раздавит его медленно и неотвратимо. Рот жертвы был заткнут кляпом, и большие черные глаза дико уставились на человека, стоящего в дверях в полном недоумении. Потому что на колесе был распят Ольмек, князь Текультли.

6. ГЛАЗА ТАСКЕЛЫ

— Значит, для того, чтобы перевязать ногу, ты тащила меня в эту дальнюю комнату? — спросила Валерия.— Что, нельзя было это сделать в тронном зале?

Она сидела на ложе, вытянув перед собой раненую ногу, которую служанка только что перевязала полоской шелка. Возле Валерии лежал ее окровавленный меч.

Служанка выполняла свою работу чисто и тщательно, но аквилонке не нравились липкие прикосновения ее пальцев и выражение глаз.

— Остальных раненых также перенесли в другие комнаты,— выговор был мягкий, как у всех женщин Текультли. Но два часа назад Валерия видела, как эта же самая женщина пробила кинжалом сердце своей противницы и выцарапала глаза раненому ксоталанцу.

— Тела убитых будут снесены в катакомбы,— добавила она.— Иначе души умерших могут поселиться в комнатах.

— Ты веришь в это? — спросила Валерия.

— Я знаю, что дух Толькемека скитается по подземельям. Я сама видела его, когда молилась возле гробницы древней королевы. Это был старец с развевающейся белой бородой, и глаза его светились в темноте. Я узнала его, это был Толькемек...

Голос ее снизился до шепота:

— Ольмек смеется над этим, но я-то знаю точно! Говорят, что кости покойников обгладывают крысы. Нет, не крысы — это делают духи...

Тень упала на ложе, и женщина замолчала. Валерия проследила за ее взглядом и увидела Ольмека, который глядел на нее. Он уже смыл кровь с рук, лица и бороды, но одежды не сменил. От всей его фигуры веяло звериной силой.

Князь выразительно глянул на служанку, и она тотчас бесшумно выскользнула из комнаты. На прощание она одарила Валерию циничной, понимающей улыбкой.

— Девочка свое дело знает,— сказал князь, подходя к ложу и склоняясь над раненой ногой.— Дай-ка я посмотрю...

С необычайной для своей комплекции проворностью он схватил меч и забросил его на середину комнаты. Потом обхватил Валерию своими могучими руками.

Но, как ни быстр он был, Валерия успела вынуть кинжал и направить его в горло Ольмека. На свое счастье, он сумел перехватить ее руку. Она отбивалась кулаками, коленями, зубами и ногтями, изо всех сил своего крепкого тела, со всем своим боевым искусством, постигнутым за годы войн и странствий на суше и на море. Но все это было бессильно против его грубой мощи. Кинжал она сразу же выронила и внезапно поняла, что совершенно беспомощна. В первый раз в жизни она испугалась мужчины. На

боль он, казалось, не реагировал; лишь однажды, когда ее зубы вонзились ему в кисть, князь ударил Валерию по лицу открытой ладонью.

Минуту спустя он покинул комнату, неся девушку на руках. Она уже не сопротивлялась, но глаза ее горели жаждой мести за оскорбление. Она и не кричала, потому что знала, что Конана поблизости нет и никто из Текультли не пойдет против своего владыки. Но и сам Ольмек, заметила она, постоянно озирался и прислушивался, словно бы опасаясь погони. И направлялся он не в тронный зал, а куда-то вдоль по коридору. Она поняла, что князь чего-то боится, и закричала во все горло.

Ольмек наградил ее пощечиной и ускорил шаг.

Но эхо далеко разнесло ее крик, и Валерия сквозь слезы увидела, что вслед за ними ковыляет Техотль.

Ольмек с рычанием обернулся и обхватил девушку одной рукой, как ребенка.

— Ольмек! — закричал Техотль.— Неужели ты неблагодарный пес, коли решился на такое? Это женщина Конана! Она помогла нам победить ксоталанцев и...

Не говоря ни слова, Ольмек размахнулся свободной рукой, и воин без памяти упал к его ногам. Князь нагнулся, поднял меч Техотля и вонзил бедняге в грудь, после чего продолжил свой путь. Он не видел, что из-за шторы за ним следят женские глаза, что Техотль поднялся на ноги, шепча имя Конана.

Зайдя за поворот коридора, Ольмек побежал по винтовой лестнице из слоновой кости. Они миновали несколько комнат и очутились, в конце концов, возле бронзовых ворот, очень похожих на Ворота Орла на верхнем этаже.

— Это одни из ворот, ведущих в Текультли. Впервые за пятьдесят лет их никто не охраняет, ибо Ксоталанк перестал существовать!

— Благодаря Конану и мне, скотина! — крикнула Валерия, содрогаясь от гнева и стыда.— Лживый пес! Конан оторвет тебе голову!

Ольмек даже не снизошел до того, чтобы сказать, что Конан зарезан по его приказу,— настолько он был уверен в себе.

— Забудь о Конане,— грубо сказал он.— Ольмек — господин Ксухотля. Ксоталанка больше нет. Война окончена. Теперь до конца жизни можно пить вино и наслаждаться любовью. Сначала выпьем!

Он опустился на сиденье из слоновой кости и силой усадил ее себе на колени. Не обращая внимания на ее проклятия, свободной рукой он потянулся к столу.

— Пей! — приказал он, поднося кубок к ее губам. Валерия мотала головой. Вино плескалось во все стороны, текло по ее обнаженной груди.

— Гостье не по вкусу твое вино, Ольмек,— раздался холодный саркастический голос.

Князь замер, и в его глазах появился испуг. Он медленно обернулся и увидел Таскелу.

Гордая душа Валерии подверглась в эту ночь тяжкому испытанию. Совсем недавно она узнала страх перед мужчиной. Сейчас она поняла, что боится этой женщины еще сильнее.

Ольмек был неподвижен, только лицо его стало серым. Таскела вынула из-за спины руку — в ней был золотой флакон.

— Боюсь, что Валерии не понравится твое вино, Ольмек,— сказала княгиня.— Поэтому я принесла свое. То самое, что было со мной на озере Зуад,— ты понял, Ольмек?

Лоб гиганта мгновенно вспотел. Мышцы его ослабли, и Валерия без труда освободилась. Разум приказывал ей бежать из комнаты, но некая сила заставила остаться и наблюдать за всем, что будет происходить.

Таскела подошла к князю, соблазнительно качая бедрами. Голос ее был певуч и нежен, но глаза горели прежним огнем. Тонкие пальцы гладили бороду мужчины.

— Ты любишь только себя, Ольмек,— нараспев сказала она.— Ты хотел оставить нашу прекрасную гостью только для себя, хотя знал, что она моя. И это еще не главная твоя вина, Ольмек.

Казалось, прекрасная маска спала с ее лица: глаза дико блеснули, лицо исказилось гримасой, пальцы, впившись в бороду, с силой вырвали добрую пригоршню волос. Но эта демонстрация нечеловеческой силы была еще не самым страшным.

Ольмек вскочил и зарычал как медведь, колотя кулаками по столу:

— Шлюха! Ведьма! Текультли следовало убить тебя еще пятьдесят лет назад! Сгинь! Слишком долго я тебя терпел. Белая девушка — моя! Убирайся отсюда, не то зарежу!

Княгиня расхохоталась и швырнула ему в лицо окровавленный клок бороды. Смех ее был безжалостен, словно звон стали.

— Когда-то ты говорил по-другому, Ольмек. Когда ты был молод, я слышала от тебя признания в любви. Да, много лет назад ты был моим возлюбленным и спал в моих объятиях под цветком черного лотоса. И с тех пор в моих руках цепь, и на этой цепи — ты, раб! Ты знаешь, что не в состоянии противиться мне. Ты знаешь, что мне достаточно поглядеть тебе в глаза тем взглядом, которому меня обучил стигийский жрец, и вся твоя воля улетучится. Помнишь ту ночь под черным лотосом? Цветок раскачивался, хотя колыхал его не земной ветер. Чувствуешь снова тот аромат, что окутал тебя и сделал моим рабом? Бороться со мной бесполезно. Ты до сих пор в моей власти, как в ту ночь, Ольмек, князь Ксухотля, и пребудешь в моей власти до конца жизни!

Голос ее снизился до шепота и походил сейчас на журчание родника во мраке. Она склонилась над князем, развела пальцы и коснулась его могучей груди. Глаза Ольмека затуманились, руки бессильно обвисли.

С безжалостной улыбкой Таскела поднесла золотой флакон к губам князя.

— Пей!

Он, не раздумывая, подчинился. И сейчас же туман в его глазах сменился пониманием и ужасом. Он открыл рот, но не издал ни звука. Спустя секунду он без сил упал на ложе.

Это вывело Валерию из оцепенения. Она бросилась к двери, но Таскела опередила ее воистину тигриным прыжком. Валрия ударила ее кулаком — такой удар свалил бы с ног любого мужчину. Но Таскела сумела плавно уклониться и схватила ее за руку. Потом она перехватила и левую руку аквилонки и легко связала ее запястья шелковым шнурком.

И тогда Валерия поняла, что ее стыд из-за поражения в схватке с Ольмеком, ничто в сравнении с теперешним. Женщин она презирала — и вот нашлась же такая, которая делает с ней, что хочет! Она не сопротивлялась, когда Таскела усадила ее на кресло и привязала к нему, протянув шнур между колен.

Равнодушно переступив через тело князя, Таскела подошла к бронзовым воротам и открыла их. За створками был коридор.

— Дорога эта,— в первый раз обратилась она к Валерии,— ведет в комнату, которая служила когда-то камерой пыток. Когда мы отступали в западную часть города, то большинство инструментов забрали с собой, но одно устройство пришлось оставить — оно было слишком тяжелым и громоздким. А сейчас, думаю, оно пригодится как нельзя лучше.

Ольмек все понял, и в глазах его блеснул ужас. Таскела приблизилась и схватила его за волосы:

— Ты какое-то время будешь неподвижен. Но ты будешь слышать, думать и чувствовать — о да, ты все будешь чувствовать.

И пошла к дверям, легко увлекая за собой могучее тяжкое тело — у Валерии чуть глаза на лоб не вылезли. Княгиня скрылась в коридоре, и через некоторое время послышался лязг железа.

Валерия пробормотала проклятье и попыталась освободиться. Тщетно — шнур был слишком прочным.

Таскела вернулась одна, а из камеры пыток донесся приглушенный стон. Двери она притворила, а засов не задвинула — привычки не были свойственны ей, как, впрочем, и другие человеческие черты.

Валерия в оцепенении глядела на женщину, в чьих руках — она прекрасно это понимала — была ее судьба.

Таскела поглядела ей в глаза.

— Великая честь ожидает тебя,— сказала она.— Ты избрана, чтобы вернуть Таскеле юность. Ты удивлена? Да, я знаю, что выгляжу молодо, но по жилам моим распространяется леденящий холод старости — я пережила это уже тысячу раз. Я стара, я так стара, что не помню своего детства. Но некогда я была юной девушкой, и меня любил жрец из Стигии. Он подарил мне секрет вечной молодости и бессмертия. Потом он умер — должно быть,

от яда. Я жила в своем дворце над озером Зуад, и годы пролетали мимо меня. Потом меня возжелал король Стигии, и народ поднял бунт — вот мы и попали в эти края. Ольмек называет меня княгиней, но во мне нет царственной крови. Я выше, чем королева,— я Таскела, и твоя цветущая молодость вернет мне мою!

У Валерии язык отнялся. За всем этим таилась какая-то жуткая загадка — самая страшная из всех, с которыми она сталкивалась до сих пор.

Колдунья развязала аквилонку и подняла ее на ноги. Но не страх перед силой, заключенной в руках княгини, превратил Валерию в безвольную куклу.

Это сделали горящие, колдовские, зловещие глаза Таскелы.

7. ТОТ, КТО ПРИХОДИТ ИЗ ТЬМЫ

— Чтоб я кушита вот так увидел!

Конан с любопытством глядел на человека, привязанного к железному колесу.

— Какого черта ты делаешь на этой штуке?

Мычание было ему ответом. Тогда Конан вырвал кляп изо рта узника, и тот закричал от страха, потому что железный шар упал вниз и почти коснулся его широкой груди.

— Осторожней, во имя Сета! — простонал Ольмек.

— С чего бы это? — спросил Конан.— Или ты думаешь, что твоя судьба меня интересует? Было бы у меня время, я бы посидел и посмотрел, как этот кусок железа выдавит из тебя кишки. Но я тороплюсь. Где Валерия?

— Освободи меня! — просил Ольмек.— Я все скажу!

— Сперва скажи.

— Ни за что! — князь стиснул массивные челюсти.

— Хорошо,— сказал Конан и уселся на ближайшую скамью.— Я сам ее найду после того, как тебя придавит. Думаю, что дело пойдет быстрее, если я мечом прочищу тебе ухо,— добавил он и протянул оружие к голове Ольмека.

— Подожди! — слова посыпались из князя, как зерно из мешка.— Таскела похитила ее у меня. Я всегда был только игрушкой в ее руках...

— Таскела? — Конан сплюнул.— Эта жалкая...

— Нет-нет! — прохрипел Ольмек.— Дело хуже, чем ты думаешь. Таскела очень старая — ей много сотен лет. Она продлевает свою жизнь и возвращает молодость, принося в жертву красивых молодых женщин. Вот почему их так мало в нашем роду. Она вытянет из Валерии жизненную силу и вновь расцветет...

— Ворота заперты? — спросил Конан, пробуя большим пальцем остроту меча.

— Да! Но я знаю, как пройти в Текультли. Эта дорога известна лишь мне и Таскеле, но она думает, что я беспомощен, а тебя нет в живых. Освободи меня, и, клянусь, я помогу тебе освобо-

дить Валерию. Без моей помощи тебе не справиться, даже если бы ты пыткой вырвал у меня все секреты, то не сумел бы ими воспользоваться. Освободи меня! Мы подберемся к Таскеле и убьем ее раньше, чем она успеет напустить свои чары. Довольно будет и ножа в спину. Я бы сам давно это сделал, но боялся, что без ее помощи ксоталанцы нас одолеют. И ей нужна была моя помощь, потому она и позволила мне жить. Теперь один из нас должен умереть. Клянусь, расправимся с ведьмой, и вы с Валерией уйдете от нас с миром. Народ подчинится мне, когда не станет Таскелы.

Конан нагнулся и перерезал путы, удерживающие князя. Тот осторожно выскользнул из-под огромного шара и встал на ноги, мотая головой, словно бык, и осыпая всех проклятиями. Оба они, встав плечом к плечу, были олицетворенной мужественностью. Ольмек был так же высок, как Конан, и даже более массивен, но было в нем все же что-то звериное, отталкивающее, и киммериец рядом с ним выглядел куда как благородно.

Конана можно было причислить к цвету человечества, Ольмека — к цвету его первобытной побочной ветви.

— Веди! — приказал Конан. — И все время держись впереди меня: веры тебе не больше, чем быку, которого тянут за хвост.

И Ольмек пошел, расчесывая пятерней свою спутанную бороду. Он был уверен, что Таскела закрыла ворота, поэтому и направился в одну из комнат на границе Текультли.

— Тайне этой полвека, — говорил он на ходу. — Наш клан не знал ее, а ксоталанцы тем более. Этот тайный ход сделал сам Текультли, а рабов, помогавших ему, убил. Он опасался, что любовь Таскелы легко может перейти в ненависть, и она однажды закроет перед ним ворота. Но Таскела открыла тайный ход и заперла его, когда вождь бежал после неудачной вылазки. Ксоталанцы схватили его и казнили. А я узнал об этом, потому что следил за ней.

Он надавил золотое украшение на стене, и одна из плит упала, открыв идущие вверх ступени.

— Лестница эта устроена прямо в стене, — говорил Ольмек. — Она ведет в башню на крыше, а оттуда винтовые лестницы спускаются в разные залы. Поспешим!

— Только после тебя, дружище! — ответил Конан весело и взмахнул мечом. Ольмек пожал плечами и стал подниматься, Конан отстал на полшага.

Они все поднимались, и киммериец понял — уровень верхнего этажа пройден. Оба оказались в цилиндрической башне. Через большие окна были видны другие купола и башенки Ксухотля.

Ольмек не тратил время на пейзаж за окнами, начал спускаться по одной из лестниц, которая через несколько шагов пересекалась узким длинным коридором. Коридор тоже кончался идущими вниз ступенями. Князь остановился.

Откуда-то слышался приглушенный женский стон, полный страха, гнева и стыда. Конан узнал голос Валерии.

Как же велика должна была быть опасность, если даже отважная Валерия заголосила? Конан позабыл про Ольмека, обогнал его и помчался вниз. Но инстинкт приказал ему обернуться как раз в тот момент, когда Ольмек поднял свой огромный кулак. Удар должен был прийтись в основание черепа, но задел только шею. У обычного человека наверняка переломился бы позвоночник, но Конан только крякнул. Он уронил меч, бесполезный на таком расстоянии, схватил Ольмека за руку и дернул на себя. Они покатились по лестнице и еще не остановились, когда железные пальцы киммерийца нашли бычью шею врага и сомкнулись на ней.

Шея и плечо варвара онемели от удара, но это не сказалось на его боевых качествах. Он вцепился в шею Ольмека, как лев в загривок носорога, и не обращал внимания на удары о ступеньки. Они с маху врезались в дверь из слоновой кости и разнесли ее на кусочки. Ольмек уже был к этому времени мертв — Конан свернул ему шею.

Киммериец поднялся, стряхнул с себя обломки двери и протер глаза.

Он находился в тронном зале. Кроме него, там было десятка полтора людей, но первой он увидел Валерию. Причудливый черный жертвенник стоял перед яшмовым постаментом, вокруг него были расставлены семь свечей черного воска в золотых подсвечниках. Кольца густого зеленого дыма поднимались к потолку.

На черном камне жертвенника белело обнаженное тело Валерии. Она не была связана и лежала с запрокинутыми за голову руками. Сильный молодой воин держал ее руки и изголовье жертвенника. С противоположной стороны за ноги жертвы ухватилась женщина. Валерия не могла даже пошевелиться.

Одиннадцать остальных из клана Текультли стояли на коленях, образовав полукруг, и жадными глазами глядели на происходящее.

На троне из слоновой кости развалилась Таскела. Из ваз, наполненных курящимися благовониями, струился дым.

На грохот развалившейся двери никто не обратил внимания. Коленопреклоненные мужчины и женщины посмотрели без всякого выражения на останки своего князя и на его убийцу и снова уставились на жертвенник.

Таскела испытующе глянула на киммерийца и снова раскинулась на троне, издевательски хохоча.

— Колдунья! — в глазах Конана появилась жажда убийства. Он двинулся к ней, и кулаки его превратились в кувалды. При первом же шаге в ногу вонзились стальные зубья. Только крепкие мышцы икр спасли кость. И он увидел углубления в полу, где поджидали его другие капканы.

— Глупец! — фыркнула Таскела.— Неужели я не предусмотрела бы твоего возвращения? Возле каждой двери тебя ждала такая

же ловушка. Стой и смотри, какая судьба предназначена твоей прекрасной подруге. Потом займемся тобой.

Конан машинально потянулся к мечу, но нашел лишь пустые ножны. Меч он обронил там, на лестнице, тесак еще раньше оставил в пасти дракона. Боль от стальных зубьев была и вполовину не так сильна, как сознание беспомощности. Мечом он отрубил бы себе ногу и дополз до Таскелы. Валерия глядела на него с безмолвной мольбой, и гнев заполнил душу варвара.

Он опустился на колено и попытался разжать страшные челюсти. Кровь брызнула из-под ногтей, но пружина не уступала ни на йоту.

Таскела не обращала внимания на старания киммерийца. Обведя взглядом своих подданных, она спросила:

— Где Ксамек, Цланат и Тахик?

— Они не вернулись из катакомб, княгиня,— ответил один из воинов.— Они вместе со всеми переносили туда тела и не вернулись. Наверное, их похитил дух Толькемека.

— Замолчи, болван! Это всего лишь легенды!

Она сошла с возвышения, поигрывая узким стилетом с золотой рукоятью. Глаза ее горели пламенем, который неведом был и преисподней.

— Твоя жизнь вернет мне молодость, о дева с белой кожей. Я коснусь своими губами твоих и медленно — о, как медленно! — буду вонзать острие в твое сердце. И жизнь твоя, покидая холодеющее тело, перейдет в меня и сделает меня юной и бессмертной!

Не торопясь, как удав перед кроликом, она стала склоняться над жертвой. Недвижная девушка с ужасом смотрела, как приближаются к ней окутанные клубами дыма глаза, подобные двум черным лунам.

Коленопреклоненные люди взялись за руки и затаили дыхание, ожидая кровавой развязки. Единственным звуком был хрип Конана, все еще боровшегося с капканом.

Все глаза были устремлены на жертвенник и тело, распростертое на нем. Казалось, даже гром не властен был нарушить этот обряд. А нарушил его негромкий голос — негромкий, но такой, от которого волосы встают дыбом.

Все обернулись... Обернулись и увидели.

Кошмарная фигура стояла в двери слева от постамента. Это был старик со спутанными волосами и косматой седой бородой. Лохмотья едва прикрывали его тощее тело, оставляя открытыми руки и ноги неестественной формы. Да и кожа его не походила на человеческую — она была чешуйчатой, словно ее обладатель долгое время жил в совершенно противоестественных условиях. И совсем уже не было ничего человеческого в глазах — то были большие фосфоресцирующие круги, не выражавшие никаких чувств.

Вместо членораздельных слов из высохшего рта раздавался только пронзительный писк.

— Толькемек! — прошептала Таскела, а остальные замерли в суеверном страхе.— Значит, это не сказка! Клянусь Сетом, он

двенадцать лет прожил во мраке! Двенадцать лет среди скелетов! Представляю, чем он питался, сумасшедший калека, погруженный в вечную ночь! Теперь понятно, почему трое наших не вернулось из катакомб и не вернутся никогда. Но почему он так долго выжидал? Что он искал в подземельях? Какое-нибудь таинственное оружие? Нашел ли он его?

Единственным ответом Толькемека был все тот же отвратительный писк. Одним длинным прыжком он миновал все капканы и очутился в зале. Было ли это случайностью, или он помнил обо всех ловушках Ксухотля? Он не был безумным в обычном человеческом смысле. Он слишком долго жил один, чтобы остаться человеком. И только одно соединяло его с людьми — ненависть. Она помогла ему выжить в черных коридорах.

— Да, он искал и нашел! — Таскела отступила на шаг.— А, ты все помнишь? После стольких лет во тьме?

В тощей руке Толькемека дрожала причудливая палка яшмового оттенка, заканчивающаяся светящейся шишкой, вроде плода граната. Он вытянул палку перед собой, словно копье, и княгиня отскочила в сторону, а из шишки вырвался алый луч. Он не коснулся Таскелы, зато угодил между лопаток той, что держала за ноги Валерию.

Раздался громкий щелчок, огненный луч вышел из груди несчастной и рассыпался голубыми искрами на камне жертвенника. Женщина упала в сторону и стала корчиться и усыхать, как мумия.

Воин, удерживающий руки Валерии, погиб вторым. Она сползла с жертвенника и на четвереньках побежала к стене. Воин тоже пытался убежать, но Толькемек с необыкновенным для его возраста проворством переменил позицию, и бедняга оказался между ним и жертвенником. Снова брызнул огненный луч, человек рухнул на пол, и голубые искры посыпались из камня.

Потом началась бойня. Крича от ужаса, люди метались по залу, натыкались друг на друга, спотыкались и падали. А посреди этого хаоса плясал и кружился Толькемек, сеющий смерть. Никому не удалось бежать через двери, потому что они были окованы металлом, и это, видимо, было необходимым условием действия дьявольской силы, вылетавшей из «волшебной палочки», которой размахивал старик.

Те, кто оказывался между ним, дверями или жертвенником, гибли тотчас же. Толькемек не выбирал себе жертв, махал своей палкой туда и сюда, и его писк был громче всех воплей. Один из воинов в отчаянии замахнулся на старика кинжалом, но так и не успел нанести удар. Остальные даже не помышляли о бегстве или обороне.

И вот пали все люди Текультли, кроме Таскелы. Княгиня подбежала к Конану и Валерии, которая спряталась за его широкую спину, и, наклонившись, коснулась пола в известной ей точке. Стальные челюсти тотчас же разжались, освободив окровавленную ногу, и скрылись в углублении.

— Убей его, если сможешь! — она вложила в руку варвара тяжелый кинжал.— Моя магия здесь бессильна!

Конан не чувствовал боли. Толькемек наступал на него, сверкая бельмами, но остановился, увидев сталь в руке богатыря.

И начался танец смерти. Толькемек старался подгадать, чтобы киммериец оказался между ним и дверью или жертвенником, но варвар всякий раз ускользал, выбирая время для удара. Женщины смотрели, затаив дыхание.

Толькемек уже не прыгал, понимая, что перед ним противник более грозный, чем те, что умирали с воплями. Первобытный блеск варварских глаз был не менее страшен, чем фосфорическое свечение старца. Они кружили и кружили; один менял позицию, и другой немедленно делал то же самое, словно их соединяла невидимая нить. Но с каждым разом Конан подходил все ближе и ближе к противнику. Он уже приготовился к прыжку, но тут раздался предостерегающий крик Валерии. На какое-то мгновение киммериец оказался между старцем и дверью. Огненный луч обжег бок Конана, который успел отскочить в сторону и метнуть нож. Старый Толькемек упал на плиты, рукоятка ножа дрожала в его руке.

Таскела прыгнула — но не к варвару, а к палке, что валялась на полу и пульсировала, как живое сердце. И Валерия прыгнула, вооруженная отнятым у мертвеца кинжалом. Лезвие, направленное крепкой рукой аквилонки, вонзилось в спину княгини Текультли и вышло из груди. Таскела вскрикнула и умерла.

Конан и Валерия стояли над безжизненным телом и смотрели друг на друга.

— Вот теперь война действительно кончилась! — заметил Конан.— Ну и ночка выдалась. Где эти поганцы хранят жратву? Я голоден, как волк.

— Нужно тебе ногу перевязать,— Валерия оторвала кусок шелковой шторы, обернула его вокруг пояса и нащипала корпии; потом тщательно обработала рану Конана и крепко забинтовала.

— Ладно, поголодаем,— сказал он.— Идем отсюда. За стенами этого дьявольского города начинается настоящий мир. Хватит с нас Ксухотля. Эти выродки перебили друг друга — ну и прекрасно. Не нужны мне их проклятые сокровища. Они еще, чего доброго, заколдованные.

— Да, в мире еще много честной добычи для тебя и для меня,— сказала Валерия и потянулась всем своим прекрасным телом.

Давешний блеск снова появился в глазах Конана, и на этот раз аквилонка уже не хваталась за меч.

— Далека дорога до побережья,— ласково сказала она, прервав поцелуй.

— Неужели? — рассмеялся он.— Разве есть для нас с тобой преграды? Да в стигийских портах еще не откроется торговый сезон, как мы уже будем стоять на палубе. И тогда мы покажем всему миру, что такое настоящий грабеж!

...Валерия осталась лишь эпизодом в жизни Конана, как, впрочем, и все остальные женщины, кроме той, что стала в конце концов королевой Аквилонии. Одинокий варвар какое-то время странствовал по свету, затем снова вернулся в Киммерию. Там до него дошла весть, что аквилонцы, которых ничему не научил горький урок крепости Вариум, опять расширяют свои владения к западу, вторгаясь в леса, населенные племенами пиктов или, как их еще называли, Пиктские Дебри. Значит, впереди снова ждало кровопролитие и много работы для таких искусных воинов, как Конан...

ПО ТУ СТОРОНУ ЧЕРНОЙ РЕКИ

1. КОНАН ТЕРЯЕТ ТОПОР

На лесной тропе стояла такая тишина, что даже мягкие сапоги, казалось, поднимают немыслимый шум. Именно так думал одинокий странник и двигался с осторожностью, необходимой всякому, кто переправился через Громовую Реку.

Был этот юноша среднего роста с открытым лицом и коротко остриженными каштановыми волосами — на голове не было ни шляпы, ни, тем более, шлема. Одет он был по обычаю здешних мест в шерстяную тунику, перетянутую поясом, короткие кожаные штаны и сапоги до колен. Из правого голенища торчала рукоять ножа, на широком поясе висели короткий тяжелый меч и кожаная сумка. Без всякого страха углублялся он в зеленую чащу. Сложен он был, несмотря на невысокий рост, вполне крепко.

Он шагал беззаботно, хотя последние хижины поселенцев остались далеко позади, и каждый шаг приближал его к той чудовищной опасности, которая тенью нависла над древними дебрями. Шума он поднимал немного, но был уверен, что его чуткие уши наверняка засекут любой треск в предательской зелени. Так что беззаботность его была показной, он внимательно приглядывался и прислушивался ко всему, особенно прислушивался, так как видимость вокруг была не более чем на два шага.

Какое-то чутье приказало ему остановиться и положить руку на рукоятку меча. Он застыл, как вкопанный, посреди тропы и стал соображать, что за звук он уловил, да и был ли этот звук. Тишина была полной — не верещали белки, не пели птицы. Потом взгляд его упал на густые заросли в нескольких шагах перед ним. Никакого ветра не было в помине, а одна из веток явственно колыхалась. Волосы поднялись на голове путника, и он не мог ни на что решиться — ведь любое движение притянет к нему летящую из зелени смерть.

В чаще послышался звук тяжелого удара, заросли закачались, и оттуда вертикально вверх взлетела стрела. Прыгая в укрытие, путник видел ее полет.

Притаившись за толстым стволом дерева с мечом в дрожащей

руке, он увидел, что на дорожку, раздвигая кусты, выходит высокий человек.

На чужаке были такие же высокие сапоги и короткие штаны, только не кожаные, а шелковые. Вместо туники на нем была кольчуга из вороненой стали, голову защищал шлем. Не рыцарский шлем с султаном — его украшали бычьи рога. Таких вещей не куют кузнецы в цивилизованных странах.

Да хозяин шлема и не походил на цивилизованного человека. Его темное, иссеченное шрамами лицо с горящими голубыми глазами вполне соответствовало этим первобытным лесам.

Огромный меч в руке человека был в крови.

— Вылезай! — крикнул он, и выговор показался путнику незнакомым.— Опасность миновала. Этот пес был один. Вылезай!

Опасливо покинул путник укрытие и поглядел на незнакомца. По сравнению с ним он чувствовал себя слабым и ничтожным.

Двигался незнакомец скользящей походкой пантеры — да, не к миру горожан или поселенцев принадлежал он, и даже в этих диких краях казался чужим.

Великан пошел назад и снова раздвинул кусты. Путник сделал несколько шагов за ним и заглянул в заросли. Там лежал человек — коренастый, смуглый, сильный. Всю одежду его составляли набедренная повязка, ожерелье из человеческих зубов и массивный наплечник. За поясом убитого был короткий меч, а правая рука все еще сжимала тяжелый черный лук. Волосы у него были длинные и кучерявые, о лице же нельзя было судить — это было сплошное месиво из крови и мозга. Голова была прорублена до зубов.

— Клянусь богами, это пикт! — воскликнул юноша.

— Тебя это удивляет?

— Ну, в Велитриуме и у поселенцев мне говорили, что эти дьяволы, время от времени, пробираются через границу, но я никак не ожидал увидеть его в этих местах.

— Черная Река всего в четырех милях к востоку,— наставительно сказал незнакомец.— А мне случалось убивать их и всего в миле от Велитриума. Ни один поселенец между Громовой Рекой и фортом Тускелан не может чувствовать себя в безопасности. На след этого пса я напал поутру в трех милях от форта и с тех пор шел за ним. А догнал уже тогда, когда он целился в тебя. Еще немного, и в преисподней появился бы новый посетитель. Но я испортил ему выстрел.

Путник глядел на него широко открытыми глазами: этот человек выследил лесного дьявола, незаметно подкрался к нему и убил! Такое искусство было невероятным даже для Конайохары, славившейся своими следопытами.

— Ты из гарнизона форта? — спросил он.

— Я не служу в солдатах. Жалованье и права у меня, как у пограничного офицера, но я занимаюсь в дебрях своим делом. Валанн знает, что здесь от меня больше толку.

Ногой он затолкал тело поглубже в кусты и пошел по тропинке. Путник поспешил за ним.

— Зовут меня Бальт,— представился он.— Ночью я ночевал в Велитриуме. Я еще не решил — то ли взять земельный надел, то ли пойти в солдаты.

— Лучшие земли у Громовой Реки уже разобрали,— сказал огромный воин.— Много хорошей земли между ручьем Скальпов, который ты уже прошел, и фортом, но чертовски близко к реке. Пикты переплывают через нее, чтобы поджигать и убивать — вот как наш. И всегда ходят поодиночке. Но в один прекрасный день они попытаются изгнать из Конайохары всех поселенцев. И, боюсь, это им удастся. Даже наверняка. Потому что все эти поселения — безумная затея. К востоку от Боссонского пограничья тоже полно доброй земли. Если бы аквилонцы урезали владения тамошних баронов да засеяли их охотничьи угодья пшеницей, то не надо было бы ни границу переходить, ни с пиктами связываться.

— Странные речи для человека на службе губернатора Конайохары,— заметил Бальт.

— Это для меня звук пустой. Я наемник и продаю свой меч тому, кто больше платит. Я сроду хлеба не сеял и сеять не собираюсь, покуда существует тот урожай, который пожинают мечом. Но вы, гиборийцы, забрались так далеко, что дальше некуда. Вы перешли границу, спалили несколько деревень, выбили отсюда пару племен и провели рубеж по Черной Реке. Но я сомневаюсь, что вы и это сохраните, а не то что продвинетесь на запад. Глупый ваш король не понимает здешней жизни. Нет подкреплений — не хватит и поселенцев, чтобы отбить многочисленный набег из-за реки.

— Но пикты разделены на небольшие кланы,— сказал Бальт.— Они никогда не объединятся. А любой клан мы уничтожим.

— И даже три или целых четыре,— согласился великан.— Но рано или поздно появится человек, который объединит тридцать или сорок кланов,— так было в Киммерии, когда жители Гандерланда вздумали передвинуть границу на север. Они хотели заселить южные области Киммерии. Уничтожили несколько деревень и построили крепость Венариум. Остальное тебе известно.

— Известно,— с горечью сказал Бальт. Воспоминание об этом сокрушительном поражении было черным пятном в истории гордого и воинственного народа.— Мой дядя был там, когда киммерийцы прорвали оборону. Считанные единицы из наших остались в живых. Я не раз слушал его рассказы. Варвары хлынули с гор и штурмовали Венариум с неудержимой яростью. Вырезали всех — мужчин, женщин, детей. И до сих пор на том месте лишь груда камней. Больше аквилонцы не пытались захватить Киммерию. Но ты говорил о Венариуме со знанием дела — ты был там?

— Был,— проворчал воин.— Был одним из тех, кто первым

взобрался на стены. Я еще пятнадцатого снега не увидел, а имя мое звучало на советах стариков.

Бальт отшатнулся от него и смотрел в изумлении. Рядом с ним спокойно шел один из тех самых визжащих кровожадных дьяволов, что в давние дни штурмовали стены Венариума, чтобы залить его потоками крови...

— Так ты варвар...— вырвалось у Бальта.

Великан обиделся и кивнул головой в знак согласия.

— Меня называют Конаном-киммерийцем.

— Я слышал о тебе! — взволнованно воскликнул Бальт. Ничего удивительного, что пикт проиграл в этой игре, обо киммерийцы были такими же варварами, только еще более опасными. Конан, несомненно, провел много лет среди цивилизованных людей, но это не повредило его древним инстинктам. Бальт надивиться не мог его кошачьей походке и умению двигаться бесшумно. Даже звенья кольчуги не звенели, потому что были смазаны маслом. В самой густой и запутанной чащобе Конан сумел бы пройти так же беззвучно, как давешний пикт.

— Ты не из Гандерланда? — Это было скорее утверждение, чем вопрос.

— Я из Таурана.

— Встречал воинов из Таурана, они неплохи в лесу. Но боссонцы слишком долго прикрывали вас, аквилонцев, от диких людей леса. Закалка вам нужна.

И действительно, боссонское пограничье с его укрепленными селениями, где жили отчаянной храбрости стрелки, долго было для Аквилонии надежной крепостной стеной от варваров. Сейчас в поселениях за Громовой Рекой росло поколение лесных людей, способных противостоять варварам, но таких пока было немного. Большинство жителей границы составляли такие, как Бальт — земледельцы, а не следопыты.

Солнце уже скрылось за вершинами деревьев. Тени на тропе становились все длиннее.

— Не успеем мы в форт до темноты,— спокойно сказал Конан. И вдруг добавил: — Слушай!

Он стоял с мечом в руке, пригнувшийся, готовый в любую минуту прыгнуть и нанести удар. Бальт услыхал дикий визг, оборвавшийся на самой высокой ноте: так может кричать смертельно испуганный либо умирающий человек.

Конан сорвался с места и помчался по тропе, с каждым шагом отдаляясь от своего спутника, хотя тот также бежал изо всех сил. В Тауране Бальт слыл неплохим бегуном, но варвар опередил его без всяких усилий. Но юноша забыл об этом, потому что уши ему пронзил самый страшный крик, который ему пришлось слышать в жизни. Но на этот раз кричал не человек: то было какое-то ликующее сатанинское мяуканье, торжество нелюди, убившей человека, и эхо этого крика прокатилось где-то в мрачных безднах за пределами людского понимания.

В ужасе Бальт чуть не споткнулся, но Конан продолжал все так же бежать и скрылся за поворотом тропы; Бальт, чтобы не остаться один на один с этим кошмарным воплем, в панике помчался за ним.

И... едва не налетел на киммерийца, который стоял над безжизненным телом. Но Конан глядел вовсе не на мертвеца, лежащего в кровавой грязи,— он внимательно осматривал заросли по обе стороны тропы.

Убитый — невысокий полный человек — был в дорогих узорных сапогах и, несмотря на жару, в подбитой горностаем тунике. Его широкое, бледное лицо сохраняло выражение ужаса, а толстая шея, словно бритвой, была перерезана от уха до уха. Короткий меч находился в ножнах — значит, нападение было внезапным.

— Пикты? — прошептал Бальт и тоже начал смотреть по сторонам.

— Нет, лесной демон. Это уже пятый, клянусь Кромом!

— Что ты имеешь в виду?

— Ты слышал когда-нибудь о пиктийском колдуне по имени Зогар Заг?

— Никогда не слышал.

— Он живет в Гвавели, ближайшей деревне за рекой. Месяца три назад он похитил несколько навьюченных мулов из каравана, что направлялся в форт как раз по этой тропе. Наверное, одурманил чем-нибудь погонщиков. Мулы принадлежали,— Конан тронул тело носком сапога,— вот этому Тиберию, купцу из Велитриума. Везли мулы бочонки с пивом, и старый Зогар, вместо того, чтобы скорее перебраться через реку, решил угоститься. Следопыт по имени Сократ выследил его и привел Валанна с тремя солдатами в чащу, где наш колдун спал пьян-пьянешенек. По настоянию Тиберия Валанн посадил Зогара Зага в тюрьму, а это для пикта самое страшное оскорбление. Старик сумел убить стражника и бежать, да еще передал, что собирается прикончить Тиберия и тех пятерых, что его поймали, да так прикончить, что аквилонцы два века будут помнить и дрожать от страха.

И следопыт, и солдаты уже мертвы. Сократа убили у реки, воинов — возле самого форта. А теперь и Тиберия тоже. Но никто из них не пал от руки пикта. Каждый труп, кроме этого, был обезглавлен. Головы эти, конечно, украшают сейчас алтарь того божества, которому служит Зогар Заг.

— С чего ты взял, что убивали не пикты? — спросил Бальт.

Конан показал на тело купца.

— Ты думаешь, это мечом или ножом сделано? Посмотри внимательнее и сообразишь, что такую рану может оставить только коготь. Мышцы разорваны, а не перерублены.

— А если пантера...— неуверенно предположил Бальт.

— Человек из Таурана должен отличать следы когтей пантеры. Нет, это лесной демон, которого Зогар Заг вызвал, чтобы

отомстить. Болван Тиберий, пошел в Велитриум один да еще под вечер. Но каждый из убитых перед смертью словно бы с ума сходил. Гляди — следы сами за себя говорят. Тиберий ехал по тропе на своем муле — видно, вез шкурки выдры на продажу в Велитриум. И что-то прыгнуло на него сзади, из-за тех кустов. Видишь, там ветки поломаны? Тиберий успел только раз крикнуть — и уже стал торговать шкурками в преисподней. Мул убежал в заросли. Слышишь, он шуршит кустами в той стороне? Демон не успел унести голову Тиберия — испугался, когда мы прибежали.

— Когда ты прибежал, — поправил Бальт. — Значит, не так и страшна эта тварь, если убегает от одного вооруженного человека. А может, это все-таки был пикт с каким-нибудь крюком? Ты сам видел это?

— Тиберий был тоже при оружии, — проворчал Конан. — Но Зогар Заг, уж наверное, предупредил демона, кого убивать, а кого оставить в покое. Нет, я его не видел. Видел только, как дрожали кусты. Но если хочешь еще доказательств, то гляди.

Убийца наступил в лужу крови. Под кустами на обочине тропы остался кровавый след на засохшей глине.

— Это, по-твоему, человек оставил?

Мурашки побежали по стриженой голове Бальта. Ни человек, ни один из известных ему зверей не мог оставить такого странного, страшного, трехпалого следа. Осторожно, не касаясь земли, Бальт попробовал измерить его пядью. Но расстояние между кончиками мизинца и большого пальца оказалось недостаточным.

— Что это? — прошептал юноша. — Никогда не видел такого.

— И ни один человек из находящихся в здравом уме не видел, — мрачно ответил Конан. — Это болотный демон. В трясинах по ту сторону Черной Реки их, словно летучих мышей в пещере. Когда с юга дует сильный ветер в жаркие ночи, слышно, как они там завывают.

— Что же нам делать? — спросил аквилонец, опасливо глядя на черные тени. Он никак не мог забыть выражения лица убитого.

— Не стоит и пытаться выследить демона, — сказал Конан и вытащил из-за пояса короткий лесной топор. — Когда он убил Сократа, я хотел это сделать. И потерял след через несколько шагов. То ли у него крылья выросли, то ли он в землю ушел. И за мулом тоже не пойдем. Сам выйдет к форту или к чьей-нибудь усадьбе.

Говоря это, он срубил два деревца на краю тропы и очистил стволы от веток. Потом отрезал кусок толстой лианы и переплел стволы так, что вышли простые, но надежные носилки.

— По крайней мере, демон остался без головы Тиберия, — проворчал Конан. — А мы отнесем тело в форт. До него не больше трех миль. Этот толстый болван никогда мне не нравился, но

нельзя же допустить, чтобы пикты вытворяли над головами белых людей все, что им вздумается.

Вообще-то, пикты тоже относились к белой расе, хоть и были смуглыми, но жители пограничья не считали их белыми.

Бальт взялся за задние ручки носилок, Конан без всякого уважения положил на них несчастного торговца, и они тронулись быстрым шагом. Даже с таким грузом Конан продолжал двигаться бесшумно. Он захлестнул оба своих конца носилок ремнем купца и держал их одной рукой, чтобы оставить правую свободной для меча. Тени сгущались. Чаща погружалась в сумерки, в серо-голубой таинственный туман, в котором скрывалось непредсказуемое.

Они одолели больше мили, и крепкие мышцы Бальта стали уже побаливать, когда из перелеска, который окрасился алым цветом заходящего солнца, раздался пронзительный вопль.

Конан резко остановился, и Бальт чуть не уронил носилки.

— Женщина! — крикнул он. — Великий Митра, там женщина зовет на помощь!

— Жена колониста заблудилась, — проворчал Конан, опуская носилки. — Корову, поди, искала... Оставайся тут!

И, как волк за зайцем, нырнул в зелень. У Бальта волосы встали дыбом.

— Оставаться с покойником и с этим демоном? — взвыл он. — Я иду с тобой!

Конан обернулся, но промолчал, хотя и не стал поджидать менее проворного спутника. Дыхание Бальта стало тяжелым, киммериец впереди то пропадал, то вновь возникал из сумерек, пока не остановился на поляне, где начал уже подниматься туман.

— Почему стоим? — поинтересовался Бальт, вытер вспотевший лоб и достал свой короткий меч.

— Кричали здесь или где-то поблизости, — ответил Конан. — Я в таких случаях не ошибаюсь, даже в чаще. Но где же...

Снова послышался крик — у них за спиной, у тропы. Крик был тонкий и жалобный, вопль женщины, охваченной безумным страхом, — и вдруг он внезапно, разом перешел в издевательский хохот.

— Что это, во имя Митры... — лицо Бальта белело в сумерках.

Конан ахнул, выругался и помчался назад, ошарашенный аквилонец — за ним. И на этот раз он налетел-таки на внезапно остановившегося киммерийца — словно в каменную статую врезался. А Конан словно и не заметил этого...

Выглянув из-за богатырского плеча, юноша почувствовал леденящий ужас. Что-то двигалось в кустах вдоль тропы. Не шло, не летело, а вроде бы ползло. Но это была не змея. Очертания существа были размыты, оно было ростом повыше человека, но казалось менее массивным. К тому же оно испускало странное свечение — словно болотный огонек, словно ожившее пламя.

Конан выкрикнул проклятие и с дикой силой швырнул вслед

существу свой топор. Но тварь не спеша двигалась дальше, не меняя направления. Они еще некоторое время видели туманный силуэт, потом он бесшумно сгинул в дебрях.

С рычанием Конан продрался сквозь заросли и вышел на тропу. Бальт не успевал запоминать все новые и новые цветистые проклятия, в которых богатырь отводил душу. Конан замер над носилками с телом Тиберия. Труп был обезглавлен.

— Он надул нас своим поганым мяуканьем! — стервенел Конан и в гневе рассекал воздух над головой своим огромным мечом.— Я должен был это предвидеть! Должен был ждать какой-нибудь пакости! Значит, алтарь Зогара украсят все пять голов.

— Что же это за тварь — причитает, как женщина, хохочет, как демон, ползет и светится? — спросил Бальт, вытирая вспотевшее лицо.

— Болотный демон,— угрюмо сказал Конан.— Берись за носилки. Так или иначе, унесем труп. Тем более ноша стала легче.

И с этой мрачной шуткой взялся за кожаную петлю.

2. КОЛДУН ИЗ ГВАВЕЛИ

Форт Тускелан поднимался на западном берегу Черной Реки, и ее волны плескались у основания частокола. Частокол был из толстых бревен, как и все остальные постройки, в том числе и башня (так с гордостью именовалось это строение), в которой жил губернатор.

За рекой раскинулись бесконечные леса, вдоль берега они были густыми, как джунгли. День и ночь патрули на стенах форта внимательно всматривались в эту зеленую стену. Изредка оттуда выходила какая-нибудь опасная тварь, и стражники знали, что за ними тоже следят не менее внимательным голодным, диким и безжалостным взором. Постороннему глазу дебри за рекой могли показаться безлюдными и мертвыми, но они кишели жизнью — не только птицы, звери и пресмыкающиеся обитали там, но и люди, которые были страшнее любого хищника.

Здесь, в укреплении, кончался цивилизованный мир. Форт Тускелан был самым последним поселением на северо-западе. Дальше гиборийские народы не продвинулись. Мир за рекой был таким же, как тысячелетия назад. В тенистых лесах стояли хижины, крытые хворостом и украшенные оскаленными человеческими черепами, глинобитные селения, где горели костры и где точили наконечники копий худощавые неразговорчивые люди с курчавыми черными волосами и змеиными глазами. Эти глаза неотступно следили за фортом на том берегу. Когда-то хижины смуглого народа стояли на этом месте, где нынче раскинулись цветущие поля и деревянные дома русоволосых поселенцев, до самого Велитриума, беспокойного пограничного города на берегу Громовой Реки, и дальше — до боссонского пограничья. Сюда пришли торговцы и жрецы Митры — эти по обычаю ходили босиком и без оружия,

отчего и погибали часто страшной смертью, за ними двигались солдаты и лесорубы, их жены и дети на повозках, запряженных волами. Огнем и мечом аборигены были отброшены и за Громовую Реку, и за Черную. Но смуглолицый народ никогда не забывал, что этот край, называемый Конайохара, принадлежал ему.

Стражник у ворот потребовал назвать пароль. Сквозь зарешеченное окошко пробивался свет факела, отражаясь на стальном шлеме и в настороженных глазах.

— Открывай ворота! — рявкнул Конан. — Это же я!

Он терпеть не мог армейской дисциплины.

Ворота отворились во двор, и Конан с товарищем прошли в форт. Бальт заметил, что с двух сторон возвышались башенки с бойницами.

Стражник удивленно вскрикнул, увидев груз, доставленный пришельцами. Остальные тоже собрались посмотреть, но Конан сердито сказал:

— Вы что, безголовых покойников не видали?

— Это Тиберий, — прошептал один из солдат. — Я узнаю его по одежде. Стало быть, Валерий должен мне пять монет. Я же говорил ему, что Тиберий пошел на зов смерти, — я сам видел, как он со стеклянными глазами проезжал верхом на муле через ворота. Тогда я и поспорил, что не сносить ему головы.

Конан жестом приказал Бальту опустить носилки, и они оба направились в дом губернатора. Аквилонец с любопытством озирался, рассматривая конюшни, солдатские казармы, лавчонки, надежный блокгауз и прочие строения. Навстречу им через площадь спешил народ — поглядеть на страшную ношу. Здесь были и аквилонские копейщики, и следопыты, и коренастые боссонские лучники.

Бальт не слишком удивился, что губернатор принял их лично. Аристократия с ее сословными предрассудками осталась к востоку от границы. Валанн был человек еще молодой, хорошо сложенный, с благородным, но несколько угрюмым лицом.

— Мне сказали, что ты вышел из форта перед рассветом, — обратился он к Конану. — Я уже начал опасаться, что пикты все-таки добрались до тебя.

— По всей реке будет известно, когда они начнут за мной охотиться, — сказал Конан. — Потому что завывания пиктских женщин по своим покойникам услышат даже в Велитриуме. Я сам ходил в разведку. Не спалось — за рекой всю ночь били барабаны.

— Да они каждую ночь колотят, — сказал губернатор и внимательно поглядел на Конана. Он знал, что не стоит пренебрегать чутьем дикаря.

— Той ночью было по-другому, — сказал Конан. — И это с той поры, как Зогар Заг вернулся за реку.

— Да, надо было либо одарить его и отпустить, либо повесить, — вздохнул губернатор. — Ты ведь так и советовал, но...

— Да, трудно вам, гиборийцам, понимать здешние обычаи, —

сказал Конан.— Ну, да теперь ничего не поделаешь, и не будет покоя на границе до тех пор, пока Зогар Заг жив и вспоминает здешнюю тюрьму. Я следил за их воином — он переплыл реку, чтобы сделать пару зарубок на своем луке. Я размозжил ему голову и встретил этого молодца. Его зовут Бальт, и он прибыл из Таурана помочь нам охранять границу.

Губернатор благосклонно посмотрел на открытое лицо Бальта и его крепкую фигуру.

— Рад приветствовать тебя, молодой человек. Хотелось бы, чтобы побольше приходило сюда твоих сородичей. Нам нужны люди, привычные к лесному житью. А то многие из наших солдат и колонистов родом из восточных провинций. Они не только леса не знают, но и землю пахать не умеют.

— Да, в Велитриуме полно таких,— согласился Конан.— Но послушай, Валанн, мы нашли на дороге мертвого Тиберия...— и вкратце пересказал всю мрачную историю.

Валанн побледнел.

— Я не знал, что он покинул форт. Он что, с ума спятил?

— Именно,— кивнул Конан.— Спятил, как и четверо других. Каждый из них, когда приходил его час, терял рассудок и направлялся в лес навстречу собственной смерти, словно кролик, который лезет в пасть к удаву. Что-то потянуло его в чащу. Против чар Зогар Зага бессильна аквилонская цивилизация.

— Солдаты об этом знают?

— Мы оставили тело у восточных ворот.

— Лучше бы вы спрятали его в лесу. Солдаты и без того волнуются.

— Все равно бы узнали — не так, так этак. Ну, оставил бы я труп в лесу, а он бы снова вернулся в форт. Как покойник Сократ — они привязали его тело к воротам, чтобы люди поутру нашли его.

Валанн вздрогнул. Отвернувшись, он подошел к парапету башни и молча посмотрел на темную воду реки, в которой отражались звезды. За рекой черной стеной стояли джунгли. Отдаленный рев пантеры нарушил тишину. Ночь наступала, заглушая голоса солдат внизу и задувая огни. Ветер шумел в черных ветвях, волновал речную гладь. Ветер доносил из-за реки низкий пульсирующий звук.

— А в сущности,— сказал Валанн, словно бы рассуждая вслух,— что мы знаем... Что кто-нибудь знает о том, что творится в дебрях? Слышали только неясные байки об огромных болотах и реках, и что леса покрывают необозримые равнины и горы и обрываются только на побережье Западного Океана. Но какие тайны скрывает эта земля между Черной Рекой и океаном, мы не осмеливаемся даже предположить. Ни один белый человек не вернулся из этой чащобы и не рассказал нам, что там творится. И вся наша наука и образованность — она только до западного берега этой древней реки. Кто знает, что за твари, земные и неземные,

могут находиться за пределами того маленького светлого кружка, который мы называем знанием...

Кто знает, каким богам поклоняются во мраке этого языческого леса, что за демоны выползают из черной болотной грязи? Кто может с уверенностью сказать, что все обитатели этих темных краев принадлежат к этому свету? Зогар Заг... Мудрецы из восточных городов сочли бы его примитивное колдовство фокусами базарного факира, а он свел с ума и убил пятерых, причем совершенно необъяснимым образом. Я начинаю сомневаться — с человеком ли мы имеем дело?

— Если бы я подобрался к нему на бросок топора, все стало бы яснее ясного,— проворчал Конан. Не спросясь, он налил вина себе, а другой стакан подвинул к Бальту. Тот взял стакан, но с сомнением поглядел на хозяина.

Губернатор повернулся к Конану.

— Солдаты, которые не верят в духов и демонов,— сказал он,— уже в панике от страха. А ты, который верит в духов, призраков, гоблинов и прочую нежить, вовсе ее не боишься.

— Нет на свете ничего такого, что не разрубила бы холодная сталь,— ответил Конан.— Вот я метнул топор в демона и не поразил его. Но ведь я мог промахнуться в сумерках, топор мог налететь на ветку и отклониться. Словом, я не стану сходить с дороги, чтобы полюбоваться на демона, но и никакому демону дороги не уступлю.

Валанн поднял голову и поглядел киммерийцу в глаза.

— Конан, от тебя сейчас зависит больше, чем ты можешь предполагать. Ты знаешь все слабые места провинции — она, как тонкое лезвие кинжала в огромной туше леса. Ты знаешь, что жизнь всего населения западного пограничья зависит от этого форта. Если он падет, красные топоры вонзятся в ворота Велитриума раньше, чем всадник успеет туда доскакать. Его Величество или советники Его Величества не обратили внимания на мою просьбу усилить пограничный гарнизон. Они знать ничего не хотят о здешней обстановке и не желают присылать подкреплений. Судьба пограничья в наших руках.

Ты знаешь, что большая часть армии, покорившей Конайохару, отозвана. Ты знаешь, что оставшихся сил недостаточно, особенно с того дня, как этот дьявол Зогар Заг отравил колодцы, и в один день погибло четыреста человек. Среди оставшихся много больных, укушенных змеями или раненых хищниками, которых вокруг форта становится все больше. Люди верят в похвальбу Зогара, что он может вызывать лесных зверей для расправы над своими врагами.

У меня три сотни копейщиков, четыреста боссонских лучников и, может, полсотни следопытов, вроде тебя. Хотя бы было и в десять раз больше — все равно мало. Честно скажу тебе, Конан, положение мое аховое. Солдаты поговаривают о дезертирстве — они верят, что Зогар Заг насылает на нас демонов. Боятся черной

заразы, которой он угрожал, черной смерти с болот. Когда я вижу заболевшего солдата, меня в пот бросает — вдруг он почернеет, высохнет и умрет у меня на глазах!

Конан, если начнется мор, солдаты сбегут все до единого. Граница останется без охраны, и ничто не удержит орду, которая примчится под стены Велитриума, а может, и дальше. Если мы не сумеем отстоять форт, то они и подавно не спасут город.

Словом, если мы хотим удержать Конайохару, Зогар Заг должен умереть. Ты уходил на тот берег дальше всех нас, ты знаешь, где находится деревня Гвавели, тебе знакомы лесные тропы за рекой. Возьми-ка нынешней ночью несколько человек и попробуй убить его или взять в плен. Да, я знаю, что это безумная затея, и вряд ли вы вернетесь живыми. Но если этого не сделать, мы все погибли. Возьми столько людей, сколько сочтешь нужным.

— Дюжина справится с этой работой скорее, чем полк,— ответил Конан.— Пятьсот солдат не пробьются к Гвавели, а дюжина проскользнет. Позволь мне самому выбрать людей. Солдаты мне ни к чему.

— Позволь пойти с тобой! — волнуясь, крикнул Бальт.— У себя в Тауране я всю жизнь охотился на оленей!

— Согласен. Валанн, я пойду в таверну, где собираются следопыты, и выберу тех, кто мне нужен. Выйдем через час. Спустимся на лодке пониже деревни и подберемся к ней лесом. Ну, если будем живы, вернемся утром!

3. ПОЛЗУЩИЕ ВО ТЬМЕ

Река была словно туманная дорога между двумя черными стенами. Весла погружались в воду бесшумно, как клюв цапли. Широкие плечи того, кто сидел перед Бальтом, отливали в темноте синим. Юноша знал, что даже опытный глаз следопыта на носу лодки видит сейчас не дальше, чем на несколько локтей. Конан выбирал направление чутьем, потому что прекрасно знал реку.

Бальт хорошо присмотрелся к своим спутникам еще в форте, когда они вышли за частокол и садились в лодку. Это были люди той самой породы, которая зарождалась в суровом пограничном краю, люди, поневоле овладевшие искусством жить и выживать в лесах. Они даже внешне походили друг на друга, и наряд их был сходен — козловые сапоги, кожаные штаны и куртки, широкие пояса, и оружие — топоры и короткие мечи, и лица у всех были иссечены шрамами, а глаза смотрели жестко.

Они тоже были дикарями, но все-таки между ними и киммерийцем лежала пропасть. Они — дети цивилизации, опустившиеся на варварский уровень. Он — варвар в тысячном поколении. Они научились прятаться и подкрадываться, он таким родился. Они были волками, он — тигром.

Бальт восхищался ими, восхищался предводителем и страшно гордился, что его допустили в такую компанию. Гордился и тем,

что его весло было так же бесшумно, как у всех. Хотя бы в этом он был равен им — ведь охотничье искусство в Тауране не шло ни в какое сравнение с пограничным.

Вниз по течению от форта река описывала широкую петлю. Быстро скрылись из виду огни сторожевых постов, но лодка прошла еще с милю, с необыкновенной точностью избегая мелей и топляков.

Потом, по сигналу предводителя, повернули к западному берегу. Лодка покинула спасительную тень зарослей и выплыла на стрежень, где ее легко можно было заметить. Но свет звезд был неярким, и Бальт надеялся, что никто за рекой не наблюдает.

Когда подошли к зарослям западного берега, Бальт протянул руку и ухватился за какое-то корневище. Не было произнесено ни слова. Все распоряжения были отданы еще до выхода из форта. Конан бесшумно перелез через борт и исчез в зарослях. За ним в полной тишине последовали девять других. Один из следопытов остался в лодке с Бальтом.

У них было свое задание: сидеть и ждать возвращения остальных. Если же Конан с товарищами не вернутся с первыми лучами солнца, надлежало подняться вверх по реке и доложить в форте, что дебри снова взяли положенную им дань. Тишина была угнетающей. Ни один звук не доносился из черного леса. Даже барабаны не били. Юноша напрягал глаза, напрасно стараясь разглядеть что-нибудь в этом мраке. От воды тянуло холодом. Где-то поблизости плеснула рыба — так, во всяком случае, ему показалось. Лодка даже вздрогнула от носа до руля. Тот, кто сидел на корме, отпустил руль, и Бальт обернулся, чтобы выяснить, в чем дело.

Напарник не отвечал — уж не задремал ли? Бальт протянул руку и тронул его за плечо. От прикосновения тело следопыта покачнулось и сползло на дно лодки. Дрожащие пальцы Бальта коснулись шеи товарища, и, только крепко сжав зубы, юноша сумел подавить в себе крик. Горло следопыта было перерезано от уха до уха.

В ужасе Бальт поднял голову — и тотчас же мускулистая рука крепко зажала ему шею. Лодка заплясала на воде. В руке Бальта оказался нож — он и сам не заметил, как достал его из-за голенища. Нанес наугад несколько яростных ударов. Лезвие вошло глубоко, раздалось сатанинское рычание, со всех сторон ему ответил жуткий звериный вой, и другие руки вцепились в Бальта. Под тяжестью многих тел лодка опрокинулась, и, прежде чем она пошла ко дну, Бальта шарахнули чем-то по голове, он увидел огненную вспышку и погрузился во тьму, в которой не горели даже звезды.

4. ЗВЕРИ ЗОГАРА ЗАГА

Когда сознание начало медленно возвращаться к Бальту, он вновь увидел пламя. Свет резал глаза. Вокруг стоял сплошной шум, постепенно распадавшийся на отдельные звуки. Он поднял голову и огляделся. Вокруг на алом фоне пламени костров вырисовывались черные силуэты.

Память вернулась разом. Он был привязан к столбу посреди площадки, окруженной дикими и страшными существами. Позади них пылали костры, разведенные нагими темнокожими женщинами. Дальше стояли глиняные хижины, за ними — частокол с широкими воротами.

Люди, окружившие его, были широкоплечими и узкобедрыми, пламя костра подчеркивало игру их могучих мускулов. Темные лица были неподвижны, но узкие глаза горели, как у тигров. Взлохмаченные волосы были перехвачены медными обручами. Вооружены они были мечами и топорами. Многие были в крови, с повязками на руках и ногах — видно, недавно был бой.

Он отвел глаза от тех, что пленили его, и издал крик ужаса: в двух шагах от него возвышалась пирамида из окровавленных человеческих голов. Мертвые стеклянные взоры были обращены к небу. Среди лиц, глядящих в его сторону, Бальт узнал тех, кто пошел за Конаном. Была ли и его голова в этой куче? За пирамидой голов лежали тела пяти или шести пиктов — по крайней мере, следопыты дорого продали свои жизни.

Отвернувшись от ужасного зрелища, он увидел напротив другой столб. К нему был привязан лианами еще один из людей Конана. На нем оставили только кожаные штаны. Кровь текла у него изо рта и раны в боку. Он поднял голову, облизал пересохшие губы и пробормотал:

— Так тебя тоже поймали!

— Они подплыли незаметно и перерезали горло моему напарнику,— простонал Бальт.— Но мы ничего не слышали до последнего. О Митра, можно ли передвигаться вообще без звука?

— Это же дьяволы,— сказал следопыт.— Видно, они заметили нас еще на середине реки. Мы попали в засаду. Не успели опомниться, как со всех сторон полетели стрелы. Большинство из нас были убиты сразу. Трое или четверо схватились врукопашную. Но их было слишком много. А вот Конан, пожалуй, скрылся. Я не видел его головы. Лучше бы нас с тобой сразу прикончили! Конана винить не в чем. Мы бы добрались до деревни незамеченными, у них нет постов на берегу в том месте, где мы причалили. Должно быть, мы напоролись на большой отряд, шедший вверх по реке с юга. Готовится какая-то чертовщина — здесь слишком много пиктов. Кроме здешних здесь люди из западных племен, с верховьев и низовьев реки...

Бальт глядел на дикарей. Не много знал он о жизни пиктов, но соображал, что такого количества жителей в деревне быть попро-

сту не может. Потом заметил, что боевая раскраска и украшения из перьев у воинов были разные — значит, и вправду сюда собрались разные племена и кланы.

— Какая-то дьявольщина,— бормотал следопыт.— Может, они собрались посмотреть на колдовство Зогара? Он будет совершать чудеса с помощью наших трупов. Ну что ж, житель пограничья и не надеется умереть в своей постели. Но неплохо бы сдохнуть вместе со всеми этими...

Волчьи завывания пиктов зазвучали громче, в толпе началось движение — сразу было видно, что приближается важная персона. Обернувшись, он увидел, что столб вкопан перед длинным строением, превосходящим размерами другие хижины и украшенным человеческими черепами вдоль крыши. В дверях кружилась фантастическая фигура.

— Зогар,— прорычал следопыт и скривился от боли.

Бальт увидел худощавого человека среднего роста в одежде из страусиных перьев. Из перьев выглядывала отвратительная злобная физиономия. Перья почему-то особенно поразили Бальта. Он знал, что их привозят откуда-то из немыслимого далека на юге. Они зловеще шуршали, когда колдун приплясывал и кривлялся.

Так, танцуя, он вошел на площадку и закружился вокруг связанных пленников. Другой бы на его месте казался смешным — безмозглый дикарь, бессмысленно подпрыгивающий под шорох перьев. Но страшное лицо придавало всему этому совершенно иное значение. Ничего смешного не было в этом сатанинском лике.

И вдруг он застыл, как статуя; перья взметнулись в последний раз и опали. Зогар Заг выпрямился и стал казаться куда выше ростом и массивнее. Бальту почудилось, что он поднялся над ним и глядит откуда-то сверху, хотя колдун был никак не выше аквилонца.

Волшебник заговорил гортанным и скрипучим голосом, похожим на шипение кобры. Он вытянул голову в сторону раненого следопыта, и тот плюнул ему в лицо.

Дико взвыв, Зогар отпрыгнул далеко в сторону, а воины зарычали так, что звезды содрогнулись. Они бросились к пленнику, но колдун остановил их. Потом послал несколько человек к воротам. Они открыли их нараспашку и вернулись. Кольцо воинов разделилось пополам. Бальт увидел, что женщины и голые детишки попрятались по хижинам и выглядывают из дверей и окон. Образовался широкий проход к воротам, за которыми стоял черный лес.

Наступила мертвая тишина. Зогар Заг повернулся к лесу, встал на кончики пальцев и направил в ночь пронзительный, душераздирающий, нечеловеческий вопль. Где-то далеко в дебрях ему отозвался низкий рев. Бальт задрожал. Ясно было, что это не человеческий голос. Он вспомнил слова Валанна о том, что Зогар хвастался своим умением вызывать зверей из леса. Лицо следопыта под кровавой маской побледнело.

Деревня затаила дыхание. Зогар Заг стоял неподвижно, только перья слегка колыхались. В воротах что-то появилось.

Вздох пробежал по деревне, и люди лихорадочно стали разбегаться и прятаться между хижинами. Тварь, стоящая в воротах, казалась ожившим кошмаром. Шерсть на ней была светлая, отчего в ночи вся фигура представлялась призрачной. Но не было ничего сверхъестественного ни в низко посаженной голове, ни в огромных кривых клыках, поблескивающих при свете костра. Двигался зверь бесшумно, как видение былого. Это был пережиток древних времен, людоед-убийца старинных легенд — саблезубый тигр. Ни один гиборийский охотник вот уже сотни лет не встречал этого чудовища.

Зверь, направлявшийся к привязанным жертвам, был длиннее и тяжелее обычного полосатого тигра, силой же равнялся медведю. Мозга в массивной голове было немного, да он в данном случае и не требовался. Это был самый идеальный хищник из всех снабженных когтями и клыками.

Вот кого призвал Зогар Заг из дебрей. Теперь Бальт не сомневался в чарах. Только чародейство могло совладать с этой примитивной могучей тварью. И внезапно в глубине сознания юноши прозвучало имя древнего бога тьмы и ужаса, которому поклонялись некогда и люди, и звери, и дети которого, по слухам, все еще обитали в разных частях света.

Чудовище прошло мимо тел пиктов и кучи голов, не коснувшись их. Тигр брезговал падалью. Всю жизнь он охотился только на живых существ. Неподвижные глаза его горели голодным огнем. Из раскрытой пасти капала слюна. Колдун отступил и показал рукой на следопыта.

Огромная кошка припала к земле. Бальт вспомнил рассказ о том, что саблезубый тигр, напав на слона, вонзал свои клыки в голову лесного великана так глубоко, что не мог потом вытащить и подыхал с голоду. Колдун пронзительно завизжал, и зверь прыгнул.

Удар пришелся в грудь следопыту, столб треснул и рухнул на землю. А потом саблезубый потрусил к воротам, таща за собой кусок мяса, только что бывший человеком. Бальт смотрел на все это, и разум его отказывался верить зрению.

В прыжке зверь не только своротил столб, но и оторвал от него окровавленное тело. В мгновение ока страшные когти разорвали несчастного на куски, а огромные зубы вырвали кусок головы, с легкостью пробив кость. Бальта вырвало. Ему случалось выслеживать и медведей, и пантер, но никогда он не видел зверя, способного в секунду превратить человека в кровавые ошметки.

Саблезубый исчез за воротами, его рычание еще раз сотрясло заросли и затихло вдали. Пикты все еще не решались выйти из-за хижин, а колдун стоял и смотрел в сторону ворот. Они были открыты для тьмы.

Бальт покрылся холодным потом. Какой новый ужас выйдет

из леса к нему самому? Он попытался освободиться — тщетно. Ночь обступала его со всех сторон, и даже костры казались адским пламенем. Он чувствовал на себе взгляды пиктов — сотни голодных безжалостных глаз. Они уже не были похожи на людей — демоны из черных джунглей, такие же, каких вызывал колдун в страусиных перьях.

Зогар послал в темноту следующий призыв, совсем не похожий на предыдущий. Слышалось в нем отвратительное шипение — и кровь заледенела в жилах юноши. Если бы змея могла шипеть очень громко, как раз такой звук и получился бы.

Ответа на этот раз не последовало — тишину нарушал только отчаянный стук сердца юноши. Потом за воротами раздался шум, сухое шуршание, и в проходе появилось отвратительное тело.

И снова это было чудовище из древних легенд. То был гигантский змей. Голову он держал на уровне человеческого роста, и была треугольная эта голова размером с лошадиную. Дальше тянулось бледно отсвечивающее тело. Раздвоенный язык извивался, торчали острые зубы.

Бальт ничего не видел и не слышал. Страх парализовал его. Древние называли этого гигантского гада Змей-Призрак за белесую окраску. Он вползал по ночам в хижины и губил целые семьи. Жертвы свои он или душил, как удав, или убивал ядом своих зубов. Он также считался вымершим. Но прав был Валанн: ни один белый не знает, что творится в дебрях по ту сторону Черной Реки.

Змей приблизился, держа голову на той же высоте и слегка откинув ее назад — готовился нанести удар. Остекленевшими глазами глядел Бальт на страшную пасть, в которой суждено было ему сгинуть, и не чувствовал ничего, кроме легкой тошноты.

Потом что-то сверкнуло, метнулось из темноты между хижинами, и огромный змей забился в конвульсиях. Как во сне увидел Бальт, что шея чудовища насквозь пробита копьем.

Извиваясь в агонии, обезумевший змей врезался в толпу людей, и они метнулись назад. Копье не повредило позвоночника, пробило только мышцы. Бешено колотящийся хвост змея поверг на землю дюжину воинов, с зубов брызгал яд, обжигающий кожу. Люди завыли, запричитали и бросились врассыпную, давя и увеча друг друга. Тут змея еще угораздило заползти в костер, и боль придала ему силы: стена хижины рухнула под ударом хвоста, и люди с завываниями побежали прочь. Некоторые бежали прямо через костры. Картина была впечатляющая: посередине площади бьется огромное пресмыкающееся, а от него разбегаются люди.

Бальт услышал какое-то движение позади себя, и руки его неожиданно оказались свободными. Сильная рука потянула его назад. Пораженный, он узнал Конана и почувствовал, как могучие пальцы схватили его за плечо.

Доспехи киммерийца были в крови, кровь засохла на мече.

— Бежим, пока они не опомнились?

Бальт почувствовал, что в руку ему вкладывают топор. Зогар Заг исчез. Конан тащил Бальта за собой до тех пор, пока тот окончательно не пришел в себя. Тогда киммериец отпустил его и вбежал в дом, украшенный черепами. Бальт за ним. Он увидел страшный каменный жертвенник, слабо освещенный откуда-то изнутри. Пять человеческих голов лежали на этом алтаре — Бальт сразу узнал голову купца Тиберия. За жертвенником стоял идол — получеловек, полузверь. И вдруг, к ужасу Бальта, он стал подниматься, гремя цепью и воздевая руки к небу.

Свистнул смертоносный меч Конана, и киммериец снова потащил Бальта за собой к другому выходу из дома. В нескольких шагах от двери возвышался частокол.

За святилищем было темно. Никто из убегающих пиктов сюда не попал. Возле изгороди Конан остановился и поднял Бальта на руках, как младенца. Бальт ухватился за концы бревен и, обдирая пальцы, вскарабкался наверх. Он протянул руку киммерийцу, когда из-за угла хижины выскочил пикт и встал как вкопанный, глядя на человека у изгороди. Удар топора киммерийца был верным, но пикт успел закричать раньше, чем голова его развалилась пополам.

Никакой страх не помеха врожденным инстинктам: как только воющая толпа услыхала сигнал тревоги, сотни голосов ответили на него и воины помчались отбивать нападение, сигнал о котором подал убитый.

Конан высоко подпрыгнул, ухватил Бальта повыше локтя и подтянулся. Бальт стиснул зубы, чтобы выдержать тяжесть тела, но киммериец был уже наверху, и беглецы оказались по ту сторону частокола.

5. ДЕТИ ИРГАЛА ЗАГА

— В какой стороне река?

— К реке и соваться нечего,— буркнул Конан.— Лес от деревни до реки кишит пиктами. Вперед! Направимся туда, где нас не ждут,— на запад!

Бальт в последний раз оглянулся и увидел, что из-за частокола торчат черные головы пиктов. Но они подбежали слишком поздно, а беглецы уже скрылись в зарослях.

Бальт понял: дикари еще не сообразили, что пленник бежал. Судя по крикам, воины под предводительством Зогара Зага добивали стрелами раненого змея. Чудовище вышло из повиновения колдуну. Через минуту раздались гневные вопли: бегство было обнаружено.

Конан расхохотался. Он вел Бальта по узкой тропинке с такой быстротой и уверенностью, словно это был проезжий тракт. Бальт ковылял за ним.

— Теперь они бросятся в погоню: Зогар увидел, что тебя нет.

Он знает также, что и моей головы не хватает в общей куче. Собака! Если бы у меня было второе копье, я бы прикончил его раньше, чем змея. Держись тропинки. Они сначала побегут к реке, растянут там цепь из воинов на пару миль и станут нас ждать. А мы не уйдем в чащу, пока не подопрет. По тропинке быстрее получится. А теперь, парень, давай-ка беги так, как ты в жизни еще не бегал!

— А быстро они опомнились,— пропыхтел Бальт и прибавил ходу.

— Да, страх у них скоро проходит,— проворчал Конан.

Некоторое время они молчали и продолжали углубляться все дальше и дальше от цивилизованного мира. Но Бальт знал, что Конан всегда делает правильно. Наконец киммериец сказал:

— Когда будем уже далеко от деревни, сделаем большую петлю к реке. На много миль от Гвавели нет других поселений. А вокруг деревни собрались все пикты. Мы обойдем их. До света они не нападут на след, а уж потом мы оставим тропу и свернем в чащу.

Они продолжали бег. Крики позади затихли. Свистящее дыхание вырывалось сквозь стиснутые зубы Бальта. Закололо в боку, бежать было все труднее. Он то и дело влетал в кусты по краям тропы. Внезапно Конан остановился, обернулся и стал вглядываться в темноту дороги.

Где-то вверху над ветвями неторопливо всходила бледная луна.

— Сворачиваем?— прохрипел Бальт.

— Дай-ка мне топор,— прошептал Конан.— Сзади кто-то есть.

— Тогда лучше уйдем с тропы!— крикнул Бальт.

Конан помотал головой и толкнул спутника в кусты. Луна поднялась выше и осветила дорогу слабым светом.

— Мы же не можем драться с целым племенем!— шепнул Бальт.

— Человек не смог бы нас так быстро выследить и догнать!— проворчал Конан.— Тс-с-с!

Наступила тишина. Внезапно на тропе появился зверь. Бальт содрогнулся при мысли о том, что это может быть саблезубый. Но это был всего лишь леопард. Он зевнул, открывая клыки, и глянул на тропу. Если даже и тянуло сейчас ветерком, то в сторону укрывшихся людей, а не от них. Зверь склонил голову и обнюхал тропу, после чего не спеша двинулся вперед. Дрожь пробежала по спине аквилонца: леопард, несомненно, выслеживал их.

И выследил. Зверь поднял голову, и глаза его вспыхнули, как два огненных шара. Раздалось глухое рычание, и Конан метнул топор.

Всю свою силу вложил киммериец в этот удар. Серебром сверкнуло лезвие в лунном свете — и леопард забился на земле. Топор торчал у него посередине лба.

Конан выскочил из кустов, схватил оружие, леопарда же зашвырнул куда-то между деревьев.

— Теперь бежим, и быстро! — сказал он и свернул в чащу в южном направлении. — За этой кошечкой подойдут воины. Зогар отправил его за нами, как только опомнился. Пикты идут следом, но они еще далеко. Он бегал вокруг деревни, пока не взял след, а потом полетел как молния. Так что они знают, в какую сторону идти. Он подавал им знак рычанием. Ха, больше не подаст, но они увидят кровь на тропе, найдут и падаль в кустах. Могут и наши следы увидеть, так что иди осторожно.

Он без всяких усилий прошел через колючий кустарник и двинулся дальше, не касаясь стволов деревьев и ступая на такие места, где не было видно следов. Бальт неуклюже повторял его действия.

Они прошли еще с милю, и Бальт спросил:

— Неужели Зогар Заг ловит леопардов и превращает их в гончих псов?

— Нет, этого леопарда он вызвал из леса.

— Если он может приказывать зверям, так почему же не пошлет их всех в погоню за нами?

Конан некоторое время молчал, потом отозвался сдержанно:

— Он не может приказать любому зверю. Он властен только над теми, кто помнит Иргала Зага.

— Иргал Заг? — с волнением повторил Бальт древнее имя. Он слышал его раза три или четыре в жизни.

— Некогда ему поклонялись все живые существа. Это было давно, когда люди и звери говорили на одном языке. Но люди все забыли, да и звери тоже. Помнят лишь немногие. Люди и звери, помнящие Иргала Зага, считаются братьями и понимают друг друга.

Бальт ничего не сказал: перед его глазами встали ворота, через которые приходили чудовища из дебрей.

— Цивилизованные люди смеются, — сказал Конан. — Но ни один не объяснит, каким это образом Зогар Заг вызывает из чащи удавов, тигров, леопардов и заставляет себе служить. Он даже может сказать мне, что это ложь, если осмелится. Таков обычай цивилизованных людей — они не желают верить в то, что не может объяснить их скороспелая наука.

Народ в Тауране был не такой ученый, как остальные аквилонцы, они помнили древние легенды и верили им. Поэтому Бальт, который видел подобное своими глазами, был уверен, что все, сказанное Конаном, — правда...

— Где-то в этих местах есть древняя роща, посвященная Иргалу Загу, — сказал Конан. — Я ее не нашел. Но рощу эту помнят многие звери...

— Значит, и другие пойдут по нашему следу?

— Уже пошли, — ответил спокойно Конан. — Зогар Заг не доверил бы такое важное дело одному животному.

— Что же нам делать? — взволнованно спросил Бальт. Ему казалось, что еще минута — и со всех сторон в него вонзятся когти и клыки.

— Подожди-ка!

Конан отвернулся, встал на колени и начал вырезать ножом на земле какой-то знак. Бальт глянул через плечо и ничего не понял. Какой-то странный стон пробежал по ветвям, хотя ветра не было. Конан поднялся и угрюмо поглядел на свою работу.

— Что это? — прошептал Бальт. Рисунок был непонятный и явно древний. Юноша полагал, что он незнаком ему по неграмотности. Но его не смог бы понять и ученейший из мужей Аквилонии.

— Я видел этот знак, вырезанный на камне в пещере, куда миллион лет не ступала человеческая нога,— сказал Конан.— Это было в безлюдных горах за морем Вилайет, за полсвета отсюда. Потом этот же знак начертил в песке у безымянной реки один знахарь из страны Куш. Он мне и растолковал его значение. Этот знак — символ Иргала Зага и тех, кто ему служит. Теперь смотри!

Они отступили в кустарник и стали в молчании ждать. На востоке били барабаны, им отзывались другие, на севере и западе. Бальт задрожал, хотя и знал, что многие мили леса отделяют его от тех, кто бил в эти барабаны.

Он и сам не заметил, как затаил дыхание. Потом листья с легким шорохом разошлись и на тропу вышла великолепная пантера. Блики лунного света играли на ее блестящей шкуре.

Она наклонила голову и двинулась к ним — почуяла след. Потом вдруг встала и начала обнюхивать начерченный на земле знак. Время шло; пантера пригнула свое длинное тело к земле и стала отбивать поклоны перед знаком. Бальт почувствовал, как волосы шевелятся у него на голове. Огромный хищник выказывал страх и почтение знаку.

Пантера поднялась и, касаясь брюхом земли, осторожно отошла и, словно охваченная внезапным страхом, помчалась и скрылась в зарослях.

Бальт вытер лоб дрожащей рукой и посмотрел на Конана. Глаза варвара пылали огнем. Сейчас он принадлежал к дикому древнему миру, от которого у большинства людей и воспоминаний не осталось.

А потом этот огонь погас и Конан в молчании продолжил путь через дебри.

— Зверей можно не бояться,— сказал он наконец.— Но этот знак увидят и люди и сразу поймут, что мы свернули к югу. Но поймать нас без помощи зверей будет не так-то легко. В лесах к югу от дороги будет полно воинов. Если мы будем двигаться днем, непременно на них нарвемся. Так что лучше найдем подходящее место и дождемся ночи, а тогда повернем к реке. Нужно предупредить Валанна, но мы ему не поможем, если позволим прикончить себя.

— Предупредить? О чем?

— Проклятье! Леса вдоль реки кишат пиктами! Вот почему они нас поймали. Зогар затеял войну, а не обычный набег. Он сумел соединить пятнадцать или шестнадцать кланов. С помощью магии, конечно: за колдуном пойдут охотнее, чем за вождем. Ты видел толпу в деревне, а на берегу прячутся еще сотни. И с каждой минутой прибывают новые. Тут будет не меньше трех тысяч воинов. Я лежал в кустах и слышал их разговор, когда они проходили мимо. Они хотят штурмовать форт. Когда — не знаю, но Зогар долго тянуть не будет. Если не повести пиктов в бой, они перегрызут глотки друг другу.

Возьмут они форт или нет — неизвестно, но предупредить людей надо. Поселенцам вдоль велитрийской дороги нужно бежать в форт или в город. Пока одни пикты будут осаждать форт, другие пойдут дальше, к Громовой Реке, а там столько усадеб...

Они углублялись все дальше и дальше в чащу, пока киммериец не хмыкнул от удовольствия. Деревья стали реже, и началась идущая на юг каменная гряда. А на голом камне даже пикт никого не выследит.

— Как же ты спасся? — спросил юноша.

Конан похлопал себя по кольчуге и шлему.

— Если бы следопыты носили такие железки, то меньше черепов было бы в святилищах пиктов. Но они не умеют ходить в них бесшумно. Словом, пикты ждали нас по обе стороны тропы и замерли. А когда пикт замирает, то его не увидит даже лесной зверь, хоть и пройдет в двух шагах. Они заметили нас на реке и заняли удобную позицию. Если бы они устроили засаду после того, как мы высадились, то я бы ее учуял. Но они уже ждали, так что даже лист не шелохнулся. Тут и сам дьявол ничего бы не заподозрил. Вдруг я услышал, как натягивается тетива. Тогда я упал и крикнул людям, чтобы тоже падали, но они были слишком медлительны и дали себя перебить.

Большинство погибли от стрел сразу — их пускали с двух сторон. Некоторые попали даже друг в друга — я слышал, как они там завывали...

Довольная улыбка тронула его губы.

— Те, кто остался в живых, бросились в лес и схватились с врагом. Когда я увидел, что все убиты и схвачены, то пробился в лес и стал прятаться от этих раскрашенных чертей. Я и бежал, и полз, и на брюхе в кустах лежал, а они шли со всех сторон. Сначала я хотел вернуться на берег, но увидел, что они только этого и ждут.

Я бы пробился и даже переплыл реку, но услышал, как в деревне бьют барабаны. Значит, кого-то схватили живьем.

Они были настолько увлечены фокусами Зогара, что я смог перелезть через частокол за святилищем. Тот, кто должен был стеречь это место, пялился на колдуна из-за угла. Пришлось по-

дойти к нему сзади и свернуть шею — бедняга и понять ничего не успел. Его копьем поражен змей, а его топор у тебя.

— А что за гадину ты убил в святилище? — вспомнил Бальт и вздрогнул, представив это страшилище.

— Один из богов Зогара. Беспамятное дитя Иргала Зага — вот он его и держал на цепи. Обезьяна-бык. Пикты считают ее символом Лохматого Бога, что живет на Луне, — бога-гориллы по имени Гуллах. Место здесь удачное. Тут и дождемся ночи, если нам не станут наступать на пятки.

Перед ними был невысокий холм, заросший деревьями и кустами. Лежа между камнями, они могли наблюдать за лесом, оставаясь невидимыми. Пиктов Бальт уже не опасался, но вот зверей Зогара побаивался. Он стал сомневаться в магическом знаке, но Конан успокоил его.

Небо между ветвями стало постепенно бледнеть. Бальт начал испытывать голод. Барабаны вроде бы умолкли. Мысли юноши вернулись к сцене перед святилищем.

— Зогар Заг был весь в страусиных перьях, — сказал он. — Я видел такие у рыцарей с востока, которые приезжали в гости к нашим баронам. Но ведь в этих лесах страусы не водятся?

— Эти перья из страны Куш, — ответил Конан. — Далеко к западу отсюда лежит берег моря. Время от времени к нему пристают корабли из Зингары и продают тамошним племенам оружие, ткани и вино в обмен на шкуры, медную руду и золотой песок. Торгуют и страусиными перьями — они берут их у стигийцев, а те, в свою очередь, у черных племен страны Куш. Пиктские колдуны хорошо платят за эти перья. Только опасная это торговля. Пикты так и норовят захватить корабль, поэтому побережье пользуется дурной славой у моряков. Я там бывал с пиратами с островов Бараха, что лежат к югу от Зингары.

Бальт с удивлением посмотрел на спутника.

— Я знаю, что ты не всю жизнь проторчал на границе. Тебе, наверное, пришлось много пострансствовать?

— Да, забирался я так далеко, как ни один человек из моего народа. Видел все большие города гиборийцев, шемитов, стигийцев и гирканцев. Скитался по неведомым землям к западу от моря Вилайет. Был капитаном наемников, корсаром, мунганином, нищим бродягой и генералом — эх! Не был только королем цивилизованной страны, да и то, может, стану, если не помру.

Мысль эта показалась ему забавной, он улыбнулся. Потом потянулся и вольготно развалился на камне.

— Но и здешняя жизнь неплоха, как и всякая другая. Я не знаю, сколько проживу на границе — неделю, месяц, год. У меня бродяжья жизнь — в самый раз для пограничья.

Бальт внимательно наблюдал за лесом, каждую минуту ожидая, что из листвы покажется размалеванное лицо. Но проходили часы, и ничто не нарушало покоя. Бальт уже решил, что пикты потеряли след и прекратили погоню. Конан оставался озабоченным.

— Мы должны выследить отряды, которые прочесывают чащу. Если они и прекратили погоню, то из-за того, что появилась лучшая добыча. Думаю, они собираются переплыть реку и напасть на форт.

— Значит, мы ушли так далеко на юг, что они потеряли след?

— След потеряли, это ясно, иначе они уже давно были бы тут. При других обстоятельствах они перетряхнули бы лес по всем направлениям. И тогда мы бы хоть одного-двух заметили. Значит, точно — переправляются через реку. Не знаю только, на сколько они ушли вниз по течению. Надеюсь, что мы еще ниже. Что ж, попытаем счастья.

Они начали спускаться с камней. Бальту все время казалось, что его спина — мишень для стрел, могущих вылететь в любую минуту из засады. Но Конан был уверен, что врагов поблизости нет,— и оказался прав.

— Сейчас мы на много миль южнее деревни. Пойдем прямо к реке.

И с поспешностью, которая показалась Бальту излишней, они двинулись на восток. Лес словно вымер. Конан полагал, что все пикты собрались в районе Гвавели, если еще не форсировали реку. Впрочем, они вряд ли сделали бы это днем. Кто-то из следопытов наверняка их заметил бы и поднял тревогу. Они переправятся выше и ниже форта, там, где стража их не увидит. Потом остальные сядут в челны и направятся туда, где частокол спускается в воду. И нападут на форт со всех сторон. Они и раньше безуспешно пытались это сделать, но сейчас у них достаточно людей для штурма.

Они шли не останавливаясь, хотя Бальт с тоской поглядывал на белок, снующих между ветвей,— их так легко было достать броском топора! Он вздохнул и потуже затянул пояс. Тишина и мрак, царящие в дебрях, начали его угнетать. Он возвращался мыслями на солнечные луга Таурана, к отцовскому дому с островерхой крышей, к упитанным коровам, щиплющим сочную траву, к своим добрым друзьям — жилистым пахарям и загорелым пастухам.

В обществе варвара он чувствовал себя одиноким. Конан был в лесу настолько своим, насколько он сам чужим. Киммериец мог годами жить в больших городах и быть запанибрата с их владыками, в один прекрасный день могла исполниться безумная его мечта стать королем цивилизованной страны — такие вещи случались. Но он не перестал бы быть варваром. Ему были знакомы лишь самые простые законы жизни. Волк останется волком, если даже случай занесет его в стаю цепных псов.

Тени удлинились, когда они вышли на берег реки и огляделись из-за кустов. Река просматривалась примерно на милю в обе стороны. Берег был пуст.

— Здесь опять придется рискнуть. Переплывем реку. То ли

они переправились, то ли нет. Может, их полно на том берегу. Но мы должны рискнуть.

Зазвенела тетива, и Конан пригнулся. Что-то вроде солнечного зайчика мелькнуло между ветвями — это была стрела.

Конан тигриным прыжком преодолел кусты. Бальт увидел только блеск стали и услышал глухой вскрик. Потом двинулся вслед за киммерийцем.

Пикт с рассеченной головой лежал на земле и царапал пальцами траву. Шестеро остальных кружились возле Конана. Луки они отбросили за ненадобностью. Узоры на их лицах и телах были незнакомы аквилонцу.

Один из них метнул топор в юношу, подбегавшего с ножом в руке. Бальт уклонился и перехватил руку врага с кинжалом. Оба упали и покатились по земле. Пикт был силен, как дикий зверь.

Бальт напрягал все силы, чтобы не выпустить руки дикаря и воспользоваться своим топором, но все попытки кончались неудачей. Пикт отчаянно вырывал руку, не отпуская топора Бальта и колотя его коленом в пах. Внезапно он попытался переложить кинжал из одной руки в другую, оперся на колено, и Бальт, воспользовавшись этим, молодецким ударом топора раскроил ему лоб.

Юноша вскочил на ноги и стал искать спутника, опасаясь, что враги его одолели числом. И только тогда он понял, как страшен и опасен в бою киммериец. Двух врагов Конан уже уложил, распластав мечом почти до пояса. Третий замахнулся коротким мечом, но Конан парировал удар и подскочил к дикарю, решившему поднять лук и пустить его в дело. Прежде чем пикт успел выпрямиться, кровавый клинок рухнул вниз, перерубил его от плеча до груди и застрял в ней. С обоих сторон атаковали киммерийца двое оставшихся, но одного Бальт успокоил метким броском топора. Конан бросил застрявший меч и повернулся к врагу с голыми руками. Коренастый пикт, на голову ниже его, замахнулся топором и одновременно ударил ножом. Нож сломался о доспехи киммерийца, топор же застыл в воздухе, когда железные пальцы Конана сомкнулись на запястье врага. Громко хрустнула кость, и Бальт увидел, как пикт скорчился от боли. В следующий миг он взлетел над головой киммерийца, все еще вереща и пинаясь. Потом Конан грохнул его об землю с такой силой, что тот подпрыгнул и лег замертво. Было ясно, что у него сломан позвоночник.

— Идем! — Конан вытащил свой меч и поднял топор.— Бери лук, несколько стрел и вперед! Теперь вся надежда на ноги. Они слышали крики и сейчас будут здесь. Если мы поплывем сейчас, нас нашпигуют стрелами раньше, чем мы выплывем на стрежень!

6. КРОВАВЫЕ ТОПОРЫ ПОГРАНИЧЬЯ

Конан не стал слишком углубляться в лес. Через несколько сотен шагов от реки он изменил направление и направил бег вдоль берега. Позади слышались вопли лесных людей. Бальт понял, что

пикты добежали до поляны с убитыми. Последующие крики означали, что дикари также свернули в лес. Беглецы все-таки оставили следы, которые мог прочитать любой пикт.

Конан прибавил ходу, Бальт старался не отставать, хоть и чувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Он держался, собрав всю силу воли. Кровь стучала у него в ушах так громко, что он не заметил, когда крики за спиной смолкли.

Конан остановился. Бальт обхватил ствол дерева и тяжело дышал, приходя в себя.

— Они бросили это дело,— сказал Конан.

— Они подкрады... ваются... к нам! — просипел Бальт.

— Нет. Когда погоня короткая, как сейчас, они верещат каждую минуту. Нет. Они повернули назад. Я слышал, кто-то звал их перед тем, как прекратился этот гвалт. Их позвали назад. Для нас это хорошо, для гарнизона форта — скверно. Значит, воинов выводят из леса для штурма. Те, с которыми мы дрались, из какого-то племени в низовьях реки. Несомненно, они шли к Гвавели, чтобы присоединиться к остальным. Мы должны переплыть реку во что бы то ни стало.

Конан повернул на запад и побежал сквозь чащу, даже не пытаясь скрываться. Бальт поспешил за ним и только сейчас почувствовал боль в боку — пикт его укусил. Внезапно Конан остановился и задержал аквилонца. Бальт услышал ритмичный плеск и увидел сквозь листву плывущую вверх по реке долбленку. Единственный ее пассажир изо всех сил махал веслом, преодолевая течение. Это был крепко сложенный пикт с пером цапли, воткнутым за медный головной обруч.

— Человек из Гвавели,— пробормотал Конан.— Посланец Зогара. Об этом говорит белое перо. Он ездил предлагать мир племенам в низовьях, а теперь торопится принять участие в резне.

Одинокий посланник находился уже против их укрытия, когда у Бальта от удивления чуть глаза на лоб не вылезли. Прямо над ухом у него зазвучала гортанная речь пикта. Тут он понял, что это Конан окликает гонца на его родном языке. Пикт вздрогнул, обвел взглядом заросли и что-то ответил; потом направил долбленку к западному берегу. Бальт почувствовал, что Конан забирает у него поднятый на поляне лук и одну из стрел.

Пикт подвел лодчонку к берегу и, всматриваясь в заросли, что-то крикнул. Ответом был молниеносный полет стрелы, которая вонзилась ему в грудь по самое оперение. Со сдавленным хрипом пикт перевалился через борт и упал в воду. Мгновенно Конан оказался там же, чтобы схватить уплывавшую долбленку. Бальт приковылял за ним и, ничего уже не соображая, залез в лодку. Конан схватил весло и погнал долбленку к противоположному берегу. С завистью глядел на него Бальт: видно, этому железному воину усталость незнакома!

— Что ты сказал никту? — спросил юноша.

— Чтобы он пристал к берегу, потому что за рекой сидит белый следопыт и может подстрелить его.

— Но это же нечестно,— сказал Бальт.— Он-то думал, что с ним говорит друг. А здорово у тебя получается по-ихнему!

— Нам была нужна его лодка,— проворчал Конан.— Нужно было приманить его к берегу. Что лучше — обмануть пикта, который рад был бы с нас шкуру спустить, или подвести людей за рекой, чья жизнь зависит теперь от нас?

Пару минут Бальт размышлял над этой нравственной проблемой, потом пожал плечами и спросил:

— Далеко мы от форта?

Конан показал на ручей, который впадал в Черную Реку на расстоянии полета стрелы от них.

— Вот Южный Ручей. От его устья до форта десять миль. Это южная граница Конайохары. За ним на много миль тянутся болота. С этой стороны они напасть не могут. Девятью милями выше форта Северный Ручей образует другую границу. За ним тоже болота. Вот почему нападение возможно только со стороны реки. Конайохара похожа на копье в девятнадцать миль шириной, вонзившееся в Пиктские Дебри.

— Так почему бы нам не подняться вверх по реке на лодке?

— Потому, что пришлось бы бороться с течением и тратить время на повороты. Пешком быстрее. Кроме того, помни, что Гвавели находится южнее форта. Если пикты переправились, мы попадем прямо к ним в лапы.

Уже начало смеркаться, когда они вышли на восточный берег. Конан сразу же двинулся на север быстрым шагом. Ноги у Бальта заныли.

— Валанн предлагал построить два форта возле обоих ручьев. Таким образом река все время была бы под наблюдением. Но правительство не разрешило. Спесивые болваны, сидят на бархатных подушках, а голые девки на коленях подают им вино... Знаю я эту публику. Они ничего не видят за пределами своих кормушек. Дипломатия, демон их побери! Они хотят завоевать пиктов теориями о территориальной экспансии. И такие дельные люди, как Валанн, вынуждены исполнять распоряжения этой банды идиотов! Им так же удастся захватить земли пиктов, как восстановить Вендриум! И час придет — они увидят варваров на стенах восточных городов!

Неделю назад Бальт, возможно, только рассмеялся бы над этим. Теперь он молчал, познакомившись с необузданной яростью племен, живших у границы.

Впереди послышался какой-то звук. Конан выхватил меч и медленно опустил его, когда из-за кустов вышел пес — огромный, тощий, покрытый ранами.

— Это собака колониста, который строил дом на берегу реки в двух милях южнее форта,— сказал Конан.— Ясно, что пикты убили его и дом сожгли. Мы нашли его труп на пепелище. Пес ле-

жал без памяти рядом с тремя пиктами, которых он загрыз. Они почти пополам его перерубили. Мы отнесли его в форт и перевязали. Он чуть поправился, сразу сбежал в лес... Ну что, Рубака, все ищешь тех, что убили твоего хозяина?

Пес покачал тяжелой головой и сверкнул зелеными глазами. Он не рявкнул, не зарычал — молчком встал рядом с ними.

Бальт улыбнулся и ласково погладил его по шее. Пес ощерил клыки, потом склонил голову и как-то неуверенно завилял хвостом — он давно отвык от человеческого обращения.

Рубака помчался вперед, и Конан ему не препятствовал. Сумерки сменились полной темнотой. Они проходили милю за милей. Пес бежал все так же молча. Внезапно он остановился и навострил уши. Через минуту и люди услышали где-то вдали дьявольский вой.

Конан яростно выругался.

— Они напали на форт! Мы опоздали! Вперед!

Он прибавил ходу, рассчитывая на то, что собака вовремя почует засаду. От волнения Бальт забыл о голоде и усталости. Вопли впереди становились все громче. К завыванию прибавились четкие военные команды защитников форта. Когда Бальт совсем уже испугался, что они нарвутся на дикарей, Конан отвернул от реки и привел их на невысокий холм. Отсюда они увидели форт, освещенный факелами, а под его стенами толпу голых раскрашенных людей. На реке было множество лодок. Пикты окружили форт со всех сторон.

Непрерывный поток стрел из леса и с реки обрушивался на частокол. Вой тетив заглушал вопли людей. Вереща и размахивая топорами, сотни две воинов бросились к восточным воротам. Они были в полутораста шагах от цели, когда смертоносный залп из луков со стены покрыл землю их телами. Оставшиеся бежали под защиту леса. Те, что в лодках, направились к береговым укреплениям, но и там их обстреляли из метательных машин — камни и бревна полетели с неба, разбивая и топя лодки вместе с их экипажами. И здесь нападавшим пришлось отступить. Победный рев донесся со стен форта. Ответом ему был звериный вой.

— Попробуем пробиться? — спросил Бальт.

Конан отрицательно помотал головой. Он стоял, опустив голов и заложив руки за спину, печальный и задумчивый.

— Форт не спасти. Пикты впали в боевое безумие и не отступят, пока все не погибнут. Но их слишком много. Даже если бы нам удалось пробиться, это бы ничего не изменило. Мы погибли бы рядом с Валанном, только и всего.

— Что же нам делать, кроме как спасать собственные задницы?

— Нужно оповестить колонистов. Ты понимаешь, почему пикты не поджигают форт стрелами? Они не хотят, чтобы пламя всполошило людей на востоке. Они собираются взять форт и двинуться на восток, пока никто ничего не знает. Может, они даже

рассчитывают переправиться через Громовую и с ходу взять Велитриум. Во всяком случае они уничтожат все живое между фортом и Громовой Рекой.

Защитников форта мы не предупредили. Да вижу теперь, что это бы и не помогло. Слишком мало сил и людей. Еще несколько приступов, и пикты будут на стенах. Но мы можем предупредить тех, кто живет по дороге в Велитриум. Вперед!

И они пошли, слыша позади рев, который то усиливался, то затихал. Вопли пиктов сохраняли прежнюю ярость.

Внезапно открылась дорога, ведущая на восток.

— Теперь бегом! — бросил Конан. Бальт стиснул зубы. До Велитриума было девятнадцать миль, да добрых пять до Ручья Скальпов, где начинались первые поселения. Аквилонцу казалось, что он бежит и сражается уже целый век.

Рубака бежал впереди, обнюхивая дорогу. Вдруг пес глухо зарычал — это был первый услышанный от него звук.

— Неужели пикты впереди? — Конан опустился на колено и стал рассматривать дорогу. — Знать бы, сколько их. Наверное, только группа. Не дождались взятия форта и побежали вперед, чтобы перерезать людей спящими. Ну, бежим!

Наконец они увидели впереди свет между деревьями, и дикий жестокий вой пронзил им уши. Дорога здесь делала поворот, и они срезали путь сквозь кустарник. Через минуту им открылась ужасная картина. На дороге стояла повозка с нехитрым скарбом. Она горела. Волы валялись с перерезанными глотками. Неподалеку лежали изуродованные тела мужчины и женщины. Пятеро пиктов плясали вокруг, потрясая окровавленными топорами.

Красный туман застлал на миг глаза юноши. Он вскинул лук, прицелился в пляшущую фигуру, черную на фоне огня, и спустил тетиву. Грабитель подскочил и упал мертвым со стрелой в сердце. А потом двое белых воинов и пес напали на растерявшихся пиктов. Конана воодушевлял дух борьбы и очень древняя расовая ненависть, Бальт же пылал гневом.

Первого пикта, вставшего у него на дороге, он встретил убийственным ударом по раскрашенному лбу и, отшвырнув падающее тело, бросился на остальных. Но прыжок аквилонца опоздал: Конан уже убил одного из тех, кого присмотрел для себя, второй же был пронзен его мечом раньше, чем юноша успел поднять топор. Обернувшись к последнему пикту, Бальт увидел, что над его телом стоит пес Рубака и кровь капает с его могучих челюстей.

Бальт молча посмотрел на изрубленные тела у повозки. Колонисты были молоды, она — совсем еще девочка. По случайности лицо ее не пострадало и даже в момент мучительной смерти осталось прекрасным. Но зато тело... Бальт с трудом проглотил слюну, и все поплыло у него перед глазами. Ему хотелось упасть на землю, рыдать и грызть траву в отчаянии.

— Эта парочка направлялась в форт, когда их встретили пикты, — сказал Конан, вытирая меч. — Парень, наверно, хотел наня-

ться в солдаты или взять участок в верховьях реки. Вот что будет с любым мужчиной, женщиной или ребенком по эту сторону Громовой Реки, если мы не поторопимся в Велитриум.

Колени Бальта подкашивались, когда он пошел за Конаном. Но шаг киммерийца по-прежнему оставался широким и легким, словно у бежавшей рядом собаки. Рубака уже не рычал и не опускал голову. Дорога была свободна. Шум от реки был уже почти не слышен, но Бальт верил, что форт еще держится. Вдруг Конан с проклятием остановился.

Он показал Бальту на колею, которая сворачивала к северу от дороги. Колея заросла кустами, но сейчас они были сломаны или пригнуты. Чтобы убедиться в этом, Бальту понадобилось прикосновение руки, Конан же, казалось, видит в темноте не хуже кошки. Дальше широкий след повозки сворачивал прямо в лес.

— Поселенцы поехали за солью на солонцы,— проворчал он.— Проклятье! Это на краю болот в девяти милях отсюда. Их отрежут и перебьют. Слушай! Ты и один здесь справишься. Беги вперед, поднимай всех и гони в Велитриум. Я пойду за теми, что собирают соль. На дорогу мы уже не вернемся, пойдем прямо по лесу.

И, не сказав больше ни слова, Конан свернул в сторону и пошел по заросшей дороге. Бальт посмотрел ему вслед и двинулся своим путем. Пес остался с ним и бежал рядом. Но не успел Бальт сделать и сотни шагов, как послышалось рычание. Он обернулся и увидел, что там, куда свернул Конан, колышется мертвенно-бледный призрачный свет. Рубака продолжал рычать, шерсть поднялась дыбом у него на загривке. Бальт вспомнил жуткий призрак, что неподалеку отсюда похитил голову купца Тиберия, и заколебался. Тварь, несомненно, преследовала Конана. Но великан-киммериец уже не раз доказал ему, что прекрасно защитит себя сам, а его долг — предупредить беззащитных людей, которые оказались на пути кровавого урагана. Вид изрубленных тел у повозки был для него страшнее всяких призраков.

Он поспешно перешел через Ручей Скальпов и оказался возле первой хижины колонистов — длинной, невысокой, сложенной из грубо обтесанных бревен.

Недовольный голос спросил, чего ему надо.

— Вставайте! Пикты перешли реку!

Дверь немедленно открыла женщина. В одной руке она держала свечу, в другой топор. Лицо ее было бледным.

— Входи!— закричала она.— Отобьемся в доме!

— Нет, вам надо уходить в Велитриум. Форт их надолго не задержит. Может, он уже взят. О доме не думай, хватай детей и беги!

— Но мой-то пошел с людьми за солью!— зарыдала она, ломая руки. Из-за ее спины выглянули растрепанные головенки троих ребятишек, моргавших спросонья.

— За ними пошел Конан, он их выведет. Нам нужно идти, чтобы предупредить других.

Она облегченно вздохнула.

— Хвала Митре! Если за ними пошел киммериец, то они в безопасности. Никто из смертных не защитит их лучше!

Она поспешно подхватила на руки младшего и, гоня перед собой двух других, вышла из хижины. Бальт взял свечу и погасил ее, прислушиваясь. На дороге было тихо.

— Лошадь у вас есть?

— Да, в стойле. Ох, быстрее!

Он отодвинул ее в сторону и сам открыл засов. Потом вывел коня и посадил на него детей, наказав, чтобы держались за гриву и друг за друга. Они смотрели серьезно и молчали. Женщина взяла поводья и пошла по дороге. Топор она несла в руке, и Бальт был уверен, что в случае чего она будет драться, как пантера.

Он шел сзади и прислушивался. Его преследовала мысль, что форт уже пал и что темнокожая орда несется сейчас по дороге, опьяненная уже пролитой кровью и жаждущая новой. Они будут нестись, как стая голодных волков.

Наконец он увидел в темноте силуэт следующей хижины. Женщина хотела крикнуть хозяевам, но Бальт ее удержал. Он подошел к двери и постучал. Ему ответил женский голос. Он объяснил, в чем дело, и обитатели хижины живо выскочили из нее — старуха, две молодые женщины и четверо детей. Мужчины у них тоже отправились на солонцы. Одна из женщин остолбенела, другая была близка к истерике. Но старуха, уроженка пограничья, живо ее утихомирила, помогла Бальту вывести двух лошадей из сарая за хижиной и усадила на них детей. Бальт и ей посоветовал ехать верхом, но она приказала сделать это одной из невесток.

— Она ждет ребенка,— пояснила старуха.— А я могу идти пешком. И драться, если это понадобится.

Когда тронулись, одна из молодых сказала:

— Вечером по дороге ехали двое. Мы им советовали переночевать у нас, но они спешили в форт. Что с ними?

— Они встретили пиктов,— кратко ответил Бальт, и женщина зарыдала.

Едва хижина скрылась из виду, где-то вдали послышался высокий протяжный вой.

— Волк! — сказала одна из женщин.

— Раскрашенный волк с топором,— проворчал Бальт.— Идите! Поднимайте всех колонистов по дороге и ведите с собой. Я посмотрю, что у нас за спиной.

Старуха молча повела своих подопечных дальше. Когда они уже пропадали во мраке, Бальт увидел бледные овалы детских лиц, обращенных к нему. Он вспомнил своих родных в Тауране, и в голове у него помутилось. Все тело ослабло, он застонал и опустился на дорогу, обхватив рукой шею Рубаки, который немедленно принялся облизывать ему щеки.

Юноша поднял голову и через силу улыбнулся.

— Пойдем, парень,— сказал он вставая.— Нас ждет работа.

Алое зарево вспыхнуло между деревьями. Пикты подожгли первую хижину. Вот бы взбесился Зогар Заг, если бы узнал об этом! Ведь огонь встревожит всех, кто живет вдоль дороги. Когда первые беглецы придут туда, все будут уже наготове. Но тут лицо юноши помрачнело. Женщины двигались медленно, лошади были тяжело нагружены. Быстроногие пикты легко догонят их... Он занял позицию за грудой бревен, сваленных у дороги. Путь на запад освещала горящая хижина, и, когда пикты подошли, он увидел их первым — черные подкрадывающиеся фигуры.

Он натянул тетиву до уха, и одна из фигур рухнула на землю. Остальные рассыпались по кустам вдоль дороги. Рубака завыл возле его ног от нетерпения. Еще один силуэт появился на дороге, подбираясь к завалу. Следующая стрела пробила ему бедро, пикт застонал и упал. Одним прыжком Рубака бросился в кусты, послышался шум, и пес оказался снова рядом с Бальтом. Его пасть была в крови.

Никто больше не рискнул выйти на дорогу. Бальт опасался, что его обойдут сзади, и, услышав шорох слева от себя, выстрелил наугад. Проклятье — стрела вонзилась в дерево! Но Рубака бесшумно, словно призрак, исчез, через минуту раздались хруст и хрипение — и пес уже вытирал окровавленную морду об руку юноши. На шее пса была рана, но шуршать в кустах стало некому.

Пикты, притаившиеся по обеим сторонам дороги, сообразили, что случилось с их товарищем, и решили, что лучше пойти в атаку открыто, чем быть загрызенными этим невидимым демоном. Возможно, они поняли, что за бревнами только один стрелок. И все разом выскочили из своих укрытий. Стрелы поразили троих, двое других остановились. Один повернулся и побежал назад по дороге, но другой полез через бревна с топором. Бальт вскочил, но поскользнулся, и это спасло ему жизнь. Топор отсек только прядь волос с его головы, а пикт полетел вниз, увлеченный силой своего же удара. Прежде чем он поднялся, Рубака разорвал ему горло.

Наступило напряженное ожидание. Бальт размышлял: тот, кто убежал,— был ли он последним? Скорее всего, это была небольшая банда, которая не участвовала в штурме форта или была отправлена на разведку перед основными силами. Каждая лишняя минута давала женщинам и детям возможность добраться до Велитриума.

Внезапно рой стрел прогудел над его головой. Дикий вой понесся из кустов. Или уцелевший привел подкрепление, или подошел следующий отряд. Хижина все еще пылала, слабо освещая дорогу. Пикты двинулись к нему, скрываясь за деревьями. Он пустил три последние стрелы и отшвырнул лук. Словно бы зная это, они подходили ближе, сохраняя молчание,— в тишине слышался лишь топот ног.

Бальт пригнул голову рычащему псу и сказал:

— Все в порядке парень, мы еще вложим им ума!

И вскочил, подняв топор. Лезвия, острия, клыки — все сплелось в один клубок.

7. ДЕМОН В ОГНЕ

Свернув с дороги, Конан настроился бежать все девять миль. Но не одолел и четырех, как услышал, что впереди люди. По голосам он понял, что это не пикты, и прокричал приветствие.

— Кто идет? — спросил хриплый голос. — Стой, где стоишь, пока мы не поглядим на тебя, не то схлопочешь стрелу.

— В такой темноте ты и в слона не попадешь, — отозвался Конан. — Успокойся, дурень, это я, Конан. Пикты перешли реку.

— Так мы и думали, — сказал предводитель группы, когда они подошли ближе — высокие стройные люди с суровыми лицами, державшие луки наготове. — Один из наших подранил антилопу и гнал ее почти до Черной Реки, но услышал, что внизу завыли, и бегом вернулся в лагерь. Мы оставили соль и повозки, распрягли волов и бросились домой со всех ног. Если пикты осаждают форт, то банды грабителей пойдут по дороге к нашим домам.

— Ваши семьи в безопасности, — сказал Конан. — Мой друг повел их в Велитриум. Если вернемся на дорогу, то можем нарваться на всю орду. Значит, пойдем на юго-восток прямо через лес. Я буду прикрывать.

Через две минуты колонисты тронулись в путь. Конан шагал потише, держась на расстоянии голоса от остальных. Ну и шум же они подняли в лесу! Любой пикт или киммериец мог пройти здесь так, что никто бы и не услышал.

Переходя небольшую поляну, Конан почувствовал, что за ним следят. Он остановился в кустах, слыша удаляющиеся голоса колонистов. Потом кто-то позвал его с той стороны, откуда они вышли:

— Конан! Конан! Подожди, Конан!

— Бальт! — воскликнул удивленный киммериец и сказал негромко: — Я здесь!

— Подожди меня, Конан! — голос звучал громче.

Конан нахмурился и вышел на поляну.

— Какого черта ты здесь делаешь? Клянусь Кромом!

Он осекся, и дрожь пробежала по его спине. На той стороне поляны его ждал вовсе не Бальт. Странное свечение струилось между деревьев. Свечение двинулось к нему — мерцающий зеленый огонь, уверенно двигающийся к цели.

Свечение остановилось в двух шагах от Конана. Он старался распознать затуманенные светом очертания. Зеленый огонь имел материальную основу, он лишь окутывал какое-то враждебное живое существо, но какое? Тут, к удивлению воина, из светящегося столба зазвучал голос:

— Что же ты стоишь, как баран на бойне, Конан?

Голос был человеческий, но как-то странно вибрировал.

— Баран? — в гневе вскричал Конан. — Неужели ты думаешь, что я испугался поганого болотного демона? Меня позвал друг!

— Я кричал его голосом, — ответил демон. — Те, за которыми ты идешь, принадлежат моему брату — я не могу оставить его нож без их крови. Но ты мой. О глупец, ты пришел сюда с далеких серых холмов Киммерии, чтобы сгинуть в дебрях Конайохары!

— У тебя уже была возможность добраться до меня! — рявкнул Конан. — Почему же ты тогда меня не прикончил?

— Потому что брат мой тогда еще не покрасил черной краской череп и не бросил его в огонь, что вечно горит на черном жертвеннике Гуллаха, еще не шепнул твоего имени духам тьмы, что навещают горы Мрачного Края. Но пролетел над Мертвыми Горами нетопырь и нарисовал твой образ на шкуре белого тигра, которая висит перед большим домом, где спят Четверо Братьев Ночи. Огромные змеи вьются у их ног, а звезды, словно светлячки, запутались в их волосах.

— Отчего же боги тьмы обрекли меня на смерть?

Что-то — рука ли, нога ли, коготь ли — метнулось из пламени и быстро начертило на земле знак. Знак вспыхнул и погас, но Конан узнал его.

— Ты осмелился нарисовать символ, который принадлежит только жрецам Иргала Зага. Гром прокатился над Мертвыми Горами, и святилище Гуллаха рухнуло от вихря из Залива Духов. Этот вихрь, посланец Четырех Братьев Ночи, примчался и шепнул мне на ухо твое имя. Людям твоим конец. Сам ты уже мертв. Твоя голова повиснет на стене в святилище моего брата. Твое тело пожрут чернокрылые и остроклювые Дети Ихиля.

— Да что это, сто чертей, у тебя за брат? — спросил Конан. Меч уже был в его руке, теперь он потихоньку доставал топор.

— Зогар Заг, дитя Иргала Зага, который все еще навещает свою древнюю рощу. Женщина из Гвавели проспала ночь в этой роще и понесла Зогара Зага. Я тоже родился от Иргала Зага и огненного существа из дальних земель. Зогар вызвал меня из Страны Туманов. С помощью заклинаний, магии и собственной крови он облек меня в плоть этого мира. Мы с ним единое целое, соединенное невидимыми узами. Его мысли — мои мысли. Меня ранит удар, нанесенный ему; он истекает кровью, когда ранят меня. Но я уже и так много сказал. Теперь пусть душа твоя беседует с духами Мрачного Края. Они тебе и поведают о древних богах, которые не сгинули, а только дремлют в бездне и пробуждаются временами.

— Хотел бы я посмотреть, как ты выглядишь, — проворчал Конан и приготовил топор. — Ты оставляешь птичий след, горишь огнем и говоришь человеческим голосом...

— Ты увидишь, — донеслось из пламени. — Ты все узнаешь и унесешь это знание с собой в Мрачный Край.

Пламя вспыхнуло и опало, начало гаснуть. Стал вырисовываться туманный облик. Сначала Конан подумал, что это сам Зогар и есть, закутанный в зеленый огонь, но только он был куда выше ростом — выше самого Конана, а в лице было что-то дьявольское, хотя и были у него такие же раскосые глаза и острые уши, как у колдуна. Вот только глаза были красные, как угли.

Торс существа, длинный и тонкий, был покрыт змеиной чешуей. Руки были человеческими, зато ноги кончались трехпалыми лапами, как у гигантской птицы. По всему телу пробегали дрожащие синие огоньки.

И вдруг эта тварь повисла прямо над ним, хоть и не сделала никакого движения. Длинная рука, вооруженная серповидными когтями, взметнулась и устремилась к его шее. Конан дико закричал, отгоняя наваждение, и отскочил в сторону, одновременно метнув топор. Демон уклонился от удара с невероятным проворством и снова окутался огнем.

Когда демон убивал других, его союзником был страх. Но Конан не боялся. Он знал, что каждое существо, облеченное в земную плоть, может быть поражено оружием, как бы страшно оно, это существо, и ни выглядело.

Удар когтистой лапы сорвал с него шлем. Чуть ниже — и голова слетела бы с плеч. Жестокая радость охватила варвара, когда его меч вонзился в подбрюшье чудовища. Конан увернулся от следующего удара и освободил меч. Когти пропахали его грудь, разрывая звенья кольчуги, словно нитки. Но следующая атака киммерийца была подобна прыжку голодного волка. Он оказался между лап чудовища и еще раз с силой вонзил меч ему в брюхо. Он слышал, как длинные когти разрывают кольчугу на спине, добираясь до тела, чувствовал, как холодный огонь окутывает его самого... Внезапно Конан вырвался из ослабевших лап, и его меч совершил смертоносный взмах.

Демон зашатался и упал на бок. Голова его держалась на тонкой полоске шкуры. Искры, бегавшие по его телу, из голубых стали красными и покрыли все тело демона. Конан услышал запах горящего мяса, стряхнул с глаз кровь и пот, повернулся и побежал по лесу. По израненным рукам и ногам текла кровь. Потом он увидел где-то на севере зарево — возможно, горел дом. За спиной послышался знакомый вой. Он побежал быстрее.

8. КОНЕЦ КОНАЙОХАРЫ

Стычки на берегах Громовой Реки; жестокое сражение под стенами Велитриума; немало потрудились топор и факел и не одна хижина превратилась в пепел, прежде чем отступила размалеванная орда.

Затишье после этой бури было особенным: люди, собираясь, говорили вполголоса, а воины в окровавленных бинтах пили свое пиво по тавернам и вовсе молчком.

В одной из таких таверн сидел Конан-киммериец и прихлебывал из огромной кружки. К нему подошел худощавый следопыт с перевязанной головой и рукой в лубке. Он один остался в живых из гарнизона форта Тускелан.

— Ты ходил с солдатами на развалины форта?

Конан кивнул.

— А я не мог,— сказал следопыт.— Драки не было?

— Пикты отступили за Черную Реку. Что-то их напугало, но только дьявол, их папаша, знает, что это было.

— Говорят, там и хоронить нечего было?

Конан кивнул.

— Один пепел. Пикты свалили все трупы в кучу и сожгли, прежде чем уйти. И своих, и людей Валанна.

— Валанн погиб одним из последних в рукопашной, когда они перелезли через частокол. Они хотели взять его живым, но он не дался — вынудил, чтобы его убили. Нас десятерых взяли в плен — мы слишком ослабели от ран. Девятерых зарезали сразу. Но тут сдох Зогар Заг. Мне удалось улучить минуту и бежать.

— Зогар Заг умер?! — воскликнул Конан.

— Умер. Я сам видел, как он подыхал. Вот почему у стен Велитриума пикты уже не сражались с прежней яростью. Странно все это было. В бою он не пострадал. Танцевал среди убитых, размахивал топором, которым прорубил голову последнему из моих товарищей. Потом завыл и бросился на меня, но вдруг зашатался, выронил топор, скрючился и завопил так, как ни одна зверюга не кричит перед смертью. Он упал между мной и костром, на котором они собирались меня поджарить, из пасти у него пошла пена, он вытянулся, и пикты завопили, что он сдох. Пока они причитали, я освободился от веревок и убежал в лес.

Я хорошо рассмотрел его при свете костра. Никакое оружие его не коснулось, а ведь у него были раны в паху, в брюхе, шея чуть не перерублена... Ты что-нибудь понимаешь?

Конан не отозвался, но следопыт, зная, что варвары в этих делах разбираются, продолжал:

— Он колдовством жил и от колдовства же сдох. Вот этой-то странной смерти и напугались пикты. Ни один из тех, кто это видел, не пошел под стены Велитриума, все ушли за Черную Реку. На Громовой сражались те, кто ушел раньше. А их было слишком мало, чтобы взять город.

Я ушел по дороге за их главными силами и точно знаю, что больше из форта никто не тронулся. Тогда я пробрался между пиктами в город. Ты к тому времени уже привел своих колонистов, но их жены и дети вошли в ворота прямо перед носом у этих разрисованных дьяволов. Если бы молодой Бальт и старый Рубака не задержали их на какое-то время, конец был бы всем женам и детям в Конайохаре... Я проходил мимо того места, где Бальт и пес приняли бой. Они лежали посреди кучи мертвых пиктов — я насчитал семерых со следами топора или клыков, а на дороге ва-

лялись и другие, утыканные стрелами. О боги, что это за схватка была!

— Он был настоящим мужчиной,— сказал Конан.— Я пью за его тень и за тень пса, не знавшего страха.

Он сделал несколько глотков, особым загадочным движением вылил остатки на пол и разбил кружку.

— Десять пиктов заплатят за его жизнь своей и еще семь — за жизнь пса, что был похрабрее многих воинов.

И следопыт, поглядев в суровые, горящие голубым огнем глаза, понял, что варвар выполнит свой обет.

— Форт не будут отстраивать?

— Нет. Конайохара потеряна для Аквилонии. Границу передвинули. Теперь она проходит по Громовой Реке.

Следопыт вздохнул и поглядел на свою ладонь, грубую, как дерево, от топорища и рукояти меча. Конан потянулся за жбаном вина. Следопыт глядел на него и сравнивал со всеми остальными — и теми, что сидели рядом, и теми, что пали над рекой, и с дикарями, что жили за этой рекой. Конан не видел этого изучающего взгляда.

— Варварство — это естественное состояние человечества,— сказал наконец следопыт, печально глядя на киммерийца.— А вот цивилизация неестественна. Она возникла случайно. И в конце концов победит варварство.

Потеря Конайохары лишь подтвердила тот факт, что не все ладно в Аквилонии, крупнейшем гиборийском королевстве. Жестокость и полная бездарность короля Нумедидеса вызывали всеобщее недовольство, приведшее к серии заговоров и, наконец, открытому бунту, во главе которого стал Конан. До этого, однако, киммериец дослужился до высокого звания в аквилонской армии, в пух и прах разбил пиктов в жестоком сражении под Велитриумом и на собственной шкуре испытал вероломство владыки Аквилонии, когда тот, вызвав его в столицу якобы для оказания триумфальных почестей, бросил в темницу. Сокровища, найденные Конаном в пиктских пещерах, помогли заговорщикам подготовить восстание, завершившееся штурмом Тарантии, столицы Аквилонии. Конан собственными руками задушил короля Нумедидеса прямо на троне и возложил себе на голову корону, пользуясь поддержкой ведущих аквилонских политиков. Однако жизнь короля отнюдь не состоит из одних только праздников. В течение года талантливый поэт Ринальдо сочиняет гимны и баллады, в которых превозносит «мученика» Нумедидеса и поносит «проклятого узурпатора» Конана. Аскаланте, граф Туны, сколачивает новый заговор, собираясь свергнуть Конана с трона. Варвар обнаруживает, что у людей короткая память и что корона тоже может причинять головную боль...

ФЕНИКС НА МЕЧЕ

1

Предрассветные тишина и мрак плотным плащом укутывали великолепные башни Тарантии — столицы Аквилонии. В неприметном доме, стоявшем на одной из узеньких улочек, чья-то осторожная рука приоткрыла дверь, из которой выскользнули четыре темные человеческие фигуры, мгновенно, словно призраки, растворившиеся во мраке. За дверью мелькнуло смуглое лицо, глаза на нем горели затаенной злобой.

— Убирайтесь, создания тьмы! — произнес насмешливый голос.— Глупцы, вы и не подозреваете, что ваша судьба, словно кровожадная собака, преследует вас по пятам.

Человек, сказавший эти слова, прикрыл дверь, тщательно запер ее, поднял свечу на уровень глаз и шагнул в узкий коридор. Это был высокий мрачный мужчина, почти гигант, темная кожа и острые черты лица которого свидетельствовали о значительной толике стигийской крови, текшей в его жилах. Пройдя по коридору, он вышел в комнату, в которой на устланном шелками ложе, развалясь, словно усталый кот, и потягивая вино из тяжелого золотого кубка, лежал худой мужчина, облаченный в потрепанные бархатные одежды.

— Ну, Аскаланте,— сказал стигиец, ставя свечу на стол,— ваши оборванцы, как крысы, расползлись по всем щелям. Странные, однако, орудия вы используете в борьбе за власть.

— Орудия? — изумился Аскаланте.— Но это меня они счи-

тают орудием. Вот уже целый месяц я, выбиваясь из сил, готовлю все необходимое для свержения узурпатора. И, надо сказать, мне в одиночку, действуя в абсолютной тайне, удалось сотворить то, что оказалось не под силу всему аквилонскому рыцарству. О Митра, недаром же я был одним из виднейших государственных деятелей Аквилонии до того, как эти негодяи поставили меня вне закона.

— Стало быть, это дурачье ошибается, когда думает, что использует вас в своих целях?

— Пусть они и дальше думают, что я служу им верой и правдой. Подождем, пока каждый из них исполнит то, что от него требуется по моему плану. Кто они такие, чтобы равняться с графом Аскаланте? Больмано — нищий граф Карабана, Громель — бездарный солдафон, лишь волею судеб ставший командиром Черного Легиона, Дион — жирный трусливый богач, барон Атталуса, Ринальдо — слабоумный придворный поэт. Это я был тем, кто сбил их в одну стаю, и я же передавлю их поодиночке, когда придет тому время. А оно уже на пороге. Сегодня ночью король умрет.

— Пару дней назад я видел, как королевские войска покидали город,— сказал стигиец.

— Они направились к границе, чтобы утихомирить разбушевавшихся пиктов. Если бы ты знал, сколько крепкого вина я переправил пиктским вождям, чтобы подстегнуть их выступление. Горы золота пошли на это — Диону пришлось изрядно раскошелиться. А Больмано — позаботиться о том, чтобы убрать из города остатки верных королю отрядов. Используя свою высокородную родню, он легко уговорил Нуму, короля Немедии, пригласить к себе графа Троцеро, сенешаля Аквилонии. И, конечно, как и подобает его высокому сану, Троцеро будет сопровождать королевский эскорт, поедет с ним и Просперо, правая рука короля Конана. Итак, в городе останется небольшая часть личной гвардии короля — Черных Драгун и, конечно, Черный Легион. Если повезет, я с помощью Громеля разберусь и с королевским караулом — около полуночи охрана у дверей в спальню Конана будет снята. В это время я с шестнадцатью верными мне людьми проскользну через тайный ход в замок. Даже если народ Аквилонии не пожелает принять нас с ликованием после того, как дело будет сделано, Черного Легиона будет вполне достаточно, чтобы привести их в чувство и удержать корону.

— Так Дион считает, что все это делается лишь для того, чтобы возвести его на трон?

— Да. Этот жирный дурак утверждает, что трон принадлежит ему, поскольку его кровь содержит некоторую примесь крови королевского дома. Конан совершил ошибку, за которую поплатится головой, когда не удалил со двора всех, кто хоть в какой-то мере признавался в родстве с прежней династией. А Больмано рассчитывает на то, что в его карманы вновь посыпется щедрый

дождь золотых монет, как это было при старом режиме. Громель ненавидит Паллантида, командира Черных Драгун, и жаждет командовать всеми вооруженными силами Аквилонии. Эту цель он преследует с упорством, типичным для боссонца. Ринальдо — единственный из них, кто начисто лишен личных амбиций. Он видит в Конане лишь ограниченного дикого варвара, который явился в цивилизованный мир, чтобы грабить всех подряд и идеализирует прежнего короля, убитого Конаном. Ринальдо помнит только то, что тот изредка поощрял искусства, и совершенно забывает обо всей несправедливости и бестолковости его правления — и он делает все для того, чтобы народ забыл об этом тоже. Уже везде вокруг открыто поют написанные им хвалебные гимны Нумедидесу, в которых до небес превозносится старый мошенник и изливается хула на «дикаря с черным сердцем, восставшего из мрачных глубин преисподней». Конан на это не обращает внимания, но народ ропщет.

— А почему он так ненавидит Конана?

— Поэты всегда ненавидят тех, кто стоит у власти. Они бегут от действительности в свои мечты о прошлом или о будущем. Ринальдо — типичный фанатик-идеалист. Он верит, что ему судьбой предназначено свергнуть тирана и освободить народ. А что касается меня — еще пару месяцев назад я и не помышлял о троне, собираясь провести остаток своей жизни в изгнании, но ведь аппетит приходит во время еды. Конан умрет, на трон взойдет Дион. Затем и он умрет. А следом за ним один за другим расстанутся с жизнью все те, кто стоит у меня на пути: от огня или от стали, или испив отравленного вина, которое горазд готовить мой верный раб. Аскаланте, король Аквилонии! Звучит неплохо, не правда ли?

Стигиец пожал широкими плечами.

— Что мне до ваших планов и амбиций? — сказал он вдруг с нескрываемой горечью. — Мои друзья и соперники несказанно удивились бы, если бы увидели, как низко я пал. Они просто не поверили бы, что Тот-Амон может рабски служить простому смертному.

— Ты всю жизнь занимаешься магией и колдовством, — невозмутимо произнес Аскаланте, — я же во всем полагаюсь на меч и свой собственный разум.

— Что значат меч и человеческий разум перед мудростью Тьмы? — пробурчал стигиец. Его черные глаза угрожающе сверкнули, под ними пролегли темные тени. — Не потеряй я кольцо, наши роли сейчас, быть может, поменялись бы...

— Пора, видимо, напомнить, — спокойно ответил Аскаланте, — что на спине у тебя еще не зарубцевались шрамы от моего кнута и, судя по всему, к ним вот-вот добавятся свежие.

— Вы так в этом уверены? — глаза стигийца вспыхнули на миг дьявольской ненавистью. — Однако мне, может, посчастливится

найти кольцо вновь, и тогда, клянусь змеиной западней Сета, я рассчитаюсь с вами за все...

Аквилонец, зарычав от гнева, вложил в удар все силы. Тот-Амон пошатнулся, на его разбитых губах выступила кровь.

— Теперь ты придержишь язык за зубами, собака! — пробурчал Аскаланте.— Берегись! Не забывай, что я знаю твою мрачную тайну. Поднимись на крышу и крикни во всеуслышание, что Аскаланте в городе, что он собирается свергнуть короля Конана,— если, конечно, отважишься на это!

— Я не отважусь на это,— тихо сказал стигиец и вытер кровь с губ.

— Да, ты не отважишься,— усмехнулся Аскаланте высокомерно.— Потому что стоит мне испустить дух, некий отшельник в южной пустыне узнает об этом и сломает печать на свитке. И как только он познакомится с содержанием этого свитка, вся Стигия поднимется на ноги. Куда ты тогда денешься, Тот-Амон?

Раб вздрогнул, и его темное лицо стало пепельно-серым.

— Достаточно! — Аскаланте сменил тон.— У меня есть для тебя работа. Я не доверяю Диону. Только что я приказал ему отправиться в свое поместье и сидеть там до тех пор, пока здесь все не закончится. Этот жирный дурак не сможет скрыть от короля своей нервозности и, того и гляди, всех нас погубит. Скачи следом. Если не догонишь его по дороге, отправляйся в поместье и оставайся с ним до тех пор, пока не получишь уведомление, что опасность миновала. Не спускай с него глаз, он ничего не соображает от страха и может сотворить что угодно — даже побежать к Конану и выложить ему все, что о нас знает, лишь бы спасти свою драгоценную шкуру. Ступай!

Раб поклонился, скрывая ненависть в глубоко запавших глазах, и вышел. Аскаланте с облегчением откинулся на подушки и потянулся за кубком. Над верхушками городских башен, усыпанными драгоценными камнями, поднималось солнце.

2

В огромном зале с полированными деревянными панелями на стенах, толстыми мягкими коврами на полу из слоновой кости и высоким потолком, покрытым изумительной красоты лепкой, за столом из той же слоновой кости, инкрустированной золотом, сидел молодой мужчина, чьи широкие плечи и загорелая кожа резко контрастировали с окружавшей его роскошью. Человек, подобный ему, смотрелся бы гораздо естественнее на фоне суровых горных вершин или в насквозь продуваемой ветром степи. В каждом его движении чувствовалась огромная физическая сила. Если он сидел неподвижно, то это была неподвижность бронзовой статуи, если начинал двигаться, то с грацией дикой кошки.

Его одежда была сшита из драгоценных тканей, но отличалась простотой покроя и полным отсутствием мишуры. Он, судя по

всему, не признавал колец и прочих украшений, лишь в волосах поблескивал простой серебряный обруч, удерживавший надо лбом слегка подстриженную черную гриву.

Он положил золотое стило, которым что-то писал на специальной дощечке, лежавшей перед ним, оперся подбородком на огромный кулак и с завистью посмотрел на человека, возившегося со своими доспехами рядом с ним. Тот зашнуровывал позолоченные латы на боку, стягивая их как можно туже, и рассеянно насвистывал веселенькую мелодию — не совсем обычное поведение придворного перед лицом короля.

— Просперо,— сказал мужчина за столом,— эти проклятые дела меня замучили. Я устал так, как не уставал даже тогда, когда с утра до вечера махал мечом на поле боя.

— Привыкай, от этого теперь не уйдешь,— ответил черноглазый пойнтайнец.— Ты — король, и это часть твоих повседневных занятий.

— Если бы ты знал, как мне хочется поехать с тобою в Немедию,— зависть Конана на глазах возрастала.— Мне кажется, что я уже целую вечность безвылазно торчу в этом дворце и прошли целые десятки лет с тех пор, как я в последний раз садился на коня. Но Публий твердит, что дела государственные требуют моего присутствия в городе. Ты знаешь, когда я возложил себе на голову корону Нумедидеса, то думал, что достиг предела желаний. Но оказалось, что захватить трон — одно, и совершенно другое — управлять королевством. Было время, когда я считал, что любые вопросы легко разрешаются мечом, сейчас мне начинает казаться, что меч — вообще не помощник в государственной политике. Когда я сверг Нумедидеса, все считали меня освободителем. А посмотри, что происходит сейчас? Они установили статую старого негодяя в храме Митры, бросаются перед нею ниц, молятся ему, как святому, принявшему мученическую смерть от рук варвара. Когда я из боя в бой вел войска королевства к победе, они великодушно забывали, что я чужак, но вот теперь никак не могут простить мне этого недостатка. Теперь они курят благовония и жгут свечи перед статуей Нумедидеса — все: и те, кто лишь чудом избежал лап его палачей, и те, кто потерял сыновей, замученных ими в подземельях, и даже те, чьих жен или дочерей этот дряхлый распутник забрал в свой гарем. Ах, глупцы!

— Во всем этом немалая доля вины Ринальдо,— сказал Просперо, затягивая пояс туже.— Он поет подстрекательские песенки на всех площадях столицы. Заточите его в одну из башен, пусть орет там свои дурацкие песни до посинения.

Конан тряхнул львиной гривой.

— Нет, Просперо, это не имеет смысла. Великий поэт всегда сильнее короля. Его песни стоят большего, чем даже королевский скипетр. Я умру и меня забудут, а песни Ринальдо будут жить вечно. Нет, Просперо,— продолжал король, и тень набежала на его лицо.— За всем этим скрывается нечто большее, чем талант без-

умного поэта. Я чувствую это точно так же, как в юности чувствовал, где в высокой траве лежит тигр, хотя никак не мог видеть его глазами. Во всей стране ощущается некое подспудное волнение. Я сейчас, словно охотник у маленького костра посреди густого леса, который скорее представляет себе, чем действительно слышит шорох шагов подкрадывающихся хищников. Ах, если бы это было нечто осязаемое, против чего я мог бы обратить свой меч. И, говорю тебе, это не случайность, что пикты в последнее время все чаще нападают на пограничные области. Думаю, что мне самому пора отправиться туда, чтобы во всем разобраться на месте.

— Публий боится заговора. Он считает, что тебя хотят выманить на границу, чтобы загнать там в западню,— напомнил ему Просперо, накидывая шелковый плащ на доспехи и вертясь перед зеркалом.— Поэтому он и уговаривает тебя остаться в городе. Я не сомневаюсь, что ты прав и твоя интуиция варвара тебя не обманывает — в королевстве действительно что-то происходит, но наемники и армия на нашей стороне, что же касается Черных Драгун, все пойнтайнцы принесли тебе клятву верности. Единственная реальная опасность — прямое покушение на твою жизнь, но этому помешают телохранители, стерегущие тебя днем и ночью. Над чем ты, кстати, там трудишься?

— Над картой,— с гордостью ответил Конан.— Наши карты недурны, если речь идет о землях на юге, востоке или западе, но в том, что касается севера, врут напропалую. Поэтому я сам взялся за карту севера. Посмотри сюда! Это вот Киммерия, где я родился. А вот...

— Асгард и Ванахейм! — Просперо изумленно смотрел на карту.— О Митра, я считал эти страны легендой!

Конан усмехнулся и невольно провел кончиками пальцев по шрамам на своем смуглом лице.

— Если бы ты вырос на северной границе Киммерии, то относился бы к ним совсем по-другому. Асгард расположен на севере, а Ванахейм на северо-западе от Киммерии, и на этих границах бушует никогда не прекращающаяся война.

— А что за люди живут там на севере? — спросил Просперо.

— Они высоки ростом, светлокожи и голубоглазы. Их бог — ледяной гигант Имир, и у каждого племени свой собственный король. Они сражаются днями напролет, а по ночам пьют пиво и во весь голос орут дикие воинственные песни...

— Ну, тут ты мало от них отличаешься,— ухмыльнувшись, сказал Просперо.— Ты много и жадно пьешь, да и любимые свои песни ты, скорее, орешь, чем поешь.

— Похожи страны, похожи и люди, которые в них живут,— сказал, улыбнувшись, король.— И там и там под вечно серым небом возвышаются огромные горы — голые или покрытые дремучими лесами, с пустынными долинами, насквозь продуваемыми ледяными ветрами.

— Тогда нет ничего удивительного в том, что и люди там

столь же дики и суровы,— Просперо пожал плечами и невольно вспомнил теплые равнины и ленивые голубые реки своей родины — Пойнтайна, южной провинции Аквилонии.

— Все они обречены,— пробормотал Конан.— И они, и те, кто придет им на смену. Их боги — Кром и его мрачные братья, царствующие в стране Вечных Туманов, Королевстве Мертвых. Митра видит — здешние боги мне гораздо милее.

— Успокойся, Конан, ты ведь навсегда покинул свою Киммерию. Твое королевство — здесь,— улыбаясь, сказал Просперо.— Ну вот, мне пора отправляться. На застолье у Нумы я выпью за твое здоровье кубок самого лучшего белого вина.

— Ладно,— пробурчал король.— Но не целуй от моего имени танцовщиц Нумы — испортишь все межгосударственные отношения.

Весело рассмеявшись, Просперо вышел из зала.

3

Солнце, прячась за горизонтом, на несколько минут залило сияющим золотом зеленый и туманно-голубой лес. Его потухшие уже лучи все еще отражались в звеньях толстой золотой цепи, нервно подрагивавшей в потных пухлых руках Диона Атталусского. Барон, беспокойно ерзая плотным задом по мраморной скамье, то и дело поглядывал на пестрые цветы и густую листву деревьев в своем саду и временами украдкой оглядывался, словно пытался захватить врасплох спрятавшегося врага. Поблизости журчал родник, множество других источников, рассеянных по всему этому чудесному уголку наслаждений, нашептывали нежные мелодии.

Дион был один, если не считать темнокожего гиганта, удобно расположившегося на мраморной скамье неподалеку от барона. Дион не обращал на раба ни малейшего внимания, хотя знал, что Аскаланте полностью ему доверяет. Как и многие другие богатые люди, он не замечал людей, стоящих на более низких ступеньках социальной лестницы.

— Нет никаких оснований так нервничать,— сказал Тот-Амон.— Все будет в порядке.

— Как и любой другой, Аскаланте может допустить ошибку,— фыркнул Дион, и на его лице выступил пот при одной мысли о возможных последствиях такой ошибки.

— Он не допускает ошибок,— заверил его стигиец с мрачной усмешкой.— Будь иначе, рабом был бы он, а не я.

— Это еще что за болтовня?— возмущенно воскликнул Дион, который слушал раба вполуха.

Глаза Тот-Амона сузились. Несмотря на свое железное самообладание, ему начало казаться, что он вот-вот лопнет от непрерывно кипевших в нем ярости, ненависти и позора, и он торопился использовать любой, даже самый ничтожный шанс вырва-

ться из порочного круга. Забыв о том, что Дион смотрит на него как на раба, а не как на человека, обладающего душой и разумом, стигиец обратился к нему со страстной речью.

— Послушайте меня,— сказал Тот-Амон.— Вы непременно станете королем. Однако вы не знаете, что замышляет Аскаланте. Когда Конан умрет, у вас не будет врага страшнее и коварнее, чем мой хозяин. Я могу вам помочь и сделаю это, если вы возьмете меня под свою защиту, когда окажетесь на троне. Знайте же, о господин, что я могущественнейший волшебник. О Тот-Амоне говорят обычно с таким же глубоким уважением, как и о знаменитом Раммоне. Король Стигии Ктесофон возвысил меня и оказал мне величайшие почести. Он прогнал всех своих магов и назначил меня своим придворным волшебником. Изгнанные маги затаили злобу и обиду, но трогать меня боялись, потому что я имел власть над потусторонними силами и мог рассчитывать на их помощь в любое время. Сет видит, враги трепетали, потому что знали, что в любую минуту на них может обрушиться потусторонняя тварь и вонзить острые когти в их морщинистые шеи. Столь безграничное могущество давало мне змеиное кольцо Сета, найденное мною в одном из склепов Стигии, чуть ли не в миле под поверхностью земли. Думаю, что оно было утеряно там кем-то еще до того, как далекий предок человека выбрался на берег из морского ила.

Но вор украл у меня это кольцо и я потерял все свое могущество! Маги объединились, чтобы убить меня, но мне посчастливилось и я сумел бежать. Нанявшись погонщиком верблюда, я отправился в Котх, но по дороге на нас напали бандиты Аскаланте. Все кроме меня были убиты, я спас свою жизнь только тем, что поклялся верно служить Аскаланте, когда тот узнал меня. Вот так я попал к нему в рабство.

Чтобы удержать меня, он записал мои признания, запечатал свиток и передал его некоему котхийскому отшельнику. Я не могу отважиться вонзить ему во сне кинжал в сердце или выдать его врагам потому, что тогда отшельник откроет свиток, прочтет его и сделает то, о чем просил Аскаланте. А когда об этом узнают в Стигии...— Тот-Амон вздрогнул и его лицо побледнело.— В Аквилонии я пока в безопасности,— продолжал он.— Однако рано или поздно враги дознаются о моем убежище, и тогда мне уже ничто не поможет, от судьбы уйти не удастся. Только король с его могучими крепостями и верными войсками смог бы защитить меня. Вот поэтому я предлагаю вам заключить со мной соглашение. Я помогу вам советом сейчас, а вы защитите меня потом. А уж когда я найду кольцо...

— Кольцо? Кольцо?

Тот-Амон недооценил абсолютный эгоизм этого человека, который отмахнулся от слов раба, словно от гудения назойливой мухи, и полностью погрузился в свои невеселые мысли. Но слова о кольце ему что-то напомнили.

— Кольцо? — повторил он снова. — Как же, помню! Это, должно быть, то самое Кольцо Счастья. Я купил его у одного шемитского вора, который хвастал, что украл его у колдуна с далекого юга, и клялся, что оно приносит счастье. Мне захотелось его иметь и, видит Митра, я заплатил за него весьма немало. И вот теперь, пожалуй, мне понадобится все мое счастье, чтобы выпутаться из этого проклятого заговора, в который втянули меня Больмано и Аскаланте. Надо найти это кольцо!

Тот-Амон вскочил. Кровь бросилась в его и без того темное лицо, а в глазах вспыхнула ярость, хотя он был поражен эгоистичной глупостью своего собеседника. Дион вообще не обращал на него внимания. Он быстрым движением руки открыл секретный ящичек в своей мраморной скамье и начал рыться в куче талисманов, игральных костей, странного вида амулетов и тому подобных безделушек. Все это якобы приносило счастье, и он суеверно собирал их где только мог.

— Ага, вот оно! — он поднял радостно кольцо великолепной ювелирной работы. Оно было выковано из металла, похожего на медь, и имело форму чешуйчатой змеи, трижды свернувшейся, положив одно кольцо на другое и засунув кончик хвоста себе в пасть. Глазами ее были желтые драгоценные камни, злобно блестевшие в сгущавшихся сумерках. Тот-Амон вскрикнул, и барон повернулся к нему. Увидев лицо раба, он внезапно побледнел и широко разинул рот. Глаза стигийца сверкали, его темные пальцы, словно когти, тянулись к кольцу.

— Кольцо! О, Сет! Мое кольцо! — громко воскликнул он. — Кольцо, которое у меня украли!

В руке Тот-Амона блеснула сталь. Он молниеносно воткнул кинжал в жирное брюхо барона. Болезненный крик Диона перешел в хрипение, и барон осел на землю, словно оплывшая гора сливочного масла. Скорее всего, он так и не понял, что послужило причиной его смерти.

Тот-Амон оттолкнул в сторону обмякшее тело, выхватил из рук мертвеца кольцо и забыл об убитом. Он обеими руками держал кольцо, и его черные глаза пылали мрачным огнем.

— Мое кольцо! — прошептал он в радостном возбуждении. — Я вновь обрел свое могущество!

Даже сам стигиец не смог бы сказать, как долго он стоял неподвижно, словно статуя, с таинственным кольцом в руках, чья ужасная аура исцеляла его опозоренную душу. Когда он закончил медитировать и вернул душу из мрачной бездны, в которую позволило заглянуть это кольцо, на небе уже появилась луна, бросившая длинные тени на спинку мраморной скамьи, перед которой лежало то, что недавно было хозяином Атталуса.

— А теперь я покончу с Аскаланте! — прошептал стигиец, глаза которого горели в темноте красным огнем, словно у вампира. Он осмотрелся, набрал пригоршню крови из лужи, в которой ле-

жала его жертва, и погрузил в нее глаза медной змеи, выждав, пока сверкающая желтизна не насытилась соком жизни.

— Раскрой глаза, о волшебная змея,— запел он хриплым голосом, от которого у слушателя застыла бы кровь в жилах.— Позволь им насытиться лунным светом и заглянуть в черную бездну! Что ты там видишь, о змея Сета? Кого ты призываешь из глубины мрака? Чья тень идет на дрожащий свет? Приведи его ко мне, о змея Сета!

Круговыми движениями пальцев, вновь и вновь описываемыми вокруг исходной точки, он гладил ясно ощутимую чешую змеиного кольца, шепча при этом ужасные имена и монотонно читая заклинания, давно забытые в мире людей и сохранившиеся лишь в глубинах темных склепов таинственной Стигии.

Воздух над его головой заколебался, словно в нем забилась неизвестно откуда появившаяся огромная рыба. Пронесся ледяной ветерок, и Тот-Амон почувствовал, что за его спиной стоит нечто, но не обернулся. Он направил свой взгляд на освещенную лунным светом мраморную скамью, на которой обозначилась едва заметная тень. Продолжая бормотать свои заклинания, он наблюдал за тем, как тень росла и становилась все четче, пока не стала совершенно определенной. Ее очертания напоминали контуры тела гигантского павиана, но таких обезьян нигде на Земле, даже в Стигии, никогда не было. Однако Тот-Амон и теперь не обернулся. Он вытащил из-за широкого пояса сандалию своего господина — он давно носил ее с собой в надежде на подобную ситуацию — и бросил ее через плечо.

— Посмотри на нее внимательно, раб кольца! — крикнул он.— Найди того, кто ее носил, и уничтожь! Посмотри ему в глаза и истерзай его душу, прежде чем разорвешь ему горло! Убей его! — и после короткого раздумья с яростью добавил: — И убей всех, кто будет с ним!

На мраморную скамью за Тот-Амоном воплощением ужаса опустился бесформенный череп и, как охотничья собака, обнюхал сандалию. Тот-Амон почувствовал дуновение ветра за спиной, и тень исчезла. Колдун в адском триумфе простер руки вверх, и его глаза и зубы сверкнули в лунном свете.

Стражники на крепостной стене в ужасе вскрикнули, когда над ними пронеслась черная тень с пылающими глазами, растаяв во мраке. Это, однако, произошло так быстро, что испуганные воины, опомнившись, начали спрашивать друг друга, было ли это на самом деле или все им только почудилось.

4

Король Конан спал в королевской опочивальне с высоким позолоченным куполообразным потолком и видел сон. Сквозь колышущийся серый туман к нему пробивался слабый, словно из невообразимой дали доносящийся, зов. Он не понимал слов, но вос-

принимал его суть всем своим существом. Конан с мечом в руке наощупь продирался сквозь туман, как сквозь плотное облако. С каждым его шагом голос становился четче, постепенно он стал разбирать повторяющееся в зове слово — это было его собственное имя, проникавшее в мозг сквозь пространство и время.

Туман рассеялся, и он увидел, что идет по широкому темному коридору, высеченному в сплошной скале. Пол и потолок коридора были тщательно обработаны и отполированы, они тускло поблескивали, а со стен смотрели на него барельефы древних героев и неведомых богов. Король вздрогнул, когда увидел их призрачные очертания, и понял, что уже много столетий в этом коридоре не появлялся никто из смертных.

Он подошел к широкой лестнице, также высеченной из камня и круто спускавшейся куда-то вниз. Стены шахты были покрыты таинственными знаками, такими древними и ужасными, что Конан невольно содрогнулся. На каждой ступени лестницы была с огромным искусством вырезана змея, так что при каждом шаге нога короля опускалась на змеиный череп. Однако голос звал его, и он, наконец преодолев зону темноты, казавшуюся почти физически ощутимой, вышел к странному склепу, в котором на крышке массивного саркофага сидел белобородый старец, контуры его фигуры расплывались во мраке. Волосы на голове Конана зашевелились, он поднял меч, но незнакомец заговорил с ним звучным монотонным голосом:

— О человек, ты узнаешь меня?

— Во имя Крома, нет! — ответил удивленный король.

— Знай же, — сказал старец, — я — Эпимитреус.

— Но мудрец Эпимитреус мертв вот уже пять тысяч лет! — выдохнул Конан.

— Выслушай меня, человек! — сказал тот властно. — Брось камень в тихую воду и ты увидишь, как пойдут круги, которые рано или поздно достигнут берега. События в подлунном мире докатили свои волны до меня и пробудили от дремоты. Я увидел и выбрал тебя, Конан, варвар из Киммерии. Великими и славными делами отмечен твой путь. Однако стране, которой ты правишь, грозит беда, справиться с которой твой меч не сможет.

— Ты говоришь загадками, — сказал обеспокоенный словами старца Конан. — За любой бедой стоит ее виновник, покажи мне его, и я тут же размозжу ему череп.

— Побереги свои силы для противника из плоти и крови, — посоветовал старец. — Речь идет вовсе не о нем. Слушай внимательно! Существуют темные миры, неведомые для простых смертных, в которых повсюду рыщут бесформенные чудовища — злые демоны. Зная соответствующие заклинания, их можно призвать из глубины мрака и натравить на избранную заранее жертву. В твоем доме, о король, притаилась змея, да — в твое королевство заползла гадюка. Она явилась из Стигии и душа ее черна как сажа. Как спящий видит сон о змеях, когда те ползают у его посте-

ли, так и я чувствую появление колдуна в твоей стране. Он обладает абсолютной властью над демонами и насылает их на своих врагов. Весьма вероятно, что он с их помощью положит конец твоему царствованию. Потому я и призвал тебя к себе, чтобы вложить в твои руки оружие, смертельно опасное для стигийского колдуна и его адской своры.

— А почему именно меня? — спросил Конан смущенно.— Легенда говорит, что вы дремлете в черном сердце Голамира и лишь в случае крайней необходимости ваш дух возносится на невидимых крыльях, чтобы помочь Аквилонии. Но я... варвар, а не аквилонец.

— Не задавай вопросов! — прогремел под темными сводами монотонный голос.— Твоя судьба накрепко связана с судьбой Аквилонии. Великие события вплетаются в ткань твоей судьбы. Кровожадный, обезумевший от злости на своих обидчиков, колдун не должен изменить предначертанное богами. Давным-давно Сет обвился кольцами вокруг подлунного мира, словно удав вокруг тела жертвы. Три поколения людей сменилось на земле за время моей жизни, и всю ее без остатка я отдал борьбе с ним. Я преследовал Сета по пятам и загнал в тупик на юге, однако в проклятой богами Стигии люди все еще чтут его и воздают божеские почести этому исконному врагу человеческого рода. Ты поможешь мне в борьбе с ним, его слугами и приверженцами. Протяни свой меч!

Конан удивленно повиновался. Старец описал костлявыми пальцами странный полукруг возле рукояти меча, а на широком клинке начертал некую сложную фигуру, вспыхнувшую в полутьме белым пламенем. В следующее мгновение старец и склеп исчезли, а Конан вскочил в испуге со своего ложа, стоявшего все там же, в королевской опочивальне со сводом. Размышляя над странным сном, приснившимся ему, он вдруг осознал, что в своей правой руке крепко сжимает меч. По коже у него пробежали мурашки, потому что на клинке меча было выгравировано изображение феникса. Он тут же вспомнил, что в загадочном своем сне видел в склепе скульптуру этого сказочного существа, и спросил себя, действительно ли она была высечена из камня. Непроизвольная дрожь сотрясла его тело.

Крадущиеся шаги перед дверью полностью вернули его в действительность, он не задумываясь скользнул в свои латы и вновь стал тем, кем был всегда,— варваром, бдительным и недоверчивым, словно серый волк.

5

По коридору королевского замка крались двадцать закутанных с головы до ног в плащи мужчин. Лезвия их остро отточенных топоров, мечей и кинжалов зловеще поблескивали в тусклом свете смолистых факелов, горевших в стенных нишах.

— Тише! — прошипел Аскаланте.— Кто это там дышит так

громко? Офицер охраны отозвал часть часовых со своих постов, а остальным подсунули бурдюки с вином, так что они сейчас спят там вповалку пьяные. Но несмотря на это, будем соблюдать предельную осторожность. Эй, назад! Стража идет!

Они поспешно спрятались за украшенными барельефами колоннами, и мимо них быстрым шагом прошли десять гигантов в черных доспехах. Впереди шел офицер. Спрятавшиеся заговорщики видели, что его лицо было белым, словно снег, и он время от времени вытирал дрожащей рукой пот со лба. Офицер был очень молод, и предательство давалось ему нелегко. Он проклинал про себя безудержную страсть к игре, которая превратила его в игрушку в руках политиканов-заговорщиков.

Громко стуча подошвами сандалий, отряд стражников исчез за поворотом коридора.

— Отлично! — сказал Аскаланте.— Теперь Конан спит без охраны. Поспешим же! Если нас застанут у его постели, нам придется плохо. Однако никому и в голову не придет мстить нам за него тогда, когда дело будет уже сделано.

— Да, поспешим! — прошептал возбужденно Ринальдо, чьи голубые глаза блестели, как клинок меча, которым он размахивал над головой.— Мой меч жаждет крови тирана! Стервятники уже кружат над его головою!

Они бежали по коридору, пока не уткнулись в позолоченную дверь, украшенную королевскими драконами и гербом Аквилонии.

— Громель! — позвал вполголоса Аскаланте.— Открой дверь!

Гигант втянул в себя воздух и изо всей силы ударил плечом в дверь, которая затрещала и прогнулась под его ударом. Громель ударил снова. Засов сломался, дерево лопнуло, и дверь распахнулась.

— Вперед! — воскликнул Аскаланте.

— Вперед! — проревел Ринальдо.— Смерть тирану!

Однако они остановились, словно вросли в пол, увидев стоявшего перед ними Конана. Не полуголого, еще не проснувшегося полностью человека, которого легко было бы зарезать, как барана, видели их изумленные глаза: перед ними стоял могучий рыцарь в доспехах с обнаженным мечом в руках. Мгновение заговорщики стояли неподвижно: четверо главарей застыли на пороге, за ними толпились бородатые наемники. Однако тут Аскаланте заметил лежавший на маленьком столике возле королевского ложа серебряный скипетр и узкий золотой обруч — корону Аквилонии, и алчность победила в нем все остальное.

— Вперед, негодяи! — заревел он.— Конан один, а нас два десятка, и на нем нет шлема!

Это было правдой. У Конана не было времени на то, чтобы надеть тяжелый, украшенный перьями шлем, а также на то, чтобы зашнуровать по бокам латы, и даже на то, чтобы сорвать со стены массивный щит. Несмотря на это, Конан был защищен лучше,

чем его противники, за исключением Больмано и Громеля, на которых поблескивали под плащами полные доспехи.

Король смотрел на ворвавшихся в спальню людей, пытаясь узнать их лица. Однако лицевая пластинка шлема Аскаланте была опущена, и он не узнал графа Туны, как не узнал и Ринальдо, надвинувшего широкополую шляпу на самые глаза. Впрочем, не время было ломать голову над этим. Предатели взвыли — вой этот эхом отразился от куполообразного потолка — и ринулись на Конана. Впереди всех летел Громель. Он мчался, словно разъяренный бык, наклонив голову вниз и протянув меч вперед, чтобы воткнуть его тяжелое лезвие королю в живот. Однако король с тигриной ловкостью прыгнул ему навстречу и, вложив в замах всю свою силу, ударил нападавшего мечом. Широкое лезвие просвистело в воздухе и обрушилось на стальной шлем боссонца. Лезвие меча и шлем раскололись на несколько кусков, Громель упал замертво, а Конан отскочил назад, сжимая в руке обломанную рукоять.

— Громель! — фыркнул он. В его голубых глазах мелькнуло удивление, когда свалившийся с головы убитого шлем открыл его лицо. Однако остальные заговорщики вновь набросились на короля. Острие кинжала, проникшее в щель между грудным и спинным панцирями, скользнуло по его ребрам, перед глазами сверкнуло лезвие меча. Отбросив левой рукой человека с кинжалом, он обломком меча ударил в висок другому противнику, размозжив ему череп.

— Пятеро к двери! — проревел Аскаланте, коршуном круживший вокруг сражавшихся. Он боялся, что Конан пробьется сквозь толпу и ускользнет через дверь. Негодяи неохотно отступили назад, когда вожак оттолкнул нескольких из них к единственной двери. Используя короткую передышку, Конан метнулся к стене и сорвал с нее древний боевой топор, висевший там уже добрых полторы сотни лет.

Заговорщики выстроились перед ним полукругом, преграждая путь к двери. Конан не стал ждать, пока круг замкнется. Любой другой на его месте был бы уже мертв, и Конан тоже не питал особых надежд на то, что ему удастся спастись. Но в его варварской душе гремел воинственный гимн, он жаждал крови врагов, и уж, во всяком случае, не собирался сдаваться без боя.

Конан прыгнул вперед, его топор опустился на плечо одного из заговорщиков, а на обратном пути размозжил череп второго. Над его головой просвистел меч, но киммериец ловко увернулся и отскочил в сторону, описав тяжелым топором круг смерти над головою.

Заговорщики, злобно вопя, окружили короля плотным кольцом. На шее, руках и ногах Конана появились кровоточащие раны, но его ловкость и беспощадная решительность заставили нападавших отступить.

— Ах, подлецы! — заорал Ринальдо и сорвал с головы свою широкополую шляпу. Его глаза дико сверкнули. — Вы что, боитесь его? Смелее вперед! Убьем тирана!

Он, кипя от ярости, поднял меч и обрушился на Конана. Король, узнавший наконец поэта, подставил топор под удар меча и изо всей силы толкнул Ринальдо в грудь, тот отлетел назад и упал на спину.

В это время кончик меча Аскаланте оцарапал левую руку короля. Конан мгновенно послал в ответ топор, но негодяй успел увернуться и отскочить назад. Один из заговорщиков нагнулся и попытался повалить короля, ухватившись за его ноги, но с таким же успехом он мог бы пытаться свалить каменную башню. Взглянув вверх, он успел еще увидеть падавший на его голову топор, но уклониться уже не сумел. Его товарищ ударил короля мечом по плечу, латы Конана мгновенно наполнились кровью.

Больмано нетерпеливо оттолкнул мешавшего ему соседа, прицелился и с огромной силой опустил меч на ничем не защищенную голову Конана. Король пригнулся, и клинок срезал прядь его черных волос, скользнув по черепу. Конан крутнулся на пятках и взмахнул топором. Его лезвие пробило грудной панцирь с левого бока графа, и тот осел на пол.

— Больмано! — простонал Конан. — Я должен был бы сразу узнать этого карлика!

Он выпрямился, чтобы отбить нападение обезумевшего Ринальдо, который рванулся к нему, визжа во весь голос и размахивая кинжалом. Конан отступил назад и выставил топор перед собой.

— Назад! Я не хочу тебя убивать!

— Умри же, тиран! — тяжело дыша, крикнул менестрель и снова бросился на короля. Конан помедлил с ударом, но почувствовав, что в его незащищенный бок вонзается кинжал, со слепым отчаянием махнул топором.

Ринальдо упал с разрубленным черепом, а Конан отшатнулся назад, к стене. Кровь брызнула из-под его пальцев, когда он зажал рану.

— Вепрь ранен! — воскликнул Аскаланте. — Добейте его!

Конан оперся левой рукой о стену и поднял правой рукой топор. Он стоял, широко расставив ноги, немного наклонившись вперед и нагнув голову. Жгуты его мускулов грозили разорвать кожу, черты лица заострились, глаза грозно блестели. Заговорщики невольно отпрянули назад — тигр, даже умирающий, еще способен был нанести не один смертельный удар.

Конан почувствовал их неуверенность и злобно усмехнулся, оскалив зубы.

— Кто хочет умереть следующим? — прохрипел он сквозь прокушенные кровоточащие губы.

Аскаланте прыгнул к нему, но тут же с невероятной гибкостью извернулся, застыв на мгновение в воздухе, и упал на пол, избежав просвистевшей над ним смерти. Он мгновенно выпрямил ноги и откатился в сторону, когда Конан ударил снова. На этот раз топор вонзился в полированный пол почти на дюйм рядом с ногами Аскаланте. Один из нападавших решил воспользоваться удобным моментом, но недооценил силу короля. Мгновенно вырванный из

пола окровавленный топор взметнулся вверх, и бездыханное тело заговорщика свалилось под ноги его товарищей.

В эту секунду пятеро наемников, стерегущих дверь, одновременно вскрикнули, потому что на стене появилась вдруг бесформенная тень. Все, кроме Аскаланте, испуганно вздрогнули, увидев это, оглянулись, завопили от ужаса, выскочили в дверь и понеслись по коридору куда глаза глядят.

Аскаланте не сводил глаз с раненого короля. В его голове мелькнула мысль, что, по всей видимости, шум сражения переполошил-таки весь дворец и на выручку Конану прибежали преданные ему гвардейцы. Однако почему в таком случае сбежали его люди, вместо того, чтобы дать им отпор? Конан тоже не обращал внимания на дверь, пристально наблюдая за руками Аскаланте.

— Похоже, все потеряно,— пробормотал он,— и прежде всего честь... Однако, по крайней мере, король умрет стоя...

Эти слова не успели еще покинуть его губ, когда граф, воспользовавшись тем, что король опустил топор, чтобы смахнуть с глаз кровь, бросился в атаку.

Едва сорвавшись с места, он, однако, услышал некий странный гул, и в ту же секунду чудовищная тяжесть обрушилась на его спину. Он упал на пол головой вперед, чувствуя, как чьи-то острые когти вонзаются ему под ребра, причиняя чудовищную боль. Он отчаянно извернулся под неведомым врагом и повернул голову. То, что он увидел, было сродни ночному кошмару или бредовому видению сумасшедшего. На нем сидела огромная черная тварь, которая не могла быть порождением подлунного мира. Ее слюнявые черные зубы тянулись к его горлу, а взгляд пылавших желтым огнем огромных глаз иссушал его мозг подобно самуму, обрушившемуся на пшеничное поле. Отвратительная морда неведомой твари не могла принадлежать животному, в ее демонических чертах было нечто от древней, заколдованной неведомыми силами мумии, пробудившейся вдруг к жизни, и Аскаланте с ужасом уловил вдруг в них неясное, словно тень, сходство со своим рабом Тот-Амоном. Разинув рот в безумном крике, он отдал богам душу еще до того, как слюнявые клыки впились ему в горло.

Конан, едва успевший протереть глаза, недоуменно уставился на чудовище. Сначала он подумал, что на скрюченном теле Аскаланте сидит огромная собака. Но потом, когда взгляд его прояснился, он понял, что это вовсе не собака, а павиан.

С воплем, мало отличавшимся от предсмертного крика Аскаланте, он оттолкнулся от стены и со всей силой, на которую еще был способен, метнул топор. Тяжелое лезвие отскочило от голого черепа бестии, и та молча бросилась на короля. Удар ее могучего тела был настолько сильным, что Конан перелетел через всю комнату и грохнулся на пол.

Слюнявые челюсти сомкнулись на руке, поднятой Конаном вверх, чтобы защитить горло, но чудовище вовсе не спешило

расправиться с ним. Не выпуская из пасти окровавленной руки короля, оно злобно смотрело в его глаза, наслаждаясь пробуждающимся в них ужасом, тем же, который только что убил заговорщика Аскаланте. Конан почувствовал, как сжимается его душа, как она медленно покидает тело, чтобы кануть в желтые глубины, в которых призрачно мерцал хаос, похищая его жизнь и разум. Глаза чудовища, и без того огромные, набухли и стали воистину гигантскими. Конан не видел в них ничего, кроме глубочайшего кощунственного ужаса, подстерегающего разум в абсолютной пустоте и черных безднах иных миров. Конан открыл окровавленный рот, чтобы криком выплеснуть свою ненависть и отвращение, однако лишь сухой хрип вырвался из его горла. Надо сказать, что ужас, парализовавший и погубивший Аскаланте, подействовал на варвара совершенно иначе: он пробудил в нем неописуемую ярость, близкую к сумасшествию. Не обращая внимания на боль, Конан пополз назад, волоча за собой чудовище. Его вытянутая рука коснулась чего-то, и он на ощупь узнал рукоятку сломанного меча. Действуя инстинктивно, Конан схватил обломок и ударил им, словно кинжалом, не целясь, наотмашь. Зазубренное лезвие глубоко вонзилось в тело твари, и рука Конана освободилась, когда отвратительная пасть раскрылась в пароксизме боли. Короля отшвырнуло в сторону. Когда он поднялся, опираясь на руку, все еще сжимавшую обломок меча, то увидел, что из чудовищной раны на теле демона хлещет мутный поток слизи. Тварь содрогнулась в предсмертных муках и, устремив в потолок взгляд остекленевших янтарных глаз, застыла на месте.

Конан моргнул несколько раз, стряхивая с ресниц густеющую кровь. То, что происходило, казалось невероятным: огромное чудовище расплывалось, превращаясь в студенистую массу.

А затем до его ушей донеслись знакомые звуки и голоса — это проснувшиеся наконец придворные: охрана, дворцовая челядь, советники, дамы вбежали в опочивальню. Все они наперебой задавали бестолковые вопросы, толкаясь и мешая друг другу. Были здесь и Черные Драгуны. Дикая ярость сверкала в их глазах, и они ругались на языке, непонятном, к счастью, жеманным придворным дамам. Молодого офицера, снявшего охрану у двери в опочивальню, нигде не было видно, и его так и не нашли позже, когда обыскали все королевство.

— Громель! Больмано! Ринальдо! — выдохнул, увидев трупы, Публий, главный королевский советник, и заломил жирные руки. — Черная измена! За это кое-кто попляшет на виселице! Позвать охрану!

— Охрана уже здесь, старый ты дурак! — сердито фыркнул Паллантид, командир Черных Драгун, напрочь забывая о высоком ранге Публия. — Прекрати скулить и помоги лучше перевязать раны короля, пока он не истек кровью!

— Да, да! — вскричал Публий, который был прекрасным теоретиком, но всегда терялся, когда дело доходило до практики. — Мы должны перевязать раны! Зовите сюда всех придворных лека-

рей! О, мой король, какой это позор для города! Что с вами сделали! Чем мы можем вам помочь?

— Вина! — прохрипел Конан. Его положили в постель. Кто-то поднес к окровавленным губам наполненный до краев кубок, и король большими глотками осушил его до дна.

— Хорошо! — пробурчал он и уронил голову на подушку.— После таких передряг пересыхает в горле.

Кровотечение прекратилось, и невероятные жизненные силы варвара начали исцелять его тело.

— Сначала позаботьтесь о ране на моем боку,— обратился он к главному придворному лекарю.— Ринальдо начал было писать там свою новую балладу, и перо его было куда как остро.

— Его давно надо было повесить! — произнес Публий сердито.— От этого сумасшедшего поэта всего можно было ожидать... Эй, кто это?

Он брезгливо потрогал носком сандалии труп Аскаланте.

— О Митра! — воскликнул командир Черных Драгун.— Это же Аскаланте, бывший граф Туны! Какой дьявол занес его сюда?

— Почему он застыл в такой позе? — прошептал Публий, непроизвольно отступая назад.

— Если бы вы видели то, что довелось увидеть мне,— проворчал король и поднялся на локте, несмотря на протесты лекаря,— вы бы этому не удивлялись. Впрочем, убедитесь сами, там...— он обескураженно замолчал, потому что его палец указывал на голый пол. Странные останки ужасного чудовища бесследно исчезли.

— О Кром! — прошептал он.— Адская тварь превратилась в слизь!

— Король бредит, у него лихорадка,— прошептал один из придворных. Конан услышал его и не смог сдержать негодования.

— Клянусь Кромом! — яростно воскликнул он.— Я знаю, о чем говорю! Это было нечто похожее и на стигийскую мумию, и на павиана одновременно. Это чудовище проникло через дверь и обратило в паническое бегство негодяев Аскаланте. Оно убило Аскаланте в тот самый момент, когда предатель хотел вонзить меч мне в живот. Потом оно набросилось на меня, и я убил его, хотя понятия не имею, как это случилось, ибо мой боевой топор отскочил от его черепа словно от каменной стены. Но я думаю, что ко всему этому имеет какое-то отношение Эпимитреус...

— Слышите? Он говорит о легендарном мудреце, который умер пять тысяч лет тому назад! — украдкой шептали друг другу придворные.

— О Имир! — загремел король.— Да, я сегодня ночью говорил с Эпимитреусом! Он во сне призвал меня к себе, и я долго шел по черному, высеченному в скале коридору с барельефами древних богов и героев на стенах, затем по лестнице, на ступенях которой были вырезаны змеи Сета, пока не дошел в конце концов до склепа. Там я нашел саркофаг, на крышке которого был изображен феникс...

— Во имя Митры, Ваше Величество, остановитесь! — эти слова сорвались с губ верховного жреца Митры, лицо которого стало пепельно-серым.

Конан откинул назад голову и прорычал:

— Что я, раб, чтобы мне затыкали рот?

— Нет, нет, Ваше Величество! — верховный жрец дрожал всем телом, но вовсе не из страха перед гневом короля.— Я и не думал оскорблять вас,— он нагнулся к Конану и прошептал ему на ухо:

— Ваше Величество, то, о чем вы говорите, просто невероятно. Только узкий круг жрецов Митры знает о черном каменном туннеле, выбитом неведомыми руками в самом сердце горы Каламир, и об охраняемом фениксом склепе, в котором несколько тысяч лет назад был похоронен великий Эпимитреус. Но с тех пор ни один из смертных не входил в склеп, потому что жрецы, совершив обряд погребения, замуровали вход в гробницу и сегодня даже я, верховный жрец, понятия не имею, где он находится. Только из передающихся из уст в уста рассказов нескольким доверенным жрецам известна тайна о гробнице Эпимитреуса — одна из основных в культе Митры...

— Я не знаю, с помощью какой магии Эпимитреус призвал меня к себе,— сказал Конан.— Но он говорил со мной, и каким-то совершенно непонятным мне способом нацарапал магический знак на моем мече. Почему этот символ оказался смертельным для демона, я не знаю, а также понятия не имею о колдуне, виновном, по его словам, во всей этой катавасии. Однако, хотя я и сломал клинок меча о шлем Громеля, обломка оказалось вполне достаточно, чтобы отправить демона туда, откуда он появился.

— Позвольте мне осмотреть ваш меч,— прошептал верховный жрец, горло которого вдруг пересохло.

Конан поднял обломок и протянул его жрецу. Тот вскрикнул и упал на колени.

— О Митра, защити нас от власти Тьмы! — простонал он.— Король действительно говорил сегодня ночью с Эпимитреусом! На его мече тайный символ — знак бессмертного феникса, охраняющего гробницу великого мудреца. Свечу! Быстрее! Осветите то место, на которое указал король!

Место это оказалось прикрытым сорванным со стены в общей суматохе гобеленом. Когда гобелен оттащили в сторону и поднесли свечи к полу, у всех перехватило дыхание от ужаса. Некоторые из придворных упали на колени и воззвали к Митре, другие с воплями умчались прочь.

На полу, там, где чудовище испустило дух, осталось большое темное пятно, которое невозможно было удалить никакими средствами. Кровь демона оставила четкий отпечаток его тела, и ни у кого из тех, кто его видел, не возникало ни малейших сомнений в том, что более ужасной твари никогда еще не появлялось в земном мире. Но знающие люди поговаривали, что зловещая тень обезьяноподобного бога не раз уже мелькала у алтарей заброшенных стигийских храмов.

...Прошло около года с тех пор, как в Тарантии был раскрыт заговор, направленный против нового короля Аквилонии. Но существовал и иной заговор — гораздо более опасный...

АЛАЯ ЦИТАДЕЛЬ

1

Гул сражения затихал, триумфальный рев победителей уже заглушал лязг оружия и стоны умирающих. Подобно пестрым листьям после осенней бури устилали равнину тела павших воинов. Лучи заходящего солнца высекали искры из полированных шишаков, серебряных нагрудников, позолоченных кольчуг и панцирей, поломанных мечей. Тяжелые складки королевских штандартов купались в лужах крови. Тут и там возвышались горы трупов тяжелых боевых коней и их закованных в сталь седоков, спутанные гривы одних и парадные плюмажи других одинаково испещряли багровые пятна. Рядом с ними и везде вокруг валялись изрубленные и изуродованные тела в стальных шлемах и кожаных куртках — останки лучников и пикинеров.

Победный рев фанфар звучал над долиной, подковы лошадей в кровавую кашу мозжили трупы, когда отряды рыцарей стекались со всех сторон туда, где последний из аквилонцев все еще вел неравный и безнадежный бой.

Только что на глазах Конана, короля Аквилонии, разбили наголову, растерзали и беспощадно вырубили лучшую, отборную часть его армии, цвет аквилонского рыцарства. С пятью тысячами всадников пересек он границу Аквилонии и на травянистых равнинах Офира попал в засаду — коварный его союзник, король Офира Амальрус, объединил свои силы с силами исконного врага Конана, короля Котха Страбонуса.

Конан слишком поздно учуял опасность, но сделал все, что только смог сделать толковый военачальник, располагая пятью тысячами конников против трех десятков тысяч рыцарей, лучников и пикинеров. Не имея ни лучников, ни пехоты, он бросил всю свою тяжелую конницу на врага, проломил его боевые порядки в центре и обратил в паническое бегство хваленых рыцарей Амальруса, но фланги огромной объединенной армии противника соединились, заключив аквилонцев в кольцо. Шемитские лучники Страбонуса сеяли смерть среди рыцарей Конана, всаживая стрелу за стрелой в мельчайшие щели их доспехов, или валили наземь коней, и тогда уже котхийские пикинеры довершали начатое, пронзая пиками тела беспомощно валявшихся всадников. Разбитое наголову офирское рыцарство, успевшее оправиться от испуга, перестроилось, укрепило с флангов свои ряды легкой конницей

и перешло в контратаку, подминая противника уже самой своей массой. Аквилонцы держались стойко, но их силы быстро таяли, и вскоре из тех пяти тысяч воинов, что отправились с Конаном на юг, не осталось в живых ни единого. И только король стоял еще среди изрубленных на куски тел котхийцев и офирцев, опираясь спиной на штабель конских и людских трупов. Офирские рыцари в золоченых доспехах пытались достать его на скаку копьями, коренастые чернобородые шемиты и смуглые котхийцы напирали со всех сторон, от лязга стали закладывало уши. Тело Конана защищала черная кольчуга, он молнией метался среди врагов, работая своим огромным двуручным мечом, словно мясник топором, и у его поблескивающих сталью ног все выше и выше громоздилась стена изрубленных тел. В конце концов нападавшие, устрашенные отчаянной решимостью гиганта, отступили, кляня на все лады его упорство.

Расталкивая толпу, к последнему редуту аквилонского короля подъехали вожди победившей коалиции: Страбонус — невзрачный человечек с бегающими глазками на смуглом широком лице, стройный холеный щеголь Амальрус — вероломный и опасный, словно кобра, и, наконец, облаченный лишь в легкую шелковую тунику, похожий на орла-стервятника, жрец Тзоталанти. Множество легенд кружило в народе об этом котхийском чернокнижнике, в западных и северных селениях женщины пугали детей его именем, а строптивых рабов скорее чем плетью принуждали к послушанию угрозой продать этому таинственному магу. Рассказывали, что у него целая библиотека составлена томами колдовских трактатов, переплетенными в кожу, содранную с живых людей. Говорили также, что он в громадных подвалах своего дворца ведет торг с силами тьмы, обменивая юных красивых рабынь на сатанинские тайны и магические заклинания, дарующие ему власть над миром демонов. Именно Тзота-ланти был подлинным повелителем королевства Котх.

Маг презрительно улыбнулся, когда увидел, что короли остановили своих коней в безопасном отдалении, не решаясь приблизиться к грозному великану в черной кольчуге. Даже самые отчаянные смельчаки бледнели и съеживались, когда на них падал убийственный взгляд голубых глаз Конана, горевших лихорадочным огнем под помятым забралом шлема. Загорелое, покрытое шрамами лицо аквилонского короля еще больше потемнело от ярости, черные доспехи были погнуты и залиты кровью, кровь тонкой струйкой стекала и с его огромного меча.

С Конана бесследно слетел весь налет цивилизованности, приобретенный им за долгие годы скитаний, он снова был диким неистовым варваром, беспощадным к врагам, кем бы они там ни были.

Страбонуса чуть не хватил удар, когда он увидел лучших своих воинов под ногами у киммерийца. Задыхаясь от злости, он приказал шемитским лучникам натянуть луки.

Но Тзота-ланти покачал головой.

— Нам он нужен живым.

— Легко сказать! — взвился Страбонус, опасавшийся втайне, что гигант в черной кольчуге вот-вот прорубится к нему сквозь толпу солдат.— Попробуй, поймай тигра-людоеда живьем! Клянусь Иштар, он перебил лучших моих воинов! Семь лет и горы золота вложил я в обучение каждого из них, и вот теперь они валяются у него под ногами разделанные, словно свиньи. Стрелять, говорю я тебе, только стрелять!

— А я еще раз говорю: нет! — отрезал Тзота и соскочил с коня, холодно улыбаясь.— Разве ты не знаешь, что мой мозг сильнее любого меча?

Он шагнул в толпу, и великаны в стальных шлемах и кольчугах робко расступились, боясь коснуться даже краешка его туники. Маг переступил через бруствер из мертвых тел и оказался лицом к лицу с грозным варваром. Воины следили за ними, затаив дыхание, воцарилась воистину гробовая тишина. Гигант в черной броне навис над хрупкой фигуркой в шелковом одеянии, держа наготове выщербленный двуручный меч.

— Я дарю тебе жизнь, Конан! — сказал Тзота, и в голосе его прозвучала нотка жестокой радости.

— А я одарю тебя смертью, колдун! — прохрипел король, и меч, посланный стальными мускулами и кипучей ненавистью, просвистел в воздухе. Воины вскрикнули, но Тзота-ланти метнулся вперед и ткнул голой рукой в левое плечо короля, обнажившееся после одного из жестоких ударов. Лезвие меча, рассекавшее воздух, отклонилось в сторону, гигант в черном рухнул на землю и остался недвижимым.

Тзота беззвучно рассмеялся.

— Свяжите его и не бойтесь: лев лишился своих клыков!

Короли тронули поводья и подъехали ближе, изумленно разглядывая поверженного гиганта. Конан лежал, как мертвый, но его широко раскрытые глаза с бессильной яростью смотрели на склонившихся над ним людей.

— Что ты с ним сделал? — спросил со страхом Амальрус.

Тзота поднял руку и показал широкий перстень странной формы, когда он сжал пальцы, из перстня выскочил, подобно змеиному жалу, маленький стальной шип.

— Его острие смазано соком пурпурного лотоса, растущего в степях южной Стигии,— сказал маг.— Укол вызывает временный паралич. Закуйте его в цепи и положите в повозку. Солнце уже садится, нам пора возвращаться в Хоршемиш.

Страбонус повернулся к Арбанусу, своему военачальнику.

— Мы поедем с ранеными в Хоршемиш. Дай нам три десятка рыцарей для сопровождения. Отдохните здесь до утра, а на рассвете перейдите аквилонскую границу и осадите Шамар. Офирцы доставят вам фураж и провиант. Мы вернемся с подкреплением так быстро, как только сможем.

Повинуясь приказу, рыцари, лучники и пикинеры разбили лагерь неподалеку от поля боя, а Страбонус и Амальрус, сопровождаемые колдуном, более могущественным, чем они оба вместе взятые, направились под охраной отряда рыцарей в столицу Котха. За ними тянулся длинный караван повозок с ранеными, в одной из них, с тяжелыми цепями на теле и горечью поражения в сердце, ехал Конан, король Аквилонии.

Яд, парализовавший его мышцы, никоим образом не сказался на работе мозга. Повозка катилась, подскакивая на выбоинах, а Конан думал, вспоминал, анализировал то, что с ним случилось. Пару дней назад Амальрус прислал к нему гонца, умоляя помочь в войне со Страбонусом, который, по его словам, разорил уже все восточные провинции Офира, лежавшие у границ Аквилонии. Лишь тысячу всадников просил Амальрус, но настаивал также, чтобы их возглавил непременно сам Конан — только это, считал король Офира, способно поддержать пошатнувшийся боевой дух его воинов.

Конан мысленно проклинал себя: он великодушно захватил с собой раз в пять больше воинов, чем просил вероломный сосед. Ни о чем не догадываясь, он пересек границу Офира и лицом к лицу столкнулся с неожиданным противником — объединившиеся короли ценили его мужество и талант военачальника настолько высоко, что выставили против его горстки воинов две огромные армии.

Глаза Конана заволокло багровым туманом, вены набухли так, что готовы были лопнуть, в висках стучали молоты. Никогда в жизни не испытывал он еще такого приступа гнева и бессилия. В его воспаленном мозгу вихрем проносились картины прежней жизни. Вот он — одетый в шкуры варвар, вот — наемный солдат в рогатом шлеме и панцире, затем — корсар на борту галеры с драконьим носом, оставляющей за собой кровавый след вдоль всего южного побережья, капитан гвардии в блестящих латах на могучем черном жеребце, наконец — король на золотом троне под знаменами с изображением льва, а у подножия трона — толпа придворных и благородных дам в ярких нарядах.

Повозку трясло немилосердно, и это постоянно возвращало его в действительность, к предательству Амальруса и губительной магии Тзота-ланти. Жилы на его висках набухали и твердели, когда он вспоминал об этом, и тогда лишь стоны раненых в соседних повозках приносили ему хоть малое, но все же удовлетворение. Незадолго до полуночи они пересекли границу Офира и на заре увидели на горизонте стройные башни Хоршемиша, сверкавшие в лучах восходящего солнца. Над ними зловеще нависала угрюмая алая крепость, казавшаяся издали кровавым пятном на фоне голубого утреннего неба. Это был замок Тзота-ланти. На вершину горы вела единственная узкая дорога, вымощенная мраморными плитами и перегороженная в нескольких местах мощными стальными воротами. Склоны горы были слишком круты-

ми, чтобы по ним кто-либо рискнул подняться, минуя дорогу. Со стен крепости хорошо видны были широкие белые улицы города, его храмы и святилища, богатые жилища вельмож и хижины бедняков, лавчонки и базары. Взгляд невольно притягивал королевский дворец — драгоценная жемчужина в оправе из великолепных садов, где среди стройных рядов фруктовых деревьев призывно журчали искусственные ручьи и шумели фонтаны, рассыпая в воздухе серебристую дымку влаги.

И над всем этим мрачно висела Алая Цитадель, словно кондор, выслеживающий добычу.

Мощные решетки между огромными сторожевыми башнями поползли вверх, и король въехал в свою столицу под приветственный рокот пяти десятков труб. Однако на сей раз люди не спешили бежать на белокаменную площадь, чтобы бросать охапки цветов под копыта лошадей победителей. Страбонус прибыл в Хоршемиш раньше, чем до столицы долетела весть о выигранном сражении, и жители города, как раз приступавшие к своим обыденным занятиям, с недоумением смотрели на мизерную свиту короля, не зная — праздновать ли им победу, или оплакивать поражение.

Жизнь постепенно возвращалась в тело Конана, он вытянул шею и приподнялся в повозке, чтобы посмотреть на чудеса города, называемого повсеместно Принцессой Юга. Еще недавно он собирался въехать в город через эти золоченые ворота во главе своих железных рыцарей, под развевающимся знаменем с изображением льва. И вот так он въезжал на самом деле: лишенный доспехов, скованный по рукам и ногам, словно беглый раб, в повозке победителя.

Убийственная ирония ситуации нашла отклик в сердце Конана, притупив его ярость, и солдаты, сидевшие и лежавшие в соседних повозках, испуганно вздрогнули, услышав его похожий на рычание смех.

2

В глубине Цитадели, в зале с высокими потолками из резного гранита и ажурными порталами, инкрустированными драгоценными камнями, состоялась в высшей степени необычная встреча.

Конан Аквилонский, весь покрытый кровью, сочившейся из его неперевязанных ран, стоял перед теми, кто взял его в плен. Со всех сторон вокруг него возвышались эбеновыми статуями темнокожие гиганты, державшие руки на рукоятях тяжелых топоров.

Перед Конаном, лицом к нему, стоял Тзота, а за ним возлежали на покрытых бархатом ложах Страбонус и Амальрус, облаченные в расшитые золотом и усыпанные драгоценностями шелковые одежды. Возле каждого из них стояли молодые нагие невольники, подливавшие вино в их широкие чаши, вырезанные из гигантских сапфиров.

Мрачный, окровавленный, закованный в цепи Конан казался среди этой изысканной роскоши пришельцем из иного мира. Его голубые глаза яростно сверкали под спутанной гривой черных волос, спадавшей на его низкий широкий лоб. Тело варвара буквально излучало жизненную силу, превращавшую все окружавшее его великолепие в пустую мишуру. Оба короля в глубине души сознавали, что не могут соперничать с киммерийцем в силе духа, и побаивались дикой мощи, дремавшей в его могучих мускулах. Лишь Тзоту, казалось, не терзали подобные сомнения.

— Да исполнятся наши желания! — весело произнес он. — И чем быстрее, тем лучше. А желаем мы несколько расширить границы королевства Котх.

— За счет моего королевства, не так ли, свинья? — зло бросил Конан.

— Да кто ты такой? — парировал Амальрус. — Разбойник с большой дороги, завладевший короной, на которую имеешь права не больше, чем любой другой бродяга. Мы готовы выкупить ее у тебя.

— Выкупить? — Конан громко рассмеялся. — Ну да, что стоит разбойнику продать королевство. Цена как-никак приличная: жизнь, да и вонючее золото в придачу! Ха! А как вам, тебе и тому кабану, что валяется рядом с тобой, достались ваши короны? Отцы ваши сражались за них, терпя лишения, вам же подали их на золотых блюдечках. Вы же пальцем не пошевелили в борьбе за короны, разве что пару-другую братьев на тот свет отправили. Я же добыл себе корону своими собственными руками! Вы полеживаете на мягких подушках, хлещете вино и рассуждаете о правах на престол. Если кто-либо вообще имеет право на трон, то это я, я — клянусь Кромом!

Я застал Аквилонию изнемогавшей в лапах такой же, как вы, скотины. Тот тоже все хвастал, что роду его, дескать, тысячу лет. Страну раздирали распри баронов, народ до земли гнулся под гнетом податей и налогов, произволу вельмож не было предела. А сейчас? Пусть попробует кто-нибудь сегодня пальцем тронуть без моего ведома самого ничтожного из моих подданных. Налогов же ниже, чем в Аквилонии, во всем свете не сыщешь. А что вы можете сказать на это? Твой брат, Амальрус, отхватил себе кусок королевства на юге и плюет на все твои потуги отвоевать его обратно. И не твои ли солдаты, Страбонус, осаждают сейчас, по меньшей мере, дюжину замков мятежных баронов? Народ в ваших королевствах раздавлен бременем непосильных поборов, а теперь вы и моих подданных хотите ограбить? Будь у меня руки свободными, я размазал бы по полу ваши мозги!

Тзота холодно улыбался, наблюдая, как наливаются злобой лица его компаньонов.

— Правда или нет — то, о чем ты говоришь, сейчас это не имеет ни малейшего значения. Наши дела тебя не касаются. От тебя требуется самая малость: подпиши вот этот пергамент с от-

речением от трона в пользу принца Арпелло Пеллийского. Взамен получишь пять тысяч лунов золотом, тебе вернут коня и оружие, ну и, разумеется, проводят до восточной границы.

— То есть вы отошлете меня туда, откуда я когда-то пришел в Аквилонию,— начинай, дескать, все сначала, только теперь с клеймом предателя на челе,— хрипло рассмеялся Конан.— Арпелло, говоришь. Я подозревал, что с этим пеллийским мясником дело нечистое. Он болтает, что имеет в жилах пару капель королевской крови, этого вам вполне достаточно, чтобы посадить его на трон и править королевством от его имени. Вы даже воровать и грабить не решаетесь открыто, вам предлог подавай. Я еще не рехнулся, чтобы соглашаться на это!

— Дурак! — вскочил с ложа Амальрус.— Не забывай, что мы можем лишить тебя не только короны, но и головы!

Ответ Конана был не совсем королевским, но точно соответствовал его варварской натуре, так и не вытравленной годами жизни в цивилизованном мире: он просто-напросто плюнул Амальрусу в лицо. Король Офира злобно взвизгнул, схватился за меч и бросился на киммерийца. Тзота преградил ему путь.

— Успокойтесь, Ваше Величество, этот человек — мой пленник.

— С дороги, колдун! — прохрипел Амальрус, доведенный до бешенства насмешливым блеском голубых глаз Конана.

— Назад, я сказал! — рявкнул Тзота. Его худая рука вылетела из рукава, и лицо Амальруса заволокло облако пыли. Тот вскрикнул, пошатнулся, выронив меч, отступил на несколько шагов назад и бессильно рухнул на ложе. Ни один мускул не дрогнул на бесстрастных лицах стражников-кушитов. Страбонус схватил трясущейся рукой чашу с вином и поспешно опрокинул ее в рот. Амальруса била крупная дрожь, он встал, опустил руки и потряс головой. Его взгляд начал приобретать осмысленное выражение.

— Я чуть было не ослеп,— прошептал он.— Что ты сделал со мною, колдун?

— Это напомнит тебе, кто тут хозяин,— сухо ответил Тзота, окончательно сбрасывая маску учтивого придворного.— Страбонус получил в свое время урок, теперь и ты усвоишь. Я бросил тебе в глаза немного пыли, собранной в стигийских гробницах. Если я сделаю это еще раз, ты будешь блуждать во тьме до конца дней своих.

Амальрус вздрогнул, неуверенно улыбнулся и потянулся за чашей, чтобы скрыть замешательство и гнев. Опытный дипломат, он быстро вернул себе уверенность, по крайней мере, внешне.

Тзота повернулся к Конану, столь же бесстрастно, как и стражники, наблюдавшему за разыгрывавшейся перед ними сценой. По знаку жреца темнокожие воины схватили пленника и потащили следом за Тзотой по длинному коридору, вымощенному мозаикой из мраморных плит, его стены были драпированы золотыми и серебряными тканями, с потолка свисали золотые кадильни-

цы, наполнявшие воздух пряными ароматами. Затем они свернули в узкий коридор, облицованный нефритом и черным мрамором. Темный и страшный, он заканчивался бронзовой дверью, на которой скалил зубы в жуткой улыбке человеческий череп.

Перед дверью стоял, держа наготове связку ключей, невысокий толстяк. Это был Шукели, главный евнух Тзоты, о котором ходило множество слухов, говорили, что у него страсть к чужим страданиям заменяла все нормальные человеческие чувства.

Бронзовая дверь скрывала узкую лестницу, уходившую, казалось, в самое чрево горы, на которой стояла цитадель. Тзота и его спутники спустились по ступеням и остановились перед железной дверью, которой, судя по конструкции, не страшны были бы даже удары осадных таранов.

Шукели повернул ключ, толкнул с силой тяжелую створку двери и отступил в сторону. Конан заметил, что стражники-кушиты чем-то явно обеспокоены. Сам Шукели тоже как-то неуверенно поглядывал в темноту за открытой дверью — вход преграждала решетка из толстых стальных прутьев. Эта решетка запиралась на какой-то хитроумный засов, не имевший ни замка, ни щеколды и отпиравшийся лишь снаружи. Шукели нажал на рычаг, и решетка плавно вдвинулась в стену. Конан и стражники переступили порог и оказались в широком коридоре, вырубленном в сплошной массе гранита,— киммериец понял, что они находятся уже внутри скального основания цитадели. Мрак отступил, теснимый колеблющимся пламенем факела, горевшего в руках евнуха. Кушиты приковали Конана к стальному кольцу, торчавшему из стены. В нише над его головой они поставили факел так, что король оказался в полукруге рассеянного света. Стражники спешили, они несомненно чего-то боялись. Тзота-ланти жестом отпустил их, они, обгоняя друг друга, бросились к выходу.

Тзота повернулся к Конану, и тот увидел, что глаза мага светятся в полумраке, а зубы поблескивают, словно волчьи клыки.

— Счастливо оставаться, варвар! — издевательски улыбаясь, сказал маг.— Я должен ехать в Шамар, нужно проследить за тем, как идет осада. Дней через десять я буду уже в твоем дворце в Тарантии. Что передать от тебя твоим женщинам, прежде чем с них начнут сдирать кожу? Я переплету в нее попозже хроники побед Тзота-ланти.

Конан ответил грубым киммерийским ругательством, а его рычание всколыхнуло воздух с силой, достаточной, чтобы порвать барабанные перепонки обычного человека. Однако Тзота-ланти лишь криво улыбнулся и направился к выходу.

Решетка задвинулась, с грохотом захлопнулась дверь, и воцарилась абсолютная тишина.

3

Конан подергал за цепь, пробуя ее на прочность, затем ощупал кольцо в стене. Руки его были свободными, но он понимал, что даже его стальным мускулам разорвать цепь не под силу. Ее звенья были изготовлены из стального прута толщиной в палец, а конец прикован к толстому широкому обручу, опоясывавшему его талию.

Человека, менее крепкого, чем Конан, убил бы, пожалуй, один только вес этих оков. Соединение цепи с обручем было настолько добротным, что даже кузнечному молоту пришлось бы над ним изрядно потрудиться. Что касается кольца, к которому крепилась цепь, оно, скорее всего, было частью огромного стального прута, продетого сквозь стену и намертво заклепанного с другой ее стороны.

Конан выругался. Вглядевшись в густеющий за полукругом рассеянного света мрак, он почувствовал, что в сердце его рождается неясное беспокойство. В душе варвара извечно дремал суеверный страх дикаря, его примитивное воображение населяло подземелье ужасающими призраками, да и разум подсказывал, что его бросили в этот каменный мешок вовсе не для того, чтобы он отдохнул здесь и набрался сил,— у Тзоты не было причины дарить ему жизнь.

Конан клял себя за то, что отказался от предложения королей, хотя его передергивало при одной мысли о столь позорной сделке, и он знал, что повторись все сначала, его ответ оказался бы точно таким же. Он не мог предать своих подданных, своими руками бросить их на растерзание кровавому извергу. А ведь он, завоевывая трон, не думал ни о чем, кроме собственной выгоды. Случается, однако, и душа разбойника и вора проникается чувством ответственности перед своим народом и своим государством.

Конан вспомнил о мерзкой угрозе Тзота-ланти и застонал от бессильной ярости, ибо знал, что слышал вовсе не пустую угрозу. Жестокий маг смотрел на людей примерно так же, как на червей или насекомых, не находя между ними особых отличий.

Мягкие белые ладони, ласкавшие его, пунцовые губы, прижимавшиеся к его губам, алебастровые полушария грудей, трепетавшие под его страстными поцелуями... Его женщины лишатся кожи — нежной, белой, как слоновая кость, розовой, словно лепестки бутонов... Из уст Конана вновь вырвалось страшное рычание.

Громкое эхо заставило его вскочить на ноги и напомнило о его собственном положении. Он боязливо вгляделся в ползущие по стенам тени и помимо воли начал припоминать все те ужасные истории, что рассказывали об изощренной жестокости Тзота-ланти. По его телу пробежала ледяная дрожь, когда он осознал, что находится в тех самых легендарных катакомбах, в которых

жрец производил свои страшные эксперименты над людьми, животными и, как поговаривали, даже над демонами. Ходили слухи, что Ринальдо, безумный поэт, посещал эти каменные мешки по приглашению мага, так что те ужасы, которые он описал позднее в своей «Поэме склепа», отнюдь не были вымыслом больного мозга. Мозг этот, кстати, размазался по топору Конана в ту ночь, когда королю пришлось защищаться от коварных убийц, обманом проникших в его дворец, но слова мрачной поэмы до сих пор звучали в его ушах.

Внезапно киммериец насторожился, до боли напрягая слух. Ошибиться было невозможно — он знал этот шелестящий звук, издаваемый гибкими чешуями, скользящими по камню. Капли холодного пота выступили на лбу Конана, когда за полукругом бледного света появился вдруг некий силуэт, едва различимый во мраке, но от этого еще более ужасный. Силуэт рос, покачиваясь из стороны в сторону, и киммериец съежился, когда почувствовал на себе гнетущий взгляд вспыхнувших во тьме желтых глаз. Постепенно перед ним вырисовалась из мрака уродливая треугольная голова, а за нею, лениво извиваясь, выползло чешуйчатое тело рептилии невиданных размеров. Такой змеи Конан не только никогда не видел, но даже не мог представить, что существуют на Земле подобные чудовища. Не менее восьмидесяти футов длиной, с треугольной, размером с лошадиную, головой и заостренным гибким хвостом, она показалась киммерийцу исчадием ада. В слабом свете факела холодно светилась белая, словно покрытая инеем, чешуя. Эта змея, несомненно, родилась и провела всю свою жизнь в темноте, но ее желтые глаза горели, тем не менее, живым, злобным огнем. Она свила свое гигантское тело огромными кольцами рядом с прикованным к стене узником, и ее отвратительная голова покачивалась теперь на длинной шее в нескольких дюймах от его лица. Раздвоенный язык чудовища, высовывавшийся и тут же прятавшийся в пасти, едва не касался губ короля, смрадный запах выворачивал его наизнанку, взгляд огромных желтых глаз манил и завораживал, Конан смотрел в них не мигая. Варвар боролся с инстинктивным желанием схватить чудовище за шею и сдавить ее изо всех сил своими могучими ручищами. Намного более сильный, чем любой из так называемых цивилизованных людей, Конан некогда, еще в те времена, когда плавал на корсарском корабле, сразился с гигантским питоном и победил его, раздавив череп стальными пальцами. Но эта змея ко всему прочему была ядовитой: он видел, как стекает с белых, футовой длины, изогнутых словно сабли, клыков бесцветная жидкость, и инстинктивно чувствовал таившуюся в ней смерть. Быть может, ему удалось бы размозжить этот треугольный череп ударом кулака, но он знал, что при малейшем его движении чудовище ударит, словно молния. Разум подсказывал Конану, что он лишь отдаляет неминуемую смерть, и что лучше бы ему покончить со всем этим сразу.

Но слепой инстинкт самосохранения оказался сильнее разума, он так сковал мышцы киммерийца, что тот застыл подобно статуе.

Чудовищная голова на толстой шее поднялась еще выше и повисла над узником — змея осматривала факел, горевший в нише. Капля яда упала на обнаженное бедро варвара, перед его глазами поплыли багровые пятна, ему казалось, что в его ногу медленно погружается раскаленное острие стилета, но он даже не шелохнулся. Змея плавно раскачивалась над ним, словно пыталась окончательно убедиться, что в этой застывшей фигуре не осталось даже искорки жизни.

И вдруг с той стороны, где скрывалась невидимая во мраке дверь, донесся глухой лязг. Змея, осторожная, как и все пресмыкающиеся, с невероятной быстротой скрылась во тьме.

Огромная дверь распахнулась настежь, оставшись открытой, решетка вдвинулась в стену. На пороге, в ореоле света горевших в коридоре факелов, появился силуэт человека. Пришелец скользнул в камеру и осторожно прикрыл за собой решетку, следя за тем, чтобы она не захлопнулась окончательно. Когда незнакомец оказался в полукруге света, падавшего от факела на головой Конана, киммериец увидел, что перед ним стоит высокий, почти совсем голый негр с длинным мечом в одной руке и связкой ключей во второй.

Негр произнес несколько слов, и киммериец узнал полузабытый им язык одного из небольших племен, населявших морское побережье Куша. Пиратскому кораблю Конана случалось некогда плавать в тех водах.

— Я долго ждал встречи с тобой, Амра! — сказал негр, называя Конана именем, присвоенным ему когда-то кушитами, на их языке оно обозначало льва. На губах раба появилась кривая улыбка, глаза злобно сверкнули.— Я многим рисковал, когда шел к тебе. Вот, посмотри — это ключи от твоих оков, я украл их у евнуха. Что ты дашь мне за них?

— Десять тысяч лунов золотом! — выпалил король, чувствуя, как зарождается в сердце надежда.

— Мало! — крикнул весело негр.— Слишком мало за такой риск! Того и гляди твари Тзота-ланти выскочат из мрака и сожрут с потрохами. А Шукели? Он же меня за ноги повесит, если узнает про ключи. Так что ты дашь мне за них?

— Пятнадцать тысяч и дворец в Пойнтайне,— сказал король.

Негр зарычал и затопал ногами в пароксизме дикой ярости.

— Больше! — закричал он восторженно.— Хочу больше! Что ты мне дашь?

— Ах ты, собака! — Глаза Конана заволокло багровым туманом.— Это Шукели послал тебя издеваться надо мною?

— Шукели понятия не имеет о том, что я здесь, белый человек,— ответил негр, вытягивая шею, чтобы заглянуть королю в глаза.— Я давно тебя знаю, с тех самых пор, как стал вождем свободного племени. Мы встретились с тобой еще до того, как

стигийцы схватили меня и продали в рабство на север. Ты помнишь Абомби? Помнишь, как твои морские волки грабили и жгли город? Ты тогда перед дворцом короля Аджаги убил одного из вождей, а второй с трудом унес ноги. Убитый был моим братом.

— Освободи меня, и я дам тебе столько золота, сколько ты весишь сам! — рявкнул Конан.

Налившиеся кровью глаза негра хищно сверкнули, а зубы обнажились, словно волчьи клыки.

— Ты такой же, как и все белые, вонючий пес! Готов золотом заплатить за пролитую кровь? Нет, проклятая собака, ты заплатишь мне за нее головою!

Последнее слово, выкрикнутое в безумном восторге, гулким эхом разнеслось по бесконечным коридорам. Конан напрягся, машинально натягивая цепь, его приводила в бешенство сама мысль о том, что его собираются зарезать, словно беспомощного ягненка. И вдруг он остолбенел от ужаса — над плечом черного великана появился неясный силуэт ритмично раскачивающегося гибкого тела.

— Тзота никогда ни о чем не узнает! — хохотал негр, упиваясь своим триумфом и не замечая того, что происходило за его спиной.— Пока он соберется спуститься в подземелье, демоны сожрут твое мясо и растащат кости. Твоя голова — моя добыча, Амра!

Раб широко расставил свои массивные, словно колонны, ноги и обеими руками поднял над головой меч. Крепкие мышцы перекатились под черной кожей, тускло блестевшей в свете факелов...

В ту же секунду гигантская тень за его плечами метнулась вперед и вниз, а клиновидная голова ударила с такой силой, что эхо громом понеслось по туннелям и коридорам, выдолбленным в сплошной скале. Иссиня-черные толстые губы кушита исказились гримасой невыносимой боли, но не проронили ни единого звука. Конан, не отрываясь, смотрел в огромные глаза негра и видел, как быстро покидала их жизнь — так быстро, как гаснет задутое пламя свечи. Следующий удар отбросил тело несчастного в другой конец коридора, вокруг него обернулись чудовищные кольца, поблескивая мертвенно-белой чешуей, и Конан услышал страшный хруст костей. Вдруг его сердце забилось сильнее — из безжизненных рук раба выпали меч и ключи.

Отскочив от каменного пола, связка ключей скользнула по полу в сторону Конана. Киммериец нагнулся, пытаясь ее достать, но цепь оказалась слишком короткой. Задыхаясь от бешеных ударов сердца, он сбросил сандалию и нащупал ключи пальцами голой ноги. Еще мгновение и он, едва удержавшись от торжествующего вопля, схватил связку рукой. Минута возни с замком — и вот она, свобода! Подхватив валявшийся неподалеку меч, Конан огляделся по сторонам, его окружал мрак, в котором только что исчезло чудовище, уволокшее с собой нечто бесформенное, что ничем уже не напоминало человеческое тело. Киммериец повернулся

к открытой двери, прыжок — и он на ее пороге... Злорадный хохот вырвался из темноты навстречу ему, решетка с лязгом защелкнулась перед самым его носом, и он увидел за нею искаженное гримасой издевательского смеха уродливое лицо — евнух Шукели хватился-таки своих ключей. Упоенный своим торжеством, он не заметил, что пленник вооружен мечом. Киммериец злобно выругался, длинное лезвие скользнуло по прутьям, и смех кастрата сменился предсмертным хрипом. Шукели согнулся пополам, словно поклонился убийце, и упал вперед, тщетно пытаясь удержать пухлыми руками вывалившиеся внутренности. Губы Конана скривились в улыбке мстительного удовлетворения. Однако, хотя негодяй получил то, чего давно заслуживал, Конану это никак не могло помочь — ключи были у него, но решетка-то открывалась лишь снаружи. Ощупав ее прутья, он убедился в том, что разрубить мечом их не сможет. Его бросило в пот, когда он нашарил пальцами углубления, похожие на следы, оставленные огромными клыками, и представил себе размеры неведомых чудовищ, грызущих решетку.

Оставалось одно — искать выход где-нибудь в ином месте. Он вынул факел из ниши и направился вниз по коридору, держа меч перед собой. Сделав несколько шагов, он ступил в лужу крови — это был единственный след, оставшийся от змеи и ее жертвы. Колеблющееся пламя факела лишь едва рассеивало мрак. С обеих сторон коридора зияли черные отверстия, но Конан шел строго по центру, внимательно глядя под ноги,— боялся попасть в ловушку. Вдруг до его ушей долетели звуки, которых он никак не ожидал здесь услышать,— где-то за стеной горько плакала женщина. «Еще одна жертва Тзота-ланти»,— подумал он и, проклиная мага, свернул в боковой туннель с низким потолком и влажными стенами. По мере того, как он удалялся от главного коридора, плач становился громче и громче. Подняв факел повыше, он увидел перед собой некий бесформенный силуэт, шагнул вперед и попятился в ужасе. У его ног лежало существо, похожее на осьминога с короткими щупальцами. Его огромное, расплывшееся тело подрагивало, словно студень, вызывая тошноту уже самим своим видом. Из отвратительной желеобразной массы торчала голова, похожая на жабью, и киммериец с удивлением понял, что рыдания исходили из ее багрово-черных губ. Взгляд выпученных глаз твари остановился на Конане, рыдания сменились громким гнусным хохотом, и трясущееся тело поползло к королю.

Конан отступил назад, повернулся и бросился бежать. На меч надежды было мало — варвар сомневался в том, что подобную тварь можно было остановить обычным оружием. Еще некоторое время он слышал за спиной глухие шлепки и издевательский хохот. В звуках последнего острый слух киммерийца выловил знакомые нотки и это сводило его с ума — такой же смех исходил когда-то из уст похотливых шадизарских женщин, когда на их глазах срывали одежды с юных рабынь, выставленных на продажу.

Киммериец бежал к главному коридору, но по пути наткнулся на небольшой квадратный зал, в котором скрещивались два туннеля. У входа в зал лежало нечто плоское. Конан заметил препятствие, но не успел притормозить, поскользнулся на чем-то мягком, громко пискнувшем под ногами, и растянулся во весь свой гигантский рост. Факел, вылетевший из руки, откатился в сторону и погас. Ошеломленный падением, Конан с трудом поднялся на ноги и ощупал вытянутыми руками пространство вокруг себя. Падая, он потерял ориентацию и теперь понятия не имел, в какую сторону нужно двигаться, чтобы попасть в главный коридор. Он не стал терять время на то, чтобы разыскать факел,— все равно зажечь его было нечем. Нащупав стену, он пошел вдоль нее до перекрестка, там наугад выбрал один из туннелей и углубился в него. Неизвестно, как долго он шел так в абсолютной темноте, но внезапно инстинкт предостерег его — впереди ждала опасность.

Конан остановился. Однажды он уже испытал подобное чувство, когда стоял во мраке на краю бездонной пропасти. Король опустился на колени и ощупал пол руками. Действительно, в двух шагах дальше пол резко обрывался, переходя в скользкую и влажную стенку огромного колодца. Он протянул над колодцем руку и лишь с трудом дотянулся до противоположного его края кончиком меча. Конечно, перепрыгнуть через колодец труда для Конана не составляло, но смысла в этом не было — теперь он точно знал, что ошибся в выборе туннеля и главный коридор остался где-то далеко позади. Пока он размышлял над этим, его спутанные волосы шевелил слабый ветерок. Конан вздрогнул — дуло явно из колодца. Король понимал, что находится глубоко под землей, где-то уже не над, а под городом, так как же мог ветер дуть снизу? До его ушей долетел отдаленный, едва различимый рокот, казалось, далеко-далеко внизу грохочут барабаны...

Конан вскочил на ноги и начал медленно отступать назад. В этот самый момент из колодца что-то вылетело. Король ничего не видел, но отчетливо чувствовал, что над ним возносится нечто, некое материализованное зло. Киммериец повернулся и со всех ног помчался в ту сторону, откуда пришел.

Где-то далеко впереди загорелась крошечная красная искорка. Он бросился к ней и врезался лбом в каменную стену. И тут же увидел искру у самых своих ног. Это был его факел — пламя давно погасло, но обугленная верхушка все еще слабо тлела. Конан поднял факел и осторожно раздул огонь,— из его груди вырвался громкий вздох облегчения, когда пламя поползло по дереву и разогнало мрак. Он снова стоял в квадратном зале. Король без труда нашел нужный ему туннель и, не раздумывая больше, направился в него. Вдруг пламя факела всколыхнулось, словно на него подули невидимые губы, и Конан вновь ощутил чье-то недоброе присутствие. Король поднял факел над головой и осмотрелся по сторонам. Рядом никого не было, но он чувствовал, что нечто неосязае-

мое и невидимое витает в воздухе, изрыгая проклятия. Конан не слышал слов, но святотатственный смысл злобных проклятий доходил до него каким-то необъяснимым путем. Он взмахнул мечом и ему показалось, что клинок увяз на секунду в клубке паутины. Дрожа от ужаса, он бросился бежать, чувствуя на затылке чьето горячее зловонное дыхание.

Лишь выскочив в главный коридор, он почувствовал, что избавился от невидимого спутника, и быстро пошел вперед, опасливо поглядывая по сторонам. Впрочем, коридор теперь трудно было назвать тихим: из боковых туннелей доносились то взрывы демонического смеха, то визг и скрежет, однажды он услышал даже, как смех, похожий на хохот гиены, сменился вдруг человеческим голосом, выкрикивавшим непристойные ругательства. Несколько раз Конан слышал чьи-то крадущиеся шаги и замечал в отверстиях туннелей едва различимые контуры чудовищных тел, более темных, чем окружавший их мрак.

Киммерийцу начало казаться, что он обречен на вечные скитания по этому аду, сотворенному Тзота-ланти. Правда, бестии почему-то не спешили покидать свои боковые туннели, хотя Конан не раз и не два слышал жадные причмокивания ослизлых губ и ощущал на себе голодные взгляды. И вдруг он понял причину их нерешительности — услышав шелестящий звук, долетевший до него откуда-то сзади. Он метнулся во тьму ближайшего туннеля и резко взмахнул факелом, гася пламя. По коридору медленно ползло гигантское тело. Отяжелевшая после недавнего пиршества змея не удостоила вниманием ничтожное существо, выскочившее из-под ее пасти и исчезнувшее во мраке бокового туннеля. Судя по всему, главный коридор служил гигантскому пресмыкающемуся охотничьими угодьями, и никто из здешних обитателей не решался оспаривать его права.

Но для Конана змея было меньшим из всех здешних зол. Он даже испытывал к ней некоторую симпатию, особенно когда вспоминал хохочущий и плачущий студень или зловещую бестелесную тварь из колодца. Змея была ползучей смертью, но она угрожала только телу, тогда как все прочие покушались также на разум его и душу.

Когда змея величаво удалилась, Конан раздул свой факел и последовал за ней, держась на почтительном расстоянии. Внезапно его внимание привлекли жуткие стоны, исходившие из туннеля, мимо которого он как раз в этот момент проходил. Осторожность советовала ему продолжить путь, но любопытство оказалось сильнее, он поднял выше догоравший факел и свернул в черную дыру. Конан готов был к любым неожиданностям, но то, что он увидел, было буквально ошеломляющим.

Он стоял на пороге огромной комнаты, вход в которую перегораживала прочная стальная решетка, чьи концы были намертво врезаны в пол и потолок. Внутри этой клетки покоилось на возвышении нагое худое тело человека или существа, похожего на чело-

века, плотно оплетенное толстыми гибкими ветвями подобного виноградной лозе растения, выраставшего, казалось, прямо из каменного пола. Ветви-щупальца странного дерева, покрытые остроконечными листьями причудливой формы, были усыпаны громадными бутонами огненно-алых цветов. Один из полураскрывшихся бутонов нависал над расслабленными губами незнакомца, из которых вырывались громкие мучительные стоны. Его голова моталась из стороны в сторону, словно от невыносимой боли, широко раскрытые глаза смотрели на Конана в упор, но их тусклый взгляд лишен был даже проблеска разума — они были пустыми и стеклянными, словно глаза безумца.

Внезапно цветок склонился ниже и припал своими болезненно-алыми лепестками к раскрытым губам жертвы. Тело несчастного содрогнулось, ветви встрепенулись и задрожали, словно в экстазе, по ним бежали волны быстро сменявших друг друга оттенков, цвет углублялся, становился все более ядовитым.

Конан не понимал того, что происходило в клетке, но догадывался, что оказался свидетелем каких-то ужасных пыток. Однако кем бы там ни была жертва — человеком или демоном, ее муки вызвали сострадание даже у привычного ко всякой жестокости киммерийца. Он поискал вход в клетку и обнаружил небольшую дверцу с крепким засовом, один из ключей в его связке легко открыл замок.

Как только он оказался внутри клетки, бутоны раскрылись, словно капюшоны кобр, ветви угрожающе распрямились, все растение напряглось и качнулось к нему. Конан не сомневался в том, что перед ним существо, одаренное разумом,— растение явно видело непрошеного гостя и буквально излучало бешеную ненависть: она накатывала на него волнами настолько сильными, что, казалось, их можно было потрогать. Он осторожно подошел ближе и высмотрел место, где из монолитной скалы торчал ствол лозы — мощный стебель толщиной с человеческое бедро, покрытый гладкой плотной корой. Не обращая внимания на грозно тянувшиеся к нему ветви, он размахнулся и одним ударом перерубил ствол.

В то же мгновение тело несчастного пленника полетело в сторону, громадная лоза, извиваясь и трепеща листьями, скрутилась, словно обезглавленная змея, в огромный клубок, побагровевшие бутоны на ней судорожно открывались и закрывались, словно бились в конвульсиях. В конце концов жизнь покинула растение, оно обмякло и вытянулось, разметав по полу ветви, яркие краски поблекли, из перерубленного ствола потекла вонючая жидкость.

Конан смотрел на происходившее как зачарованный, но услышав за спиной какой-то шорох, мгновенно повернулся, взметнув над головой меч,— и застыл, раскрыв от удивления рот.

Недавний беспомощный пленник растения поднимался с пола, внимательно глядя на Конана. Его глаза, лихорадочным огнем горевшие на изможденном лице, уже не были тупыми и бессмы-

сленными, с лица полностью стерлось выражение безумия. Голова этого человека — а в том, что это был человек, сомнений больше не оставалось — была узкой, но правильной по форме, высокий лоб свидетельствовал о незаурядном уме, тонкие черты лица, стройная фигура, маленькие кисти рук и узкие стопы ног указывали на его аристократическое происхождение.

Первые же его слова, произнесенные на котхийском языке, несказанно поразили Конана:

— Какой сейчас год?

— Сегодня десятый день месяца Юлук, года Газели,— ответил растерянно киммериец.

— Яггкоолан Иштар! — воскликнул незнакомец.— Десять лет!

Он провел рукой по лбу и потряс головой, словно пытался избавиться от прилипшей к ней паутины.

— Все как в тумане... Что ж, после стольких лет абсолютной пустоты трудно ожидать, что мозг немедленно включится в работу. Скажи мне, кто ты?

— Я Конан, уроженец Киммерии, сейчас — король Аквилонии.

Незнакомец явно удивился.

— Вот как? А куда делся Нумедидес?

— Я задушил его прямо на троне в ту ночь, когда захватил дворец.

Нотка наивной гордости в голосе киммерийца вызвала улыбку на губах незнакомца.

— Простите меня, Ваше Величество. Я должен прежде всего поблагодарить вас за услугу, которую вы мне оказали. Я чувствую себя сейчас как человек, внезапно очнувшийся от кошмарного сна, более глубокого, чем сама смерть, но понимаю, что обязан вам свободой. Однако, скажите мне, почему вы перерубили ствол лозы Ятга вместо того, чтобы вырвать ее с корнем?

— Я давно усвоил, что не следует трогать руками то, чего не понимаешь,— ответил Конан.

— Вы правы, Ваше Величество. Если даже вам удалось бы вытащить корни, то на них обнаружились бы такие вещи, с которыми и ваш меч не справился бы, ибо корни Ятга были погружены в ад.

— Но кто ты такой? — спросил наконец Конан.

— Меня зовут Пелиас.

— Как?! — воскликнул король.— Тот самый Пелиас-чернокнижник, соперник Тзота-ланти, что бесследно исчез десяток лет назад?

— Как видите, не совсем бесследно,— кисло улыбнувшись, ответил Пелиас.— Тзота предпочел сохранить мне жизнь, но заковал в оковы, более страшные, чем ржавое железо. Он заточил меня здесь с этим мерзким растением, семена которого, перенесенные на Землю сквозь пучины черного космоса из Ягга Прокля-

того, лишь в аду нашли для себя почву, чтобы укорениться. Когда эта дьявольская лоза сжала меня в своих омерзительных объятиях и высосала душу, я забыл все заклятия. Днем и ночью она иссушивала мой мозг, пока он не стал таким же пустым, как треснувшая чашка. Десять лет! О Иштар, помоги мне!

Конан стоял, не в силах вымолвить ни единого слова, сжимая в одной руке факел, во второй — рукоять меча. Человек, стоявший перед ним, потерял рассудок — киммериец не сомневался в этом, хотя безумие никак не отражалось в спокойно наблюдавших за ним черных глазах мага.

— Скажите, Тзота-ланти в Хоршемише? — спросил вдруг чернокнижник. — Впрочем, ладно, не отвечайте. Во мне пробуждаются вновь магические силы, и я читаю в вашем мозгу о великом сражении, о короле, попавшем в вероломно расставленную западню, вижу Тзота-ланти, сломя голову скачущего к реке Тибор, вижу рядом с ним Страбонуса и короля Офира. Тем лучше, я еще не рискнул бы встретиться с Тзота-ланти лицом к лицу. Потребуется некоторое время, чтобы полностью восстановить силы и вновь обрести все свое могущество. Пойдем отсюда, потешим душу и тело чашей благородного вина...

Конан махнул с досадой связкой ключей.

— Решетка наружной двери заперта, а ее можно открыть только с той стороны. Нет ли иного выхода из этого проклятого лабиринта?

— Есть один, но я предпочел бы им не пользоваться, ибо он ведет вниз, а не вверх, — ответил, смеясь, Пелиас. — Не стоит горевать прежде времени. Пойдем посмотрим на эту решетку.

Сказав это, маг направился в туннель. Его ноги, одеревеневшие от долгой бездеятельности, подгибались на каждом шагу, но мало-помалу походка приобретала уверенность. Следуя за ним, Конан нехотя произнес:

— Тут по коридору время от времени ползает огромная змея. Как бы она не пригласила нас на ужин.

— Я знаю о ней, — ответил хмуро Пелиас. — И я в свое время вынужден был смотреть, как она пожирала одного за другим десятерых моих учеников. Ее зовут Сатха, она любимица Тзота-ланти.

— Скажи, Тзота велел выдолбить эти туннели специально для того, чтобы было где держать этих омерзительных монстров?

— Тзота тут ни при чем. Когда три тысячи лет назад основатель Хоршемиша, король Коссус Пятый приказал возвести королевский дворец на вершине этой горы, его строители, расчищая место для погребов, наткнулись на замурованный коридор. Разломав стену, они обнаружили эти катакомбы. Однако великого визиря, дерзнувшего спуститься в подземелье, постигла столь страшная участь, что король приказал вновь замуровать вход в него. Всем было объявлено, что визирь случайно упал в колодец, — но подвалы и погреба засыпали, а через некоторое время

и сам король перебрался в новый, построенный в долине, дворец. Но и оттуда он однажды бежал в панике, когда нашел некую черную пыль, рассыпанную по мраморному полу своей спальни. Король немедленно покинул Хоршемиш и уехал на восток королевства, где и построил себе новую столицу. Дворец на холме опустел, затем обветшал и почти совсем разрушился. Король Аккуто Первый вернул Хоршемишу былую славу и возвел там, где стоял прежде дворец, военную крепость. Она стояла тут до тех пор, пока в Котхе не появился Тзота-ланти и не перестроил ее в Алую Цитадель. Он же заново открыл вход в катакомбы. Какова бы ни была причина смерти великого визиря короля Коссуса, Тзота сумел избежать подобной участи. Однако он тоже нашел колодец, а когда вернулся из подземелья, странным образом переменился. С тех пор все знают его только таким, какой он есть сейчас. Я тоже видел этот колодец, но у меня нет никакого желания лезть в него даже в поисках неземной мудрости. Я маг и обладаю могуществом бóльшим, нежели думают об этом люди, но я все же человек. Что касается Тзоты, в народе рассказывают легенду об одной танцовщице из Шадизара, уснувшей неподалеку от руин на холме Дагота и проснувшейся в объятиях черного демона. Говорят, что результатом столь противоестественного союза и оказалась та проклятая тварь, которую называют Тзота-ланти...

Внезапно Конан громко вскрикнул и отпрянул назад, таща за собой Пелиаса. Прямо перед ними вынырнуло из мрака белое тело Сатхи, огромные глаза змеи пылали извечной ненавистью ко всему живому. Конан напрягся, готовясь к прыжку, он собирался воткнуть догоравший факел змее в пасть и попытаться решить дело одним-единственным ударом меча, понимая, что нанести второй удар возможности ему уже не представится.

Но змея не обращала на него ни малейшего внимания: она неотрывно смотрела через его плечо на Пелиаса, спокойно стоявшего, скрестив на груди руки и с улыбкой на губах.

Постепенно ненависть в ее свирепых желтых глазах начала гаснуть, сменяясь паническим страхом,— Конан впервые видел подобное выражение в глазах рептилии. Огромная змея резко изогнулась, отпрянула назад и исчезла во мраке коридора.

— Что она такого страшного увидела?— спросил Конан, с беспокойством поглядывая на своего спутника.

— Существа, покрытые чешуей, видят то, что ускользает от глаз обычных смертных,— ответил загадочно Пелиас.— Ты видишь мою телесную оболочку, она же видит нагую душу.

Конан почувствовал, как по спине его пробежал холодок, когда он подумал о том, что рядом с ним стоит, быть может, вовсе не человек, а тварь родом из пекла, лишь выдающая себя за человека. Он уже всерьез подумывал над тем, не вонзить ли ему меч в спину идущего впереди мага, пока это еще возможно, когда они подошли к решетке, прутья которой казались черными в свете факелов, горевших снаружи. Мертвый Шукели полусидел-полу-

стоял, навалившись на решетку, у его ног разлилась огромная лужа крови.

— Клянусь алебастровыми бедрами Иштар, я знаю нашего привратника! — воскликнул весело Пелиас.— Это же не кто иной, как сам благородный Шукели, который вешал за ноги моих учеников и сдирал с них кожу, заливаясь радостным смехом! Ты спишь, Шукели? Почему ты сидишь тут и жирное брюхо у тебя плоское, как у выпотрошенной свиньи?

— Он мертв,— пробормотал Конан.

— Живой он или мертвый, а решетку нам откроет,— сказал, смеясь, Пелиас. Он громко хлопнул в ладоши и крикнул:

— Встань, Шукели! Вернись из ада, поднимись с окровавленных плит и открой решетку своим хозяевам! Вставай, говорю я тебе!

Под сводами камеры прозвучал душераздирающий стон. Волосы Конана встали дыбом, он почувствовал, что по его спине льются целые ручьи ледяного пота.

Евнух вздрогнул и неуклюже поднялся, цепляясь за прутья решетки пухлыми руками. Безжалостный смех Пелиаса, острый, словно лезвие обсидианового кинжала, вторил его неуверенным движениям. Конан, увидев это, окончательно струхнул, и колени под ним подогнулись: глаза трупа, широко раскрытые, были пусты и безжизненны, из распоротого брюха до самой земли свешивались внутренности, длинные кишки путались в ногах Шукели, когда он, двигаясь словно сомнамбула, шел к рычагу запора решетки. Конан подумал было, что евнух каким-то чудом выжил, но теперь сомневаться не приходилось — он был мертв и мертв давно.

Пелиас спокойно перешагнул через порог. Обливающийся потом Конан поспешил за ним, стараясь держаться подальше от страшной фигуры, цеплявшейся за полуоткрытую решетку.

Маг даже не взглянул на Шукели, Конан же едва сдержал рвоту. Сделав полдюжины шагов, варвар услышал за спиной глухой удар и машинально оглянулся — труп евнуха лежал неподвижно у все так же полуоткрытой решетки.

— Выполнил свое задание и вернулся в ад,— любезно пояснил Пелиас, из вежливости делая вид, что не замечает крупной дрожи, сотрясавшей тело короля.

Они поднялись по длинной лестнице, и маг открыл бронзовую дверь, украшенную человеческим черепом. Конан перехватил меч поудобнее, ожидая нападения стражи, но в цитадели господствовала тишина. Пройдя черным коридором, они вошли в следующий — затянутый ароматным дымом, курившимся из золотых кадильниц. Там тоже никого не было.

— Рабы и стража живут в другом крыле цитадели,— бросил равнодушно Пелиас.— Сегодня, когда нет их господина, они, скорее всего, спят вповалку, упившись вином или соком лотоса.

Конан выглянул из большого стрельчатого окна со стеклами,

оправленными в золоченые рамы, и выругался от неожиданности, увидев гранатовое небо, усыпанное звездами. Его бросили в подземелье с первыми лучами солнца, а сейчас стояла глухая ночь — он и не представлял себе, что пробыл там так долго. И лишь теперь он почувствовал жажду и зверский голод.

Пелиас проводил его в зал с позолоченными сводами и полом, украшенным серебряной чеканкой. Стены из ляпис-лазури резко контрастировали с черным гранитом резных порталов. Маг со вздохом облегчения упал на затянутое шелковым покрывалом ложе.

— Наконец-то снова золото и шелк! — сказал он.— Тзота уверяет, что презирает телесные наслаждения, но он полудемон, а я человек и, несмотря на свои тайные знания и могущество, люблю удобство и хорошую еду и питье. На этом, кстати, и подловил меня Тзота: скрутил, когда я спал, хватив лишку. Нет, вино — это сущее проклятие, клянусь алебастровой грудью Иштар: стоило мне о нем вспомнить, оно уже стоит на столе! Прошу тебя, друг мой, налей мне чашу... Ах нет, простите меня, Ваше Величество, я забыл, что имею дело с королем,— сейчас я вас сам обслужу...

— К демонам церемонии,— проворчал Конан, наполнил хрустальную чашу вином и подал ее Пелиасу, сам же поднес горлышко кувшина ко рту и сделал первый глоток. Оба — и Конан и маг — вздохнули с облегчением.

— Этот пес разбирается в винах,— заметил Конан, вытирая губы ребром ладони.— Но, клянусь Кромом, Пелиас, нам не стоит сидеть здесь и ждать, пока стража проснется и примется резать нам глотки.

— Ничего не бойся, дружище,— спокойно ответил Пелиас.— Кстати, ты не хочешь посмотреть, как там идут дела у Страбонуса?

Голубые искры посыпались из глаз Конана, и он стиснул рукоять меча так крепко, что побелели костяшки пальцев.

— Попадись он мне только! — рявкнул киммериец.

Пелиас улыбнулся и снял со столика из черного дерева большой хрустальный шар.

— Это магический кристалл Тзота-ланти. Детская игрушка, но весьма полезная, когда не хватает времени на более серьезные чары. Взгляните, Ваше Величество.

Он снова положил шар на столик рядом с Конаном. Король вгляделся в туманную глубину кристалла, мгла постепенно рассеивалась, и внутри начали вдруг появляться четкие образы. Конан сразу же узнал знакомый пейзаж: обширную равнину, спускавшуюся к широкой извилистой реке, лабиринт невысоких холмов за нею, город, возвышавшийся на северном берегу, его крепкие и высокие стены, окруженные рвом.

— О Кром! Это же Шемар! Собаки осадили его!

Захватчики уже переправились через реку, их шатры стояли

в узкой долине между городом и холмами. Воины штурмовали стены, и их доспехи слабо поблескивали в свете луны. Со стен и башен на их головы сыпался град камней и стрел.

Конан уже открыл рот, чтобы выругаться в сердцах, но тут картина в хрустальном шаре изменилась.

Из тумана выплыли остроконечные крыши дворцов и сверкающие купола храмов — король узнал свою собственную столицу — Тарантию, и в ней царил хаос.

Он видел пойнтайнских рыцарей в тяжелых доспехах, которым была доверена охрана города,— они выезжали из городских ворот, а толпы горожан освистывали их и осыпали проклятиями. Он видел грабежи и убийства, видел вооруженных людей, носивших пеллийский герб на щитах, которые вторгались в дома и башни и хозяйничали на улицах и площадях. И над всем этим нависало смуглое, искривленное гримасой триумфа, лицо принца Арпелло Пеллийского...

...И тут изображение в шаре всколыхнулось и исчезло.

— Вот, значит, как! — горько улыбнувшись, сказал Конан.— Стоило мне отлучиться, народ восстал!

— Не совсем так,— поправил его Пелиас.— Твоим подданным сказали, что ты погиб, и они думают, что теперь некому защитить их от внешнего врага и предотвратить гражданскую войну. Естественно, они стали на сторону сильнейшего, чтобы избежать ужасов борьбы за власть. Помня о прежних раздорах, они не доверяют пойнтайнцам, а тут под рукой как раз оказался Арпелло, могущественный принц, сеньор центральных провинций.

— Когда вернусь в Аквилонию, брошу его обезглавленный труп в яму у Башни Изменников,— яростно прошипел Конан, скрипнув зубами.

— Но как бы ты ни спешил, Страбонус заявится в столицу раньше тебя,— напомнил Пелиас,— а его рыцари разграбят и опустошат по дороге все твое королевство.

— Ты прав! — Конан метался по залу, словно тигр в клетке.— Даже самый быстрый конь не домчит меня в Шамар до полудня, да и там лучшее, что я смогу сделать,— погибнуть вместе с защитниками крепости, когда город падет, а он падет не позже, чем через пару дней. От Шамара до Тарантии пять дней пути — прежде чем я соберу армию, Страбонус уже будет стоять у ворот столицы. И я голову даю на отсечение, что услышав о моей гибели, все проклятые бароны разбежались по своим вотчинам. А поскольку народ изгнал Троцеро с его пойнтайнцами, в городе не осталось никого, кто отважился бы помешать Арпелло захватить трон... и сокровищницу. Взамен за поддержку Страбонуса он станет его пленником, а затем, улучив момент, поднимет против него восстание. Бароны откажут ему в поддержке, и это послужит Страбонусу предлогом, вполне достаточным, чтобы окончательно прибрать к рукам мое королевство. О Кром, Имир и Сет! Будь у меня крылья, я молнией полетел бы в Тарантию!

Сидевший за столом Пелиас рассеянно постукивал кончиками пальцев по нефритовой крышке и, казалось, не слышал сетований Конана, полностью погрузившись в свои мысли. Но вдруг стук утих, чернокнижник резко поднялся и жестом предложил киммерийцу следовать за ним. Они вышли из комнаты и поднялись по мраморной лестнице. Через несколько секунд они уже стояли на крепостной стене, между ее зубьями у самой высокой из башен.

Сильный ветер трепал черную гриву Конана, внизу мигали огоньки Хоршемиша, казавшиеся даже более далекими, чем звезды над головами мага и короля. Пелиас, который, похоже, все еще думал о чем-то своем, наконец заговорил:

— Мир живых существ,— сказал он,— гораздо богаче и сложнее, чем думают о нем люди. Даже высоко в небесах бурлит жизнь, неведомая обыкновенным смертным... Но тот, кому доступно Знание, может, пользуясь определенными знаками и заклинаниями, получить оттуда помощь... Смотри и ничего не бойся!

Маг простер руки к небу и издал страшный долгий клич, вонзившийся, казалось, в пространство. Звук улетал все дальше и дальше, постепенно слабея. В воцарившейся вдруг тишине послышалось слабое биение крыльев, и со стороны звезд вынырнуло из мрака нечто, похожее на огромную летучую мышь, и село рядом с плечом Конана на зубец стены.

Оторопевший Конан поразился невиданному размаху гигантских крыльев существа, спокойно смотревшего на него огромными круглыми глазами.

— Садись на него,— сказал Пелиас.— Ты прилетишь в Тарантию еще до рассвета.

— О Кром!— пробормотал Конан.— Не сон ли это? Может, я сплю сейчас в своей постели в королевском дворце и вижу кошмарный сон? А как же ты? Я же не могу оставить тебя здесь одного, среди стольких врагов.

— Обо мне не беспокойся,— заверил Пелиас.— На рассвете жители Хоршемиша узнают, что у них уже новый повелитель. Прими без опаски то, что тебе послали боги, вскоре мы встретимся на равнине у Шамара. Лети!

Конан осторожно уселся на ороговелую спину и обхватил руками выгнутую шею, все еще не веря тому, что это происходит наяву.

Черное существо расправило крылья и с шумом взвилось в воздух. Король посмотрел вниз и почувствовал головокружение— внизу мигали, удаляясь с бешеной скоростью, огоньки Хоршемиша, спустя мгновение они исчезли, и лишь звездное небо над головой напоминало Конану о том, что он быстрее любого скакуна мчится на северо-запад— к Тарантии.

4

Улицы Тарантии были заполнены толпами народа. Люди с перекошенными яростью лицами гневно потрясали бердышами и пиками, над головами обезумевших горожан возносился целый лес крепко сжатых кулаков.

Занималась заря следующего дня после битвы у Шамара, и события развивались так быстро, что у всех голова шла кругом. Уже через несколько часов после сражения весть о поражении и смерти Конана, доставленная лишь Тзота-ланти ведомым способом, всколыхнула столицу. Бароны поспешно оставили город. Нахлестывая лошадей, мчались они в свои вотчины, чтобы не допустить их разграбления жадными до чужого богатства соседями. Хорошо налаженная Конаном деловая и повседневная жизнь горожан рушилась, банкиры и купцы со страхом ждали возвращения прежних порядков. Народ требовал избрания нового короля, который защитил бы страну от внешнего врага и приструнил распоясавшихся аристократов. Граф Троцеро, оставленный прежним королем в качестве наместника в столице, пытался успокоить бушевавшую толпу, но горожане помнили, что это именно он во время гражданской войны несколько лет назад штурмом взял город и устроил кровавую баню его защитникам. На всех перекрестках орали, что граф предал короля и собирается вновь разграбить город. Пользуясь неразберихой и общим замешательством, наемные солдаты приступили к грабежам, выбрасывая из лавчонок перепуганных купцов и насилуя женщин.

Троцеро огнем и мечом обрушился на грабителей, устлал улицы их трупами, загнал в казармы тех, кто остался в живых, и арестовал главарей. Но это мало помогло, толпы на улицах лишь увеличились. Ширились слухи, что Троцеро нарочно развязал грабежи, чтобы собственноручно затем подавить их и напугать таким образом горожан.

Принц Арпелло явился в Королевский Совет и заявил, что поскольку у Конана не было сына — наследника трона, он готов взвалить на свои плечи нелегкий груз ответственности и править королевством до прихода нового короля.

Пока Совет обсуждал это предложение, агенты принца сновали в толпе и нашептывали людям, что в жилах Арпелло течет, дескать, голубая королевская кровь. Даже сквозь двойные оконные рамы в зал Совета доносился рев толпы, собравшейся под окнами дворца, выкрикивая здравицы в честь Арпелло и превознося его как избавителя и освободителя.

Совет капитулировал.

Троцеро сначала отказался подчиниться приказу, но когда толпа набросилась на его рыцарей, осыпая их ругательствами и забрасывая тухлыми яйцами и нечистотами, он швырнул жезл главнокомандующего армией в лицо принцу и вывел через южные

ворота города пятнадцать сотен своих рыцарей, на прощание повесив на рыночной площади всех главарей мародеров.

Как только за пойнтайнцами захлопнулись ворота, с лица Арпелло свалилась маска фальшивой добродетели, обнажив его звериный оскал. Теперь, когда разбитые и лишенные главарей наемники сидели по казармам, в его руках оказалась абсолютная власть над городом. Появившись перед взбудораженными горожанами на огромном коне, Арпелло провозгласил себя королем Аквилонии под одобрительный гул одурманенной толпы. Канцлер Публий пытался оспорить законность коронации и был брошен в темницу. Купцы, с облегчением сначала воспринявшие появление нового короля, были потрясены первым же указом самозванного короля, по которому на них налагались огромные контрибуции. Община делегировала шестерых самых богатых и уважаемых купцов, чтобы умолить короля о смягчении поборов,— им без долгих церемоний отрубили головы. После этой казни в домах богатых горожан воцарилось отчаяние.

Купечество, как обычно, столкнувшись с грубой силой, не поддающейся подкупу, пало ниц и готово было лизать сапоги новоявленному властителю. Простых людей мало трогала судьба купцов, но и они стали роптать, когда убедились в том, что солдаты Арпелло под предлогом наведения порядка тоже грабят и насилуют, превосходя в жестокости даже наемников. Жалобы на грабежи и убийства стекались во дворец канцлера, где обосновался Арпелло, поскольку в королевском замке забаррикадировались члены Королевского Совета, осаждаемые разъяренной толпой. Отказавшись от мысли взять главный дворец штурмом, Арпелло захватил летнюю резиденцию Конана, где жили его жены и наложницы. Горожане стыдливо отворачивались, когда солдаты пеллийца прямо на мостовых насиловали женщин прежнего короля. Черноглазые пойнтайнские толстушки, стройные темноволосые заморянки, зингарянки и гирканки, красавицы британки с льняными волосами — все они рыдали от страха и позора, когда их выбрасывали за ворота вдоволь натешившиеся насильники.

Ночь опустилась на растревоженный и оглушенный событиями город, а после полуночи по его улицам прокатился слух о том, что котхийцы не удовлетворились разгромом армии Конана и осаждают Шамар. Взбудораженные и охваченные страхом горожане, даже не задумываясь над тем, каким чудом эта новость могла так быстро добраться до города, собрались у летней королевской резиденции, требуя, чтобы новый король тотчас же выступил со своей армией на юг и разгромил врага. Король же, опьяненный властью, вместо того, чтобы попытаться объяснить подданным, что у него недостаточно для этого сил, расхохотался им в лицо.

Тогда молодой студент Афемид влез на столб на рыночной площади и, не стесняясь в выражениях, обвинил Арпелло в сговоре со Страбонусом, а затем сочными красками нарисовал картину жизни, ожидающую горожан после прихода котхийцев в Таран-

тию. Когда он закончил, толпа взвыла от стыда, злобы и ужаса. Арпелло послал отряд солдат арестовать парня, но толпа скрыла и защитила юношу, забросав солдат камнями и всем прочим, что попалось под руку.

Арбалетчики окружили площадь, а конная стража врезалась в толпу, оставляя за собой горы трупов, но Афемиду удалось уйти. Он тайком покинул город и направился к графу Троцеро, собираясь уговорить его вернуться в Тарантию, а затем выступить на помощь Шамару.

Студент нашел графа под стенами города, он как раз отдавал приказ сворачивать лагерь, собираясь возвратиться в родной Пойнтайн, на западную окраину королевства. На настойчивые мольбы молодого человека Троцеро ответил, что у него слишком мало людей, чтобы преградить дорогу Страбонусу, да и Тарантию он отбить не сможет даже при поддержке горожан. Кроме того, продолжал Троцеро, алчные соседи того и гляди разграбят Пойнтайн, пользуясь его, графа, отсутствием. Король Конан мертв, и теперь каждый должен сам позаботиться о себе,— он идет домой, и пусть только попробуют сунуться к нему Арпелло и его прихлебатели.

Пока Афемид уговаривал графа, толпа в бессильной ярости металась по городу. Множество людей, собравшихся у подножия высокой башни, возносившейся рядом с королевским дворцом, вопили и осыпали проклятиями Арпелло и его солдат. Тот же, стоя на краю башни, смеялся над бессилием толпы. Его лучники равнодушно наблюдали за происходящим, держа стрелы на тетивах луков, пальцы арбалетчиков нетерпеливо постукивали по прикладам взведенных арбалетов.

Принц Пеллийский был коренастым мужчиной среднего роста с сумрачным злым лицом. Будучи опытным интриганом, он не гнушался меча, под его расшитым золотом шелковым кафтаном с буфами тускло поблескивала полированная сталь панциря. Его длинные, черные, сильно завитые волосы были обильно политы благовониями и прихвачены на затылке тонкой серебряной сеточкой, но на поясе висел широкий меч с рукоятью, украшенной драгоценными камнями, не раз выручавший принца из передряг.

Широко расставив ноги и подбоченясь, он наклонился над клубившейся у подножия башни чернью и крикнул:

— Глупцы! Орите сколько хотите! Конан мертв, и я теперь король Аквилонии!

Какое ему дело до того, что против него может восстать вся страна? У него хватит солдат, чтобы удерживать столицу до прихода Страбонуса. К тому же Аквилонию раздирали междоусобные распри — каждый из баронов ждал лишь удобного случая, чтобы завладеть добром соседа. Оставалась чернь, а уж с ней-то он справится без труда и будет спокойно ждать, пока Страбонус прорвется сквозь редкие заставы разрозненных баронов, словно железный таран, пронзающий пену на волне.

— Глупцы! Арпелло — король!

Из-за восточных башен города поднималось солнце. На порозовевшем в лучах зари небе появилась черная, быстро увеличивавшаяся точка — вот она уже размером с летучую мышь, вот — с орла...

Все ахнули от удивления, когда с неба к крепостным стенам Тарантии спланировало существо, известное людям лишь из древних, полузабытых легенд. Оно повисло над башней, и как только с его спины спрыгнул на крышу человек, громко хлопнуло крыльями, взмыло вверх и спустя секунду исчезло в зените.

На фоне утреннего неба четко выделялся силуэт человека, хорошо знакомого всем собравшимся. Полунагой и окровавленный, он спокойно стоял между зубцами башни, и в руке его блестел огромный широкий меч.

Из глоток толпившихся у подножия башни горожан вырвался вопль, от которого, казалось, дрогнули стены.

— Король! Это король!!!

Арпелло окаменел, но тут же отчаянно взвизгнул, выхватил из ножен меч и бросился на Конана. Киммериец парировал коварный удар широкого клинка, отбросил в сторону свое оружие, схватил Арпелло за горло и за ноги и поднял высоко над головой его извивавшееся тело.

— Катись в ад со своими заговорами! — рявкнул варвар и швырнул принца Пеллийского, словно мешок соли, в стопятидесятифутовую пропасть, зиявшую у его ног.

Толпа расступилась, тело шмякнулось о землю, разбрызгивая вокруг сгустки крови и мозга, и осталось лежать неподвижно, напоминая раздавленного жука своим искореженным панцирем.

Лучники на башне в ужасе отшатнулись от бойниц и бросились бежать вниз, охваченные паникой. На площади их встретили выскочившие из дворца советники, яростно работавшие мечами.

Пеллийские рыцари пустили коней вскачь, пытаясь затеряться на улицах города, но толпа окружила их и разорвала на куски. Город бурлил, тут и там еще можно было заметить меч, бешено крутившийся среди густого леса копий и рогатин, но боевой клич пеллийцев, предсмертные хрипы раненых и мольба о пощаде напрочь заглушал кровожадный рев сотен и тысяч глоток.

А высоко над этой кипенью стоял на башне человек, сложив руки на сотрясавшейся от громового хохота груди,— он смеялся над толпой, бесновавшейся внизу, над незадачливыми пеллийцами и над самим собой тоже.

5

Клонившееся к закату солнце бросало яркие блики на воды Тибора, омывавшие южные бастионы Шамара. Обессиленные и измученные защитники города знали, что лишь немногим из них

доведется увидеть следующий восход солнца и насладиться теплом его лучей.

Шатры осаждавших город объединенных армий выбелили равнину за рекой, словно мгновенно выпавший снег. Уступая противнику в численности, защитники Шамара не могли помешать его переправе через Тибор, и им оставалось лишь с бессильной злостью наблюдать, как орды завоевателей непрерывным потоком льются по мосту из сцепленных воедино барж, скапливаясь на их берегу.

Страбонус не решился идти дальше, оставив за спиной сильную аквилонскую крепость, и послал в глубь страны лишь несколько отрядов легкой конницы, чтобы те сеяли панику в стане врага, сам же занялся возведением рядом с городом осадных башен.

Флотилия лодок, пригнанных людьми Амальруса, стала на якорь напротив городских стен. Некоторые из лодок уже пошли на дно, разбитые вдребезги огромными валунами, метко посланными городскими катапультами, но остальные болтались на якорных цепях, а с их носов и из корзин на высоких мачтах лучники, тщательно прикрываясь соломенными матами, слали в сторону города смертоносные стрелы. А лучниками этими были шемиты, о которых рассказывали, что все они рождаются с луками в руках и колчанами за спиной.

Подтянутые по суше, баллисты Страбонуса забрасывали город камнями и балками, густо утыканными стальными гвоздями. Эти снаряды легко пробивали крыши домов и сводили с ума горожан, поскольку давили людей, словно мух. Тараны неустанно били в каменные стены, саперы, вгрызаясь в землю, словно кроты, рыли глубокие подкопы под бастионами. Крепостной ров, перегороженный с одного конца плотиной, был по самые края засыпан землей и завален человеческими и конскими трупами. У подножия стен деловито копошились воины в стальных доспехах, не обращая внимания на потоки расплавленной смолы, льющейся со стен из огромных чанов. Одни из них рубили ворота, другие тащили длинные лестницы, катили осадные башни с лучниками и пикинерами.

Остатки надежды начали покидать горожан, хотя пятнадцать сотен защитников крепости все еще отбивали атаки сорока тысяч нападавших врагов. Из глубины королевства к аванпосту, каковым являлся Шамар, не доходило абсолютно никаких вестей. Лишь об одном знали все — о смерти Конана, и то потому, что об этом беспрерывно трубили враги, чтобы усилить панику в городе.

Крепкие стены и отчаянная отвага их защитников еще сдерживали врага, но все понимали, что судьба крепости предрешена.

Западная стена превратилась в кучу мусора и обломков, и на ее останках противники сцепились в яростной рукопашной, на других стенах появились глубокие и широкие трещины, подкопанные башни качались, словно пьяные, грозя внезапным падением.

Войска коалиции готовились к решающему штурму. Гудели

рога, выравнивались стальные шеренги, осадные башни, обитые свежесодранными бычьими шкурами, медленно, со зловещим скрипом, двинулись к стенам города.

Над головами воинов центральной группы наступавших войск развевались два королевских штандарта — Офира и Котха, под ними, окруженные рыцарями в сверкающих на солнце доспехах, торопили своих коней короли — худой, в золоченой кольчуге, Амальрус и невысокий, в вороненом панцире, Страбонус. Между ними ехал человек, чей профиль хищной птицы и тощая фигура, закутанная в длинную, спадающую на круп скакуна мантию, наводили ужас даже на самых храбрых из горожан.

Двинулись алебардщики, растекаясь по земле сверкающей рекой стали, за ними устремились офирские рыцари, склонив к гривам коней украшенные вымпелами копья. Защитники крепости глубоко вздохнули, воззвали к Митре, препоручая ему свои души, и перехватили поудобнее рукояти окровавленных и выщербленных мечей.

И вдруг нарастающий шум наступления прервал чистый звук трубы, а стук сотен конских копыт заглушил лязг оружия разворачивавшейся для решающего штурма армии.

Равнина, заполненная войсками захватчиков, ограничивалась с севера грядой невысоких холмов, и вот сейчас с их склонов, словно со ступеней гигантской лестницы, пеной на гребне волны скатывались отряды легкой конницы, высланные Страбонусом в глубь Аквилонии. Нависшие над холками коней седоки не жалели шпор, а за их спинами ярким огнем горел в лучах заходящего солнца стальной вал. Вот уже и силуэты лошадей появились на горизонте, и стало понятно, что это тяжелая рыцарская конница. Над головами летевших впереди воинов реяло знамя Аквилонии с изображением льва.

На стенах и бастионах крепости люди завопили от радости. Воины, опьяненные избытком чувств, колотили рукоятками выщербленных мечей по щитам, а горожане — богатые купцы и нищие в лохмотьях, шлюхи в коротких красных юбчонках и знатные дамы в кринолинах — все они как один упали на колени и простерли руки к небу, шепча слова благодарственной молитвы, обращенной к Митре, и слезы радости и облегчения катились по их щекам.

Страбонус и его военачальник Арбанус выбивались из сил, пытаясь остановить войска и повернуть их против нежданного противника. Смуглолицый монарх крикнул, пытаясь подбодрить и себя, и своих офицеров:

— Нас больше, а солдаты на осадных башнях отобьют любую вылазку из города, если те на нее отважатся! Это всего лишь пойнтайнцы! Граф Троцеро тешит свою рыцарскую гордыню!

Амальрус вдруг растерянно закричал:

— Я вижу Троцеро и его капитана Просперо... Но кто это скачет рядом с ними?!

— О Иштар, помоги нам! — прошептал, бледнея, Страбонус. — Это король Конан!

— Вы с ума оба сошли! — шикнул на них Тзота. — Конан давно уже переварился в брюхе у Сатхи!

И вдруг замолчал, вытаращив глаза на аквилонцев, которые волна за волной выплескивались из-за холмов. Ошибки не могло быть — он узнал человека, облаченного в черные, инкрустированные золотом доспехи, который скакал на огромном вороном жеребце под штандартом Аквилонии.

Тзота-ланти завизжал от ярости, брызгая вспенившейся слюной на жидкую бороду. Страбонус впервые видел мага в таком замешательстве, и это зрелище напугало его больше, чем приближающийся враг.

— Это колдовство! — кричал Тзота, в бешенстве теребя бороду. — Даже выбравшись из подземелья, коль уж это ему удалось, невозможно было попасть в свое королевство, да еще и армию собрать за такой короткий срок. Это Пелиас ему помог, будь он проклят! И будь проклят я сам за то, что не убил его тогда, когда мог это сделать!

Оба короля испугались еще больше, услышав имя чернокнижника, вот уже десять лет считавшегося мертвым, и их страх, казалось, мгновенно передался армии — теперь уже все узнали всадника в черных доспехах. Бешеная злоба исказила лицо мага, превратив его в сатанинскую маску, когда он заметил смятение в рядах войск коалиции и понял, что суеверный страх завладевает душами воинов.

— Вперед! — заорал он во всю глотку. — Мы сильнее! Раздавим этих собак! Сегодня вечером мы будем праздновать победу на развалинах Шамара!

Протянув худые руки к небесам, он воскликнул:

— О Сет! Даруй нам победу, и я клянусь, что возложу на твой жертвенник пять сотен шамарских девушек, истекающих кровью!

Тем временем аквилонцы уже спустились с холмов на равнину. За рыцарями мчались коренастые всадники на крепких маленьких лошадках — боссонские лучники, вспыльчивые гандерландские пикинеры — все они спешили занять место в боевом строю.

Армия, набранная Конаном за несколько безумно напряженных часов, была невероятно разношерстной. Он начал с того, что отогнал жаждавшую крови толпу от пеллийских солдат и зачислил обязанных ему жизнью лучников и пикинеров в свою пехоту. Одновременно с этим он отправил вслед Троцеро гонца с приказом о немедленном возвращении в столицу. Сформировав таким образом ядро будущей армии, Конан устремился на юг, прочесывая по пути города и веси в поисках рекрутов. Бароны присоединялись к нему вместе со своими дружинами и челядью, все мужчины из близлежащих околиц, способные носить оружие, волей-

неволей тоже пополняли его войско. Армия получилась пестрой и разношерстной, но была сильна духом и чрезвычайно мобильна. Ее основу составляли девятнадцать сотен тяжеловооруженных рыцарей, в основном пойнтайнцев, пехота складывалась из наемников, выкуренных, наконец, из столичных казарм, пеллийцев и дружинников баронов — в сумме пять тысяч лучников и четыре тысячи пикинеров.

И вот теперь эта армия разворачивалась в боевой порядок: впереди лучники, за ними пикинеры, позади всех выстраивалась тяжелая кавалерия.

Арбанус бросил на них объединенные силы союзных армий, целый океан сверкающей стали. Горожане, наблюдавшие со стен за подготовкой к битве, приуныли, когда увидели, насколько враги превышают численность их спасителей.

Первыми шли шемитские лучники, за ними котхийские пикинеры, строй замыкали закованные в сталь рыцари Амальруса и Страбонуса. Намерения Арбануса были очевидными — он хотел своей пехотой сдвинуть в сторону и развеять пехоту Конана, чтобы открыть дорогу тяжелой кавалерии.

Шемиты начали стрелять с расстояния в пять сотен шагов, и туча стрел, поднявшаяся в небо между сближающимися армиями, затмила солнце.

Уроженцы западных провинций Аквилонии — боссонские лучники, закаленные тысячелетней ожесточенной войной с дикарями-пиктами, невозмутимо шагали вперед, смыкая ряды всякий раз, когда падал тот или иной из них, пронзенный вражеской стрелой. Их было гораздо меньше, да и шемитский лук бьет на большее расстояние, но в меткости боссонцы не уступали шемитам, их панцири были крепче, а боевой дух значительно выше.

Подойдя поближе, боссонцы натянули тетивы, выпустили смертоносный рой стрел, и шемиты начали падать ряд за рядом. Чернобородые воины в легких кольчугах не вынесли убийственного натиска, дрогнули, побросали луки и обратились в бегство, сея панику в рядах следовавших за ними котхийских пикинеров, те же, лишившись поддержки лучников, погибали сотнями, но упорно бежали вперед, прямо на ощетинившиеся копьями шеренги гандерландцев, открытые внезапно расступившимися лучниками. Нет на земле лучших пикинеров, чем гандерландцы — уроженцы самой северной провинции Аквилонии. Их родина находится в дне пути от границы Киммерии, живут они обособленно и очень гордятся чистотой крови в своих жилах.

Котхийцы, уже переполовиненные боссонскими стрелами, были мгновенно разбиты в пух и прах пикинерами Конана и бежали с поля боя.

Страбонус зарычал от гнева, когда увидел гибель своей пехоты, и приказал трубить общее наступление. Арбанус умолял его отсрочить атаку и вывести сначала рыцарскую конницу из-под удара, ибо боссонские лучники успели перестроиться и оказались

прямо перед шеренгами неподвижно стоявших рыцарей, но Страбонус был уже вне себя от бешенства. Он посмотрел на длинные, сверкающие сталью и золотом ряды своих рыцарей, смерил презрительным взглядом горсточку безумцев, осмелившихся бросить вызов такой силе, и приказал Арбанусу трубить наступление. Военачальник препоручил свою душу богине Иштар и дал знак трубачу, тот поднес к губам золоченый рог.

Лес копий опустился на гривы коней, и по равнине покатилась стальная волна, набирая все большую и большую скорость. Земля стонала под лавиной конских копыт, а блеск золота и стали слепил горожан, толпившихся на стенах и бастионах Шамара. Стальной вал прокатился по редким рядам пикинеров, не разбирая где свой, где чужой, но его в свою очередь накрыла густая туча боссонских стрел. Рыцари ураганом неслись дальше, устилая землю своими трупами, словно сухими осенними листьями. Еще сотня шагов, и они сметут боссонцев, сотрут их бесследно с лица земной тверди, но плоть, даже скрытая сталью, не в силах была устоять под тем смертоносным дождем, который изливался на нее. Лучники стояли плечом к плечу, широко расставив ноги, четко выполняя отрывистые команды; они посылали стрелу за стрелой, действуя слаженно, как один человек.

Весь первый ряд рыцарей Страбонуса пал, на утыканные стрелами трупы коней и людей натыкались следующие ряды, постоянно увеличивалась гора тел, замешательство перерастало в панику. Страбонус выкрикивал одни команды, Амальрус — совершенно другие, в дезорганизованной армии воцарился дикий хаос.

В это время король Конан кивнул трубачу. Услышав чистые звуки рога, боссонские лучники мгновенно расступились и скатились к флангам устремившейся в атаку аквилонской тяжелой конницы.

Армии столкнулись с таким грохотом, что пошатнулись стены и накренились подкопанные башни стоявшего в отдалении Шамара. Уже расстроенные боевые порядки завоевателей не вынесли прямого удара массивного стального клина и разорвались, открывая дорогу пойнтайнцам, неистово работавшим своими огромными двуручными мечами. Грохот и лязг стали невыносимыми для человеческих ушей, казалось, неисчислимое количество молотов неустанно колотит по наковальням. Горожане крепче ухватились за камни стен, ибо даже их оглушил шум, донесшийся с поля боя, но все смотрели, не отрывая глаз, на ужасный водоворот битвы, всего сильнее бушевавшей там, где над молниями мечей возносились еще пышные султаны на шлемах и трепетали на ветру королевские штандарты.

Амальрус, разрубленный пополам двуручным мечом Просперо, исчез под копытами обезумевших коней.

Котхийцы и офирцы, словно муравьи, крутились вокруг пары тысяч рыцарей Конана, не в силах нанести им существенного

ущерба,— стальной клин неумолимо вгрызался глубже и глубже в тело союзнической армии.

Лучники и пикинеры Конана, расправившись с остатками вражеской пехоты, пришли на помощь своей коннице, осыпая стрелами офирских и котхийских рыцарей, перерезая подпруги и вспарывая конские животы, тыча длинными пиками в щели рыцарских панцирей.

Мчавшийся на острие клина Конан издал боевой клич и описал мечом круг, прорубая дорогу в густой толпе, тут же сомкнувшейся за его спиной. Однако Конан, нимало не заботясь о том, что лишился поддержки верных своих рыцарей, рванулся дальше, продираясь к бледному, как смерть, Страбонусу, окруженному стальным кольцом гвардейцев. В этот момент решалась судьба сражения, ибо численное превосходство было все еще на стороне Страбонуса, и возможность изменить ход сражения, переломить его в пользу союзников, оставалась вполне реальной.

Увидев рядом с собой злейшего врага, Страбонус взвизгнул и замахнулся топором. Стальное лезвие вышибло искру из шишака Конана, а сам он поднялся в стременах и обрушил сокрушительный удар меча на голову Страбонуса, разрубая пополам и его шлем, и череп. Скакун котхийца встал на дыбы, попятился и поскакал прочь, волоча по земле бездыханное тело незадачливого короля.

Из уст котхийских рыцарей вырвался вопль отчаяния, Троцеро со своими людьми устремился вперед, прорубаясь к королю, и через несколько мгновений боевой штандарт Котха покачнулся и упал.

В ту же секунду до ушей сцепившихся в смертельной схватке противников долетели со стороны города шум и крики, а в небо взметнулись языки пламени — это горожане, предприняв вылазку, вырезали отряд котхийцев, оставленный Страбонусом у ворот Шамара, и ворвались в его лагерь, громя шатры, избивая лагерных шлюх и поджигая осадные башни.

И это оказалось каплей, переполнившей чашу,— казавшаяся непобедимой еще совсем недавно армия союзников распалась, и теперь уже все ее воины искали спасения в бегстве, а победители преследовали их по пятам, беспощадно уничтожая. Котхийцы и офирцы пытались спастись, бросившись в реку, но команды лодок уже подняли якоря, предоставив несчастных их собственной судьбе. Часть беглецов успела переправиться через реку по мосту из барж, но защитники города перерезали канаты и сплавили баржи по течению. С этой минуты сражение превратилось в резню — воины союзников гибли сотнями и тысячами, на берегу и в реке, увлекаемые на дно тяжелыми доспехами. Когда побеждали они, то никому не давали пощады и теперь ни от кого ждать ее не могли. Равнина у подножия холмов и по берегам Тибора была устлана трупами, а в реке текла, казалось, чистая кровь. Около двух тысяч рыцарей отправились с Конаном на юг, но лишь пять сотен из

них остались в живых, среди лучников и пикинеров потери были еще большими, зато огромная стальная объединенная армия Страбонуса и Амальруса прекратила свое существование, уничтоженная практически полностью.

Еще длилась резня над рекой, а на другом ее берегу разыгрывался последний акт кровавой драмы. Среди тех, кто успел проскочить по мосту из барж, прежде чем тот оказался разрушенным, был Тзота-ланти. Он вихрем промчался по нему на своем огромном скакуне, с которым ни одна из лошадей не могла соперничать в силе и скорости, выскочил на берег, давя и расшвыривая всех подряд на своем пути, оглянулся и увидел на другом берегу огромный мрачный силуэт Конана. Канаты были уже перерублены, баржи плыли по течению, но варвар, ничуть не обескураженный этим, пришпорил коня и устремился вперед, перескакивая с баржи на баржу, словно со льдины на льдину в разгар ледохода.

Тзота метнул в него страшное заклятие, но вороной вытянулся в последнем бешеном прыжке и вынес всадника на берег. Маг, не теряя времени, повернул коня и поскакал прочь, следом за ним мчался король, потрясая над головой окровавленным мечом.

Они неслись во весь опор — дичь и охотник,— но интервал между ними не изменялся ни на дюйм, несмотря на отчаянные усилия вороного и его седока. Уже садилось солнце, шум битвы затих далеко позади. Внезапно в небе появилась точка, она быстро росла и вскоре превратилась в огромного орла: он упал с высоты прямо на голову скакуна Тзота-ланти, тот пронзительно заржал и встал на дыбы, выбросив седока из седла.

Тзота тут же вскочил и повернулся к преследователю, его глаза горели, словно глаза разъяренной змеи, лицо искажала маска нечеловеческой ярости. В обеих его руках что-то поблескивало, и Конан понял, что маг держит в них смерть.

Варвар соскочил с коня и бросился к Тзота-ланти.

— Вот мы и встретились снова, колдун! — прохрипел он, злобно улыбаясь.

— Не подходи! — взвизгнул Тзота.— Я спущу кожу вместе с мясом с твоих костей! Ты не сможешь меня победить — даже если разрубишь меня на куски, тело и кости срастутся вновь, и тогда берегись! Я чувствую во всем этом руку Пелиаса, но я справлюсь с вами обоими! Я Тзота, сын...

Конан прыгнул, чутко прищурив глаза, меч сверкнул, отражая лучи предзакатного солнца. Тзота взмахнул правой рукой, король мгновенно уклонился в сторону, мимо его щеки пролетело что-то искрящееся, оно упало позади, опалив землю вспышкой адского огня. Прежде чем Тзота бросил второй шар, сверкнувший в левой руке, меч Конана просвистел в воздухе. Голова мага слетела на землю, из перерубленной шеи ударил фонтан крови, а тело, облаченное в белую тунику, пошатнулось и упало рядом с головой.

Но черные, широко открытые глаза мага яростно сверкали, гу-

бы отвратительно подергивались, а руки шарили вокруг, словно на ощупь искали отрубленную голову.

И тут с неба свалился, хлопая крыльями, тот самый огромный орел, который несколько минут назад напугал коня Тзота-ланти, он схватил своими мощными кривыми когтями окровавленную голову и по крутой дуге взмыл к облакам. Конан готов был поклясться, что услышал, как птица захохотала, более того — смех этот был хорошо ему знаком: так смеялся когда-то Пелиас-чернокнижник.

Но и этим дело не закончилось, ибо безголовое тело поднялось с земли и побежало, покачиваясь на подгибавшихся ногах и протягивая окровавленные руки к черной точке на быстро темневшем небе, удалявшейся со все увеличивающейся скоростью.

Конан стоял, как изваяние, и ошарашенно смотрел вслед бегущей безголовой фигуре, расплывшейся в конце концов в сгустившихся сумерках.

— Клянусь Кромом,— сказал наконец великан и передернул с омерзением плечами,— с меня довольно! Чума забери все эти колдовские споры и раздоры! Пелиас помог мне, но встретиться с ним снова мне бы не хотелось. То ли дело острый меч и нормальный враг, в которого можно воткнуть его по самую рукоять! Проклятие! Я бы все сейчас отдал за кувшин доброго старого вина!

ГИБОРИЙСКАЯ ЭРА

ЭПИЛОГ

Миновало пять веков после правления Конана Великого, и гиборийская цивилизация была стерта с лица Земли. И упадок ее отнюдь не являлся следствием распада империи, как бывало не раз в истории. Усилились внешние враги — гирканцы и варвары. Гиборийцы же, овладевшие почти всем миром, потерпели поражение именно в тот момент, когда их культура достигла наивысшего расцвета. Причиной тому была непомерная алчность аквилонских владык: стремясь расширить свои границы, они объявили войну соседним государствам. Зингара, Офис и Аргос были попросту захвачены. Судьбу их разделили западные города шемитов, которые лишь недавно сбросили ярмо Котха. Само же королевство Котх, равно как и Коринтия, и восточные шемиты, были обложены данью и обязались оказывать аквилонцам военную помощь.

Постоянно тлела также вражда между Аквилонией и Гипербореей. И вот гиперборейские армии двинулись навстречу западным захватчикам. Пограничное Королевство стало ареной великой и свирепой брани; разрозненные отряды гиперборейцев отступили в свои заснеженные твердыни. Победители даже не сочли нужным преследовать их.

Немедия, которая в течение столетий успешно противостояла западному соседу, вовлекла Британию, Замору и (втайне) королевство Котх в союз с целью уничтожить усиливающуюся аквилонскую империю. Но, прежде чем союзные армии успели нанести задуманный удар, на востоке появился новый враг. Впервые гирканцы поднялись со столь значительными силами против западного мира. Усиленная разбойничьими бандами с восточного побережья моря Вилайет, туранская конница с боями прошла Замору и, опустошив восточную часть Коринтии, на британских равнинах схватилась с аквилонцами, потерпев позорное поражение. Остатки орды, преследуемые победителями, бежали на восток.

Таким образом был сорван военный заговор против Аквилонии, и в последующих войнах Немедия лишь защищалась. Иногда ей помогали Британия и Гиперборея, да королевство Котх — втайне, как обычно.

Поражение гирканцев продемонстрировало всему миру подлинную мощь Аквилонии. Ее великолепная армия постоянно усиливалась наемниками, набираемыми среди зингарцев и варваров — пиктов и шемитов.

Замора была очищена от гирканцев, но жители ее быстро убедились, что восточного угнетателя сменил западный. Аквилонские гарнизоны размещались на землях Заморы не только для защиты разоренного королевства, но и затем, чтобы держать народ в повиновении.

Поражение не сломило гирканцев: трижды подступали они к границам Заморы и трижды были отброшены аквилонцами. Но с каждым днем туранская армия становилась многочисленнее — с южной оконечности континентального моря шли на запад все новые и новые закованные в сталь бойцы.

Но сила, которой суждено было сбросить аквилонских владык, поднималась как раз на Западе.

Северный край клокотал: вдоль киммерийской границы черноголовые варвары рубились с воинами из Нордхейма. Асы в промежутках между войнами с Ванахеймом налетали на Гиперборею и уничтожали город за городом. Киммерийцы не поддерживали ни одну из сторон — били и пиктов, и боссонцев, несколько раз нападали даже на Аквилонию, но это были скорее разбойничьи набеги, чем войны.

Тем временем пикты необыкновенно размножились и окрепли. По капризу судьбы стараниями одного-единственного человека, да и то чужеземца, они вышли на дорогу, ведущую к созданию собственной империи.

Человеком этим был Арус — немедийский жрец и прирожденный реформатор. Не совсем понятно, почему именно пикты привлекли его внимание, но он решил направиться в самое сердце западных лесов, чтобы искоренить варварские обычаи, проповедуя гуманный культ бога Митры. Его не устрашили мрачные рассказы об участи купцов и путешественников, углублявшихся в эти леса. Судьбе было угодно, чтобы он, одинокий и безоружный, нашел тех, кого искал,— и был немедленно схвачен и связан, словно жертвенное животное.

Пикты извлекали немало выгод от контактов с цивилизацией, но противились им изо всех сил. Сами они с горем пополам обрабатывали медь и олово, незначительные залежи которых имелись в их стране. За другими металлами им приходилось ходить в глубь Зингара либо выменивать на шкуры, китовый ус, моржовые клыки и другие дикарские сокровища. Пикты уже не ютились в дуплах и пещерах, а ставили шатры из шкур и неуклюжие шалаши — подсмотрели у боссонцев. Они продолжали вести кочевую жизнь, поскольку в лесах было полно зверья, а в реках — рыбы. Знакомы они были и с земледелием, но предпочитали красть зерно в Боссоне и Зингаре. Объединялись они в кланы, беспрестанно враждовавшие между собой. Обряды их были примитивны, кровавы и совершенно чужды цивилизованному человеку, каким был Арус из Немедии. Арус надеялся, что лесные варвары окажутся способными к развитию,— так оно и вышло. Правда, не таких результатов он ждал от этого развития...

Немедийскому жрецу посчастливилось попасть к вождю, обладавшему незаурядным умом. Звался он Горм. Личность его трудно понять до конца, как трудно понять душу Чингисхана, Аттилы и других равных им мужей, что родились в голой степи, но были от природы наделены инстинктом завоевателей и основателей держав.

На ломаном боссонском наречии жрец поведал пикту о своих намерениях. Горм был настолько ошарашен, что не велел убивать пленника и даже позволил ему остаться в племени — такого история пиктов еще не знала.

Овладев языком, Арус принялся искоренять из жизни пиктов наиболее мерзкие обычаи — приносить человеческие жертвы, резать друг друга и сжигать пленников заживо. Он часто и подолгу беседовал с Гормом, обретя в нем внимательного, но немногословного слушателя.

Можно представить себе эту картину — чернокудрый вождь в тигровой шкуре и с ожерельем из человеческих зубов сидит на глинобитном полу в углу жалкой мазанки и внимает красноречивым рассуждениям немедийского жреца, устроившегося на стуле из красного дерева, покрытом шкурой. Арус, жестикулируя тонкими холеными ручками, излагает вековечные законы и правила, провозглашенные некогда Митрой. Жрец, конечно, с негодованием указывает на ряды черепов, украшающих стены мазанки, и призывает Горма прощать врагам своим, а не глумиться над их останками.

Арус являл собой высшее достижение расы художников и поэтов, расы, вышколенной столетиями цивилизации. Горм же был наследником варварства, длившегося сто тысяч лет: шаг его был поступью тигра, рукопожатие — хваткой гориллы, а в глазах пылал тот же огонь, что и у леопарда.

Арус, человек практичный, упирал на понятный даже дикарям принцип материальной выгоды. Мощь и процветание гиборийских держав он приписывал всемогуществу Митры — его-де учение и подняло эти государства на столь высокий уровень. И рассказывал о городах и цветущих равнинах, о стенах из мрамора и повозках из железа, о храмах, купола которых украшены драгоценными камнями, о рыцарях, закованных в сталь и всегда готовых устремиться в битву...

Горм же с безошибочным чутьем варвара мимо ушей пропускал непонятные речи про богов и их заветы и больше обращал внимание на дела мирские, живописуемые профессиональным проповедником.

В этой-то мазанке с глинобитным полом, где вождь в тигровой шкуре выслушивал наставления жреца в белой шелковой хламиде, и заложена была основа могучей империи.

Как уже говорилось, Арус был человек практичный. Живя среди пиктов, он обнаружил, что ученый человек может принести немало пользы даже тем, кто ходит в шкурах и украшает себя ожe-

рельями из людских зубов. Как всякий жрец Митры, он был сведущ во многих областях. Вскоре он обнаружил в холмах пиктов богатые залежи железной руды. Он научил туземцев добывать ее, выплавлять металл и ковать из него орудия. Для земледелия, наивно полагал он. Многого достиг жрец, но вот что было самым главным: он разжег в душе Горма желание поглядеть на цивилизованный мир, научил пиктов обрабатывать железо и наладил связи между варварами и остальным миром. По приказу вождя Арус провел его с несколькими воинами через Боссонское пограничье в мир, что купался в достатке. Арус, несомненно, полагал, что обратил все племя в свою веру — ведь пикты слушались его и не рубили друг друга медными топориками. Но варвары не склонны были прощать врагов и вести мирный образ жизни. Способностей к творчеству у лесных дикарей не было: сутью всякого пикта были война и убийство.

Когда жрец расписывал достижения цивилизованных народов, его смуглолицые слушатели навостряли уши. Сам того не желая, он, повествуя о богатых городах и цветущих селах, рассказывал о грядущей военной добыче. Когда же приводил он в пример некоего государя, которому Митра помог победить врага, пикты не обращали внимания на божественные чудеса — перед ними вставали боевые колонны, конные рыцари, вымуштрованные пикинеры, меткие лучники. Арус тешился вниманием, с которым выслушивались его наставления по кузнечному делу и другим ремеслам. Глаза пиктов были живыми, лица же непроницаемыми; они дожидались конца урока и в молчании расходились.

До его прихода они поворовывали железное оружие и доспехи у боссонцев и зингарцев и мастерили собственные жалкие поделки из меди или бронзы. Теперь перед ними открылся новый мир, и по всей стране зазвенели кузнечные молоты. Благодаря новому искусству Горм стал владычествовать над другими кланами — где оружием, где хитростью, где дипломатией — а в ней он преуспел больше других варварских вождей.

Снабженные соответствующими охранными грамотами, пикты свободно посещали Аквилонию и возвращались, овладев новыми секретами изготовления панцирей и закалки мечей. Более того, они стали вступать в отряды аквилонских наемников — к величайшему неудовольствию боссонцев.

Владыки Аквилонии могли бы бросить пиктов против киммерийцев и ликвидировать таким образом оба очага угрозы на западе. Но они были слишком заняты завоеваниями на востоке и юге и не обращали внимания на неведомые закатные края, откуда приходили все новые и новые бойцы, пополнявшие отряды наемников. По окончании службы воины возвращались в леса, в совершенстве овладев боевыми искусствами развитых народов и исполнившись еще большего презрения к цивилизации после столь близкого знакомства с нею.

Забили на холмах барабаны, запылали на вершинах костры,

созывая воинов, а варвары-кузнецы на тысячах наковален изготовляли мечи и доспехи. Горм стал вождем над вождями, подлинным королем пиктов, королем, которого у них не бывало уже тысячи лет. Долго ждал он этой минуты, успел состариться, но смог, наконец, двинуться к границе, чтобы не торговать, а воевать.

Слишком поздно понял Арус свою ошибку: ему не удалось проникнуть в душу язычника, вечно жаждущую крови. Его изысканное красноречие не затронуло окостенелого сознания дикарей, напрасными были попытки пробудить голос совести в сердцах варваров.

Уже не в тигровую шкуру — в надежные доспехи облачился Горм, но перемена была чисто внешней. Под доспехами пикт остался самим собой — вековечным варваром, равнодушным к богословию и философии и с ухватками разбойника и грабителя.

Прокладывая себе дорогу огнем и мечом, пикты обрушились на боссонскую границу — тоже не в звериных шкурах и не с медными топориками. Панцири и кольчуги защищали их, а клинки были выкованы из самой лучшей стали.

Какой-то пьяный пикт проломил Арусу голову в тот самый момент, когда мудрец направился к Горму в последней надежде остановить лавину, которую сам же невольно и вызвал.

Горм был благодарным учеником: голова убийцы увенчала курган, насыпанный над телом жреца. Сколь жестока ирония судеб, управляющих Вселенной: ведь погребенный под камнями человек всегда чувствовал отвращение к мести и кровопролитию.

Нового оружия и доспехов было недостаточно, чтобы сломить оборону боссонцев. Граница пылала уже целые годы, но захватчикам противостояли прекрасное вооружение, упорство и отвага лучников. В самые трудные моменты защитники Пограничья получали поддержку лучших полков Аквилонии. Лишь внезапная измена сломила стойкие шеренги боссонцев. Однако, прежде чем рассказать о ней, займемся аквилонской империей.

Издревле Аквилония была богатым королевством; теперь же, после новых завоеваний, туда потекли сокровища в совсем уже невообразимом количестве. На смену простому, достойному образу жизни пришла разнузданная роскошь, но вырождение еще не тронуло ни правителей, ни народ. Аквилонцы наряжались в парчу и шелк, но оставались жизнестойким и мужественным народом.

И все же прежняя их прямота сменилась наглостью и дерзостью. С каждым днем росло их презрение к более слабым народам, с каждым днем тяжелее становились подати. Аргос, Зингар, Офир, Замора и страна шемитов были объявлены провинциями, что было особенно невыносимо для гордых зингарцев. Они часто поднимали мятежи, не страшась суровой кары.

Вассальным сделалось и королевство Котх, бывшее под протекторатом Аквилонии на случай нападения гирканцев.

Но западной Империи никак не удавалось подчинить Неме-

дию. Немедийцы упорно оборонялись, поддерживаемые войсками Гипербореи.

В этот период Аквилония дважды понесла поражение: сначала при упоминавшейся попытке захватить Немедию, потом — столкнувшись с войсками Асгарда. Подобно тому, как гирканцы не выдержали натиска бронированной аквилонской конницы, отряды империи, вторгнувшись в снежные края, были остановлены в кровавом рукопашном бою с северянами.

Аквилонские завоевания на юге подошли к реке Стикс. Стигийская армия была разбита и уничтожена, стигийский король принес клятву верности и откупился от вторжения огромной данью.

Когда после ряда недолгих стычек пала Британия, империя стала готовиться нанести решающий удар по вечному сопернику — Немедии. Накопив войска, аквилонцы, наконец, двинулись походом на восток, и дело шло к тому, что под их натиском должна была пасть последняя независимая держава Запада. Но тут начались раздоры между аквилонцами и верными их союзниками с Боссонского Пограничья. Аквилонцы стали слишком грубыми и нетерпимыми, любили поиздеваться над простотой и неотесанностью боссонцев — как тут не возникнуть вражде. Аквилонцы елико возможно унижали боссонцев, объявив их подданными. На жителей Пограничья налагались непосильные подати и воинские повинности ради вящей славы империи — славы, от которой народу лучников ничего не перепадало. Уйдя на войну, боссонские наемники оставили на родине количество воинов, едва достаточное для прикрытия границы. Когда до них дошли вести, что пикты уничтожают грады и веси на их собственной земле, все боссонские полки немедленно вышли из немедийской кампании, форсированным маршем устремились к Пограничью и поспели вовремя, чтобы дать пиктам решительный бой и остановить их.

Благодаря этому дезертирству отчаявшиеся немедийцы сумели разгромить аквилонскую армию. Взбешенные поражением, аквилонцы решили жестоко отомстить.

К границе тайно были подтянуты аквилонские войска. Боссонских вождей пригласили на дружеский пир. Пришедшие якобы с целью покарать пиктов, орды диких шемитов стали на постой в домах ничего не подозревавших крестьян.

Вождей заманили в ловушку и перебили. Шемиты напали на своих ошеломленных хозяев, огнем и мечом поражая безоружных. На ничего не подозревавший Боссон ринулись отряды аквилонских рыцарей. Обширная страна пала в прах. Имперская армия оставила после себя только руины и белеющие кости.

Вот тогда-то пикты и двинулись в новое наступление — всеми силами, вдоль всей границы. Это был не обычный набег, а хорошо организованный удар целого народа, военачальники которого прошли добрую выучку в аквилонской армии. Возглавлял наше-

ствие Горм — он его и задумал. К старости его замыслы не утратили ни силы, ни размаха.

На этот раз пикты не встретили на своем пути ни хорошо укрепленных деревень, ни метких лучников, могущих продержаться до прихода аквилонской подмоги. Стерев с лица земли остатки боссонцев, кровожадные варвары, поджигая и разрушая, вторглись на землю Аквилонии раньше, чем легионы, возвращавшиеся из Немедии, повернули на запад.

Возможностью сбросить аквилонское ярмо воспользовался Зингар. Его примеру последовали Коринтия и племена шемитов. Наемники, вчерашние вассалы, восставали целыми полками и возвращались в родные края, попутно грабя и опустошая страну.

Пикты неустанно продвигались на восток, буквально втаптывая в землю встающие на их пути отряды защитников. Лишившись боссонских лучников, аквилонцы оказались беспомощными перед тучами варварских стрел. Из всех провинций империи стягивались легионы, чтобы остановить натиск дикой орды, а из лесов тем временем выходили все новые и новые ватаги варваров — источник этот казался неисчерпаемым.

Внезапно в самую гущу этого хаоса хлынули со своих холмов киммерийцы, чтобы завершить уничтожение. Они ограбили города и разрушили все, что могли. Потом с добычей вернулись в родные селения, а на их место пришли пикты.

Так в огне и крови погибла аквилонская империя.

И тогда из глубины лазурного востока вновь пришли гирканцы — ведь имперские легионы оставили Замору, и она не могла уже противостоять захватчикам. Вскоре гирканский король объявил самый большой город планеты своей столицей.

Вторжение это исходило из старинного гирканского королевства Туран, лежащего на побережье внутреннего моря. Но вот и с севера Гиркании обрушился еще более мощный удар. Отряды закованных в броню всадников заполнили северный берег моря Вилайет, пересекли холодную пустыню и вторглись в степи, гоня перед собой их обитателей. Поначалу они не нашли общего языка со своими братьями-туранцами и лупили тех, не отличая от гиборийцев. Вражда между родственными племенами продолжалась до той поры, пока с далекого побережья Восточного Океана не явился великий вождь и не объединил их под своей властью.

Когда аквилонская армия перестала существовать, гирканцы стали непобедимыми. Они разграбили и покорили Бритунию, опустошили южные области Гипербореи и Коринтии. На плечах черноволосых варваров они вторглись на холмы Киммерии. Здесь от конницы толку не было, и киммерийцы сумели дать отпор, да такой, что лишь отступление спасло гирканские отряды от верной погибели.

В это же время шемитские народы покорили королевство Котх — своих извечных владык, но потерпели поражение в Сти-

гии. Не успели шемиты разорить Котх, как сами очутились под властью гирканцев — куда более жестокой, чем гиборийская.

Пикты в ту пору стали безраздельными хозяевами Аквилонии, почти поголовно истребив ее обитателей, после чего пересекли границу Зингары. Тысячи зингарцев бежали в Аргос, сдались на милость гирканцев, а те переселили их в Замору.

После бегства зингарцев заколыхал Аргос. Началась резня — любимое занятие пиктов. Дикая орда вторглась в Офир и столкнулась там с гирканцами, двигавшимися на запад. Гирканцы же, покорив землю Шем, разбили на берегу Нила стигийскую армию и овладели континентом вплоть до земель Амазона, откуда вывезли множество черных рабов, поселив их среди шемитов.

Гирканцы наверняка присоединили бы к своей империи и Стигию, если бы не постоянные набеги пиктов на западные земли. Немедия, все еще никем не покоренная, стонала под ударами восточной конницы и западной орды. Странствующее племя асов, покинув свои снежные просторы, вступило в ряды немедийских наемников. Северяне оказались такими превосходными вояками, что не только отбросили от рубежей Немедии гирканцев, но сумели остановить даже пиктов.

Карта мира стала выглядеть таким образом: бескрайняя империя пиктов, дикая и варварская, простиралась от побережий Ванахейма на севере до самых южных земель Зингары. На востоке под их властью была вся Аквилония, кроме Гандерланда — эта северная провинция, лежащая высоко в горах, пережила падение метрополии и сохранила независимость. Под пиктами были также Аргос, Офир, западная часть Котха и западные земли Шем.

Северной границей враждебной пиктам гирканской империи были горные хребты Гипербореи, южной — лежащие к югу от Шем пустыни. Под рукой Гиркании находили также Замора, Бритуния, Пограничное Королевство, Коринтия, большая часть Котха и все восточные земли шемитов.

Рубежи Киммерии остались прежними — ни пикты, ни гирканцы не могли справиться с отважными варварами. Немедия, усиленная наемниками-асами, также отражала все нападения.

На севере враждующие империи были разделены независимыми державами, но южное королевство Котх надолго стало полем битвы между пиктами и гирканцами. Иногда западных варваров удавалось вытеснить, но ненадолго — они возвращались с подмогой и снова разрушали города.

Далеко на юге Стигия, ослабленная гирканским вторжением, сделалась легкой добычей могучих негритянских держав.

Нордические племена продолжали неустанную войну с киммерийцами и грабили гиперборейские рубежи.

В ту пору завершился земной путь Горма — он пал от руки Хайльмара, предводителя асов-наемников. Вождю пиктов к тому времени было уже под сотню лет. Да, семьдесят пять зим и весен прошли со дня, когда он впервые услышал от Аруса рассказы

о могучих державах. Для человека — долгий срок, для истории — одно мгновение. Но за это мгновение Горм успел из диких лесных племен создать империю и уничтожить цивилизацию. Он, рожденный в убогой хижине, под старость лет восседал на золотом престоле, и на золотых же блюдах подносили ему жареное мясо нагие рабыни — дочери королей и владык земных.

Завоевания и богатая добыча не изменили природы пиктов. Из руин цивилизации не возродилась, подобно Фениксу, новая культура. Загорелые руки, уничтожавшие шедевры покоренных народов, ни разу не попытались хотя бы скопировать их. Живя среди остатков былой роскоши в развалинах дворцов и облачаясь в шелка поверженных королей, пикты так и остались жалкими варварами: их интересовали только низменные потребности, искусству и культуре не нашлось места в умах дикарей.

Другое дело асы, осевшие в Немедии — они быстро переняли обычаи цивилизованных союзников и создали удивительную, своеобразную и весьма жизнестойкую культуру.

Некоторое время гирканцы и пикты щерили друг на друга клыки над руинами покоренного мира. И в это же время начался ледниковый период — эпоха странствий северных народов. Под натиском ледников нордические племена покидали свои очаги и уходили на юг. Асы при этом стерли с лица земли древнюю Гиперборею и на ее развалинах встретились с гирканцами. Немедия же издавна считалась нордической державой, да и правили ею потомки асов-наемников.

Северная экспансия сорвала с места и киммерийцев. Ни одно войско, ни одна крепость не могли противостоять им. Ураганом прошли они сквозь Гандерланд потом прорубили себе дорогу через Аквилонию. Они разгромили северных немедийцев и взяли многие их города, но не задержались, пересекли границу Бритунии и разбили гирканскую армию. Следом за киммерийцами устремились асы и ваны. Немедия пала, и ее уже наполовину цивилизовавшиеся обитатели бежали от своих диких сородичей, оставляя за собой разрушенные и опустошенные города. Ушедшие на юг северяне унесли с собой и название древнего королевства, так что будем и далее именовать их немедийцами. Они дошли до королевства Котх, изгнали оттуда и пиктов, и гирканцев, а заодно помогли избавиться от гирканского ига племенам-шемитов.

На всем Западе власть гирканцев и пиктов содрогалась от ударов более молодых и более воинственных народов.

Одно из племен асов выбило гирканскую орду из Бритунии и осело на этой земле, оставив ей прежнее имя. Северяне, сокрушившие Гиперборею, так преуспели в борьбе с врагом на востоке, что потомки лемурийцев отступили в степи, к внутреннему морю Вилайет.

Тем временем наступавшие на юго-восток киммерийцы раз-

громили древнее гирканское королевство Туран и поселились на юго-западном побережье моря.

Мощь восточных захватчиков была сломлена. Под неустанными ударами народов Нордхейма и киммерийцев они разрушили города, перебили пленников, неспособных к дальнему переходу, и, гоня перед собой тысячи рабов, вернулись в загадочные земли Востока, обойдя северную оконечность моря Вилайет. Они исчезли из истории Запада, чтобы спустя тысячи лет вернуться с востока под именем гуннов, татар, монголов и тюрков. Вместе с ними вернулись смешанные потомки народов Заморы и Зингара — нынешние цыгане.

В это же время кочевое племя ванов с севера на юг пересекло прибрежные земли пиктов и, опустошив древнюю Зингару, вторглось в пределы Стигии. Эту страну сотрясали удары негритянских племен, обитатели же ее беспощадно угнетались местной аристократией. Рыжеволосые ваны взбунтовали рабов и, свергнув правящую касту, заняли ее место. Со временем они подчинили себе северные негритянские державы, основали великую империю и нарекли ее Египтом. От рыжих победителей пошла первая династия фараонов.

На Западе господствовали северные варвары. Пикты по-прежнему удерживали Аквилонию, часть Зингары и западное побережье континента, но к востоку от моря Вилайет и от Полярного Круга до самой земли Шем единственными обитателями были выходцы из Нордхейма. Лишь киммерийцы поселились в пределах бывшего Турана.

Следующие одна за другой волны пиктов, гирканцев, киммерийцев и северян обратили в прах все города — они сохранились только в Стигии и земле Шем. Гиборийцы, давшие имя эпохе, исчезли с лица земли, оставив память о себе только в крови своих разорителей.

Только небольшое количество названий западных стран, городов или племен осталось в наречиях варваров, чтобы пережить века в легендах и преданиях, и вся история Гиборийской эры растворилась в туманных мифах и сказках. Например, сохранились в цыганском языке названия «Зингара» и «Замора». Асы, покорившие Немедию и принявшие имя немедийцев, позже появились под этим именем в истории Ирландии. Северяне, осевшие в Британии, звались бритунцами, британцами или — британцами.

Ничего подобного прежним империям не существовало: как в древности, каждое племя имело своего вождя или короля, и все они отчаянно враждовали между собой.

Каково было предназначение этих народов, узнать нам не дано, потому что очередная судорога земной коры, придавшая континентам их нынешние очертания, снова погрузила мир в хаос. Огромные области западного побережья ушли под воду. Ванахейм и западная часть Асгарда — безлюдные ледяные пустыни — также скрылись под волнами. Океан разлился вокруг гор запад-

ной Киммерии, образовав Северное море, а сами горы стали островами, названными позднее Англией, Шотландией и Ирландией. Леса пиктов и Боссонское Пограничье навсегда остались морским дном.

На севере образовалось Балтийское море, Асгард стал полуостровом, где возникли потом Норвегия, Швеция и Дания. На далеком же юге стигийский континент отделился от остального мира по линии, совпадающей с западным течением реки Стикс, или Нила. Над Аргосом и западными землями Шем и Котх голубел океан — будущее Средиземное море. Но если одни области затонули, то в западных областях Стигии земля, напротив, поднялась и стала западной частью континента, известного нынче под названием Африки.

Столкновение материков привело к образованию больших горных цепей в центральной части северного континента. Целые племена северян исчезли, уцелевшие же перебрались на восток. Земли, лежащие вокруг медленно высыхающего моря Вилайет, не слишком пострадали, и там, на западном побережье, занялись земледелием народы Севера. Они перемешались с киммерийцами и жили с ними, в общем, мирно.

Остатки пиктов на западе снова были отброшены катастрофой на уровень каменного века, но с присущей их расе яростью начали захватывать соседние земли, покуда не были остановлены киммерийцами и северянами. От грозных некогда империй остались лишь неясные легенды.

Воспоминания о так называемом великом переселении народов относятся к началу классической истории, поэтому нет необходимости останавливаться на нем подробно. Вызвано оно было тем, что возросли числом степняки, кочевавшие к западу от континентального (позже — Каспийского) моря. Степняков было так много, что миграция стала экономической необходимостью. Кочевники ринулись на север, на юг и на запад — к землям, известным ныне как Малая Азия, Индия, Центральная и Западная Европа. Странники прибыли сюда под именем ариев или арийцев. Между примитивными арийскими племенами существовали различия, частично сохранившиеся и доныне. Например, светловолосые ахайцы, галы и британы происходили от чистокровных асов; немедиане ирландских легенд — это асы из Немедии. Даны вели свое происхождение от благородных ванов, готы — предки других скандинавских и германских племен, в том числе и англосаксов,— происходили от смешанной расы ванов, асов и киммерийцев. Кельты — предки иландцев и шотландских горцев, вышли из коренных киммерийских кланов. Валлийские племена Великобритании — потомки северян и киммерийцев — изгнали с островов коренных северян. Так возникли легенды о древней родословной гэльских кланов. Эта же кровь текла в жилах кимвров, врагов Рима, и гиммеров, боровшихся с греками и ассирийцами, и гомеров, упоминаемых в Библии. Другие киммерийские кланы ушли на во-

сток от высыхающего моря и через века, смешавшись с гирканцами, вернулись на запад под именем скифов. Подлинные предки гэлов — кельты, именуемые также кимврами, дали название современному Крыму.

Древние шумеры не были родней племенам Запада — в их жилах текла кровь гирканцев и шемитов,— наследие завоевателей. Впрочем, многие шемитские племена избежали неволи, и от них, смешавшихся с гиборийцами и северянами, ведут родословную арабы, евреи и другие семиты. Хананеяне и горные семиты происходят от шемитов, породнившихся с кушитами,— типичным примером является народ древнего Элама.

Предки римлян — этруски, крепкие и коренастые, происходили от народа, сочетавшего в себе кровь стигийцев, гирканцев и пиктов. Первоначально они населяли древнее королевство Котх.

Гирканцы, отступившие на восток Евразии, превратились в племена татар, монголов, гуннов и тюрков.

Подобным же образом можно проследить происхождение и других народов современного мира. В любом случае их история гораздо продолжительней, чем мы думаем, потому что она уходит прямиком в забытую и окутанную мглой тайны Гиборийскую эру.

ЧАС ДРАКОНА

1. СПЯЩИЙ, ПРОБУДИСЬ!

Вздрогнули бархатные портьеры, и, пустив по стенам волну пляшущих теней, замерцало пламя высоких свечей. Между тем, даже слабого движения воздуха не было в зале. Вокруг стола черного дерева, на котором покоился саркофаг из резной зеленой яшмы, стояли четверо мужчин. У каждого из них в воздетой правой руке горела странным зеленым светом черная свеча причудливой формы. Ночь окутывала мир, и безумный ветер завывал в мрачных ветвях деревьев.

Тревожная тишина и пляшущие тени владели залом, в то время как четыре пары горящих волнением глаз были устремлены на длинный зеленый ящик. Загадочные иероглифы на его поверхности подобно змеям переплетались в неверном свете свечей.

Человек в изножье саркофага склонился и пламенем свечи начертил в воздухе некий мистический знак. Потом, установив свечу в черной с золотом чаше и произнеся какие-то непонятные спутникам заклинания, погрузил свою широкую белую ладонь в складки обшитой горностаевым мехом одежды. Когда рука вернулась обратно, в ней сиял огненный шар.

Трое остальных испустили глубокий вздох, смуглый крепкий человек, стоящий в изголовье саркофага, прошептал:

— Сердце Аримана!

Предводитель резким жестом призвал к тишине. Где-то вдалеке начала жалобно выть собака, а за окованной металлом и накрепко закрытой дверью раздались крадущиеся шаги. Однако никто не отвел взгляда от саркофага; человек в горностаевой мантии продолжал делать пассы пылающим кристаллом и повторял заклинания, считавшиеся древними еще в дни гибели Атлантиды. Свет, вырывавшийся из камня, ослеплял, и нельзя было доверять глазу, но резная крышка саркофага треснула, словно распираемая изнутри какой-то неодолимой силой, и все четверо увидели мумию — скрюченную, сморщенную фигурку — ее конечности торчали из тронутых тлением бинтов, как ветки.

— И ты собираешься оживить это? — сардонически усмехаясь, спросил темнолицый человек, стоявший справа.

— До него же дотронуться нельзя — рассыплется. Глупы же мы были, когда...

— Тс-с! — властно сказал высокий — тот, что держал камень. Зрачки его расширились, на высоком белом челе выступили капли пота. Он склонился вперед и, стараясь не касаться мумии, опустил пылающий кристалл ей на грудь. Потом отступил назад, собрал, казалось, все силы и беззвучно прошептал магическую формулу.

Пламя, пульсирующее в огненном шаре, пылало на мертвой высохшей груди. Собравшиеся тяжело дышали, сцепив зубы, гла-

зам их предстало поразительное зрелище. Засушенное существо в саркофаге начало увеличиваться, расти и в длину, и в ширину. Бинты лопнули и рассыпались в бурый прах. Темные скрюченные конечности набухали, выпрямлялись и светлели на глазах.

— Во имя Митры! — прошептал высокий светловолосый человек, стоявший слева. — Он не был стигийцем! По крайней мере, хоть это правда.

И снова дрожащий палец приказал хранить молчание. Перестала выть собака вдалеке. Она поскулила, словно ее донимали кошмары, но и этот звук затих, и во внезапно наступившей тишине светловолосый услышал скрип тяжелых дверей — словно кто-то с огромной силой напирал на них снаружи. Он взялся за рукоять меча и хотел обернуться, но человек в горностаях прошипел:

— Остановись! Не разрывай цепь! И не подходи к двери, если тебе дорога жизнь!

Светловолосый пожал плечами, обернулся и застыл, пораженный. В яшмовой гробнице спал живой человек — высокий, сильный, белокожий, с черными волосами и бородой. Он лежал неподвижно, с широко раскрытыми глазами, бессмысленными, как у новорожденного.

Человек в мехах понемногу приходил в себя после нечеловеческого напряжения.

— О, Иштар! — прошептал он. — Это Ксальтотун! Живой! Валерий, Тараск, Амальрик! Теперь видите? Видите? Вы во мне усомнились, но я вас не подвел. Сегодня ночью мы были в двух шагах от адских врат, и рядом с нами толпились чудовища тьмы — да, они сопровождали его до самого выхода, — но мы вернули к жизни великого мага.

— И, несомненно, обрекли свои души на вечную муку, — сказал темнолицый невысокий Тараск.

Светловолосый Валерий рассмеялся:

— Могут ли быть муки горшие, чем сама жизнь? Все мы прокляты с самой минуты рождения. Да и вообще — кто бы не отдал свою жалкую душонку, чтобы получить престол?

— Нет разума в его взоре, Ораст, — заметил гигант Амальрик.

— Он слишком долго был мертвым, — ответил Ораст. — Сейчас он подобен внезапно разбуженному, в душе его пустота. А ведь он был погружен в смерть — не в сон. Мы вернули его душу, прошедшую сквозь бездонные омуты мрака и забвенья. Я заговорю с ним.

Он наклонился над саркофагом и, впившись взором в темные глаза лежащего в нем человека, медленно воззвал:

— Ксальтотун, проснись!

Губы воскресшего дрогнули.

— Ксальтотун, — глухо прошептал он.

— Ты — Ксальтотун, — сказал Ораст — так гипнотизер обра-

щается к усыпленному.— Ты — Ксальтотун из города Пифона в Ахероне.

В темных глазах появился слабый огонек.

— Я был Ксальтотун,— раздался шепот.— Теперь я мертв.

— Ты есть Ксальтотун! — воскликнул Ораст.— Ты не мертв, ты жив!

— Да, я Ксальтотун, но мертвым покоюсь я в стигийской столице Кеми, где был убит.

— Жрецы-отравители своим черным искусством превратили тебя в мумию — все органы остались нетронутыми. Теперь ты снова жив. Это Сердце Аримана вернуло тебя к жизни, призвав твою душу сквозь время и пространство.

— Сердце Аримана! — огонь памяти запылал ярче.— Варвары похитили его у меня!

— Он вспомнил,— сказал Ораст.— Выньте его из саркофага.

Спутники подчинились не сразу, нерешительно прикоснулись к воскрешенному ими человеку, и даже ощущение под пальцами пышущего жизнью, крепкого, мускулистого тела не придало им уверенности. Когда Ксальтотуна перенесли на стол, Ораст облачил его в заранее приготовленную одежду из бархата, расшитую звездами и полумесяцами, а на голову и плечи набросил золототканное покрывало.

Он покорно принимал все, что с ним делали — даже тогда, когда его усадили в кресло, похожее на трон,— с высокой эбеновой спинкой, широкими серебряными подлокотниками и с ножками в виде когтистых лап. Он был неподвижен, но мысль мало-помалу просыпалась в его глазах — они становились все глубже, загадочней и ясней. Казалось, что скрытые давным-давно магические огни неторопливо поднимаются на поверхность из бездонных глубин мрака.

Ораст украдкой бросил взгляд на спутников, которые с лихорадочным возбуждением рассматривали своего необыкновенного гостя. Стальные их нервы выдержали испытание, которое человеку не столь твердому стоило бы рассудка. Он знал, что вступил в заговор не со слабодушными, но с мужами, отвага которых была известна столь же широко, как их разрушительное честолюбие и склонность к свершению зла. Потом перевел взгляд на фигуру в кресле с эбеновой спинкой. И она заговорила.

— Я вспомнил,— раздался сильный звучный голос. Говорил он по-немедийски с каким-то странным древним акцентом.— Я Ксальтотун, я был верховным жрецом Сета в ахеронском городе Пифоне. Сердце Аримана — или это было во сне? — где оно?

Ораст вложил камень в его руку и затаил дыхание, глядя на страшную драгоценность.

— Много лет назад его у меня похитили,— говорил маг.— Это кровавое сердце тьмы — в нем равно заключены спасение и проклятие. Оно пришло издалека — из самых глубин времени. Пока оно было в моих руках, никто не мог мне противостоять. Но

его украли, и пал Ахерон, и я, изгнанник, укрылся в мрачной Стигии. Да, многое помнится, но многое и забылось, ибо был я в далекой стране за туманными безднами, заливами и темными океанами... Который теперь год?

Исход года Льва,— ответил Ораст.— Три тысячи лет после падения Ахерона.

— Три тысячи лет...— сказал Ксальтотун.— Так много? Кто ты такой?

— Я — Ораст, бывший жрец Митры. Этот человек — Амальрик, барон Тор Немедийский. Второй — Тараск, младший брат короля этой страны. А вот этот высокий — Валерий, законный наследник престола Аквилонии.

— Зачем вы вернули меня к жизни?— спросил Ксальтотун.— Что вам от меня нужно?

Он был уже в полном здравии и сознании, проницательные глаза его свидетельствовали, что работе разума уже не препятствует никакая тьма. Его поведение стало уверенным, он перешел прямо к делу, понимая, что ничего не дается даром. Ораст ответил ему столь же прямо:

— Сегодня ночью мы отворили ворота ада, освободили твою душу и вернули ее в тело, потому что нуждаемся в помощи. Тараска мы желаем возвести на трон Немедии, Валерию же намерены вернуть корону Аквилонии. Твое искусство чародея поможет нам.

— Ты и сам искушен в нем, Ораст,— заметил Ксальтотун,— коль скоро сумел воскресить меня. Откуда жрец Митры узнал про Сердце Аримана и где научился заклинаниям Скелоса?

— Я уже не жрец Митры,— ответил Ораст.— Меня лишили этого звания, потому что я занялся черной магией. Если бы не Амальрик, меня бы сожгли на костре как колдуна. Но благодаря этому я смог продолжать свои исследования. Я странствовал по Заморе, Вендии, Стигии, даже среди зачарованных джунглей Кхитая. На Скелосе я читал книги в железных переплетах. Я разговаривал с невидимками в бездонных колодцах, с безликими существами в страшных испарениях джунглей. И вот в самом сердце Стигии, под черным, окруженным гигантской стеной храмом Сета, в подземельях, населенных демонами, я нашел твою гробницу и овладел искусством, способным вернуть жизнь твоему высохшему телу. Истлевшие манускрипты рассказали мне о Сердце Аримана. Потом целый год искал я, где оно укрыто, и, наконец, нашел.

— Какая же нужда была воскрешать меня?— Ксальтотун пронзил жреца взглядом.— Почему с помощью Сердца ты не увеличил собственное могущество?

— Потому что ни один из ныне живущих не знает тайн Сердца,— ответил Ораст.— Приемы, с помощью которых оно может оказать всю свою силу, не сохранились даже в легендах. Я смог только оживить тебя — в более глубокие таинства я не посвящен. Только тебе ведомы страшные тайны Сердца.

Ксальтотун, задумчиво глядевший в огненные глубины кристалла, отрицательно покачал головой:

— Мое знание магии превышает знание всех остальных людей, вместе взятых,— сказал он,— но и я не постиг всей мощи камня. В те давние времена я не использовал ее — только следил, чтобы эту силу не направили против меня. Но потом драгоценность украли — и в руках шамана варварского племени, обряженного в одежду из перьев, она превозмогла мою магическую силу. Позже камень исчез, и завистливые стигийские жрецы отравили меня прежде, чем я смог его найти.

— Он был укрыт в пещере под тарантийским храмом Митры,— сказал Ораст.— Найдя твои останки в стигийском подземном храме Сета, я узнал об этом, призвав на помощь все свое умение. Грабители гробниц из Заморы, хранимые заклятьями, почерпнутыми мной из источника, о котором лучше не говорить, выкрали твой саркофаг из когтей его темной стражи. Караван верблюдов, галера и повозка, запряженная буйволами, доставили его в этот город. Те же самые грабители — вернее, те, что остались в живых после этого страшного путешествия,— похитили Сердце Аримана из заколдованного подземелья под храмом Митры; здесь бессильны были и воровские приемы, и заклинания. Только один из всех прожил достаточно долго, чтобы передать камень в мои руки. В предсмертном бреду он говорил о том, что видел в проклятом тайнике. Грабители из Заморы — это люди самые верные, самые надежные. Никто, кроме них, даже с помощью моих заклинаний, не сумел бы похитить Сердце Аримана из тьмы, в которой оно под стражей демонов покоилось в течение трех тысяч лет после падения Ахерона.

Ксальтотун, подняв свою львиную голову, всматривался в пустоту, словно надеясь разглядеть потерянные столетья.

— Три тысячи лет,— сказал он.— Во имя Сета! Поведай, что произошло в мире за это время.

— Варвары, разрушившие Ахерон, создали новые государства,— ответил Ораст.— Там, где некогда простиралась империя, возникли наследственные монархии — Аквилония, Немедия и Аргос. Эти названия пошли от племен, давших им начало. Древние державы — Офир, Коринтия и западное царство Кот, некогда склонявшиеся перед владыками Ахерона, после падения империи обрели независимость.

— А что произошло с народом Ахерона? — спросил Ксальтотун.— Когда я бежал в Стигию, Пифон лежал в руинах, а все большие города Ахерона с их пурпурными башнями были залиты кровью и растоптаны башмаками варваров.

— Небольшие племена в горах все еще продолжают кичиться своей ахеронской кровью,— ответил Ораст.— Что касается остальных, то мои предки-варвары прошли по их телам и стерли их с лица земли. Ибо много претерпели они от владык Ахерона.

Губы пифонца искривила жестокая и мрачная улыбка:

— О да! Не один муж, не одна жена из варварских племен с воплями умерла на жертвеннике под этой рукой. Я видел, как на главной площади Пифона из их голов соорудили пирамиду, когда короли возвращались с Запада с добычей и толпами нагих пленников.

— Истинно так! Потому и не знал отдыха меч в день расплаты, и Ахерон перестал существовать, и Пифон с его пурпурными башнями стал преданием давно минувших дней. Зато на руинах империи выросли и окрепли молодые державы. И вот мы вернули тебя, чтобы ты помог нам ими завладеть. Пусть они и не такие чудные и неповторимые, как древние Ахерон, но побороться за них стоит. Погляди,— и Ораст развернул перед гостем из прошлого искусно выполненную на ткани карту.

Ксальтотун осмотрел ее и ошеломленно покачал головой:

— Изменились даже очертания материков! Узнать их можно, но они искажены, словно в странном сне...

— Итак,— указал пальцем Ораст,— вот Бельверус, столица Немедии — именно здесь мы и находимся. На Юге и Юго-Востоке лежат Офир и Коринтия, на Востоке — Бритуния, на Западе же — Аквилония.

— Это карта мира, которого я не знаю,— тихо сказал Ксальтотун, и Ораст заметил огонек ненависти, вспыхнувший в его темных глазах.

— Это карта, которую ты поможешь нам изменить,— сказал Ораст.— Сначала необходимо возвести Тараска на трон Немедии. Достичь этого следует без пролития крови и таким способом, чтобы на Тараска не пали хотя бы малейшие подозрения. Мы не хотим, чтобы в стране вспыхнула гражданская война — напротив, всю ее мощь следует сохранить для захвата Аквилонии. Если бы король Нимед и его сыновья умерли естественной смертью — скажем, во время морового поветрия,— Тараск как ближайший наследник взошел бы на трон мирно и без помех.

Ксальтотун молча кивнул. Ораст продолжал:

— Следующая задача будет потруднее. Добиваясь аквилонского трона для Валерия, мы не сможем избежать войны, ибо держава эта — могущественный противник. Населяют ее люди сильные и воинственные, закаленные в постоянных сражениях с пиктами, жителями Зингара и киммерийцами. Уже пять веков враждуют между собой Немедия и Аквилония, и всегда окончательная победа была за аквилонцами.

Нынешний их повелитель — величайший рыцарь среди народов Запада. Он чужестранец, искатель приключений, и троном Аквилонии он завладел во время гражданской войны силой — самолично задушил короля Нумедида прямо на троне. Зовется он Конаном, и нет человека, способного выстоять против него в бою.

Сейчас Валерий — законный наследник престола. Он был изгнан своим царственным родичем Нумедидом и долго жил вдали от родины. Но в его жилах течет кровь древней династии. Многие

бароны поддержали бы тайно падение Конана, в котором не то что королевской — вообще нет благородной крови. Но простой народ ему верен, как и дворянство в дальних провинциях. Но если бы его войска были разбиты в первом же сражении и сам Конан при этом погиб — не думаю, чтобы было так уж трудно короновать Валерия. Воистину со смертью Конана перестало бы существовать единственное средоточие власти. Конан не принадлежит ни к какой династии — это авантюрист-одиночка.

— Хотел бы я посмотреть на этого короля,— задумчиво произнес Ксальтотун, глядя на серебряное зеркало в одной из ниш. В зеркале ничего не отражалось, но выражение лица мага говорило: он понимает, для чего оно предназначено. Заметив это, Ораст с гордостью кивнул головой — так хороший ремесленник принимает похвалу подлинного мастера.

— Попробую показать тебе его,— сказал он и, усевшись перед зеркалом, стал пристально всматриваться в глубину стекла, где мало-помалу стала приобретать очертания некая размытая тень.

Остальные понимали, что перед ними всего лишь отражение мыслей Ораста,— точно так отражает мысли волшебников и магический кристалл. Изображение, неясное и туманное вначале, вдруг приобрело поразительную четкость — и они увидели мужа высокого роста, широкоплечего, с мощной грудью, могучей шеей и крепкими мышцами. Он был одет в шелк и бархат; золотые львы Аквилонии украшали его богатый камзол. На гладко причесанной гриве черных волос сияла корона, но висевший на поясе обоюдоострый меч подходил ему больше королевских регалий. Голубые глаза горели под низким широким лбом. Его смуглое, покрытое шрамами, почти отталкивающее лицо было лицом воина, а бархатные одежды не могли скрыть опасной мощи тела.

— Этот человек не гибориец! — воскликнул Ксальтотун.

— Нет, он киммериец. Это одно из тех диких племен, что населяют серые предгорья Севера.

— Я воевал с его пращурами,— сказал Ксальтотун.— Их не смогли покорить даже владыки Ахерона.

— Киммерийцы по-прежнему остаются угрозой для народов Юга,— сказал Ораст.— А он — истинный сын своей дикой расы. Я уже говорил, никто не может соперничать с ним в схватке.

Ксальтотун не отвечал. Он сидел, вглядываясь в сгусток живого огня, вспыхивающий и гаснущий в его руке. Во дворе протяжно и тоскливо завыла собака.

2. ДУНОВЕНИЕ ЧЕРНОГО ВЕТРА

Год Дракона пришел в сопровождении войны, эпидемий и тревоги. Моровое поветрие кружило по улицам Бельвероуса и поражало и купца в лавке, и раба в сарае, и рыцаря во время застольной беседы. Искусство знахарей и врачей было бессильно. Поговаривали, что поветрие это — кара за грех гордыни и похоти. Бо-

лезнь была внезапной и смертоносной, как змеиный укус. Кожа заболевшего сначала становилась пурпурной, потом чернела, через пару минут несчастный валился на землю в агонии и, прежде чем смерть вырывала душу из разлагающегося тела, успевал почувствовать запах этого разложения. Пронзительный горячий ветер веял с юга непрерывно, на полях пропадало жнивье, на пастбищах подыхал скот.

Простой народ молился Митре и глухо негодовал на короля — по всему государству прошел слух, что под защитой стен своего дворца король тайно предается отвратительным обрядам и гнусным оргиям. А потом и в этот дворец, оскалив зубы, пробралась смерть, вокруг ног ее текли и кружились чудовищные испарения заразы. И в одну прекрасную ночь умер король вместе с тремя сыновьями, и громкоголосые глашатаи смерти заглушили мрачный и устрашающий звон колокольчиков, которыми обвешивали повозки, собиравшие с улиц гниющие трупы.

И в эту же ночь, перед рассветом, не утихающий уже неделю южный ветер перестал зловеще шелестеть шелковыми шторами. Налетел с севера ураган и загудел среди башен; загремели грозные громы, ослепительно вспыхнули стрелы молний, и хлынул дождь. Но утро пришло чистое, зеленое и прозрачное; обожженная земля покрылась травяным ковром, снова вырвались к небу жаждущие хлеба, и поветрие кончилось, ибо ночной ураган выдул из страны его ядовитые испарения.

Говорили, что по воле богов погиб грешный король со своим потомством, и, когда в большом тронном зале короновался его младший брат Тараск, народ, приветствуя короля, которому покровительствуют боги, кричал так, что башни дрожали.

Такая вспышка радости и воодушевления предшествует часто победоносным войнам. И никого тогда не удивило и не встревожило, что король Тараск быстро прекратил свару, затеянную покойным королем с западными соседями и стал собирать войска для нападения на Аквилонию. Рассуждения его были ясны и понятны, мотивам похода придавался благородный вид войны за правое дело. Король поддерживал Валерия, «законного наследника престола», он, по его словам, выступал не врагом, но другом Аквилонии, собирающимся освободить ее народ из-под власти узурпатора-чужеземца.

Если даже то тут, то там возникали циничные усмешки и перешептывания насчет любимого королевского приятеля барона Амальрика, огромное богатство которого имело своим источником порядком истощавшую королевскую казну, на общей волне воодушевления и популярности Тараска на них внимания не обращали. Человек же настолько проницательный, чтобы сообразить — подлинным, хотя и закулисным владыкой Немедии является Амальрик, все же остерегался произносить подобную крамолу вслух. И война продолжалась среди всеобщего восторга.

Король и его союзники двинулись на запад во главе пятидеся-

титысячного войска — тяжеловооруженных рыцарей с флажками, развевающимися над лавиной шлемов, копейщиков в стальных касках и чешуйчатых кирасах, арбалетчиков в кожаных куртках. Они с боем взяли замок, охраняющий границу, спалили три деревушки в горах и, углубившись на десять миль в чужую страну, встали в долине реки Валькии лицом к лицу с армией Конана, короля Аквилонии — сорокатысячным войском, состоявшим из пехоты, лучников и рыцарей, цветом аквилонского могущества. Не подоспели только воины из Пойнтайнии под предводительством Просперо, потому что путь их лежал из далекого юго-западного края королевства. Тараск ударил без предупреждения — не было времени для формального объявления войны.

Обе армии стояли друг против друга, разделенные широкой долиной с обрывистыми краями, на дне которой среди кустов и верб вился небольшой ручеек Маркитантки, с обеих сторон приходили туда за водой и обменивались оскорблениями и камнями. Последние лучи солнца упали на золоченый штандарт Немедии с изображением алого дракона, который развевался над шатром короля Тараска, установленного на возвышении у восточного края долины. Тени же западного обрыва, как огромный пурпурный саван, падали на лагерь аквилонской армии и трепещущий над шатром короля Конана флаг с золотым львом.

Всю ночь костры освещали долину, ветер разносил звуки труб, лязг оружия и резкие крики конных патрулей, стерегущих оба берега поросшего вербами ручья.

В предрассветном мраке зашевелился король Конан на своем ложе — куче мехов и шелка на деревянном помосте — и проснулся. Он вскочил с хриплым криком и схватился за меч. Паллантид, предводитель войска, встревоженный этим криком, вбежал в шатер и увидел своего короля, сидящего недвижно с ладонью на рукояти меча: пот выступил на его побледневшем лице.

— Ваше величество! — крикнул Паллантид. — Что-нибудь случилось?

— Что в лагере? — спросил Конан. — Как стража?

— Пятьсот всадников патрулируют ручей, ваше величество, — ответил генерал. — Немедийцы не решились выступить ночью. Они, как и мы, ждут рассвета.

— Во имя Крома! — буркнул Конан. — Я проснулся от чувства, что гибель крадется ко мне сквозь тьму.

Он поглядел на большую золотую лампу, освещающую мягкие бархатные шторы и ковры огромного шатра. Они были одни — ни раба, ни оруженосца не было подле короля. Но глаза Конана горели таким же огнем, как в минуты величайшей опасности, и меч он держал в руке. Паллантид глядел на него с тревогой. Конан прислушивался к чему-то.

— Внимание! — шепнул он. — Слышишь? Кто-то крадется!

— Семь рыцарей стерегут твой шатер, повелитель, — ответил

Паллантид.— Никто не может приблизиться к тебе незамеченным.

— Не снаружи?,— проворчал Конан.— Мне показалось, что я слышал шаги здесь, внутри!

Паллантид быстро и удивленно огляделся. Шторы по углам сливались с тенями, но, если бы в шатре находился кто-то, кроме него и короля, он бы заметил. Паллантид снова покачал головой.

— Здесь никого нет, господин. Ты спишь в самом сердце своего войска.

— Мне приходилось видеть смерть короля, окруженного тысячами людей,— пробормотал Конан.— Что-то, что передвигается на невидимых ногах и неуловимо для глаза...

— Может, это приснилось тебе, повелитель?— спросил ошеломленный Паллантид.

— Как же, снилось!— сказал Конан.— И дьявольский был это сон: я шел по тем же долгим и трудным дорогам, что привели меня к трону...

Он замолчал, и Паллантид глядел на него безмолвно. Для генерала, как и для большинства своих цивилизованных подданных, король был загадкой. Паллантид знал, что в своей бурной, богатой приключениями жизни Конан пришел много странных дорог, пока судьба не возвела его на престол Аквилонии.

— Я снова видел поле битвы, на котором был рожден,— задумчиво говорил Конан, опершись подбородком на могучий кулак.— Я видел себя в набедренной повязке из шкуры пантеры, мечущего копье в горного хищника. Я снова был наемным рубакой, атаманом мунганов, корсаром, грабящим побережья страны Куш, пиратом с острова Бараха, вождем горцев Химелии. Я был каждым из них, и каждый из них мне приснился, все существа, которые были мной, прошли мимо меня бесконечной чередой, а ноги их выбивали из пыльной дороги тоскливый крик...

Но были в этом моем сновидении необыкновенные, неузнаваемые тени, и отдаленный голос смеялся надо мной. Под конец я увидел, что лежу на этом ложе в своем шатре и надо мной склонилась фигура в капюшоне и широком плаще. А я лежал, не в силах двинуться, и вот капюшон спал, и увидел я, что улыбается мне трухлявый череп. Тогда я и проснулся.

— Это кошмарный сон, повелитель,— сказал Паллантид, сдерживая дрожь.— Кошмар, и ничего более.

Конан отрицательно покачал головой. Он происходил из ни варваров, людей суеверных, и все инстинкты предков таились в глубине его ясного сознания.

— Кошмаров я видел много,— сказал он,— но в большинстве своем они ничего не означали. Во имя Крома, этот был особенный! Ах, если бы эта битва была уже позади и окончилась победой! С того самого дня, когда король Нимед умер от черной заразы, у меня скверные предчувствия. Почему болезнь прошла, когда он умер?

— Говорят, что за грехи...

— Обычные глупости,— сказал Конан.— Если бы моровое поветрие косило всех грешников, то, клянусь Кромом, оставшихся в живых не удалось бы сосчитать, потому что и считать было бы некому! Почему боги, о справедливости которых толкуют мне жрецы, должны были погубить пять сотен крестьян, купцов и рыцарей до смерти короля, если болезнь предназначалась именно ему? Или боги действуют вслепую, как рубака в тумане? Клянусь Митрой, если бы мои удары обладали такой точностью, у Аквилонии уже давно был бы новый владыка.

Нет, черная зараза не была простым поветрием. Оно обычно дремлет в гробницах Стигии и на свет вызывается лишь при помощи чернокнижников. Когда я сражался в армии принца Альмурика, напавшего на Стигию, из наших тридцати тысяч половина погибла от стигийских стрел, а оставшиеся — от черной заразы, напавшей на нас с юга, как ветер пустыни. Выжил один я.

— А в Немедии умерло около пятисот,— сказал Паллантид.

— Кто-то призвал эту болезнь и знал, как положить ей конец в надлежащее время,— ответил Конан.— И тогда я понял, что во всем этом есть чья-то дьявольская воля. Кто-то призвал заразу, кто-то ее прогнал, когда дело было сделано — и Тараск, спаситель народа от гнева богов, уверенно сел на трон. Во имя Крома, я чувствую здесь грозный и тонкий умысел. Что ты слышал о чужеземце, который, как говорят, стал у Тараска советником?

— Он закрывает лицо,— ответил Паллантид,— и еще говорят, что чужеземец этот прибыл из Стигии.

— Прибыл из Стигии,— с усмешкой повторил Конан.— Скорей уж прибыл из ада! Эй, это еще что?

— Труба немедийцев! — воскликнул Паллантид.— И я слышу, как отвечают им наши! Уже светает, сотники поднимают людей и готовят к бою. Храни их Митра, ибо многие из них не увидят солнца, когда оно начнет заходить над теми скалами.

— Пришли мне оруженосцев! — заревел Конан, вскочив и сбросив с себя бархатную ночную одежду: впереди был бой, и он забыл о своих опасениях.— Иди к сотникам и проверь, все ли готово. Я присоединюсь к тебе, когда надену доспехи.

Многие из привычек Конана были загадкой для его цивилизованных подданных — например, упорство, с которым он защищал свое право спать одному в своей комнате или шатре. Паллантид поспешно вышел, гремя доспехами, надетыми еще ночью, после непродолжительного сна. Быстрым взглядом он обвел лагерь, в котором закипела жизнь: звякало оружие, людские тени мелькали в сумрачном свете между длинными рядами шатров. На западе еще бледно мерцали звезды, но на востоке уже розовели длинные полосы зари, и на их фоне расправлял свои складки драконий штандарт Немедии.

Паллантид направился к стоящему поблизости меньшему шатру, где спали королевские оруженосцы. Разбуженные трубами,

они уже высыпали наружу. Паллантид приказывал им торопиться, когда его парализовал и лишил речи донесшийся из королевского шатра глубокий страшный крик и звук глухого удара, а потом — звук падающего тела. И еще — низкий, густой смех, от которого кровь застыла в жилах генерала.

Паллантид охнул, развернулся и побежал к шатру. Еще один крик вырвался у него, когда он увидел могучее тело Конана, лежавшего на ковре. Большой двуручный меч короля лежал возле его ладони, а разрубленный столб шатра показывал, куда был направлен удар этого меча. Выхватив клинок, Паллантид внимательно оглядел шатер, но ничего не увидел. Как и незадолго перед этим, в шатре были лишь король и он сам.

— Ваше величество! — Паллантид упал на колени возле поверженного короля.

Глаза Конана были открытыми и вполне осмысленными. Губы его дрожали, но не произносили ни одного слова. Казалось, он был не в силах двигаться.

Снаружи раздались голоса. Паллантид быстро вскочил и подошел к выходу. Около него стояли королевские оруженосцы и один из рыцарей, охранявших шатер.

— Мы услышали шум внутри, — пояснил рыцарь. — С королем все в порядке?

Паллантид внимательно посмотрел на него.

— Входил ли кто-нибудь ночью в шатер или выходил из него?

— Никто, кроме тебя, Господин, — сказал рыцарь, и Паллантид не усомнился в его искренности.

— Король споткнулся и уронил меч, — коротко пояснил он. — Возвращайся на пост.

Когда рыцарь ушел, генерал коротко кивнул оруженосцам и, когда они вошли в шатер, тщательно задвинул штору. Они побледнели, увидев короля лежащим на ковре, но жест Паллантида удержал их от всяких возгласов.

Генерал снова наклонился над Конаном, который все еще пытался что-то сказать. Мышцы его напряглись, и он смог чуть приподнять голову. Наконец, можно было едва различить слова:

— Тварь... тварь там, в углу!

Паллантид поддержал голову короля и со страхом огляделся. В свете лампы он увидел бледные лица оруженосцев и бархатные тени, притаившиеся в углах шатра — только и всего:

— Здесь ничего нет, ваше величество, — сказал он.

— Она была там, в углу, — прошептал король, качая головой из стороны в сторону и пытаясь встать. — Человек — или что-то вроде человека, замотанного в бинты, похожего на мумию и одетого в истлевший плащ с капюшоном. Я разглядел его глаза, когда он прятался в углу. Я думал вначале — это тень, но потом увидел глаза. Они были, как черные алмазы.

Я бросился на него с мечом, но промахнулся — Кром знает, по какой причине, — и разрубил этот столб. Он схватил меня за руку

и закачался, а пальцы его жгли, как раскаленное железо. Вся сила покинула меня, а земля поднялась и ударила меня, как дубиной. Потом он исчез, а я, я лежал, будь оно все проклято, и не мог пошевелиться. Я окаменел!

Паллантид поднял руку гиганта, и его кинуло в дрожь: на запястье он увидел синие следы длинных тонких пальцев. Какая ладонь могла обладать такой силой, чтобы оставить след на этой могучей руке? Тут он вспомнил смех, доносившийся из шатра, и холодный пот прошиб генерала. Смеялся не Конан.

— Это дело рук дьявола! — прошептал трясущийся оруженосец.— Говорят, что дети тьмы выступили на стороне Тараска!

— Замолчи! — сурово сказал Паллантид.

Утро уже погасило все звезды. С гор веял легкий ветерок, разносивший звук сотен и тысяч труб. От этого звука сильная судорога пробежала по телу короля. Снова заиграла сила в его мышцах, когда он попытался разорвать невидимые цепи, приковывающие его к земле.

— Оденьте меня в доспехи и привяжите к седлу,— прошептал он.— Я еще поведу вас в атаку!

Паллантид покачал головой, а один из оруженосцев потянул его за одежду.

— Господин, мы погибнем, если враги узнают, что наш король лежит без сил! Только он мог бы привести нас сегодня к победе!

— Помогите мне положить его на кровать,— ответил генерал.

Они повиновались и положили бессильного гиганта на кучу мехов, укрыв его шелковым плащом. Паллантид повернулся к пятерке оруженосцев, долго вглядывался в их побледневшие лица и наконец сказал:

— Пусть уста наши навеки молчат о том, что случилось в шатре. От нас сейчас зависит судьба королевства Аквилонии. Пусть один из вас пойдет и приведет Валанна, сотника пеллийских копейщиков.

Оруженосец, на которого было указано, поклонился и быстро вышел из шатра. Паллантид смотрел на поверженного короля. За стенами шатра ревели трубы, кричали командиры, все нарастал гул тысяч людских голосов. Наконец оруженосец вернулся с тем офицером, о котором говорил Паллантид — высоким воином, широкоплечим и мускулистым, по сложению очень похожим на короля. Волосы у него были тоже вроде конановых — черные и густые, только глаза серые, да и лицом он не походил на своего короля.

— У короля приступ некой редкой болезни,— сухо пояснил Паллантид.— Тебе выпала великая честь: ты оденешь его доспехи и поведешь сегодня армию в бой. Никто не должен узнать, что на королевском коне скачет не король.

— За эту честь любой человек охотно бы отдал жизнь,—

сказал сотник, ошеломленный своей задачей.— Клянусь Митрой, я не подведу!

И бессильный король глядел горящими глазами, в которых отражался его горький гнев и мучительное чувство унижения, как его оруженосцы освобождают Валлана от кольчуги, шлема и наколенников, чтобы облечь его в черный панцирь Конана, а также в шлем с забралом и гребнем, украшенным черным султаном. Затем следовала шелковая накидка с вышитым на груди золотым королевским львом, широкий пояс с золотой пряжкой поддерживал покоящийся в золотых ножнах обоюдоострый меч с рукоятью, покрытой самоцветами. Пока они этим занимались, сурово ревели трубы, лязгало оружие, из-за реки доносился глухой рев, когда полк за полком выходил на позиции.

Валлан в полном облачении встал на колени и склонил султан перед лежащей на ложе фигурой.

— Господин мой и король, клянусь Митрой, я не опозорю доспехов, которые надел сегодня!

— Принеси мне голову Тараска, и я сделаю тебя бароном!

Страдание сорвало с Конана тонкий налет цивилизации. Глаза его горели такой ненавистью и жаждой крови, какой мог бы позавидовать любой варвар с Киммерийских нагорий.

3. КАТАСТРОФА

Аквилонская армия стояла уже в полной готовности— длинные спаянные шеренги пеших и конных в сияющей стали,— когда из королевского шатра выплыла огромная фигура в черной броне, чтобы оседлать черного жеребца, удерживаемого четырьмя оруженосцами, и армия издала такой клич, что задрожали горы. Потрясая оружием, все солдаты — рыцари в золоченых панцирях, копейщики в кольчугах и стальных шлемах, лучники, держащие свои огромные луки,— громогласным хором выразили свое восхищение королю-воину.

Армия на другой стороне долины перемещалась к реке по пологому склону, сталь доспехов поблескивала сквозь утренний туман, клубившийся у конских ног.

Аквилонцы, не торопясь, двинулись им навстречу. От конского топота загудела земля. Шелковые полотнища штандартов развевались на утреннем ветру, а лавина копий с трепещущими флажками то поднималась, то опускалась, точно лес в бурю.

Десять вооруженных до зубов угрюмых ветеранов войны, умеющих молчать, охраняли королевский шатер, в котором остался один из оруженосцев. Кроме небольшой группы посвященных, никто не знал во всей могучей армии, что не Конан восседает на огромном черном жеребце, выступающем во главе войска.

Аквилонцы выстроились согласно традиции: основная сила, полки тяжеловооруженных рыцарей, составили центр армии, на крыльях были отряды конницы, поддерживаемые копейщиками

и лучниками. Лучники были жителями Боссона на Западном Пограничье — крепкими низкорослыми людьми в кожаных куртках и плоских стальных шлемах.

Немедийская армия была построена примерно так же. Оба войска приближались к речушке, крылья при этом вырвались вперед. Посреди войск Аквилонии над всадником на черном жеребце развевалось огромное полотнище со львом.

Но в королевском шатре Конан на своем ложе только стонал от душевной муки и ругался по-язычески.

— Войска сближаются,— говорил ему оруженосец, выглядывая из шатра.— Слышишь, как гремят трубы? Ха! Солнце сверкает на шлемах и остриях копий так, что глазам больно... Реку оно окрасило алым... Воистину воды ее заалеют прежде, чем минет день!

Неприятель вышел к берегу. Теперь между войсками, точно ядовитые тучи, мечутся стрелы, заслоняя небо. Ха! Хороший выстрел, парень! Боссонские лучники стреляют вернее — слышишь их клич?

Среди рева труб и грохота стали король действительно услышал дикий гортанный рев боссонцев, которые натягивали тетивы и посылали стрелы с удивительной меткостью.

— Их стрелки пытаются навязать нашим схватку, чтобы их конники могли выйти к реке,— продолжал оруженосец.— Берега не крутые, они плавно сходят к воде. Рыцари двинулись, пошли прямо сквозь кустарник. Клянусь Митрой, наши стрелы длиной в локоть находят любую щель в их доспехах! Падают с коней мужи, отчаянно бьются в воде... Там неглубоко и течение ровное, но люди тонут под тяжестью доспехов и копытами ошалевших коней. Теперь двинулась аквилонская конница. Рыцари въезжают в реку и вступают в бой с немедийскими всадниками... Вода вспенена конскими копытами, а удары мечей о мечи оглушают!

— Во имя Крома! — вырвалось в отчаянии у Конана. Жизнь понемногу возвращалась в его тело, хотя подняться он еще не мог.

— Вот и фланги столкнулись,— сказал оруженосец.— Пехота в воде схватилась врукопашную, лучники стреляют из-за их спин. Клянусь Митрой, немедийские арбалетчики в центре перебиты, а боссонцы стреляют теперь по дальним рядам. В центре враг не продвинулся ни на пядь, а его крылья отброшены от реки!

— Во имя Крома, Имира и Митры! — бесновался Конан.— Боги или дьяволы, перенесите меня в битву, хотя бы мне пришлось пасть от первого же удара!

Весь жаркий день битва была, как буря. Долина содрогалась от атак и контратак, от свиста стрел, треска панцирей и копий. Но аквилонская армия удержала позиции. Отброшенные однажды от реки, ее отряды под предводительством черного знамени с золотым львом над могучим всадником вернули утраченную терито-

рию. Правый берег был подобен мощной крепости, и оруженосец доложил, наконец, Конану, что немедийцы отходят от реки!

— Мы прорвали их фланги! — кричал он. — Их рыцари показывают спины! Но что это? Твое знамя двинулось вперед — основные силы вошли в воду! Клянусь Митрой, Валанн переводит армию на другой берег!

— Глупец! — зарычал Конан. — Там может быть ловушка! Он должен только удержать позицию — на заре подойдет Просперо со своим корпусом.

— Рыцари попали под обстрел! — крикнул оруженосец. — Но не остановились, идут вперед... Перешли! Атакуют вверх по склону! Паллантид послал им на помощь оба фланга — что еще он мог сделать? Знамя со львом наклонилось и качается над схваткой.

Немедийские конники сопротивляются, но мы разрезали их строй! Они отступают! Немедийский левый фланг бежит что есть сил, наши копейщики преследуют их! Я вижу Валанна, который бьет и рубит, как безумный. Жажда крови охватила его. Люди не слушают Паллантида, они устремились за Валанном — лицо его закрыто забралом, они думают, что это — Конан...

Но смотрите — есть метод в его безумии! С пятью тысячами отборных рыцарей он огибает фронт немедийцев, они смешались... Смотри! Их фланги прикрыты обрывистыми кручами, но среди них есть незащищенный проход. Что-то вроде большой расщелины, которая открывается уже за боевыми порядками врага. Клянусь Митрой, Валанн увидел свой шанс и хочет его использовать! Он отбрасывает неприятельское крыло и ведет своих рыцарей к этому проходу. Он обходит центр основной схватки, пробивается сквозь копейщиков, входит в расщелину!

— Ловушка! — зарычал Конан, пытаясь подняться.

— Нет! — торжествующе вскричал оруженосец. — Вся немедийская армия у него на виду! Они забыли о проходе — не думали, что отступят так далеко. О, глупый, глупый Тараск — сделать такую ошибку! Я вижу, как из расщелины за немедийским строем показались пики и флажки. Они разорвут этот строй и сомнут его... Но что это, во имя Митры?

Он заколебался, когда дрожь тронула стены шатра. А вдали, заглушая звуки битвы, раздался неописуемо жуткий, низкий, хриплый рев.

— Стены расщелины задрожали! — закричал оруженосец. — Господи, что же это такое? Река выходит из берегов, верхушки скал рушатся, дрожит земля, опрокидывая коней и всадников! Стены! Стены расщелины падают!

Его последним словам вторил скрежещущий гул и могучий гром, от которого задрожала земля. Над шумом битвы зазвучали крики ужаса.

— Рухнули стены! — вскричал оруженосец в отчаянии. — Рухнули в проход и раздавили все живое, что там находилось! Я еще видел среди пыли и камнепада наше знамя, но и оно исчез-

ло! О! Немедийцы кричат от радости! Им есть чему радоваться — под скалами пять наших лучших рыцарей — слышишь?

И Конан услышал отчаянные вопли:

— Король погиб! Король погиб! Бежим! Бежим! Нет нашего короля!

— Врете! — застонал Конан. — Собаки! Подлецы! Трусы! О, Кром, если б я только мог встать... Хотя бы доползти до реки с мечом в зубах... Как там, мальчик, они бегут?

— Еще как! — зарыдал оруженосец. — Бегут что есть сил к реке, как морская пена на ветру. Я вижу Паллантида, который пытается прекратить панику... Он падает, кони растоптали его! В воду вбегают рыцари, лучники, пехотинцы, смешавшиеся в один безумный поток. Немедийцы преследуют их и косят, как траву!

— Но можно укрепиться на этом берегу! — зарычал король. С усилием он заставил себя приподняться на локтях.

— Нет! — ответил оруженосец. — Они не могут! Они разбиты! Их преследуют! О боги, зачем дожил я до этого дня!

Потом он вспомнил о своих обязанностях и вызвал охранников, которые, не трогаясь с места, глядели на бегство своих товарищей.

— Быстро приведите коня и помогите мне поднять в седло короля. Здесь больше нельзя оставаться.

Но они не успели выполнить приказ: волна отступления докатилась сюда. Копейщики, рыцари и лучники бежали между шатрами, спотыкались о натянутые веревки, а настигавшие их немедийские всадники рубили направо и налево. Угрюмые стражи королевского шатра погибли на своем посту один за другим, и кони победителей разнесли по полю их останки.

Но оруженосец опустил полы шатра, и во всеобщем хаосе никто не понял, что в шатре кто-то есть. Беглецы и преследователи устремились дальше в глубину долины, и когда оруженосец выглянул наконец наружу, он увидел нескольких воинов, явно едущих в сторону шатра.

— Подходит король Немедии с четырьмя спутниками и оруженосцем, — доложил он. — Идут принимать твою капитуляцию, мой благородный господин...

— Чтоб их черти взяли! — заскрежетал зубами Конан.

С огромными усилиями он сумел усесться, потом спустил ноги с кровати и неуверенно встал, пошатываясь, как пьяный. Оруженосец бросился поддержать его, но король оттолкнул мальчика.

— Ну-ка, подай! — и он указал на свой гигантский лук и колчан со стрелами.

— Но, ваше величество, — возразил удивленный оруженосец, — владыка должен сдаваться с достоинством человека королевской крови!

— В моих жилах нет королевской крови, — рявкнул Конан. — Я варвар и сын кузнеца!

С луком и стрелами он, качаясь, подошел к выходу. На нем

были только короткие кожаные штаны и рубашка без рукавов, открывавшая мощную волосатую грудь и крепкие руки. И так прекрасен и грозен был в эту минуту король, так пылали его глаза под звериной гривой черных волос, что оруженосец отступил в страхе перед своим владыкой — его он боялся больше всей немедийской армии.

Неуверенно переступая широко расставленными ногами, Конан добрался до выхода, раздвинул шторы и встал под навесом. Король Немедии и его спутники уже спешились и вдруг встали как вкопанные, удивленно глядя на того, кто приготовился к отпору.

— Я здесь, шакалы! — зарычал киммериец. — Я, король! Смерть вам, собачье отродье!

Он натянул тетиву до уха, и стрела по самое оперение вонзилась в грудь рыцаря, стоявшего рядом с Тараском. Конан швырнул в короля Немедии луком.

— Проклятье, рука дрогнула! Ну, возьмите меня, если смелости хватит!

На подкашивающихся ногах он отступил назад и оперся спиной на шатровый столб. Потом обеими руками вытащил свой огромный меч.

— Клянусь Митрой, это же король! — воскликнул Тараск. Он обвел своих спутников взглядом и рассмеялся. — А там была лишь кукла в его доспехах. Вперед, собаки, мне нужна его голова!

Трое воинов в панцирях со знаками королевской гвардии бросились на Конана. Один из них ударом палицы поразил оруженосца. Двое остальных такого успеха не добились. Когда первый ворвался в шатер с поднятым мечом, Конан приветствовал его таким добрым ударом, который рассек кольчугу, как тряпку, и плечо немедийца вместе с рукой отделилось от тела. Падая, он попал под ноги своему товарищу. Тот покачнулся и, прежде чем обрести равновесие, был пронзен длинным мечом.

Тяжело дыша, Конан вытащил стальное лезвие из тела и вновь, качаясь, отступил к столбу. Его могучие руки дрожали, грудь вздымалась с усилием, по лицу и шее струился пот. Но в голосе его слышалась жестокость победителя:

— Почему ты не подойдешь ближе, бельверусский пес? Там я тебя не достану — подойди и подохни здесь!

Тараск заколебался, поглядел на оставшегося гвардейца и на своего оруженосца — худого мрачного человека в черной броне, затем сделал шаг вперед. Сложением и силой он значительно уступал гиганту-киммерийцу, зато был защищен латами; он во всех странах Запада славился как хороший боец на мечах. Но оруженосец удержал его за руку:

— О нет, ваше величество, не стоит рисковать жизнью. Вызовем лучников, и они расстреляют варвара, словно льва на охоте.

Пока шла схватка, никто не заметил, как возле шатра остановилась колесница. Но Конан ее увидел, и неясный страх охватил

его. Даже кони были необыкновенными, но его взгляд остановился на фигуре возницы.

Это был муж могучего сложения, облаченный в длинную шелковую хламиду. На голове его была повязка, которую носят жители страны Шеми, нижняя часть ее почти скрывала лицо, оставляя открытыми только черные притягивающие глаза. Ладони, в которых он держал вожжи, были белые и ухоженные, но крепкие. Все инстинкты древних проснулись в Конане: он обвел возницу суровым взглядом и почувствовал, что от него исходит грозная аура могущества — так шелест травы в безветренный день оповещает о приближении змеи.

— Поздравляю тебя, Ксальтотун! — воскликнул Тараск.— Вот король Аквилонии! Оказывается, он не погиб под обвалом.

— Я знаю об этом,— ответил маг, не поясняя, впрочем, откуда он это знает.— Что ты собираешься с ним сделать?

— Вызову лучников, чтобы они расстреляли его,— ответил немедиец.— Живой он слишком опасен для нас.

— Даже собака может на что-нибудь сгодиться,— сказал Ксальтотун.— Возьмите его живым.

Конан хрипло рассмеялся.

— Подойди и попробуй,— сказал он с вызовом.— Если бы мои ноги не предали меня, я срубил бы тебя с этой колесницы, как дровосек деревце. Но никогда вам не взять меня живым, будьте вы прокляты!

— Боюсь, что он говорит правду,— вздохнул Тараск.— Это же варвар, он полон безумной дикости, как раненый тигр. Позволь позвать лучников.

— Смотри и учись,— сказал Ксальтотун.

Его рука утонула в складках одежды и вынырнула, держа блестящий шар. Шар полетел в Конана. Киммериец молниеносно отразил его мечом, но тут раздался взрыв, блеснуло пламя — и Конан без сознания упал на землю.

— Мертв? — сказал Тараск скорее утвердительно.

— Нет. Он без чувств. В себя придет только через несколько часов. Прикажи своим людям сковать ему руки и ноги и положить в мою колесницу.

Тараск жестом приказал слугам подчиниться. Кряхтя от тяжести, они перенесли бесчувственного короля в колесницу. Ксальтотун накрыл тело шелковым плащом от любопытных глаз, потом взялся за вожжи.

— Я направляюсь в Бельверус,— сообщил он.— Передай Амальрику, что я присоединюсь к нему в нужное время. Коль скоро Конан устранен и армия его разбита, для покорения страны достаточно копий и мечей. Просперо, который вряд ли мог собрать больше десяти тысяч, услышав известие о битве, несомненно отступит к Тарантии. Ни Амальрику, ни Валерию, никому другому не говори о нашем пленнике. Пусть думают, что Конан погиб под скалами.

Потом он перевел взгляд на гвардейцев и смотрел так долго, что один из них начал корчиться под этим взглядом.

— Что у тебя на животе? — спросил Ксальтотун.

— Ремень, господин, с твоего позволения,— пробормотал тот.

— Ты лжешь! — смех Ксальтотуна был безжалостен, как острие меча.— Это ядовитая змея! Дурак, ты подпоясался гадюкой!

Гвардеец посмотрел на свой живот удивленно расширенными глазами и с ужасом увидел, что пряжка ремня поднимается к его лицу. На ней была змеиная голова! Он увидел злобные глаза и текущие ядом зубы, услышал шипение и почувствовал холодное прикосновение твари. Испуганно вскрикнув, он нанес удар ладонью и почувствовал, как змеиные зубы погрузились в нее, потом замер — и рухнул, как бревно. Тараск равнодушно поглядел на него. Он видел только кожаный ремень, пряжка которого своими двумя застежками впилась в ладонь гвардейца. Ксальтотун перевел свой убийственный взгляд на королевского оруженосца, который стал серым и задрожал, но вступился Тараск:

— Нет, этому мы можем доверять.

— Смотри же, чтобы все наши сегодняшние дела остались в тайне. Если я понадоблюсь, пусть Альтаро, слуга Ораста, вызовет меня способом, которому я его научил. Я буду в Бельверусе, в твоем дворце.

Тараск поднял руку в прощальном жесте. Когда он смотрел вслед уехавшему магу, безобразная гримаса исказила его лицо.

— Почему он пощадил киммерийца? — прошептал перепуганный оруженосец.

— Сам удивляюсь,— сказал Тараск.

Глухие отголоски битвы и погони замерли где-то далеко за отъехавшей колесницей; заходящее солнце охватило скалы алым пламенем, и повозка скрылась в огромных темно-красных тенях, встающих на востоке.

4. «ИЗ КАКОЙ ПРЕИСПОДНЕЙ ТЫ ВЫПОЛЗ?»

О своем длинном путешествии в колеснице Ксальтотуна Конан не знал. Он лежал, как мертвый, когда бронзовые колеса гремели по камням горных дорог, подминали высокие травы зеленеющих долин и, наконец, когда повозка уже съехала с предгорий, ритмично застучала по широкой белой дороге, которая через щедрые поля вилась до самых стен Бельверуса.

На заре жизнь вернулась к нему. Он услышал людские голоса и скрип тяжелых ворот. Сквозь дыру в плаще он увидел черные, неясные в свете факела, своды ворот и бородатые лица гвардейцев. Пламя отражалось на их шлемах и остриях копий.

— Как закончилось сражение, благородный господин? — спросил кто-то по-немедийски.

— Очень хорошо,— прозвучал лаконичный ответ.— Король Аквилонии убит, его армия уничтожена.

Поднялся гул восторженных криков, но снова утонул в грохоте колес по каменным плитам. Искры сыпались из-под ободов, когда Ксальтотун, щелкая кнутом, гнал лошадей через ворота. Но Конан услышал, как один из стражников бормочет: «С самой границы до Бельверуса — от захода до восхода солнца! И кони только чуть запылились! Клянусь Митрой, они...» Потом наступила тишина, нарушаемая лишь стуком копыт и колес по темной улице.

Слова эти запали в память Конана, но сейчас ничего для него не значили. Он все видел и слышал, но ничего не понимал. Его окружали образы и звуки, лишенные смысла. Он снова погрузился в глубокий сон, когда колесница остановилась в глубоком, как колодец, дворе, его самого подхватило множество рук и понесло по крутой каменной лестнице, а потом — через длинный темный коридор. Шепоты, тихие шаги, отрывистые звуки проходили мимо его сознания.

Но последнее пробуждение было внезапным и резким. Он полностью вспомнил сражение и его исход и ясно понял, где находится.

Он лежал на обитом шелком диване в той же самой одежде, что и раньше, закованный в такие цепи, которые даже он не смог бы порвать. Зал, в котором он находился, был убран с мрачной роскошью: черные шелковые шторы свешивались со стен, толстые пурпурные ковры покрывали пол. Не было видно ни окон, ни дверей, одна лишь искусно выкованная золотая лампа, висящая в стенной нише, заливала все ярким светом.

При этом освещении сидящая перед Конаном в серебряном, похожем на трон кресле фигура казалась нереальной и фантастической, очертания ее были скрыты прозрачными шелковыми одеяниями. Но черты лица были видны особенно резко, над головой образовался как бы нимб, подчеркивая рельефность обрамленного бородой лица и делая его единственной реальной действительностью в этой таинственной, призрачной комнате.

И лицо это с классической красотой черт производило сильное впечатление. Воистину тревога таилась в его спокойствии, какая-то магия знания, превышающего человеческие возможности, какая-то нечеловеческая уверенность в себе. И неприятная дрожь узнавания зашевелилась в каком-то отдаленном уголке души Конана. Король хорошо знал, что никогда не видел этого человека, но черты его кого-то напоминали. Было ощущение, что Конан наяву видит образ некоего прошлого кошмара.

— Кто ты?— спросил он, пытаясь сесть, хоть кандалы и мешали.

— Мое имя — Ксальтотун,— ответил ему сильный мелодичный голос.

— Где я нахожусь?

— Это зал во дворце короля Тараска в Бельверусе.

Конана это не удивило. Столица была самым большим городом у границы.

— А где Тараск?

— С армией.

— Что же,— сказал Конан.— Если ты собираешься меня убить, то почему бы тебе не приступить к делу, чтобы мы оба избавились от лишней заботы?

— Не для того я спас тебя от королевских лучников, чтобы убить в Бельверусе,— ответил Ксальтотун.

— Что ты со мной сделал, проклятый?

— Я лишил тебя сознания,— ответил Ксальтотун.— Каким образом — ты все равно не поймешь. Можешь назвать это черной магией.

К такому выводу Конан мог и сам прийти, теперь его интересовало другое:

— Кажется, я понимаю, почему ты сохранил мне жизнь,— сказал он.— Амальрик хочет держать меня в качестве угрозы Валерию, если бы случилось невозможное и он стал королем Аквилонии. Всем известно, что за этой попыткой стоит барон Тор, и, насколько я знаю Амальрика, он не позволит, чтобы Валерий стал более самостоятельным, чем эта марионетка Тараск.

— Амальрик не знает, что ты в плену,— ответил Ксальтотун,— равно как и Валерий. Оба думают, что ты погиб на берегах Валькии.

Конан сузил глаза и всмотрелся в собеседника.

— Я чувствовал умысел за всем этим,— сказал он,— но полагал, что это Амальрик. Неужели он, Тараск и Валерий лишь марионетки на твоих веревочках? Кто же ты?

— Какое это имеет значение? Если бы даже я рассказал тебе все, ты бы не поверил. Что ты скажешь на то, чтобы вновь воцариться на престоле Аквилонии?

Конан глянул на него волчьим взглядом.

— Какой ценой?

— Повиноваться мне во всем.

— Чтобы тебя черти взяли со всеми твоими замыслами! — заревел Конан.— Я не кукла. Корону свою я добыл мечом. И не в твоей воле распоряжаться троном Аквилонии. Королевство еще не завоевано, а одна битва войны не решает.

— Ты сражался не только с мечами,— ответил Ксальтотун,— и разве меч поразил тебя в шатре перед сражением? Нет, это было порождение тьмы, межзвездный странник, который своими пальцами, сохранившими холод черных бездн, заморозил кровь в твоих жилах и костный мозг. Своими пальцами, столь холодными, что они обожгли твое тело, как добела раскаленное железо!

Разве случай подтолкнул человека, одетого в твои доспехи, чтобы повести твоих рыцарей в ущелье? Разве случай обрушил на них склоны?

Конан молча слушал его, и холод пробегал по его спине. Вся его варварская мифология была наполнена магами и чародеями — только дурак не догадался бы, что Ксальтотун — не простой смертный. Конан ощущал в нем нечто непонятное — какой-то нечеловеческий ореол Времени и Пространства, образ времен страшных и враждебных. Но дух его уступить не желал.

— Камнепад был случайным,— сказал он,— а в расщелину пошел бы каждый.

— Вовсе нет. Ты бы, например, не повел туда войска, заподозрил ловушку. Да ты даже не перешел бы реку, если бы не поверил, что немедийцы действительно отступают. Даже среди безумия битвы ничто бы не смогло повести тебя вслепую на гибель, как это случилось с человеком, одетым в твои доспехи, но, как бы сказать, помельче...

— Что ж, если все было рассчитано,— сказал Конан,— если для моей армии была приготовлена ловушка, почему же «порождение тьмы» не убило меня в шатре?

— Потому что я хотел взять тебя живым. Не надо было быть волшебником, чтобы понять — Паллантид пошлет кого-нибудь вместо тебя. Ты был нужен мне живым и здоровым. Возможно, ты пригодишься для моих дальнейших намерений. Твоя жизненная сила превышает искусство и хитрость моих союзников. Не стоит держать тебя во врагах, потому что ты был бы хорошим вассалом.

Конан презрительно плюнул, услыхав это слово, но Ксальтотун не обратил на его гнев никакого внимания, вынул хрустальный шар и поставил его перед собой. Шар повис в воздухе, как будто под ним был железный постамент. Конан презрительно хмыкнул по этому поводу, но было видно, что магия произвела на него впечатление.

— Хочешь знать, что происходит сейчас в Аквилонии?— спросил Ксальтотун.

Конан промолчал, но его напряжение выдало все.

Ксальтотун поглядел в туманную глубину и сказал:

— Сейчас вечер следующего дня после битвы при Валькии. Главные силы Немедии стали лагерем в долине, но конные отряды продолжали истреблять отступающих аквилонцев. На рассвете армия покинула лагерь, чтобы ринуться через горы на запад. Просперо, который спешил тебе на помощь с десятитысячным отрядом, встретил нескольких беглецов. Не в силах собрать остатки разбитой армии, он отступил к Тарантии. Теперь он отступает к столице, меняя измученных коней в деревнях.

Я вижу его усталых рыцарей в латах, серых от пыли, с флажками, грустно свисающими с копий, вижу, как гонят они через долину взмыленных лошадей. И я вижу также улицы Тарантии. В городе царит хаос. Каким-то образом туда дошла весть о смерти короля Конана. Ошалелая толпа кричит, что король погиб, и нет

никого, кто мог бы его заменить. Чудовищные тени падают на Аквилонию с востока, и небо почернело от стервятников.

Конан проклял его в глубине сердца.

— И ни слова больше? Последний уличный нищий мог бы рассказать то же самое. Если ты утверждаешь, что разглядел все это в твоем стеклянном шаре — ты такой же лжец, как и мерзавец, а уж в этом нет сомнения! Просперо удержит Тарантию, а бароны соберутся вокруг него. Граф Троцеро из Пойнтайнии, который должен править в мое отсутствие, прогонит эти немедийские орды так, что они с воплями побегут назад, в свой собачник. Что такое пятьдесят тысяч немедийцев? Аквилония их проглотит. Они никогда не увидят Бельверуса. Ведь под Валькией побеждена не Аквилония, а всего лишь Конан.

— Гибель Аквилонии предписана свыше,— ответил неумолимый Ксальтотун.— Покорят ее меч и копье, а если они не помогут, в бой двинутся стародавние силы тьмы. Так же, как над Валькией, рухнут горы и городские стены, если будет нужно, и реки с ревом выйдут из берегов, чтобы затопить целые области.

Тем не менее лучше будет, если победят меч и тетива, без помощи магического искусства, потому что оно способно пробудить силы, могущие перевернуть Вселенную.

— Из какой преисподней ты выполз, черный пес? — процедил Конан, всмотрелся в Ксальтотуна и вздрогнул: чувствовалось в нем что-то невероятно древнее и вместе с тем невероятно дьявольское.

Ксальтотун запрокинул голову, как бы вслушиваясь в голоса Космоса. Казалось, он забыл о пленнике. Потом нетерпеливо тряхнул головой и поглядел на киммерийца.

— Что? Ах, ты бы все равно не поверил, если бы я тебе рассказал. Но наш разговор меня утомил: легче уничтожить укрепленный город, нежели облечь свои мысли в слова, способные дойти до безмозглого варвара.

— Если бы мои руки были свободны,— заметил Конан,— я быстро бы превратил тебя в безмозглого покойника.

— Не сомневаюсь... если бы я был настолько глуп, чтобы дать тебе такую возможность,— сказал Ксальтотун, хлопнув в ладони.

Поведение его изменилось: в его голосе появилось нетерпение, в движениях нервозность, хотя Конану и показалось все это довольно странным.

— Запомни то, что я сказал тебе, варвар,— изрек Ксальтотун.— Времени у тебя будет достаточно. Я еще не решил, что с тобой сделать. Во всяком случае уясни себе: если уж я решил использовать тебя в своей игре, лучше согласиться, нежели навлечь на себя мой гнев.

Конан бросил ему в лицо проклятие, и в тот же миг раздвинулись шторы, и в комнату вбежали четыре огромных негра, одетые в шелковые туники с поясами, с которых свисали огромные ключи.

Ксальтотун нетерпеливым жестом показал на короля и отвернулся, словно бы утратив к этому делу всякий интерес. Пальцы его как-то странно дрожали. Из резной яшмовой шкатулки он достал горсть блестящего черного порошка и всыпал его в курильницу на треножнике возле своего подлокотника. Хрустальный шар, о котором он, казалось, забыл, упал на пол, лишенный невидимой опоры.

Потом чернокожие схватили Конана — потому что он, обвитый цепями, не мог двинуться,— и вынесли его из зала. Прежде чем за ними закрылись тиковые, обитые золотом двери, он оглянулся назад. Он увидел Ксальтотуна, сидящего в своем кресле со скрещенными руками и вьющуюся перед ним из курильницы тонкую струйку дыма. Мурашки побежали у него по коже. В далекой Стигии, древнем и зловещем царстве Юга он когда-то видел этот черный порошок — пыльцу черного лотоса, вызывающую подобный смерти сон и жуткие видения. И еще он знал, что только страшные маги Черного Круга, являющиеся средоточием зла, по собственной воле искали эти кровавые видения, чтобы оживить свое магическое могущество.

Для большей части народов мира Черный Круг был сказкой и суеверием, но Конан-то знал ужасную правду, знал и мрачных ее поклонников, которые в лабиринтах жутких стигийских подземелий и окутанных тьмой башнях проклятой Сабатеи проводили свои отвратительные обряды.

Он еще раз посмотрел на загадочные, обитые золотом двери и содрогнулся при мысли о том, что за ними происходило.

Он не знал, день сейчас или ночь. Дворец короля Тараска был царством мрака и тьмы. И повелителем этих мрака и тьмы был, по мнению Конана, именно Ксальтотун. Чернокожие несли короля долгим запутанным коридором и казались в полумраке четверкой вампиров, несущих труп. Потом они начали спускаться вниз по бесконечной винтовой лестнице, и факел в руке одного из них оживлял на стенах процессию бесформенных теней.

Наконец они спустились с лестницы и вошли в длинный прямой коридор. С одной его стороны время от времени уходили вверх из дугообразных проходов лестницы. С другой — через равномерные промежутки в несколько футов располагались обитые железом двери.

Задержавшись возле очередной двери, один из негров вытащил ключ, подвешенный к поясу, и повернул его в замке. Отодвинув решетку, вместе с пленником они вошли внутрь и оказались в маленькой темнице с каменными стенами. На противоположной стене виднелись следующие зарешеченные двери. Конан не знал, куда они ведут, во всяком случае — не в другой коридор. Мерцающий свет факела из-за решетки говорил об опасных пространствах и безднах, в которых исчезало эхо.

В одном из углов камеры, возле входной двери, из большого железного кольца свешивался сноп цепей, в которых болтался ске-

лет. Конан посмотрел на него внимательно и заметил, что большая часть костей разбита или расщеплена, а череп, отлетевший от позвоночника, размножен могучим ударом.

Другой негр — не тот, что отворил дверь,— вложил свой ключ в массивный замок, освободил цепь от кольца и отбросил в сторону кости и ржавое железо. Потом он укрепил в кольце кандалы Конана, а третий негр, повернув свой ключ в замке противоположной двери, удовлетворенно хмыкнул, убедившись, что они надежно закрыты.

Тогда они и стали поглядывать на Конана загадочно — узкоглазые черные гиганты, чья кожа поблескивала при свете факела.

Тот, который держал ключ от входных дверей, отозвался, наконец, гортанным голосом:

— Теперь это твой дворец, белый король-собака. Кроме нас и тебя здесь никого нет. Весь дворец спит. Мы будем хранить тайну. Ты будешь здесь, пока не сдохнешь. Так, как он!

И чернокожий брезгливо пнул разбитый череп, который покатился по каменным плитам.

Конан не унизился до ответа, а негр, осмелевший от его молчания, произнес проклятие и плюнул узнику в лицо. Но это был не самый удачный его поступок. Конан сидел на полу, опоясанный цепью, ноги и руки его были также прикованы к кольцу. Он не мог ни встать, ни отодвинуться от стены дальше, чем на два локтя. Зато цепь, соединявшая оба его запястья, была достаточно свободной, и, прежде чем круглая голова негра отдалилась на безопасное расстояние, Конан сгреб всю слабину цепи в кулак и ударил чернокожего в темя. Тот упал, словно бык на бойне, и остался лежать перед своими ошеломленными товарищами с разбитым черепом. Из носа и ушей его текла кровь.

Они даже не попытались покарать Конана или приблизиться к окровавленной цепи. Наконец, бормоча что-то на своем диком языке, они подхватили своего товарища и уволокли, словно сноп. Его ключом они закрыли дверь, причем таким образом, что ключ остался прикованным к поясу оглушенного негра. Потом взяли факелы и стали удаляться, а темнота ползла в камеру, как живое существо. И вот затихли их осторожные шаги, свет факелов погас, и в подземельях воцарились тьма и тишина.

5. УЖАС ПОДЗЕМЕЛИЙ

Конан лежал тихо, перенося тяжесть кандалов и отчаянность своего положения с тем спокойствием, к которому приучила его обстановка, в которой он вырос. Он не двигался, потому что звон цепей от перемены позиции мог нарушить тишину, а инстинкт, унаследованный от тысяч полудиких предков, говорил, что делать этого не следует ни в коем случае. Хотя по логике никакой опасности не было: Ксальтотун заверил, что ему ничто не угрожает,

и Конан был уверен, что это в интересах волшебника. Но инстинкт был сильнее, и Конан лежал, неподвижный и молчаливый, как будто вокруг ходили дикие звери.

Даже его орлиные глаза не могли преодолеть завесу тьмы. Но через минуту, точнее, через промежуток времени, которого он не смог бы определить, появился слабый свет — что-то вроде падающего наискосок серого луча,— который позволил ему увидеть рисунок решетки и даже очертания скелета, отброшенного к противоположной двери. Это удивило его, но вскоре он понял и причину. Он находился в подземелье, тем не менее почему-то вверху осталось отверстие, через которое в соответствующий момент должен был пробиться лунный свет. Ему пришло в голову, что благодаря этому он сможет считать дни и ночи. А может, и солнце когда-нибудь посветит, если не заслонят эту дыру. Должно быть, это своего рода пытка — позволять узнику время от времени видеть солнечный и лунный свет.

Его взгляд остановился на разбитых костях, поблескивающих в противоположном углу. Он не утруждал себя напрасными рассуждениями насчет того, кем был этот несчастный и что привело его к гибели — его заинтересовало состояние скелета. И тут он обнаружил такое, что ему вовсе не понравилось. Кости голени были расщеплены вдоль, и это означало только одно: так сделали, чтобы добыть костный мозг. А какая тварь, кроме человека, способна на это? Может быть, эти останки — молчаливое доказательство людоедской трапезы какого-нибудь бедняги, доведенного голодом до безумия. Конан думал, что и его кости, гремящие в ржавых цепях, найдут когда-нибудь в таком же состоянии. Он подавлял в себе отчаяние волка, попавшего в капкан.

Киммериец не плакал, не рыдал, не кричал и не предавался проклятиям, как любой цивилизованный человек на его месте. Но чувство голода и боль в желудке от этого не ослабевали. Могучие мышцы стонали от переполнявшей их силы. Где-то далеко на Западе немедийская армия огнем и мечом пробивала дорогу к сердцу его королевства. Ей не могут противостоять даже силы Пойнтайнии. Просперо может, конечно, удерживать Тарантию в течение нескольких недель или даже месяцев, но и ему в конце концов, лишенному подкрепления, придется уступить силе. Однако бароны наверняка должны поддержать его в борьбе против захватчиков. А тем временем он, Конан, будет беспомощно лежать в темнице, когда другие поведут в бой его войска и будут сражаться за его державу. В приступе гнева он оскалил свои крепкие зубы.

Услышав за противоположной дверью подкрадывающиеся шаги, он замер. Потом напряг зрение и увидел за решеткой склонившуюся фигуру. Металл звякнул о металл, и Конан услышал стук замка, в котором повернулся ключ. Фигура отступила неслышно из поля его зрения, но щелканье замка повторилось тише в отдалении, послышался звук открываемой двери, а после — звук тихих шагов в мягкой обуви. И снова тишина.

Конан вслушивался целую минуту или, может быть, дольше, но не уловил ни единого звука. Наконец он переменил позу, гремя при этом цепями. И тогда вновь услышал легкие шаги — за дверью, через которую его внесли в темницу. Потом в сером мраке обозначился тонкий силуэт.

— Король Конан! — раздался тонкий тревожный голос.— Мой господин, ты здесь?

— А куда же я денусь? — спросил он и повернул голову в сторону пришельца.

Ухватившись тонкими пальцами за решетку, за дверью стояла девушка. Слабый луч обозначил бедра, охваченные шелковым платком, засверкал на драгоценных камнях ожерелья. Глаза сияли во мраке ночи, а белые руки казались алебастровыми. Волосы, не утратившие своего блеска даже во мраке, походили на черную морскую волну.

— Ключи от кандалов и тех дверей,— прошептала девушка, и ее тонкая рука просунула сквозь решетку три предмета, ударившиеся о каменный пол возле Конана.

— Что за игру ты ведешь? — спросил он.— Ты говоришь по-немедийски, а в Немедии у меня нет друзей. Что за новое чертово варево затевает твой хозяин? Он послал тебя поиздеваться надо мной?

— Я не издеваюсь! — девушка дрожала так сильно, что ее браслеты и ожерелья брякали о решетку, которую она продолжала обнимать.— Клянусь Митрой! Я украла эти ключи у черной стражи подземелья. Каждый из них носит ключ, открывающий только один замок. Я их напоила. Того, которому ты разбил голову, отнесли к цирюльнику, и его ключа я не могла достать. Но остальные похитила. Прошу тебя, не медли! В этой тьме таятся пасти, которые не лучше адских ворот!

Конан с сильным сомнением попробовал подобрать ключи, в любую минуту ожидая услышать злорадный смех. Он оживился, когда один из ключей открыл не только замок, соединяющий цепи с кольцом, но и кандалы на руках и ногах. Он быстро двинулся вперед и ухватился за прут решетки и руку, которая его сжимала. Пойманная девушка решительно подняла голову и встретила его суровый взгляд.

— Кто ты? — спросил он холодно.

— Меня зовут Зенобия,— произнесла она с некоторым усилием, преодолевая страх.— Я девушка из королевского гарема.

— Если это не какая-нибудь дьявольская ловушка,— прорычал Конан,— то я не пойму, зачем ты принесла ключи.

Она опустила свою темную головку, а потом снова подняла ее, глядя ему прямо в глаза. На длинных ресницах, словно жемчужины, заблестели слезы.

— Я принадлежу к гарему короля,— сказала она с унижением паче гордости.— Но король никогда не смотрел на меня и никогда не посмотрит. Я хуже собаки, которая гложет кости в обеденной

зале... А ведь я человек из плоти и крови, а не разрисованная кукла. Я могу дышать, ненавидеть, бояться и радоваться, и любить. Вот я и полюбила тебя, король Конан, когда много лет назад ты приехал во главе своих рыцарей к королю Нимеду. Мое сердце рвалось из груди, чтобы упасть в уличную пыль под копыта твоего коня.

Говоря это, она покраснела, но глаза ее глядели смело. Конан ответил не сразу — все же он был дикарь, но ведь только самый грубый и жестокий из мужчин не смутится, глядя в глаза девушке.

Она наклонила голову и прильнула губами к пальцам, которые сжимали ее ладонь, но сразу выпрямилась, вспомнив, где она находится. Страх появился в ее глазах.

— Торопись! — сказала она.— Уже за полночь. Ты должен уходить.

— С тебя не сдерут шкуру за то, что ты украла ключи?

— Они об этом никогда не узнают. Если негры вспомнят утром, кто их угощал вином, они не посмеют признаться, что у них украли ключи. А тот ключ, который я не смогла достать, открывает эту дверь. Твоя дорога к свободе лежит через подземелья. Я не хочу даже думать, какие опасности поджидают тебя за этими дверями, но куда хуже будет, если ты останешься в камере. Вернулся король Тараск...

— Что? Тараск?

— Да! Он вернулся тайно, а недавно спустился в подземелья и вернулся такой бледный и потрясенный, как человек, который все поставил на карту. Я слышала, как он шептал своему оруженосцу Аридею, что ты должен умереть, несмотря на запрет Ксальтотуна.

— А что Ксальтотун?

— Даже не говори о нем,— шепнула она, задрожав.— Демоны часто приходят на звук своего имени. Рабы говорят, что он лежит в своей закрытой комнате и наблюдает видения черного лотоса. Я думаю, даже Тараск его боится, иначе он бы сразу тебя убил, не таясь. Но сегодня ночью он спускался в подземелья, и один Митра знает, что он сделал!

— Вот и я думаю — не Тараск ли возился недавно с замком моей камеры,— сказал Конан.

— Вот кинжал! — шепнула девушка и просунула что-то между прутьями. Пальцы короля жадно сомкнулись на привычном предмете.— Быстро выйди через те двери, поверни влево и ступай вдоль камер, пока не дойдешь до каменной лестницы. Не ходи в сторону, если хочешь жить! Поднимись по лестнице и отвори двери наверху — там мы встретимся, если будет на то воля Митры.

И убежала, легко стуча мягкими башмачками.

Конан пожал плечами и обернулся к противоположной решетке. Это могла быть какая-нибудь коварная ловушка Тараска, но бросаться очертя голову навстречу неизвестной опасности было

Конану привычней, чем безнадежно дожидаться смерти. Он осмотрел оружие, которое передала ему девушка, и грустно улыбнулся. Кто бы она ни была, в жизни она толк понимает. Это был не узенький стилетик, не острие с рукояткой, украшенной драгоценными камнями,— такое больше подходит для утонченного убийства в дамском будуаре. Нет, это был добрый нож, настоящее боевое оружие с широким лезвием и длиной дюймов в пятнадцать, заканчивающееся тонким, как игла, острием.

Он крякнул от удовольствия. Тяжесть оружия улучшила его настроение и придала уверенности. Какие бы сети вокруг него не сплетали, какие бы предательства и ловушки не готовили — оружие было настоящим. Мощные мускулы его правой руки напряглись, готовясь нанести смертельный удар.

Он начал открывать замок дальней двери и толкнул ее. Она не была закрыта на засов, хотя он хорошо помнил, что негр ее закрывал. Да, эта таинственная фигура не была тюремщиком, проверяющим крепость замков — наоборот, она открыла засов. И в этом было что-то зловещее. Но Конан не раздумывал — открыл решетку и вышел из камеры в густую тьму.

Как он и полагал, это не был следующий коридор. Каменный пол уходил вдаль, а справа и слева были камеры, никаких свободных проходов. Свет луны пробивался только сквозь решетки темниц и пропадал во тьме. Человек, не обладающий зрением Конана, мог и не заметить бледно-серых пятен перед решеткой каждой из камер. Повернув влево, он быстро пошел по коридору вдоль темниц, и его босые ноги не поднимали ни малейшего шума. Проходя мимо камер, он быстро осматривал каждую. Все они были заперты, но пусты. В некоторых блестели обнаженные кости. Эти подземелья остались пережитком тех мрачных времен, когда Бельверус из крепости еще не превратился в город. Но было заметно, что и в нынешние времена камеры использовались чаще, чем думали люди.

Наконец он увидел перед собой неясные очертания лестницы, круто поднимавшейся вверх — ее он и должен был найти... но вдруг он обернулся и укрылся в глубокой тени лестницы.

Сзади кто-то шел — огромный, согнувшийся и ступавший не по-человечески. Конан всматривался в длинный ряд камер и лежащие перед ними четырехугольники света. И увидел, что эти световые пятна пересекает что-то неопределенное, но наверняка большое и тяжелое и вместе с тем более ловкое, чем человек. Оно то появлялось на фоне пятен, то исчезало в тени между камер, и было что-то жуткое в этой безмолвной прогулке.

Конан слышал грохот решеток — оно касалось их всех по очереди. Потом дошло до камеры, которую он только что покинул; двери отворились. Прежде чем о н о исчезло, король успел заметить на фоне двери огромный бесформенный силуэт. Лоб и руки короля покрылись холодным потом. Он уже знал, зачем Тараск подкрадывался к его камере и почему так быстро убежал: он от-

крыл замок, а потом где-то в этих проклятых пещерах выпустил из ямы или клетки эту жуткую тварь.

Она покинула камеру и продолжила свой путь, низко держа морду над землей. Она уже не обращала внимания на решетки, потому что взяла след. Теперь Конан ясно видел человекоподобную фигуру, с размерами которой, однако, не сравнился бы никто из людей. Низко согнувшись, она бежала на задних лапах, серая и косматая, ее густой мех отливал серебром. Морда была жутким подобием человеческого лица, длинные лапы свисали почти до земли.

Конан узнал ее и понял, почему человеческие кости в камерах были расщеплены. Он понял также, кто этот ужас подземелий. Это была серая обезьяна, страшный лесной людоед, который бродит по горному южному побережью моря Вилайет. Полулегендарные и вместе с тем реальные, эти обезьяны были троллями гиборийских сказок, настоящими вурдалаками, убийцами и каннибалами темных лесов.

Конан знал, что она почуяла его присутствие, потому что стала двигаться быстрее, поднимая свое тяжелое тело на кривых могучих ногах. Он посмотрел на лестницу и понял, что тварь нападет на него раньше, чем он добежит до двери. Предстояла схватка.

Он встал на ближайшее пятно света, чтобы взять в союзники хоть частичку лунного сияния — в темноте тварь видела гораздо лучше, чем он. А тварь появилась сразу же — во мраке блеснули большие желтые зубы, но не было ни единого звука — порождения тьмы и тишины, серые обезьяны Вилайета были немыми. Но на ее расплывшейся морде было выражение отвратительного торжества.

Конан стоял наготове, хладнокровно ожидая приближающееся чудовище. Он знал, что его жизнь зависит от одного-единственного удара ножом, потому что для следующего не хватит времени, его не хватит даже для того, чтобы отскочить после удара. Первый удар должен ее убить и убить сразу. Он оглядел ее короткую толстую шею, мохнатый живот и мощную грудь, как бы составленную из двух щитов. Нужно целиться в сердце — лучше рискнуть тем, что лезвие скользнет по ребрам, чем попасть в место менее надежное. Полностью владея собой, Конан соразмерил свою силу, реакцию глаза и руки со скоростью и силой мохнатого людоеда. Он должен столкнуться грудь в грудь, нанести смертельный удар и ждать, выдержат ли его кости миг неизбежного объятья.

И когда обезьяна напала на него, широко раскинув лапы, он проскользнул между ними и ударил со всей силой отчаяния. Он почувствовал, что лезвие вошло по рукоять в косматую грудь; он отпустил рукоятку, собрал все тело в сплошной узел мускулов и ударил коленом в низ живота твари, а потом попробовал силой сдержать смертельное объятие.

Какое-то время он чувствовал, что сила, подобная землетрясению, разрывает его на куски — и вдруг освободился. Он лежал на теле чудовища, которое с вытаращенными кровавыми глазами и дрожащей в груди рукоятью кинжала испускало последний вздох. Удар достиг цели.

Дрожа всем телом, Конан дышал, как после долгой схватки. Ему казалось, что кости его вырваны из суставов, он чувствовал страшную боль в мышцах, а из ран, которые оставили когти чудовища, текла кровь. Если бы обезьяна прожила на одну минуту дольше, она наверняка разорвала бы его. Но киммериец выдержал испытание, которое очень многим стоило бы жизни.

6. УДАР НОЖА

Конан нагнулся и вырвал лезвие из груди чудовища. Потом стал быстро подниматься по лестнице. Он даже не пытался представить, какие еще опасности может таить темнота — с него достаточно было и этой. Смертельная схватка исчерпала даже его силы. Бледнели пятна лунного света на полу, тьма сгущалась, и что-то, подобное паническому страху, подгоняло его. Он облегченно вздохнул, когда достиг вершины и сумел повернуть ключ в замке. Дверь легко открылась, и он выглянул из-за нее, ожидая нападения со стороны врага в человеческом либо ином обличье.

Перед ним был мрачный, плохо освещенный коридор и стоящая перед дверями тонкая гибкая фигура.

— Ваше величество! — это был низкий, дрожащий вскрик, то ли облегчения, то ли испуга. Девушка бросилась к нему и остановилась.

— Кровь! — сказала она. — Ты ранен.

Он беспечно махнул рукой.

— Эти царапины не повердили бы и ребенку. Однако ножик твой мне пригодился. Если бы не он, Тараскова макака расщепляла бы сейчас мои кости в поисках мозга. Что дальше?

— Иди за мной, — прошептала она. — Я провожу тебя за городскую стену — там спрятан конь.

Она повернулась, чтобы повести его вглубь коридора, но он положил свою тяжелую руку на ее обнаженное плечо.

— Иди рядом, — сказал он тихо, обнимая ее могучей рукой. — Думаю, что доверять тебе можно — до сих пор ты вела честную игру, но, по правде сказать, я и дожил-то до нынешнего дня только потому, что не слишком доверял ни мужчинам, ни женщинам. И если ты меня сейчас предашь, то порадоваться своей шутке тебе уже не придется.

Она не вздрогнула ни при виде окровавленного кинжала, ни от его мускулистого прикосновения.

— Если я тебя обману, убей меня без всякой жалости, — ответила она. — Я чувствую твою руку на моем плече, словно сбылся волшебный сон.

Сводчатый коридор закончился дверью, она открыла ее. За дверью лежал черный гигант в тюрбане и шелковой набедренной повязке, а рядом валялся его ятаган. Он даже не двинулся.

— Я дала им наркотик в вине,— прошептала она, обходя лежащую фигуру.— Это — последний страж подземелья, и пост у него самый дальний. Отсюда никто до сих пор не убегал и никто не приходил, стражу здесь несут только эти чернокожие. И только они из всех дворцовых слуг знают, что Ксальтотун привез на своей колеснице как пленника короля Конана. Другие девушки спали, а я не знала сна и смотрела из верхних окон на двор, потому что знала, что произошло сражение, и боялась за тебя...

Я видела, как тебя несли по лестнице, и узнала тебя при свете факела. В эту часть дворца я пробралась как раз вовремя и успела увидеть, что тебя несут в подземелье. А весь день ты пролежал в зале Ксальтотуна, оглушенный наркотиком.

О, нужно быть начеку! Странные дела творятся во дворце! Рабы болтают, что Ксальтотун, как обычно, усыпил себя стигийским лотосом, но вернулся Тараск. Он тайно прибыл, завернувшись в длинный дорожный плащ в сопровождении лишь своего оруженосца, тощего молчальника Аридея. Я ничего не понимала, но чувствовала страх...

Они дошли до подножия узкой винтовой лестницы и, поднявшись наверх, прошли через щель, открывшуюся в стенной нише. Когда они оказались на другой стороне, щель снова закрылась, и стена казалась сплошной. Теперь они попали в широкий коридор, устланный коврами и увешанный гобеленами. Ярко горели лампы под потолком.

Конан внимательно прислушивался, но во всем дворце не слышно было ни единого звука. Он не знал, в какой части дворца они находятся и где расположен зал Ксальтотуна. Девушка, проводя его коридором, дрожала. Наконец они остановились перед пологом, закрытым бархатными шторами. Раздвинув их, Зенобия показала, чтобы он вошел в нишу и прошептала:

— Подожди здесь! За теми дверями в конце коридора в любую минуту можно наткнуться на раба или евнуха. Сначала я проверю, свободна ли дорога.

Снова в нем проснулась подозрительность:

— Ты привела меня в ловушку?

Из ее темных глаз брызнули слезы. Она упала на колени и схватила его могучую ладонь.

— О, мой король, не отказывай мне в доверии! — голос ее дрожал.— Если ты сейчас заколеблешься или усомнишься, мы погибли! Зачем бы мне было выводить тебя из подземелья, чтобы предать сейчас?

— Ладно,— буркнул он.— Я доверюсь тебе, хотя, клянусь Кромом, жизненные привычки менять нелегко. Во всяком случае я не причиню тебе вреда, если даже ты наведешь на меня всех головорезов Немедии. Потому что, если бы не ты, Тараскова обе-

зьяна напала бы на меня, безоружного и скованного. Делай, что хочешь, девочка.

Она поцеловала его руку, вскочила и побежала по коридору, чтобы исчезнуть за тяжелой двустворчатой дверью.

Он глядел ей вслед и думал о том, что, возможно, свалял дурака, доверившись, потом пожал могучими плечами и задернул шторы в своем укрытии. В том, что молодая прекрасная девушка рискует жизнью, чтобы помочь ему не было ничего удивительного — такое бывало в его жизни довольно часто. Многие женщины бросали на него призывные взгляды — и в дни его странствий, и в дни правления.

Ожидая ее возвращения, Конан не бездействовал. Повинуясь инстинкту, он обследовал нишу в поисках другого выхода и нашел его — замаскированный ковром узкий проход, ведущий к дверям, покрытым искусной резьбой, слабо видимым в свете, чуть просачивающемся из основного коридора. Именно из-за этих дверей послышался вначале звук повернувшегося ключа, потом низкий гул голосов. Один голос звучал знакомо, и по смуглому лицу Конана пробежала гримаса отвращения. Не колеблясь, он покинул укрытие и подобно пантере, идущей по следу, притаился у самой двери. Она не была закрыта на засов, и он осторожно и аккуратно сумел открыть ее. Он действовал, не думая о возможных последствиях и надеясь только на себя.

С другой стороны дверь прикрывала штора, но сквозь крохотное отверстие в бархате он разглядел комнату при свете свечи, стоящей на столе черного дерева. В комнате было двое мужчин: один — покрытый шрамами разбойник в кожаных штанах и потрепанном плаще, другой — Тараск, король Немедии.

Тараск казался встревоженным — бледный, он то и дело озирался, словно бы ожидая какого-то звука или шума шагов и вместе с тем боясь их услышать.

— Ступай тотчас же,— говорил он.— Он ... сейчас он в наркотическом сне и неизвестно, когда пробудится.

— Удивительное дело — услышать страх в словах короля Тараска,— отвечал его собеседник хриплым голосом.

Король нахмурился.

— Ты хорошо знаешь, что смертных я не страшусь. Но после того, как я увидел над Валькией падающие скалы, я понял, что демон, которого мы воскресили, вовсе не шарлатан. Я боюсь его силы, ибо не знаю ее пределов. Но ясно, что она каким-то образом связана с той проклятой штукой, которую я у него взял. Она вернула его к жизни, она и является источником его волшебного могущества.

Он хорошо ее спрятал, но раб, следивший за ним по моему тайному приказу, видел, что он кладет ее в золотой ящик и ящик этот прячет. Но я не решился бы украсть эту вещь, если бы Ксальтотун не спал сном черного лотоса.

Я верю, что именно в ней сила Ксальтотуна. С ее помощью

Ораст вернул ему жизнь. С ее помощью, если мы не примем мер, он обратит всех нас в рабов. Поэтому возьми ее и брось в море, как я велел. И сделай это в достаточном отдалении от берега, чтобы шторм или прилив не вынесли ее обратно. Тебе уже заплатили.

— Это правда,— сказал грабитель.— Но, король, это не все: я в долгу перед тобой. Даже воры умеют быть благодарными...

— Да, кое-что ты мне действительно должен,— ответил Тараск,— но все долги будут оплачены, когда ты бросишь этот предмет в пучину.

— Я поеду в Зингар, чтобы сесть на корабль до Кордавы,— сказал проходимец.— Я ведь не смею даже ступить на землю Аргоса — уж больно сурово смотрят там на убийство.

— Так или иначе, делай свое дело. В путь; лошадь ждет на дворе. Пошел, живей!

Что-то перешло из рук в руки, сверкнув при этом, как пламя,— Конан едва успел его увидеть. Потом грабитель надвинул капюшон на глаза, закутался в плащ и поспешно покинул комнату. И едва закрылась за ним дверь, Конан бросился вперед, охваченный жаждой крови. Сдержать себя он не сумел. При виде врага на расстоянии протянутой руки кровь закипела в его жилах, всякие сомнения, всякая осторожность были отброшены.

Тараск повернулся уже к выходу, когда Конан, оборвав штору, ворвался в комнату, как разъяренная пантера. Тараск обернулся, и, прежде чем он смог узнать напавшего, кинжал Конана вонзился в него.

Но уже в момент удара Конан знал, что рана не смертельна. Ступня его запуталась в шторе и помешала сделать полный шаг. Острие кинжала вонзилось в плечо Тараска и прошло по ребрам. Король Немедии закричал.

Сила удара и тяжесть тела киммерийца швырнули его на стол, стол перевернулся, и свеча погасла. Оба рухнули на пол, путаясь в складках материи. Конан наносил удары вслепую, а Тараск визжал от нестерпимого ужаса, но страх придал ему нечеловеческую силу, он сумел вырваться и побежать во тьму с криком:

— На помощь! Стража, Аридей! Ораст! Ораст!

Конан поднялся, пинком отбросил обломки стола и с великой досадой выругался. Внутреннего расположения дворца он не знал. Вдали все еще слышались вопли Тараска, ответом на них был дикий, безумный рев. Немедиец скрылся во тьме, и Конан даже не знал, в какую сторону. Итак, удар мести был неверным, и теперь оставалось только спасать собственную шкуру, если это еще было возможно.

Отчаянно ругаясь, Конан миновал проход и поглядел из ниши в освещенный коридор. Именно в этот момент появилась испуганная Зенобия.

— Что случилось?— крикнула она.— Весь дворец всполошился! Клянусь, я не предавала тебя...

— Нет, это я сам разворошил осиное гнездо,— буркнул он.— Хотел свести кое-какие счеты. Как отсюда побыстрее убраться?

Она схватила его за руку и потащила по коридору. Однако, прежде чем они успели добежать до противоположных дверей, оттуда послышались приглушенные крики, и косяки задрожали от ударов изнутри. Зенобия заломила руки и воскликнула:

— Мы отрезаны! Возвращаясь, я закрыла двери на засов. Сейчас они их выломают, а как раз этот путь ведет к боковым воротам.

Конан обернулся. С противоположной стороны коридора также доносился шум погони.

— Туда! Быстро! — крикнула девушка, пробежала по коридору и открыла дверь одной из комнат.

Конан вбежал за ней и закрыл золоченый засов. Они оказались в богато убранной палате. Зенобия подтащила его к окну с позолоченными решетками, за которыми виднелись деревья и кусты.

— Ты сильный,— сказала она, задыхаясь,— если ты сумеешь справиться с этой решеткой, то еще сможешь бежать. В саду полно стражников, но ты сумеешь пройти незаметно — заросли густые. Южная стена одновремено является и внешней городской стеной. Если ты преодолеешь ее, у тебя будет возможность бежать. Твоя лошадь ждет тебя в небольшом леске возле дороги, ведущей на запад, в нескольких сотнях шагов от фонтана Траллоса. Знаешь, где это?

— Знаю. Но что будет с тобой? Я бы взял тебя с собой.

Лицо ее засияло счастьем.

— Чаша моей радости переполнена! Но я не задержу твоего бегства. Нет, не бойся за меня. Никто и не подумает, что я помогала тебе по своей воле. Иди же! А твои слова будут освещать мою жизнь долгие годы.

Он схватил ее в свои железные объятья, крепко прижал к себе тоненькое тело и начал целовать в глаза, в щеки, в шею и в губы так жадно, что девушка почти потеряла сознание — такими бурными, как ураган, были его ласки.

— Я пойду,— прорычал он.— Но, клянусь Кромом, когда-нибудь вернусь за тобой!

Он обернулся, обхватил золотую раму и одним движением вырвал ее, перебросил ноги наружу и, нащупав каменные выступы стены, начал быстро спускаться. Коснувшись земли, он сразу же рванулся, чтобы раствориться в тени кустов и деревьев. Оглянувшись, он увидел в окне Зенобию, поднявшую руку в немом жесте прощания.

Стражники — рослые мужи в блестящих доспехах и начищенных шлемах с гребнями — бежали к дворцу, навстречу нараставшему гулу. Отблеск звезд на амуниции выдавал каждый их шаг, не говоря уже о лязганьи металла. Выросшему в глуши Конану этот шумный галоп через заросли напомнил переполох в коровьем стаде. Некоторые из них пробежали всего в нескольких шагах

от его укрытия. Устремившись в сторону дворца, они ничего не замечали. Когда шум миновал, он поднялся и побежал через сад тихо, как пантера.

Так он вскоре достиг стены и поднялся по лестнице на парапет. Южная стена была неприступной только снаружи. Никаких патрулей не было видно. Конан еще раз оглянулся на возвышающийся над кипарисами дворец. Все окна были освещены, тут и там бегали люди, словно марионетки на невидимых веревочках. Конан сделал зверское лицо и погрозил на прощание огромным кулаком, а потом спрыгнул вниз.

Несколькими футами ниже всю тяжесть тела Конана приняла на себя ветвь невысокого дерева, растущего под стеной. Через минуту киммериец двинулся сквозь тьму свободным шагом горца, привыкшего быстро преодолевать любые расстояния.

Стены Бельверуса были окружены садами и летними резиденциями знати. Сонные рабы, опирающиеся на длинные копья, не заметили быструю согбенную фигуру, перепрыгивающую через ограды, пересекающую аллеи, сады и виноградники. Только цепные собаки отозвались громким лаем, то ли почуяв, то ли просто угадав инстинктом мрачный силуэт, скрывшийся вдали.

В своей комнате Тараск извивался и сыпал проклятия на окровавленном диване под ловкими, быстрыми пальцами Ораста. По дворцу сновали туда-сюда слуги с вытаращенными от страха глазами, но в зале, где лежал король, не было никого, кроме него самого и жреца-отступника.

— Ты уверен, что он все еще спит? — снова и снова спрашивал Тараск, стискивая зубы от боли, причиняемой снадобьями, которыми Ораст смазывал длинную рваную рану на его плече и ребрах. — Иштар, Митра и Сет! Жжет, как кипящая смола преисподней!

— Куда ты, несомненно, попал бы, если бы не везение, — заметил Ораст. — Тот, кто держал этот нож, бил насмерть. Да, я уже сказал тебе, что Ксальтотун продолжает спать. Почему это тебя так волнует? При чем здесь это?

— Так ты ничего не знаешь о том, что случилось во дворце нынешней ночью? — Тараск устремил на жреца горящий взгляд.

— Ничего. Как ты знаешь, я несколько месяцев переписывал для Ксальтотуна эзотерические рукописи — переводил с современных языков на письмо, которое он в состоянии понять. В своей эпохе он владел многими из них, а учиться новым ему некогда — вот он и поручил мне эту работу, чтобы убедиться, не сделали ли за эти три тысячи лет каких-нибудь новых открытий. Я даже не знал, что маг прибыл, пока он не послал за мной, чтобы поведать о сражении. Потом я вернулся к своим занятиям и не знал, что и ты вернулся, и тут начался весь этот шум.

— И ты не знаешь даже, что Ксальтотун привез во дворец в качестве пленника короля Аквилонии?

Ораст покачал головой без особого удивления.

— Ксальтотун сказал мне только, что Конан больше не будет нам мешать. Я решил, что он погиб, и не стал задавать никаких вопросов.

— Я хотел убить его, а Ксальтотун спас! — заревел Тараск.— Я сразу понял, что он задумал. Он собирался держать Конана в качестве пугала для нас — Амальрика, Валерия и меня. Пока жив Конан, он опасен как сила, могущая объединить Аквилонию. Его можно использовать, чтобы убрать нас с дороги. Не доверяю я этому воскресшему пифонцу. В последнее время я его просто боюсь.

Я пустился в путь через несколько часов после его отъезда на восток — хотел посмотреть, что он собирается сделать с Конаном. Убедился, что его посадили в подземелье. Желая, чтобы варвар, вопреки воле Ксальтотуна, погиб, я кое-что...

Раздался осторожный стук в дверь.

— Это Аридей,— сказал Тараск.— Впусти его.

Глаза мрачного оруженосца горели тревогой.

— Что, Аридей,— крикнул Тараск,— нашли человека, который напал на меня?

— Разве ты не видел его, господин? — спросил Аридей, как о чем-то общеизвестном.— Разве ты не узнал его?

— Нет. Все произошло так быстро, да и свеча погасла... Я только успел подумать, что Ксальтотун прислал этого демона мне на погибель.

— Пифонец спит у себя за решетками и засовами. Но я был в подземелье,— худые плечи Аридея дрожали от волнения.

— Ну! Говори, парень! — нетерпеливо вскричал Тараск.— Что ты там нашел?

— Пустую темницу,— прошептал слуга,— и дохлую обезьяну.

— Что? — Тараск резко поднялся, из его раны хлынула кровь.

— Точно так! Людоед валяется с пробитым сердцем, а Конан сбежал!

Лицо Тараска стало серым, он безвольно дал Орасту уложить себя на прежнее место, и жрец снова занялся израненным телом короля.

— Конан... — повторил он.— Конан, а не истерзанный труп... Бежал! О, Митра! Да это не человек, а дьявол в людском обличье! А я думал, что за этим стоит Ксальтотун. Теперь я все понял. Боги и демоны! Меня поразил Конан! Эй, Аридей!

— Слушаюсь, ваше величество!

— Обыскать каждый уголок дворца. Может быть, он и сейчас крадется по коридорам, словно голодный тигр. Пусть ни одна мелочь не ускользнет от вашего внимания. И будьте осторожны: вы охотитесь не на цивилизованного человека, но на озверевшего и кровожадного варвара, сильного и опасного, как дикий зверь. Прочешите дворец и все вокруг него. Вдоль стен поставить стражу. Если убедишься, что он покинул город, а он уже несколько раз

мог бы это сделать, возьми конный отряд и догони его. Там, за стенами, вы погоните его, как горного волка. Спеши, может быть, его еще можно поймать.

— Эта задача требует большего, чем людское умение,— заметил Ораст.— Может быть, нам снова следует обратиться за помощью к Ксальтотуну?

— Нет!— в ужасе закричал Тараск.— Пусть воины преследуют Конана, а когда настигнут,— зарубят. Ксальтотун не сможет упрекнуть нас за то, что пленник убит при попытке к бегству.

— Что ж,— сказал Ораст.— Хоть я и не из Ахерона, но кое-каким магическим искусством владею — могу, например управлять некоторыми духами, воплотившимися в телесную оболочку. Может быть, я смогу вам помочь.

Фонтан Траллоса бил среди ветвистых дубов, росших вдоль дороги примерно в миле от городских стен. В ночной тишине Конан услыхал мелодичный звон его струй. Он вволю напился ледяной воды и направился на юг, заметив густую рощицу. Обошел ее и увидел большого белого жеребца, привязанного в зарослях. Конан глубоко вздохнул и сделал еще два шага, но издевательский смех за спиной заставил его обернуться. Взгляд его был страшен.

Из тени вышла фигура в латах, матово блестевших. Это был не один из разодетых, украшенных перьями дворцовых стражников, а высокий человек в боевом шлеме и серой кольчуге — странствующий воин из особой касты немедийских солдат. Входили в нее люди, не достигшие еще рыцарских привилегий либо изгнанные из этого сословия — закаленные рубаки, посвятившие жизнь войне и приключениям. Время от времени они собирались в отряды и не подчинялись никому, кроме короля. Конан знал, что более опасного противника ему вряд ли удалось бы встретить.

Поглядев по сторонам, король убедился, что солдат один, набрал воздуха в легкие, встал поудобнее и напряг мышцы.

— Я ехал в Бельверус с поручением от Амальрика,— говорил воин, осторожно приближаясь. Звезды отражались на лезвии его приготовленного к бою обоюдоострого меча.— И услышал, что в роще храпит конь. Сошел с дороги — проверить, в чем дело. К чему бы здесь этот конь, подумал я, решил разобраться — и вот какая редкая птица попала в мой силок!

Люди, подобные ему, зарабатывали на жизнь мечом.

— Я знаю тебя,— сказал немедиец.— Ты — Конан, король Аквилонии. Вроде бы я видел, как ты погиб в долине Валькии, а вот поди ж ты...

Конан прыгнул, как смертельно раненый тигр. Его противник, человек, несомненно, опытный, все же не мог тягаться с варваром в быстроте движений. Он успел только занести меч, когда кинжал короля вонзился ему в шею возле ключицы и дошел до сердца. Немедиец захрипел, зашатался и рухнул на землю. Канон равнодушно извлек свое оружие. Почуяв запах крови, жеребец стал храпеть и рваться с привязи.

Угрюмо глядя на поверженного противника, Конан застыл, как статуя, с кинжалом в руке. Пот выступил на его груди. Он внимательно вслушивался в тишину, но, кроме свиста разбуженных птиц, никаких звуков поблизости не было слышно. Зато в стороне дворца оглушающе зазвенели трубы.

Конан наклонился над убитым и быстро обыскал его. Если тот и вез какой-нибудь приказ, то, наверное, словесный. Король не медлил. До утра было не так уж далеко. Через несколько минут по белой дороге в западную сторону проскакал белый конь, а всадник его был облачен в серые доспехи немедийского странствующего воина.

7. ЗАВЕСА ПРИПОДНЯЛАСЬ

Конан понимал, что спасение его — в скорости. Он даже не пытался найти где-нибудь поблизости укрытие, понимая, что необыкновенный союзник Тараска сумел бы его найти. Но не был он и из тех, что таятся и скрываются — открытая погоня или прямая схватка больше соответствовали его характеру. Он знал, что пока у него есть фора во времени. Он устроит им неплохую скачку до границы.

Зенобия поступила разумно, выбрав именно этого коня. Он сразу показал и скорость, и выносливость. Девушка знала толк в лошадях, в оружии и, не без гордости отметил Конан, в мужчинах. Конь мчался на запад, оставляя позади милю за милей.

Король ехал через спящую страну, мимо укрытых в рощах деревушек, посреди полей и садов, домиков с беленными стенами, но по мере продвижения на запад они встречались все реже. Чем более гористой становилась местность, тем меньше было деревень, а угрюмо глядевшие с возвышений замки говорили о столетиях пограничных войн. Однако из этих крепостей никто не выезжал, чтобы задержать его или окликнуть. Хозяева их ушли под знаменами Амальрика, их геральдические флажки трепетали теперь над равнинами Аквилонии.

Оставив за собой очередную спящую деревушку, Конан свернул с дороги, которая пошла на северо-запад, к далеким перевалам. Ехать по ней дальше означало нарваться на пограничную стражу, да и солдатни там полно. Правда, сейчас границу не патрулируют, как в мирное время, но и стража осталась, и военные эскорты везут раненых на повозках, запряженных буйволами.

Эта дорога, выходящая из Бельверуса, была единственной, пересекавшей границу на пятьдесят миль к северу и югу. Она шла через цепь скалистых перевалов, окруженных малолюдными горными районами. Конан держал направление строго на запад, собираясь пересечь границу как раз в таком глухом горном районе к югу от дороги. Ехать напрямик было тяжелее, зато путь был короче и безопасней для преследуемого беглеца, потому что один

всадник может пройти там, где окажется бессильной большая армия.

Но к рассвету он еще не успел достигнуть гор; они появились, как растянувшийся вдоль горизонта серо-голубой защитный вал. Здесь не было ни изгородей, ни деревень, ни особняков, окруженных садами. Утренний ветер колыхал высокую жесткую траву, на отдаленном пригорке угрюмо возвышались стены укрепления. Земля эта в недавние времена слишком часто подвергалась набегам из Аквилонии, чтобы быть так же густо населенной, как области, лежащие к востоку.

Рассвет летел по травам, словно степной пожар, а в небе раздавался испуганный крик диких гусей, которые растянулись клином, устремленным на юг. В долине, где трава была наиболее сочной и густой, Конан остановился и расседлал запаленного и вспотевшего коня.

Покуда измученный жеребец жевал траву, Конан улегся на вершине холма и стал глядеть на восток. Слева лежала оставленная им дорога, она казалась отсюда белой лентой, и по ней пока не двигались тревожные черные точки. Похоже, что и обитатели укрепления не заметили одинокого всадника.

Часом позже все было по прежнему спокойно. Единственными признаками жизни были блеск оружия на далекой крепостной стене да ворон в небе, который то опускался, то взлетал, словно чего-то искал. Конан оседлал коня и поехал медленнее.

Он уже добрался до противоположного края хребта, когда над его головой раздался хриплый крик: подняв голову, король увидел ворона. Он махал крыльями и без отдыху каркал, а когда Конан двинулся дальше, полетел за ним, не отставая ни на шаг и оглушая округу своим резким криком.

Так прошло несколько часов. Конан в ярости скрежетал зубами и готов был отдать половину своего королевства, лишь бы свернуть этой птичке шею.

— Ад и дьяволы! — рычал он в бессильном гневе и грозил ворону закованным в броню кулаком.— Что ты ко мне привязался со своим карканьем! Сгинь, черное отродье беды, лети себе да клюй зерно в засеянных полях!

Он уже начал спускаться с первой цепи холмов, когда ему послышалось эхо птичьих криков где-то вдали, за спиной. Повернувшись в седле, он углядел повисшую в небе следующую черную точку. А за ней — блеск полуденного солнца на стали. Это могло означать только одно: солдаты. И двигались они не торной дорогой, которая осталась далеко за горизонтом. Они шли по его следу.

Пот выступил на его лице, когда он смотрел на кружащуюся в небе птицу.

— Э, значит, это не причуды безмозглого клубка перьев,— сказал он себе.— Те всадники не могут видеть тебя, чертово семя, но тебя видит та птица, а они ее. Ты следишь за мной, она за то-

бой, а они за нем. То ли ты просто вышколенная пернатая тварь, то ли демон в птичьей плоти? Не Ксальтотун ли послал тебя по моему следу? А может, ты и есть Ксальтотун?

Ответом ему был только издевательский хриплый крик.

Не тратя больше сил на проклятия черному шпиону, Конан начал долгий подъем в гору. Он не решился гнать коня, как вначале: слишком мало отдыха у него было. Но все-таки он еще значительно опережал преследователей, хотя расстояние, несомненно, начало сокращаться. Своих усталых коней они наверняка сменили в каком-нибудь замке.

Дорога становилась все труднее, местность была неровной, начинался лес. Если бы не чертова птица, неустанно кружащая над головой, здесь можно было бы укрыться от преследователей. За холмами и пригорками их не было видно, но шли они наверняка прямо за ним, направляемые своими пернатыми союзниками. Эти твари казались королю посланцами ада. Камни, которые он с проклятьями швырял в небо, либо летели мимо, либо не причиняли ворону вреда. А в молодости случалось Конану сбивать сокола на лету!

Конь быстро устал, и король начал понимать всю безнадежность своего положения. За всем этим виделась неумолимая рука судьбы. Бегство не удалось. Он оставался таким же узником, как в подземельях Бельверуса. Однако он не был и сыном Востока, чтобы покорно принимать предназначение. Если оторваться не удастся, он захватит с собой в вечность несколько врагов. Въехав в густые заросли тиса на склоне, он стал выбирать место для последнего боя.

Вдруг где-то впереди послышался громкий крик — человеческий, хоть и какой-то странный. Конан раздвинул ветви и понял, откуда этот крик раздается. На небольшой поляне внизу четверо солдат в немедийских кольчугах надевали петлю на шею высохшей старухе в сельской одежде. Лежавшая поблизости вязанка показывала, что старуха собирала хворост, когда на нее напали мародеры.

Молча глядя на мерзавцев, волокущих ее к дереву, толстые низкие ветви которого должны были служить виселицей, Конан почувствовал, как в нем медленно нарастает гнев. Час тому назад он перешел границу. Он, король, стоял на своей собственной земле и глядел, как убивают одну из его подданных. Старуха сопротивлялась на удивление бойко, чтобы время от времени издать тот самый удививший его крик. Как бы передразнивая его, в небе закаркал ворон. Солдаты хрипло захохотали, а один из них ударил старуху по лицу.

Конан спрыгнул со своего измученного коня и, в несколько прыжков преодолев склон, спрыгнул вниз, гремя доспехами. Четверка сейчас же обернулась, доставая мечи, и уставилась на гиганта в броне, который появился перед ними с мечом в руке.

Конан рассмеялся, но глаза его были каменными.

— Собаки! — сказал он без гнева, но неумолимо. — С каких это пор немедийские шакалы занялись ремеслом палачей и вешают моих подданных по своему хотению? Сначала вы должны снять голову с их короля! Он перед вами!

Солдаты неуверенно глядели на него.

— Кто этот сумасшедший? — проворчал бородатый разбойник. — Одет как немедиец, а выговор у него аквилонский!

— А какая разница? — отозвался другой. — Вот зарубим его, а потом уж повесим старую ведьму.

И он бросился на Конана, подняв меч. Но опустить его не удалось: широкое лезвие королевского клинка упало, как молния, и разрубило шлем вместе с черепом. Нападавший упал, но остальных это не остановило. Как волки с высунутыми языками, окружили они фигуру в серой броне, и в лязге стали затих крик кружащегося ворона.

Конан бился молча. Глаза его горели, как раскаленные добела угли, на губах сияла презрительная улыбка, двуручный меч ударял то вправо, то влево. Несмотря на могучее сложение, король был гибок, как кошка. Почти все удары противника приходились мимо, сам же он бил, крепко стоя на ногах, и меч его обладал разящей силой. Уже трое врагов лежали на земле в лужах крови, четвертый же, покрытый многочисленными ранами, беспорядочно отступал, кое-как отбивая удары. И тут-то шпора Конана зацепилась за плащ одного из убитых.

Король покачнулся, и, прежде чем он обрел равновесие, отчаявшийся немедиец атаковал его так яростно, что Конан упал прямо на мертвое тело. Издав торжествующий клич, немедиец бросился вперед и, широко расставив ноги для верности и силы удара, обеими руками занес справа свой длинный меч. Но в этот момент что-то большое и косматое пролетело, как молния, над телом короля, с силой ударилось в грудь немедийца, и его победный крик перешел в вой умирающего.

Вскочив на ноги, Конан увидел, что его противник лежит с вырванным горлом, а над ним стоит большой серый волк и обнюхивает, опустив голову, кровь на траве.

Старуха окликнула его, и король повернулся. Была она высокая и прямая, с резкими чертами лица и проницательными черными глазами. Несмотря на одежду, она вовсе не походила на простую крестьянку. Старуха поманила волка, и он покорно подошел и стал тереться о колено хозяйки, как большая собака. Его яростные глаза были устремлены на Конана. Она же положила руку на могучий загривок зверя и тоже глядела на короля Аквилонии. Зрелище это его поразило, но ничего плохого для себя он не ждал.

— Говорят, что король Конан погиб, засыпанный землей и камнями, когда склоны рухнули над Валькией, — сказала женщина глубоким звучным голосом.

— Пусть говорят, — проворчал он. Времени на разговоры не было, потому что погоня приближалась с каждой минутой. Ворон

над головой пронзительно кричал, и Конан невольно взглянул вверх, заскрежетав зубами от злости.

Белый конь, опустив голову, стоял на краю обрыва. Женщина поглядела на него, перевела взгляд на ворона, а потом испустила тот же самый загадочный крик. Как бы подчинившись приказу, ворон переменил направление и полетел на восток. Но прежде, чем он скрылся из виду, тень огромных крыльев пала на него. Это из гущи деревьев поднялся орел и, напав сверху на черного разведчика, пригвоздил его к земле. Предательский крик навсегда затих.

— Во имя Крома,— сказал Конан, глядя на старуху.— Неужели и ты чародейка?

— Мое имя Зелата,— ответила она.— Люди из долины называют меня ведьмой. Дети тьмы вели солдат по твоему следу?

— Да!— Этот ответ не показался ей слишком удивительным.— И они уже где-то поблизости.

— Возьми коня и ступай за мной, король Конан,— сухо сказала она.

Он без слов забрался на скалу и по более пологому склону свел коня на поляну. И увидел орла, слетавшего с небес прямо на плечо Зелате: птица осторожно двигала огромными крыльями, словно боясь, что ее тяжесть пригнет хозяйку к земле.

Старуха двигалась молча, орел сидел на плече, волк ступал сбоку. Извилистый путь вел через густые заросли, по крутым тропинкам, по заросшим краям глубоких оврагов, и, наконец, по узкому карнизу над обрывом они дошли до странного жилища — то ли избы, то ли пещеры, скрытой под скалами. Орел взлетел на каменный козырек неподвижным часовым.

Продолжая молчать, Зелата завела коня в ближайшую пещеру, где его ждали куча травы и бьющий в углу источник.

Короля она усадила в доме на грубой лавке, покрытой невыделенными шкурами, сама же села за низкий столик перед очагом, раздула огонь, бросила несколько поленьев и приготовила небогатое угощение. Огромный волк дремал рядом с ней, вытянув морду к огню; волку что-то снилось, потому что уши его время от времени вздрагивали.

— Не страшно ли тебе гостить у ведьмы?— прервала она наконец молчание.

Нетерпеливое движение покрытых серой кольчугой плеч было ей ответом. Она подала ему деревянную миску, доверху наполненную сушеными овощами, сыром и ячменным хлебом, и большой жбан крепкого горского пива.

— Печальная тишина горных вершин мне милей, чем шум городов,— говорила она.— Дети лесов добрее детей человеческих,— она хлопнула по загривку спящего волка.— Дети мои находились сегодня далеко от меня, поэтому и понадобился твой меч. Но они все же пришли на зов.

— Чего хотели от тебя эти немедийские ублюдки?— спросил Конан.

— Мародеры расползлись по всей стране, от границ до самой Тарантии,— ответила она.— Эти глупцы в долине, желая отвлечь их внимание от своих домов, сказали, что у меня спрятано золото. Вот чего им было нужно. Однако здесь тебя не найдут ни мародеры, ни те, кто тебя преследует, ни вороны.

Он кивнул, жадно поглощая пищу.

— Я направляюсь в Тарантию.

— И сунешь голову прямо в пасть дракона. Ищи убежище за границей. Твое королевство лишилось сердца.

— Что ты имеешь в виду?— спросил он.— Проигранная битва не означает поражения в войне, и королевства не теряют после одной неудачи.

— И ты поедешь в Тарантию?

— Да. Просперо отстоит ее от Амальрика.

— Ты уверен?

— Ад и дьяволы, женщина!— в гневе вскричал он.— А как же?

Она покачала головой.

— Думаю, ты не прав. Посмотрим. Нелегко приподнять завесу, но я сделаю это для тебя, чтобы ты мог полюбоваться на свою столицу.

Конан не заметил, что она бросила в огонь, но большой волк завыл во сне, а хижина стала наполняться зеленым дымом. И король увидел, как стены и потолок стали удаляться, уменьшаться и наконец исчезли, слившись с бесконечностью; его окутывал сплошной дым. В нем появлялись и пропадали какие-то образы, пока вдруг не возникла четкая картина.

Он смотрел на дома и улицы Тарантии, заполненные шумными толпами и одновременно видел знамена Немедии, неумолимо двигавшиеся на запад сквозь огонь и дым опустошаемой страны. На главной площади Тарантии кипела возбужденная толпа, раздавались крики, что король погиб, что бароны, воспользовавшись этим, снова раздробят страну, что власть короля, даже такого, как Валерий, лучше, чем безвластие. Просперо, пытаясь успокоить людей, говорил, что следует подчиниться графу Троцеро, идти на городские стены и помогать рыцарям. Они набросились на него и кричали, что сам он — наемник Троцеро и враг еще худший, чем Амальрик; в рыцаря полетели оскорбления и камни.

Видение затуманилось, как бы показывая, что прошло какое-то время, и Конан увидел, как Просперо и его рыцари покидают город и направляются на юг. Тарантия пришла в смятение.

— Глупцы!— прорычал Конан сквозь зубы.— Глупцы!— Почему они не послушали Просперо? Зелата, если ты надо мной вздумала шутки шутить...

— Все это в прошлом,— не обратив внимания на его слова, сказала Зелата.— Ты увидел вечер, когда Просперо покинул Тарантию, а войска Амальрика шли по пятам за ним. С городских стен были видны дымы пожаров там, где прошли захватчики. По-

сле захода солнца немедийцы вошли в столицу, не встретив никакого сопротивления. Гляди! Это королевский дворец...

И Конан вдруг увидел большой тронный зал. Валерий в горностаевой мантии стоял на возвышении, Амальрик же, все еще в покрытых кровью и пылью доспехах, возлагал на его златокудрую голову массивный обруч — корону Аквилонии. Собравшиеся издали радостный крик; шеренги закованных в сталь немедийских солдат понуро глядели на торжество, а те высокородные дворяне, что были в немилости при дворе Конана, гордо проносили по залу герб Валерия.

— Во имя Крома! — прорычал Конан, вскакивая и сжимая тяжелые молоты своих кулаков. Лицо его налилось кровью.— Немедиец венчает этого предателя короной Аквилонии... в тронном зале Тарантии!

Словно бы испугавшись конановых проклятий, дым начал рассеиваться, покуда король не увидел в полумраке блестящие глаза Зелаты.

— Ты сам видел — жители столицы пустили по ветру свободу, которую ты завоевал для них мечом и потом, сами себя отдали в лапы мясников. Можешь ли ты рассчитывать на них, думая вернуть королевство?

— Они думали, что я убит,— сказал Конан, понемногу обретая равновесие.— А наследника у меня нет. Ну, хорошо, немедийцы захватили Тарантию. Ведь остались провинции, бароны и крестьянский люд. Пустую славу добыл Валерий...

— Ты упорен, как и надлежит воину. Я не могу показать тебе будущего, даже не все в прошлом мне подвластно. Хотя... Я ничего тебе не показывала. Я только подвела тебя к окну, завесу над которым приподняли неведомые силы. Хотел бы ты заглянуть в минувшее, чтобы постигнуть источник нынешних событий?

— Хочу! — И Конан сел на место.

И снова заклубился зеленый дым. И снова появились перед ним картины, на этот раз не связанные между собой. Он увидел гигантские каменные стены, скрытые во мраке постаменты с изображениями отвратительных божеств. Во мраке двигались люди — темнокожие, жилистые, в алых набедренных повязках из шелка. Они шли по огромному черному коридору и несли саркофаг из зеленой яшмы. Картина переменилась прежде, чем Конан понял, в чем дело. Теперь появилась пещера — мрачная, темная, полная неясной угрозы. На алтаре из черного камня лежала золотая шкатулка, сделанная в виде раковины. Несколько человек из прежнего видения прокрались в пещеру и схватили золотую шкатулку. Потом вокруг них поднялся вихрь теней, и Конан не смог рассмотреть, что случилось. Сквозь клубящийся мрак он разглядел только что-то, похожее на огненный шар. Потом дым стал всего лишь обыкновенным дымом от поленьев тамариска.

— Что бы это могло значить? — растерянно спросил Конан.— То, что я видел в Тарантии,— понятно. Но эти грабители гробниц

из Заморы, которые крадутся сквозь подземелья храма Сета в Стигии? А эта пещера? Я никогда не слышал о ней, не видел во время своих странствий. Если ты уж сумела мне показать обрывки этих видений, может быть, покажешь и целое?

Зелата молча подбросила полено.

— Эти явления подчиняются неизменным законам,— сказала она наконец,— объяснить которых я не могу, потому что и сама до конца не понимаю, хотя и провела здесь, в горах, долгие годы в поисках тайного знания. Ты не найдешь во мне спасения, хотя если бы я могла, сделала бы для тебя все. Но наступает минута, когда человек сам должен найти дорогу к своему спасению. Но, возможно, мудрость осенит меня во сне и на рассвете я смогу дать тебе ключ к тайне.

— Какой тайне? — спросил он.

— Той, которая стоила тебе державы,— ответила она. А потом бросила возле очага овечью шкуру: — Спи!

Он молча растянулся на шкуре и погрузился в глубокий, но беспокойный сон, в котором маячили немые призраки и подкрадывались чудовищные бесформенные тени. Потом он увидел на фоне пурпурного закатного горизонта высокие стены и башни некоего огромного города, неизвестного на той земле, которая была его миром. Великанские пилоны и пурпурные шпили возносились к звездам, а над ними, подобно миражу, склонилось бородатое лицо Ксальтотуна.

Конан проснулся от утреннего холодка и увидел Зелату, согнувшуюся у очага. Странно, ночью он не проснулся ни разу, хотя шум, производимый входящим или выходящим волком, должен был встревожить его. Теперь зверь снова сидел у огня, но его шерсть была мокрой от росы и не только от росы. В густом мехе блестели капельки крови, на плече была рана.

Не обернувшись, Зелата кивнула головой, словно читая мысли своего царственного гостя:

— За добычей ходил он в предутренний час, и кровавой была добыча. Тот, кто охотился на короля — человек или зверь, больше никогда не выйдет на охоту.

Протянув руку за пищей, которую подала ему Зелата, Конан с уважением поглядел на огромного зверя.

— Я этого не забуду, когда снова взойду на трон,— коротко сказал он.— Ты дала мне приют... Клянусь Кромом, я уже не помню, когда ложился спать, доверившись мужчине или женщине, как нынешней ночью. А что с той загадкой, которую ты собиралась разъяснить мне поутру?

Наступила долгая тишина, которую нарушал лишь треск тамарисковых поленьев в очаге.

— Отыщи сердце своего королевства,— сказала наконец Зелата.— В нем твое поражение или победа. Сражаться тебе придется не только против смертных, но, пока ты не найдешь сердца своего королевства, ты не сможешь вернуться на трон.

— Ты имеешь в виду Тарантию?

Она покачала головой.

— Это решение, которое моими устами произносят боги. И они замкнут эти уста, если я скажу слишком много. Ты должен найти сердце своего королевства. Больше я сказать не могу. Боги распоряжаются моей речью.

Утро еще горело на вершине, когда Конан двинулся на запад. Он еще раз оглянулся на бесстрастную, как всегда, Зелату, стоящую в дверях своей хижины рядом с волком.

Купол неба был серым, а воющий ветер холодил, напоминая о зиме. Бурые листья облетали с голых ветвей и падали на закованные в сталь плечи Конана.

Весь день он ехал через горы, избегая дорог и деревень. К вечеру начал спуск и увидел раскинувшиеся перед собой равнины Аквилонии.

Изгороди и села начинались у самого подножия гор, поскольку в последние полсотни лет сама Аквилония ходила походами на восток. А теперь только пепел и развалины остались там, где вчера были дома и усадьбы.

Конан двинулся дальше сквозь наступающий мрак. Тьма хранила его неузнанным и от врага, и от друга. Устремившись на запад, немедийцы припомнили прежние поражения. Валерий даже не пытался удержать союзников, поскольку не рассчитывал на любовь простого народа. Гигантская полоса выжженной земли начиналась у подножья гор и тянулась на запад, в глубь страны. Конан сыпал проклятьями, проезжая сквозь сгоревшие хлеба, мимо остовов сожженных домов. Как привидение из далекого прошлого, он ехал через опустевшую и разграбленную страну.

Быстрота, с которой немедийская армия продвигалась вперед, говорила о слабом сопротивлении. Если бы Конан предводительствовал аквилонцами, враг добывал бы каждую пядь земли ценой крови. Горькая дума охватила его. Он не был законным наследником династии, одинокий искатель приключений. Даже та ничтожная частица королевской крови, которой кичился Валерий, имела для людей большее значение, чем память о Конане, о свободе и могуществе, которые он принес государству.

За горами его след не могли уже взять никакие враги. Он высматривал бродяжничающих либо идущих в тыл немедийских солдат, но не встретил ни одного. Мародеры обходили его стороной, поглядев на доспехи. Западная часть гор была богата лесами и реками, было где укрыться. Он ехал по опустошенной стране, останавливаясь лишь для того, чтобы дать отдых коню и перехватить что-нибудь из скромных запасов, что дала на дорогу Зелата, и на рассвете, лежа на берегу реки под защитой густых ив и дубов, увидел вдали, за мелкими холмами и пятнами щедрых садов, золотые башни Тарантии.

Из пустыни он въехал в край, кипящий жизнью. Теперь он дви-

гался медленно и осторожно, через леса и редкие просеки. К вечеру он добрался до имения Сервия Галанна.

8. ПОГАСШАЯ ГОЛОВНЯ

Земли вокруг Тарантии избежали такого страшного опустошения, как восточные провинции. Правда, и здесь хватало свидетельств страшного нашествия: поваленные заборы, опустошенные поля, ограбленные амбары, но все же сталь и огонь не погуляли здесь в полную силу.

И еще одну печальную примету увидел Конан — пепел и черные камни на том месте, где недавно возвышалась усадьба одного из самых верных его сподвижников.

Король не решился открыто подъехать к расположенной в двух милях усадьбе Галанна. В темноте он проехал через рощу к домику сторожа. Соскочив с седла и привязав коня, он направился к толстой сводчатой двери, собираясь послать за Галанном слугу. Нарваться на целый отряд он не боялся, но ведь стоять постоем захватчики могли где угодно, в том числе и на подворье Галанна. Но подойдя ближе, он увидел, что двери хижины открываются, и оттуда выходит плотно сбитая фигура в шелковых чулках и богато расшитом кафтане, и бросился по дорожке вперед:

— Сервий!

Хозяин усадьбы с возгласом недоумения обернулся и стал отступать назад при виде рослой, закованной в панцирь фигуры, выросшей перед ним во мраке, взявшись при этом за висящий на поясе охотничий нож.

— Кто ты? — спросил он. — Чего тебе... О, Митра!

Он глубоко вздохнул, и румяное его лицо побледнело.

— Изыди! — крикнул он. — Зачем ты вернулся пугать меня из серых краев смерти? Пока ты жив, я был верным твоим вассалом.

— Чего ожидаю от тебя и сейчас, — ответил Конан. — Перестань трястись, человече: я из крови и плоти.

Покрытый потом Сервий приблизился и заглянул в лицо гиганту в доспехах. Убедившись, что это правда, он опустился на одно колено и снял шляпу с пером.

— Ваше величество, это чудо, превосходящее всякую веру! Не сегодня и не вчера отзвонили по тебе колокола цитадели. Сказали, что ты погиб у Валькии во время страшного обвала.

— В моих доспехах был другой, — пояснил Конан. — Но поболтаем потом. Если на твоем столе есть, скажем, окорок...

— Прости, господин! — воскликнул Сервий, вскочив с земли. — Доспехи твои покрыты дорожной пылью, а я томлю тебя без отдыха и угощенья! О, Митра! Теперь-то я вижу, что ты жив и здоров, но, клянусь, когда я увидел тебя в темноте, кровь заледенела в моих жилах. Не очень-то приятно встретить в темноте человека, в смерти которого ты доподлинно уверен.

— Прикажи слугам заняться моим конем, что привязан за тем

дубом,— сказал Конан, и Сервий кивнул и повел его по дорожке. Суеверный страх его прошел, но все равно он казался взволнованным.

— Пошлю кого-нибудь из дворни,— сказал он.— Сторож сидит в своей хижине... Но в нынешнее время опасно доверять даже слугам. Лучше будет, если о твоем появлении буду знать только я.

Они подошли к особняку. Сервий, в поведении которого было что-то паническое, через боковую дверь провел Конана через узкий, слабо освещенный коридор в просторную комнату, потолок которой был обшит дубовыми балками, а стены искусно инкрустированы деревом. В большом камине пылали поленья, огромный паштет дымился в керамической тарелке на широком столе красного дерева. Сервий задвинул массивный засов и погасил свечи в серебряном канделябре, и единственным освещением комнаты осталось пламя в камине.

— Прошу прощения, ваше величество,— сказал он,— времена нынче опасные: повсюду полно шпионов. Будет лучше, если никто не узнает тебя, заглянув в окно. Паштет этот прямо из печи — я как раз собирался поужинать, дав наставления сторожу. Если изволишь...

— Света вполне достаточно,— буркнул Конан, уселся без всяких церемоний и достал кинжал.

Ел он жадно, запивая каждый кусок большими глотками вина. Он, казалось, забыл о всякой опасности, зато хозяин на своем сиденье беспокойно вертелся, нервно перебирая пальцами звенья висящей на груди массивной золотой цепи. Он постоянно присматривался к окну и прислушивался к двери, ожидая какого-нибудь подвоха.

Покончив с ужином, Конан встал и пересел на табурет возле камина.

— Я не буду долго подвергать тебя опасности своим присутствием,— сказал он вдруг.— Утро застанет меня далеко от твоего поместья.

— Мой король...— Сервий оскорбленно воздел руки, но Конан отмахнулся от его протестов.

— Верность твоя и мужество мне известны. Упрекнуть тебя не в чем. Но если Валерий занял престол, ты сильно рискуешь, давая мне приют.

— Я недостаточно силен, чтобы вступить в открытый бой,— признался Сервий.— У меня всего пятьдесят бойцов — против него это горстка пыли. Ты же видел развалины усадьбы Эмилия Скавона?

Конан кивнул, закрыл лицо руками.

— Он был, как ты знаешь, самым могущественным вельможей провинции. Платить дань Валерию он отказался. Немедийцы сожгли его в собственном доме. То, что тарантийцы сдались без боя, лишило нас всех сил к обороне. Мы покорились, и Валерий сохранил нам жизнь, хотя наложенная им дань многих пустит по

миру. А что мы могли сделать? Ты считался погибшим, много баронов убито, многие в плену. Армия разбита и рассеяна. Наследника престола нет. И нет никого, кто встал бы во главе народа.

— А граф Троцеро из Пойнтайнии? — сурово спросил Конан.

Сервий беспомощно развел руками:

— Действительно, его наместник Просперо вышел в поле с небольшой армией. Отступая перед Альмариком, он уговаривал народ встать под свои знамена. Но, поскольку ты считался погибшим, народ начал припоминать давние раздоры и счеты, припомнили, как Троцеро со своими воинами когда-то так же вторгся в наши провинции, как теперь Амальрик,— огнем и мечом. Бароны видели в Троцеро соперника. Какие-то люди — быть может, шпионы Валерия — шептали, что граф собирается возложить корону на себя. Вспыхнула давняя вражда между кланами. Если бы среди нас был человек королевской крови, мы бы короновали его и пошли с ним на немедийцев. Но его не было.

Бароны, которые сохраняли тебе верность, никогда не согласились бы выбрать предводителя из своей среды — каждый считал себя не хуже соседа. Когда связка порвана, хворост рассыпается. Если бы у тебя был сын, бароны сражались бы до сих пор. Не нашлось одного-единственного звена, чтобы соединить их силы.

Купцы и мещане, убоявшись анархии и возвращения феодальных времен, когда каждый барон писал свой закон, кричали, что лучше Валерий, нежели совсем без короля, он, по крайней мере, из древней династии. И не нашлось человека, способного выйти против него, когда он под развевающимся знаменем Немедии подъехал во главе своих солдат и ударил копьем в ворота Тарантии.

Да, люди сами открыли ему ворота и пали перед ним в пыль. От помощи пойнтайнцев они отказались и кричали, что Валерий лучше, чем Троцеро, что бароны тоже пойдут за Валерием, что, покорившись ему, удастся избежать гражданской войны и ярости немедийцев. Просперо пошел на юг с десятью тысячами своих людей, и через несколько часов в город вошли немедийцы. Они его не преследовали — остались на коронацию Валерия.

— Дым колдуньи говорил правду,— сказал Конан и почувствовал, как холод пробежал по его спине.— Короновал его Амальрик?

— Да, в тронном зале, и на руках его еще не успела высохнуть кровь.

— И народ процветает под его милостивым правлением? — с гневной насмешкой спросил Конан.

— Валерий живет, как чужеземный наместник в покоренной провинции,— с горечью сказал Сервий.— При его дворе полно немедийцев, немедийцы его охраняют, в цитадели немедийский гарнизон — воистину, настал Час Дракона.

Немедийцы, гордые, как принцы крови, шляются по улицам, и не проходит дня, чтобы не обесчестили девушку или не ограбили

купца. Приструнить же их Валерий либо не хочет, либо не может. Это пешка, немедийская марионетка. Самые мудрые говорили, что так и будет; вот по их и вышло.

Амальрик с сильной армией двинулся усмирять пограничные провинции, где кое-кто из баронов не признал власти Валерия. Но они разобщены, их взаимная ненависть сильнее страха перед Амальриком. Вот он их и колотит одного за другим. Поняв это, многие замки и города сдались. Сопротивлявшиеся горько о том пожалели. Немедийцы выместили на них стародавнюю злобу. Их ряды растут, усиливаются аквилонцами, которых страх, деньги или голод заставляют вступать во вражескую армию.

Конан грустно кивнул, глядя на красные отблески пламени, отражающиеся в тонкой резьбе стенных ниш.

— И вот теперь Аквилония имеет короля, которого она предпочла анархии,— сказал хозяин.— Валерий не заступается за своих подданных перед союзниками. Сотни людей, которые не смогли заплатить наложенную контрибуцию, были проданы котийским работорговцам.

Конан резко вздернул голову, и убийственный пламень загорелся в его голубых глазах.

— Именно так. Они продают в неволю белых мужчин и женщин, как в древние времена. Во дворцах земли Шам и Турана их ждет участь рабов. Валерий стал королем, но единство, которого ждал народ, пусть даже завоеванное мечом, не утвердилось.

Гандерландия на севере и Пойнтайния на юге еще не покорены; не завоеваны также те районы на западе, где баронов поддерживают боссонские лучники. Но эти отдаленные провинции не страшны Валерию. Они только защищаются и будут счастливы, если сохранят независимость. А здесь правит Валерий со своими рыцарями.

— Пусть он тешится этим, пока может,— сказал Конан.— Дни его сочтены. Узнав о том, что я жив, народ восстанет, мы отвоюем Тарантию, прежде чем Амальрик возвратится со своим войском. А потом выгоним этих собак из страны.

Сервий молчал, только поленья трещали в огне.

— В чем дело?— вскричал Конан.— Почему ты опустил голову и пялишься в огонь? Ты сомневаешься в этом?

Сервий избегал взгляда короля.

— Ваше величество, ты сделаешь все, что только под силу смертному,— сказал он.— Я сражался вместе с тобой и знаю, что тебе нет равного.

— Ну и что?

Сервий плотно запахнулся в меха, хоть и сидел возле огня.

— Люди болтают, что поражение ты потерпел из-за черной магии,— сказал он наконец.

— Ну и что?

— А что может сделать смертный против черной магии? Кто этот человек в маске, который встречается с Валерием и его со-

юзниками после полуночи, который появляется и пропадает столь внезапно? Идут тайные разговоры, что он жил тысячи лет назад, что он вернулся из серых краев смерти, чтобы свергнуть короля Аквилонии и вернуть власть династии, к которой принадлежит Валерий.

— Какое это имеет значение? — гневно воскликнул Конан.— Уж если я бежал из заколдованных подземелий Бельверуса и от той чертовщины, что преследовала меня в горах, то, если народ поднимется...

Сервий покачал головой.

— Вернейшие из твоих сподвижников в восточных и центральных провинциях убиты, бежали или в плену. Гандерландия далеко на севере, Пойнтайния далеко на юге. Боссонцы отступили на свои западные границы. Чтобы соединить все эти силы, потребуются недели, а за это время Амальрик уничтожит всех поодиночке.

— Но восстание в центре даст нам перевес! — воскликнул Конан.— Мы можем захватить Тарантию и удерживать ее от Амальрика, пока не подойдет помощь.

Сервий подумал и сказал шепотом:

— Говорят, что тебя погубило проклятье. Будто бы тот чужеземец в маске поклялся уничтожить тебя и разбить твою армию. О твоей смерти оповестили все колокола. Народ знает, что тебя нет. А центральные провинции не осмелятся восстать, если даже узнают, что ты жив. Магия нанесла тебе поражение на Валькии, магия принесла вести об этом, потому что вечером того же самого дня народ на улицах кричал о поражении.

Немедийский жрец воспользовался черной магией, чтобы погубить на улицах Тарантии тех, кто остался верен твоей памяти. По непонятной причине воины падали на мостовую и мерли, как мухи. А тощий жрец рассмеялся и сказал: «Я всего лишь Альтаро, помощник Ораста, а Ораст всего лишь помощник того, чье лицо закрыто. Это не моя сила — она только передается через меня».

— Что ж,— сказал Конан.— Разве не лучше погибнуть с честью, чем жить в позоре? Разве смерть хуже гнета и рабства?

— Страх перед колдовством заставляет разум умолкнуть,— ответил Сервий.— А центральные провинции слишком запуганы, чтобы пойти за тобой. Окраины восстанут... Но та же сила, что поразила тебя на Валькии, ударит снова. В руках немедийцев находятся самые крупные, богатые и густонаселенные области Аквилонии, и они не уступят тем силам, которые ты можешь собрать. Ты только напрасно пожертвуешь верными тебе людьми. Вот тебе горькая правда, Конан, ты король без королевства.

Конан молча глядел в огонь. Догоревшее полено рассыпалось в пламени, даже искры не разлетелись. Совсем, как его королевство.

И снова за всем этим Конан почувствовал чью-то злую волю, неумолимую руку безжалостной судьбы. Страх и чувство челове-

ка, попавшего в ловушку, боролись в его душе с безудержным гневом, желанием крушить направо и налево.

— Где главные сановники? — спросил он наконец.

— Паллантида, тяжело раненного под Валькией, выкупила из плена семья, сейчас он в своем замке в Атталусе, и хорошо, если он когда-нибудь сможет снова сесть на коня. Канцлер Публий в чужой одежде покинул королевство в неизвестном направлении. Совет разогнан. Часть его членов в плену, часть в изгнании. Многие из верных тебе казнены. Нынешней ночью, например, под топором палача погибнет принцесса Альбиона.

— Но почему?

— Она не захотела стать наложницей Валерия. Имущество ее конфисковано, слуги проданы в рабство, сегодня в полночь в Железной Башне падет ее голова. Послушай моего совета, король, ибо для меня ты всегда останешься королем,— беги, пока тебя не нашли. Никто сегодня не может чувствовать себя в безопасности. Шпионы и доносчики крутятся среди нас, и любое неосторожное слово или поступок назовут изменой и бунтом. Если ты объявишь о себе своим подданным, сразу же будешь пойман и убит.

Мои лошади и все мои люди, которым доверяю, в твоем распоряжении. К утру ты будешь далеко от Тарантии и рядом с границей. Если я не могу помочь тебе вернуть королевство, то могу, по крайней мере, сопровождать тебя в изгнание.

Конан отрицательно покачал головой. Он сидел, опершись подбородком на огромный кулак и глядя в огонь. Пламя отражалось в его волчьих глазах и на металле панциря. Снова, как в прошлые годы, только с особой силой, Сервий почувствовал, насколько король отличается от остальных аквилонцев. Тонкая оболочка цивилизации сползла, остался варвар: Конан вернулся к своему естественному состоянию. Поступки его отныне не были поступками цивилизованного человека, да и мысли текли совсем по-другому. Он был непредсказуем. Только один шаг отделял короля Аквилонии от одетого в шкуры убийцы с гор Киммерии.

— Поеду в Пойнтайнию, если удастся,— сказал наконец Конан.— Но поеду один. Но до этого я должен выполнить еще одну обязанность, как король Аквилонии.

— Что ты имеешь в виду, господин? — спросил Сервий, полный самых мрачных предчувствий.

— Сегодня ночью я отправлюсь в Тарантию за Альбионой,— ответил Конан.— Получается, что я предал всех, кто остался мне верен... Что ж, пусть вместе с ее головой они возьмут и мою.

— Это безумие! — воскликнул Сервий и схватился за горло, словно на нем затягивалась невидимая петля.

— Башня хранит тайну, известную немногим,— сказал Конан.— Во всяком случае я был бы последним ублюдком, если бы позволил Альбионе умереть только потому, что она сохранила мне верность. Пусть я буду королем без королевства, но не мужчиной без чести.

— Это погубит нас всех! — прошептал Сервий.

— Только меня одного. Ты и так рискуешь сегодня. Я отправлюсь один. Приготовь мне повязку на глаз, дорожный посох и одежду странника.

9. «ЭТО КОРОЛЬ ИЛИ ЕГО ПРИЗРАК?»

Многие люди проходили между закатом и полночью через ворота Тарантии — запоздавшие путники, купцы из дальних стран, ведущие тяжело нагруженных мулов, работники из близлежащих поместий. Теперь, когда власть Валерия в центральных провинциях укрепилась, к тем, кто шел через широкие ворота, не очень-то присматривались. Дисциплина ослабела. Немедийские воины, несшие стражу, были пьяны и обращали больше внимания на красивых деревенских девушек или богатых купцов, которых можно было обобрать, чем на работников и запыленных путников, в том числе и на высокого странника, поношенный плащ которого не мог скрыть очертаний мощной фигуры.

Странник этот выглядел вполне естественно, чтобы привлечь пристальный взгляд. Широкая повязка заслоняла один глаз, кожаная шляпа затеняла лицо. Не торопясь, опираясь на длинный и толстый посох, он миновал освещенные пламенем костра ворота и очутился на широких улицах Тарантии.

Улицы были хорошо освещены и полны народа, в лавках шла бойкая торговля. И повсюду встречались немедийские солдаты, в одиночку и группами, в толпе они выделялись подчеркнутой наглостью и бесцеремонностью. Девушки избегали их, а мужчины сжимали кулаки и отходили в сторону. Аквилонцы были гордым народом, а завоеватели происходили из страны традиционно враждебной.

Пальцы, сжимавшие посох, побелели от гнева, но высокий странник, подобно остальным, уступил дорогу солдатам. Среди пестрой толпы он ничем не выделялся. Но в какой-то миг, когда свет, выходящий из широко открытой двери, осветил его, он почувствовал на себе чужой взгляд. Быстро обернувшись, он увидел, что к нему присматривается человек в коричневом кафтане наемного работника. Человек с неестественной быстротой отвернулся и скрылся в толпе. Конан повернул в узкий переулок и прибавил шагу. Это мог быть просто любопытный зевака, но рисковать не стоило.

Мрачная Железная Башня вызвышалась в отдалении от цитадели, посреди лабиринта узких улочек и темных домишек. Это, в сущности, был целый замок, построенный в старину из огромных камней, скрепленных черным железом. В давние крутые времена башня играла роль городской крепости.

Неподалеку от нее, затерянная в хаосе брошенных домов и лавок, стояла сторожевая башня, такая древняя и забытая, что ее даже не обозначали на планах города. Для чего ее построили, тоже

позабылось, и никто из глядевших на нее не обратил внимания, что дряхлый с виду замок, благодаря которому башня не превратилась в притон нищих и грабителей, на самом деле новенький, очень надежный, и только искусство мастера придало ему вид ржавой рухляди. Секрет этой башни знало едва ли полдюжины людей во всем королевстве.

Массивный замок был без скважины, но пальцы Конана надавили на нужные клепки. Двери тихо открылись, король вошел внутрь и закрыл их за собой. Если бы у него был фонарь, он увидел бы круглое пустое помещение со стенами, сложенными из обломков глыб.

Уверенно двигаясь в темноте, он нащупал выступ на одной из плит фундамента, быстро поднял его и без колебаний спустился в открывшееся отверстие. Под ногами его были каменные ступени, ведущие, как он знал, в узкий коридор, который вел прямо в подземелья Железной Башни.

Колокол цитадели, который сообщал о наступлении полуночи или о смерти короля, зазвонил. Открылись двери в плохо освещенный зал Железной Башни, и вошел человек. Внутри Башня была такой же мрачной и грубой, как снаружи. Ничто не украшало шершавых толстых стен. Плиты пола были вытоптаны многими поколениями, свод освещался факелами.

Человек, который шел по коридору, вполне подходил к этой обстановке. Это был высокий, хорошо сложенный мужчина, затянутый в шелковое трико и в широком плаще. Голову его скрывал черный капюшон с отверстиями для глаз. Тяжелый топор в его руках не был ни боевым оружием, ни плотничьим инструментом.

С другой стороны коридора ковылял, согнувшись под тяжестью копья и фонаря, сгорбленный старик с недовольным лицом.

— Ты не так точен, как твой предшественник, мастер-палач,— проворчал он.— Уже пробила полночь, и мужи в масках прошли в камеру госпожи. Ждут только тебя.

— Эхо от звона все еще звучит между башнями,— отвечал палач.— А если я не такой шустрый, чтобы срываться и бежать по первому зову аквилонцев, как тот пес, что работал здесь до меня,— то я могу доказать, что рука моя не слабее. Вернись к своим обязанностям, старик, а мои оставь мне. И, уверяю тебя, это приятные обязанности: ты будешь топать по холодным коридорам, глядя на ржавые двери темниц, а я отрублю самую прекрасную головку в Тарантии.

Продолжая ворчать под нос, сторож заковылял дальше, а палач неспешно продолжил свой путь. Через несколько шагов он миновал поворот и с неудовольствием отметил, что одна из дверей с левой стороны приоткрыта. Если бы он слегка подумал, то сообразил бы, что дверь и должна быть открыта, потому что через нее прошел сторож. Но искусство рассуждать не входило в его

профессиональные обязанности. Прежде чем он понял, что что-то не так, было уже слишком поздно.

Его встревожили шорох шагов хищника и шелест плаща, но, прежде чем палач успел обернуться, крик его, готовый вырваться из груди, заглушила тяжелая рука. Он успел еще с ужасом почувствовать, как велика сила нападавшего и сколь слабы перед ней его собственные закаленные мускулы. И он почувствовал сталь направленного в его грудь кинжала.

— Немедийский пес! — проворчал кто-то у него над ухом.— Больше ты не отсечешь ни одной головы аквилонца!

Это были последние услышанные им слова.

В сыром подземелье, освещаемом только факелом, с которого падали капли смолы, трое мужчин стояли вокруг молодой женщины, рыдавшей на каменном полу. Она была одета в скудное тюремное платье, руки ее были связаны за спиной, испуганный взгляд устремлен вверх. Золотые волосы рассыпались по белым плечам, и даже слабый свет факела и смертельная бледность лица не могли скрыть ее необыкновенной красоты. Она глядела на своих мучителей широко открытыми глазами. Лица их были закрыты масками, они кутались в плащи, потому что дело, которое им предстояло совершить, требовало соблюдения ритуала даже в покоренной стране. Однако она знала их всех.

— Наш милостивый повелитель дает тебе еще одну возможность, принцесса,— сказал самый высокий из троих чистым аквилонским говором.— Он велел мне передать, что раскроет свои объятия, когда ты смиришь свою гордыню. Если же нет, - он выразительно указал на плаху посреди камеры, иссеченную и покрытую темными пятнами.

Альбиона задрожала. Каждая частица ее молодого тела молила о жизни. Валерий молод, уговаривала она себя, и женщины его любят... Но не смогла произнести слово, которое могло бы уберечь ее хрупкое тело от плахи и окровавленного топора. Даже при упоминании имени Валерия, она чувствовала отвращение, превозмогающее смертельный страх.

Поэтому она отрицательно покачала головой.

— Тогда говорить не о чем! — в нетерпении воскликнул один из двоих оставшихся. Слова он произносил на немедийский манер.— Где же мастер?

Как бы повинуясь его словам, в дверях подземелья появилась гигантская мрачная тень.

Увидев ее, Альбиона невольно вскрикнула, остальные же глядели в молчании, словно пораженные суеверным страхом. Голубые глаза, пылавшие в отверстиях капюшона, обвели всех троих по очереди, заставив задрожать.

Потом высокий аквилонец грубо схватил девушку и потянул ее к плахе. Она закричала и стала вырываться, однако он без жало-

сти поставил ее на колени и пригнул золотоволосую голову к окровавленной колоде.

— Почему ты медлишь, палач? — гневно вскричал он.— Выполняй свой долг!

Зловещий смех прозвучал ему в ответ. Все в темнице, включая и девушку, замерли.

— Что это за неудачные шутки, собака? — спросил аквилонец.

Человек в черном сорвал капюшон с головы и швырнул на пол; потом, прислонившись спиной к запертой двери, поднял топор:

— Узнаете меня, ублюдки? — загремел он.— Узнаете?

Тишину, не нарушаемую ничьим дыханием, взорвал крик Альбионы, вырвавшейся из ослабевших тисков мучителя:

— Король! О, Митра! Король!

Трое мужчин стояли как вкопанные. Наконец аквилонец пришел в себя:

— Конан,— выдохнул он, словно не веря себе.— Это король или его призрак? Что за дьявольская шутка?

— Дьявольская шутка над дьяволами! — издевательски отвечал Конан. Губы его улыбались, но в глазах пылал огонь ада.— Ну, к делу, благородные господа. У каждого из вас есть меч, у меня вот этот топорик. Да! Топор мясника годится для вас в самый раз, доблестные рыцари!

— Вперед! — зарычал аквилонец, вынимая меч.— Это Конан! Смерть ему!... Или нам!

Отряхнув оцепенение, немедийцы вынули мечи и бросились на короля.

Топор палача не предназначен для боя, но Конан владел им так же легко и свободно, как секирой, а ловкость и быстрота помогали ему уклоняться от ударов, сыпавшихся с трех сторон.

Он ударил одного из нападавших обухом и, пока тот отступал, пытаясь заслониться мечом, разрубил ему грудь. Другой немедиец яростно замахнулся, но промазал; Конан не дал ему найти равновесия и рассек череп. Аквилонец же через минуту оказался загнанным в угол, где не успевал обороняться от посыпавшихся ударов.

Внезапно левой рукой Конан сорвал маску и обнажил побелевшее лицо.

— Собака! — скрипнул зубами король.— Думал, я тебя не узнаю! Предатель! Проклятый изменник! Даже эта позорная сталь слишком хороша для твоей гнусной башки! Подыхай, как вор!

Топор описал страшную петлю, и аквилонец с криком упал на колени, прижав к себе обрубок руки. Конан не опустил оружия и нанес еще одну рану, так что начали вылезать внутренности.

— Лежи, пока вся кровь не вытечет! — сказал король, отбрасывая топор с отвращением.— Пойдем, принцесса!

Он наклонился, разорвал цепи на руках Альбионы и, взяв ее на

руки, вышел из подземелья. Она истерически рыдала, стискивая его шею.

— Спокойно,— ворчал он.— Мы еще не убрались отсюда. Если мы доберемся до того подвала, где потайная дверь ведет в тоннель... Черт возьми! Даже сквозь эти стены они услыхали шум!

В глубине коридора зазвенело оружие, гул шагов и голосов отразился от сводов. Поспешно приковылял горбатый старец, поднял фонарь, и свет его упал прямо на Конана и девушку. Киммериец с проклятием ринулся вперед, но сторож, бросив фонарь и копье, с криком умчался, как заяц.

Конан побежал в противоположную сторону. Они были отрезаны от подземелья с потайным ходом, но мрачное здание Железной Башни было ему хорошо знакомо: Конан был ее узником до того, как стать королем.

Он свернул в галерею и оказался в параллельно идущем коридоре. Пройдя по нему несколько шагов, он снова свернул в прежний, но уже в другом, более удобном месте. Здесь была решетка, охраняемая бородатым немедийцем в панцире и шлеме. Тот покинул свой пост, чтобы прислушаться к нарастающему шуму, и повернулся спиной к Конану.

Киммериец не колебался. Опустив девушку на землю, он бесшумно подбежал к стражнику с занесенным мечом. Тот обернулся, заорал от неожиданности и попробовал поднять копье, но Конан ударил его мечом по голове и разрубил ее вместе со шлемом. Стражник упал.

Король мгновенно отворил засов на решетке — сил обычного человека на это не хватило бы,— бесцеремонно схватил Альбиону под мышку и очутился на улице.

Они находились в узкой и темной, как колодец, аллее, с одной стороны ее возвышались глыбы башни, с другой — ряд домов. Конан торопился, пытаясь на ощупь найти окно или дверь, но безуспешно.

За их спинами с шумом растворились ворота. Из них высыпали солдаты, свет факелов отражался на их мечах и доспехах. Они озирались и рычали от ярости, силясь разглядеть, что происходит в окружающем их мраке. А потом побежали по аллее совсем в другую сторону.

— Сейчас они поймут свою ошибку,— сказал король, ускоряя шаги.— Хоть бы одна щель в этой проклятой стене... Холера! Ночная стража!

В том месте, где аллея пересекалась с узкой улочкой, появился слабый отблеск огня на стали.

— Кто идет?— окликнули их, и Конан заскрежетал зубами, услышав ненавистный немедийский выговор.

— Держись позади меня,— приказал он девушке.— Мы должны прорубить себе дорогу раньше, чем тюремные стражники подойдут с той стороны.

И с мечом в руке он бросился прямо на приближавшихся. Его союзником была внезапность. Он видел врагов на фоне слабого утреннего света, а сам, вылетев из темной аллеи, был невидим для них. Среди стражников он оказался прежде, чем они успели схватиться за оружие.

Пробиться было можно, пока они не смешали свой строй. Их было человек шесть, закаленных ветеранов пограничных войн в полном вооружении, их боевой навык помог легко преодолеть первоначальное замешательство. Трое из них пали прежде, чем успели сообразить, что противник их в единственном числе. Остальные среагировали молниеносно. Сталь загремела от ударов Конана по латам и шлемам. Врагов он видел хорошо, сам же представлял в слабом свете цель очень неясную. Их мечи то и дело разрезали воздух. Сам же он нападал с силой и уверенностью тайфуна.

Но сзади уже послышались крики подбегающей тюремной стражи, а впереди еще была ощетинившаяся стальная стена. Понимая, что тюремщики сейчас настигнут их, Конан в отчаянии удвоил силу и скорость ударов — бил, как молотобоец по наковальне. И вдруг понял, что подоспела помощь. Прямо за спинами стражников из ниоткуда появилась дюжина бойцов и послышались звуки смертельных ударов. Сталь сверкала во мраке, и страшно закричали люди, которых убивали в спину. К Конану подскочил человек в плаще, король поднял меч, но увидел, что рука, протянутая к нему, пуста, и услышал шепот:

— Туда, Ваше величество! Быстро!

Удивленный Конан выругался и, подхватив Альбиону, двинулся за незнакомым союзником. Когда приближаются человек тридцать солдат тюремной стражи, рассуждать некогда.

Окруженный таинственными фигурами, он бежал по аллее, держа принцессу, как малое дитя. О своих спасителях он мог сказать только, что они были одеты в плащи с капюшонами. Сомнения и подозрения появились в его душе, но они, в конце концов, расправились с его врагами, и он счел за благо идти за новыми союзниками.

Словно бы поняв его опасения, предводитель дотронулся до руки Конана:

— Не бойся, король, мы — твои верные подданные.

Голос не был знакомым и выдавал уроженца центральной Аквилонии.

Сзади послышался крик стражников, которые наткнулись на трупы товарищей и загорелись жаждой мести. Их силуэты уже показались в конце улицы, но люди в капюшонах внезапно повернули к сплошной на вид стене, и Конан увидел, что в ней открылась дверь.

Конан пробормотал проклятие. Раньше он много раз шел этой дорогой среди бела дня и никакой двери не замечал. Они переступили порог, дверь с треском закрылась, опустился засов. Это не

слишком обнадеживало, но спутники поторапливали Конана, поддерживая его под руки. Они шли по какому-то тоннелю. Король слышал, как дрожит тонкое тело Альбионы в его руках. Потом впереди показался слабый свет — и они вошли в головоломный лабиринт, который, наконец, привел в ярко освещенную комнату. Обратной дороги Конан не смог бы найти, несмотря на свое первобытное чутье.

10. МОНЕТА ИЗ АХЕРОНА

Не все из проводников вошли в зал — когда двери закрылись, Конан увидел перед собой только одного человека в плаще. Капюшон откинулся, открывая бледное лицо с правильными чертами.

Король опустил Альбиону на ноги, но она все продолжала прижиматься к нему и тревожно оглядывалась. Зал, освещенный бронзовыми светильниками, был огромен. Часть мраморных стен была закрыта черным шелком, а мозаичный пол устлан толстыми коврами.

Конан инстинктивно положил окровавленную руку на эфес меча. Кровь запеклась также и на ножнах — вытереть меч не было времени.

— Где мы? — грозно спросил он.

Незнакомец ответил ему низким почтительным поклоном, в котором даже подозрительный король не усмотрел насмешки:

— В храме Асуры, ваше величество.

Альбиона ойкнула и крепче прижалась к Конану. Она испуганно глядела на черную дверь, словно ожидая, что оттуда появится какое-нибудь ужасное чудовище.

— Не страшись, госпожа, — сказал проводник. — Вопреки простонародным суевериям, здесь тебе ничто не грозит. Если уж государь мой признал нашу религию чистой и тем защитил от преследований толпы, значит и ты, одна из его подданных, должна поверить в это.

— Кто ты? — спросил Конан.

— Мое имя — Хадрат, жрец Асуры. Один из наших единоверцев узнал тебя, когда ты входил в город, и оповестил меня.

Конан сдержал проклятие.

— Не опасайся, что кто-нибудь еще открыл твое присутствие, — заверил его Хадрат. — Твой наряд мог обмануть любого, кроме поклонника Асуры, потому что наша вера учит видеть сущность под внешней оболочкой. Мы проследили твой путь до сторожевой башни, и несколько моих людей вошли в тоннель, чтобы помочь тебе, если ты будешь возвращаться той же дорогой. Другие, в том числе и я, окружили башню. А теперь, король Конан, мы ждем твоего приказа. Здесь, в храме Асуры, ты по-прежнему король.

— Почему вы рисковали жизнью ради меня? — спросил король.

— Ты был нашим другом, когда царствовал,— ответил Хадрат.— Ты защитил нас, когда жрецы Митры хотели изгнать нас из страны.

Конан огляделся с любопытством. Никогда до сей поры не был он в храме Асуры и не знал даже, что таковой вообще существует в Тарантии. Жрецы этой религии обладали удивительным умением укрывать свои святыни. Культ Митры был главенствующим среди гиборийских народов, и вера Асуры существовала вопреки официальному запрету и всеобщей неприязни. Конан слышал немало жутких историй о тайных храмах, где густой дым день и ночь возносится над алтарями и где похищенных людей приносят в жертву огромному, свитому в кольца змею, качающему во мраке своей страшной головой.

Преследования заставили поклонников Асуры окружить свои обряды тайной, а тайна, в свою очередь, рождала чудовищные суеверия и страшные россказни.

Но Конан, как истый варвар, был терпим к любой религии, он запретил преследовать поклонников Асуры, поскольку единственными уликами против них служили только сплетни и слухи.

«Если они владеют приемами черной магии,— говорил он,— то почему позволяют обижать себя? Если же не владеют, значит, зла в них нет. Кром и дьяволы! Да пусть люди поклоняются таким богам, какие им нравятся!»

Повинуясь почтительному жесту Хадрата, Конан уселся на стул из слоновой кости и предложил сделать то же самое Альбионе, однако девушка предпочла золоченую скамеечку у его ног, словно близость к королю могла уберечь ее от опасности. Она с детства поклонялась Митре и с детства же наслушалась всяких ужасов о храмах Асуры.

Хадрат стоял перед ними, склонив голову.

— Чего ты желаешь, господин?

— Прежде всего — поесть,— ответил король, и жрец ударил серебряной палочкой в золотой гонг.

Едва стих нежный звон, из-за двери появились четыре фигуры в капюшонах и принесли серебряный столик, заставленный дымящимися тарелками и хрустальными сосудами. Король потер ладони и причмокнул губами.

— Берегись, господин! — шепнула Альбиона.— Они едят человеческое мясо!

— Клянусь своим королевством, это всего лишь добрая жареная говядина,— ответил Конан.— Ну, смелее, девочка! После тюремной-то голодовки!

Услыхав этот совет и видя живой пример человека, слово которого всегда было для нее законом, принцесса принялась за еду с большим аппетитом, хотя и соблюдала необходимые правила

этикета, тогда как король отхватывал мясо такими кусками и поглощал вино с такой жадностью, словно не ел два дня.

— Вам, жрецам, не откажешь в находчивости, Хадрат,— сказал он, жуя мясо и сжимая в кулаке громадную кость.— Хорошо бы вы мне помогли вернуть королевство.

Хадрат медленно покачал головой, и Конан в порыве гнева что есть сил грохнул костью об стол.

— Кром и дьяволы! Что случилось с мужами Аквилонии? Сперва Сервий, теперь ты... Или вы можете только башками качать, едва зайдет речь о том, чтобы выгнать этих собак?

Хадрат вздохнул и сказал:

— Господин мой, больно даются мне эти слова, рад бы сказать что-нибудь иное. Со свободой Аквилонии покончено, да что там — со свободой всей земли! В истории мира одна эпоха сменяет другую, и сейчас, как и в стародавние времена, мы вступаем в век рабства и ужаса.

— Что ты имеешь в виду?

Хадрат сел на стул, положил руки на колени и уставился в землю.

— Против тебя объединились не только мятежные аквилонские феодалы с немедийской солдатней,— сказал он.— Это чары, забытая черная магия, родившаяся на заре времен. Страшный человек восстал из мрака Прошлого, и никто не сможет противостоять ему.

— Что ты имеешь в виду?— повторил Конан.

— Я говорю о Ксальтотуне из Ахерона, который умер три тысячи лет назад и теперь вновь ходит по земле.

Конан молчал, и перед ним снова возникло спокойное, нечеловечески прекрасное лицо. И снова ему это лицо показалось знакомым, и даже звук слова «Ахерон» затронул какие-то неясные воспоминания.

— Ахерон...— повторил он.— Ксальтотун из Ахерона... Да ты с ума сошел, человече! Ахерон — это легенда, возникшая черт знает сколько веков назад. Существовал ли он вообще?

— Да, он был черной действительностью,— ответил Хадрат.— Империя магов, владевших ныне забытым искусством, уничтоженная в конце концов пришедшими с запада племенами гиборийцев. Чародеи Ахерона использовали омерзительную некромантию и тавматургию — самые зловещие магические приемы, научившись им прямо от демонов. Но из всех чернокнижников этого проклятого царства ни один не мог сравниться с великим Ксальтотуном из Пифона.

— Как же варварам удалось с ним справиться?— скептически спросил Конан.

— Они использовали против него источник космической силы, который у него же и похитили, несмотря на все старания мага. Теперь этот источник вновь в его руках, и он непобедим.

Альбиона, кутаясь в черный плащ палача, смотрела то на ко-

роля, то на жреца, ничего не понимая. Конан сердито замотал головой:

— Ты смеешься надо мной! Если Ксальтотун мертв уже три тысячи лет, как он может быть этим человеком? Просто какой-то негодяй присвоил себе его имя.

Хадрат наклонился над столиком из слоновой кости и открыл стоявшую на нем небольшую шкатулку. Блеснула большая золотая монета древнего вида.

— Ты видел Ксальтотуна без маски? Тогда присмотрись внимательней. Эта монета вычеканена в древнем Ахероне за пятьсот лет до его падения. Мрачная империя была так насыщена чарами, что даже эта монета имеет магические свойства.

Конан взял монету и начал разглядывать. Несомненно, она была очень старая. Во время разбойничьей жизни через руки Конана прошло очень много денежных знаков, и он в них разбирался. Края ее истончились, насечка почти стерлась. Но изображение на одной стороне было удивительно четким. В комнате было тепло, но мороз пробежал по коже короля. То было непроницаемое лицо бородатого мужчины, спокойное и прекрасное.

— Во имя Крома, это он! — теперь он понял, почему лицо показалось ему знакомым. Давным-давно, в далекой стране, он уже держал в ладони такую монету.

Все же он пожал плечами и проворчал:

— Случайное сходство... А может быть, присвоив имя забытого мага, этот парень и внешность свою подделал.

Но слова его звучали неуверенно. Вид монеты поколебал самые основания его представлений о мире. Он чувствовал, что равновесие вселенной падает в пропасть иллюзий и магии. Чародейство — ладно, но здесь таилась дьявольщина, превосходящая всякое разумение.

— Нет сомнения, что это в самом деле Ксальтотун из Пифона, — сказал Хадрат. — Именно он заставил демонов земли обрушить скалы над Валькией, именно он в предрассветный час направил в твой шатер порождение тьмы.

Конан исподлобья глянул на него:

— А ты откуда знаешь?

— У поклонников Асуры есть свои тайные способы добывать истину, оставим это. Но теперь ты понимаешь, что напрасно поднимешь своих подданных, пытаясь вернуть корону?

Конан подпер кулаком подбородок и задумался Альбиона глядела не него с тревогой.

— Значит, нет в мире чародея, способного потягаться с Ксальтотуном? — спросил он наконец.

— Нет, — сказал Хадрат. — Иначе мы, поклонники Асуры, знали бы о нем. Люди болтают, что наша вера — пережиток древнего культа змея из Стигии. Это ложь. Наши предки пришли из Вендии, что за морем Вилайет и Химелианскими голубыми горами. Мы сыны Востока, а не Юга, и знаем обо всех тамошних

мудрецах, которые много сильнее знатоков Запада. Но все равно любой из них, как травинка на ветру против черной силы Ксальтотуна.

— Но однажды его уже победили,— настаивал Конан.

— Верно, против него обратили космическую силу. Но сейчас ее источник снова в руках мага, и он уж позаботится, чтобы его не похитили.

— Да что это за чертов источник?— с гневом вскричал Конан.

— Называют его Сердце Аримана. Когда пал Ахерон, тот варварский шаман, который похитил его и обратил против Ксальтотуна, спрятал Сердце в заколдованной пещере и воздвиг над ней небольшой храм. С той поры храм трижды перестраивался, с каждым разом становясь шире и выше, но место оставалось прежним, хотя никто и не помнил, по какой причине. Память о спрятанной святыне исчезла из памяти народа и осталась лишь в летописях жрецов и в священных книгах. Откуда эта святыня взялась — не знает никто. Одни говорят, что это подлинное сердце бога, другие — что это звезда, упавшая с неба много тысячелетий назад.

Когда магия жрецов Митры оказалась бессильной против чар Альтаро, помощника Ксальтотуна, они вспомнили древние легенды о Сердце, и верховный жрец вместе с одним спутником сошли в мрачную и пугающую пещеру под храмом, куда никто не входил уже три тысячи лет. В старинных, окованных железом томах, повествующих о Сердце, говорилось и о том, что древний шаман поставил там на страже демона тьмы.

Глубоко под землей, в квадратном зале, верховный жрец и его ученик нашли черный каменный алтарь, излучавший слабый свет. На алтаре лежала шкатулка, выполненная в виде двустворчатой раковины, она как бы вырастала из камня. Шкатулка была раскрыта и пуста. Пока они разглядывали ее, страж тайника напал на них и смертельно ранил верховного жреца. Но ученик сумел дать отпор этой твари, безмозглому и бессмысленному призраку тьмы, и бежал по длинной узкой лестнице, унося умирающего учителя. Тот, прежде чем умереть, велел своим людям покориться этой силе и взял с них клятву молчания. Но жрецы Митры говорили об этом между собой, и речи эти дошли до наших ушей.

— Значит, Ксальтотун черпает силу из этой штуки,— Конан все еще был настроен скептически.

— Нет. Сила его идет из бездны мрака. Но Сердце Аримана прибыло из какой-то отдаленной Вселенной, полной огненного сияния, и в руках посвященного превозможет силу тьмы. Оно, как меч, которым можно поразить мага, а сам он его использовать не в силах. Оно может вернуть жизнь, но может и отнять. Ксальтотун не для того овладел Сердцем, чтобы использовать его против врагов, но чтобы оно не оказалось в руках врага и не поразило его самого.

— Золотая шкатулка в виде раковины в глубокой пещере на

черном алтаре...— пробормотал Конан и наморщил лоб, стараясь поймать ускользающий образ.— Что-то такое я вроде видел или слышал об этом... Но как, во имя Крома, выглядит это украденное Сердце?

— Оно похоже на огромный драгоценный камень вроде рубина, но в нем пульсирует ослепительный свет, словно живое пламя...

Конан сорвался с места и крепко ударил правым кулаком по левой ладони.

— Клянусь Кромом, ну и дурак же я! Сердце Аримана! Сердце моего королевства! «Найди сердце своего королевства», говорила Зелата. Клянусь Имиром, этот камень видел я в зеленом дыму, именно этот камень Тараск украл у Ксальтотуна, уснувшего сном черного лотоса!

Хадрат тоже вскочил, и все спокойствие спало с него, словно плащ.

— Что ты сказал? Сердце похищено у Ксальтотуна?

— Да! — загремел Конан.— В страхе перед Ксальтотуном Тараск хотел ослабить его мощь, которая, как он думал, таится в Сердце. А может, рассчитывал, что чародей, потеряв камень, вообще помрет. Клянусь Кромом... ууух!

Он разочарованно махнул рукой.

— Я совсем забыл. Тараск вручил его вору и велел выбросить в море. Сейчас этот разбойник уже добрался до Кордавы. Прежде чем я его настигну, он взойдет на палубу корабля и вручит Сердце морской пучине.

— Море его не удержит! — воскликнул дрожащий от волнения Хадрат.— Ксальтотун и сам давно бы бросил Сердце в океан, если бы не знал, что первый же шторм выбросит его на берег. Но на каком берегу это произойдет?

— Ну что ж,— Конан понемногу приходил в себя.— Во-первых, кто сказал, что его выбросили в море? Насколько я знаю воров — а знаю я их неплохо, сам в юности занимался в Заморе этим ремеслом,— он его вообще никуда не выбросит, а продаст какому-нибудь богатому торговцу. Клянусь Кромом! — он начал шагать по залу взад и вперед.— Стоит его поискать! Зелата велела мне найти сердце моего королевства... и все, что она показывала мне, оказалось правдой. Может, и вправду сила, способная одолеть Ксальтотуна, заключается в этой игрушке?

— Именно так! Голову даю на отсеченье! — воскликнул Хадрат. Лицо его прояснилось.— Когда оно будет в наших руках, мы потягаемся с Ксальтотуном! Клянусь! Если мы найдем его, то и корона вернется к тебе, и враги будут изгнаны из нашего дома. Не мечи Немедии испугали Аквилонию, а черное искусство Ксальтотуна!

Конан внимательно глядел на него. Воодушевление жреца передалось королю.

— Твои слова повторяют мысли Зелаты,— сказал он.— Она же во всем остальном была права. Я буду искать этот камень.

— В нем заключено будущее Аквилонии,— сказал Хадрат.— Я пошлю с тобой моих людей...

— О нет! — поспешно воскликнул король — ему не хотелось, чтобы под ногами у него путались жрецы, даже искушенные в тайных науках.— Это дело воина. Я пойду один. Сначала в Пойнтайнию, там оставлю Альбиону у Троцеро. Потом — в Кордаву и к морю, если будет нужно. Может случиться, что вор, даже послушавшись приказа Тараска, не сразу-то найдет корабль в это время года.

— Если ты разыщешь Сердце,— воскликнул Хадрат,— я здесь подготовлю почву для восстания. По тайным путям разойдется весть, что ты жив и возвращаешься с магией, способной одолеть Ксальтотуна. В момент твоего возвращения народ восстанет, уверенный, что ты защитишь его от злых чар. А пока я помогу тебе снарядиться в дорогу.

Он встал и ударил в гонг.

— Потайной ход из подземелья этого храма ведет к месту, расположенному за городскими стенами. В Пойнтайнию ты поедешь на лодке паломников, тогда никто не осмелится чинить тебе препятствий.

— Как хочешь.— Имея ясную цель, Конан пылал энергией и нетерпением.— Лишь бы побыстрее.

Между тем события в городе разворачивались все быстрее. Запыхавшийся гонец влетел во дворец, где Валерий развлекался с танцовщицами, и, рухнув на колени, бессвязно изложил рассказ о кровавом побеге и исчезновении прекрасной пленницы. Поведал он также, что граф Феспий, которому поручено было проследить за казнью Альбионы, находится при смерти и желает видеть короля.

Накинув плащ, Валерий поспешил за посланцем через лабиринт комнат и двориков в зал, где лежал граф Феспий. Ясно было, что графу конец: при каждом выдохе с губ его бежала кровавая пена. Обрубок руки был плотно забинтован, но и без того рана в боку была смертельной.

Оставшись с глазу на глаз с умирающим, Валерий тихо выругался:

— О, дьявол! Я думал, только один человек на свете способен наносить такие удары!

— Валерий...— прохрипел умирающий.— Он жив! Конан жив!

— Что ты говоришь?! — воскликнул Валерий.

— Клянусь Митрой! — сказал Феспий, захлебываясь кровью.— Это он освободил Альбиону! Он не мертвый... Он не призрак из ада, прищедший пострашать нас. Он из крови и плоти и еще опасней, чем раньше. Аллея под башней полна убитых и раненых... Берегись, Валерий! Он вернулся... чтобы убить нас всех...

По окровавленному телу пробежала сильная судорога, и граф Феспий скончался.

Валерий печально поглядел на труп, осмотрел комнату и, быстро подбежав к двери, распахнул ее. Гонец вместе с группой немедийских стражников стоял в глубине коридора. Валерий что-то удовлетворенно пробурчал под нос.

— Все ворота заперты? — строго спросил он.

— Так точно, ваше величество!

— Утроить караулы. Пусть никто не войдет в город и не выйдет из него без тщательного досмотра. Пусть пойдут патрули по улицам и домам. С помощью аквилонского сообщника бежал особо важный узник. Кто-нибудь из вас узнал этого сообщника?

— Нет, ваше величество. Старик сторож видел его и говорит, что это был гигант в одежде палача. А сам палач валялся в камере голый.

— Это опасный человек! — сказал Валерий. — С ним лучше не рисковать. Принцессу Альбиону вы все знаете — вот ее и ищите, а когда найдете — немедленно убейте ее вместе с тем, кто ее сопровождает. Не пробуйте взять их живыми.

Вернувшись в свою комнату, Валерий вызвал пред свои очи четверых мужей чужеземного обличья. Они были высокие, худощавые, желтолицые, в одинаковых черных одеждах. Они стояли перед Валерием, скрестив руки на груди. Валерий поглядел на них с чувством, близким к отвращению, хотя в дальних своих странствиях повидал немало всяких народов.

— Когда я нашел вас в джунглях Кхитая — изгнанников, умиравших от голода, — вы поклялись служить мне. И по-своему служите верно. А теперь я потребую от вас еще одной услуги, после чего можете считать себя свободными от клятвы.

Конан-киммериец, король Аквилонии, все еще жив, несмотря на чары Ксальтотуна, — а может быть, и благодаря им. Темная душа этого воскрешенного дьявола слишком сложна и тонка, чтобы простой смертный мог читать в ней. Но покуда Конан жив, я нахожусь в опасности. Народ выбрал меня как наименьшее зло, когда считал его погибшим. А теперь, когда он объявится народу, я и пальцем не успею шевельнуть, как слечу с трона.

Возможно, союзники мои вознамерились посадить его на мое место, посчитав, что я свою роль сыграл. Не знаю. Знаю только, что наш мир слишком тесен для двух королей Аквилонии. Ищите киммерийца. Используйте свои сверхестественные способности, чтобы выследить, где он скрывается и куда направится. В Тарантии у него много друзей. Они помогли ему освободить Альбиону. Даже такой человек, как Конан, не мог накрошить такую кучу трупов на аллее под башней. Я сказал достаточно. Возьмите свои посохи — и по следу. Я не знаю, куда он вас приведет, но, когда вы найдете Конана, — убейте его!

Не сказав ни единого слова, четверо кхитайцев поклонились и бесшумно покинули комнату.

11. МЕЧИ ЮГА

Из-за отдаленных гор встала утренняя заря и осветила парус небольшой лодки, плывшей по течению реки. Река, протекавшая примерно в миле от стен Тарантии, вилась в южном направлении, словно огромная змея.

Лодка отличалась от множества других, плывущих по широкой реке Кхоротас,— рыбачьих челноков и купеческих барж, набитых товарами. Длинная и узкая, с высоким выгнутым носом, черного цвета, борта украшены изображениями черепов. На палубе возвышалась небольшая каюта, шторы на ее окнах были тщательно задернуты. Другие суда старались держаться подальше от ее зловещего силуэта — сразу было видно, что это так называемая «лодка пилигрима», которая уносит умершего поклонника Асуры в последнее таинственное паломничество на юг, туда, где за далекими горами Пойнтайн река соединяет свои воды с голубым океаном. В каюте, несомненно, находился труп. Вид этой мрачной лодки был знаком всем аквилонцам, и даже наиболее фанатичные митраиты не осмелились бы дотронуться до нее или помешать скорбному путешествию.

Цель его была неизвестна. Одни утверждали, что она находится в Стигии, другие — что на безымянном острове за горизонтом, третьи же называли местом последнего успокоения умерших богатую и загадочную Вендию, но наверняка не знал никто. Было общеизвестно, что, когда умирает поклонник Асуры, его тело плывет на юг по большой реке на лодке, управляемой огромным рабом, и что никогда больше не видят ни трупа, ни лодки, ни раба. Если, конечно, не соответствуют истине мрачные россказни, что ведет лодку всегда один и тот же раб.

Человек, управлявший именно этой лодкой, также был темнокожим гигантом, хотя вблизи можно было рассмотреть, что цвет его кожи определяет умело наложенная краска. Одетый в кожаную набедренную повязку, он с необыкновенным проворством управлялся с веслами и рулем. Никто, однако, не приближался к лодке, поскольку все знали, что над поклоняющимися Асуре тяготеет проклятие, а «лодка пилигрима» прямо-таки пышет зловредными чарами. Встречные меняли курс, бормотали проклятия и знать не знали, что являются свидетелями бегства короля и принцессы Альбионы.

Необыкновенным было это двухсотмильное путешествие по большой реке до того места, где она сворачивала на юг, огибая горы Пойнтайн. Как во сне, сменяли друг друга береговые пейзажи. Днем принцесса Альбиона, как и положено покойнику, тихонько лежала в каюте. Только поздно вечером, когда прогулочные лодки высаживали своих пассажиров при свете факелов, а рыбаки еще не выходили на ловлю, она выходила на воздух. Там она становилась к рулю, чтобы Конан мог отдохнуть хоть несколько часов. Но не много времени тратил он на отдых: нетерпение подго-

няло его, а организм был выносливым. Ни на минуту не останавливаясь, они плыли все дальше и дальше, день и ночь, при солнце и при луне, когда в реке отражались миллионы звезд. По мере продвижения на юг зима отступала.

И, наконец, перед ними выросли горы Пойнтайн, словно стены крепости древних богов, а река стремительно уносилась в ущелья, пенясь на многочисленных порогах.

Конан внимательно оглядел берег и в конце концов направил лодку к мысу, который выдавался далеко в реку и был обрамлен правильным кругом скал.

— Как эти лодки преодолевают водопады, лежащие перед нами, понятия не имею,— говорил он.— А Хадрат говорил, что преодолевают... Но мы останемся здесь. Он говорит, что нас будет ждать человек с лошадьми, а никого не видно. И не представляю, как могло обогнать нас известие о нашем прибытии.

Привязав лодку к толстому древесному корню на берегу, он прыгнул в воду и смыл с себя коричневую краску, потом взял в каюте приготовленную Хадратом аквилонскую одежду и меч. Пока он переодевался, Альбиона тоже надела что-то более соответствующее путешествие по горам. Облачившись, Конан посмотрел на берег и взялся за рукоять меча, потому что под деревьями, держа в поводу белого скакуна и черного боевого жеребца, стоял человек в черном плаще.

— Кто ты?— спросил король.

— Поклоняющийся Асуре. Мне пришел приказ. Я выполнил.

— Как это — «пришел»? — поинтересовался Конан, но человек лишь снова поклонился:

— Я здесь, чтобы проводить вас через горы до первой пойнтайнской крепости.

— Проводник не нужен,— сказал Конан.— Мне хорошо знакомы эти горы. За лошадей спасибо, но вдвоем с принцессой мы будем меньше обращать на себя внимание, чем в обществе поклонника Асуры.

Почтительно поклонившись, человек в черном плаще отдал Конану поводья и вошел в лодку. Быстрое течение понесло ее к невидимым водопадам. Изумленно качая головой, Конан сначала усадил принцессу на белого коня, потом оседлал своего черного и направил путь в сторону вонзающихся в небо горных вершин.

Земли, лежащие у подножия гор, стали сейчас пограничьем во времена смуты: бароны вернулись к старым порядкам, безнаказанно орудовали орды беглецов. Пойнтайния никогда не провозглашала официально своей независимости от Аквилонии, но сейчас является, несомненно, автономным государством, управляемым наследственным графом Троцеро. Номинально южное нагорье принадлежало Валерию, но тот даже не пытался штурмовать перевалы под защитой крепостей, над которыми гордо развевались пойнтайнские знамена с изображением леопарда.

Король и его прекрасная спутница ехали по горной стране. Когда они поднялись выше, весь край раскинулся перед ними, словно огромный алый плащ, расшитый блеском рек и озер, золотом широких полей, белизной отдаленных башен. Наконец они достигли первого из пойнтайнских укреплений — мощной крепости, прикрывающей узкий проход, и увидели пурпурный штандарт на фоне голубого неба.

Прежде чем они достигли крепости, из-за деревьев выехал отряд рыцарей, и его предводитель грозным возгласом остановил путешественников. Пойнтайнцы были высокими мужчинами, черноглазыми и курчавыми, как все южане.

— Остановитесь, господа, и скажите, с какими целями прибыли вы в Пойнтайнию!

— Разве Пойнтайния взбунтовалась,— спросил Конан,— если человека в аквилонской одежде задерживают и допрашивают, словно чужеземца?

— Много негодяев разъезжает нынче по Аквилонии,— холодно ответил рыцарь.— Что же касается бунта — если ты имеешь в виду свержение узурпатора,— то да, Пойнтайния взбунтовалась. Ибо мы предпочитаем служить памяти мертвого мужа, чем скипетру живого пса.

Конан сорвал с головы шлем и, тряхнув черной гривой, поглядел говорящему прямо в глаза. Пойнтайнец ошеломленно глядел на него, потом...

— Благие боги! — выдохнул он.— Это король... Он жив!

Недоумение остальных сменилось неудержимым радостным кличем. Они окружили Конана, издавая боевые возгласы и потрясая мечами. Восторг пойнтайнских рыцарей мог до смерти перепугать слабого духом.

— О, Троцеро заплачет от радости при виде тебя, господин! — рычал один из рыцарей.

— И Просперо тоже! — кричал другой.— Наш наместник, как говорится, накрылся плащом печали и день и ночь проклинает себя за то, что не подошел к Валькии вовремя, чтобы погибнуть рядом со своим королем.

— Теперь мы вернем королевство! — надрывался третий и крутил огромным мечом над головой.— Слава Конану, владыке Пойнтайнии!

Металл загремел о металл, и птицы пестрой тучей взлетели с окрестных деревьев. Закипела горячая кровь людей юга, которые желали теперь только одного — чтобы вновь обретенный вождь повел их за славой и добычей.

— Что прикажешь, господин? — кричали они.— Пусть один из нас помчится вперед с радостной вестью! Знамена взовьются над каждой башней, розы усыплют дорогу перед копытами твоего коня, и все лучшее, что есть на юге, склонится перед тобой...

Конан отказался:

— Разве я мог усомниться в вашей верности? Но ветры, вею-

щие над этими горами, долетают и до моих врагов, а я не хочу, чтобы они знали, что я жив,.. Пока. Проводите меня к Троцеро, но сохраняйте тайну.

Так что ожидаемое рыцарями триумфальное шествие походило скорее на тайное бегство. Двигались быстро, в молчании, отдавая командирам очередных застав распоряжения шепотом. Конан ехал с опущенным забралом.

Горы были малолюдны — навстречу попадались только изгнанники и гарнизоны, стерегущие проходы в горах. У пойнтайнцев не было ни желания, ни необходимости добывать кусок хлеба из этой каменистой земли. К югу от горной цепи раскинулась плодородная и прекрасная равнина до самой реки Алиман, отделявшей Пойнтайнию от Зингара.

За горами зима срывала листья с деревьев, а здесь зеленели высокие буйные травы, паслись стада коней и скота, которыми славилась Пойнтайния. Пальмы и апельсиновые рощи нежились под солнцем, и свет его отражался на пурпурных, золоченых и алых башнях. Это был край тепла и достатка, родина красивых людей и безжалостных воинов, ибо не только суровая земля порождает настоящих мужчин. Пойнтайния была окружена завистливыми соседями, и сыны ее закалялись в непрестанных войнах. С севера страну, правда, защищали горы но на юге только река отделяла ее от Зингара, и не раз, а тысячу раз воды ее окрашивались кровью. На востоке были Аргос и Офир — королевства гордые и хищные. Рыцари Пойнтайнии удерживали свою землю с помощью меча, и редко им приходилось вкушать мир и спокойствие.

Наконец Конан прибыл в замок Троцеро.

Конан сидел на диване, обтянутом шелком, в роскошном зале, где прозрачные занавески колыхались от легкого ветерка, а Троцеро, крепкий, подвижный человек с девичьей талией и плечами рыцаря, выглядевший гораздо моложе своих лет, ходил по залу взад-вперед, словно пантера в клетке.

— Позволь провозгласить тебя королем Пойнтайнии! — настаивал он.— Пусть эти северные свиньи сами таскают ярмо, под которое подставили шею. Юг все еще принадлежит тебе. Живи здесь и царствуй над нами среди цветов и пальм.

— Нет,— сказал Конан.— Хоть и не знаю я на свете земли более достойной, чем Пойнтайния, в одиночку ей не выстоять, несмотря на все мужество ее сыновей.

— В течение многих веков этого было достаточно,— ответил Троцеро с ревнивой гордостью, характерной для его народа.— Не всегда мы были частью Аквилонии.

— Я знаю. Но сейчас совсем другие условия, не то, что раньше, когда королевства были разделены на враждующие вотчины. Миновали дни княжеств и вольных городов, пришло время империй. Владыки стремятся к могуществу, и только в единстве сила.

— Тогда разреши присоединить к Пойнтайнии Зингар,— сказал Троцеро.— Полдюжины князей там схватились между собой, и в стране идет гражданская война. Мы захватим ее — провинцию за провинцией. Потом с помощью зингарцев покорим Аргос и Офир и воздвигнем империю...

И снова Конан воспротивился:

— Пусть другие мечтают об империях. Я хочу только вернуть свое. Я не хочу править королевством при помощи стали и огня. Одно дело взойти на трон при поддержке народа и с его согласия и совсем другое — захватить чужое государство и править устрашением. Я не желаю стать вторым Валерием. Нет, Троцеро, либо я буду править всей Аквилонией, либо вообще не буду государем...

— Тогда веди нас через горы на немедийцев!

Боевой азарт вспыхнул в глазах Конана, но он сказал:

— Нет, Троцеро, это было бы напрасной жертвой. Я уже сказал тебе: чтобы вернуть королевство, я должен отыскать Сердце Аримана.

— Но это безумие,— возразил Троцеро.— Бредни языческого жреца, бормотание безумной ведьмы...

— Ты не был в моем шатре перед битвой,— хмуро ответил Конан и невольно посмотрел на свою правую руку, на которой все еще синели следы пальцев.— Ты не видел, как обрушились скалы и погребли цвет моего войска. Нет, Троцеро, я был побежден. Ксальтотун — не простой смертный, выйти против него можно только с Сердцем Аримана в руке. Поэтому я пойду в Кордаву, причем один.

— Но это опасно,— возразил Троцеро.

— Да и сама жизнь опасна,— проворчал Конан.— Я поеду не как король Аквилонии или пойнтайнский рыцарь, а как бродяга-наемник. Когда-то именно в этом качестве я пересек Зингар. Ох, много у меня врагов к югу от Алимана — и на море, и на суше. Многие и не увидят во мне короля Аквилонии, зато узнают пирата Конана-варвара или Амру — предводителя черных корсаров. Но есть там и друзья, и другие люди, которые мне помогут по некоторым соображениям.

И легкая усмешка пробежала по его губам.

Троцеро покорно опустил голову и посмотрел на Альбиону.

— Я понимаю твои сомнения, граф,— сказала она.— Но я тоже видела монету в храме Асуры, и обрати внимание: Хадрат сказал, что она отчеканена за пятьсот лет до падения Ахерона. Если человек, изображенный на монете, именно Ксальтотун, как утверждает наш король, то это не простой волшебник, ибо срок его жизни исчислялся сотнями лет, а не десятками...

Прежде чем Троцеро ответил, раздался тихий стук в дверь и послышался голос:

— Господин, мы задержали возле замка человека, и он сказал, что должен видеть твоего гостя. Ожидаю распоряжений.

— Шпион из Аквилонии! — прошипел Троцеро и схватился за кинжал, но Конан громогласно воскликнул:

— Откройте двери, я хочу его увидеть!

Вошли два стражника, ведя под руки худого человека в черном плаще с капюшоном.

— Ты поклоняешься Асуре? — спросил Конан.

Прибывший кивнул, а дюжие воины стали испуганно поглядывать на Троцеро.

— Пришли известия с юга, — сказал гонец. — За Алиманом мы не сможем тебе помочь, там наша вера не распространена. Но вот что нам удалось узнать: вор, принявший Сердце Аримана из рук Тараска, не добрался до Кордавы. Разбойники зарезали его в горах Пойнтайн. Их предводитель, конечно, не знал подлинной цены камня, к тому же он убегал от здешних рыцарей, поэтому он, не торгуясь, продал драгоценность купцу из страны Кот по имени Зорат.

— Ха! — воскликнул Конан, вскочив. — И где этот Зорат?

— Четыре дня тому назад он вместе с группой вооруженных слуг переправился через Алиман и двинулся в направлении Аргоса.

— Только идиот решится путешествовать по Зингару в такие времена, — сказал Троцеро.

— Воистину так, за рекой весьма неспокойно. Но Зорат — человек опытный и по-своему смелый. Он торопится я в Мессантию, чтобы найти покупателя камня. Возможно, он кое о чем догадывается. Во всяком случае он пошел не вдоль Пойнтайнских гор к Аргосу — оттуда ведь еще далеко до Мессантии, — но решил пересечь восточную часть Зингара прямым и кратчайшим путем.

Конан грохнул кулаком по столу:

— Значит, клянусь Кромом, и мне судьба выбросила шестерку! Коня, Троцеро, и снаряжение наемного солдата! Зорат опередил меня, но не настолько, чтобы я не мог догнать его хотя бы на краю земли!

12. ЗУБ ДРАКОНА

На рассвете Конан переправился через брод на реке Алиман и двинулся по широкой торговой дороге в юго-восточном направлении. На другом берегу остался Троцеро с отрядом рыцарей и алым леопардом Пойнтайнии, развевавшимся на ветру; черноволосые мужи в сверкающих доспехах в молчании глядели, как силуэт их короля понемногу исчезает вдали.

Конан оседлал полученного у Троцеро огромного черного скакуна. Аквилонской одежды не было на нем — снаряжение превратило его в одного из членов международной Свободной Компании — братства солдат удачи. На голове его был простой шлем без забрала, погнутый и поцарапанный, кольца и бляхи кольчуги свидетельствовали о многочисленных схватках, с могучих плеч

спадал щегольский, но рваный и заляпанный алый плащ. Король неплохо выглядел в роли наемника, познавшего все капризы фортуны: то добыча и разгул, то пустая мошна и затянутый пояс.

Мало того, что он хорошо выглядел в этой роли, он в ней и чувствовал себя хорошо — воспоминания оживили в его душе картины буйных, безумных и прекрасных дней, когда он еще не помышлял о троне и как бродяга-наемник пил, искал приключений и стычек, не задумываясь о завтрашнем дне и не мечтая ни о чем, кроме доброго пива, алых губок и острого меча, чтобы размахивать им на полях битв всего мира.

Он ехал по неспокойной стране. Конных отрядов, патрулировавших обычно реку на случай пойнтайнского вторжения, не было видно. Гражданская война оголила границы. Длинная белая дорога тянулась от горизонта до горизонта, и по ней не двигались ни караваны верблюдов, ни грохочущие телеги, ни стада скота — только редкие группы всадников, остролицых мужей с решительным взорами. Они держались вместе и ехали настороже. Обычно они внимательно оглядывали Конана, но не задерживались, потому что вид одинокого ездока навевал мысли не о богатой добыче, а о тяжких ударах.

Опустошенные деревни лежали в развалинах, поля и луга заросли бурьяном. Лишь самые смелые навещали этот край, а местный люд разбежался и поредел во время внутренних войн и набегов из-за реки. В мирные времена на дороге было полно торговцев, направлявшихся в Мессантию и Аргос или обратно. Сейчас они предпочитали более длинную, но менее опасную дорогу на восток через Пойнтайнию, которая поворачивала потом на юг, к Аргосу. Только отчаянной смелости человек мог рискнуть своей жизнью и товаром, выбрав зингарийскую дорогу.

Ночью языки пламени взвивались на юге, днем поднимались в небо столбы дыма — в городах и на равнинах Юга гибли люди, рушились престолы, замки превращались в руины. Конан чувствовал даже искушение старого наемного вояки — повернуть коня и броситься в самую гущу схватки, разрушения и грабежа. Затем стараться вернуть власть над народом, который уже и думать забыл про него? Зачем бежать за болотными огоньками, гнаться за утраченной навеки короной? Почему не забыться в багряных волнах войны и разбоя, которые раньше столь часто принимали его в свои объятия? Мир вступает в эру железа, эру войн, эру имперских амбиций. По-настоящему сильный человек может, конечно, встать на обломках царст, как последний победитель. Но почему этим человеком должен быть именно он? Так нашептывал ему на ухо демон-хранитель, а призраки бурного и кровавого прошлого окружали его тесным кольцом. Но коня он не повернул, а все ехал и ехал к цели, такой туманной и неопределенной...

Он все быстрее гнал черного жеребца, но белая дорога от горизонта до горизонта была пуста. У Зората было большое преимущество, но Конан двигался все-таки быстрее, чем торговец с това-

ром. Так он доехал до замка графа Вальбросо, который, подобно гнезду хищной птицы, возвышался на скале над самой дорогой.

Вальбросо — худощавый человек с блестящими глазами и хищно загнутым носом, закованный в черные доспехи, съехал с горы во главе своих воинов, тридцати копейщиков, ветеранов пограничных схваток, таких же жадных и безжалостных, как и он сам. Торговых караванов давненько не было, и Вальбросо одновременно проклинал гражданские войны за опустевшие дороги, и благославлял их за ту свободу, с которой можно было обращаться с соседями. Он не рассчитывал хорошо поживиться за счет одинокого всадника, но курочка по зернышку клюет. Когда же он опытным взглядом осмотрел снаряжение и покрытое шрамами лицо Конана, то пришел к тому же выводу, что и всадники, встречавшие киммерийца раньше,— пустая мошна и тяжкий меч.

— Ты кто, бездельник? — сурово спросил он.

— Наемник, направляющийся в Арос,— ответил Конан.

— Для парня из Свободной Компании ты выбрал неважный путь,— проворчал Вальбросо.— На юге полно всего — и работы, и добычи. Присоединяйся ко мне, и забудешь про голод. Дорога, правда, опустел и толку с нее немного, но я с этими головорезами собираюсь пойти на юг и продать свои мечи тому, кто сильнее.

Конан не торопился с ответом, потому что знал: откажешься — головорезы Вальбросо тут же кинутся на него. Прежде чем он обдумал ответ, зингарец заговорил снова:

— Вы, забияки из Свободной Компании, всегда славились умением развязать человеку язык. У меня есть пленник — последний схваченный мной купец и, клянусь Митрой, последний купец за целую неделю вообще. Но упрямый. Мне так и не удалось заставить его открыть свой железный ящик, секрет которого нам неизвестен. Клянусь Иштар, я-то думал, что знаю все способы убеждения, но, может быть, ты, ветеран Свободной Компании, знаешь такие, что ускользнули от моего внимания. Во всяком случае, поезжай за мной и попробуй что-нибудь сделать.

Слова Вальбросо определили выбор Конана. Похоже, речь шла о Зорате. Конан, конечно, не знал торговца, но человек, решившийся ехать этой дорогой в такое страшное время, мог, скорее всего, устоять и перед пытками.

По дороге, ведущей к замку, Конан ехал бок о бок с Вальбросо, хотя, как простой солдат, должен был держаться сзади. Но привычка сделала его неосмотрительным; к счастью, Вальбросо не обратил на это внимания. Годы жизни на пограничье научили графа манерам, несколько отличающимся от тех, что в ходу при дворе. Кроме того, он знал о независимости наемников, мечи которых прорубили дорогу к трону не одному королю.

Замок окружен был высохшим рвом, наполовину заваленным мусором. Они проехали через подъемный мост под арку ворот. Зловеще загремела решетка, опускаясь за спинами. Они выехали

на пустой двор, заросший травой. Посередине был колодец, а вдоль стены тут и там были разбросаны деревянные времянки солдат. Из окон выглядывали лохматые, пестро одетые женщины. В сводчатых нишах солдаты в ржавых доспехах играли в кости на каменных плитах. Все это походило скорей на разбойничий вертеп, чем на благородный замок.

Вальбросо спешился и жестом приказал Конану следовать за ним. Через дверь они прошли в коридор, где встретили одетого в латы человека свирепого вида, который спустился вниз по лестнице — скорей всего, это был начальник стражи.

— Ну как, Белосо? — спросил граф. — Он заговорил?

— Молчит! — буркнул тот и покосился на Конана.

Вальбросо выругался и побежал по лестнице, Конан и Белосо за ним. Наверху они услышали вопли умирающего. Камера пыток в этом замке была на высоте — как и в государственном учреждении, здесь были всевозможные приспособления для терзания плоти, раздробления костей, вытягивания жил — колеса, железные башмаки, цепи и крючья.

В углу камеры сидело худое и лохматое человекоподобное чудовище в кожаных штанах и жадно обгладывало кость. На колесе умирал — Конан понял это сразу — голый человек. Неестественно вытянутые конечности говорили о вывернутых суставах и множестве других немыслимых повреждений. У него была смуглая кожа, умное строгое лицо и черные глаза, мутные и покрасневшие от боли. На лице его выступил предсмертный пот, а из-за растянутых губ виднелись черные десна.

— Вот эта коробка, — Вальбросо яростно пнул стоящий неподалеку небольшой, но тяжелый железный ящик. Ящик был украшен изображениями черепов и сплетающихся драконов, но ничего похожего на замок Конан не увидел. Пятна и царапины говорили о том, что до содержимого пытались добраться с помощью топора, лома, долота и огня.

— Здесь казна этого пса, — сердито сказал Вальбросо. — Все на юге знают Зората и его железный ящик, но что внутри — одному Митре ведомо.

Зорат! В самом деле, человек, за которым он гнался, лежал сейчас перед ним. Конан не выдал своего нетерпения, но, когда он склонился над измученным телом, сердце его бешено стучало.

— Ослабь веревки, мерзавец! — хрипло приказал он палачу. Вальбросо и его капитан смотрели с недоумением. Забывшись, Конан заговорил своим обычным тоном, а дикарь в кожаных штанах инстинктивно повиновался. Веревки ослаблялись медленно, иначе боль была бы такой же сильной, как при растягивании.

Рядом стоял жбан с вином. Конан схватил его и поднес к губам несчастного. Зорат судорожно глотал, и вино текло на его тяжко вздымавшуюся грудь.

Разум блеснул в залитых кровью глазах, дрогнули покрытые

багровой пеной губы, и послышался хриплый шепот на языке страны Кот:

— Уже наступила смерть? Кончились эти мучения? Передо мной король Конан, павший под Валькией — значит, я в стране мертвых.

— Ты еще жив,— сказал Конан,— но умираешь. Пыток больше не будет, я позабочусь об этом. Но больше ничем не могу тебе помочь. Но, прежде чем умрешь, скажи мне, как открывается твой железный ящик!

— Мой железный ящик...— пробормотал Зорат.— Выкован он в дьявольском пламени пылающих гор Короши из металла, который не возьмет никакой инструмент. Много чудных сокровищ путешествовало в нем вдоль и поперек нашего мира, но все они не сравнятся с тем, что лежит там сейчас.

— Скажи, как его открыть,— настаивал Конан.— Тебе от него толку уже не будет, а мне оно может помочь.

— Да, ты Конан,— сказал торговец.— Я видел, как ты сидел с короной на голове и скипетром в руке в своей большой тронной зале дворца в Тарантии. Но тебя уже нет, ты погиб под Валькией. Значит, и мой конец близок.

— Что бормочет этот пес?— нетерпеливо спросил Вальбросо, который не понимал языка страны Кот.— Он скажет нам, как открыть ящик?

Голос его словно бы раздул искру жизни в израненной груди, Зорат повернулся к мучителю.

— Я скажу это только графу Вальбросо,— молвил он позингарийски.— Смерть кружит надо мной. Наклонись, Вальбросо!

Лицо графа разгорелось от нетерпения, он приблизился к умирающему.

— Нажми один за другим семь черепов на боковой стенке,— просипел Зорат.— Потом — голову дракона, который вьется на крышке. И наконец, надави на шар в когтях дракона. Секретный замок откроется.

— Ящик, быстро!— взвизгнул Вальбросо и выругался.

Конан поднял ящик и поставил его возле пыточного колеса. Вальбросо оттолкнул короля в сторону.

— Дай, я открою!— высунулся вперед Белосо.

— Его не откроет никто, кроме меня!— закричал Вальбросо.

Конан, инстинктивно схватившийся за меч, поглядел на Зората. Глаза его были мутны и кровавы, но он очень внимательно глядел на графа, и словно бы тень мрачной улыбки коснулась его губ. Торговец не открывал тайны, пока не понял, что умирает. Конан повернулся к Вальбросо и стал глядеть на него так же внимательно, как умирающий.

Край ящика был украшен рельефом из семи черепов среди ветвей причудливого дерева, а посередине свивался в кольца инкрустированный дракон. Вальбросо поспешно нажимал на черепа и,

коснувшись большим пальцем головы дракона, грязно выругался и замахал рукой.

— Заноза,— проворчал он.— Палец занозил.

Потом он нажал на золотой шар в лапах дракона — и крышка подскочила вверх. Золотое пламя ударило в глаза. Казалось, в резной коробке пылает огонь, готовый вот-вот вырваться через края. Белосо вскрикнул, граф тяжело дышал, пораженный Конан стоял в молчании.

— О, Митра, что за камень! — рука Вальбросо погрузилась в ящик и вынула оттуда пульсирующий алый шар, осветивший камеру мягким светом. Вальбросо казался бледным, как покойник. И вдруг умирающий на колесе человек расхохотался.

— Глупец! — воскликнул он.— Камень принадлежит тебе, но вместе с ним я подарил тебе смерть! Заноза в пальце... Посмотри на голову дракона, Вальбросо!

Все одновременно повернулись и посмотрели. Из раскрытой пасти на рельефе что-то торчало.

— Зуб дракона! — хрипел Зорат.— Он смочен ядом черного стигийского скорпиона! Дурак, дурак, трижды дурак, зачем ты открывал его голой рукой? Смерть! Ты уже мертв!

И умер сам с кровавой пеной на губах.

Вальбросо же зашатался и крикнул:

— О, Митра, я горю! Огонь пылает в моих жилах! Смерть! Смерть! — и, скорчившись, рухнул на пол. Страшные судороги пробежали по телу, глаза остекленели, почерневший рот оскалился в страшной усмешке.

— Готов! — проворчал Конан и наклонился, чтобы поднять камень, выпавший из скрюченных пальцев Вальбросо.

— Готов! — проворчал Белосо, и в глазах его зажглось безумие и ярость. Он начал двигаться...

Ослепленный сиянием камня и потрясенный его доступностью, Конан оплошал. Прежде чем он разгадал намерения Белосо, что-то со страшной силой ударило его по шлему, и на кровавый блеск кристалла пролилась живая кровь.

Послышались топот ног и рев, подобный реву раненого буйвола. Оглушенный, но не вовсе потерявший сознание Конан сообразил, что Белосо ударил его железным ящиком. Голова уцелела только благодаря шлему. Он попытался отогнать тьму от глаз, шатаясь, поднялся и вытащил меч. Камера ходила ходуном в тумане. Дверь была открыта, и быстрые шаги доносились уже с винтовой лестницы. На полу валялся лохматый палач, остатки жизни вытекали из огромной раны на его груди. И Сердце Аримана пропало.

С мечом в руке, с лицом, залитым кровью, Конан выбрался из камеры. На неверных ногах он сбежал по лестнице, слыша во дворе крики, лязг металла, а потом — конский топот. Он выбежал во двор и увидел беспорядочно бегающих солдат и визжащих девиц. Боковые ворота были открыты, возле них лежал стражник с раз-

рубленной головой. Кони — среди них и черный жеребец Конана — носились по кругу.

— Он сошел с ума! — вопила какая-то женщина.— Выскочил из замка, как бешеный пес, и начал рубить на все стороны! Белосо взбесился! Где граф Вальбросо?

— В какую сторону он ускакал? — зарычал Конан.

Все как один повернулись в сторону окровавленного незнакомца с обнаженным мечом.

— Через ворота на восток! — завыла женщина, а какой-то солдат воскликнул:

— А это что за тип?

— Белосо убил графа! — крикнул Конан, одним прыжком вскочил на коня и схватился за гриву. Дикий рев был ему ответом, но реакция воинов была такая, какую Конан и предвидел. Вместо того, чтобы закрыть ворота и поймать его в ловушку или броситься в погоню за убийцей и отомстить за господина, они запаниковали еще сильнее. Только страх перед Вальбросо держал этих волков в стае, а теперь они не чувствовали ответственности ни за замок, ни друг за друга.

Зазвенели мечи, завизжали женщины, и никто не заметил, как Конан вылетел через боковые ворота и с топотом помчался по склону. Перед ним лежала широкая долина, а дорога раздваивалась в южном и восточном направлениях. И как раз на восточной дороге Конан увидел всадника, который изо всех сил погонял коня. Мир перед глазами короля ходил ходуном, солнце виделось сквозь кровавую пелену, но киммериец, едва удерживаясь в седле, крепко сжимал одной рукой конскую гриву и тоже пришпоривал своего скакуна.

За его спиной струя дыма поднялась из замка, где тело забытого графа лежало рядом с трупом его жертвы.

Жеребец Конана был полон сил, но и конь Белосо не притомился. Киммериец не мучал свою разбитую голову вопросом, почему негодяй убегает от одного-единственного преследователя. Может быть, обретенное сокровище попросту свело его с ума. Солнце скрывалось за горизонтом, и дорога превращалась в тонкую белую нить, уходящую в пурпурный закат.

Наконец, конь короля начал дышать тяжело и бежать с трудом. Пейзаж в наступающем мраке менялся. Пустые равнины уступили место дубовым и ольховым рощам, вдали показались невысокие холмы. Конь храпел и двигался вихляющей рысью. Но Конан продолжал видеть фигуру беглеца, понял, что малопомалу настигает его, и снова вонзил шпоры в конские бока. Из тьмы донесся леденящий душу вопль, заглушивший даже стук копыт, но ни беглец, ни преследователь не обратили на него внимания.

Они скакали уже почти бок о бок, когда над дорогой повисли мощные ветви деревьев. С диким криком Конан выхватил меч: он увидел обращенное к нему в темноте бледное лицо и блеск ста-

ли. Белосо тоже издал боевой клич. И в этот миг обессилевший жеребец Конана споткнулся и полетел кувырком, выбросив из седла ошеломленного всадника. Бедная голова Конана не выдержала удара о камень, и свет померк в его глазах.

...Король понятия не имел, сколько он пробыл без сознания. Сначала он чувствовал только, как его волокут за руку по камням, по лесной траве. Потом хватка внезапно ослабела и сознание окончательно вернулось к нему.

Шлем его пропал, голова раскалывалась, подступала тошнота, волосы слиплись от крови. Но жизнь уже возвращалась в каждую клеточку его тела, разум обретал остроту, и он начал понимать, где находится. Из-за деревьев видна была багровая круглая луна — значит, уже за полночь. Долго же он лежал, приходя в себя после страшного удара Белосо и падения с коня. Соображалось, во всяком случае, лучше, чем во время погони.

Итак, он, к удивлению, не лежит на обочине дороги, да и вообще этой дороги поблизости не видать. Он лежал на лесной поляне, вокруг стволы деревьев и переплетения ветвей. Он пошевелился, огляделся и вздрогнул — возле него сидело на корточках какое-то существо.

Сначала Конан подумал, что это призрак — неподвижная серая фигура, глядящая на него застывшими бессмысленными глазами.

Он лежал, смотрел и ждал, когда исчезнет дурной сон, но мороз пробежал по коже, когда король вспомнил жуткие рассказы о существах, населяющих леса на границе между Зингаром и Аргосом. Гулями зовутся они, пожирателями человеческого мяса — семя тьмы, потомки чудовищной связи сгинувшего и забытого народа с демонами подземелий. Где-то в этом лесу, поговаривали, среди развалин древнего проклятого города, скользят между гробниц серые человекоподобные тени... И снова дрожь пронзила тело Конана.

Он следил за маячившей перед ним бесформенной головой, а рука его нащупывала кинжал на поясе. И вдруг с ужасным воплем чудовище бросилось, норовя вцепиться в глотку. Конан закрылся рукой, челюсти сомкнулись на ней, вдавливая звенья колчуги в тело. Костлявые, почти человеческие руки добирались до шеи, но Конан отбил их и перевернулся, доставая левой рукой кинжал.

Они катались по траве, нанося друг другу удары. Под серой, дряблой, мертвой кожей перекатывались мышцы, словно бы сплетенные из стальной проволоки. Но у Конана тоже были железные руки, да и кольчуга надежно защищала от клыков и когтей. Ему удалось нанести удар кинжалом, потом еще и еще... Тварь была поразительно живучей, но наконец смертная судорога пробежала по отвратительно скользкому телу, когда острие кинжала нашло сердце.

Конан поднялся, борясь с тошнотой, и, держа кинжал в руке, вышел на середину поляны. Врожденное чувство ориентации не

покинуло его, но он все-таки не знал, куда затащил его гуль и в какой стороне искать дорогу. Он глядел на черные силуэты деревьев и чувствовал, как на лбу его выступает холодный пот. Он, потерявший и дорогу, и коня, оказался в гуще этих вурдалачьих лесов, и лежащая у его ног лупоглазая тварь наглядно свидетельствовала о том, что слухи оказались правдой. Он затаил дыхание, чтобы расслышать треск ветвей или шорох травы.

Он вздрогнул, услышав наконец звук — ночную тишину огласило тревожное конское ржание. Его жеребец! Здесь водятся пантеры, а кроме того, гули жрут не только людское мясо.

Он бросился напролом через заросли в направлении звука. Страх сменился боевым азартом. Если с конем что-нибудь случится, пропадет возможность догнать Белосо и найти камень.

Снова, на этот раз ближе, заржал и забился в страхе жеребец. Было слышно, как он ударяет во что-то копытами...

Внезапно Конан выбежал на дорогу и увидел, что конь, прядая ушами и оскалив зубы, становится на дыбы и норовит ударить копытами по темной фигуре, прыгающей вокруг. Другие тени заклубились возле Конана, окружая его. Мерзкий трупный запах разлился в ночном воздухе.

Тут Конан увидел, что под травой и листьями что-то блеснуло. Это лунный свет отразился на лезвии его меча — меч как выпал из рук киммерийца, когда конь споткнулся, так и лежал на том же месте. Ругаясь, король схватил свое оружие и сделал широкий круговой замах. Блестели влажные клыки, тянулись грязные когти, но он прорубил себе дорогу и одним прыжком оказался в седле. Меч поднимался и опускался, рассекал уродливые головы и тела, хлестала кровь. Жеребец бил врагов копытами и кусался. Наконец удалось отбиться, и они помчались по дороге. Некоторое время уродливые тени преследовали их, но быстро отстали. Конь и всадник очутились на вершине поросшего лесом холма. Конан увидел перед собой бескрайний горный склон, уходивший вверх и терявшийся вдали.

13. ПРИЗРАК ИЗ ПРОШЛОГО

Вскоре после восхода солнца Конан пересек границу Аргоса. Следов Белосо нигде не было. Или он как следует оторвался, пока король лежал без памяти, или пал жертвой зловещих людоедов зингарийского леса. Хотя никаких следов, подтверждающих последнее, Конан тоже не нашел. Король чувствовал, что Белосо едет по этой самой дороге где-то впереди. Капитан явно не собирался в Аргос, иначе не свернул бы на восток.

Латники пограничной стражи не цеплялись к киммерийцу. У одинокого наемника напрасно было спрашивать подорожную либо охранную грамоту — его экипировка, лишенная всяких опознавательных знаков и гербов, говорила, что владелец ее не состоит у кого-нибудь на службе. Он пересекал невысокие холмы,

нешироκие речушки, дубовые рощи. Старая, очень старая дорога вела из Пойнтайнии к морскому побережью.

В Аргосе царил мир и покой. Волы тянули по дороге тяжело нагруженные, грохочущие возы, смуглые, жилистые люди трудились на полях и в садах. Старики, сидевшие на лавках возле питейных заведений в тени дубовых ветвей, сердечно приветствовали странника.

Он расспрашивал крестьян в поле, толковал с разговорчивыми стариками в тавернах, утоляя жажду флягами пенистого пива, заговаривал с купцами, одетыми в шелк — хотел узнать что-нибудь о Белосо.

Хотя рассказы эти были противоречивыми, можно было из них все-таки понять, что тощий, жилистый зингарец с бешеными глазами и усами, отпущенными на западный манер, действительно появлялся на дороге и держал путь, по всей видимости, в Мессантию. Это и понятно: из всех портовых городов Аргоса Мессантия была наиболее многолюдным, наиболее посещаемым. В ее гавань входили корабли всех морских держав, здесь искали убежища изгнаники и беглецы со всего света. Законы здесь были достаточно мягкие: Мессантия жила морской торговлей, и ее обитатели, чтобы не осложнять отношений с моряками, на многое предпочитали закрывать глаза. Ведь не все товары были легальными — многие из них доставляли пираты и контрабандисты. Конану это было хорошо известно: не он ли в бытность свою бараханским пиратом входил ночью в порт с драгоценными грузами? Большинство пиратов с островов Бараха — маленького архипелага, расположенного к юго-западу от побережья Зингара, составляли аргосские же моряки, и пока их деятельность ограничивалась торговым флотом других стран, власти Аргоса не больно-то блюли морское право.

Но не только с бараханскими пиратами скитался по морю Конан — случалось ему хаживать и с зингарскими буканьерами и даже — что выходило за рамки всех законов — с теми дикими черными корсарами, которые, приходя с далекого юга, опустошали северные побережья. Если бы его узнали в каком-нибудь аргосском порту, казнь была бы неминуема. Но без всяких колебаний направился король в Мессантию и останавливался лишь затем, чтобы дать отдых коню да самому задремать на несколько минут.

Никто не задержал его, когда он въехал в город и смешался с толпой, колыхавшейся в торговых рядах. У Мессантии не было нужды в городских стенах — ее охраняли море и военные корабли.

Уже смеркалось, когда Конан неторопливо ехал по улице, ведущей к порту. Вот показался берег, мачты, корабельные паруса. Впервые за много лет он слышал запах соленой воды, скрип мачты. И снова тоска по дальним странствиям стеснила сердце Конана.

Но на берег он не выехал — повернул жеребца в сторону и,

поднявшись по каменной лестнице, въехал на широкую улицу. Здесь в роскошных белых особняках жили люди, превратившие в недвижимое имущество богатство, обретенное в морях,— несколько старых капитанов, нашедших сокровища где-то у черта на рогах, и множество торговцев, которые ни одного шага не сделали по палубе и не слышали, как ревет шторм или морская битва.

Конан направил жеребца к позолоченной калитке и въехал во двор. Здесь шумел фонтан, голуби слетали с мраморных карнизов на мраморные плиты подворья. Паж, облаченный в шелковый камзол и шерстяные чулки, вопросительно поглядел на него. Всякие чудные и удивительные типы приходили в гости к мессантийским купцам, от большинства из них пахло морем. Но наемный рубака, да еще свободно въезжающий во двор торгового магната, был явлением необычным.

— Здесь живет купец Публио?— сказал король скорей утвердительно и таким тоном, что паж сорвал с головы берет с пером и почтительно раскланялся.

— О да, именно здесь, господин капитан.

Конан соскочил с коня, а паж подозвал слугу, и тот подбежал, чтобы принять поводья.

— Хозяин дома?— Конан снял перчатку и принялся отряхивать с себя пыль.

— Да, капитан. Как прикажете доложить?

— Сам доложу,— проворчал Конан.— Дорогу я знаю, так что оставайся здесь.

Публио сидел за резным столиком тикового дерева и водил золотым пером по дорогому пергаменту. Это был большеголовый человек с бегающими черными глазками в дорогой одежде из голубого шелка, обшитого парчой. На толстой шее у него висела тяжелая золотая цепь.

Когда Конан вошел, он поднял взгляд, хотел нетерпеливо отмахнуться, но застыл с поднятой рукой. Перед ним был призрак из прошлого. В широко раскрытых глазах торговца были удивление и страх.

— Значит,— сказал Конан,— у тебя для меня и слова доброго не найдется?

Публио облизнул губы.

— Конан,— прошептал он, не веря себе.— О, Митра, это же Конан-Амра!

— А кто же еще?— Конан расстегнул плащ и вместе с перчатками бросил его на столик.— Значит,— со злостью сказал он,— у тебя не найдется хотя бы кубка вина для старого приятеля? У меня вся глотка забита дорожной пылью.

— Ах, да, вино!— повторил Публио и потянулся было к гонгу, но отдернул руку как от огня.

С каким-то мрачным удовольствием Конан смотрел, как торговец встает, торопливо закрывает двери, предварительно убе-

дившись, что в коридоре никого нет, потом возвращается и берет золотой кувшин с вином на соседнем столе. Он собрался было наполнить маленький бокал, но Конан вырвал кувшин и жадно прильнул к нему.

— Да, сомнений нет — это Конан,— пробормотал Публио.— Эй, парень, да ты с ума сошел!

— Клянусь Кромом, Публио,— сказал Конан, оторвавшись от кувшина но не выпуская его из рук,— живешь ты не так, как в старые времена. Только аргосский купец способен сколотить состояние, торгуя в жалкой лавчонке тухлой рыбой и дешевым винцом.

— Старые времена прошли,— сказал Публио дрожащим голосом.— Я расстался с прошлым, как с изношенным плащом.

— Ну что ж,— отозвался Конан.— Зато меня, как изношенный плащ, не выбросишь. Нужно мне от тебя немного, зато уж будь любезен сделать все как надо. Слишком много дел натворили мы с тобой в старые-то времена. Ты что, за дурачка меня считаешь, думаешь, я не понимаю, что этот роскошный дом построен моим потом и кровью? Сколько товаров с моих галер прошло через твою лавочку?

— Все торговцы Мессантии время от времени имели дело с морскими разбойниками,— нервно сказал Публио.

— Только не с черными корсарами,— зловеще ответил Конан.

— Замолчи во имя Митры! — воскликнул Публио. Его прошиб холодный пот, пальцы нервно теребили золотое шитье одежды.

— Я хотел только напомнить,— ответил Конан.— В прошлом ты охотно шел на риск ради жизни и богатства — шел рука об руку с любым буканьером, контрабандистом или пиратом. Жизнь испортила тебя.

— Я уважаемый человек...— начал Публио.

— Это означает, что ты богат, как дьявол! — рассмеялся Конан.— А почему? Почему счастья улыбнулось тебе раньше, чем конкурентам? Не потому ли, что ты делал большие деньги, торгуя слоновой костью, страусиными перьями, медью, жемчугом и коваными золотыми украшениями с побережья страны Куш? А почему они доставались тебе задешево, когда другие купцы брали этот товар у стигийцев на вес серебра? Я тебе напомню: ты покупал их у меня по дешевке, а я добывал их на Черном Берегу да на стигийских кораблях — в компании с черными корсарами!

— Оставь это, во имя Митры! — взмолился Публио.— Я ничего не забыл. Но что ты здесь делаешь? Я — единственный человек в Аргосе, который знает, что король Аквилонии был когда-то Конаном-пиратом. Но пришли вести о падении Аквилонии и о смерти ее короля.

— Да враги уже сто раз хоронили меня на словах,— проворчал Конан.— Тем не менее я сижу здесь и угощаюсь винцом из Кироса.

И тут же подтвердил это делом.

Потом опустил почти опорожненный кувшин и сказал:

— Я прошу тебя лишь о мелкой услуге, Публио. Ты в курсе всех дел, что творятся в Мессантии. Я хочу знать, прибыл ли в город некий зингарец по имени Белосо — или как он там себя сейчас называет. Он высокий, худой, чернявый, как большинство его соплеменников. Вероятно, он попытается продать очень редкий драгоценный камень.

— Я не слышал о таком. Тысячи людей приезжают в город и выезжают из него. Если он здесь, мои люди его выследят.

— Хорошо. Пошли их на поиски. А покуда займись-ка моим конем и прикажи принести еды.

Конан допил вино, швырнул кувшин в угол и подошел к окну. Запах перца и оливкового масла вперемешку с морским воздухом снова напомнили ему о прошлом. Он не заметил, как Публио вышел из комнаты.

Подбирая полы одежды, он поспешил по коридору в помещение, в котором высокий худой человек со шрамом на виске писал что-то на пергаменте, но на писца уж никак не походил. Публио всполошил его:

— Конан вернулся!

— Конан? — худой мужчина сорвался с места, и перо выпало из его пальцев. — Тот корсар?

— Именно!

Худой побелел от ярости:

— Он что, с ума сошел? Если его узнают, нам конец! Человека, который укрывает корсара или торгует с ним, повесят точно так же, как и самого корсара! А если губернатор еще узнает о наших делах с ним?

— Не узнает, — мрачно ответил Публио. — Пошли своих людей на рынок, во все портовые притоны — пусть узнают, не появился ли в Мессантии некий зингарец Белосо. Конан сказал, что у зингарца есть драгоценный камень, который он постарается продать. Ювелирам это будет наверняка известно. А вот и другое задание: найди дюжину готовых на все ребят. Чтобы сумели и убрать кого надо, и язык за зубами держали. Понял?

— Понял.

— Не для того я воровал, обманывал, лжесвидетельствовал и проливал кровь, чтобы не вырваться из нищеты, — прошипел Публио. Выражение его лица в эту минуту, вероятно, весьма удивило бы богатых господ и дам, покупавших в его лавках шелк и жемчуга. Но когда он вернулся к Конану, неся поднос с едой, он снова был сама приветливость.

Конан по-прежнему стоял у окна и глядел на порт, на пурпурные, розовые, багровые и алые паруса галеонов, галер и рыбачьих лодок.

— Если глаза мне не изменяют, там стоит стигийская гале-

ра,— показал он на длинный узкий корабль, стоящий на якоре.— Вроде бы мир царит между Стигией и Аргосом?

— Так же, как в давние времена,— ответил Публио и, отдуваясь, поставил тяжелый поднос он знал возможности своего гостя.— Стигийские порты открыты для наших кораблей, наши — для стигийских. Только бы мой корабль не встретился с их проклятой галерой в открытом море. Точно, одна вошла в гавань сегодня ночью, но что нужно ее хозяевам — не знаю. Они ничего не продают и не покупают. Не доверяю я этим дьяволам. Стигия — страна предателей.

— Дорогой мой хозяин,— сказал Конан.— Докажи, что в твоем сердце нет предательства,— принеси еще еды и этого доброго вина.

Покуда король насыщался, по рынкам и набережным сновали люди в поисках зингарца, желающего продать драгоценный камень или сесть на корабль, отплывающий в далекие страны. А высокий худой человек со шрамом на виске сидел в гнусном погребке за столом, залитым вином, и толковал с десятком матерых мужиков, чей вид не оставлял никакого сомнения в их профессии.

А первые звезды, взошедшие на небо, осветили четырех всадников, ехавших в Мессантию с западной стороны по белой дороге. Это были люди в черных плащах с капюшонами. Они что есть силы погоняли своих уставших, взмыленных лошадей. Странные всадники ехали молча, словно связанные неким обетом.

14. ЧЕРНАЯ ЛАДОНЬ СЕТА

Конан пробудился от крепкого сна мгновенно, как кошка. И столь же мгновенно вскочил на ноги с мечом в руке, так что коснувшийся его человек еле отшатнулся.

— Какие новости, Публио?— спросил киммериец, узнав хозяина.

Публио, придя в себя от страха, вызванного таким бурным пробуждением гостя, ответил:

— Зингарец найден. Он приехал вчера на рассвете. Несколько часов назад он пытался продать драгоценный камень купцу из страны Шем, но тот не захотел иметь с ним дела. Рассказывают, что при виде камня он весь побелел, закрыл свою лавку и бежал, как от чумы.

— Должно быть, это Белосо,— сказал Конан и ощутил в руках нетерпеливую дрожь.— Где он сейчас?

— Он спит в доме Гермия.

— Знаю эту дыру по старым временам,— прорычал Конан.— Нужно спешить, пока кто-нибудь из портовых грабителей не перерезал ему глотку из-за этого камешка.

Он набросил на плечи плащ и взял из рук Публио шлем.

— Прикажи оседлать моего коня и держать его на дворе в готовности,— сказал он.— Может быть, возвращаться придется,

как бы сказать, быстрым шагом. Я не забуду, Публио, что ты сделал для меня нынешней ночью.

Через минуту торговец, стоя у боковых дверей, провожал взглядом фигуру короля, исчезающую во мраке улицы.

— Прощай, корсар,— сказал он.— Видно, дорого стоит этот камешек, если его ищет человек, только что потерявший королевство. Жаль, что я не наказал своим ребятам, чтобы они занялись сначала этим делом. Впрочем, нечего жалеть. Пусть Аргос забудет имя Амры, и пусть наши с ним дела порастут травой забвенья. За домом Гермия есть аллея... Там Конан перестанет быть опасным для меня.

Дом Гермия — убогий, пользующийся дурной славой бордель, стоял на набережной, обращенной к морю. Конана не оставляло ощущение, что за ним следят. Конан огляделся, прислушался, но услышал только шорох одежды. В этом не было ничего неожиданного: в порту полно воров и грабителей, но вряд ли они отважутся напасть на него.

Внезапно открылась дверь, и киммериец проскользнул в помещение. Навстречу ему выскочила фигура и устремилась по аллее — не скрываясь, но бесшумно, как дикий зверь. Света звезд было достаточно, чтобы рассмотреть выбежавшего. Это, несомненно, был житель Стигии — бритая голова, орлиный профиль, плащ на широких плечах. Он шел в сторону берега, и на секунду Конану показалось, что под плащом незнакомец прячет фонарь.

Но Конан враз забыл об этом, когда увидел, что двери все еще открыты. Сначала он решил хорошенько тряхнуть Гермия и узнать, где спит Белосо, но потом рассудил, что лучше будет пройти незамеченным. Несколько шагов — и он у двери. Король положил руку на замок и невольно выругался, потому что его чуткие пальцы, натренированные грабителями из Заморы, сказали ему, что замок выломан снаружи, причем с такой нечеловеческой силой, что пробой вылетел из косяка. Как можно было сделать такое и не переполошить весь дом, он не понимал. Во всяком случае, это сделали нынешней ночью, иначе Гермий уже приказал бы наладить замок, опасаясь лихих людей.

Соображая, как разыскать комнату зингарца, Конан бесшумно, на ощупь, двигался в темноте, держа наготове кинжал, и вдруг остановился: рядом была смерть. Так чуют смерть дикие животные — не угрозу, а присутствие мертвого тела. Охваченный беспокойством, король долго ощупывал стену и, наконец, нашел на полке лампу, трут и огниво. Через секунду появилось слабое пламя. Конан увидел комнату, пустой стол и лавку — все ее убранство. А на глинобитном полу лежал Белосо — лежал навзничь, с головой, втянутой в плечи, и казалось, что он очень внимательно рассматривает почерневшие потолочные балки. Рядом лежал меч в ножнах. Распахнутая рубаха обнажала мощную волосатую грудь, заклейменную четким отпечатком пятерни.

Конан глядел и чувствовал, как волосы у него становятся дыбом.

— О, Кром! — прошептал он.— Черная ладонь Сета!

Ему еже приходилось видеть такой знак — смертельный знак грозных жрецов Сета — зловещего божества, царящего в мрачной Стигии. И вдруг он припомнил свет, выбивавшийся из-под плаща таинственного стигийца, встреченного у входа.

— Сердце, клянусь Кромом! — сказал он.— Он утащил его! Разломал дверь своими чарами, убил Белосо и похитил Сердце. Это был жрец Сета.

Король быстро обыскал Белосо, и его опасения подтвердились. Камня не было. У Конана возникло подозрение, что все это было не случайно, что стигийская галера прибыла в порт с определенной целью. Откуда мог жрец Сета узнать, что Сердце окажется на юге? Ответ был не более фантастичен, чем некромантия, позволившая убить вооруженного человека одним прикосновением открытой ладони.

Он услышал за дверями крадущиеся шаги, обернулся, как гигантская кошка, погасил лампу и выхватил меч. В темноте приближалась группа людей. А когда его глаза привыкли к темноте, он увидел силуэты людей, полукругом стоящих у двери. Кто они такие — он понятия не имел, но привык бить первым и нанес удар.

Этот неожиданный маневр озадачил притаившихся. Он увидел подбегавших к нему людей, лица в масках, потом его меч вошел в чье-то тело, а сам он побежал что есть сил вдоль по улице.

Впереди послышался тихий скрип весел, и король сразу забыл о погоне. Из залива выходило судно! Стиснув зубы, он ускорил бег, но, добежав до берега, услышал только скрежет веревок, поворачивающих руль.

Темные тучи над морем заслонили звезды, и можно было рассмотреть только длинный низкий силуэт корабля, набиравшего скорость. Донесся ритмичный плеск весел. Конан оскалил зубы в бессильной ярости. Это уходила в море стигийская галера и увозила драгоценный камень, который должен был вернуть ему трон Аквилонии.

С бешеным проклятьем он отступил назад и схватился за ремень панциря, готовый бросить доспехи и пуститься вплавь. Потом обернулся, услышав шорох песка. Он совсем забыл о погоне.

А она быстро приближалась. Передний пал под молниеносным ударом меча, но других это не остановило. Матово поблескивающие клинки застучали по панцирю. Он услышал вопль и почувствовал на руке прикосновение кишок из распоротого живота. Потом он услышал чей-то смутно знакомый голос, который подбадривал нападающих. Конан стал прорубаться на голос и, когда ветер на мгновение рассеял тучи, увидел высокого худощавого человека с глубоким шрамом на виске. Под мечом Конана его голова развалилась, как спелая дыня.

Потом чей-то топор ударил по шлему, из глаз короля посыпа-

лись искры. Конан сделал выпад и почувствовал, что попал, это подтвердил и вопль умирающего. Конан споткнулся о тело, и чья-то дубина сбила с его головы покореженный шлем, а следующий удар обрушился на беззащитную голову.

Король Аквилонии упал на мокрый песок. Наемные убийцы окружили его тело, как волки.

— Отруби ему башку,— прорычал один из них.

— Пусть лежит,— буркнул другой.— Лучше помоги мне перевязать рану, пока я не изошел кровью. Прилив унесет его в море. А башка у него и так расколота: такого удара не выдержит никто.

— А мне помоги снять с него доспехи,— сказал трети.— Хоть немножко серебра достанется нам. И давайте поторопимся, потому что подходит какая-то пьяная матросня. Смываемся.

Послышалась лихорадочная возня, потом топот бегущих ног. И все заглушили глотки пьяных моряков.

Публио, который в волнении мерял свою комнату шагами, вдруг испуганно обернулся. Он хорошо знал, что двери закрыты изнутри. Сейчас же они были открыты, а в комнату вошли четверо незнакомцев. Торговец задрожал, увидев их. За свою жизнь Публио много чего повидал, но такого... Они были высокие и тонкие, желтые овалы лиц обрамлялись черными капюшонами. Каждый держал в руке причудливый посох.

— Кто вы?— спросил он срывающимся глухим голосом.— Что вам нужно?

— Где находится Конан, который был королем Аквилонии?— спросил самый высокий, и его бесстрастный голос заставил снова задрожать торговца.

— Не знаю, о ком вы говорите,— сказал купец.— Этот человек мне не знаком.

— Он был здесь,— сказал главарь, не меняя голоса.— Во дворе стоит его конь. Скажи нам, где он, прежде чем мы будем вынуждены причинить тебе боль.

— Гебал!— заорал Публио и отскочил к стене.

Четверо кхитайцев равнодушно смотрели на него.

— Если ты позовешь своего раба, тот умрет,— предупредил один из пришельцев.

— Гебал!— завыл купец.— Где ты, чтоб тебя черти взяли! Твоего хозяина убивают!

Раздались быстрые шаги, и в комнату ворвался Гебал— крепкий, коренастый уроженец страны Шем с густой курчавой бородой. Он был вооружен коротким мечом.

С тупым недоумением глядел он на пришельцев и не мог понять, откуда они взялись, потом вспомнил, что на лестнице, которую он охранял, его на минутку одолел сон. Прежде он никогда не позволял себе этого на службе. Хозяин визжал от страха, и Гебал смело бросился вперед, занося меч. Но ударить ему не пришлось.

Рука из черного рукава метнулась вперед, держа далеко перед

собой посох. Его кончик едва коснулся груди раба — это напоминало бросок змеи.

Гебал застыл на месте, его голова склонилась на грудь, меч выпал из руки, и все тело медленно опустилось на пол, как будто у него были переломаны все кости. Торговца вырвало.

— Не визжи,— посоветовал самый высокий кхитаец.— Слуги твои крепко спят, а если ты их разбудишь, они умрут вместе с тобой. Где Конан?

— Он пошел в дом Германия на берег моря — искать зингарца Белосо,— прохрипел Публио, утративший всякую способность к сопративлению. Отваги ему было не занимать, но незванные гости привели его в безотчетливый ужас. Он вздрогнул, когда на лестнице послышались шаги.

— Твой слуга?— спросил кхитаец.

Публио, молча, кивнул — язык ему не повиновался. Один из пришельцев сорвал с постели шелковое покрывало и набросил его на труп. Потом все четверо укрылись за шторой, но главный сказал:

— Спроси, что ему нужно, и быстро выпроводи его. Если предашь нас, то ни один из вас отсюда не выйдет. Не вздумай показать, что в комнате есть еще кто-то.

И, выразительно погрозив посохом, скрылся за шторой.

Публио задрожал, превозмогая тошноту. Может быть, это была игра света, но ему показалось, что посох движется сам, как живое существо.

Он с трудом взял себя в руки, и оборванец-головорез, вошедший в комнату, ничего не заподозрил.

— Все сделано по-твоему, господин,— доложил он.— Труп варвара валяется на песке.

Публио почувствовал движение за шторой и чуть не умер от страха. Не обратив на это внимания, разбойник продолжал:

— Твой секретарь Тиберио погиб. Варвар убил его — его и четверых моих товарищей. Мы принесли их тела. Кроме двух серебряных монет у варвара ничего не было. Будут еще приказы?

— Нет!— выдавил из себя Публио.— Уходи!

Разбойник поклонился и поспешно вышел, подумав при этом, что у хозяина слабый желудок.

Четверо кхитайцев вышли из укрытия.

— О ком шла речь?— спросил самый высокий.

— Об одном путешественнике, который оскорбил меня,— сказал Публио.

— Лжешь,— спокойно сказал кхитаец.— Он говорил о короле Аквилонии. Я вижу это по твоему лицу. Сядь на постель. Сиди и не двигайся. Я останусь с тобой, а мои спутники пойдут искать тело.

Торговец сидел и трясся от страха. Наконец трое вернулись и доложили, что тела киммерийца нет на берегу. Публио не знал, к добру это для него или к худу.

— Мы нашли следы борьбы,— сказали они,— и кровь на песке. Но король исчез.

Четвертый кхитаец начертил посохом на ковре невидимый знак.

— Что еще прочли вы на песке?— спросил он.

— Мы прочли, что король жив и отправился морем на юг.

Высокий кхитаец поднял голову и поглядел на Публио так, что тот покрылся холодным потом.

— Что вам от меня нужно?— проблеял он.

— Корабль,— ответил кхитаец.— Корабль, оснащенный для дальнего плавания.

— В какую сторону?— спросил Публио, не помышляя об отказе.

— На край света,— ответил страшный гость.— А может быть, еще дальше — к огненным океанам ада.

15. ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРСАРА

Первое, что почувствовал Конан, приходя в себя, было движение — он куда-то поднимался и падал. Потом он услышал, как ветер свистит в мачтах, и, еще не открыв глаза, понял, что находится на корабле. Потом раздались голоса, кто-то плеснул на него водой, и он окончательно очнулся. Потом, крепко выругавшись, поднялся и огляделся. Хриплый хохот стоял вокруг, и пахло давно не мытыми телами.

Он стоял на кормовой палубе длинной галеры, которая шла под всеми парусами. Слева алой лентой тянулся берег, с правой простиралось бесконечное море.

Длинная и узкая галера была обычным торговым судном с южного побережья. На носу и корме — палубы с каютами, посередине размещались гребцы, прикованные к веслам, по сорок человек с каждого борта. В основном это были чернокожие. Каждый из них был прикован обернутой вокруг пояса цепью, которая, в свою очередь, крепилась к длинной и толстой балке. Жизнь раба на аргосских галерах была сущим адом. Большинство из гребцов, как определил Конан, были родом из страны Куш, а человек тридцать — с далеких южных островов, родины всех корсаров. И он узнал тех, кто когда-то ходил с ним в походы.

Все это Конан увидел и передумал в одно мгновение. Потом он сжал кулаки и уставился на людей, обступивших его. Тот, кто окатил его водой, все еще держал в руке ведро, и король в гневе потянулся за мечом, но вспомнил, что он наг и безоружен.

— Что это за паршивая лохань?— зарычал он.— Где я?

Моряки — все до единого крепкие бородатые аргоссцы — издевательски захохотали, а один, судя по богатой одежде и осанке,— капитан, скрестил руки на груди и сказал:

— Мы нашли тебя на берегу. Кто-то дал тебе по башке и ограбил. Нам нужны люди, вот мы тебя и взяли.

— Что это за корабль? — спросил Конан.

— «Смельчак» из Мессантии. Мы везем зеркала, алые шелковые плащи, золоченые шлемы, щиты и мечи, чтобы обменять все это в стране Шем на медь и червоное золото. Меня зовут Деметрио, я капитан этого корабля и твой хозяин.

— Во всяком случае, это направление меня устраивает,— сказал Конан, не обратив внимания на последние слова капитана. Они шли на юг, держась неподалеку от берега. Где-то впереди, он знал это, неслась узкая галера.

— Может быть, вы видели стигийскую галеру...— начал Конан, но тут грубая физиономия капитана покраснела от гнева. Он решил, что настала пора указать дармоеду подобающее ему место.

— Марш работать! — зарычал Деметрио.— Мы и так потратили на тебя много времени. Я и так оказал тебе честь, отвечая на твои дурацкие вопросы. Убирайся с палубы! Отрабатывай плату за проезд...

— Да я куплю твой корабль...— начал Конан и снова вспомнил, что он голый и без гроша.

Снова раздался взрыв смеха, а капитан, решив, что над ним смеются, покраснел еще сильнее:

— Бунтовать, свинья? — он схватился за нож.— За работу, пока я не приказал тебя выпороть! Держи язык за зубами, а не то я прикую тебя вместе с черными!

И тут дала себя знать бешеная натура Конан.

— Не повышай голос, ублюдок! — его рык был подобен порыву морского ветра.— И оставь в покое эту игрушку, иначе я брошу тебя акулам!

— Да кто ты такой? — заорал капитан.

— Сейчас объясню! — и Конан бросился к щиту, на котором висело оружие.

Капитан выхватил нож, но Конан успел схватить его за запястье и выдернул руку из плечевого сустава. Капитан заревел, как бык на бойне, киммериец отшвырнул его, и он покатился по палубе. Конан схватил тяжелый топор и обернулся, чтобы встретить нападавших матросов. Они приближались к нему, тяжело дыша, но где им было равняться с тигриной боевой силой киммерийца! Прежде чем они успели что-нибудь сделать, он ворвался в самую гущу, рубя направо и налево. Двое моряков, обливаясь кровью, упали.

Конан прорвался на помост, соединявший кормовую и носовую палубы и проходивший прямо над головами гребцов. Несколько моряков, убоявшись участи товарищей, остались на месте, но человек тридцать с оружием в руках бросились за Конаном.

Потрясая топором и гривой черных волос, Конан посмотрел на черные лица гребцов.

— Кто я такой? — зарычал он.— Смотрите, собаки! Аранга, Ясунга, Ларанга, смотрите! Кто я такой?

Внизу поднялся шум, перерастающий в мощный рев:

— Амра! Это Амра! Лев вернулся!

Услышав этот крик, моряки побледнели, с ужасом глядя на Конана. Неужели это действительно тот самый кровожадный вурдалак южных морей, который таинственно исчез много лет назад, чтобы жить лишь в страшных легендах? Пена безумия выступила на губах негров. Они гремели цепями и выкрикивали имя Амры как заклинание. Даже уроженцы страны Куш, никогда не видевшие Конана, подхватили этот крик.

Капитан Деметрио ползал по палубе, опираясь на здоровую руку, и кричал:

— Вперед, ублюдки, убейте его, пока черные не расковались!

Нет ничего более страшного для экипажей галер, поэтому моряки отчаянно атаковали короля с двух сторон, но Конан ловко спрыгнул на нижную палубу.

— Смерть им! — загремел он, и его топор с треском разрубил первую цепь. Рычащий раб освободился и взмахнул веслом, как дубиной. На палубе «Смельчака» воцарился хаос. Топор Конана поднимался и опускался, и каждый удар освобождал ревущего гиганта, вдохновленного свободой и желанием отомстить.

Моряки, спрыгнувшие вниз, чтобы удержать Конана, были схвачены еще не раскованными гребцами, а те, кто был свободен, страшно завывая, высыпали на палубу, наносили удары обломками весел и обрывками цепей, в ход шли и зубы, и ногти. Освободив человек пятьдесят, Конан вскочил на помост, чтобы присоединить свой щербатый топор к дубинам союзников.

Потом началась резня. Сильные, мужественные, неустрашимые аргоссцы, истинные дети своего народа, не смогли устоять против черных гигантов, ведомых безжалостным варваром. Настал час расплаты за плети, за оскорбления, за все унижения и муки. Между кормой и носом бушевал тайфун мести. А когда он стих, на палубе «Смельчака» остался в живых только один белый человек — покрытый шрамами варвар, вокруг которого сгрудились негры. Они плясали на окровавленной палубе и в восторге бились головами о доски.

— Амра! Амра! — выкрикивали они. — Лев вернулся! Завоют теперь стигийские шакалы на Севере, завоют и черные собаки в стране Куш! Запылают деревни, пойдут на дно корабли! Ха, заплачут женщины, затрещат копья!

— Заткнитесь, ублюдки! — зарычал Конан. — Десять человек вниз — освободить всех остальных. Остальные к рулю, к парусам и к веслам! Кром и дьяволы, вы что, не видите, что нас отнесло к самому берегу? Вы хотите сесть на мель и снова угодить в лапы аргоссцам? Быстро выкинуть эту падаль за борт! За работу, иначе я с вас шкуру спущу!

С криками, смехом, песнями бросились гребцы выполнять приказы Конана. Трупы полетели за борт — там уже мелькали треугольные плавники.

Конан стоял на капитанском мостике, скрестив руки на груди и хмуро глядел на негров, а те, в свою очередь, глядели на него с ожиданием. Да, вряд ли в эту минуту аквилонские дворяне узнали бы в этом суровом корсаре своего короля.

— В трюме полно жратвы! — ревел он.— И полно оружия — его везли в страну Шем. Хватает у нас и гребцов, и бойцов! Вы, рабы, трудились для аргосских собак — неужели свободные люди не помашут веслами для Амры?

— Аой! — кричали они.— Мы — твои дети! Веди нас куда хочешь!

— Тогда за дело! Сначала вымойте лавки — свободные люди не могут работать в такой грязи. Трое идут со мной — готовить пищу. Ох, и посчитаю я вам ребра до конца плавания!

Ответом ему снова был восторженный рев, и негры поспешили выполнять команду. Конан вдохнул морской воздух и напряг мышцы. Хоть и утратил он корону Аквилонии, но все же продолжал оставаться королем синих морей!

16. ЧЕРНЫЕ СТЕНЫ ГОРОДА КЕМИ

Хорошую скорость придали «Смельчаку» весла в руках свободных людей! Из торговой галеры он превратился в боевой корабль. Теперь люди сидели на лавках с мечами у пояса и в золоченых шлемах. Вдоль бортов висели щиты, связки копий, луки и стрелы украсили мачту. Даже природа сейчас служила Конану: усиливавшийся день ото дня бриз наполнял паруса, так что в веслах не было нужды.

Дни и ночи проводили наблюдатели в «вороньем гнезде», чтобы углядеть мчащуюся на юг длинную черную гелеру. Редкие рыбачьи лодки старались избежать встречи с корсарами.

Наконец заметили парус, но не на юге, а на севере — там, на линии горизонта, полным ходом шла галера. Негры уговаривали Конана сменить курс и захватить корабль, но он отказался. Ему нужен был именно тот, что где-то впереди спешил на юг. Галера на севере видна была и вечером, и наутро — она шла курсом «Смельчака». Не погоня ли это, думал Конан, но с какой стати? Впрочем, по мере приближения к берегам Стигии его охватывало нетерпение. Он твердо знал, что Сердце Аримана похитил жрец Сета. А куда податься жрецу Сета с таким сокровищем, кроме как в Стигию? Негры чувствовали его тревогу и, хотя не знали, в чем дело, работали куда лучше, чем под ударами бича. Они мечтали о кровавых набегах и богатой добыче. Даже уроженцы страны Куш со свойственной их племени жестокостью представляли, как они обдерут своих же соплеменников. Голос крови для них ничего не значил, была бы выгода.

Вскоре рисунок береговой линии изменился, исчезла из поля зрения полоса гор, редкими стали заливы и бухты, но все чаще бе-

лели на отдаленных равнинах разбросанные тут и там зиккураты в городах земли Шем.

Потом появились заросли тамаринда, пальмовые рощи стали гуще, буйные зеленые заросли окружали устья рек, впадавших в море. И наконец на южном горизонте показались высокие черные стены и башни города.

Река, впадавшая в море в этом месте, называласьь Стиксом и была пограничной, а город носил имя Кеми и был самым крупным портом Стигии, а сейчас и самым главным городом. Король проживал в древнем Луксуре, а Кеми был религиозным центром, хоть и говорили, что подлинная столица жрецов находится в глубине страны, на берегу Стикса, в таинственном покинутом городе.

Погасив огни, «Смельчак» ночью прошел мимо порта и, прежде чем взошло солнце, встал на якорь в небольшой бухте милях в двух от города. Бухту окружали болота, поросшие мангровыми лесами, пальмами и лианами. Здесь было полно змей и крокодилов. Заметить корабль было трудно — это место было знакомо Конану и давало ему приют в его пиратские дни.

Когда они проходили мимо города, мимо его могучих бастионов, то видели свет факелов и слышали глухие удары барабанов. Кораблей в порту было немного, не сравнить с Мессантией. Сила и слава стигийцев не покоились на морском могуществе. У них, конечно, были торговые суда и военные галеры, но мощь сухопутных войск была неизмеримо больше. Кроме того, большинство кораблей вообще не выходило в море и совершало рейсы вверх и вниз по великой реке Стикс.

Стигийцы были народом древним, угрюмым, загадочным, могучим и безжалостным. В старые времена их владения простирались далеко к северу от нынешней границы — в степи страны Шем, к нагорьям, которые населяют теперь жители Офира. Они граничили с древним Ахероном. Но Ахерон пал, и дикие предки гиборийцев, одетые в волчьи шкуры и рогатые шлемы, ринулись на юг и вытеснили из этих земель исконных хозяев. Стигийцы никогда не забывали об этом.

Целый день «Смельчак» простоял на якоре в маленькой бухте. Среди перепутанных ветвей порхали пестрые птицы и ползали искрящиеся змеи. Наконец, под вечер от борта отвалила лодка: наблюдатели заметили стигийского рыбака в плоскодонке.

Рыбак был доставлен на палубу «Смельчака» — длинный, тощий, с посеревшим от страха лицом; люди, схватившие его, слыли на стигийском побережье вурдалаками. На нем ничего не было кроме шелковой набедренной повязки,— ведь в Стигии, впрочем, как и в Гиркании, даже рабы и нищие одеты в шелка,— да еще в лодке валялся плащ, чтобы не мерзнуть ночью.

Рыбак упал на колени перед Конаном, ожидая мучительной смерти.

— Встань на ноги, старина, и перестань дрожать,— нетерпеливо сказал киммериец, не понимавший причины этого страха.— Никто тебя не обидит. Ты лучше скажи мне: не приходила ли в Кеми за последние несколько дней галера из Аргоса — такая черная и быстрая?

— Да, господин,— ответил рыбак.— Не далее, как вчера утром, из далекого путешествия на север вернулся жрец Тутотмес. Говорят, что он побывал в Мессантии.

— И что же он привез из Мессантии?

— К сожалению, мне неведомо, господин.

— А зачем он ходил в Мессантию?— не отставал Конан.

— И этого не ведаю, господин. Кто я такой, чтобы знать замыслы жрецов Сета? Могу сказать только о том, что видел сам или слышал от людей. Говорят, что дошло до нашей страны известие огромной важности, но что за известие — никто не знает. Зато все знают, что жрец Тутотмес сейчас же пустился в путь на своей черной галере. Теперь он вернулся, но что делал он в Аргосе и с каким грузом вернулся, опять же никто не знает, даже моряки с галеры. Люди болтают, что он поссорился с Тот-Амоном, верховным жрецом Сета, что живет в Луксуре, и что он собирает силы, чтобы свергнуть Величайшего. Кто я такой, чтобы знать это? Когда жрецы враждуют, простой человек должен лежать, как малая песчинка, надеясь, что его не затопчут.

Конан даже скривился от таких рабских рассуждений и обратился к своей команде:

— Я один пойду в Кеми и разыщу этого вора Тутотмеса. Этого человека стерегите, но не обижайте. Кром и дьяволы, да перестаньте вы завывать! Или вы думаете, что мы можем войти в порт и взять город приступом? Я пойду один.

Смирив недовольство, он снял свои латы и переоделся в простую одежду рыбака, взял его сандалии и головную повязку. Но не забыл захватить короткий кинжал. Простолюдины в Стигии не имели права носить оружие, а короткий плащ не мог скрыть богатырского меча киммерийца. Ганатанский нож был оружием диких племен пустыни, живших к югу от Стигии,— широкое, тяжелое лезвие из отличной стали, острое, как бритва, и достаточно длинное, чтобы выпустить человеку кишки.

Потом, оставив рыбака под охраной пиратов, он спрыгнул в его лодку.

— Ждите меня до утра,— сказал он.— Если до этого времени я не вернусь — значит, не вернусь вовсе. Тогда быстро уходите на юг, в ваши родные края.

Негры подняли жалобный вопль, но король, высунув голову из-за борта, выругался и восстановил тишину. Потом опустился на дно лодки, взял весла и помчался по волнам с такой скоростью, о которой не мог и мечтать прежний владелец.

17. «ТЫ УБИЛ СВЯЩЕННОГО СЫНА СЕТА!»

Порт Кеми лежал между двумя выходящими в море полосками суши. Конан обогнул южный мыс в такое время, когда стражники могли видеть лодку и рыбака, но хорошенько рассмотреть были уже не в состоянии из-за темноты. Незамеченным он проскользнул между черными боевыми галерами, стоявшими на рейде, и подплыл к массивным каменным ступеням. Лодку он привязал к железному кольцу, и она затерялась среди множества подобных суденышек. Ничего с ней не сделается, приглянуться она может только рыбаку же, а рыбаки не воруют друг у друга.

Когда он поднимался по длинной лестнице, обходя факелы, которые через каждые несколько шагов горели над плещущейся водой, на него бросили лишь несколько равнодушных взглядов. Рыбак вернулся с пустыми руками, обычное дело. Правда, держался он слишком прямо и уверенно для бедняка, но шел быстро, а народ в Стигии не склонен к излишней наблюдательности.

Сложением он не слишком отличался от стигийских воинов, его загорелая кожа была такой же темной, черные волосы, перехваченные обручем из меди, были так же подстрижены над самыми бровями. Отличала его только походка, чужеземные черты лица да голубые глаза.

Но игра была опасной, долго быть незамеченным ему не удастся. Кеме — это не гиборийский порт, где полным-полно людей из самых разных стран. Единственными чужеземцами здесь были негры да рабы из страны Шем, а киммериец походил на них еще меньше, чем сами стигийцы. Чужеземцы вообще не были желанными гостями в городах Стигии: здесь терпели только посланников и доверенных купцов — да и тем предписывалось покидать сушу до захода солнца. К тому же в это время в порту не было ни одного гиборийского корабля. Какая-то непонятная тревога охватила город, какое-то напряжение чувствовал Конан своим первобытным чутьем.

Печальная участь ждет его в случае разоблачения. Могут убить сразу, просто как чужака, но если кто-нибудь признает в нем Амру, опустошавшего огнем и мечом побережья... Холод пробежал по спине. Врагов в человеческом обличье он не боялся. Но сейчас он был в стране магов. Говорили, что Старый Змей, изгнанный из гиборийских земель, скрывается где-то здесь в потаенных храмах, где совершаются ужасные и загадочные обряды.

Город этот не походил на гиборийские города — здесь не горели фонари, не прогуливались люди с песнями и смехом, торговцы не зазывали прохожих в свои лавки и магазинчики.

Здесь лавки закрывались с наступлением сумерек, а единственным источником света были факелы, воткнутые в стены на большом расстоянии друг от друга. И прохожих было немного, и становилось их все меньше, и спешили они в молчании. Печальной

и неестественной казалось Конану эта картина — молчаливые люди, их поспешный шаг, толстые стены по обеим сторонам улицы. Было в стигийской архитектуре что-то угнетающее.

Светильники горели только в верхних этажах домов. Конан знал, что большинство жителей предпочитает спать на плоских крышах, под открытым небом, среди пальм в искусственных садах. Откуда-то доносилась непривычная музыка. Время от времени проезжала по каменным плитам бронзовая колесница, и можно было увидеть вельможу с орлиным профилем в шелковом плаще и со знаком Змея на золотом обруче, охватывающем гриву волос, и обнаженного возницу, старающегося удержать диких стигийских жеребцов.

Пешком ходили только нищие, мелкие торговцы, шлюхи и ремесленники, но и этих было немного. Конан направлялся в сторону храма Сета. Он думал, что сумеет узнать Тутотмеса, хоть и видел его только в краткий миг в Мессантии. В том, что именно жрец убил Белосо, он не сомневался. Только знатоки самых высоких степеней Черного Кольца могли убивать одним прикосновением руки, и только они могли восстать против Тот-Амона, который для народов Запада был всего лишь страшной легендой.

Улица стала шире, и Конан понял, что входит в священный район города. Зловещие строения возносились к небу. И вдруг где-то впереди раздался пронзительный женский крик. Нагая куртизанка, в головном уборе из перьев, прижалась к стене и с ужасом глядела на что-то, чего Конан сразу и не рассмотрел. Услышав ее крик, несколько прохожих остановились и словно окаменели. И тут Конан увидел, что впереди что-то движется. Потом из-за угла дома показалась отвратительная треугольная голова, а за ней, виток за витком, гибкое, блестящее темное тело.

Конан вздрогнул и вспомнил старую сказку о змеях, посвященных Сету — верховному божеству Стигии в обличье змеи. Этих чудовищ держали в храмах Сета и выпускали на улицы, чтобы они могли утолить свой голод, сожрав любого приглянувшегося им человека. Это считалось жертвой чешуйчатому богу. Стигийцы, мужчины и женщины, падали на колени, спокойно ожидая своей участи. Тот, которого выберет огромный змей, погибнет в смертельных объятиях и будет проглочен, как мышь. Остальные останутся жить — такова воля богов.

Но не воля Конана! Удав полз в его сторону — наверное, потому, что киммериец один из всех стоял прямо. Конан взялся за рукоять кинжала, хоть все еще надеялся, что тварь проползет мимо. Но змей остановился и начал свиваться в кольца, то показывая, то пряча раздвоенный язык. Глаза его холодно блестели. Змей приготовился к прыжку, но Конан выхватил кинжал и нанес смертельный удар. Широкое лезвие рассекло треугольную морду и вонзилось в шею.

Конан вытащил нож и отскочил в сторону, а гигантское тело

забилось в агонии. Тишину нарушали только гулкие удары хвоста о каменные плиты.

А потом пораженные поклонники Сета заголосили:

— Святотатец! Ты убил священного сына Сета! Смерть ему! Смерть! Смерть!

В воздухе засвистели камни, и разъяренные стигийцы бросились на Конана. Люди выбегали из дверей, крик усилился. Конан свернул в какой-то проулок, он бежал почти на ощупь и слышал за спиной топот босых ног. Потом его левая рука нащупала проход в стене — он свернул и оказался в другой аллее. По обе ее стороны шли массивные каменные стены. Это были стены храмов. Он услышал, что голоса преследователей становятся все тише — они не разгадали его маневра и побежали в другую строну. И он пошел вперед, хотя одна мысль о возможности встретиться с другими «детьми Сета» наполняла его ужасом.

Вдруг впереди он увидел огонек — словно светляк в темноте. Конан прижался к стене и приготовил кинжал: ведь впереди — человек с факелом. Человек был уже так близко, что Конан мог разглядеть руку, держащую факел, и неясный овал лица. Еще несколько шагов, и короля увидят. Он приготовился к убийственному прыжку, но тот, кто шел, остановился. Свет факела выхватил из темноты очертания двери, и человек принялся возиться с замком. Дверь отворилась, он вошел, и тьма вновь окружила Конана.

Ощупывая стену, он подобрался к двери. Если один человек прошел по этой улице, в любую минуту может появиться следующий. А если вернуться назад, не напорешься ли на толпу преследователей? Ведь они вполне могут изменить направление погони. Он чувствовал себя беспомощным перед этими голыми неприступными стенами и хотел скрыться отсюда — хоть бы и в этот неизвестный дом.

Тяжелая дверь из бронзы открылась свободно; он заглянул в образовавшуюся щель. Перед ним был большой квадратный зал со стенами из черного камня. В нише пылал факел. Зал был пуст. Конан переступил порог и закрыл за собой дверь.

Бесшумно ступая по мраморным плитам, он пересек зал и очутился возле дверей из тикового дерева. Держа кинжал наготове, он вошел в огромное мрачное помещение, потолок которого терялся где-то высоко в темноте. Причудливые бронзовые светильники освещали этот зал каким-то необычным светом. На другом конце зала начиналась широкая лестница без перил, тоже уходящая вверх, в темноту.

Конан вздрогнул: он понял, что оказался в храме некоего стигийского божества — или самого Сета, или, может быть, менее грозного. А вот и хозяин: в глубине зала поднимался жертвенник из необтесанного черного камня, а на нем в свете ламп переплетались кольца огромного змея. Змей не двигался, и Конан припомнил слухи, что жрецы обычно усыпляют своих подопечных. Киммериец неуверенно сделал несколько шагов, потом вдруг отсту-

пил и укрылся за шелковой шторой, закрывающей ближайшую нишу в стене: кто-то приближался.

В одном из проходов появилась высокая, крепко сбитая фигура человека в сандалиях, шелковой тунике и широком белом плаще. Голова и лицо его были закрыты пугающей маской, изображавшей полузверя, получеловека, украшенной страусиными перьями. Стигийские жрецы некоторые из своих обрядов проводили именно в таких масках.

Конан надеялся остаться незамеченным, но стигийцем словно руководил какой-то инстинкт: сначала он направился прямо к лестнице, потом неожиданно повернул и устремился к нише. Когда он отодвинул шелковую штору, из глубины метнулась могучая рука и, заглушая крик, втянула жреца туда, где ждал его кинжал.

Что делать дальше, Конан уже знал. Он снял с убитого кошмарную маску и надел на себя, а тело жреца оставил в нише и прикрыл рыбацкой накидкой. Белый плащ жреца он набросил на свои богатырские плечи. Сама судьба подготовила этот маскарад. Теперь пусть весь город Кеми ищет святотатца, который осмелился с оружием в руках защититься от священного змея — никому и в голову не придет искать его под маской жреца.

Он смело выступил из ниши и направился в сторону выбранной наугад двери, но не успел пройти и нескольких шагов...

У подножия лестницы стояла толпа людей, одетых так же, как он. Король стоял неподвижно, надеясь на свою маскировку. Лоб его покрылся холодным потом. Никто не произносил ни слова. Подобно призракам, жрецы в масках обходили Конана и направлялись к черным дверям. Их предводитель держал в руках эбеновый посох, увенчанный человеческим черепом, и Конан понял, что перед ним один из таинственных и зловещих стигийских ритуалов. Последний в процессии обернулся в сторону Конана, как бы приглашая его присоединиться. Отказаться значило возбудить подозрения. Приспособив свой шаг к мерной поступи процессии, Конан стал замыкающим.

Они двигались длинными, мрачными сводчатыми коридорами, и по мере продвижения череп начал светиться фосфорическим блеском. Звериный страх охватил Конана: ему захотелось выхватить кинжал и, рассыпая удары, бежать куда глаза глядят из этого жуткого храма. Но несмотря ни на что, он держал себя в руках и не смог скрыть вздоха облегчения только тогда, когда они, пройдя через высокие, в три человеческих роста, двери, оказались под открытым небом.

Конан раздумывал, не шмыгнуть ли в какую-нибудь темную аллею, но пока не решился и продолжал двигаться вместе с молчаливой процессией. Идущие навстречу прохожие отворачивались и убегали. Они шли посредине улицы, и его бегство не осталось бы незамеченным. Киммериец весь извелся, пока они дошли до невысоких ворот и вышли за городскую стену. Теперь вокруг бы-

ли только низенькие мазанки с плоскими крышами и силуэты пальм. Конан подумал, что теперь самое время расстаться с этой неразговорчивой компанией.

Но за стенами города молчание прервалось, и взволнованные жрецы начали о чем-то переговариваться между собой. Мерный ритуальный шаг нарушился, предводитель небрежно взял посох с черепом подмышку, и все в беспорядке пошли вперед. Поспешил и Конан, который в шепоте толпы уловил слово, заставившее его вздрогнуть. Слово это было: Тутотмес!

18. ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ НИКОГДА НЕ УМИРАЛА

Конан жадно присматривался к своим замаскированным спутникам. Либо Тутотмес был среди них, либо все они шли на встречу со жрецом, которого киммериец разыскивал. И вдруг он понял, куда они направляются, когда увидел за пальмами черный треугольный массив на фоне ночного неба.

За их плечами грозные башни Кеми возносились к звездам, глядящимся в воды залива, перед ними во мраке расстилалась пустыня. Где-то недалеко завыл шакал, и это был единственный звук во всей округе, потому что сандалии жрецов, ступавших по песку, не вызывали ни малейшего шума. Казалось, что к выросшей в пустыне гигантской пирамиде приближаются призраки.

Ее вид заставил сердце Конана биться сильнее, а желание настичь Тутотмеса при любых обстоятельствах не лишено все же было страха перед неведомым. Да и кто бы мог спокойно подойти к этому сооружению из черных камней? Одно его название было для людей юга символом чего-то чудовищного. Легенды намекали, что пирамиды построены вовсе не стигийцами, что они возвышались в пустыне еще в те древние времена, когда этот смуглый народ пришел в край над великой рекой.

Вход в пирамиду стерегли каменные львы с женскими лицами. Предводитель подошел к двери, возле которой Конан заметил неясную темную фигуру.

Жрец задержался возле нее на какое-то время и исчез, а остальные по очереди двинулись за ним. Каждый на миг останавливался возле таинственного стража и обменивался с ним какими-то словами или жестами — ни услышать, ни разглядеть Конан не мог. Тогда он начал отставать, а потом сделал вид, что возится с ремешком сандалии. Только когда последний из жрецов прошел, двинулся вперед и он.

Вспомнив старые сказки, Конан с тревогой подумал: принадлежит ли этот страж вообще к роду человеческому? Но всякие сомнения были отброшены в сторону. Небольшой светильник из бронзы, горящий в портале, освещал уходящий во мрак коридор и фигуру в черном плаще. Больше не было никого: все жрецы скрылись в глубине пирамиды.

Стигиец в черном плаще пронзил Конана внимательным

взглядом и сделал левой рукой необычный жест. Конан повторил этот жест, да, видно, не угадал: в правой руке стража блеснула сталь, а удар был нанесен с такой силой, что наверняка поразил бы обыкновенного человека в самое сердце.

Но матовое лезвие не успело достичь цели: Конан перехватил тонкую руку и кулаком правой двинул стигийца в челюсть. Голова его ударилась о стену и глухо хрустнула.

Конан постоял над убитым, прислушиваясь. В коридоре по-прежнему никого не было, но откуда-то из глубины, снизу, до киммерийца дошел слабый удар гонга.

Он наклонился и вытащил тело за тяжелую бронзовую дверь, а потом с опаской, но скоро двинулся навстречу своей судьбе. Впрочем, далеко он не ушел, потому что коридор расходился на две стороны и угадать, куда пошли жрецы, было невозможно. Наугад он выбрал левое направление. Отполированный множеством ног пол плавно уходил вниз. В позеленевших светильниках по стенам горели слабые огоньки. Конан думал, с какой целью и в какую неведомую эпоху были возведены эти гигантские сооружения. Это была древняя, очень древняя земля. Никто не мог сказать, сколько столетий пролетело над черными храмами Стигии.

То слева, то справа открывались очередные проходы, но он держался основного коридора, хоть и чувствовал, что ошибся. Даже если жрецы намного опередили его, он бы уже догнал их. Конан занервничал. Хотя тишина здесь была почти осязаемая, он различал чье-то присутствие. Казалось, из каждого прохода наблюдают за ним невидимые глаза. Он остановился, уже собравшись вернуться к развилке, но внезапно обернулся, подняв кинжал.

В проходе бокового коридора стояла девушка. Ее белоснежная кожа говорила, что она принадлежит к древнему и знатному стигийскому роду. Она была высокая, гибкая, соблазнительно сложенная, великолепные черные волосы ее были украшены рубином. На ней ничего не было, кроме шелковых сандалий и широкого, украшенного драгоценностями пояса вокруг тонкой талии.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

Ответ выдал бы его чужеземное происхождение. Он стоял, не двигаясь,— грозная фигура в страшной маске с колышущимися перьями. Коридор за ней был пуст, зато голос мог поднять на ноги сколько угодно стражников.

Она подошла к нему без страха, хоть и осторожно.

— Ты не жрец,— сказала она.— Ты воин — это ясно, хоть на тебе и маска. Между тобой и жрецом такая же разница, как между мужчиной и женщиной. Во имя Сета! — воскликнула она, и глаза ее расширились.— Да ты, кажется, и не стигиец!

Неуловимым для взгляда движением он схватил ее за шею, впрочем, достаточно осторожно.

— Помалкивай! — прошептал он.

Ее гладкое белое тело было холодным, как мрамор, а в огромных черных глазах не было и тени страха.

— Не бойся,— спокойно сказала она.— Я не выдам тебя. Но ты, должно быть, сошел с ума, чужеземец, ведь в храм Сета нельзя входить посторонним!

— Я ищу жреца Тутотмеса,— ответил король.— Он в храме?

— А зачем ты его ищешь?— ответила она вопросом на вопрос.

— Он украл у меня одну штуку.

— Я провожу тебя к нему,— предложила она с такой охотой, что Конан заподозрил недоброе.

— Не шути со мной, девочка,— рявкнул он.

— Я вовсе не шучу. Я не люблю Тутотмеса.

Он заколебался, но решился: в конце концов он в ее власти, и она — в его.

— Иди рядом,— сказал он, освободив шею и сжимая руку девушки.— Но гляди! Если я что-нибудь замечу...

Она повела его по коридору все вниз и вниз, и вот не стали уже попадаться светильники на стенах, и он шел на ощупь. Он спросил спутницу о чем-то, она повернула к нему голову, и Конан с ужасом увидел, что ее глаза светятся желтым огнем. Страшные подозрения родились в его душе, но он продолжал идти за ней через лабиринт черных коридоров, где не помог бы даже его дикарский инстинкт. В душе он проклинал себя, но поворачивать было поздно. Вновь он почувствовал впереди что-то живое, жадное и голодное. Если слух не изменил ему, девушка прошептала какое-то повеление, и шорох исчез.

Наконец она ввела его в комнату, где в семисвечнике горели черные свечи. Он понимал, что находится глубоко под землей. Стены и потолок в комнате были из черного полированного мрамора, обставлена она была в стигийском стиле. Здесь стояло покрытое черным шелком эбеновое ложе и покоился на каменном постаменте резной саркофаг.

Конан выжидающе глядел на сводчатые проходы в стенах комнаты, но девушка не собиралась идти дальше: с кошачьей грацией она растянулась на ложе, закинула руки за голову и поглядела на Конана из-под длинных, тяжелых ресниц.

— Что дальше?— нетерпеливо спросил он.— Что ты делаешь? Где Тутотмес?

— Некуда спешить,— лениво ответила она.— Что такое час? Или день? Или год? Или век? Сними маску, я хочу увидеть твое лицо...

Рыча от гнева, Конан сорвал с головы тяжелое сооружение. Поглядев на его смуглое, покрытое шрамами лицо, девушка удовлетворенно кивнула.

— Да, в тебе есть сила... Огромная сила... Ты мог бы задушить быка...

Чувство опасности нарастало: положив руку на кинжал, он мерял комнату шагами и заглядывал в проходы.

— Если ты заманила меня в ловушку,— сказал он,— то недол-

го тебе тешиться надо мной. Слезай с этой кроватки и делай, что обещала, а не то...

Он внезапно замолк, поглядев на саркофаг — его крышка была украшена барельефом из слоновой кости. Маска была вырезана с поразительным правдоподобием, свойственным древним мастерам, изображала же она лицо девушки, которая в небрежной позе возлежала на ложе. Можно было подумать, что это ее портрет, если бы не древность саркофага. Лакированную поверхность крышки покрывали древние иероглифы. За свою бурную жизнь Конан нахватался многих разнообразных знаний и умений, поэтому он сумел прочесть по буквам:

— Акиваша!

— Ты слышал о принцессе Акиваше? — спросила девушка.

— Кто же о ней не слышал!

Имя этой жестокой и прекрасной принцессы все еще жило в песнях и преданиях, хотя уже десять тысяч лет прошло с той поры, когда дочь Тутхамона устраивала кровавые пиршества в черных покоях древнего Луксура.

— Весь ее грех был в том, что она любила жизнь и все, что с ней связано,— сказала стигийка.— И чтобы обрести жизнь, она обманула смерть. Она не могла примириться с тем, что будет стареть, увядать, покрываться морщинами и в конце концов умрет в обличии старой ведьмы. И тогда она взяла в любовники Мрак, а он взамен подарил ей жизнь — но не ту, что знают простые смертные, а жизнь без старости и смерти. И она погрузилась во тьму, чтобы перехитрить старость и смерть...

Конан яростно посмотрел на нее, обернулся и сорвал крышку с саркофага. Саркофаг был пуст. За его спиной раздался хохот девушки, от которого кровь заледенела. Король повернулся к ней.

— Акиваша — это ты! — он заскрипел зубами.

Она продолжала смеяться.

— Да, я Акиваша! Та самая, что никогда не умирала и не знала старости! Та самая, про которую глупцы говорят, что она была взята богами на небо в расцвете лет и сделалась повелительницей небесных сфер! О нет, лишь во мраке смертный может обрести бессмертие. Я умерла десять тысяч лет назад, чтобы жить вечно! Дай мне твои губы, богатырь!

Она легко вскочила и подбежала к Конану, встала на кончики пальцев и обвила руками его могучую шею. Он глядел на ее прекрасное лицо и чувствовал отвращение, смешанное с леденящим ужасом.

— Люби меня! — прошептала она, откинув голову.— Дай мне частицу твоей крови, чтобы поддержать мою молодость. Тебя я тоже сделаю бессмертным! Ты познаешь мудрость всех эпох; откроешь все тайны, что собраны в этих подземельях за столетия. Ты станешь повелителем призрачного войска, которое пирует среди древних могил, когда ночь опускается на пустыню и летучие мыши пересекают лунный диск. Хватит с меня жрецов, магов

и рабынь, которые визжат, когда их тащат через ворота смерти. Я хочу мужчину. Люби меня, варвар!

Она прильнула к его груди, и он почувствовал боль у основания шеи. Король с проклятьем отшвырнул девушку на ложе.

— Чертова упыриха!

Из ранки на шее текла струйка крови.

Она села на ложе, как змея, приготовившаяся к прыжку, и желтые огни преисподней горели в ее огромных глазах. Дьявольская улыбка обнажила острые белые зубы.

— Глупец! — крикнула она. — Ты думаешь уйти от меня? Ты будешь жить и подыхать здесь, в темноте. Я завела тебя глубоко в подземелья, и один ты никогда не найдешь обратной дороги. Ты не минуешь тех, кто стережет тоннели. Если бы не я, сыновья Сета давно бы сожрали тебя. Глупец, я еще напьюсь твоей крови!

— Держись подальше, не то я раскромсаю тебя на куски! — прорычал король. — Может, ты и бессмертная, но сталь тебя победит.

Он отступил к дверям, через которые вошел, и вдруг наступила темнота. Все свечи таинственным образом погасли, хотя принцесса не трогалась с места. За спиной раздавался смех упырихи, подобный сладкой отраве адских скрипок, и Конан облился потом, ища выхода. Наконец, нашел и побежал, не особенно задумываясь, куда — лишь бы подальше от этой заколдованной залы, которая в течение многих веков была жилищем прекрасного и отвратительного, живого и мертвого существа.

Его путешествие по бесконечным изгибам черных коридоров было сплошным мучительным кошмаром. То тут, то там слышал он шорох ползущих тел, однажды до него донесся отголосок знакомого жуткого смеха. Он был в отчаянии и чувствовал себя жертвой дьявольской забавы, он думал, что его попросту заманивают все глубже и глубже в последнюю тьму, где поджидают его клыки и когти демонов мрака.

Кроме страха, его не оставляло и чувство отвращения от правды, которую он открыл. Легенда об Акиваше была невероятно древней, но было в ней и нечто притягательное — миф о вечной молодости. Для мечтателей, влюбленных и поэтов она была не только преступной принцессой из стигийского предания, но и символом бессмертной красоты, вечно живущей в далеком обиталище богов. Теперь он узнал страшную действительность. Источником вечной жизни было позорное преступление. И к физическому отвращению присоединилась боль от того, что человеческое совершенство — лишь сон, что золото обернется грязью, что все людские устремления напрасны, все ложь и обман...

И еще он понял, что за ним гонятся, и преследователи неумолимо приближаются. Во мраке раздавалось шуршание, которое не могут издавать ни человеческие ноги, ни звериные лапы. Он обернулся в полной темноте, чтобы встретить врага лицом к лицу — и

стал медленно отступать. Потом стихли звуки, и Конан, вновь обернувшись, увидел где-то вдалеке слабый свет.

19. В ЗАЛЕ МЕРТВЫХ

Конан медленно двигался в сторону света и прислушивался, не раздадутся ли за спиной звуки погони. Хоть ничего не было слышно, варвар чуял, что в темноте таится разумная жизнь.

Источник света не стоял на месте — он двигался, причудливо подскакивая. Тоннель, по которому он шел, пересекся с другим коридором, пошире. А по этому коридору шли четверо высоких и тонких людей в черной одежде с капюшонами на головах, каждый опирался на посох. Предводитель нес над головой факел, горевший удивительно ровным светом. Они не походили на стигийцев — Конан таких людей никогда не встречал, да и люди ли это?

Однако положения киммерийца уже ничто не могло ухудшить, и прежде чем за спиной раздалось страшное шуршание, Конан выскочил в коридор. Четверка двигалась впереди. Он бесшумно следовал за ней, но прижался к стене, увидев, что они остановились, посовещались и стали возвращаться. Конан укрылся в ближайшем проходе. Он уже неплохо ориентировался в темноте и убедился, что тоннель идет не прямо, а с поворотами. За первым поворотом он и притаился, чтобы его не увидели в свете необыкновенного факела.

За его спиной раздался шум голосов. Пройдя дальше в глубь коридора, он понял, что не ослышался, решил двигаться в ту сторону.

Наконец впереди показалось пятно света, и он повернул в коридор, бывший его источником. В дальнем конце коридора слабо виднелись широкие двери. Слева поднимались вверх узкие каменные ступени — по ним он и поднялся, как подсказал ему инстинкт. Поднявшись по ступеням, он нашел невысокую дверь, ведущую в огромный зал, наполненный бледно-зеленым светом.

Он стоял на темной галерее, окружавшей помещение воистину гигантских размеров. Это был Зал Мертвых — немногие люди, если не считать молчаливых стигийских жрецов, побывали здесь. Пестрые резные саркофаги покоились в нишах черных стен. Ниши были продолблены на разных уровнях, самые верхние терялись во мраке под куполом. Тысячи масок равнодушно глядели вниз, где, жалкая и беспомощная, по сравнению с этой армией мертвецов, стояла группа людей.

Десятеро из них были те самые жрецы, с которыми Конан вошел в пирамиду — он узнал их, несмотря на маски. Жрецы стояли перед высоким человеком с орлиным лицом возле черного алтаря, на котором лежала мумия в истлевших бинтах. А сам алтарь был освещен блеском живого пламени, исходившим из большого алого кристалла. В его свете лица жрецов были мертвенно бледными. Глядя вниз, Конан вдруг почувствовал груз всех дол-

гих миль, всех тяжких дней и ночей своей трудной дороги. Ему хотелось броситься на жрецов, раскидать их ударами своего оружия и схватить желанную драгоценность. Но он терпеливо ждал, притаившись в тени каменной балюстрады. Вниз с галереи вела вдоль стены узкая лестница. Оглядев зал, Конан убедился, что, кроме жрецов, в нем никого нет.

В огромном пустом пространстве раздавался громкий зловещий голос предводителя:

— ...И таким образом эта весть дошла до Юга. Ночной ветер прошептал ее, выкрикнул ворон на лету, а печальные нетопыри передали совам и змеям, что обитают в древних руинах. Узнали ее и вурдалаки, и упыри, и охотящиеся во мраке демоны с телами из черного дерева. Уснувшая Ночь Мира встала и тряхнула своей тяжелой гривой, в самых темных глубинах забили барабаны, а отзвуки далеких страшных воплей перепугали ночных путников. Ибо вернулось в мир Сердце Аримана, чтобы выполнить свое предназначение.

Не спрашивайте, каким образом я, Тутотмес из Кеми, узнал эту весть раньше, чем Тот-Амон, который мнит себя повелителем всех волшебников. Есть тайны, которые не предназначены даже для ваших ушей, а Тот-Амон — не единственный Мастер Черного Круга.

Услышал я эту весть и пошел навстречу Сердцу, и встреча эта состоялась на юге. Оно, как магнит, безошибочно вело меня к себе. От смерти к смерти плыло оно в реке людской крови. Кровь укрепляет его, кровь его притягивает. Наибольшей мощью обладает оно в руках убийцы, обагренных кровью предыдущего владельца. Где оно блеснет — течет кровь, падают царства, сама природа впадает в хаос.

И сейчас я, хозяин Сердца, стою здесь, и я призвал вас, о верные, чтобы разделить с вами черное царство грядущего. Нынешней ночью мы сумеем разорвать цепи, наложенные на нас Тот-Амоном, и родится новая империя.

Но кто я такой — я, Тутотмес,— чтобы постичь все силы, скрытые в этих алых глубинах? Тайны их забыты еще три тысячи лет назад. Но я все узнаю. Они мне расскажут!

И он указал на ряды немых саркофагов.

— Видите — они спят и глядят на нас глазами мраморных масок. Цари и царицы, военачальники и жрецы, волшебники и стигийские вельможи — из бездны десяти тысяч лет. Прикосновение Сердца пробудит их от вечного сна. Долго, очень долго билось и пульсировало Сердце в древней Стигии. Здесь был его дом в течение многих веков, прежде чем перенесли его в Ахерон. Древним была известна его полная сила, и они все расскажут мне о ней, когда я верну им жизнь, чтобы они мне служили.

Я разбужу их, чтобы постичь забытую мудрость, тайное знание, скрывающееся за этими замшелыми черепами. Владея тайной мертвых, мы обратим в рабство живых! Цари, полководцы

и чернокнижники станут нашими помощниками и слугами. Кто сможет противостоять нам?

Смотрите! Эти высохшие, скрюченные останки были когда-то Тотмекром, верховным жрецом Сета, умершим три тысячи лет назад. Он был посвященным Черного Круга и знал Сердце. Он и расскажет нам о его силе!

Он взял огромный кристалл, положил его на грудь мумии и поднял руки, чтобы произнести заклинание. Но так и не произнес — застыл с поднятыми руками и открытым ртом, уставившись куда-то за спины учеников, и те, в свою очередь, обернулись, чтобы проследить его взгляд.

Через темный дверной проем в зал вошли четверо в черном. Их лица в тени капюшонов казались невыразительными желтыми овалами.

— Кто вы такие? — выдавил наконец Тутотмес, и голос его был страшен, как шипение кобры.— Только безумцы могут вторгнуться в священное обиталище Сета!

Голосом, бесцветным, как звон кхитайских колокольчиков, самый высокий из пришельцев ответил ему:

— Мы преследуем Конана из Аквилонии.

— Здесь его нет,— ответил Тутотмес и, словно пантера, выпускающая когти, угрожающе стряхнул плащ с правого плеча.

— Ты лжешь. Он в этом храме. Мы идем по его следу от входа, где лежит труп, через весь лабиринт. И сейчас наткнулись на ваше сборище. Вскоре мы продолжим погоню. Но сначала отдай нам Сердце Аримана.

— Смерть — удел безумцев! — прорычал Тутотмес и приблизился к говорившему. Его жрецы сделали то же самое, но пришельцы не обратили на это внимания.

— Всякий смотрит на него с вожделением,— сказал кхитаец.— Мы слышали о Сердце в нашей стране. Оно поможет нам победить изгнавших нас. Чудеса и сокровища таятся в его алых глубинах. Отдай его, не то будешь убит.

Раздался дикий вопль, и в руках одного из жрецов сверкнула сталь. Но прежде, чем он нанес удар, взметнулась покрытая чешуей палка, коснулась его груди, и он на месте пал замертво. И с этой минуты мумии стали свидетелями страшной кровавой бойни. Блистали алые клинки; как змеи, ударяли пестрые посохи — от их прикосновения человек с криком падал и умирал.

Когда был нанесен первый удар, Конан сорвался и побежал вниз по лестнице. Лишь краем глаза видел он эту сатанинскую свалку — люди падали, сплетались в схватке, истекали кровью. Он видел, как одного кхитайца буквально разрубили на куски, как другой, не колеблясь, раздавал смерть направо и налево, и как Тутотмес ударил его в грудь открытой ладонью и убил — хотя перед тем и сталь была бессильна.

Когда Конан сбегал с последней ступеньки, схватка подходила

к концу. Трое порубленных кхитайцев полегли, но и из числа стигийцев остался в живых лишь Тутотмес.

Он бросился на последнего из пришельцев, выставив, как оружие, свою пустую черную ладонь, но посох кхитайца, словно бы удлинившись в воздухе, ударил его в грудь. Жрец зашатался. Посох ударил еще и еще раз, Тутотмес споткнулся и упал. Черные пятна поползли по его лицу.

Кхитаец бросился к лежащему на груди мумии кристаллу, но Конан опередил его.

Они стояли среди разбросанных по полу человеческих внутренностей и молча смотрели друг на друга.

— Ах, король Аквилонии, долго же мы шли за тобой,— спокойно сказал наконец кхитаец.— По большой реке, через горы, через Пойнтайнию и Зингар, через холмы Аргоса, а потом вдоль берега моря. Нелегко было взять твой след в Тарантии, ибо жрецы Асуры хитры. Мы совсем было потеряли след и в Зингаре, но нашли в лесу твой шлем. И совсем уж сбились со следа нынешней ночью в лабиринте.

Конан подумал, что ему повезло, когда он покинул покой упырихи по другому коридору. Иначе он бы сразу напоролся на этих желтых демонов.

Кхитаец, словно прочитав его мысли, покачал головой.

— Это уже не имеет значения. Погоня окончена.

— Почему вы преследуете меня?— спросил Конан, готовясь молниеносно отскочить в ту или иную сторону.

— Это был неоплаченный долг,— ответил кхитаец.— От тебя, который умрет, нечего скрывать. Мы — вассалы Валерия, короля Аквилонии. Мы долго служили ему, но теперь вольны — братьев моих освободила смерть, а свою миссию я сейчас выполню и вернусь в Аквилонию с двумя сердцами — Сердцем Аримана для себя и сердцем Конана для Валерия. Один поцелуй посоха, вырезанного из живого Дерева Смерти...

Посох обладал змеиной стремительностью, но удар кинжала был еще быстрее. Посох распался на две извивающиеся половины, снова блеснула сталь, и голова кхитайца покатилась по полу.

Конан повернулся, чтобы взять драгоценность, но, пораженный ужасом, отступил.

На алтаре не было высохшей мумии. Кристалл горел на груди живого человека — обнаженного, среди обрывков бинта. Живого? Конан не был полностью уверен в этом. В глубине черных блестящих глаз была видна нечеловеческая тоска.

Держа камень в руке, воскрешенный медленно встал и молча протянул свою ладонь Конану. Конан принял кристалл и почувствовал, что это рука мертвеца. Он понял, что ритуал не был доведен до конца и жизнь вернулась в тело не в полной мере.

— Кто ты?— спросил он.

Ему ответил бесцветный голос, напоминавший капанье воды со сталактита в пещере:

— Я был Тотмекром. Я мертв.

— Ну так выведи меня из этого проклятого храма,— сказал Конан, и мурашки пробежали у него по спине.

Ровным механическим шагом мертвец направился к двери. Конан пошел за ним, еще раз оглянувшись на мрачную громаду зала, на ряды саркофагов, на тела убитых, на голову кхитайца, что глядела незрячими глазами на пляшущие по стенам тени.

Огонь в кристалле освещал черные тоннели, как волшебная лампа, капающая золотом. Во мраке Конан различил блеск алебастрового тела, но упириха отступила перед сиянием Сердца и скрылась во мраке, как и прочая нежить.

Мертвец шел прямо, не глядя по сторонам. Конан обливался холодным потом и терзался сомнениями: выведет ли этот страшный призрак его на свободу? Но он знал также, что самостоятельно ему все равно не одолеть лабиринта. И он шел за своим страшным проводником, и ужасы тьмы расходились перед светом Сердца и снова смыкались за спиной.

А потом он оказался перед бронзовыми вратами, почувствовал дуновение ночного ветра, увидел звезды и залитую их светом пустыню. Тотмекр молча указал вперед, повернулся и скрылся во мраке. Конан глядел, как удалялась его фигура, уверенно идущая либо к неотвратимой гибели, либо к вечному сну.

С проклятьем вылетел Конан из ворот и помчался по пустыне, словно за ним гнались демоны. Он даже не оглянулся ни на пирамиду, ни на черные башни Кеми. Движение очистило его разум от черной паутины, чистый воздух пустыни вымел из души кошмары, а отвращение перешло в бешеное ощущение победы еще до того, как, миновав болотные заросли, он увидел черную воду залива и «Смельчака» на якоре.

Проваливаясь в грязь по пояс, он дошел до чистой воды и нырнул, не думая об акулах и крокодилах. Мокрый и радостный, он взобрался по якорной цепи на палубу, где на него кинулись вахтенные.

— Проснитесь, собаки!— зарычал он, отводя копье, которое ошеломленный стражник направил ему в грудь.— Поднять якорь! Конец стоянке! Дать рыбаку полный шлем золота и отправить на берег! Скоро рассветет, а еще до восхода мы должны лететь в ближайший зингарийский порт!

И размахивал над головой огромным кристаллом, который бросал на палубу снопы золотого огня.

20. И ВОССТАНЕТ АХЕРОН ИЗ ПРАХА

Зима в Аквилонии миновала. Распустились листья на деревьях, зазеленела трава под теплым южным ветром. Но множество полей остались невспаханными, почерневшие пепелища обозначали места, где некогда находились цветущие города и роскошные усадьбы. Волки открыто охотились вдоль заросших бурьяном до-

рог, а в лесах бродили банды исхудавших беженцев. Зато в Тарантии постоянно устраивались праздники и пиршества.

Правление Валерия было воистину безумным. В конце концов стали возмущаться даже те бароны, что радовались его возвращению. Его сборщики налогов грабили и бедного, и богатого, а все добро текло в Тарантию, которая из столицы превратилась в склад трофеев в сердце покоренной страны. Купцам жилось неплохо, но и у них не было уверенности: любого из них могли казнить по обвинению в измене, чтобы конфисковать имущество.

Валерий и не пытался как-нибудь объединить своих подданных. Власть его держалась только на немедийской солдатне и наемниках. Правил он лишь по милости Амальрика. Он и мечтать не смел объединить Аквилонию под своим скипетром: во-первых, пограничные провинции намерены были бороться против него до последней капли крови, а во-вторых, сами немедийцы немедленно свергли бы его, попробуй он проявить самостоятельность. Он стал жертвой собственных преступлений и, чтобы забыться, ударился в непрерывный разгул.

Но была система в его безумии, о которой не догадывался даже Амальрик. Уязвленная его гордость жаждала лишь одного — привести к поражению своих союзников. Когда Амальрик сочтет его миссию выполненной — тогда и конец. Амальрик желает полностью уничтожить независимость Аквилонии, укрепиться в ней и с ее помощью вырвать корону Немедии из рук Тараска, ибо конечной целью Амальрика был императорский трон. Валерий не был уверен, подозревает ли что-нибудь Тараск. А тем руководила лишь застарелая жажда мести, порожденная столетиями взаимных войн — он решил уничтожить западного соседа.

Валерий хотел разорить страну столь основательно, чтобы даже богатство Амальрика не могло возродить ее. Он ненавидел и барона и аквилонцев, он дожидался дня, когда Аквилония окончательно придет в упадок, а Тараск и Амальрик начнут между собой безнадежную гражданскую войну, которая погубит и Немедию.

Он твердо знал, что покорение мятежных провинций станет концом его правления, поэтому и тянул с большим походом, ограничиваясь беспорядочными вторжениями и набегами.

Жизнь его была цепью пиров и оргий. Во дворец свезли самых красивых девушек королевства — и по доброй воле, и силой. Король богохульствовал и валялся мертвецки пьяный на полу в короне и в залитых вином пурпурных королевских одеждах. Виселицы на площадях были увешаны гроздьями тел, топоры палачей не уставали подниматься, то и дело отправлялись в дорогу карательные отряды немедийцев. Доведенная до отчаяния страна тут и там вспыхивала восстаниями, которые безжалостно подавлялись. Валерий грабил, уничтожал, обращал в прах свое государство — это возмутило Амальрика, который не догадывался о намерении союзника довести Аквилонию до полной нищеты.

О безумии короля говорили и в Аквилонии, и в Немедии, но у немедийцев была еще одна тема для разговоров — Ксальтотун, муж в маске. Он редко появлялся на улицах Бельверуса; говорили, что он много времени проводит в горных районах, где живут остатки древнего народа — темные молчаливые люди, гордящиеся своим происхождением от великой древней расы. Разносились слухи, что в горах гремят барабаны, горят костры, что разносятся звуки старинных напевов и заклинаний.

Никто не знал, что там происходит — за исключением Ораста, который сопровождал мага в горных странствиях, и ему эти дела нравились все меньше и меньше.

Но в самый разгар весны по гибнущему королевству прошел слух, который разбудил страну от кошмарных снов. Никто не знал, откуда идет этот слух. Одни говорили о древней старухе, которая спустилась в гор в обществе громадного волка, другие — о жрецах Асуры — они, как призраки, появлялись то в Гандерландии, то в Пойнтайнии, то в лесных селениях Боссона.

По мере того, как эта молва распространялась, поднимались и восстания в пограничье. Отдаленные немедийские гарнизоны были окружены и перебиты, карательные отряды уничтожались. Это были уже не беспорядочные мятежи, поднятые отчаявшимся народом — чувствовалось, что всем этим кто-то руководит. Поднялись не только простолюдины — бароны укрепляли свои замки и отказывались подчиняться губернаторам провинций. Отряды боссонских лучников в стальных шлемах двигались вдоль границ. Из пепла и руин поднималась полная жизни, грозная и яростная страна. Амальрик поспешил известить об этом Тараска, и тот прибыл во главе своей армии.

В королевском дворце в Тарантии оба владыки и Амальрик держали совет. Ксальтотуна не пригласили — он предавался своим таинственным занятием где-то в горах. Со дня кровавой битвы в долине Валькии они не требовали от него магической помощи, а он был равнодушен к их интригам.

Не посылали и за Орастом, но он прибыл сам — бледный, как морская пена. Владыки с удивлением видели на лице жреца страх — а уж в трусости его никто не мог обвинить.

— Ты устал, Ораст, — сказал Амальрик. — Отдохни на диване, я прикажу слугам принести вина. Дорога была трудной...

Ораст махнул рукой.

— Трех коней я загнал по дороге в Бельверус и отдохну не прежде, чем расскажу вам все.

Он беспокойно кружил по залу и, наконец, остановился перед сообщниками.

— Когда мы использовали Сердце Аримана, чтобы вернуть жизнь умершему, — сказал он, — мы не ведали, что приведем в движение черный прах минувшего. Моя вина и мой грех. Мы думали только о своем честолюбии и не предполагали его в воскрешенном, и выпустили в мир демона, неподвластного людскому

понятию. Да, я погряз во зле, но есть границы, которых не может перейти человек нынешних времен. Предки мои были обыкновенными людьми, без капли дьявольской крови, лишь я вступил в бездну — но до определенных мне рубежей. А за спиной Ксальтотуна лежат тысячелетия черной магии и страшных традиций древности. Я не могу его понять не только потому, что он волшебник,— он наследник целого народа волшебников.

Увиденное мной поразило меня. В самом сердце спящих гор Ксальтотун беседовал с душами умерших и призывал древних демонов забытого Ахерона. Я видел, как ему поклоняются проклятые потомки проклятой империи, как они называют его своим верховным жрецом. И я видел, что он готовит — клянусь вам, ни больше, ни меньше — он собирается возродить царство ужаса древности — Ахерон!

— Что ты имеешь в виду? — спросил Амальрик.— Ахерон давно повержен в прах, а потомков этой расы слишком мало, чтобы установить империю. ДажеКсальтотуну не под силу вернуть к жизни прах, которому три тысячи лет.

— Слишком мало знаешь ты о черных силах,— грустно сказал Ораст.— Я видел, как от его заклятий даже горы меняют очертания. Передо мной появлялись туманные контуры лесов, долин и рек — не сегодняшних, а тех, что были на заре времен... Я даже заметил, как вставали из тумана пурпурные башни разрушенного Пифона.

И во время последнего сборища, на котором я присутствовал, когда били барабаны, а его поклонники-горцы, завывая, посыпали головы пеплом, до меня дошло, наконец, значение его колдовства. Клянусь вам — своими чарами и заклинаниями, подкрепленными неслыханно кровавыми жертвами, он воскресит Ахерон. Он покорит мир и потоками крови смоет современность, чтобы вернуть прошлое.

— Ты сошел с ума! — закричал Тараск.

— Сошел с ума? — Ораст обратил к нему усталые глаза.— Да разве может сохранить разум человек, увидевший все это? Но я говорю правду. Он собирается возродить Ахерон с его башнями, чародеями и жестокими повелителями — такой же, как был. Остатки ахеронцев послужат ему основой, а кровь и плоть нынешних людей станут известью и камнем для этой постройки. Я не могу сказать, каким образом он этого добьется, здесь мой разум бессилен. Но я видел это! Ахерон снова станет Ахероном, лесам, горам и рекам вернется древний облик. А почему бы и нет? Если уже я со своими скромными возможностями сумел воскресить мертвеца трехтысячелетней давности, то почему же величайший чародей мира не сможет проделать этого с целым царством? И восстанет Ахерон из праха по его слову.

— Можно ли ему помешать? — спросил пораженный Тараск.

— Есть только один способ,— сказал Ораст.— Мы должны похитить у него Сердце Аримана.

— Но ведь я...— начал Тараск и осекся.

Никто не обратил на это внимания. Ораст продолжал:

— Эту силу можно обратить против него. Но как его похитить? Он укрыл его в таком тайном месте, что даже грабители из Заморы будут бессильны. Я не знаю, где оно находится. Ах, если бы он снова погрузился в сон черного лотоса... Но это было лишь после битвы при Валькии, когда ему нужно было восстановить свои силы...

Двери, запертые на ключ и на засов, бесшумно отворились, и перед ними возник Ксальтотун. Спокойный и молчаливый, он поглаживал бороду, но в глазах его горел адский огонь.

— Слишком много научился ты от меня,— спокойно сказал он, указывая пальцем на Ораста. И прежде чем кто-нибудь успел пошевелиться, бросил к ногам окаменевшего жреца горсть пыли. Коснувшись пола, порошок загорелся, дым поднялся и обвился вокруг Ораста темной спиралью. Наконец спираль охватила шею бедняги, и его крик перешел в хрип. Глаза его вылезли из орбит. Подобно шнуру, дым задушил его, побледнел и исчез, а мертвый Ораст рухнул на пол.

Ксальтотун хлопнул в ладоши, и в зал вошли двое — их часто видели рядом с чародеем. Невысокие, темнокожие, с красными раскосыми глазами и острыми, как у крысы, зубами, они подхватили тело и вынесли его.

Ксальтотун махнул рукой, давая понять, что с этим покончено, и сел за стол из слоновой кости рядом с побледневшими королями.

— По какому случаю собрались?— спросил он.

— На западе аквилонцы подняли восстание,— ответил Амальрик, с трудом приходя в себя.— Эти идиоты верят, что Конан жив и во главе пойнтайнской армии возвращается отвоевывать королевство. Если бы эти слухи появились сразу после битвы при Валькии, центральные провинции не посмели бы восстать, боясь твоего могущества. Но правление Валерия довело людей до того, что они готовы пойти против нас за кем угодно, предпочитая скорую смерть пыткам и нищете.

Весть о том, что Конан не погиб при Валькии, упорно ходила по стране, но лишь сейчас народ этому поверил. Из Офира вернулся изгнанник Паллантид и поклялся, что в тот день король лежал больным в своем шатре, а в его доспехах был простой воин. И оруженосец к этому времени оправился от удара палицы и подтвердил его слова.

Кроме того, ходит по стране старуха с огромным волком и прорицает, что Конан жив и вскорости вернется, чтобы отвоевать корону. И ту же самую песню поют теперь жрецы Асуры. Они утверждают, что Конан возвращается. Не удалось пока схватить ни ведьму, ни жрецов. Все это, конечно, происки Троцеро. Мои разведчики сообщают, что пойнтайнцы готовятся к вторже-

нию в Аквилонию. Скорее всего, Троцеро ведет с собой какого-то самозванца, именуя его Конаном.

Тараск рассмеялся, но без уверенности. Тайком он потрогал шрам под одеждой, вспомнил о воронах, летевших за беглецом и о своем оруженосце Аридее, тело которого привезли с пограничных гор,— солдаты уверяли, что оно было обезображено волчьими клыками. Подумал он и об украденном у чародея кристалле, но не сказал ничего.

Валерию же припомнились страшные слова умирающего придворного. Да и четверо кхитайцев так и сгинули навсегда где-то в лабиринтах Юга. Но он держал язык за зубами, потому что ненавидел сообщников и желал, чтобы немедийцы и бунтовщики перебили друг друга в смертельной схватке.

Отозвался лишь Амальрик:

— Конан жив? Какой вздор!

Вместо ответа Ксальтотун швырнул на стол свиток пергамента. Амальрик схватил его, развернул, прочитал и вскрикнул. Текст гласил:

«Ксальтотуну, верховному фокуснику Немедии. Я возвращаюсь в свое королевство и сделаю из твоей шкуры бубен. Конан»

— Фальшивка! — вскричал Амальрик.

— Нет,— сказал Ксальтотун.— Письмо подлинное. Я сравнивал его с документами из королевской канцелярии. Такой размашистый почерк невозможно подделать.

— Если он жив,— бормотал Амальрик,— то нынешнее восстание будет не чета прежним: из всех ныне живущих лишь Конан сможет объединить аквилонцев. Но,— заметил он,— не похоже на Конана, чтобы он столь дерзко предупредил нас. Варвары предпочитают внезапность.

— Мы и без того были предупреждены,— сказал Ксальтотун.— Наши разведчики доносили о военных приготовлениях в Пойнтайнии. Да и через горы они не прошли бы незамеченными, оттого он и отправил это послание.

— Но почему именно тебе?— спросил Валерий.— Почему не мне или Тараску?

Ксальтотун загадочно взглянул на короля.

— Потому что он мудрее вас,— сказал он, наконец.— Он уже понял то, чего не поняли вы. Не Тараск, не Валерий и не Амальрик подлинные владыки народов Запада, а Ксальтотун.

Они молчали, ибо это было правдой.

— Передо мной нет другой цели, кроме восстановления империи,— говорил Ксальтотун.— Но сначала мы должны разгромить Конана. Я не знаю, каким образом бежал он из Бельверуса, ибо был погружен в сон черного лотоса. Но сейчас он собирает армию на юге. Это будет его последний удар, вызванный лишь отчаянием народа, замученного Валерием. Пусть бунтуют — все они

у меня в кулаке. Подождем, пока он выступит, и уничтожим — на этот раз окончательно.

Потом мы покорим Пойнтайнию, Гандерландию и этих безмозглых боссонцев. Затем последует очередь Офира, Зингара, Аргоса и страны Кот — все народы мы соединим в огромную империю. Вы станете моими наместниками, и власть ваша будет побольше, чем у нынешних королей. Я непобедим, ибо Сердце Аримана надежно укрыто, и никто не сможет использовать его против меня.

Тараск избегал взгляда чародея, чтобы тот не мог прочитать его мысли. Он понял, что Ксальтотун с тех пор так и не заглядывал в золотой ларец. Невероятно, но маг все еще не знал, что Сердце похищено: волшебный кристалл, видимо, находился за пределами его мрачного разума, и все сверхчеловеческие способности не подсказали ахеронцу, что тайник пуст. На знал он, видимо, и того, что рассказал им Ораст, потому что даже не вспомнил о воскрешении родного царства — речь шла о создании нового, вполне земного. И еще он обратил внимание, что Ксальтотун не был полностью уверен в своей силе — теперь он так же нуждался в их помощи, как и они в его могуществе. Магия должна быть подкреплена ударами мечей и копий. Король понял взгляд Амальрика, брошенный украдкой: пусть чернокнижник использует свое искусство для победы над самым опасным врагом, у нас будет время подумать об остальном. Возможно, удастся обуздать черные силы, призванные из бездны...

21. ЗЛОВЕЩИЕ БАРАБАНЫ

Война стала явью, когда десятитысячная армия пойнтайнцев появилась на южных перевалах. Шпионы божились, что во главе войска едет богатырь в черных доспехах и золотой лев Аквилонии развевается над его головой. Конан жив! Король жив! В этом не сомневались уже ни друзья, ни враги.

Одновременно с известием о вторжении из Пойнтайнии пришло сообщение, что на юг двинулась армия Гандерландии, усиленная северо-западными баронами и боссонскими лучниками. Тараск во главе тридцатитысячной армии двинулся в сторону Гальпарана над рекой Ширки — эту реку гандерцы должны были перейти, чтобы ударить по крепостям, все еще находившимся в руках немедийцев. Река Ширки — быстрая и бурная, она течет на юго-запад по скалистым ущельям, и все броды через нее наперечет, особенно во время половодья. Вся страна к востоку от реки была под немедийцами, и удара следовало ожидать либо в районе Гальнарана, либо южнее — в Танасуле. Со дня на день Тараск ожидал подкреплений из Немедии, но вместо них пришла весть, что король Офира собирает силы на южных границах, и ни одного отряда выслать нельзя, чтобы обезопасить страну от вторжения из Офира.

Двадцать пять тысяч воинов во главе с Валерием и Амальриком покинули Тарантию, оставив, однако, мощный гарнизон на случай бунта.

Король во главе пойнтайнцев уже перешел горы, но не слышно было ни о штурме городов, ни о взятии крепостей. Конан появлялся и вновь исчезал. Видимо, он направлялся на запад, на рубежи Боссона, собирая по дороге добровольцев. Амальрик и Валерий вместе с армией, состоящей из немедийцев, аквилонских предателей и диких наемников, рыскали по всей стране в поисках противника и не находили его.

Амальрик убедился, что точных сведений о войске Конана ему не получить. Отряды разведчиков уходили и не возвращались, немедийских шпионов находили распятыми на дубах. Тут поднялась и деревня и стала бить по-простонародному — внезапно, грубо и наверняка. Амальрик знал одно — крупные соединения гандерцев и северных боссонцев находится к югу от него, на другом берегу Ширки, а Конан с небольшой армией пойнтайнцев и южных боссонцев идут с юго-западной стороны. Он начал опасаться заходить в глубь дикого края: ведь Конан может просто обойти его и ударить прямо по центральным провинциям. Поэтому он приказал покинуть долину реки и встал лагерем на расстоянии одного перехода до Танасула. Тараск занял позицию в Гальпаране, потому что боялся, что Конан заманит его на юг и откроет войску гандерцев путь к сердцу королевства.

В лагерь Амальрика прибыл на своей колеснице, запряженной чудесными, не знающими устали конями, Ксальтотун. Он вошел в шатер, где барон и Валерий склонились над картой на походном столике.

Карту Ксальтотун скомкал и выбросил.

— То, о чем не дознались ваши разведчики,— сказал он,— поведали мне мои. Хотя донесения их довольно туманны и неопределенны, словно против меня действует некая тайная сила.

Конан движется вдоль реки во главе десяти тысяч пойнтайнцев, трех тысяч южных боссонцев и баронов с юга и запада — в их отрядах около пяти тысяч воинов. Гандерцы и северные боссонцы идут на юг, чтобы соединиться с ним. Связь они поддерживают через проклятых жрецов Асуры, которых я, клянусь Сетом, после битвы прикажу отдать на корм змеям...

Обе армии идут к переправе у Танасула, но не думаю, что гандерцы будут переходить реку — скорее это сделает Конан, чтобы соединиться с ними.

— А почему именно Конан?

— Потому что ему выгодно оттянуть время сражения. Чем дольше мы выжидаем, тем опаснее становится наше положение. Горы на той стороне реки кишат его сторонниками — беглецами, изгнанниками, теми, кого разорил Валерий. Люди со всего королевства идут к нему толпами и поодиночке. Каждый день наши отряды попадают в засаду и уничтожаются крестьянами. В цен-

тральных провинциях начинаются беспорядки, которые вот-вот перейдут в открытый бунт. Гарнизоны там слабые, а рассчитывать на подкрепления из Немедии мы не можем. В том, что происходит на границе с Офиром, я вижу руку Паллантида — у него там много влиятельных родственников.

Если мы сейчас же не нападем на Конана и не разгромим его, за нашей спиной вспыхнет восстание. Нам придется возвращаться в Тарантию, чтобы спасти хоть часть завоеванного,— возвращаться через бунтующий край и с армией Конана на плечах, а потом еще защищать город и от внешних, и от внутренних врагов. Нет, ждать мы не можем. Нужно уничтожить Конана прежде, чем войско его усилится и восстанут центральные провинции. А если голова варвара будет прибита к воротам Тарантии, всякие волнения утихнут, вот увидите.

— Отчего же ты не обрушишь на его армию заклинания, чтобы целиком уничтожить ее? — со скрытой издевкой спросил Валерий.

Ксальтотун посмотрел на Валерия своим страшным взглядом.

— Успокойся,— сказал он.— В конце концов, мое искусство раздавит Конана, как молот змею. Но даже чарам должны помогать мечи и копья.

— Если он переправится через реку и займет позицию в горах, вытеснить его будет нелегко,— сказал Амальрик.— Но если мы сумеем настигнуть его в долине на той стороне реки, то справимся с ним. Как далеко войско Конана от Танасула?

— Если оно будет передвигаться с прежней скоростью, то будет там завтра ночью. Люди у него выносливые, и он их подгоняет. Конан будет там по крайней мере на день раньше, чем гандерцы.

— Прекрасно! — Амальрик ударил кулаком по столу.— Мы будем у Танасула раньше, чем он. Я пошлю к Тараску гонца с приказом соединиться с нами. До его прихода мы оттесним Конана от переправы и разгромим, а потом вместе с Тараском перейдем реку и расправимся с гандерцами.

Ксальтотун покачал головой:

— План хорош, но не против Конана. Твоих двадцати четырех тысяч недостаточно, чтобы уничтожить его восемнадцать до подхода гандерцев. Они будут биться с яростью раненых леопардов. А что будет, если подмога подойдет во время битвы? Мы окажемся между двух огней и погибнем раньше, чем придет Тараск, а он явно не успеет.

— Ну и что ты посоветуешь? — спросил Амальрик.

— Выступи против Конана всеми своими силами,— сказал ахеронец.— Пошли к Тараску гонца и прикажи идти сюда. Мы его дождемся и вместе пойдем к Танасулу.

— А пока будем дожидаться,— сказал Амальрик,— Конан перейдет реку и соединится с гандерцами.

— Конан не перейдет через реку,— сказал Ксальтотун.

Амальрик поднял голову и посмотрел в загадочные черные глаза.

— Что ты имеешь в виду?

— Предположим, далеко на севере, у истоков Ширки, пройдут проливные дожди. Предположим, что уровень воды сделает невозможной переправу у Танасула. Тогда мы, не торопясь, настигнем Конана и разобьем его, а потом, когда вода спадет (а произойдет это на следующий день), переправимся на ту сторону и разгромим гандерцев. Таким образом, всей мощью нашей армии мы сможем разбить противника по частям.

Валерий радостно засмеялся. Амальрик смотрел на ахеронца со смесью страха и удивления.

— Если мы настигнем Конана в долине Ширки, справа от него будут горы, а слева река,— сказал он.— Тут ему и конец. Но ... ты уверен, что эти дожди и вправду пройдут?

— Я пойду к себе,— сказал Ксальтотун, вставая.— Мое искусство — это не волшебной палочкой махать. Посылай гонца к Тараску. И пусть никто не подходит к моему шатру.

В последнем не было необходимости: и так никто в целой армии ни за какие деньги не согласился бы подойти к таинственному шатру. Никто не входил туда, кроме Ксальтотуна, но многие слышали доносящиеся оттуда голоса и странную музыку. Иногда по ночам красное пламя освещало шатер изнутри, и можно было увидеть в нем какие-то бесформенные тени.

Укладываясь на покой, Амальрик слышал ритмичные удары бубна в шатре Ксальтотуна. Немедиец мог поклясться, что слышал еще и низкий хриплый голос и принадлежал он не магу. Бубен звучал, как отдаленный гром: выглянув из шатра на рассвете, Амальрик увидел, что далеко на севере вспыхивают алые зарницы. Остальная часть неба была ясной, но эти зарницы сверкали непрерывно, словно отблески пламени на вращающемся клинке.

К вечеру следующего дня прибыл Тараск со своей армией. Усталые солдаты были покрыты пылью, а пехота подошла лишь через несколько часов после конницы. Войско расположилось возле лагеря Амальрика, и на рассвете соединенные силы начали двигаться на запад.

Их опережала волна разведчиков, и Амальрик с нетерпением ждал вестей о том, что наводнение загнало пойнтайнцев в ловушку. Но когда вернулись первые разведчики, то доложили, что Конан перешел реку!

— Что?— заорал Амальрик.— Переправились, несмотря на половодье?

— Не было никакого половодья,— отвечали обескураженные разведчики.— Поздней ночью он подошел к Танасулу и перевел войско через реку.

— Не было половодья?— закричал и Ксальтотун.— Это невозможно! В верховьях Ширки в течение двух последних ночей шел сильный ливень!

— Может и шел, ваша милость,— отвечал один из разведчиков.— Вода была мутная, и жители Танасула говорили, что вчера ее уровень поднялся примерно на локоть, но это не могло задержать Конана.

Колдовство Ксальтотуна не сработало! Эта мысль билась в мозгу Амальрика. Его страх перед пришельцем из прошлого нарастал с той самой ночи, когда высохшая мумия преобразилась в живого человека. Смерть Ораста превратила страх в настоящий ужас. Чуяло его сердце, что человек этот, увы, непобедим. И вдруг такое поражение!

Даже у самых великих некромантов случаются промашки, думал барон. Во всяком случае пока не стоит ссориться с человеком из Ахерона. Пока. Ораст мертв и корчится сейчас в бог весть какой преисподней. А меч Амальрика наверняка будет бессилен там, где не помогли чары жреца-отступника. Будущее неясно, а сейчас реальная угроза — Конан и его войско, и здесь чародейное искусство мага может быть необходимым.

Они прибыли в Танасул — небольшое укрепленное селение возле переправы. Разведчики донесли, что Конан занял позицию в нескольких милях от реки на горах Рокимантан и что вчера вечером к нему присоединились гандерцы.

Наступила ночь. Амальрик смотрел на Ксальтотуна, непроницаемого и неземного при свете факела.

— Что дальше? Магия нас подвела. Конан занял выгодную позицию, армия его сейчас почти такая же сильная, как наша. Придется выбирать из двух зол: либо занять оборону и ждать удара, либо отступить к Тарантии и ждать помощи.

— Ожидание нас погубит,— ответил Ксальтотун.— Переправимся и разобьем лагерь на равнине, а утром ударим сами.

— Но у него лучшая позиция! — вскричал Амальрик.

— Дурак! — вдруг взорвался всегда спокойный чародей.— Или ты забыл о Валькии? Ты думаешь, я беспомощен, если какая-то природная сила мне помешала? Я хотел, чтобы враг был побежден вашим оружием. Но не бойся: теперь мои чары уничтожат войско противника. Конан в ловушке. Не жди заката, переправляйся через реку!

Переправа шла при факелах. Конские копыта стучали по камням порогов, поднимали брызги на мелководьи. Черная поверхность воды отражала отблески пламени на отполированных щитах и нагрудниках. Было уже далеко за полночь, когда армия стала лагерем на равнине. Далеко вверху горели костры. Конан укрепился в Рокимантанских горах, которые стали теперь последней территорией Аквилонии.

Амальрик беспокойно мерял шагами лагерь. В шатре Ксальтотуна было светло, время от времени оттуда слышались вопли демонов, и зловеще стучал бубен.

Амальрик инстинктивно чувствовал, что на пути мага стоит не

только военная сила. И снова его охватили сомнения в могуществе чародея. Он поглядел на огни вражеского лагеря, и ярость исказила его лицо. Его армия находилась посреди чужой земли. А там, в горах, притаились люди-волки, в которых жажда мести и ненависть к захватчикам заглушила все остальные чувства, мысли и надежды. Поражение и бегство через страну, жаждущую крови чужеземцев, означали полную гибель. А завтра он должен повести свою армию против самого грозного из полководцев Запада и его отчаянной орды. Если и теперь Ксальтотун подведет...

Из мрака вынырнула группа воинов. Они не то вели, не то волокли исхудавшего человека в лохмотьях.

Отдав барону честь, воины доложили:

— Ваша светлость, этот человек сдался стражникам и говорит, что ему нужно поговорить с королем Валерием. Это аквилонец.

Он походил скорее на волка, ободранного до костей. Руки и ноги его были покрыты шрамами от цепей. Лицо было изуродовано клеймом, глаза горели, как угли.

— Кто ты такой, собака? — спросил Амальрик.

— Зови меня Тиберием,— ответил тот и ощерил зубы.— Я пришел сказать вам, как победить Конана.

— Предатель, что ли? — загремел барон.

— Говорят, у вас много золота,— еле слышно сказал Тиберий, и лохмотья его задрожали.— Дай мне немножко. Дай мне золота, и я скажу тебе, как разбить короля.

Амальрику стало противно, но он никогда не гнушался подобными слугами.

— Если ты говоришь правду, то получишь столько золота, сколько сможешь унести,— сказал он.— Но если ты шпион и лазутчик, тебя распнут вниз головой. Ведите его за мной.

В шатре Валерия барон показал на человека, распластавшегося на земле:

— Он говорит, что может помочь нам выиграть завтрашнее сражение. А такая помощь нам понадобится, если у Ксальтотуна снова не получатся его штучки. Выкладывай, собака.

Тело предателя забилось в судорогах, слова полились сплошным потоком:

— Конан стоит лагерем в глубине Львиной долины, она круглая, с двух сторон крутые склоны. Напасть с флангов вы не сможете и будете вынуждены ударить в центр. Но если бы король Валерий пожелал прибегнуть к моим услугам, я показал бы ему, как зайти в тыл Конану. Если решитесь, нужно выступать тотчас же. Это в нескольких часах езды — много миль на запад, потом на север, потом нужно повернуть на восток, чтобы войти в Львиную долину с тыла — так, как вошли туда гандерцы.

Амальрик колебался, потирая подбородок. В эти времена хватало людей, готовых душу заложить за золото.

— Если наведешь меня на засаду, умрешь,— предупредил Валерий.— Тебе это ясно, не так ли?

Оборванец задрожал, но глаз не опустил:

— Если я тебя предам — убей меня!

— Конан не решится разделить свои силы,— рассуждал Амальрик.— Чтобы отразить наше наступление, ему понадобится вся армия, у него нет лишних людей, чтобы расставлять ловушки в горах. Кроме того, этот мерзавец знает, что на карту поставлена его шкура. Разве этакий пес может пожертвовать собой? Нет, Валерий, я думаю, он человек честный.

— Или самый последний негодяй, готовый предать своего освободителя! — рассмеялся Валерий.— Прекрасно. Я пойду с этим ублюдком. Сколько людей ты мне выделишь?

— Пяти тысяч будет достаточно,— ответил Амальрик.— Неожиданный удар в тыл вызовет замешательство, и мы этим воспользуемся. Буду ждать твоей атаки в полдень.

— Ты сам увидишь, когда я ударю,— ответил Валерий.

Возвращаясь к себе, Амальрик с облегчением отметил, что Ксальтотун находится в своем шатре,— об этом говорили леденящие душу вопли, что доносились оттуда. А когда он услыхал во мраке звон оружия и бряцанье поводьев, мрачно усмехнулся. Свое дело Валерий, можно сказать, уже сделал. Барон хорошо знал, что Конан, подобно раненому льву, будет крушить все на своем пути даже в агонии и, прежде чем пасть, мощным ударом поразит напавшего с тыла Валерия. Тем лучше — одним соперником меньше. Амальрик был уверен, что Валерием стоит пожертвовать ради победы немедийского оружия.

Пять тысяч всадников Валерий выбрал в основном из числа аквилонских изменников. Под покровом ночи они вышли из лагеря и направились на запад, в сторону гор. Валерий ехал впереди, а рядом с его конем воин вел на веревке Тиберия. Остальные ехали с обнаженными мечами.

— Попробуй что-нибудь выкинуть — сразу подохнешь,— сказал Валерий.— Хоть я и не знаю каждой тропинки в этих горах, но соображу, туда ли ты нас ведешь...

Кланяясь и щелкая зубами от страха, Тиберий уверял короля в своей преданности и в знак ее набожно поднял голову к знамени, на котором красовался золотой змей — эмблема старой династии.

Огибая скальные выступы гор, окружающих Львиную долину, они повернули сначала на запад, а потом, после часа пути, на юг. Отряд двигался по едва заметным горным тропам. Восход солнца застал их в нескольких милях к северу от лагеря Конана; здесь проводник повернул на юг, угадывая путь среди скал и ущелий. Валерий удовлетворенно кивнул: они двигались в нужном направлении.

Но с юга поползла вдруг серая, колышащаяся, клубящаяся масса и начала заполнять низины. Она закрыла солнце, и стало ничего не видно за два шага. Поход продолжался почти вслепую.

Валерий сыпал проклятиями: он уже не видел вершин, служивших ему ориентиром, и должен был целиком положиться на проводника. Золотой змей повис в недвижном воздухе.

В конце концов запутался и сам Тиберий — он то и дело останавливался и осматривался.

— Заблудился, пес? — воскликнул Валерий.

— Слушай!

Откуда-то спереди доносился слабый вибрирующий звук — ритмичные удары.

— Барабаны Конана! — воскликнул проводник.

— Если мы подошли так близко, что слышим барабаны,— сказал Валерий,— то почему же не слышим звона оружия? Ведь битва должна уже начаться.

— Ветер и горное эхо вытворяют всякие чудеса,— сказал Тиберий, лихорадочно щелкая зубами, как человек, долго томившийся в сыром подземелье.— Прислушайтесь!

До их ушей донесся отдаленный рев.

— Битва идет в долине! — крикнул Тиберий.— А барабаны бьют на горе. Поспешим!

И он двинулся прямо на звук далеких барабанов с решимостью человека, ясно видящего цель. Проклиная туман, Валерий отправился следом. А потом он подумал, что туман прекрасно скроет его переход. Конан ничего не заметит. Он упадет киммерийцу как снег на голову еще до того, как солнце развеет туман.

Никто не мог с уверенностью сказать, что окружает отряд с обеих сторон — скалы, пропасти или лес. Барабаны били неустанно и становились все громче по мере приближения отряда. Но никаких звуков битвы слышно не было. Валерий вздрогнул, когда с обеих сторон из тумана выросли высокие серые скалы, и понял, что отряд находится в узком ущелье. Но проводник был спокоен. Наконец, когда ущелье кончилось, Валерий вздохнул с облегчением. Если бы их и ждала ловушка, то именно в этом месте.

Но вдруг Тиберий снова остановился. Барабаны били громче, но откуда доносился этот звук — спереди, сзади, слева или справа — Валерий уже не мог определить. Он лихорадочно озирался, а туман клубился вокруг его коня и каплями влаги оседал на доспехах. Колонна рыцарей за его спиной казалась шествием серых призраков.

— Почему медлишь, ублюдок? — грозно вопросил он.

Тиберий, казалось, прислушивался к барабанам. Потом он выпрямился и с ужасной улыбкой поглядел на Валерия.

— Туман расходится, Валерий,— сказал он изменившимся голосом и указал куда-то костлявым пальцем: — Гляди!

Грохот стих. Туман опадал. Сразу показались из него горные вершины. Мгла становилась все ниже и ниже, редела и бледнела. Валерий приподнялся на стременах и издал крик, который подхватили все его солдаты. Вокруг были только скалы. Они находи-

лись вовсе не в долине, а в каменном котле, и выход из него был только один — пройденное ими ущелье.

— Пес! — закованной в броню рукой Валерий ударил проводника в лицо.— Что за дьявольщина?

Тиберий сплюнул кровью и захохотал:

— Эта дьявольщина избавит мир от чудовища! Гляди, ублюдок!

Вход в ущелье преграждала толпа людей, неподвижная и немая, словно нарисованная,— сотни лохматых оборванцев с копьями в руках. А на скалах их были целые тысячи — дикие, исхудавшие, испытанные огнем, сталью и голодом.

— Хитрость Конана! — в ярости вскрикнул Валерий.

— Конан об этом и не знает! — рассмеялся Тиберий.— Это заговор нищих — тех, кого ты разорил и превратил в диких зверей. Амальрик был прав: Конан не разделил своего войска. А мы всего лишь толпа, идущая за армией, горные волки, люди без крова и без надежды. Это был наш план, а жрецы Асуры послали нам на помощь туман. Погляди на них Валерий! Каждый из этих людей носит твою отметку на теле или в сердце!

Посмотри хотя бы на меня! Ты не знаешь меня, не так ли? А ведь это клеймо поставил твой палач! Когда-то я был известен. Когда-то я был господином Амилием — человеком, сыновей которого казнили по твоему приказу, а дочь изнасиловали и убили твои наемники. Я поклялся, что не пощажу жизни, чтобы заманить тебя в ловушку. О, боги, да если бы у меня была тысяча жизней, я бы купил их ценою твою смерть!

И я купил ее! Погляди на людей, обездоленных по твоей вине, людей, превратившихся в тени! Пришел их час! Этот каменный котел станет твоей могилой. Попробуй заберись на скалы — высоко, круто... Попробуй вернуться назад — копья преградят тебе дорогу, камни разобьют голову! Собака! Мы встретимся в преисподней!

Он запрокинул голову и захохотал так, что эхо зазвенело в скалах. Валерий приподнялся в седле и своим огромным мечом разрубил ему ключицу и грудь. Тиберий сполз на землю, но все еще продолжал смеяться, пока не захлебнулся кровью.

Снова забили барабаны, окружив котловину громовым кольцом, с вершин посыпались камни, тучей полетели стрелы, и их свист заглушал даже крики умирающих.

22. ДОРОГА В АХЕРОН

Небо уже начало светлеть, когда Амальрик подтянул свое войско к входу в Львиную долину. С боков ее прикрывали крутые горы с плоскими вершинами, а сама долина состояла из естественных террас разной величины. На самой высокой из них в ожидании атаки стояла армия Конана. Отряд из Гандерландии, присоединившийся к ней, составляли не только копейщики — в его со-

став входила тысяча боссонских лучников и четыре тысячи всадников — северные и западные бароны со своими людьми.

Копейщиков, по общему счету, было девятнадцать тысяч — главным образом гандерцы, они вместе с четырьмя тысячами аквилонцев остались в дальнем, узком конце долины и построились клином. За рядами пехоты ждали с поднятыми пиками рыцари — десять тысяч пойнтайнцев, девять тысяч аквилонцев и бароны с ополчением.

Позиция была сильная. Обходить сбоку — значит попасть под стрелы боссонцев. Лагерь Конана был расположен сразу за боевыми порядками в узенькой, похожей на колодец, долине, являющейся продолжением Львиной, но расположенной чуть выше. Киммериец мог не опасаться удара сзади, потому что в горах было полно его сторонников.

Трудно было атаковать такую позицию, но нелегко ее было и покинуть — крепость и ловушка одновременно. У людей оставалась только одна возможность — победить.

Ксальтотун взошел на вершину с левой стороны долины, у самого входа в нее. Вершина эта, самая высокая из окрестных, носила название Царского жертвенника. Почему — не помнил уже никто, кроме, разумеется, самого чародея.

Он был не один — его сопровождали двое молчаливых лохматых слуг, которые тащили связанную аквилонскую девушку. Они положили ее на камень, венчающий вершину. Камень и вправду походил на жертвенник. Впрочем, за века вода и ветер изменили его очертания, и он казался творением природы, но Ксальтотун помнил, чем он был в действительности когда-то. Слуги, сгорбленные, как гномы, тихо удалялись, и Ксальтотун с развевающейся по ветру бородой остался у камня в одиночестве. Он глядел в долину.

Его взгляд скользил по причудливым изгибам реки, по горным склонам, остановился на клине пехоты, на блестящих шлемах лучников, на рыцарях с развевающимися знаменами, на колышущемся море копий.

Ближе к нему располагались боевые порядки немедийцев, у входа в долину, за ними — пестрые шатры вельмож и рыцарей и серые палатки простых воинов.

Затрепетало на ветру знамя с алым драконом — в ущелье полилась стальная река немедийского войска. Впереди мерным шагом двигались стрелки с приготовленными к бою арбалетами, за ними пехотинцы с копьями, потом цвет армии — конные рыцари. Беззаботно развевались флажки, поднимались к небу копья, они ехали, словно на званый пир.

Их было тридцать тысяч, и, как у всех гиборийских народов, они составляли основную ударную силу. Двадцать тысяч пехоты и арбалетчиков должны были расчистить им дорогу для атаки.

Аквилонская армия ждала их в грозном молчании.

Не нарушая строя, арбалетчики начали стрелять, но стрелы их

либо не долетали, либо отскакивали от прямоугольных щитов гандерской пехоты. Прежде чем арбалетчики подошли достаточно близко, меткие стрелы боссонских лучников расстроили их ряды.

После неудачной попытки ответить столь же убийственным салютом, немедийцы стали беспорядочно отходить. Их легкие доспехи не защищали от длинных стрел боссонцев. Немедийской пехоте, служившей лишь прикрытием для конницы, недоставало силы духа.

Арбалетчики отступали, их место в строю заняли копейщики. В основном это были наемники, поэтому командиры послали их на смерть без всякого сожаления. Они также должны были обеспечить подход конницы. Арбалетчики продолжали обстрел с флангов, копейщики двинулись вперед, за ними ехали рыцари. Потом пехота отступила и разошлась по флангам, чтобы дать дорогу коннице.

И конница ринулась вперед в тучу свистящей смерти. Стрелы, длинные, как копья, находили малейшую щель в доспехах и поражали всадников и коней. Кони падали, увлекая за собой седоков. Земля была устлана закованными в сталь телами. Конная лава сломалась и стала отступать.

Амальрик перестроил свое войско. Тараск бился мечом под знаменем алого дракона, но командовал сегодня он, барон Тор. Амальрик сыпал проклятьями, видя лес копий над стальными шлемами гандерцев. Он надеялся, что его отступление повлечет аквилонских рыцарей в атаку и арбалетчики перебьют их с флангов, а остальное довершат, использовав численное преимущество, немедийские рыцари. Но аквилонцы не сдвинулись с места. Слуги таскали во фляжках воду из реки, а рыцари, сняв шлемы, выливали воду себе на головы. Раненые напрасно молили дать им напиться Аквилонцы же, держащие оборону, пользовались горными источниками и не испытывали жажды в этот жаркий весенний день.

Ксальтотун с высоты Царского жертвенника наблюдал приливы и отливы стальных волн. Вот рыцари с развевающимися султанами пробились сквозь тучу стрел и наткнулись на копья и щиты пехотинцев. Над шлемами взметнулись топоры, а копья взлетели вверх, поражая коней и всадников. Гордость гандерцев не уступала рыцарской. Они вовсе не чувствовали себя посланными на убой во имя более благородного сословия. Это была лучшая в мире пехота с давними традициями, и ее закалку давно оценили по достоинству аквилонские короли. Ее ряды держались нерушимо, над шеренгами развевался штандарт со львом, а впереди всех рубился гигант в черных доспехах, и его окровавленный топор с одинаковой легкостью сокрушал и кости, и железо.

Немедийцы тоже были не робкого десятка, но так и не сумели разбить железный клин, а стрелы, летящие из кустов, безжалостно поражали их смешавшийся строй. От арбалетчиков сейчас толку

не было, а копейщики не могли подняться на склоны, чтобы схватиться с лучниками врукопашную. Медленно, грозно отходили рыцари назад, все больше коней без седоков металось между ними. Гандерцы не издавали победных воплей, они лишь плотнее смыкали ряды, заменяя погибших товарищей. Из-под их стальных шлемов струился пот, заливавший глаза, они еще крепче сжимали копья и с гордостью думали, что в их рядах, как простой пехотинец, сражается сам король. Аквилонские рыцари продолжали стоять в бездействии.

Подгоняя шпорами покрытого пеной коня, на вершину, прозванную Царским жертвенником, взлетел всадник и, глядя на Ксальтотуна потемневшими от гнева глазами, сказал:

— Амальрик приказал передать, что настало время для твоей магии, чародей. Там, внизу, мы гибнем, как мухи, но не можем прорвать неприятельский строй.

Ксальтотун, казалось, стал выше ростом, шире в плечах, он весь дышал неведомой грозной силой.

— Возвращайся к Амальрику и передай, чтобы он приготовил войска к атаке, но ждал моего сигнала. Прежде чем этот сигнал поступит, ты увидишь такое, чего не забудешь до конца жизни.

Рыцарь отдал ему честь словно бы против своей воли и, сломя голову, помчался вниз по склону.

Стоя возле мрачного камня, Ксальтотун поглядел вниз, увидел убитых и раненых, увидел залитый кровью аквилонский клин пехоты и готовых к бою рыцарей. Он возвел глаза к небу, потом посмотрел на девушку, брошенную на камень, и, подняв кинжал, украшенный древними иероглифами, начал произносить заклинание:

— Сет, бог тьмы, хозяин мрака, покрытый чешуей, кровью девицы и семиконечным знаком, я призываю сыновей твоих из глубин черной земли. О, дети бездны под красной и черной землей, пробудитесь и встряхните своими гривами! Пусть задрожат горы и камни рухнут на врагов моих! Пусть потемнеют небеса над их головами, пусть земля разверзнется под их ногами. Пусть дуновение из сердца черной земли подкосит им ноги, отравит черным ядом тела...

Он замолчал, продолжая заносить кинжал. Порыв ветра донес до него рев бьющихся армий.

По другую сторону жертвенного камня стоял человек в черных одеждах. Глаза на его бледном лице были спокойны и задумчивы.

— Асурская собака! — прошептал Ксальтотун.— Ты что, смерти ищешь? Ваал, Хирон, ко мне!

— Позови их еще раз, ахеронская собака,— рассмеялся пришелец.— Да кричи погромче, чтобы они услышали тебя в преисподней!

Из рощи вышла по-крестьянски одетая старуха с распущенными волосами. За ней следом — огромный волк.

— Жрец, ведьма и волк,— мрачно сказал Ксальтотун и вдруг

рассмеялся.— Глупцы, свой жалкий знахарский лепет вы хотите противопоставить моему искусству! Я смету вас лица земли одним взмахом руки!

— Сила твоя — что трава на ветру, пифонский ублюдок,— ответил жрец Асуры.— Ты не задумался, почему река не разлилась и не заперла Конана на том берегу? Я понял твой замысел, увидав зарницы и разогнал тучи раньше, чем они пролились дождем. А ты и не знал этого...

— Лжешь! — закричал Ксальтотун, но в его голосе уже не было прежней уверенности.— Я чувствовал, что против меня направлены сильные чары... Но нет на земле человека, способного развеять заклятье, вызывающее дождь!

— Однако никакого половодья не было,— ответил жрец.— Посмотри на своих союзников в долине, пифонец! Ты привел их на убой! И помочь им уже не в силах! Гляди!

Он протянул руку. Из узкого ущелья за отрядами пойнтайнцев вылетел всадник, размахивавший над головой каким-то горящим на солнце предметом. Ряды пехотинцев расступились, они издали боевой клич, ударяя копьями о щиты. На террасе, разделяющей обе армии, всадник осадил уставшего коня и завизжал, как безумный, размахивая над головой своим трофеем. Это был обрывок алого знамени. Солнце ослепительно блестело на чешуе золотого змея.

— Валерий погиб! — вскричал Хадрат.— Барабаны в тумане привели его к смерти! Я вызвал этот туман, пифонская собака, я его и развеял! Я — с помощью моей магии, которая намного сильнее, чем твоя!

— Какое это имеет значение? — прорычал Ксальтотун. По его лицу пробегали судороги.— Валерий был дурак и погиб, как дурак. Я и сам сокрушу Конана без помощи людей!

— Что ж ты так долго мешкал? — спросил Хадрат.— Почему ты позволил своим союзникам погибнуть от стрел и копий?

— Потому что пролитая кровь укрепляет силу чар! — загремел Ксальтотун так, что камни задрожали. Вокруг его головы появилось яркое сияние.— Потому что ни один чародей не тратит своей силы понапрасну. Потому что я хотел сохранить ее для более великих дел, а не для этой жалкой стычки в горах. Но теперь, клянусь Сетом, я отпущу эту силу на волю! Гляди, пес Асуры, жрец забытого божка, и ты увидишь такое, что душа твоя разорвется на куски!

Хадрат расхохотался зловещим смехом:

— А теперь ты взгляни сюда, черный демон из Пифона!

Его рука извлекла из складок одежды нечто, сияющее алым и золотым пламенем.

Ахеронца словно ножом ударили:

— Сердце! Сердце Аримана!

— Именно! И мощь его сильнее твоей!

Ксальтотун начал сгибаться, в его бороде появились седые волосы, голова тоже словно покрылась инеем.

— Сердце! — шептал он. — Его похитили! Воры! Собаки!

— Положим, это сделал не я. Оно вернулось из долгого путешествия на юг и находится теперь в моей руке. Оно вернуло тебя к жизни, оно же и возвратит тебя обратно в Ночь, откуда ты вышел. Ты отправишься в Ахерон по дороге мрака и тишины. Так и не воскрешенная тобой страшная империя останется лишь легендой, черной сказкой. Конан снова взойдет на трон. А Сердце Аримана вернется в подземелье храма Митры, чтобы пылать тысячи лет символом могущества Аквилонии!

Ксальтотун завыл и бросился на жреца с кинжалом, но откуда-то — или с неба, или из огненного кристалла — вырвался ослепительный луч и ударил Ксальтотуна в грудь с такой силой, что содрогнулись горы. Чернокнижник из Ахерона упал, словно пораженный молнией. Когда он коснулся земли, произошла удивительная перемена: возле жертвенника лежал не только что сраженный человек, а скрюченный высохший трупик в истлевших бинтах.

Старая Зелата с грустью поглядела на него.

— Он не был живым человеком, — сказала она. — Сердце дало ему видимость жизни, вот он и обманулся. А я всегда видела в нем только мумию.

Хадрат склонился, чтобы освободить лежащую на камне девушку. В это время из-за деревьев выехала колесница Ксальтотуна, запряженная чудесными конями. Она бесшумно подъехала к жертвеннику, и бронзовое колесо едва не коснулось лежащей на траве мумии. Хадрат поднял останки волшебника и положил их в колесницу. Тотчас же кони тронулись и помчались по южному склону горы. Хадрат, Зелата и волк долго глядели им вслед — дорога колесницы лежала в Ахерон, что был за пределами человеческого зрения.

Амальрик застыл в седле, когда увидел всадника, размахивающего окровавленным знаменем. Потом какое-то чувство заставило его обернуться к вершине, именуемой Царским жертвенником, и он удивленно разинул рот. Все, кто находился в долине, увидели луч ослепительного света, ударивший с вершины. Над головами обеих армий вспыхнул огненный шар, на мгновение затмивший солнце.

— Это не похоже на сигнал Ксальтотуна! — прорычал барон.

— Нет! — воскликнул Тараск. — Это сигнал аквилонцам — гляди!

Шеренги аквилонских рыцарей двинулись, наконец, вперед.

— Ксальтотун обманул нас! — кричал Амальрик. — Валерий нас подвел! Мы попали в капкан! Да покарает Митра чародея, что привел нас сюда! Трубить отступление!

— Слишком поздно! — сказал Тараск.

Лес копий в верхней части долины дрогнул и наклонился. Ше-

ренги пехоты расступились, словно раскрылся занавес. И с ураганным ревом рыцари Аквилонии ринулись вниз.

Никто не в силах был противостоять этой атаке. Стрелы арбалетчиков отскакивали от щитов и погнутых шлемов. Аквилонская конница прорвала ряды вражеской пехоты и хлынула в долину.

Амальрик тоже скомандовал атаку, и отчаявшиеся немедийцы пришпорили своих коней. Все-таки их было больше. Но и люди, и лошади устали, да и наступать пришлось вверх по склону. А противники их за сегодняшний день не нанесли еще ни одного удара. Они слетели как молния и как молния поразили немедийские шеренги — поразили, разделили и погнали назад.

За ними спешили охваченные жаждой крови пехотинцы Гандерландии, а со склонов долины посыпались меткие стрелы боссонцев, поражавшие все, что еще двигалось в стороне противника. Битва неслась волной, неся на своем гребне ошеломленных немедийцев. Их стрелки бросали арбалеты и бежали куда глаза глядят, а копейщиков, что остались после атаки конницы, добила безжалостная гандерская пехота.

Сражение уже вышло за пределы долины и продолжалось в открытом поле. Но у немедийцев не было сил перестроиться для сопротивления. Они сотнями устремились к реке. Многим из них посчастливилось добраться до берега, переправиться и бежать на восток. Но восстание охватило уже всю страну, захватчиков истребляли, как волков, и до Тарантии дошли всего несколько воинов.

Амальрик, пытаясь хоть как-нибудь собрать своих людей, налетел на отряд рыцарей, во главе которого был богатырь в черных доспехах. Над головой его развевались знамена со львом Аквилонии и пойнтайнским леопардом. Высокий рыцарь в сверкающей броне укрепил копье в луке седла и нанес барону удар. Копье немедийца сорвало шлем с головы рыцаря и, все увидели лицо Паллантида. Но оружие аквилонца пробило и щит, и панцирь, и сердце барона.

Рев поднялся, когда Амальрик вылетел из седла, и ломая вонзившееся в него копье, рухнул на землю. Сопротивление немедийцев было окончательно сломлено. В слепом страхе бежали они к реке. Кончился Час Дракона.

Тараск не участвовал в бегстве. Амальрик убит, знаменосец погиб, немедийский дракон втоптан в кровавую грязь. Аквилонцы настигали отступающих рыцарей. Тараск понимал, что сражение проиграно, но метался по полю с кучкой самых верных своих людей, желая лишь одного — встретиться с Конаном. И встретился наконец.

Отряды рассыпались по полю — султан Паллантида был виден на одном краю, султан Просперо — на другом. Рядом с Конаном не было никого, полегли один за другим и гвардейцы Тараска. Короли сошлись один на один.

Когда они съезжались, конь Тараска споткнулся и упал. Конан

спешился и побежал к Тараску, который пытался освободиться от стремян. Это ему удалось, засверкали мечи, посыпались искры, и вдруг Тараск после молниеносного удара Конана повалился на землю.

Конан поставил ногу на грудь противника и поднял меч. Шлем слетел с его головы.

— Сдаешься?

— А ты даруешь мне жизнь? — спросил немедиец.

— Разумеется. И на лучших условиях, чем ты мне. Я сохраню жизнь тебе и твоим людям, если они бросят оружие. Хотя,— добавил он, подумав,— за все твои пакости надо бы раскроить твою проклятую башку.

Тараск поднял голову и огляделся. Остатки немедийского войска были уже на переправе, аквилонцы настигали их и рубили без пощады. Их союзники захватили лагерь и потрошили шатры в поисках добычи.

Тараск замысловато выругался и пожал плечами — насколько позволяла ему поза.

— Прекрасно. Выбора у меня нет. Какие условия?

— Ты отдашь в мои руки все, что награбил в Аквилонии. Прикажешь, чтобы все гарнизоны сложили оружие и оставили города и крепости. А потом ты выведешь свою проклятую солдатню из Аквилонии как можно скорее, пока я не передумал. Ты освободишь всех аквилонцев, проданных в рабство, а потом выплатишь мне дань за ущерб — когда мы подсчитаем все убытки. И будешь находиться в плену до тех пор, пока все эти условия не будут выполнены.

— Хорошо,— согласился Тараск.— Замки и города, занятые моими гарнизонами, сдадутся без боя, будет сделано и все остальное. Но какой выкуп ты потребуешь с меня?

Конан рассмеялся, снял ногу с груди врага, схватил его за руку и поднял на ноги. Он хотел что-то сказать, но увидел, что приближается Хадрат. Как всегда, жрец был погружен в раздумья, но старательно обходил мертвые тела.

Окровавленной рукой Конан стер с лица облепившую его грязь. Он сражался целый день — сначала в пешем строю, потом верхом. Следы ударов мечей, топоров и палиц были видны на его доспехах.

— Хорошая работа, Хадрат! — загремел он.— Клянусь Кромом, я обрадовался, увидев твой сигнал. Еще немного, и я не смог бы сдержать своих рыцарей — они с ума посходили, стоя на месте. Как наш чародей?

— Он отправился в Ахерон по туманной дороге,— ответил Хадрат.— А я... Я пойду в Тарантию. Здесь мне делать нечего, зато меня ждет подземелье храма Митры. Все, что надо, мы выполнили здесь, на этом поле. Мы спасли Аквилонию... И не только ее. Твой поход в столицу будет настоящим триумфом. Вся Аквило-

ния будет приветствовать возвращение короля. Итак, до встречи в тронной зале — прощай!

Конан молча глядел вслед удаляющемуся жрецу. Со всех сторон к нему подходили рыцари. Он увидел Паллантида, Троцеро, Просперо и Сервия — доспехи у всех были в крови. Рев битвы сменился победным кличем. Все взоры были обращены на короля. И все в один голос кричали:

— Слава Конану, королю Аквилонии!

А Тараск напомнил:

— Ты еще не назвал моего выкупа.

Конан рассмеялся и вложил меч в ножны. Потом расправил могучие плечи и провел окровавленной рукой по гриве волос, словно бы ища свою отвоеванную корону.

— В твоем гареме есть девушка по имени Зенобия.

— Да, есть. Ну и что?

— Прекрасно,— король улыбнулся.— Вот она и будет твоим выкупом, другого мне не надо. Я приеду за ней в Бельверус, как обещал. В Немедии она была рабыней, в Аквилонии я сделаю ее королевой.

ПЛАМЕНЬ АШШУРБАНИПАЛА

Яр Али приник к отблескивающему голубым стволу своего лиэнфильда. Воззвал к Аллаху и послал пулю прямо в голову налетающего всадника.

— Алла акбар! — радостно вскрикнул рослый афганец, размахивая карабином.— Аллах велик! Сахиб, еще одного пса мы отправили в пекло!

Его товарищ осторожно выглянул из-за вала, который они недавно сами насыпали из песка. Это был худой, жилистый американец по имени Стив Кларни.

— Неплохо, старина,— сказал он.— Их осталось еще четверо. Смотри, они колеблются.

Казалось, всадники в белых накидках и в самом деле намереваются повернуть назад. За пределом досягаемости выстрела они съехались, словно бы на совет. Когда они впервые напали на двух друзей, их было семь. Но друзья стреляли метко.

— Сахиб, они бросают убитых!

Яр Али выпрямился во весь рост, осыпая оскорблениями отъезжающих всадников. Один обернулся и выстрелил. Пуля взметнула песок футах в тридцати от насыпи.

— Стрелять вовсе не умеют, дети собаки,— сказал довольный собой Яр Али.— Во имя Аллаха, ты видел, как тот бродяга кувыркнулся с седла, когда я угостил его свинцом? Сахиб, кинемся в погоню и доведем дело до конца!

Стив игнорировал это шальное предложение. Знал, что это всего лишь красивый жест, каких требовала буйная натура его друга. Он встал, отряхнул песок и посмотрел вслед всадникам, превратившимся уже в белые точки на горизонте.

— Эти парни скачут, словно стремятся к определенной цели,— сказал он задумчиво.— Не похоже, чтобы они бежали в страхе...

— Ну конечно,— ответил Яр Али. Он мгновенно перешел от жажды крови к рассудительному спокойствию и не видел в том ничего удивительного.— Они скачут собрать побольше воинов. Это ястребы, добычу они бросают неохотно. Лучше бы нам побыстрее отсюда убраться, сахиб. Они вернутся. Может, через несколько часов, может, через несколько дней — смотря, как далеко отсюда их селение. Они обязательно вернутся. У нас есть карабины и жизнь — они жаждут того и другого.

Афганец щелкнул затвором, выбросил стреляную гильзу и вложил в магазин единственный патрон.

— У меня это последний, сахиб.

— У меня еще три,— сказал Стив.

Убитые ими нападавшие были ограблены своими же товарищами. Не было смысла обыскивать их. Стив встряхнул фляжку — почти пуста. Хоть выросший в суровых краях Яр Али и пил меньше американца, воды у него осталось не больше. Впрочем, и американец по нормам белых людей был чересчур жилист и худ, словно волк. Стив открутил крышку и отпил небольшой глоток. Он вновь перебрал в памяти все, что привело их сюда.

Эти двое бродяг, рыцари удачи, повстречались случайно, почувствовали взаимную симпатию и, уже не разлучаясь, странствовали по Индии, Туркестану и Персии — странная, но спевшаяся парочка. Их гнала вперед неутолимая жажда странствий. Их целью — которой они поклялись достичь и даже сами временами в это верили — было добыть некие неоткрытые еще предшественниками самоцветы и золото, укрытые у подножия не родившейся еще радуги.

В древнем Ширазе они впервые услышали о пламени Ашшурбанипала — из уст старого купца-перса, который сам не больно-то верил своему рассказу. Он повторил им историю, которую слышал в безвозвратно ушедшей юности от метавшегося в жару человека.

Пятьдесят лет назад купец отправился с торговым караваном вдоль южного берега Персидского залива. Он и его спутники скупали жемчужины. А потом отправились в пустыню, наслушавшись рассказов о самоцвете необычайной красоты.

Эта жемчужина, как гласили слухи, была добыта каким-то ныряльщиком и украдена у него шейхом, жившим в самом сердце пустыни племени. Найти ее людям из каравана так и не удалось. Зато они наткнулись на раненого турка, умиравшего от голода и жажды. Перед смертью, в бреду он рассказал им диковинную историю о мертвом городе из черного камня, стоявшем посреди движущихся барханов пустыни, о пламенном самоцвете, который держит в стиснутых костлявых пальцах скелет, сидящий на древнем троне.

Турок не посмел забрать камень. Не решился встать лицом к лицу со страшной, непонятной угрозой, владеющей теми местами. Жажда погнала его в пустыню, и там его ранили бедуины. Ему удалось бежать. Он гнал, что есть сил, пока конь под ним не пал.

Умерший не объяснил, как найти этот мифический город. Но старый купец считал, что турок шел туда с северо-запада и мог быть только дезертиром из турецкой армии, предпринявшим шальную попытку добраться до залива.

Люди из каравана не собирались искать в глубине пустыни таинственный город. Купец говорил: они верили, что речь идет

о неимоверно старом обиталище зла, о котором вспоминает «Некрономиком» сумасшедшего араба Аль-Хазреда, о городе мертвых, отягощенном древним проклятьем. Смутные легенды окутывали этот город. Арабы называли его Белед-эль-Джин — Город Демонов. Турки — Кара-Шехр, Черный Город. Самоцвет принадлежал умершему в давние времена владыке, которого греки звали Сарданапалом, а семитские народы — Ашшурбанипалом.

История эта захватила Стива. Он, разумеется, понимал, что она могла оказаться лишь одной из десяти тысяч легенд, сочиненных на Востоке. Однако был шанс, что он и Яр Али напали, наконец, на след золота из-под радуги, за которым гонялись. Яр Али уже слышал раньше о мертвом городе среди песков. Эти рассказы сопровождали караваны, идущие на восток, через горы Персии и пески Туркестана, к горным хребтам и дальше, дальше — смутные истории в Черном Городе, обиталище джиннов в самом сердце грозной пустыни.

Тропой легенды друзья добрались из Шираза в маленькую деревушку на арабском берегу Персидского залива. Там они узнали немножко больше. Старик, который раньше был ныряльщиком, со свойственной его летам болтливостью пересказал им все, что слышал от бывших в деревне путешественников. А те, в свою очередь, рассказывали то, что слышали от диких кочевников пустыни. Стив и Яр Али вновь услышали о мертвом Черном Городе, о гигантских каменных бестиях, о скелете султана, сжимающем в руке пламенеющий самоцвет.

И они отправились в путь: Стив, мысленно проклинавший себя за глупость, а с ним Яр Али, убежденный, что все на свете — в руках Аллаха. Денег им хватило как раз на закупку верблюдов и небольшого количества провианта. Единственным указателем им служили смутные рассказы о местоположении Кара-Шехра.

Много дней тяжелых странствий, охоты на диких зверей, бережного расходования воды и пищи... Далеко в пустыне их застигла песчаная буря, и они потеряли верблюдов. Долго они тащились пешком по пустыне под палящим солнцем, жизнь им сохраняли лишь убывающая с каждым глотком вода и крохи провизии из сумки Яр Али. О том, чтобы найти легендарный город, они уже и не думали. Слепо тащились вперед и вперед в надежде наткнуться на источник. Поворачивать назад было бессмысленно. И они шли вперед.

Стервятники в белых бурнусах налетели на них, вынырнув из окутавшего горизонт тумана. Укрывшись за невысоким, поспешно насыпанным валом, друзья начали перестрелку со всадниками, бешено носившимися вокруг них. Пули бедуинов пронизывали их ненадежный заслон, швыряли в глаза песок, отрывали клочья от одежды. Но счастье их не покинуло — друзья ни разу не были ранены.

Что за идиотские были помыслы, подумал Стив. Решить, что два человека могут забраться так далеко в глубь пустыни и вы-

жить, да к тому же отыскать тайны минувших веков! И эта идиотская история о скелете, что посреди мертвого города держит в руке пламенный камень,— вздор! Абсолютный вздор! Я был сумасшедшим, когда верил в это,— подумал он трезво, и эта трезвость была результатом усталости и опасности их положения.

— Ну ладно, старик,— сказал он, поднимая карабин.— Пошли. Судьба решит, умрем ли мы от жажды или нас застрелят разбойники пустыни. Как бы там ни было, к чему сидеть без толку?

— Бог решит,— согласился Яр Али.— Солнце спускается к западу, и нас вскоре настигнет ночной холод. Может, мы еще найдем воду, сахиб. Посмотри — к югу от нас местность меняется!

Кларни заслонил глаза рукой и глянул в ту сторону. Местность и в самом деле менялась — за песчаным мертвым пространством шириной в несколько миль виднелись взгорья. Американец повесил карабин на плечо и вздохнул:

— Пошли туда. Здесь мы — лишь пожива для коршунов...

Солнце зашло. Луна залила пески магическим серебристым светом. Поблескивали сотворенные ветром песчаные волны. Местность казалась замерзшим, застывшим внезапно без движения морем. Стив ругался под нос, измученный жаждой, которую боялся утолить последними глотками. Залитая лунным блеском пустыня была прекрасна — словно холодная мраморная богиня, охотившаяся на мужчин, чтобы губить их. Что за безумное предприятие! — в такт каждому шагу повторял американец. Равнина уже не была обычной пустыней — ее скрывала серая мгла веков, насыщенная минувшим.

Кларни споткнулся и выругался. Что, он уже не держится на ногах? Яр Али шагал вперед легкой, не знающей усталости походкой горца. Стив стиснул зубы, пересиливая себя. Идти стало труднее — плоская пустыня кончилась, потянулись узкие проходы между волнообразными барханами, почти полностью засыпанные песком расщелины в сухой земле. Ни следа воды.

— Здесь когда-то было множество оазисов,— сказал Яр Али.— Эти расщелины — бывшие каналы. Один Аллах знает, сколько столетий назад песок поглотил оазисы. Так было во многих местах Туркестана...

Они упорно шли вперед, словно два чудовища в черном краю смерти. Луна клонилась к западу, зловеще багровея. Мглистая тьма опустилась на пустыню, прежде чем они достигли места, откуда можно было рассмотреть, что лежит за полосой взгорья. Даже гигант-афганец волочил ноги, а Стив лишь страшным усилием воли удерживал себя вертикально. Наконец они дошли до обрыва, за которым тянулся к югу пологий склон.

— Отдохнем,— решился Стив.— Воды в этих чертовых местах нет. Бессмысленно тащиться дальше. Ноги у меня, как два ружейных дула. Не сделаю ни шагу, пусть даже из-за этого умру. Смотри, здесь что-то вроде ущелья. Поспим тут.

— Будем караулить, сахиб?

— Нет,— сказал Кларни.— Если арабы перережут нам глотки во сне, тем лучше. Все равно надеяться не на что.

Сделав это исполненное оптимизма заявление, он свалился на песок. Яр Али остался стоять, всматриваясь в обманчивую мглу, превратившую усыпанное звездами небо в мрачный, наполненный до краев тенями колодец.

— Что-то там такое есть на горизонте, к югу от нас,— буркнул он беспокойно.— Горы? Кто знает. У меня даже нет уверенности, что я что-то вижу...

— Тебе уже видятся миражи,— сердито бросил американец.— Ложись и спи.

И уснул сам.

Разбудило его солнце, светившее прямо в глаза. Первым после пробуждения ощущением была жажда. Он смочил губы водой из фляжки. Теперь там осталось на один глоток. Яр Али еще спал. Стив посмотрел на юг и встрепенулся, толкнул спящего.

— Али, проснись! Тебе вчера не мерещилось! Там в самом деле эти твои горы, вот только выглядят они, надо сказать, как-то странно...

Афганец проснулся, как просыпаются дикие звери,— моментально. Его рука дернулась к длинному ножу, глаза искали врага. Он посмотрел туда, куда указывала рука Стива, и задрожал.

— Аллах, о, Аллах!— вскрикнул он.— Мы угодили в страну джиннов! Это не горы! Это каменный город посреди песков!

Стив вскочил на ноги, как освобожденная внезапно стальная пружина. Всмотрелся, потом дико вскрикнул: у его ног склон спускался вниз, к раскинувшейся на юге равнине. А дальше «горы» на его глазах обретали четкие очертания, и это было, словно возносящийся над подвижными песками мираж.

Стив видел мощные выщербленные стены, могучие башни. Вокруг них наплыл песок, окруживший валом стены, сгладивший резкие очертания. Ничего удивительного, что с первого взгляда цитадель напоминала горы.

— Кара-Шехр!— дико закричал Кларни.— Белед-эль-Джин! Город смерти! Значит, это не сказка! Мы нашли его! Великие небеса, нашли! Пошли, идем же!

Яр Али неуверенно покрутил головой и проворчал под нос что-то насчет злых джиннов, но пошел следом. А Стив при виде руин забыл о жажде и голоде, об усталости, которую не сняли несколько часов сна. Он шагал быстро, не обращая внимания на усиливавшуюся жару. Его глаза горели жаждой исследователя. Не одно только желание добыть легендарный камень погнало Стива Кларни в пустыню и вынудило рисковать жизнью — в его душе дремало старинное наследство белого человека: страсть к раскрытию всех загадок мира. И под влиянием древних легенд эта страсть пробудилась.

Они шли через равнину, отделявшую взгорья от города, и им

казалось, что полуобвалившиеся стены приобретают все более четкие формы, словно рождаясь из утреннего неба. Город был построен из огромных глыб черного камня. Невозможно было определить первоначальную высоту стен — песок толстым слоем укрывал их основание. Кое-где бреши в стенах были по самый гребень заполнены песком.

Солнце достигло зенита. Пришла жажда, которую не смогли погасить запал и энтузиазм. Стив, однако, держался. Его пересохшие губы распухли, но он твердо решил, что не тронет остатков воды, пока не достигнет руин. Яр Али смочил губы и последним глотком хотел поделиться с другом, но Стив мотнул головой, не останавливаясь.

Когда они достигли города, стояла страшная полуденная жара. Они вошли в широкую брешь, и перед ними открылся город. Песок засыпал древние улицы. Высокие, поваленные ныне, засыпанные до половины песком колонны приобрели фантастические очертания. Все здания изувечило время и окутал песок. От города, каким он был раньше, осталось немного. Теперь это была попросту груда принесенного ветрами песка и потрескавшихся камней, над которыми витала неощутимая архитектура древности.

Прямо перед ними тянулась широкая аллея, с которой не справились ни стирающая все пустыня, ни ветры столетий. По обе стороны стояли могучие колонны, не особенно высокие, но необычно массивные. На вершине каждой из них покоилась фигура, вырезанная из одной каменной глыбы. Эти огромные, угрюмые статуи полулюдей-полузверей распространяли вокруг ореол слепой жестокости. Стив вскрикнул от изумления:

— Крылатые быки Ниневии! Быки с человеческими головами! Во имя всех святых, Али,— старые мифы не лгут! Этот город построили ассирийцы. Они должны были прийти сюда, когда вавилоняне уничтожили Ассирию. Здесь — погребение цивилизации, с чьей историей я знаком. Этот город — подобие древней Ниневии. Смотри!

Он указал на огромное здание, возвышавшееся в конце аллеи, могучее строение, чьи колонны и стены из черного камня искалечили пески и ветер времени. Подвижное, всеуничтожающее море обтекало фундамент, вплывало в ворота, но потребовались бы еще тысячи лет, чтобы засыпать здание целиком.

— Обиталище демонов,— беспокойно буркнул Яр Али.

— Святыня Ваала! — крикнул Стив.— Пошли. Я больше всего боялся, что песок засыпал по крыши все дворцы и храмы. Нам пришлось бы копать, чтобы найти самоцвет.

— Небольшая нам выгода от того, что дворец не засыпан. Мы тут и умрем.

— Я тоже так думаю,— Стив открутил крышечку фляжки.— Напьемся в последний раз. По крайней мере, арабы сюда за нами не придут. Они столь суеверны, что никогда не отважатся подойти к стенам. Напьемся и умрем, но сначала отыщем камень. Я хочу

умереть, держа его в руке. Может, через несколько сот лет какой-нибудь везучий авантюрист отыщет наши скелеты... и Пламень. За его здоровье, кем бы он ни оказался!

После столь унылой шутки Стив осушил фляжку. Яр Али сделал то же самое. Они выложили свою последнюю карту на стол, теперь все зависело от аллаха.

Они подошли к порталу огромного святилища. Стив, не боявшийся никакого врага, если только это был человек, нервно оглядывался по сторонам. Подсознательно он ждал, что вот-вот на него глянет из-за колонны страшное, рогатое лицо. Стива волновала древность этого города. Он почти всерьез ждал, что из переулков ринутся на них бронзовые боевые колесницы или раздастся грозный рев труб. Тишь умершего города не сравнить с тишиной пустыни, подумал он.

Они подошли к порталам огромного святилища. С обеих сторон широкого входа возносились ряды громадных колонн. Ноги по щиколотку увязали в песке. С остатков стены еще свисали массивные медные полосы, некогда составлявшие оковку ворот. Но полированное дерево сгнило много столетий назад.

Они вошли в огромный зал. Лес колонн поддерживал его тонущий в полумраке потолок. Здание должно было оставлять впечатление внушающей ужас громады и перехватывающей дух пышности — словно некие могучие гиганты возвели это святилище, чтобы в нем поселились их страшные боги.

Яр Али ступал боязливо, словно опасался разбудить спящих богов. Стив не так был подавлен, но чувствовал, что мрачное величие этого места все сильнее проникает в его душу.

На запыленном полу ни следа — полвека минуло с тех пор, как смертельно перепуганный, преследуемый демонами турецкий солдат бежал по этим безмолвным залам. Нетрудно было понять, почему бедуины, суеверные дети пустыни, далеко обходили одержимый город — одержимый, быть может, не чудовищами, а тенью давней славы.

Множество вопросов мучило Стива, пока они шли по бесконечному залу. Как беглецам от разъяренных вавилонян удалось возвести эти стены? Как им удалось пройти через вражескую страну — ведь между Ассирией и арабской пустыней лежал тогда Вавилон. Однако здесь было единственное место, где они могли спастись — на западе лежали Сирия и море, на востоке и севере жили орды грозных мидян, запальчивых ариев. Это с их помощью Вавилон превратил в прах своего извечного врага.

А может, Кара-Шехр — или как там назывался этот город в минувшие века — построили как форпост еще во времена расцвета и могущества ассирийской державы, и беглецы спасались здесь после падения Ассирии? Вполне возможно, Кара-Шехр пережил Ниневию на несколько сот лет. Пустыня отрезала город от большого мира.

Наверняка Яр Али был прав — здесь когда-то простиралась

плодородная страна, богатая водой и оазисами. А где-то в горах, несомненно, были каменоломни.

Но почему город погиб? Наступление пустыни, пересохшие источники принудили людей уйти отсюда, или Кара-Шехр был давно уже мертв, когда его стен достиг впервые песок? Снаружи пришла гибель или изнутри? Сами жители перебили друг друга или их уничтожил сильный враг, пришедший из пустыни? Кларни потряс головой — ответы на его вопросы сгинули где-то в лабиринтах минувших эпох.

— Алла акбар!

Они наконец миновали длинный темный зал. В конце его увидели уродливый алтарь из черного камня. Над ним возносилась статуя древнего бога-полузверя, отвратительного и страшного. Стив узнал его — это был Ваал. В минувшие века множество вопящих, вырывавшихся обнаженных жертв отдали ему свои жизни. Этот бог своим абсолютным, бесконечным, мрачным зверством олицетворял дух этого дьявольского города. Стив подумал: несомненно, строители Ниневии и Кара-Шехра во многом отличались от сегодняшних людей. Были совсем другими. Чересчур изощренными были их культура и искусство, лишенные каких бы то ни было следов человечности, чтобы быть полностью человеческими в том смысле, какой вкладывают в это слово нынешние люди. Их архитектура отталкивала; разумеется, она свидетельствовала о высоком мастерстве, но была столь массивной, понурой, приземленной, что почти не умещалась в сознании нынешнего человека, оставалась ему непонятной.

Они обогнули статую бога и прошли в узкую дверь. Шли по анфиладе широких, темных, полузасыпанных песком комнат, соединенных коридорами с рядами колонн. Шли вперед в сумеречном призрачном свете и достигли широкой лестницы — ее массивные ступени исчезли во мраке где-то вверху. Яр Али остановился.

— Мы и так на многое отважились, сахиб,— сказал он.— Стоит ли рисковать дальше?

Стив, хотя и охваченный жаждой познать все тайны святилища, понял, что происходит в душе афганца.

— Думаешь, нам не стоит туда входить?— спросил он.

— Злой у них вид. В какие места тишины и ужаса они нас могут привести? Когда джинн поселяется в опустевшем доме, он устраивается под самой крышей. В любую минуту демон может отгрызть нам головы.

— Мы и так уже мертвые,— напомнил Стив.— Но если так... Возвращайся ко входу и стереги, не приближаются ли бедуины, а я пойду наверх.

— Стоит ли стеречь ветер у горизонта?— угрюмо ответил афганец. Он передернул затвор и проверил, легко ли выходит из ножен длинный нож.— Ни один араб и близко не подойдет. Пошли, сахиб. Ты безумен, как все франки, но я не могу оставить тебя один на один с джинном.

И они бок о бок взошли на широкие ступени. Ноги увязали в пыли. Они шли вверх и вверх, поднялись на невероятную высоту. Мглистый полумрак окутал зал далеко внизу.

— Мы идем, как слепцы, прямиком к своей погибели, сахиб,— шепнул Яр Али.— Нет бога, кроме Аллаха, и Магомет — пророк его. Я чую присутствие спящего зла. Знаю, что никогда больше не услышу, как шумит ветер на Хайберском перевале.

Стив не ответил. Ему самому не нравились ни мертвая тишина, царившая в опустевшем святилище, ни слабый свет, идущий неизвестно откуда.

Наконец полумрак впереди слегка рассеялся, и они вошли в большую овальную комнату, слабо освещенную дневным светом, проникавшим сюда сквозь высокий дырявый потолок.

Но был и другой свет — ясный блеск. Стив вскрикнул, и Яр Али эхом повторил его крик.

Они стояли на верхней ступеньке широкой каменной лестницы. Смотрели на покрытый пылью пол и голые стены из черного камня. В центре комнаты несколько ступеней вели на каменное возвышение, где стоял мраморный трон. Вокруг него все сверкало мерцающим магическим блеском. Пораженные, они перестали дышать, разглядев источник этого блеска.

На троне сидел сгорбленный человеческий скелет — почти бесформенная груда истлевших костей. Костлявая рука лежала на подлокотнике, сжимая пульсирующий, изменчивый, словно живое существо, огромный пурпурный камень.

Пламень Ашшурбанипала! Даже когда они отыскали мертвый город, Стив не позволял себе верить, что они отыщут самоцвет, что он существует. Но теперь он не мог не верить собственным глазам, ослепленным таинственным, зловещим сиянием. Дико крича, он одним прыжком оказался у каменной лестницы и кинулся по ней вверх. Яр Али бежал следом. Когда Стив вытянул руку, чтобы схватить камень, афганец схватил его за плечо:

— Стой! Не прикасайся, сахиб. На таких сокровищах лежит проклятье, а этот наверняка трижды проклят. Будь иначе, разве он пролежал бы нетронутым столько веков в этой воровской стране? Не нужно нарушать покой того, что принадлежит мертвым.

— Вздор! — крикнул американец.— Суеверие! Бедуины напугали себя легендами, что передают от поколения к поколению. Жители пустыни вообще не любят городов, а этот, когда был еще населен людьми, без сомнения, снискал себе плохую славу. И еще. Никто, кроме бедуинов, не видел этого города, кроме разве что этого турка, который в своих странствиях наверняка рехнулся. Быть может, это в самом деле скелет царя из легенды, но сомневаюсь, что сухой воздух пустыни мог сохранить кости столько веков. Наверняка какой-нибудь ассириец, а вернее всего, араб нашел камень, а потом отчего-то умер, сидя на троне.

Афганец его почти не слушал. Он всматривался в самоцвет за-

чарованно и тревожно, как смотрит в глаза змее загипнотизированная птица.

— Смотри, сахиб...— шепнул он.— Что это? Никогда еще человеческие руки не шлифовали такого камня. Смотри, он меняет цвет и пульсирует, как сердце кобры...

Стив смотрел, чувствуя беспокойство, которое он не смог бы определить словами. Он знал толк в драгоценных камнях, но ничего подобного в жизни не видел. Сначала он думал, что это, как уверяла легенда, гигантский рубин. Но теперь он не был в этом уверен. Его не покидало чувство, что Яр Али прав, что этот самоцвет нельзя отнести к обычным камням, возникшим естественным путем. Способ, каким он обработан, Стиву был незнаком. Блеск его был столь силен, что не удавалось присмотреться к нему дольше мига. Да и окружающее не успокаивало растревоженных нервов. Слой пыли на полу свидетельствовал о сверхъестественной древности дворца, пробивавшийся сверху слабый свет выглядел нереальным, а толстые черные стены наводили на мысль о тайных ходах.

— Возьмем камень и уйдем побыстрее,— пробормотал Стив. Его все сильнее охватывал небывалый доселе ужас.

— Подожди! — горящий взгляд Яр Али был прикован не к самоцвету, а к темным каменным стенам.— Мы сейчас, словно мухи в паучьей сети. Во имя аллаха, сахиб, здесь нам угрожают не только призраки былых страхов! Я чую опасность, как не раз чуял ее прежде: как в гроте в джунглях, где нас караулил питон, как в святилище тугов, где душители Шивы устроили на нас засаду — то же самое чувство, но сейчас оно сильнее в десять раз!

Волосы зашевелились на голове американца. Он хорошо знал, что Яр Али, прошедший огонь и воду странник, не поддался бы пустым страхам, не дал бы напрасной панике овладеть собой. Стив помнил те случаи, о которых говорил афганец. Те и многие другие, когда телепатический инстинкт друга предупреждал об угрозе, прежде чем ее удавалось услышать и увидеть.

— Что, Али? — шепнул он.

Афганец встряхнул головой. Глаза его озарились странным, таинственным блеском, он слушал шепот своего подсознания — смутный, сверхъестественный.

— Не знаю. Знаю только, что это близко, что оно очень старое и очень злое. Мне кажется...— он замолчал и обернулся. Загадочный блеск его глаз погас, на смену ему пришли волчья осторожность и страх.

— Берегись, сахиб! — сказал он.— Духи или мертвецы поднимаются по лестнице.

Стив стоял неподвижно. Он тоже услышал, как кто-то осторожно крадется в мягких сандалиях.

— Господи, Али! — шепнул он.— Кто-то приближается...

Хор диких воплей отразился эхом от древних стен. Толпа хлынула в комнату. Какой-то миг ошеломленный американец еще ве-

рил, что их атаковали вновь обретшие плоть и кровь воины минувших веков. И тут же знакомый звук просвистевшей рядом пули и острый запах пороха убедили, что противник самый настоящий, даже чересчур. Стив выругался — они чересчур уверовали в свою безопасность, и арабы преследовали и поймали их в ловушку, как крыс.

Не успел еще Кларни сорвать с плеча карабин, как Яр Али выстрелил с бедра, отшвырнул разряженную винтовку и вихрем ринулся вниз. В его руке сверкнул трехфутовый хайберский нож. Радость борьбы смешалась в его душе с облегчением — враги оказались людьми. Пуля сорвала ему с головы тюрбан, и в тот же миг первый его меткий удар нашел жертву.

Высокий бедуин приставил ружье к боку афганца. Нажать спуск он не успел — выстрел Стива свалил его замертво. Враги всей кучей бросились на гиганта-афганца и тем только вредили себе — они мешали друг другу, а тигриная грация и ловкость афганца сделали выстрелы арабов опасными для них самих. И потому они перестали стрелять. Сгрудились вокруг Яр Али, пытаясь поразить его саблями и прикладами. Некоторые кинулись вверх по ступеням к Стиву. На таком расстоянии он не мог промахнуться. Буквально упер ствол в бородатое лицо и выстрелом превратил его в кровавую маску. Завывая, как пантеры, подбегали остальные.

Приготовившись выпустить последнюю пулю, Стив одновременно увидел две цели: бедуина с пеной на подбородке, налетевшего на него с занесенной тяжелой саблей, и другого — тот, припав на колено, старательно выцеливал афганца. Стив моментально сделал выбор и выстрелил поверх плеча нападавшего с саблей, целясь в того, с ружьем. Он жертвовал жизнью, чтобы спасти друга. Клинок уже опускался на его голову, но араб вложил в удар всю силу, потерял равновесие, и его нога соскользнула с мраморной ступеньки. Кривая сабля вильнула в сторону и отскочила от подставленного Стивом ружейного ствола. Тут же американец схватил ружье, как дубину. Когда бедуин, обретя равновесие, вновь занес саблю, приклад опустился ему на голову.

Тяжелая пуля ударила Стива в плечо. Он пошатнулся, ошеломленный. Один из бедуинов захлестнул его ноги своим бурнусом и дернул, Кларни рухнул, как сноп. Взлетел приклад карабина, чтобы размозжить ему голову, но кто-то властно приказал:

— Не убивать его! Связать по рукам и ногам!

Стив, борясь с десятком схвативших его рук, не мог отделаться от впечатления, что слышал уже этот голос.

Все это длилось секунды. Еще до того, как прозвучал последний выстрел американца, Яр Али отсек руку одному из арабов и сам получил прикладом в левое плечо. Плащ из овечьей кожи, который он носил несмотря на жару, спас его от полдюжины клинков. Перед его лицом выпалило ружье. Порох обжег щеки, боль вырвала из уст афганца кровожадный вопль. Он занес нож.

Побледневший бедуин обеими руками поднял над головой карабин, пытаясь отразить удар. Но афганец, взвыв, проскочил под стволом и вогнал нож в противника. Приклад опустился ему на голову и швырнул на пол.

Молча, с дикой яростью, свойственной его народу, Яр Али, пренебрегая раной на голове, сумел встать, разя противников ударами наугад. Бедуины вновь свалили его и били, пока он не потерял сознание. И покончили бы с ним, но этому вновь помешал категорический приказ вождя. Связанного, бесчувственного афганца бросили рядом со Стивом. Американец был в сознании, лишь теперь он почуял боль от раны в плече.

И поднял взгляд на высокого араба, смотревшего на него свысока.

— Ну что, сахиб? — сказал тот, и Стив понял, что это вообще не бедуин. — Ты меня не припоминаешь?

Стив охнул — рана не прибавила ясности мышлению.

— Где-то я тебя... Боже! Это ты? Нуреддин-эль-Мекр!

— Что за честь для меня — сахиб помнит мое имя! — Нуреддин издевательски раскланялся. — Не сомневаюсь, сахиб вдобавок помнит, как одарил меня этим! — его глаза озарились гневом, когда он показал узкий белый шрам на щеке.

— Помню, — буркнул американец. Ярость и боль ничуть не склонили его к покорности. — Это было в Сомали, и давненько. Ты тогда торговал рабами. У тебя убежал полуживой негр и искал у меня защиты. Ночью ты кичливо, как у тебя в обычае, заявился ко мне в лагерь, затеял заварушку и получил ножом по физиономии. Жалею, не перерезал тебе тогда глотку.

— У тебя была возможность, — сказал араб. — Теперь обернулось иначе.

— Я думал, ты промышляешь гораздо западнее, — буркнул Кларни. — Йемен и часть Сомали.

— Я давно оставил торговлю рабами, — пояснил шейх. — Теперь это — дело прошлое. Какое-то время я предводительствовал в банде разбойников в Йемене, а потом вновь пришлось переменить местожительство. Вот я и приехал сюда с горсточкой верных друзей. О, Аллах, эти здешние дикари сначала едва не перерезали мне горло! Но я добился у них уважения и теперь веду за собой воинов больше, чем когда-либо. Те, с которыми вы дрались вчера, — тоже мои люди. Мой оазис — далеко отсюда, на западе. Но шел я как раз сюда. Когда вернулись мои уцелевшие люди и рассказали о двух бродягах, я не стал из-за вас сворачивать с пути. У меня были дела поважнее — здесь, в Белед-эль-Джине. Мы приблизились с запада и увидели на песке следы. Осторожно двинулись следом, и вы не услышали, словно слепые телята. И вдруг я узнаю тебя!

— Вам просто повезло, — буркнул Стив. — Мы думали, что ни один бедуин не отважится войти в Кара-Шехр.

Нуреддин понимающе кивнул:

— Все верно, но я-то не бедуин. Я много путешествовал, повидал много стран, узнал множество народов, много книг прочитал. Знаю, что страх подобен дыму, что мертвые не встают, а джинны, заклятья и чудовища — всего лишь туман, который легко уносится ветром. Как раз легенда о красном камне и привела меня в эту запретную пустыню. Целый месяц я уговаривал моих людей идти сюда за мной. И вот я здесь. А ваше присутствие — милая для меня неожиданность. Ты наверняка догадался, почему я приказал взять вас живыми — я придумал множество не самых простых развлечений для тебя и этой афганской свиньи. Ну, а теперь заберем самоцвет и отправимся в дорогу.

Он направился к возвышению.

— Остановись, господин! — крикнул, завидев это, один из его людей, одноглазый бородатый гигант. — Древнейшее зло владело этими местами еще до того, как на землю пришел Магомет! Джинны завывают в этих покоях, когда подует ветер. При свете луны люди видели, как на стенах танцуют чудовища. Вот уже тысячи лет ни один смертный не решается войти в Черный Город — один только рискнул полвека назад, но и он тут же убежал, крича от ужаса. Ты пришел из Йемена, ты не знаешь древнего проклятья, что тяготеет над этим нечестивым городом и зловещим самоцветом, пульсирующим, словно сердце шайтана. Мы пошли за тобой вопреки своей воле — потому, что ты показал свою силу, ты говорил, что знаешь заклятья против сил зла, говорил, что хочешь только взглянуть на таинственный камень. Но теперь мы видим — ты хочешь забрать его. Не дразни джиннов!

— Нуреддин, не дразни джиннов! — закричали хором бедуины.

Давние приятели шейха по разбоям и грабежам стояли тесной кучкой в отдалении и молчали. Они закоснели в беззаконных поступках и поддавались суевериям гораздо труднее, чем дети пустыни, которым века и века рассказывали легенды о проклятом городе. Стив, от всей души ненавидя эль-Мекра, не мог не признать за ним огромную магическую силу — разбойник с задатками предводителя ухитрялся до самого последнего момента перебарывать вековые традиции и страхи, гнездившиеся в умах бедуинов.

Нуреддин гордо сказал:

— Заклятье предназначалось для неверных, которые осмелятся нарушить покой этого города. Правоверных оно не касается. Вы сами видели — эти псы оказались в наших руках.

Седобородый араб, ястреб пустыни, переча мотнул головой.

— Это заклятье старше Магомета, оно не различает народа и веры. Злые люди воздвигли этот город в начале времен. Они дрались меж собой и угнетали наших предков, живших в черных шатрах. Кровь пятнала черные стены, эхом отдавались крики богохульных забав и шепот страшных интриг. Послушай, как попал сюда этот самоцвет. Жил при дворе царя Ашшурбанипала один

чернокнижник, для которого не было тайн в мрачной мудрости давних веков. Ради славы и укрепления своего могущества он вторгся в темноту безымянной огромной пещеры в угрюмой неизвестной стране и из населенных чудовищами глубин вынес этот блистающий самоцвет, сотворенный из застывшего адского пламени! Силой своей страшной черной магии он возложил заклятье на демона, что стерег этот и подобный ему самоцветы. Чернокнижник унес Пламень, а демон уснул в той неизвестной пещере. Имя тому чернокнижнику было Ксуфтлан. Он жил при дворе султана Ашшурбанипала и наводил чары, и предсказывал будущие события, глядя в таинственные глубины самоцвета; и любой другой человек ослеп бы, попытавшись глянуть в глубь камня. И народ назвал самоцвет Пламенем Ашшурбанипала — к вящей славе своего владыки. Но в царстве султана стали твориться злые дела, и поползли слухи, что это — проклятие джинна. Испуганный султан велел Ксуфтлану, пока не случились горшие напасти, отнести самоцвет назад в пещеру. Но маг не собирался возвращать джиннам самоцвет, в котором мог читать тайны доадамовых времен. Он бежал во взбунтовавшийся город Кара-Шехр, и там вскоре разгорелась кровавая схватка. Люди перерезали друг другу глотки, чтобы завладеть самоцветом. Владыка города тоже возжелал его. Он велел схватить чернокнижника и осудил его на смерть в муках. В этой самой комнате его пытали. А владыка с самоцветом в руке смотрел на это, сидя на троне... и сидит там века... и сидит там теперь!

Араб указал вытянутой рукой в сторону груды истлевших костей на мраморном троне. Дикие всадники пустыни побледнели. Даже старые приятели Нуреддина замерли, затаили дыхание. Но сам шейх ничуть не волновался.

Старый бедуин продолжал:

— Умирая, Ксуфтлан проклял камень, не сумевший его защитить. Он выкрикнул страшные слова, снявшие заклятье со спящего в далекой пещере демона, выпустил его на свободу. Назвал имена забытых богов — Кфулху и Кофа, Яо-Софофа, имена обитателей черных городов, что покоятся ныне в недрах земли и морских глубинах, призвал их, чтобы они пришли и забрали принадлежащее им. Последним усилием воли он возложил проклятье на самозванного царя. Сказал, что тот останется на троне с Пламенем Ашшурбанипала в руке, покуда не прогремят трубы Страшного Суда. Огромный камень крикнул тогда, как кричит живое существо. Царь и его воины увидели, как с пола поднимается черное облако. Из него дунуло смрадным вихрем, и появилось ужасное создание. Оно вытянуло чудовищную лапу, схватило владыку, и от этого прикосновения он сморщился и умер. Воины с криком кинулись прочь, и все обитатели города бежали в пустыню. Иные погибли там, иные достигли других городов. Кара-Шехр опустел, в нем остались одни шакалы и ящерицы. Когда люди пустыни пришли сюда, они нашли на троне мертвого царя, держащего в руке самоцвет. И не отважились прикоснуться к сияющему кам-

ню. Знали, что поблизости таится демон. Он стережет самоцвет долгие века, стережет и теперь, когда мы стоим здесь.

Разбойники невольно вздрогнули и огляделись.

— Почему же демон не явился, когда франки вошли сюда? — спросил Нуреддин.— Или он глух, и его не разбудил даже шум схватки?

— Мы не касались камня,— ответил старый бедуин.— И франки не тревожили его покой. Многие, полюбовавшись самоцветом, уходили невредимыми. Но ни один смертный не может коснуться его и остаться среди живых.

Нуреддин начал было говорить, но оглядел беспокойные, упрямые лица и понял, что ничего этим не добьется. Он резко сменил тон:

— Ваш господин — я! — крикнул он и схватился за саблю.— Не для того я проливал кровь и пот, чтобы меня остановили глупые страхи. Руки прочь! Тот, кто попробует меня остановить, лишится головы!

Он окинул своих людей горящим взглядом, и они отступили, пораженные его ужасным превосходством. Шейх гордо вступил на каменные ступени. Арабы задержали дыхание; Яр Али, пришедший наконец в себя, застонал от боли. «Господи, что за варварская сцена!» — подумал Стив. Связанные пленники лежат на пыльном полу, кучки диких воинов крепко стиснули оружие, острый, едкий запах крови и сгоревшего пороха, дым, все еще витающий в воздухе, трупы, пятна крови — а на возвышении шейх с ястребиным лицом, и для него не существует ничего, кроме зловещего алого блеска меж пальц скорчившегося на мраморном троне скелета.

Стояла напряженная тишина. Нуреддин вытянул руку — медленно, словно загипнотизированный кровавым пульсирующим блеском. В мозгу Кларни зазвучало неясное эхо — знак присутствия чего-то могучего и неописуемо мерзкого, пробуждавшегося от многовекового сна. Он инстинктивно обвел взглядом черные циклопические стены. Самоцвет изменился — теперь он пылал темно-багрово, гневно и грозно.

— Сердце зла,— буркнул шейх.— Сколько царей погибло из-за тебя с начала времен? В тебе наверняка течет и царская кровь. Султаны, принцессы, полководцы, обладавшие тобой, превратились в прах, сгинули во мраке забвения, а ты сверкаешь в неприкосновенной гордости своей, о пламень вселенной...

И он схватил камень. Панические крики арабов перекрыл пронзительный нечеловеческий визг. Стиву показалось, что это кричит камень — голосом живого существа. Самоцвет выскользнул из пальцев шейха. Нуреддин мог его попросту выронить, но американцу показалось, что камень выпрыгнул из рук, как живой. Подпрыгивая на ступенях, он покатился вниз. Нуреддин бежал следом, ругался, когда его растопыренные пальцы хватали пустоту.

Самоцвет упал на пол, резко сверкнул и, подпрыгивая на тол-

стом слое пыли, крутящимся огненным шаром покатился к задней стене. Нуреддин настигал его... камень ударился о стену... пальцы шейха потянулись к нему...

Крик смертельного ужаса разорвал тишину. Казавшаяся сплошной, стена внезапно расступилась. Из черной дыры выстрелило щупальце, оплело тело шейха, словно атакующий жертву питон, и головой вперед втянуло внутрь. Стена вновь стала ровной и гладкой, только откуда-то изнутри раздавался пронзительный вопль, замораживавший кровь в жилах тех, кто его слышал.

Бедуины с криками кинулись прочь, толпой протиснулись в проем и помчались вниз по ступеням, ошалевшие от страха.

Стив и Яр Али мрачно слушали, как затихают в отдалении их крики, со страхом всматривались в стену. Крик шейха оборвался, и страшнее его была наступившая тишина. Друзья затаили дыхание. Вдруг, похолодев от страха, они услышали, как с легким шумом что-то, то ли камень, то ли железо скользит по выдолбленным в камне желобкам. Потайная дверь отворилась, и Стив увидел в темноте хода слабое свечение — это могли сверкать глаза чудовища. И крепко зажмурился — не смел глянуть в лицо угрозе, надвигающейся из темного проема. Он знал — есть вещи, которых не может вынести человеческий рассудок. Все первобытные инстинкты души заклинали его опасаться подступающего кошмара. Неведомо как он знал, что Яр Али тоже зажмурился. Они лежали, замерев, как мертвые.

И ничего не услышали, но почувствовали присутствие зла, чересчур ужасного, чтобы человеческий ум мог его понять, пришельца из Невероятных Глубин, от дальних черных рубежей космоса. Холод смерти залил комнату, и Стив почувствовал, как опаляет его стиснутые веки, морозит мозг взгляд нечеловеческих глаз. Если бы он посмотрел, если бы на миг открыл глаза, рассудок навсегда покинул бы его.

Зловонное дыхание обдало его лицо. Он знал, что чудовище склонилось над ним. Лежал неподвижно в объятиях кошмарного ужаса и мысленно повторял одно: ни он, ни Яр Али не прикасались к камню, который стерегло чудовище.

Потом смрад рассеялся, холод отступил, потайная дверь вновь тихонько заскрежетала по желобу. Чудовище возвращалось в свое тайное укрытие. Все демоны ада, сколько их ни есть, не удержали бы Стива от искушения — взглянуть хоть одним глазком, хоть на миг. Один только взгляд, прежде чем закрылась потайная дверь, один беглый взгляд — но и этого хватило, чтобы человеческий мозг утратил все связи с действительностью. Стив Кларни, искатель приключений, человек со стальными нервами, потерял сознание — впервые за свою бурную жизнь.

Как долго он лежал в беспамятстве, он так никогда и не узнал. Но длилось это наверняка недолго. Когда он очнулся, услышал шепот Яр Али:

— Лежи спокойно, сахиб. Еще немного, и я достану зубами твои путы.

Стив почувствовал, как мощные челюсти афганца перегрызают веревки. Он лежал в неудобной позе, лицом в пыли, раненое плечо разгоралось болью. Старался собрать отрывочные воспоминания воедино. И вспомнил все, что видел, что пережил. Но что из того, подумал он в полубреду, было горячечным видением, порожденным усталостью и иссушившей горло жаждой? Борьба с арабами была на самом деле — о том свидетельствовала боль от ран и его путы. Но страшная смерть шейха и нечто, появившееся из черной дыры в стене,— это наверняка видение. Нуреддин попросту упал в какой-нибудь колодец...

Его руки оказались свободны. Пошарив по карманам, он нашел незамеченный арабами перочинный ножик. Он не поднимал головы, не осматривался, пока разрезал веревки, освобождая Яр Али. Это была тяжелая работа — левая рука не подчинялась.

— Где бедуины? — спросил он, когда афганец встал и помог подняться ему.

— Во имя Аллаха, сахиб! — удивился тот.— Ты что, с ума сошел? Забыл?! Пошли быстрее, пока джинн не вернулся!

— Это был кошмарный сон...— пробормотал американец.— Смотри, самоцвет снова на троне...— голос его сорвался.

Вокруг трона вновь сверкало алое сияние, озаряя истлевшие кости. Пламень Ашшурбанипала вновь пылал в руке скелета. Но у подножия лестницы лежало нечто, чего прежде тут не было,— отсеченная голова Нуреддина эль-Мекра невидящими глазами смотрела в потолок. Бескровные губы искривились в жуткой усмешке, в глазах застыл неописуемый страх. На толстом слое покрывавшей пол пыли виднелись три ряда следов. Одни оставил шейх, догоняя ринувшийся к стене самоцвет. Другие вели от стены к трону и обратно — огромные, бесформенные оттиски расплющенных когтистых подошв, ни человеческих, ни звериных.

— Боже мой! — выдохнул Стив.— Значит, все правда... и Нечто, Нечто, которое я видел...

Их бегство выглядело, словно кошмар: что есть духу они неслись вниз по бесконечной лестнице, серому колодцу ужаса. Почти на ощупь они бежали по засыпанным пылью залам, мимо грозно смотревшего на них бога, пронеслись по огромному залу и выскочили в ослепительное сияние солнца пустыни. Измученные, упали, едва дыша.

Стив очнулся от крика афганца:

— Сахиб! Сахиб, к нам вернулось счастье, хвала Аллаху милосердному!

Как в трансе, Стив приглядывался к другу. Одежда афганца свисала окровавленными лохмотьями, он перемазан был пылью и засохшей кровью, а его голос звучал вороньим карканьем. Но в глазах у него горела надежда, и дрожащий палец указал куда-то.

— Там, в тени стены,— выдохнул Яр Али, пытаясь языком увлажнить пересохшие губы.— Алла иль Аллах! Это кони тех, кото-

рых мы убили! И фляга у седел, и переметные сумки! Эти псы так бежали, что позабыли забрать лошадей покойников!

Кларни ощутил прилив сил и встал, шатаясь.

— Бежим отсюда! — крикнул он. — И побыстрее!

Словно преследуемые самой смертью, они побежали к лошадям, отвязали их и неуклюже взобрались в седла.

— Возьмем всех лошадей! — крикнул Стив, и Яр Али согласно кивнул:

— Пригодятся как запасные.

Их тела жаждали воды, побулькивавшей во фляжках у седел, но они, не задерживаясь, подхлестнули коней, колышась в седлах, как трупы, помчались по засыпанным песком улицам Кара-Шехра, меж полурассыпавшихся дворцов и покосившихся колонн; вылетели в проем в стене и поскакали по пустыне. Ни один не оглянулся на черные глыбы, хранившие древнюю угрозу, ни один не произнес ни слова, пока руины не исчезли в дымке на горизонте. Лишь тогда они остановились и утолили жажду.

— Алла эль Аллах! — набожно произнес Яр Али. — Эти собаки так меня избили, что кажется, все кости переломаны. Сойдем с коней, сахиб. Я постараюсь извлечь у тебя из руки эту проклятую пулю и перевяжу рану так хорошо, насколько позволит мое невеликое умение.

Перевязывая рану, Яр Али избегал смотреть другу в глаза. Причина выяснилась вскоре. Он попросил:

— Расскажи, сахиб, расскажи, что ты видел! Во имя Аллаха, поведай, что это было!

Стив молчал, пока не сели на коней. Путь их лежал к побережью. С запасными конями, провизией, водой и оружием у них были все шансы достичь берега.

— Я посмотрел, — наконец сказал Стив. — И жалею об этом. Я знаю, это зрелище будет до конца жизни преследовать меня во сне. Я видел его, но не могу описать так точно, как это можно сделать с земными творениями. Великий Боже, это родом не из нашего мира, оно не могло быть творением нормального рассудка. Человек — не первый владыка земли. Были другие, прежде чем он появился, и они дожили до наших дней, остатки страшных минувших эпох. Быть может, и сегодня не ослаб натиск на наш мир вселенных других измерений. С незапамятных времен чародеи с помощью магии призывали спящих демонов и повелевали ими. Видимо, и ассирийский колдун вызвал демоническое создание, чтобы оно отомстило за него и стерегло нечто, принадлежащее пеклу. Я постараюсь описать то, что видел. И никогда больше не будем говорить об этом. Это было огромное, черное, тяжелое чудовище без четких очертаний, оно ходило, как человек, но походило и на жабу. У него были крылья и щупальца. Я видел только спину, а если бы увидел его спереди, несомненно, утратил бы разум. Тот старый араб был прав. Боже, укрепи нас — это было чудовище, которого Ксуфтлан призвал из темных глубин земли, чтобы оно стерегло Пламень Ашшурбанипала!

СОДЕРЖАНИЕ

Гиборийская эра.	5
Башня Слона	13
Сплошь негодяи в доме	32
Дочь Ледяного Гиганта	53
Королева Черного Побережья	59
Стальной демон	77
Родится ведьма	136
Призраки Замбулы	136
Люди Черного Круга	160
Ползучая тень	225
Гвозди с красными шляпками	251
По ту сторону Черной реки	305
Феникс на мече	342
Алая Цитадель	361
Гиборийская эра. Эпилог	396
Час дракона	408
Пламень Ашшурбанипала	541

Роберт Говард

КОНАН, ВАРВАР

Зарубежная фантастика

Сдано в набор 15.01.93 г. Подписано в печать 5.02.93 г. Формат издания 60 × 90/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 35,0. Уч.-изд. л. 40,2. Заказ № 1349. „С"-8. Тираж 100 000 экз.

ГФ «Полиграфресурсы», 101409, Москва, Петровка, 26

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Тверском полиграфкомбинате Министерства печати и информации Российской Федерации.
170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5.

МОНСТРЫ ВСЕЛЕННОЙ

КНИГА ВОСЬМАЯ

Boris ©82